

Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке¹

Изучение древней истории Вьетнама началось давно. Старая историография Вьетнама насчитывает ряд крупных работ, содержащих описание древней истории и созданных в XVIII–XIX вв. Одновременно с печатанием исторических работ происходила публикация важнейших источников. В начале и середине XIX в., при императорах Нгуен Тхэ-то (эра правления *Зя-лонг*, 1802–1819) и Нгуен Зык-тонге (эра правления *Ты-дык*, 1848–1883), были изданы своды указов и государственных актов Вьетнама с древнейших времен до XIX в. Феодалные и буржуазные вьетнамские историки второй половины XIX в. и первой четверти XX в. много занимались древней историей, хотя, как правильно указал один современный вьетнамский исследователь, «будучи по специальности историками феодализма (а часто и выходцами из конфуциански образованных слоев старого Вьетнама. — Д.Д.), они видели его и в те эпохи, когда он еще не мог существовать» [Минь Чань 1955г: 5]. Такие историки, как Чьонг Винь Ки, До Динь Нгием и многие другие, считали феодализм первой и исходной формой классового общества во Вьетнаме. Тщательно и добросовестно изучая политическую и культурную историю древнего Вьетнама, они тем не менее не смогли понять его классовую сущность.

До Августовской революции 1945 г., в результате которой Вьетнам стал демократической республикой, вьетнамские историки не имели своего научного центра, часть их (очень небольшая) сотрудничала с Французской школой Дальнего Востока (далее — EFEO) в Ханое, что стало возможным лишь в последние годы перед войной, часть входила в Общество друзей старого Хуэ и публиковала свои работы в журнале этого общества («Bulletin des Amis du Vieux Hué») и т.д.

Древней истории Вьетнама было посвящено также много работ французских ученых, сотрудничавших в EFEO. Ими был достигнут ряд несомненных успехов. Не желая по вполне понятным соображениям разрабатывать новую и новейшую историю Вьетнама, EFEO основные силы сосредоточила на изучении вьетнамского языка, древней и средневековой истории, археологии и этнографии, выдвинув в каждой из этих областей ряд крупных исследователей (Л.Фино, А.Масперо, Л.Оруссо, Э.Эймонье, М.Колани, Л.Кадьер, А. де Мишель, А.Бонифаси, Л.Маллерэ, А.Маршаль и многие другие). Французские историки подробно разработали вопросы происхождения вьетнамцев на материале археологии, этнографии и лингвистики, многие вопросы политической истории древнего Вьетнама и тесно связанные с ней проблемы религии, культуры, международных связей Вьетнама и пр. Наряду с работами по археологии, этнографии, лингвистике сотрудниками EFEO были созданы капитальные труды — исследования важнейших письменных источников, что составляет одну из основных заслуг EFEO. Вместе с тем ценность этих исследований в значительной мере снижается вследствие отсутствия в них разработки социально-экономических проблем древней и средневековой истории Вьетнама, что проявилось в стремлении рассматривать древнее общество Вьетнама как феодальное с самого начала его возникновения. Сотрудники этой школы стремились также рассматривать историю Вьетнама в возможно большем отрыве от истории Китая. Основными органами EFEO были «Бюллетень EFEO» (далее — BEFEO), издающийся с 1900 г. по настоящее время, а также «Публикации EFEO» (далее — PEFEO). Члены EFEO активно сотрудничали в различных международных журналах².

Со второго десятилетия XX в. к проблемам древней истории Индокитая проявил интерес В.Шмидт и его венская школа, к направлению которой примыкал и Р.Гейне-Гельдерн. С этого времени в «Антропосе», издававшемся в Вене с 1900 г., стали появляться работы, посвященные древней истории Вьетнама и антропогенезу его населения, как правило развивавшие идею последовательных миграций населения Вьетнама и Индокитая в целом на юг и юго-восток. В.Шмидт и его школа собрали и издали большой антропологический, этнографический и лингвистический материал по истории Юго-Восточной Азии, уделяя в своих исследованиях особое большое внимание народам аустроазиатской и индонезийской групп и народам группы таи. В более поздней литературе характерной для этого типа исследователей

¹ Впервые опубл. [Деопик Д.В. 1956].

² «T'oung Pao»; «Cochinchine»; «Revue des arts asiatiques»; «Nouvelles archives orientales scientifiques et littéraires» и др.

фигурой является Э.Эйкштедт, много занимавшийся этническими передвижениями в рассматриваемом районе. С конца 20-х годов древней историей Вьетнама стала заниматься шведская школа ориенталистов (Б.Карлгрен, Р.Стейн, О.Йенс и др.); в «Бюллетене Стокгольмского музея дальневосточных древностей» сотрудники этой школы напечатали ряд важных исследований по археологии и древней истории Вьетнама. Шведские исследователи работали главным образом в области археологии и лингвистики. Хотя первая историческая работа о культуре Донгшон принадлежит не шведской школе, однако именно Б.Карлгрен и О.Йенс указали на то значение, которое имеет эта культура в истории Юго-Восточной Азии.

С середины 30-х годов XX в. древнейший период в истории Вьетнама привлекает внимание американских ученых, главным образом из Гарвардского университета. Американские исследователи, как и шведские, проявляют большой интерес к культурно-историческим связям Вьетнама и Китая. Некоторые археологические работы были проведены во Вьетнаме в начале 40-х годов XX в. японцами, напечатанными ряд исследований по истории Юго-Восточной Азии. Для исследований японских историков характерно стремление подчеркивать несомненно существующее сходство материальной культуры Вьетнама и Японских островов.

Таковы основные направления, которые сложились в иностранной и старой вьетнамской исторической науке в исследовании древней истории Вьетнама. Накопив огромный фактический материал, введя в научный оборот важнейшие источники, издав ряд больших и серьезных монографий, все эти историки различных школ и направлений не дали, однако, правильного научного объяснения характера общества древнего Вьетнама. Определив его как феодальный с момента возникновения, они преграждали путь к иному решению этого важнейшего вопроса всей древней истории Вьетнама.

Исследование древней истории Вьетнама с марксистских позиций стало возможным только после установления народно-демократического строя. Но если вопросы новой и новейшей истории ставились и разрабатывались вьетнамскими историками-марксистами как до Августовской революции, так и сразу после нее, то древней историей стали заниматься в ДРВ сравнительно недавно. Хотя высшие учебные заведения, где преподавалась история, были созданы уже в 1947 г., до установления мира в Индокитае, исследование истории было сильно усложнено, так как работа велась в джунглях, без источников и литературы, необходимых для исследований по древней истории. Часть ученых, ныне являющихся ведущими в исторической науке (Минь Чань, Чан Хуи Лиену и др.), были в то время заняты большой и важной организационной работой первых лет республики, другие находились на оккупированной колонизаторами территории (например, Дао Зуи Ань).

После решающих побед вьетнамского и китайского народов в 1949–1950 гг. вьетнамские историки получили возможность создать ряд трудов по истории Вьетнама, где освещались и проблемы древней истории. Это были учебник истории для средних школ Минь Чаня, «Опыт изучения исторических источников Вьетнама через языкознание» Фан Кхоя [Фан Кхой 1954] и др. О периоде древней истории учебник сообщал самые общие данные, начиная более подробное изложение с V в. н. э., что для этого учебника было вполне правомерным, поскольку период с V в. до н. э. по III в. н. э. слабо исследован, и относительно его в науке до сих пор идут споры. Ограничившись по вопросу о происхождении вьетнамцев сводкой мнений западных исследователей (что вполне понятно для 1950 г.), Минь Чань правильно заключил, что весь период с III тыс. до н. э. до 258 г. до н. э., когда правила полумифическая династия Хонг-банг, относится к эпохе первобытнообщинного строя. Достоверные сведения об этой династии относятся лишь к V–III вв. до н. э., когда существовало возглавлявшееся ею лаквьетское государство Ванланг, имевшее характер племенного союза. Этот вывод тем более важен, что некоторые французские историки и дореволюционные вьетнамские исследователи (Чыонг Винь Ки, До Динь Нгиен и др.) являлись сторонниками теории исконного вьетнамского феодализма и возводили его ко времени этой полумифической династии. Период с 258 г. до н. э. по 111 г. до н. э., на который приходится существование в северном Вьетнаме государства Аулак (258–207 гг. до н. э.), и затем период 207–111 гг. до н. э. — государства Намвьет³, которое с 110 г. до н. э. входило в состав ханьского Китая в качестве трех больших провинций, Минь Чань относил к эпохе феодализма. Он считал, что вьетнамский народ миновал в своем развитии рабовладельческий строй, в чем сказались как точка зрения части китайских ученых о раннем развитии феодализма на Дальнем Востоке и влияние французских и дореволюционных вьетнамских исследователей, так и неправомерное перенесение на вьетнамскую почву путей развития русского народа, миновавшего в своем развитии рабовладельческий строй. Правда, в другом труде Минь Чань отстаивает существование во Вьетнаме рабовладельческого строя, относя его ко времени III в. до н. э. — I в. н. э. [Минь Чань 1955г].

В 1950–1953 гг. во Вьетнаме был издан ряд монографий, освещавших различные моменты истории страны, но все они посвящены новой и новейшей истории. Вопросы древней истории как отдельные замечания в статьях по культуре XIX и XX вв. иногда ставились в журнале «Ван нге» («Литература и

---

³ Одной из народностей, населявших эти государства, были предки современных вьетнамцев — лаквьеты.

искусство»)⁴.

Положение в исторической науке изменилось коренным образом с 1954 г., когда во Вьетнаме был установлен мир. В 1955 г. вышла в свет «Краткая история Вьетнама» Минь Чаня, содержащая разделы, посвященные древности и раннему средневековью (III в. до н. э. — XII в. н. э.) [Минь Чань 1955e]. В 1955–1956 гг. была издана двухтомная «История Вьетнама» Дао Зуи Аня, в первом томе которой рассматриваются проблемы древней истории [Дао Зуи Ань 1956]. В эти же годы Дао Зуи Ань выпускает свою «Древнюю историю Вьетнама» [Дао Зуи Ань 1955b], где подробнейшим образом разработана история Вьетнама с VIII в. до н. э. по 112 г. до н. э. Издается «История Вьетнама» Чан Хуи Лиэу [Чан Хуи Лиэу 1956], где в первом томе также исследуется древняя история. С июня 1954 г. выходит журнал «Ван шы диа» («Литература, история, география») ⁵. Несмотря на название, предполагающее широкий спектр публикаций, журнал занимается преимущественно вопросами истории и исторической географии; вопросы современной литературы рассматриваются в журнале «Ван нге».

«Ван шы диа» помещает исследования, дискуссионные статьи, ответы на письма, обзоры о состоянии той или иной проблемы в исторической науке СССР и стран народной демократии, переводы статей из советских, китайских, румынских и других журналов по тем или иным историческим вопросам. Журнал содержит также библиографические заметки. Наличие в «Ван шы диа», так же как и в других журналах, кратких резюме на одном из иностранных языков давало возможность для ознакомления с исследованиями вьетнамских историков.

Другим крупным журналом, уделяющим много внимания проблемам древней истории, является выходящий в Ханое с июня 1955 г. «Дай хок шы фам» («Высшее педагогическое образование») ⁶, издающийся пединститутом в Ханое.

В своей работе вьетнамские исследователи древней истории опираются как на письменные источники, так и на лингвистические данные и археологический материал, хранящийся в Ханое ⁷.

Вьетнамские историки с интересом следят за развитием исторической науки в СССР, Китае и странах народной демократии ⁸.

Одной из основных проблем древней истории Вьетнама является вопрос о происхождении вьетнамцев. Западные ученые создали ряд исследований по этому вопросу. Однако они имеют узкий, преимущественно археологический [Мансюи А. 1929] или этнографический характер [Бонифаси А. 1908] либо характер общих построений, зачастую поверхностных по обобщениям и выводам [Шмидт В. 1908; Эйкштедт Э. 1944].

Исследуя этот вопрос, ряд авторов определяли прародину вьетнамцев в южном Китае, другие ученые были сторонниками индонезийского происхождения вьетнамского народа. В.Шмидт и некоторые другие исследователи считали вьетнамцев потомками мон-кхмерского населения Юго-Восточной Азии. Отдельные гипотезы о происхождении вьетнамцев встречаются во многих работах (см. [Патт Э. 1936; Йенс О. 1951: т. 1, XX–XXV; Голубев В. 1930; Груссе Р. 1922; Шмидт В. 1908]), но проблему в целом никто не разрабатывал. Поэтому проблемами автохтонности вьетнамского этноса, так же, как и вопросами о переселениях и взаимодействии с местными культурами, продолжают заниматься вьетнамские историки, стремящиеся определить время появления вьетов как этнической общности, степень влияния на нее соседних народов.

Другим вопросом, поставленным только марксистскими историками Вьетнама, является проблема рабовладельческого строя как этапа в развитии лаквьетского общества. Каким путем происходило разложение общины, когда возник рабовладельческий строй и существовал ли он вообще — все эти проблемы горячо обсуждаются в исторической литературе Вьетнама. Дискутируется вопрос о производительных силах рабовладельческого общества, отличительных признаках рабовладения, о социальных противоречиях в ранних вьетских государствах. Всестороннему обсуждению подвергается и характер рабовладельческих государств Вьетнама, степень развития рабовладения. Исследуются вопросы о государственном аппарате и иерархии древнего вьетского общества, возникновении городов, способах обработки земли (тягловые животные, плужное земледелие, бронзовый лемех плуга, новые способы орошения и т. д.).

Особенно жаркую полемику вызывают вопросы о времени перехода от рабовладения к феодализму, чем он был вызван и какова роль Китая в этом процессе. В связи с этим очень интересна постановка вопроса о сочетании социальных движений низов и освободительной борьбы в эпоху перехода от

⁴ «V`n nghõ».

⁵ «V`n sö @Pa».

⁶ «§N`i hdc s- phN`m».

⁷ Материалы EFEO и часть ее архива остались в Ханое.

⁸ Вьетнамские историки сопоставляют древний период в истории нашей страны с древней историей Вьетнама, обсуждают статьи в «Вопросах истории». Определенное влияние на ряд вьетнамских ученых оказала книга В.И.Авдиева [Авдиев В.И. 1948]. Часто приезжая в Советский Союз, вьетнамские историки (Чан Хуи Лиэу в 1954 г., Минь Чань в 1955 г.) участвуют в дискуссиях, устраиваемых АН СССР. Во Вьетнаме живо обсуждается дискуссия о периодизации и рабовладении, проходившая в Китае. Среди вьетнамских историков выявились как сторонники рабовладельческого характера ханьского общества, так и противники этой точки зрения.

рабовладения к феодализму, о характере и направленности крестьянских движений этого времени. Из этих двух проблем вытекает третья: становление феодальных отношений во Вьетнаме, связь этого процесса с усилением китайской власти в стране, с дальнейшей эволюцией лаквьетского общества.

У современной вьетнамской исторической науки есть некоторые недостатки методологического и методического характера, имеющие своей причиной в известной мере недостаточно еще глубокое знание основных положений марксизма-ленинизма и иногда схематическое перенесение некоторых исторических аналогий на вьетнамскую почву. Таким недостатком, подвергшимся критике на страницах вьетнамских журналов [Минь Чань 1955д: 67], было утверждение Дао Зуи Аня о том, что исследование истории с марксистских позиций есть исследование истории с позиций трудящихся, что в применении к Вьетнаму означает исследование его истории с позиций крестьянства [Дао Зуи Ань 1955а: 13]. Справедливой критике подверглись также попытка Минь Чаня рассматривать государство Аулак как развитое рабовладельческое государство, для чего пока нет доказательств в материале источников, и его мнение о том, что с победой новых производственных отношений устанавливается не только новый общественный строй, но и новая культура [Минь Чань 1955б: 24]. В такой общей форме это утверждение, не будучи разъяснено, может быть неверно истолковано.

Перед историками Вьетнама встал также вопрос о периодизации истории Вьетнама, о том критерии, который должен быть взят за основу при делении истории на периоды. При обсуждении этого вопроса подверглась критике ошибочная точка зрения группы преподавателей истории во главе с Чан Ван Кхангом, допустивших смешение формальных и общественно-экономических признаков периодизации. В дальнейшем они, как и Нгуен Донг Тъи, взяли за основу коренные изменения в экономике, но не дали характеристики этих «коренных изменений», и Минь Чань имел все основания упрекнуть этих историков в недостаточной проработке вопроса. Он подчеркнул, что изучение истории с подлинно марксистских позиций поможет избежать путаницы в вопросах периодизации. Конкретно вопрос о периодизации еще не решен, но если суммировать точки зрения по основным проблемам, то общим является признание самостоятельного развития Вьетнама до 111 г. до н. э., когда Намвьет был присоединен к империи Хань. Период 111 г. до н. э. — 43 г. н. э. является переходным, и период 43–544 гг. н. э. — временем политического и экономического включения Вьетнама в китайскую империю. Признавая наличие в эти периоды крупных социально-экономических изменений, вьетнамские исследователи по вопросу о характере этих изменений придерживаются в ряде случаев различных точек зрения.

Для изучения вопроса о происхождении вьетнамцев особенно важна работа Дао Зуи Аня «Культура Донгшон или культура лаквьетов?» [Дао Зуи Ань 1954]. Культура лаквьетов, предков вьетнамского народа, известная как культура Донгшон, представляет собой культуру развитой бронзы северо-восточного Индокитая. Дао Зуи Ань на основе большого археологического материала подробно разбирает материальную культуру лаквьетов и приходит к правильному выводу о ее самостоятельности. Период существования этой культуры он датирует IV–I вв. до н. э. и считает, что на ее базе возникли первые государственные образования на территории Индокитая. В то же время им развивается мысль о том, что лаквьеты пришли в современный северный Вьетнам морским путем. Доказать это, однако, вряд ли возможно, так как характер материальной культуры Донгшон свидетельствует о ее носителях как об оседлых земледельцах [Голубев В. 1930: 18–20]. Если часть этих племен и совершала далекие морские передвижения, о чем есть некоторые указания источников [Голубев В. 1930: 39–41; Йенс О. 1931], то это, однако, еще не подтверждает мнения Дао Зуи Аня о массовых миграциях лаквьетов до их поселения в северном Вьетнаме, тем более что он и сам признает отсутствие археологических данных для доказательства своей теории [Дао Зуи Ань 1954: 24]. Но помимо этого спорного вывода статья содержит много других интересных наблюдений. Автор выделяет предшествующую лаквьетам культуру Нговьет народа тхо (VIII–V вв. до н. э.), прослеживает на археологическом материале ее связи с побережьем юго-восточного Китая и первым делает правильный вывод о культурной близости этих районов в середине I тыс. до н. э. Если принять его гипотезу, то переселение цзяочжи (китайское название народностей в южном Китае, бывших одним из основных компонентов при сложении лаквьетской народности) в VI–IV вв. до н. э. можно рассматривать как небольшое переселение внутри культурно, а может быть, и этнически единого района. Тем не менее современное состояние исследованности этого периода не позволяет еще делать окончательных выводов, чего, впрочем, не делает и сам автор. Рассматривая далее культуру Донгшон, Дао Зуи Ань правильно относит ее расцвет к IV–III вв. до н. э., а не к I в. до н. э. — I в. н. э., как это делали на основании немногочисленных аналогий Л.Фино, В.Голубев и ряд других сотрудников EFEO [Фино Л. 1915: 216; Голубев В. 1930: 6–13]. Интересно, что к той же мысли о необходимости передатировать культуру Донгшон более ранним временем пришел и Б.Карлгрен [Карлгрен Б. 1942]. Дао Зуи Ань полемизирует с Л.Фино, отрицая индонезийское происхождение лаквьетов, причем он правильно отмечает, что культура Донгшон занимает гораздо более узкий район по сравнению с распространением позднеолитических памятников, связываемых с предками индонезийцев [Дао Зуи Ань 1954: 25]. В то же время в согласии с историческими фактами (индонезийские элементы в языке

вьетнамцев и материальной культуре лаквьетов [Бенедикт П. 1942]) он отмечает возможность связей лаквьетов с протоиндонезийцами. Исследуя далее материальную культуру вьетнамцев в бронзовом веке, он отвергает как теории О.Йенса и Р.Гейне-Гельдерна об аналогиях культуры Донгшон с гальштаттской культурой, так и выводы В.Голубева, сделанные на основании аналогий этой культуры, найденных на Борнео и Сулавеси [Голубев В. 1930: 35–37]. Что же касается общественного строя лаквьетов, то его Дао Зуи Ань определяет как разлагающийся родовой строй и затем раннерабовладельческий строй (с III в. до н. э.).

Приблизительно на той же позиции находится и Нгуен Донг Тъи, считающий эпоху Донгшон временем окончательного разложения родо-племенного строя и рассматривающий общественный строй лаквьетов в этот период как близкий к общественному строю отсталых горных народностей Чунгбо (центрального Вьетнама), Филиппин, Индонезии, находящихся на стадии возникновения классового общества.

Периодом становления рабовладельческого общества большинство историков считают эпоху государства Аулак (вторая половина III в. до н. э.). Следует отметить, что, исследуя вопрос о наличии рабовладельческого периода в истории Вьетнама, современные вьетнамские историки не являются сторонниками существования во Вьетнаме форм рабовладения, близких к античным; говоря о рабовладении, они постоянно имеют в виду неразвитые, так называемые восточные формы рабовладельческих отношений.

Эту мысль об отсутствии во Вьетнаме рабовладения типа римского или греческого проводит в своих статьях Минь Чань и др. [Минь Чань 1955б: 25; Дао Зуи Ань 1955а: 15]. Все эти исследователи считают, что основными производителями в течение всего рассматриваемого периода являлись общинники и структура вьетнамского общества была такова: *лактыонги* и *лакхау* — рабовладельческая знать, *токчюонги* и *зячюонги* — вожди общин, *лакзан* — общинники [Ли Чан Куи 1955: 64], причем большинство рабовладельцев еще не вышло из общин, продолжая находиться во главе различных племенных учреждений.

При рассмотрении проблем рабовладения большое значение имеют такие факты, как строительство крупных сооружений, не характерное для последующего периода раннего средневековья, наличие типичной для древневосточных деспотий структуры государственного аппарата, отсутствие железных орудий и оружия (феодализм на базе бронзового века неизвестен) и др. Большую роль играет и наличие своей системы терминов для обозначения лично зависимых категорий, не связанных с китайской терминологией, а также прослеженные для более позднего периода сильнейшие пережитки рабовладения и многое другое.

Что касается хронологических рамок рабовладельческого строя (основанного на труде лично зависимых и ренте-налоге с общинников), то в большинстве работ они определяются как 258 г. до н. э. — 43 г. н. э. (т. е. эпоха существования государств Аулак, Намвьет и провинции Зяотяу (кит. Цзяочжоу) до восстания 40–43 гг. н. э.). В то же время существуют сторонники появления рабовладения только в государстве Намвьет (207–111 гг. до н. э.) [Нгуен Минь 1955: 49]. Существует и точка зрения, относящая возникновение рабовладельческих отношений к периоду после 43 г. н. э. [Минь Чань 1954а: 38], так же, как и вообще отрицающая рабовладельческий этап в истории Вьетнама.

Особенно важным является в данном случае вопрос о государстве Аулак (III в. до н. э.), так как оно, в отличие от позднейших государств, не подвергалось сильному китайскому влиянию в социально-экономическом и политическом отношении.

Одни исследователи объединяют государство Аулак и предшествующее ему по времени «государство» Ванланг в одну группу, рассматривая их как общества, находящиеся на стадии первобытной демократии. Из других мнений наиболее убедительна точка зрения Дао Зуи Аня, считающего Ванланг племенным союзом, а Аулак — раннерабовладельческим государством. Эту точку зрения разделяет и Минь Чань, считая, что уже в Ванланге произошло выделение правящих слоев из массы общинников и возникновение частнособственнических отношений. Государство Аулак могло стать развитым рабовладельческим государством восточного типа, но этот процесс был прерван образованием государства Намвьет и все возрастающим влиянием Китая. Это влияние нарушило ход развития Вьетнама, и после подавления восстания 40–43 гг. н. э. вьетское общество переходит от рабовладения (в ряде районов от патриархального строя) к феодализму. Эта дата (40–43) является важным рубежом, поскольку подавление восстания повлекло за собой полную ликвидацию самостоятельности Вьетнама. С этого времени начинается активное проникновение Китая в политическую и культурную жизнь страны.

Свою точку зрения Дао Зуи Ань резюмирует следующим образом: «До времени династии Поздние Хань в лаквьетском обществе не только существовали рабовладельческие отношения, но и возник рабовладельческий строй, хотя до развитого рабовладения лаквьеты не дошли». Поэтому это «общество от раннего рабовладения перешло к феодализму, минуя развитое рабовладение» [Дао Зуи Ань 1955а: 15]. Такую же мысль высказывал и Нгуен Минь [Нгуен Минь 1955: 49].

Несколько иную точку зрения отстаивает Минь Чань, утверждающий, что в эпоху Аулака

существовало развитое рабовладение, при чем главным способом получения рабов было обращение в рабство части населения покоренных стран [Минь Чань 1955е: 14–16].

В целом необходимо отметить, что современное состояние изучения древней истории Вьетнама не дает материала для окончательного решения вопроса о степени развития рабовладельческих отношений во Вьетнаме. Осторожные высказывания Дао Зуи Аня и Нгуен Миня в большей степени соответствуют имеющемуся в наличии материалу.

В то же время некоторые историки (например, Нгуен Донг Тьи) считают Аулак и Намвьет племенными союзами на стадии разложения патриархального строя, перешедшими после китайского завоевания в 111 г. до н. э. сразу к феодализму, так как контакт с развитым Китаем ускорил процесс социального расслоения [Нгуен Донг Тьи 1954: 72; 1955б: 40].

Мнение Нгуен Донг Тьи отражает точку зрения ученых, отрицавших для Вьетнама этап рабовладения.

Период раннего феодализма Нгуен Донг Тьи делит на два этапа. Первый этап — от бронзового века (культура Донгшон) до начала железного века (эпоха императора Чиеу Да), т. е. IV–II вв. до н. э. Для него характерны преобразования в сельском хозяйстве, применение бронзовых орудий, появление в общине знати, выделившейся из общинных вождей. Эти новые вожди собирали с рядовых общинников четверть урожая, продукты охоты и т. д.; у них появилось некоторое количество слуг, полностью потерявших связь с общиной. Второй этап — II в. до н. э. – X в. н. э., когда, по мнению Нгуен Донг Тьи, производство продолжает совершенствоваться, появляются железные сельскохозяйственные орудия⁹ и тягловый скот. Усиливается давление на общинников: на них налагается дополнительный подушный налог на содержание китайских войск и администрации. Кроме этого, большое распространение получают принудительные общественные работы и рекрутская повинность.

Помимо этих мнений о характере древнего общества Вьетнама существует третье, высказанное Чан Дык Тхао и сводящееся к признанию существования до конца III в. до н. э. рабовладельческого уклада и частной собственности в недрах продолжавшего быть господствующим патриархального строя. Свою мысль он основывает на том, что в то время во Вьетнаме уровень развития хозяйства (именно сельского хозяйства) не давал производственной базы для возникновения как рабовладельческого, так и классового общества вообще [Чан Дык Тхао 1955]. В подтверждение своих взглядов он ссылается на отсутствие во Вьетнаме в этот период тягловых животных и плуга, хотя о тягловых животных во Вьетнаме в III в. до н. э. сообщает китайская летопись [Дюмутье Ж. 1893: 424], а бронзовые лемеха плугов были найдены в могильнике Донгшон и ряде других мест [Голубев В. 1930: 18; Дао Зуи Ань 1956: т. 1, 84; Йенс О. 1951: т. I, XX–XXII]. Впрочем, отсутствие при раскопках находок плуга ровно ничего не доказывает, поскольку он мог быть, как в Греции, деревянным и не сохраниться.

Общественный строй периода VI–III вв. до н. э. Чан Дык Тхао рассматривает как общинный, из которого еще не выделились *лактыонги* и *лакхау*, заинтересованные в сохранении общины как формы общественной жизни. И именно попыткой рабовладельческой, по его мнению, империи Хань экспроприировать и подавить общины и объясняется восстание 40–43 гг., после поражения которого началась непосредственная эксплуатация вьетских крестьян китайской администрацией. Параллельно формировалась и местная служилая верхушка. Эта последняя точка зрения продолжает традицию вьетнамских дореволюционных историков.

Таковы основные точки зрения на эпоху ранних вьетских государственных образований, развивающиеся в настоящее время различными историками. Наиболее распространенной является точка зрения Минь Чаня и Дао Зуи Аня о существовании в той или иной форме рабовладения во Вьетнаме, она же признана и большинством историков ДРВ.

Следующей проблемой, подвергшейся глубокому изучению во вьетнамской исторической науке, является проблема определения времени перехода к феодализму и тесно связанный с ней вопрос о характере восстания 40–43 гг. Как известно, это восстание имело целью ликвидацию экономического и политического контроля со стороны империи Хань и по социальному составу его участников было общенародным: в нем участвовали и крестьяне, и представители правящих слоев. Возглавили восстание жена одного из казенных вьетнамских вельмож и ее сестра, поэтому в истории это восстание известно как «восстание сестер Чынг».

Вопрос об этом восстании и его социальной сущности тесно смыкается с вопросом о процессах, происходивших внутри правящего слоя лаквьетов — *лактыонгов* и *лакхау* (в прошлом военные и гражданские вожди племен). Их активное участие в восстании и их постепенное исчезновение после его подавления признаются всеми историками. В современном Вьетнаме существуют две основные точки зрения на этот слой. Одни исследователи считают их рабовладельческой знатью [Чан Дык Тхао 1955: 37] или родовой верхушкой, превращавшейся в рабовладельцев [Минь Чань 1955е: 22, 27], господство которых было ликвидировано восстанием 40–43 гг., но которые сохранились до III в. н. э. Считая, что государство Ранней и Поздней Хань было феодальным, Минь Чань и Чан Дык Тхао доказывают, что китайские феодалы эксплуатировали и общинников, и рабовладельцев, не меняя

⁹ Последнее утверждение не доказывается ни археологическими данными, ни данными письменных источников.

способа эксплуатации, являвшегося рабовладельческим. Усиление этой эксплуатации и вызвало восстание, во главе которого стали *лактыонги*, отстаивавшие свое право на господство во Вьетнаме. Движение приняло массовый характер (так как от ханьского гнета в основном страдали крестьяне), и благодаря поддержке простых общинников восстание победило на период 40–43 гг. *Лактыонги* и *лакхау* должны были пойти на уступки *лакзанам*: изменить формы эксплуатации, приблизить их к феодальным. После подавления восстания часть *лактыонгов* и *лакхау* феодализируется, часть постепенно исчезает. Таким образом, восстание сестер Чынг, по мнению части историков, привело не только к свержению власти китайской администрации, но и к изменению способа эксплуатации. В этом отношении, по их мнению, можно рассматривать восстание 40–43 гг. как массовую борьбу, где с одной стороны выступали *лактыонги*, так или иначе переходившие к изменению форм эксплуатации, и *лакзаны*, а с другой — ханьская администрация, стоявшая на страже старых форм [Минь Чань 1955б: 28]. Другие историки склонны рассматривать *лактыонгов* и *лакхау* как феодализирующуюся знать лаквьетского общества, которая после восстания получила все возможности для дальнейшего развития, но которую подавление восстания поставило в зависимость от империи Хань и ее администрации во Вьетнаме. И в дальнейшем наблюдается борьба этой знати со служилой верхушкой вьетско-китайского происхождения [Нгуен Минь 1955: 49].

Однако современный уровень знаний об этом периоде не дает материала для окончательного заключения. Единственный факт, относительно которого не существует двух точек зрения, это то, что после подавления восстания действительно начинаются усиление экономического и политического давления империи Хань, ликвидация власти *лактыонгов* и *лакхау* и в то же время происходит быстрое развитие производительных сил, особенно в сельском хозяйстве. Что касается времени начала установления феодальных отношений, то существуют исследователи, относящие его не к середине I в. н. э., а к 111 г. до н. э. Историки отмечают патриотический характер борьбы *лактыонгов* и *лакхау* и подчеркивают, что неправильно считать движение, возглавленное феодалами, обязательно реакционным [Чан Хуи Лиену 1954: 30].

При всей важности изложенных выше проблем нельзя забывать, что основным видом хозяйства Вьетнама с первых веков до нашей эры было земледелие, а основными производителями — общинное крестьянство, бывшее движущей силой восстания [Минь Чань 1954а: 6; Минь Чань 1954б: 8; Минь Чань 1955а: 1]. Этот факт и обусловил тот всеобщий характер восстания, который отмечается многими историками.

Наряду с внутренними социально-экономическими причинами восстания большую роль сыграло все усиливающееся давление со стороны империи Хань, затрагивавшее интересы всех слоев лаквьетского общества. Сыграли свою роль и появление в стране китайских переселенцев, террор против лаквьетской знати и т. д. Всеобщий характер восстания был обусловлен в значительной мере его направленностью против власти чужеземцев. В связи с этим нельзя не согласиться с Дао Зуи Анем в том, что вряд ли сестры Чынг были представителями только феодальных групп, боровшихся с рабовладельцами. В то же время та всеобщая ломка общественных отношений, которая происходила в последние годы перед восстанием, в ходе его и после подавления, несомненно способствовала окончательной ликвидации рабовладельческих и становлению феодальных отношений. Дальнейшее развитие этих новых отношений происходило в тесной связи с позднеханьским Китаем. Все исследователи отмечают, что если до восстания сестер Чынг (111 г. до н. э. – 43 г. н. э.) зависимость от империи Хань была относительно слабой, то с середины I в. н. э. китайская культура и китайская администрация проникают во все области хозяйственной и культурной жизни лаквьетов.

Установление власти империи Хань во Вьетнаме несомненно имело и положительные результаты [Дао Зуи Ань 1954], хотя после появления в стране ханьской администрации дополнительно вводятся новые формы эксплуатации. Часть крестьян должна была выполнять принудительные общественные работы и платить налог домашними тканями. Была изменена и форма поземельного налога с крестьян в сторону его увеличения.

Минь Чань, Ли Чан Куи и ряд французских исследователей правильно подчеркивают, что процесс феодализации, начавшийся в середине I в. н. э., шел на протяжении длительного периода, не менее полутора веков. О сложности и болезненности процесса закрепощения крестьян-общинников (для которых власть китайской администрации представляла гораздо более тяжелое бремя, чем ранняя полупатриархальная эксплуатация восточного типа, существовавшая до этого) свидетельствует ряд крупных антикитайских восстаний начала и середины II в. н. э. (104 г. — разрушение крепости в Нятнаме; 137 г. — уничтожение китайских чиновников там же; 160 г. — изгнание китайской администрации из провинции Кыутян), продолжавшихся до тех пор, пока новая система не укрепилась и не была оформлена окончательно реформами Ши Ньепя в 187 г. Эту дату Ли Чан Куи считает временем окончательной победы феодальных отношений во Вьетнаме [Ли Чан Куи 1955: 66]. Это, впрочем, не означает, что после 187 г. восстания прекратились. Достаточно вспомнить восстание 248 г. и дальнейшие восстания вплоть до 541 г., когда китайская власть была свергнута.

В упомянутой выше статье Фан Кхой [Фан Кхой 1954] поставлен вопрос о сложении вьетнамского

языка и степени влияния на него китайского и других. Автор утверждает, что вьетнамский язык являлся самостоятельным и лишь впоследствии (с I в. н. э.) подвергся влиянию китайского, явственные следы которого мы наблюдаем сейчас в грамматике и лексике вьетнамского языка.

Не менее оживленную дискуссию вызвал вопрос о существовании у лаквьетов письменности до введения в употребление китайских иероглифов. Признавая существование у лаквьетов того времени государства и придавая решающее значение наличию у них письменности, Нгуен Донг Тъи считает, что одним из возможных ответов на этот вопрос может служить теория двух дореволюционных ученых — Выонг Зуи Чиня и Хоанг Дао Тхана — о том, что до недавнего времени две группы вьетнамского народа — мыонги и тхо — употребляли письменность, подобную деванагари, правда сильно измененную [Нгуен Донг Тъи 1955а].

Между тем вопрос о возникновении письменности по типу индийской очень сложен. Во-первых, в более поздний период возможно влияние на мыонгов и тхо их западных (таи) и особенно южных (кхмеры, чамы) соседей, письменность которых основывалась на деванагари. Во-вторых, при самом смелом предположении, санскрит стал известен в восточном Индокитае в I в. н. э., между тем как первая надпись относится к III в. н. э.; знакомство с китайской письменностью и переписка с Китаем засвидетельствованы для III в. до н. э. [Дюмутье Ж. 1906: 416–420]. Вопрос о возникновении письменности не может решаться без учета этих обстоятельств. Автор не высказывает определенного мнения по этому вопросу, но склонен считать временем появления китайской письменности конец II в. н. э. А так как деванагари появляется также около этого времени, то автор утверждает, что до этого письменности не было [Нгуен Донг Тъи 1955а: 24]. Последняя точка зрения отвергается большинством вьетнамских и иностранных ученых.

Ряд исследователей считают, что вьеты получили письменность во II–III вв. н. э., когда на базе китайских иероглифов был создан *тьином* — национальное иероглифическое письмо [Минь Чань 1955в: 13], и что китайские элементы, появившиеся в языке во II–X вв., не вошли тогда в язык, а остались напластованием [Нгуен Минь Ван 1955: 61].

В настоящее время наиболее распространенной является изложенная в статье Нгуен Донг Тъи схема последовательного использования трех видов письменности: III в. до н. э. – II в. н. э. — употребление китайских иероглифов с китайским звучанием и смыслом как государственного языка; II–XIX вв. н. э. — употребление *тьином*; XIX–XX вв. — употребление латинизированной фонетической письменности *куокнгы* [Нгуен Донг Тъи 1955а: 22–25].

Именно *тьином* Нгуен Донг Тъи и Минь Чань справедливо рассматривают как вьетнамскую письменность (тем более, что она имела и свои иероглифы, не имеющие аналогов в китайском языке), на протяжении всей истории противостоявшую китайской письменности и языку, как чужим. Официальным языком долго был китайский, но художественная литература выходила и на *тьином*, а порой *тьином* на короткое время становится и официальным языком (например, в конце XVIII в.) [Минь Чань 1955в: 13]. Рассматривая в этой связи вьетнамский и китайский языки, Нгуен Донг Тъи сближает вьетнамский язык с языками группы таи и языками племен банар в центральном Вьетнаме (рассмотрение языка банар как промежуточного спорно. — Д.Д.) и считает китайские элементы позднейшими включениями [Нгуен Донг Тъи 1955б: 40].

Во Вьетнаме проводится работа по пересмотру вьетнамской транскрипции иностранных имен и названий с целью их большего соответствия самоназваниям описываемых народов. Эта работа представляет тем больший интерес, что старая вьетнамская транскрипция сильно искажала иностранные названия.

Исследуя свою историю, вьетнамские ученые не замыкаются в рамках истории Вьетнама. Они обсуждают проблемы древней истории Китая, Европы и т. д. В этой связи интересна статья Чан Ван Зяу о революциях в эпоху рабовладения. Исследуя античное рабовладельческое общество, автор приходит к выводу, что нельзя рассматривать восстание Спартака как революцию рабов, так как рабовладение давало еще возможность производительным силам развиваться. Революцией рабов он считает восстания IV–V вв. н. э. и сопутствующие им вторжения варваров. Подобную революцию автор пытается найти в Китае в XI–X вв. до н. э., когда внутренние восстания и вторжения кочевых племен, которые он называет «китайской битвой при Адрианополе», привели к воцарению династии Западная Чжоу [Чан Ван Зяу 1955].

Таковы вопросы древней истории Вьетнама, обсуждаемые и разрабатываемые в современной вьетнамской марксистской историографии. Заканчивая этот краткий обзор, следует еще раз подчеркнуть тот глубокий интерес, который проявляют историки ДРВ к освещению древнего периода в истории своей страны, очень скромно оценивая в то же время свои результаты.

Библиография

- Авдиев В.И. 1948. — *Авдиев В.И.* История древнего Востока. М., 1948.
- Бенедикт П. 1942. — *Benedict P.* Thai, Kadai and Indonesian: a New Alignment in South Eastern Asia. — *American Anthropologist*. 1942, t. 44, № 4, с. 1–20.
- Бонифаси А. 1908. — *Bonifacy A.* Les kiao-tche. Etude Pymologique et anthropologique. — *BMSAP*. 1908, série 5, t. 9.
- Голубев В. 1930. — *Goloubew V.* L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. — *BEFEO*. 1930, t. 29, № 2, с. 1–46.
- Груссэ Р. 1922. — *Grousset R.* Histoire de l'Asie. P., 1922.
- Дао Зуи Ань 1954. — *Đào Duy Anh.* Văn hóa Đông-son hay văn hóa Lạc-việt? (Дао Зуи Ань. Культура Донгшон или культура лаквьетов?). — *VSD*. 1954, № 1, с. 14–30.
- Дао Зуи Ань 1955а. — *Đào Duy Anh.* Có thời kỳ chế độ nô lệ trong lịch sử Việt-nam không? (Дао Зуи Ань. Был ли рабовладельческий строй в истории Вьетнама?). — *ĐHSP*. 1955, № 2, с. 4–17.
- Дао Зуи Ань 1955б. — *Đào Duy Anh.* Cổ sử Việt Nam (Дао Зуи Ань. Древняя история Вьетнама). Н., 1955.
- Дао Зуи Ань 1956. — *Đào Duy Anh.* Lịch sử Việt Nam (Дао Зуи Ань. История Вьетнама). Т. 1–2. Н., 1955–1956.
- Деоник Д.В. 1956. — *Деоник Д.В.* Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке. — *Вестник древней истории*. 1956, № 2, с. 96–107.
- Дюмутье Ж. 1893. — *Dumoutier G.* Etude historique et archéologique sur Co-loa, capitale ancienne de royaume Au-lac. — *Novelles archives orientales scientifiques et littéraires*. Т. 3. P., 1892, с. 221–294.
- Дюмутье Ж. 1906. — *Dumoutier G.* Etude historique sur Trieu Vo de et sa dynastie. — *T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale*. Т. 7. Leiden, 1906, с. 413–430.
- Йенс О. 1931. — *Janse O.* Un groupe de bronzes anciens propres à l'Extrême-Asie méridionale. — *BMFEA*. 1931, № 3, с. 99–174.
- Йенс О. 1951. — *Janse O.* Archaeological Research in Indo-China. Т. 1–2. Cambridge, 1947–1951.
- Карлгрэн Б. 1942. — *Karlgren B.* The Date of the Early Dongson Culture. — *BMFEA*. 1942, № 14, с. 1–28.
- Ли Чан Куи 1955. — *Lý Trần Quý.* Vấn đề tiêu chuẩn phân định thời kỳ lịch sử (Ли Чан Куи. Проблема критериев для периодизации истории). — *VSD*. 1955, № 3, с. 63–68.
- Мансюи А. 1929. — *Mansuy H.* Préhistoire indochinoise (L'Indochine. Un empire colonial français). Paris–Bruxelles, 1929.
- Минь Чань 1954а. — *Minh Tranh.* Một vài nét về vấn đề ruộng đất trong lịch sử Việt-nam (Минь Чань. Несколько замечаний по земельным проблемам в истории Вьетнама). — *VSD*. 1954, № 2, с. 32–52.
- Минь Чань 1954б. — *Minh Tranh.* Phong trào nông dân trong lịch sử xã hội phong kiến nước ta (Минь Чань. Крестьянские движения в истории феодального общества нашей страны). — *VSD*. 1954, № 3, с. 6–20.
- Минь Чань 1955а. — *Minh Tranh.* Những bài học đại đoàn kết bảo vệ Tổ quốc trong lịch sử nước ta (Минь Чань. Примеры единения для защиты Отечества в истории нашей страны). — *VSD*. 1955, № 10, с. 1–7.
- Минь Чань 1955б. — *Minh Tranh.* Vấn đề tiêu chuẩn để phân định những thời kỳ lịch sử nước ta (Минь Чань. Проблема критериев для периодизации истории нашей страны). — *VSD*. 1955, № 5, с. 17–30.
- Минь Чань 1955в. — *Minh Tranh.* Một vấn đề về văn học sử Việt-nam: Có thể liệt những bài văn yêu nước do người Việt-nam trước kia viết bằng chữ Hán vào văn học dân tộc của ta không? (Минь Чань. Проблема истории литературы Вьетнама: можно ли включать патриотические произведения на китайском языке, написанные вьетнамцами, в национальную литературу?). — *VSD*. 1955, № 6, с. 9–19.
- Минь Чань 1955г. — *Minh Tranh.* Vấn đề chế độ nô lệ trong lịch sử Việt-nam (Минь Чань. Проблема рабовладельческого строя в истории Вьетнама). — *VSD*. 1955, № 7, с. 5–26.
- Минь Чань 1955д. — *Minh Tranh.* Một số vấn đề cần làm cho sáng rõ (Минь Чань. Некоторые вопросы, нуждающиеся в прояснении). — *VSD*. 1955, № 9, с. 65–76.
- Минь Чань 1955е. — *Minh Tranh.* Sơ thảo lược sử Việt Nam (Минь Чань. Краткая история Вьетнама). Н., 1955.
- Нгуен Донг Тьи 1954. — *Nguyễn Đông Chi.* Nên phân chia thời đại lịch sử nước ta như thế nào? (Нгуен Донг Тьи. Как надо разделить эпохи истории нашей страны?). — *VSD*. 1954, № 3, с. 71–75.
- Нгуен Донг Тьи 1955а. — *Nguyễn Đông Chi.* Vấn đề chữ viết trong văn học sử Việt-nam (Нгуен Донг Тьи. Проблема письменности в истории вьетнамской литературы). — *VSD*. 1955, № 9, с. 22–38.
- Нгуен Донг Тьи 1955б. — *Nguyễn Đông Chi.* Quá trình phát triển và thống nhất của tiếng Việt (Нгуен Донг Тьи. Процесс развития вьетнамского языка и формирования его единства). — *VSD*. 1955, № 8, с. 39–46.
- Нгуен Минь 1955. — *Nguyễn Minh.* Ôn lại khởi nghĩa Hai bà Trưng (Нгуен Минь. Вновь о восстании двух сестер Чынг). — *VSD*. 1955, № 5, с. 48–51.
- Нгуен Минь Ван 1955. — *Nguyễn Minh Văn.* Có thể xếp loại văn dịch những tác phẩm chữ Hán do người Việt-nam viết vào văn học Việt-nam không? (Нгуен Минь Ван. Можно ли включать переводы произведений, написанных вьетнамцами на китайском языке, во вьетнамскую литературу?). — *VSD*. 1955, № 7, с. 58–61.
- Патт Э. 1936. — *Patte E.* L'Indochine préhistorique. — *Revue anthropologique*. P., 1936, № 10–12, с. 277–314.
- Фан Кхой 1954. — *Phan Khôi.* Thử tìm sử liệu Việt-nam trong ngữ ngôn (Фан Кхой. Опыт изучения исторических источников Вьетнама через языкознание). — *VS§*. 1954, № 1, с. 57–62; № 2, с. 68–73; № 3, с. 40–49.
- Фино Л. 1915. — *Finot L.* L'Asie française. P., 1915.
- Чан Ван Зяу 1955. — *Trần Văn Giàu.* Khởi nghĩa nô lệ (Чан Ван Зяу. Восстания рабов). — *ĐHSP*. 1955, № 2, с. 45–58.
- Чан Дык Тхао 1955. — *Trần Đức Thảo.* Bài lịch tưởng sĩ của Trần Hưng Đạo và xã hội Việt nam trong thời kỳ thịnh của chế độ phong kiến (Чан Дык Тхао. Призыв Чан Хынг Дао к военачальникам и солдатам и вьетнамское общество периода расцвета феодального строя). — *VSD*. 1955, № 5, с. 36–37.
- Чан Хуи Лиуеу 1954. — *Trần Huy Liệu.* Đánh giá cho đúng những anh hùng dân tộc của chúng ta (Чан Хуи Лиуеу. Как правильно оценить наших национальных героев). — *VSD*. 1954, № 1, с. 30–34.
- Чан Хуи Лиуеу 1956. — *Trần Huy Liệu.* Lịch sử Việt Nam (Чан Хуи Лиуеу. История Вьетнама). Н., 1956.
- Шмидт В. 1908. — *Schmidt W.* Les peuples mon-khmer, trait d'union entre les peuples de l'Asie Centrale et de l'Austronésie. — *BEFEO*. 1908, t. 8, № 1, с. 1–36.
- Эйкштедт Э. 1944. — *Eickstedt E.* Rassendynamik von Ostasien. В., 1944.

Рецензия на книгу:

Đào Duy Anh. Cổ sử Việt Nam. H. , 1955, 190 tr.

(Дào Зуи Ань. Древняя история Вьетнама. Ханой, 1955, 190 с.)¹

В книге рассматривается история происхождения вьетнамцев с начала первого тысячелетия до нашей эры. Автор стремится показать, как складывался этот этнос на территории современного северного Вьетнама, как развивалась его материальная и духовная культура, что представлял собой социальный строй предков вьетнамского народа.

Книга построена по хронологическому принципу. Каждая глава ее соответствует определенной эпохе в развитии вьетнамского этноса. В последней главе автор рассматривает различные теории происхождения вьетнамцев. Исследование снабжено интересной библиографией, картами и таблицами.

¹ Впервые опубликовано: Советское востоковедение. 1957, № 6, с. 180.

Рецензия на книгу:
Lịch sử Việt Nam. Т. 1. Н., 1971, 438 tr.
(История Вьетнама. Т. 1. Ханой, 1971, 438 с.)¹.

Первый том «Истории Вьетнама», охватывающий период с древнейших времен до середины XIX в., подытоживает почти двадцатилетний период развития марксистской исторической науки в ДРВ.

Книга обобщает огромную работу вьетнамских историков по разработке конкретных научных проблем и солидный опыт написания сводных трудов по истории Вьетнама, накопленный в ДРВ. Ее создание было бы невозможно без фундаментальных исследований по древней и средневековой истории, истории нового времени, по таким проблемам, как традиционная аграрная структура, национально-освободительная борьба, социальные движения, культура², без кропотливого труда по публикации (почти всегда впервые) основных источников по истории страны [КМ/перевод; Дайнам нят тхонг тьи; Дайнам тхык лук; ТТ/Дао Зуи Ань]. Появлению ее предшествовали широкие дискуссии по ключевым проблемам истории, в ходе которых были выработаны общие концепции, изложенные в книге. Рецензируемый труд является плодом коллективного творчества вьетнамских ученых, без многолетних усилий которых изучение истории страны, особенно древней и средневековой, осталось бы на том относительно низком уровне, на каком оно находилось до Августовской революции. В колониальный период ни французские, ни немногочисленные вьетнамские историки вообще не занимались «сквозным» изучением истории страны. Лучшее из того, что оставили первые, — несколько фундаментальных работ по частным проблемам политической истории и права. Что же касается вторых, то составленные ими сводные работы, например наиболее известная из них — «Краткая история Вьетнама» [Чан Чонг Ким 1971], оставались практически не комментированным изложением в хронологическом порядке событий политической истории, отчасти — описанием культуры верхушки вьетнамского общества. Создание сводной истории Вьетнама стало делом историков ДРВ, и рецензируемая книга позволяет судить, насколько успешно это было сделано.

Изложение строится по хронологически-тематическому принципу: внутри каждого периода материал сгруппирован по основным проблемам. Наряду со сведениями по политической истории Вьетнама каждая глава содержит материалы об экономике, о положении социальных слоев, состоянии литературы, искусства, науки в данный период. Многие проблемы, освещенные в книге, например национальная политика традиционного вьетнамского государства, история религий, видимо, были специально разработаны для этого издания. Особо надо отметить строгость манеры изложения.

Необходимо учесть обстановку тех дней, когда создавалась рецензируемая книга, — необъявленная война США против ДРВ шла уже несколько лет, народы Вьетнама, Лаоса, Камбоджи вели упорную борьбу за национальный суверенитет. Все это определило особое внимание авторов к проблемам борьбы вьетнамского народа за единое независимое государство на всех этапах его истории. Большое внимание к вопросам военной истории, характерное для исторической науки ДРВ последнего десятилетия, ощущается на протяжении всего тома, и ярким проявлением его является то, что из 19 картосхем, помещенных в книгу, 11 посвящены войнам или отдельным сражениям.

Главы 1–4 излагают историю Вьетнама с древнейших времен до формирования централизованного государства (X–XI вв.). Предложена следующая периодизация: а) первобытный строй, б) «начальная» государственность (возникновение государства относится не позднее, чем к IV в. до н. э.), в) период восточного феодализма (с начала нашей эры).

Основываясь на новейших археологических открытиях во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии, авторы датируют вступление жителей бассейна Красной реки в век металла рубежом III–II тыс. до н. э., т. е. ранее, чем в более северных областях на Дальнем Востоке. Таким образом, развитое производящее хозяйство — орошаемое рисоводство с использованием металлических орудий — насчитывало в северном Вьетнаме к началу I тыс. до н. э. не менее десяти веков. Это позволило по-новому взглянуть на сообщения письменных источников о существовании у предков вьетнамцев своего государства значительно раньше III в. до н. э. и о правившей в нем династии Хунг-

¹ Впервые опубликовано: Народы Азии и Африки. 1975, № 1, с. 207–211. Рецензия написана совместно с П.Ю.Цветовым.

² Перечислим лишь некоторые из них: Дао Зуи Ань 1955б; Новая история Вьетнама; Ван Тан 1958; Фан Хуи Ле 1959; Фан Хуи Ле 1960; Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан 1963; Нгуен Фи Хоань 1970; Ха Ван Тан, Фам Тхи Там 1970.

выногов: авторы признают их исторической реальностью для длительного периода, предшествовавшего появлению государства Аулак в III в. до н. э.

Подводя итоги длительной дискуссии [Ван Тан 1960; Зиеп Динь Хоа 1961; Ван Тан 1961; Ван Тан 1968; Дао Ты Кхай 1968] по вопросу о социальном устройстве государства Аулак и его формационной принадлежности, авторы отказались от четкой дефиниции (как и применительно к Ванлангу). Аулак III–I вв. до н. э., по их мнению, уже раннегосударственное образование, основанное на собираемой с общинников ренте-налоге, но не феодальное государство. Авторы справедливо считают Аулак фактически самостоятельным на протяжении III–I вв. до н. э.

Переходя к истории вьетского государства начала нашей эры, когда внутри его происходили существенные экономические и социальные перемены и одновременно обострилась внутривосточная обстановка в связи с попытками ассимиляции со стороны ханьцев, авторы рассматривают первые века нашей эры уже как период феодализма. Скудость источников не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это положение, но при современном состоянии науки предложенная периодизация наиболее удачна.

В главах, посвященных I–X вв., большое внимание уделяется освободительным войнам и восстаниям вьетов против власти китайской империи, составлявшим основу политической истории Вьетнама этих веков. Подчеркивается существование в период номинального включения в состав Китая местных правителей, занимавших должности наместников, но фактически независимых от империи. Этот момент, а также анализ специфических для Вьетнама VII–IX вв. внутренних социально-экономических и культурных процессов, подготовивших наряду с усиливающейся освободительной борьбой и укрепляющейся внутривосточной самостоятельностью вывод китайских войск к 880 г., — важное достижение исторической науки ДРВ. Показ большого размаха освободительного движения VII–IX вв., пересмотр традиционной схемы, согласно которой только официальное провозглашение независимости Нго Куеном в 939 г. считалось временем восстановления независимости, позволили дать соответствующую подлинным фактам картину.

Главы 5–8 посвящены истории независимого Вьетнама в X — первой половине XIX в. Здесь выделяется вьетско-сунская война 1075–1077 гг., начавшаяся походом вьетских войск в южный Китай с целью «ликвидировать базы агрессии противника» (с. 172). Затем военные действия были перенесены на территорию современного северного Вьетнама, откуда китайские войска вскоре были изгнаны. По мнению авторов книги, вследствие победы, одержанной в этой войне вьетской армией под командованием полководца Ли Тхыонг Киета, сунский Китай признал Вьетнам независимым государством (с. 181).

В XI–XII вв. складывается централизованное государство Дайвьет (Великий Вьет) со столицей в Тханглонге, поэтому вполне обоснованно в книге подробно рассматривается время правления династии Поздние Ли (1010–1225). При ней был создан централизованный административный аппарат, основная масса служащих которого не получала жалованья, а жила за счет сборов с общинников, проживавших на управляемой тем или иным чиновником территории (с. 152). Комплектование штата чиновников осуществлялось посредством конкурсных экзаменов, которые стали проводиться тогда же. Много внимания дом Ли уделял армии, состоявшей из королевской гвардии и регулярных формирований, размещенных в отдельных районах по всей стране. Отдельные представители вьетской знати имели свои собственные войска, но они всегда находились под контролем правящего дома.

XI–XII века характеризовались позитивными сдвигами в развитии экономики. Своей экономической политикой правители из дома Ли стремились «укрепить могущество централизованного государства, защитить права правящего слоя, а также заботились о развитии экономики и жизни крестьян» (с. 154). Преобладала государственная собственность на землю; существовали три категории земель: общинные, казенные и пожалованные. Общины при династии Поздние Ли занимали большую часть земель и сохранили во многих отношениях самостоятельность. Распространилось и частное землевладение.

Происходят важные изменения в идеологии дайвьетского общества того времени: это был период расцвета буддизма, но, как указывают авторы, тогда же определенное распространение получает и конфуцианство (с. 163). При Ли были открыты храм Конфуция — Ванмиеу и центральное конфуцианское учебное заведение средневекового Вьетнама — Школа сынов отечества, сыгравшая видную роль в интеллектуальной жизни и формировании образованного слоя в традиционном Вьетнаме.

Последующие династии, правившие в Дайвьете, развивали традиции, заложенные первыми *вуа* (императорами) из дома Ли. Особенно это показательно для дома Чан (1225–1400). Но нормальному социально-экономическому и политическому развитию страны мешала угроза монгольского завоевания. Вьет в XIII в. отразил три нашествия монголо-китайских войск — в 1257, 1285 и 1287–1288 гг. В этой связи подробно освещается деятельность талантливого полководца Чан Куок Туана (Чан Хынг Дао), возглавлявшего вьетскую армию (с. 196–216).

В XIV в. с ростом частного землевладения государство Чан клонится к упадку. В середине XIV в. ширятся многочисленные оппозиционные движения, наиболее активными участниками которых были *ноти* (домашние слуги, положение которых было близко к рабскому) и беднейшие крестьяне (с. 227–229).

В этой обстановке на исторической сцене появляется Хо Куи Ли, реформы которого до сих пор вызывают дискуссии среди ученых. Впервые эта проблема во вьетнамской марксистской науке была затронута Минь Чанем в 1955 г. В отличие от представителей других школ, рассматривавших Хо Куи Ли лишь как узурпатора и тем самым оправдывавших обращение представителей некоторых близких к династии Чанов родов за помощью к китайскому императору ради восстановления законной династии, он подчеркнул прогрессивные черты упомянутых реформ, имевших целью укрепление центральной власти. Но действия Хо Куи Ли, пишет Минь Чань, не опирались на широкую социальную базу, и потому он потерпел поражение [Минь Чань 1955ж].

В итоге дискуссий о Хо Куи Ли, проведенной на страницах журнала NCLS в 1960–1964 гг. [Чыонг Хыу Куинь 1960; Зыонг Минь 1961; Чыонг Хыу Куинь 1961; Чан Ван Кханг 1961; Нгуен Фан Куанг 1961; Хо Хыу Фыок 1961; Нгуен Зя Фу 1961], был сделан вывод, что реформы Хо Куи Ли при всей их прогрессивности были ограниченными, верхушечными [Итоги дискуссии о Хо Куи Ли: 12].

Освещение деятельности Хо Куи Ли и основанной им в 1400 г. династии Хо в рецензируемой книге занимает заметное место. Авторы кратко характеризуют личность самого Хо Куи Ли, излагают содержание его реформ, главными из которых в области социально-экономической названы ограничение земельных владений до 10 *мау* и числа *ноти*, выпуск бумажных денег. Оценивая реформы Хо Куи Ли, авторы «Истории Вьетнама» считают, что они имели «некоторые определенно позитивные моменты, но в целом не отвечали запросам развития общества и насущным требованиям народа», каковыми являлись «привлечение на свою сторону простого люда и укрепление единства нации» (с. 233). Деятельность Хо Куи Ли была направлена прежде всего на удовлетворение его личных интересов, против дома Чан, и не получила поддержки масс. Авторы тома возлагают на Хо Куи Ли ответственность за потерю Вьетнамом независимости в результате вторжения в 1406 г. армии минского Китая (с. 235).

Политика минской администрации во Вьетнаме в 1407–1427 гг. носила, как убедительно показывают авторы тома, ярко выраженный грабительский, ассимиляторский характер и имела отрицательные последствия для развития вьетского общества (с. 236–237). В ответ во Вьетнаме развернулось национально-освободительное движение, кульминацией которого явилось Ламшонское восстание (1418–1427). Рассмотрению хода этого массового антикитайского движения, полководческому искусству его руководителей, в частности выдающегося политического деятеля, поэта и ученого XV в. Нгуен Чая, посвящена значительная часть гл. 6.

XV век считался традиционной историографией «золотым веком» вьетнамского средневековья. По мнению историков ДРВ, при династии Поздние Ле (с 1428 г.) происходило усиление власти императора, землевладельческая знать стала больше подчиняться правящему дому.

В обществе XV в. сложилась следующая структура основных социальных групп: господствующий слой состоял из аристократов правящего дома Ле, чиновников и помещиков (частное землевладение продолжало расширяться); крестьянство делилось на два слоя — арендаторы (*тадиен*), составлявшие большинство, и крестьяне, самостоятельно ведущие свое хозяйство (*нонган тыкань*) (с. 274). В XV в. почти полностью исчезает институт *ноти*. Развитие производства, стабилизация экономического положения, отмечает «История Вьетнама», сглаживали социальные противоречия (с. 274–275).

В XV в. усиливается строгая иерархичность общества, происходит дальнейшее распространение конфуцианства. Это был век расцвета культуры, среди деятелей ее выделяются поэт и ученый Нгуен Чай, историки Фан Фу Тиен и Нго Ши Лиен. Вместе с тем сказалось и усиление власти императора — в литературных произведениях все больше внимания уделяется прославлению его личности.

«Золотой век» сменяется периодом ослабления централизованного государства. С XVI в. междоусобицы охватывают всю страну, и в 1527 г. власть в свои руки берет дом Мак. Эту дату авторы рецензируемого тома считают концом реального правления династии Поздние Ле (с. 288). Последовавший за этим период (XVI–XVIII вв.) характеризовался противоборством двух крупнейших домов: Чинь, правившего на севере, и Нгуен — на юге.

Последняя, 8-я глава книги охватывает период с XVIII в., когда, как пишут вьетнамские авторы, во Вьетнаме начинается общий социальный кризис (с. 319). С этим периодом связан вопрос о времени появления ростков рыночных отношений во Вьетнаме. В исторической науке ДРВ существовали две точки зрения: первая — что в период феодализма не было зачатков капитализма, и вторая (которой придерживалось большинство историков ДРВ), утверждавшая, что капитализм во Вьетнаме зародился до европейской экспансии, в XVII–XVIII вв. [То Минь Чунг 1962: 42]. В рецензируемой работе указывается, что развитие экономики, и в частности рост товарно-денежных отношений, создало в XVIII в. «предпосылки для появления зародышей капитализма» во Вьетнаме (с. 321). Феодальные

отношения в этот период превращаются в преграду на пути развития производительных сил общества (с. 322).

Показав проявление социального и политического кризиса во владениях Чиней и Нгуенов, авторы переходят к освещению крупнейшего крестьянского восстания в истории Вьетнама — движения тайшонов (1771–1802), начавшегося под лозунгом «Возьмем добро богачей и раздадим бедным!» (с. 337). В книге восстанию дается высокая оценка, подробно описывается отражение тайшонами сиамской агрессии (1784–1785) в дельте Меконга и китайской (1786–1789) на севере Вьетнама, характеризуется деятельность руководителей восстания по объединению страны (с. 340–358). Меньше внимания уделено причинам поражения тайшонов и перерождению его руководителей — проблемам, имеющим большое значение, но еще не решенным³.

Заключительные разделы посвящены правлению династии Нгуен в первой половине XIX в. Опираясь в основном на помещиков, династия Нгуен проводила политику укрепления центральной власти в стране, что зачастую вызывало восстания вьетнамских крестьян и горцев, в которых принимали участие также отдельные представители правящего слоя (с. 381–386).

Освещение вьетнамской истории в этом разделе ведется в более обобщенном плане и почти в отрыве от начавшегося проникновения в страну европейцев. Несмотря на то что европейская экспансия во Вьетнаме будет рассматриваться в следующем томе, целесообразность такого подхода к истории первой половины XIX в. представляется спорной.

Рецензируемая книга знаменует собой новую ступень в развитии марксистской историографии ДРВ. Ее авторы попытались с марксистских позиций осветить историческое развитие вьетнамской нации, проследить в нем проявление общеисторических закономерностей, дать правильную оценку событиям национальной истории. В книге удачно сочетаются обобщение результатов предыдущих исследований и изложение обширного фактического материала, что помогает читателю получить четкое представление об истории страны.

«История Вьетнама» — это не только академическое издание, но и значительное политическое произведение, в свете сегодняшней вьетнамской действительности осмысляющее славное прошлое страны. Неудивительно, что эта книга стала одним из основных массовых учебных пособий в ДРВ: она знакомит не только с историей Вьетнама, но и с боевым духом вьетнамского народа.

---

³ Подробно о восстании и его освещении в советской литературе см. [Огнетов И.А. 1960].

Библиография

- Ван Тан 1958. — *Văn Tân*. Cách mạng Tây-sơn (Ван Тан. Революция Тайшонов). Н., 1958.
- Ван Тан 1960. — *Văn Tân*. Xã hội nước Văn-lang và xã hội nước Âu-lạc (Ван Тан. Общество государства Ванланг и общество государства Аулак). — NCLS. 1960, № 20, с. 23–33.
- Ван Тан 1961. — *Văn Tân*. Xung quanh vấn đề xã hội nước Văn-lang và xã hội nước Âu-lạc (Ван Тан. Вокруг проблемы общества государства Ванланг и общества государства Аулак). — NCLS. 1961, № 28, с. 25–35.
- Ван Тан 1968. — *Văn Tân*. Vấn đề An dương vương Thục Phán và nước Âu-lạc (Ван Тан. Проблема Анзыонг-вьонга и страна Аулак). — NCLS. 1968, № 107, с. 25–27.
- Дайнам нят тхонг тьи. — *Đại-Nam nhất thống chí* (Объединенные записи о Дайнаме). Т. 1–5. Н., 1969–1971.
- Дайнам тхыккрук. — *Đại Nam thực lục* (Правдивое повествование о Дайнаме). Т. 1–38. Н., 1962–1978.
- Дао Зуи Ань 1955б. — *Đào Duy Anh*. Cổ sử Việt Nam (Дао Зуи Ань. Древняя история Вьетнама). Н., 1955.
- Дао Ты Кхай 1968. — *Đào Từ Khai*. Vài ý kiến về công tác nghiên cứu thành Cổ-loa và tìm hiểu xã hội Âu Lạc (Дао Ты Кхай. Несколько слов о работе по изучению города Колоа и исследовании общества Аулака). — NCLS. 1968, № 109, с. 51–54.
- Зиеп Динь Хоа 1961. — *Diệp Đình Hoa*. Vài ý kiến về bài «Xã hội nước Văn-lang và xã hội nước Âu-lạc» (bản với ông Văn Tân) (Зиеп Динь Хоа. О статье «Общество государства Ванланг и общество государства Аулак», полемика с господином Ван Таном). — NCLS. 1961, № 26, с. 32–42; № 27, с. 35–48.
- Зыонг Минь 1961. — *Dương Minh*. Đánh giá vai trò Hồ Quý Ly thế nào cho đúng (Зыонг Минь. Как правильно оценить роль Хо Куи Ли). — NCLS. 1961, № 22, с. 60–73.
- Итоги дискуссии о Хо Куи Ли. — Sơ kết thảo luận về hai nhân vật Hồ Quý Ly và Nguyễn Trường Tộ (Итоги дискуссии о двух деятелях истории — Хо Куи Ли и Нгуен Чыонг То). — NCLS. 1961, № 33, с. 8–16.
- КМ/перевод — Việt sử thông giám cương mục (Всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности). Т. 1–20. Н., 1957–1960.
- Минь Чань 1955ж. — *Minh Tranh*. Sự phát triển của chế độ phong kiến nước ta và vai trò của Hồ Quý Ly trong cuối thế kỷ XIV và đầu thế kỷ XV (Минь Чань. Развитие феодализма в нашей стране и роль Хо Куи Ли в конце XIV — начале XV в.). — VSD. 1955, № 11, с. 5–19.
- Нгуен Зя Фу 1961. — *Nguyễn Gia Phú*. Mấy ý kiến về vấn đề Hồ Quý Ly (Нгуен Зя Фу. К вопросу о проблеме Хо Куи Ли). — NCLS. 1961, № 31, с. 49–59.
- Нгуен Фан Куанг 1961. — *Nguyễn Phan Quang*. Thêm vài ý kiến đánh giá những cải cách và thất bại của Hồ Quý Ly (Нгуен Фан Куанг. Еще раз об оценке реформ и поражения Хо Куи Ли). — NCLS. 1961, № 28, с. 18–24.
- Нгуен Фи Хоань 1970. — *Nguyễn Phi Hoanh*. Lược sử mỹ thuật Việt-nam (Нгуен Фи Хоань. Краткая история вьетнамского искусства). Н., 1970.
- Новая история Вьетнама. — Cách mạng cận đại Việt-nam (Революция нового времени во Вьетнаме). Т. 1–6. Н., 1955–1958.
- ТТ/Дао Зуи Ань. — *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета. Пер. Као Хуи Сю. Комментар. Дао Зуи Аня). Т. 1–4. Н., 1971–1974.
- Огнетов И.А. 1960. — *Огнетов И.А.* Восстание Тэйшонов во Вьетнаме (1771–1802). М., 1960.
- То Минь Чунг 1962. — *Tô Minh Trung*. Bài về vấn đề mầm móng tư bản chủ nghĩa ở Việt-nam (То Минь Чунг. К проблеме зарождения капитализма во Вьетнаме). — NCLS. 1962, № 37, с. 36–42.
- Фан Хуи Ле 1959. — *Phan Huy Lê*. Chế độ ruộng đất và kinh tế nông nghiệp thời Lê sơ (Фан Хуи Ле. Система землепользования и сельская экономика эпохи Ле Шо). Н., 1959.
- Фан Хуи Ле 1960. — *Lịch sử chế độ phong kiến Việt-nam* (История феодального строя во Вьетнаме). Т. 2–3. Н., 1959–1960.
- Ха Ван Тан, Фам Тхи Там 1970. — *Hà Văn Tấn, Phạm Thị Tâm*. Cuộc kháng chiến chống xâm lược Nguyên Mông thế kỷ XIII (Ха Ван Тан, Фам Тхи Там. Война Сопротивления против монголо-юаньской агрессии в XIII в.). Н., 1970.
- Хо Хыу Фыок 1961. — *Hồ Hữu Phước*. Một vài ý kiến về việc đánh giá vai trò Hồ Quý Ly trong lịch sử (Хо Хыу Фыок. К оценке роли Хо Куи Ли в истории). — NCLS. 1961, № 30, с. 43–45.
- Чан Ван Кханг 1961. — *Trần Văn Khang*. Về vấn đề đánh giá vai trò lịch sử Hồ Quý Ly (Чан Ван Кханг. О проблеме оценки исторической роли Хо Куи Ли). — NCLS. 1961, № 27, с. 57–62.
- Чан Куок Вьонг, Ха Ван Тан 1963. — *Lịch sử chế độ phong kiến Việt Nam* (История феодального строя во Вьетнаме). Т. 1. Н., 1963.
- Чан Чонг Ким 1971. — *Trần Trọng Kim*. Việt-nam sử lược (Чан Чонг Ким. Краткая история Вьетнама). Т. 1–2. С., 1971.

Чыонг Хыу Куинь 1960. — *Trong Hũu Quỳnh*. Đánh giá lại vấn đề cải cách của Hồ Quý Ly (Чыонг Хыу Куинь. Вновь о проблеме реформ Хо Куи Ли). — NCLS. 1960, № 20, с. 44–58.

Чыонг Хыу Куинь 1961. — *Trong Hũu Quỳnh*. Về bài đánh giá vai trò Hồ Quý Ly thế nào cho đúng (Чыонг Хыу Куинь. О статье «О правильной оценке роли Хо Куи Ли»). — NCLS. 1961, № 26, с. 21–31.

Историография средневекового Вьетнама (III–XVII вв.)¹

Французская и вьетнамская историография колониального периода

Изучение средневекового Вьетнама западными учеными началось сравнительно недавно. В колониальный период этим этапом занимались мало, так как французским властям было очевидно, что исследование средневековой истории вьетнамского государства способно послужить дополнительным импульсом в борьбе за независимость от метрополии. Определенную роль играло и нежелание колониальной администрации в больших масштабах привлекать к научной работе вьетнамских специалистов, без которых невозможна была широкая разработка проблем средневековой истории. Кроме того, европейских исследователей больше интересовали индуизированные государства восточного Индокитая (Чампа и Камбуджадеша), на изучение которых и были брошены значительные силы. В итоге в основном учреждении по изучению французского Индокитая — Французской школе Дальнего Востока — не было проведено всестороннего изучения вьетнамского средневековья. Что же касается специального вьетнамоведческого института — Общества друзей старого Хуэ, то он был слишком малочислен.

Французские авторы практически не занимались общими проблемами истории Вьетнама, такими, например, как характер и эволюция государственного строя и социально-экономической структуры традиционного Вьетнама. В конце XIX – начале XX в. определенное значение для изучения средневековой истории имели общие работы вьетнамских авторов так называемого профранцузского направления. Выполняя в сфере исторической науки ту же роль, что и вьетнамские католики в политике, Чыонг Винь Ки стремился облегчить французской администрации управление страной. С этой целью он создал «Курс истории Аннама», десятилетиями служивший главным пособием по истории Вьетнама в учебных заведениях французского Индокитая [Чыонг Винь Ки 1877]. Отражая политический курс ориентированной на компромисс части национальной правящей верхушки, книга Чыонг Винь Ки описывала вьетнамское средневековое общество как нечто неизменное и замалчивала национально-освободительную борьбу вьетнамского народа в различные периоды его истории. Вместе с тем автор испытал заметное влияние некоторых европейских научных взглядов на общество и историю. Временем возникновения самостоятельного государства он считал 939 г. Эта дата, более чем на тысячу лет удаленная от реальной, устраивала и колониальную администрацию, так как вьетнамская цивилизация получалась менее древней и ей легче было приписать черты примитивности, отсталости и т. д. Социальная структура этого государства на всем протяжении истории рассматривалась как феодальная.

Французские авторы считали, что феодализм присущ азиатским обществам вообще и Вьетнаму в частности. Тем более что проблема социальной структуры средневекового Вьетнама никого из ученых тогда конкретно не интересовала. Поэтому было бы неверно считать, что утверждения А.Масперо относительно феодализма I в. н. э. во Вьетнаме явились результатом длительного исследования и выражением глубокого убеждения автора. Термин «феодалы» был им упомянут мимоходом как собирательный для характеристики местной правящей верхушки [Масперо А. 1918а]. Безразличие к проблеме социально-экономических черт общества в сочетании с профранцузскими убеждениями большинства вьетнамских историков колониального периода, считавших, что социальные отношения неизменны, служило препятствием на пути изучения экономики и истории общества. Власти французского Индокитая, в отличие от англичан или голландцев, не предприняли (в первые десятилетия своего правления) попыток вмешательства в сельскохозяйственную экономику Вьетнама. А в странах Британской империи именно эти попытки привели почти повсеместно к сбору данных о налогах, формах землевладения, землепользования и т.п.; вслед за этим появились первые, пусть приблизительные, представления о социальной структуре общества. Во Вьетнаме в XIX в. проблема социальной структуры была затронута лишь в некоторых работах по устройству и жизни деревенской

¹ Впервые опубликовано как раздел коллективной монографии: Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977, с. 140–155 — под названием «Историография феодального общества Вьетнама».

общины. Из работ начала века выделяются статьи Л.Кадьера, рассматривавшего политические аспекты истории государства Дангчонг при правителях дома Нгуен (XVII–XVIII вв.) и методы освоения вьетнамцами новых южных территорий [Кадьер Л. 1906]. В эти же годы известный исследователь юридических документов Р.Делусталь издал свою «Юстицию древнего Аннама», в которой на богатом документальном материале (перевод кодекса XV в.) показал основные черты системы наказаний во Вьетнаме в эпоху династии Поздние Ле [Делусталь Р. 1911]. Однако он не попытался проследить эволюцию правовых отношений традиционного Вьетнама. Наиболее интересной работой тех лет можно считать большую статью А.Масперо «Протекторат Аннам при Танах», в которой изложена политическая и военная история этого малоизученного периода, а также уточнены вопросы исторической географии Вьетнама [Масперо А. 1910]. Столь же важны две его меньшие по размерам статьи «Династия Ранние Ли» [Масперо А. 1916] и «Кхмеро-аннамская граница в VIII–XIV вв.» [Масперо А. 1918в], посвященные отдельным страницам истории средневекового Вьетнама и основанные на большой источниковедческой работе с вьетнамскими и китайскими документами. Намеченные им основные вехи политической истории и оценки источников не устарели до нашего времени.

В 20–30-х годах XX в. возросло число исследований и общих работ. Событием стало появление книги видного ученого и политического деятеля националистического направления Чан Чонг Кима «Краткая история Вьетнама», неоднократно переиздававшейся впоследствии большими тиражами [Чан Чонг Ким 1971]. Автора совершенно не интересовали социально-экономические процессы, но для своего времени его труд содержал полное изложение политической истории с детальным описанием систем летоисчисления, титулатуры, родственных и династических связей. Что же касается проблем периодизации, вопросов экономики, аналогий в общественном развитии Вьетнама и других стран, то в этой сфере был сделан шаг назад даже по сравнению с другими работами того времени.

Гораздо более важными для развития вьетнамской исторической науки были труды Чан Ван Зяпа; его статья о средневековом вьетнамском буддизме, основанная на малоизвестных, отрывочных сведениях, разбросанных в различных источниках, стала принципиально новым явлением в историографии [Чан Ван Зяп 1932]. Будучи по форме описательной, она представляла собой краткое изложение истории развития течения *дхьяна* во Вьетнаме, а также других сект. Сама идея «сквозного» описания истории распространения буддизма явилась отрицанием традиции, согласно которой ученые уклонялись от исторических сравнений. С именем Чан Ван Зяпа связаны и первые работы по критике средневековых вьетнамских источников [Чан Ван Зяп 1970]. Во французской науке с 30-х годов источниковедением занимался Э.Гаспардон, крупнейший знаток вьетнамских источников [Гаспардон Э. 1935].

В начале 30-х годов вышла единственная во французской историографии работа, дающая суммарное описание истории доколониального Вьетнама с 1428 г., написанная Ш.Мейбоном [Мейбон Ш. 1930]. Ее средневековый раздел внес в историографию Вьетнама характерный для Запада стиль изложения, с оценками, сопоставлениями, аналогиями, с предлагаемыми автором мотивировками, моральными сентенциями, гипотезами. Все это тем не менее не компенсировало недостатка конкретной информации и отсутствия попыток анализа социально-экономических отношений и не оправдывало некоторых неточностей. Автору принадлежала и ошибочная идея о статичности традиционного вьетнамского общества. Тем не менее книга Ш.Мейбона до середины 50-х годов была единственным на европейском языке систематическим изложением истории Вьетнама с XV в.

Вьетнамская историография после 1945 г.

В 30-х годах стали выходить первые книги и статьи вьетнамских авторов по отдельным разделам истории средневековья. Наиболее интересны книга Дао Зуи Аня по истории вьетнамской культуры [Дао Зуи Ань 1938] и его же работы по лексике (например, [Дао Зуи Ань 1932]). Труды эти облегчили перевод с китайского языка на вьетнамский старинных источников и сыграли важную роль в интерпретации исторических терминов.

Первая половина 40-х годов отмечена увеличением объема литературы по истории средневекового Вьетнама, авторами которой являются сами вьетнамцы. Это во многом связано с национальным подъемом, предшествовавшим Августовской революции 1945 г., и вызвано стремлением найти в прошлом своего народа примеры борьбы за независимость. Образцом такой литературы можно считать книгу Тю Тхиена «Ле Тхань-тонг», посвященную одному из наиболее чтимых правителей вьетнамского средневековья, с именем которого связаны представления о процветании и могуществе государства [Тю Тхиен 1943].

Эта литература имела мало общего с летописной традицией, которую продолжали исторические труды Чан Чонг Кима. Она скорее сближалась с другим традиционным жанром — беллетризованной

биографией. Проблемы социально-экономической организации, как и проблемы периодизации, оставались вне поля зрения авторов — приверженцев традиционной историографии. Необходимо отметить и появившийся в эти же годы интерес к публикации средневековых источников, переведенных на современный вьетнамский язык, что было новым и чрезвычайно важным явлением, поскольку позволяло массовому читателю знакомиться с историческими фактами.

Большим событием во вьетнамской медиевистике был выход в свет в 1955 г. труда крупного вьетнамского ученого Ле Тхань Кхой, проживающего и работающего в Париже, — «Вьетнам: история и цивилизация» [Ле Тхань Кхой 1955]. Средневековый раздел книги содержал более детальное, чем где бы то ни было ранее, изложение истории. Широко привлекая данные вьетнамских летописей и официальных документов, Ле Тхань Кхой тщательно исследовал и описал в рамках единой материалистической концепции этот период истории страны. Если до него многие склонны были начинать развернутое изложение истории Вьетнама с начала XV в., то Ле Тхань Кхой показал, что в XV–XVIII вв. развивались тенденции XI–XIV вв. и отрывать эти периоды один от другого нельзя. Автора отличает глубокий интерес к социально-экономическим проблемам, а его сочинение содержит элементы марксистского анализа. Труд вызвал положительные отзывы историков ДРВ. Ле Тхань Кхой описал Вьетнам как страну с государственной собственностью на землю (с III в. н. э.), страну, в которой постепенно распадалась община и росло частное землевладение; проследил, как отдельные землевладельцы стремились к неограниченной эксплуатации общинников и как феодальное государство, защищавшее интересы правящих социальных групп в целом, пыталось затормозить процесс распада общинной организации, особенно тех ее элементов, которые служили интересам государственной власти.

Лишь с созданием ДРВ было начато широкое изучение социально-экономических проблем средневековой истории. Более половины книг и статей, посвященных вьетнамскому средневековью, вышло за последние 25 лет. Особый интерес представляет историография последних двух десятилетий, когда независимая национальная историческая наука Вьетнама приступила к решению ряда фундаментальных проблем.

Началось всестороннее плановое изучение истории с участием многих ученых. Количество и качество опубликованных исследований превзошли написанное ранее; можно говорить об изучении всех периодов средневековой истории и привлечении всех основных источников. В связи с этим уместно кратко сказать и о некоторых особенностях источников по истории Вьетнама, обусловивших специфику современной историографии. Одной из важнейших особенностей источников является малое количество противоречивых версий и необоснованных дат. Уже для середины X в. вьетнамские хроники (в отличие, например, от бирманских или яванских) содержали подробное описание реальных событий, без легендарно-беллетристических вставок. В надежности сведений можно убедиться, сопоставив их с официальными китайскими и другими источниками. Почти все известные нам хроники создавались в одном политическом центре — столице Тханглонге (Ханой), при дворе императоров, и историки стремились доказать длительную преемственность их власти. Хроники писались при неизменном этническом составе правителей, в условиях сохранения устойчивой религиозно-философской исторической концепции. Некоторое ослабление этой традиции имело место лишь в XVII–XVIII вв. Все это создало весьма устойчивую историческую традицию, так как уменьшалась возможность противоречивых толкований событий и дат или существенных разночтений в хрониках. Написанные на доступном старому образованному слою китайском литературном языке (*ханване*), эти источники оказали в свое время влияние и на вьетнамских историков колониального периода, нередко воспринимавших материалы хроник как непреложную истину.

Когда историки ДРВ занялись критическим анализом текстов хроник, указанные особенности затруднили текстологический анализ. Вместе с тем подробность изложения событий в источниках, а отчасти и наличие предшествующих работ по политической истории и исторической географии создали условия для перехода в широких масштабах к решению социально-экономических проблем.

Вводя в оборот все новые источники, подготавливая все новые критические издания и переводы, историки СРВ ведут исследования по широкому кругу проблем средневековья, уделяя основное внимание анализу общественных отношений и созданию на базе такого анализа объективной периодизации эпохи средневековья. Видное место в их работах занимают также вопросы воссоздания истории социальных движений низов, в основном крестьянства, в средневековом обществе, а также истории освободительной борьбы вьетнамского народа с иностранными захватчиками. Результаты исследований опубликованы в виде многочисленных статей в журналах *VSS*, *NCLS*, *§HSP*, а также монографий, посвященных отдельным проблемам, общих трудов и учебников.

Прежде всего следует отметить большую источниковедческую работу вьетнамских историков, составляющую одно из основных направлений их деятельности. При издании памятников в предисловиях к ним и в отдельных статьях дан критический анализ источников, начиная от самых ранних до XIX в. Наряду с историей самих памятников нашли освещение и взгляды историков. Так, например, установлено, что хроника XIII в. *Вьет шы лыок*, на первый взгляд представляющая собой

последовательное описание событий в периоды правления тех или иных императоров, содержит весьма прогрессивные для своего времени идеи об ответственности верховного правителя перед народом, которые, в частности, в начале XIX в. сформулировал известный ученый-энциклопедист Фан Хуи Тю. Он предложил новый взгляд на историю общества как на процесс динамичного развития.

Историки СРВ разрабатывают принципы научного описания документов, организованно ведут сбор рукописей, ксилографов, непрерывно издают источники. Широко поставлена работа по переводу на современный вьетнамский язык средневековых источников; многие уже переведены и изданы в многотомных сериях. Стремясь расширить круг источников, вьетнамские историки ведут систематический анализ китайских хроник, а также пытаются разыскать книги, вывезенные китайскими чиновниками во время завоевательных войн. Немалую роль играют в работе с источниками их массовый учет, реконструкция, по мере возможности, исторических памятников, а также ведущиеся в широких масштабах раскопки. В ходе этих работ удалось собрать образцы вьетнамской средневековой эпиграфики, почти неизвестной ранее (в связи с этим направлением деятельности во Вьетнаме впервые появились исследователи-эпиграфисты).

В расширении работ по медиэвистике большую роль сыграл выход в свет трехтомной «Истории феодального строя во Вьетнаме» [Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан 1963; Фан Хуи Ле 1960], где собрана вся основная информация по средневековой истории. Изданы монографии по аграрным проблемам в средние века [Фан Хуи Ле 1959], по истории борьбы против монгольского нашествия [Ха Ван Тан, Фам Тхи Там 1970], а также более краткие общие курсы по истории страны. Они позволили начать формировать школу медиэвистов. В этих работах, а также в многочисленных статьях детально разрабатываются проблемы периодизации вьетнамского средневековья. Общая точка зрения еще не выработана, но по ряду вопросов достигнуто единство. Почти все ведущие авторы согласны с тем, что X–XI века были временем формирования централизованного государства, современные границы которого установились лишь к концу XVIII в. В то же время по проблемам формирования феодальных отношений, их развития, а также по ряду частных вопросов имеются различные, порой малообоснованные точки зрения.

Труды историков СРВ о формировании феодализма во Вьетнаме

Проблема формирования феодальных отношений восточного типа тесно связана с периодом ранней государственности, существовавшей до включения страны в состав императорского Китая. Как известно, во вьетнамской литературе этот вопрос был предметом длительных дискуссий, в ходе которых высказывались самые различные точки зрения [Деопик Д.В. 1956]. В дальнейшем выкристаллизовались две концепции: согласно первой, возникшее у предков вьетнамцев в III в. до н. э. государство Аулак было древневосточной деспотией; согласно второй, это был союз племен, а становление раннегосударственных отношений совпало с включением Вьетнама в состав империи Хань (I в. н. э.). Первую концепцию разделяли Дао Зуи Ань [Дао Зуи Ань 1955а], Минь Чань [Минь Чань 1955е], Ван Тан [Ван Тан 1968]. К этим же выводам пришел на основе своих исследований в 1958 г. и автор данной работы [Деопик Д.В. 1958]; другую точку зрения поддерживали Ха Ван Тан и Чан Куок Выонг в труде по истории первобытного общества во Вьетнаме [Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан 1960]. В ходе двух больших дискуссий, 1956 и 1960 гг., когда сталкивались самые различные точки зрения, поставленная проблема так и не получила окончательного разрешения, хотя к 1960 г. было полностью отвергнуто представление о том, что события III в. до н. э. носили легендарный характер. Вслед за этим сторонники второй концепции отказались от своих взглядов.

Независимо от того, как рассматривают те или иные авторы социальную структуру лаквьетского общества, все они так или иначе связывают процесс оформления возникших на местной основе феодальных отношений с влиянием китайского общества, поскольку это оформление происходило в период политической зависимости от Китая. В рамках этого общего взгляда многое обусловлено, во-первых, тем, к какому периоду относят разные авторы начало глубокого (достаточного для адекватного восприятия социальной терминологии, на анализе которой базируются многие выводы) влияния Китая на Вьетнам, и, во-вторых, с какого периода они рассматривают китайское общество и его систему социальной терминологии как феодальные. (Надо сказать, что во вьетнамской литературе феодальный строй империи Хань признается без доказательства либо этот вопрос не рассматривается вообще.)

Наиболее раннюю дату начала феодализации вьетнамского общества предложил Чан Ван Зяу в предисловии к первому тому «Истории феодального строя во Вьетнаме» [Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан 1963] (авторы тома к нему присоединились). Чан Ван Зяу рассматривал период со 180 г. до н. э. по 40 г. н. э. как время перехода к феодальным отношениям от патриархальных, период с 40 по 541 г. — как

время формирования феодальных отношений, а 541–939 гг. — как время становления независимого феодального государства. Слабое место в этой концепции состоит в том, что если предполагать, что формирование феодальных отношений в патриархальном (к моменту контакта в 180 г. до н. э. с ханьским обществом) лаквьетском обществе осуществлялось под влиянием ханьцев (что само по себе неверно), то становится необъяснимым принципиальное отличие сохранявшейся — как основная ячейка вьетнамского средневекового общества — крепкой вьетнамской сельской общины от общины в Китае, распавшейся весьма рано. Это отличие лишний раз свидетельствует о том, что феодализация во Вьетнаме была внутренним процессом и те или иные контакты с более развитым китайским обществом играли второстепенную роль. Гораздо более гибким представляется взгляд Зуи Хиня, согласно которому, хотя еще рано говорить о точном определении характера социально-экономической структуры лаквьетского общества до середины I в. н. э., начиная с этого периода можно констатировать наличие во Вьетнаме земельной аристократии как господствующего социального слоя [Зуи Хинь 1965]. Не предопределяя, таким образом, решения вопроса, автор устанавливает по крайней мере одно важное и бесспорное обстоятельство. Черты феодализации другой историк, Хо Хью Фьюк, находит во времена Кхук Тхья Зу (начало X в.) [Хо Хью Фьюк 1963].

Обращаясь к проблеме влияния китайского общества на оформление возникших во Вьетнаме феодальных отношений, Зуи Хинь предлагает рассматривать в качестве начального рубежа интенсивных контактов с китайским обществом не период восстания сестер Чынг (40–44 гг. н. э.) и позднее, а время попыток активной ассимиляции лаквьетов в правление Ван Мана (10–20-е годы н. э.). Автору, опубликовавшему аналогичные соображения в 1961 г. [Деопик Д.В. 1961], остается только согласиться с Зуи Хинем в определении даты начала интенсивных контактов двух обществ. С другой стороны, оппонент Зуи Хиня, Хо Хью Фьюк, прав, относя процесс контактов к более длительному периоду, чем четверть века перед восстанием сестер Чынг. Правда, расширение рамок периода, по нашему мнению, должно идти в сторону II в. н. э., а не II в. до н. э.; мнение же Хо Хью Фьюка о том, что уже во II–I вв. до н. э. в лаквьетском обществе шел интенсивный процесс восприятия ханьской культуры, не соответствует данным источников.

В целом различные точки зрения, подытоженные в другой статье Зуи Хиня, можно свести к следующим: по мнению одних, процесс феодализации начался со II–I вв. до н. э.; по мнению других — со времени подавления восстания сестер Чынг; по мнению третьих — с момента ликвидации независимой вьетнамской империи Вансуан и создания новых форм организации общества в рамках созданного китайцами Верховного управления Аньнани (начало VII в. н. э.); по мнению четвертых — с начала X в. Точка зрения самого Зуи Хиня выглядит следующим образом: лаквьетское общество до начала нашей эры — дофеодальное, тенденции феодализации стали проявляться с начала нашей эры, процесс феодализации шел достаточно долго [Зуи Хинь 1963]. Близок к этой точке зрения Чыонг Хоанг Тяу, при этом он считает лаквьетское общество рабовладельческим. Осторожно заметив, что время перехода к феодализму — вопрос неясный, он высказывает мнение, что формирование его началось с утверждения верховной государственной собственности на землю, а возникновение личной наследственной собственности на землю — дело позднее [Чыонг Хоанг Тяу 1963]. Надо сказать, что в целом личная наследственная собственность преобладала в поздний период вьетнамского феодализма, но, так как личная собственность в XI и XVII вв. — не одно и то же, вопрос еще не решен окончательно. Приблизительно на тех же позициях стоит и Ван Тан. Считая, что до начала нашей эры Вьетнам развивался как раннегосударственное общество, он связывает возникновение феодальных тенденций в обществе с силами, возглавившими восстание сестер Чынг. Он рассматривает, в частности, восстание Чиеу Ау (248 г.) как проявление стремления к созданию уделов. Утверждение феодальных норм он относит к моменту восстания Ли Бона и создания империи Вансуан (541 г.). В VII–IX вв., по его мнению, происходило укрепление во вьетнамском обществе позиций наследственных крупных землевладельцев-феодалов, постепенно освобождавшихся из-под власти императорского Китая и способствовавших возникновению в X в. политической раздробленности [Ван Тан 1963].

Историки СРВ о проблемах феодализма во Вьетнаме

Проблеме периода политической раздробленности посвящен ряд других работ. Уже в 1953–1954 гг. Дао Зуи Ань [Дао Зуи Ань 1953] и Минь Чань [Минь Чань 1955e] предложили рассматривать X — начало XI в. как период феодальной раздробленности и ввели это понятие во вьетнамскую науку. Впоследствии к их точке зрения присоединился Ван Тан. Он подверг критике точку зрения Ха Ван Тана и других, считавших, что во Вьетнаме, где феодальные отношения формировались под влиянием централизованного Китая и приняли форму централизованной организации господствующего класса, феодальная раздробленность в прямом смысле этого слова не имела места как особый период.

Следующей крупной проблемой является переход централизованного вьетского государства от первого этапа (XI–XIV вв.) эпохи развитого восточного феодализма ко второму (XVI–XVIII вв.). Ключевым для этих перемен является XV век. Внимательное изучение истории и экономики этого века, политических мероприятий императоров и государственных деятелей (таких, как Хо Куи Ли, Ле Лой, Нгуен Чай) привело к пересмотру традиционных воззрений на периодизацию этой эпохи. Традиция противопоставляла «узурпатора» Хо Куи Ли (конец XIV — начало XV в.) с его неугодными крупным наследственным землевладельцам реформами и проигранной войной против Китая «великому» Ле Люю (правил с 1428 по 1433 г.) — победителю китайских захватчиков (хотя Ле Лой тоже был узурпатором по отношению к законным наследникам императоров Чан). Пристальное изучение фактов позволило современным вьетнамским историкам пронаблюдать преемственность в реформах Хо Куи Ли и Ле Лоя, отметить прогрессивность той программы, за которую боролся Хо Куи Ли. Было установлено, что отмеченное военными победами и высоким подъемом культуры правление Ле Тхань-тонга (конец XV в.) было временем начала кризиса в области экономики, распада системы общинного землевладения и перехода к поместному землевладению. Граница между двумя этапами в развитом феодализме проходит, как показала работа Фан Хуи Ле, в конце XV — начале XVI в. [Фан Хуи Ле 1959].

При изучении последних веков развитого вьетнамского феодализма (XVII–XVIII вв.) историки основное внимание уделяют анализу внутренней борьбы в обществе, в особенности массовым социальным движениям. Помимо трудов, посвященных исследованию борьбы с монголо-китайским вторжением в XIII в. [Ха Ван Тан, Фам Тхи Там 1970], с китайской агрессией при Минах в XV в. [Фан Хуи Ле 1960], появились работы об отражении тайшонами нападения цинских войск в конце XVIII в. [Нгуен Лыонг Бить, Фам Нгок Фунг 1966]. Вообще тайшонское движение, всячески очернявшееся нгуеновскими историографами, внимательно изучается в СРВ [Минь Чань 1958; Ван Тан 1958], и это чрезвычайно важно, ибо крестьянское движение тайшонов — одно из немногих в истории традиционного Вьетнама, о которых сохранилась достаточно полная информация в официальных летописях.

Значительное место во вьетнамской историографии занимает вопрос о времени и условиях формирования вьетнамской нации. Чан Хуи Лиэу и Минь Чань в середине 50-х годов относили его к концу XVIII в., Дао Зуи Ань — к XIV в. При этом Чан Хуи Лиэу и Минь Чань исходили из факта политической общности страны и начала выделения средних городских слоев в отдельную социальную группу, а Дао Зуи Ань — из уже сложившегося противопоставления вьетнамцев как этноса своим соседям. Надо отметить, что обе точки зрения не связывают формирование нации с наличием буржуазных отношений, ибо в этом случае пришлось бы относить возникновение нации, как предлагал Хонг Суан Ньи, к 1930 г. Несостоятельность последнего предположения заставляет считать точки зрения предыдущих авторов более приемлемыми в целом. Что же касается конкретного времени возникновения нации, то по этому вопросу нет не только единого мнения, но и мнения большинства.

В многочисленных статьях и книгах, выходящих в ДРВ, подвергаются критическому разбору взгляды таких историков колониального периода, как Чыонг Винь Ки, Чан Чонг Ким, критикуются ошибки и в работах современных авторов, например Ле Тхань Кхоя. Исследуются также проблемы традиционной вьетнамской историографии, в частности, специальные семинары были посвящены таким средневековым историкам, как Ле Куи Дон [Конференция по Ле Куи Дону] и др.

Ведущиеся в СРВ исследования средневекового общества, как видно из изложенного, уже дали новые и важные результаты; многочисленные научные труды в этой области позволили вскрыть основные особенности вьетнамского феодализма, наметить периодизацию, обнаружить социально-экономические основы процессов, типичных для традиционных азиатских обществ. С каждым годом работы вьетнамских медиевистов приобретают все больший размах; надо надеяться, что интенсивная разработка таких проблем, как происхождение вьетнамского государства, аграрные отношения на этапе развитого восточного феодализма, и других приведет к дальнейшему обогащению востоковедной исторической науки.

Работы советских историков о феодальном Вьетнаме

Изучение средневекового Вьетнама занимает значительное место и в трудах отечественных вьетнамистов. Истории страны в раннее средневековье посвящены статья Д.В.Деопика «Организация управления на окраинах китайской империи на примере вьетских земель крайнего Юга» [Деопик Д.В. 1970] и раздел «Вьетнам в раннее средневековье» в книге «История стран Азии и Африки в средние века» [Деопик Д.В. 1968а]. Малочисленность источников по периоду VI–IX вв. затрудняет характеристику общественного строя и социально-экономической структуры. Но уже сейчас можно

считать доказанным, что, несмотря на политическую зависимость Вьетнама от Китая до 880 г., его социальное развитие шло своим путем. Формировалась прослойка крупных наследственных землевладельцев (в X в. получивших название *шыкуанов*), в зависимость от которых попадали целые районы, населенные общинниками. Судя по источникам по X в., общинники не находились в личной зависимости, хотя *шыкуаны* узурпировали права центральной власти на ренту-налог с общин. Что касается мелких и средних землевладельцев, то они были представлены служилой прослойкой — *куанами*. Конец IX — начало XI в. рассматриваются автором как период политической раздробленности, когда владельцы уделов — *шыкуаны* вели войны против центральной власти и между собой, а вьетнамский верховный правитель пытался им противостоять, опираясь на поддержку служилых (в значительной части военных) и буддийской *сангхи*. Середина XI — начало XVI в. рассматриваются Д.В.Деопиком в соответствующем разделе книги «История стран Азии и Африки в средние века» [Деопик Д.В. 1968б] и в статье «Вьетнам» в «Советской исторической энциклопедии» [Деопик Д.В. 1963] как период существования централизованного государства. Тогда основную массу производителей составляли юридически свободные крестьяне-общинники, платившие ренту-налог непосредственно государству или чиновникам, получавшим право сбора ренты-налога на период их службы. Существовала небольшая прослойка крупных землевладельцев, в основном родственников *вуа*, имевших наследственные владения. Буддийские храмы и монастыри также имели «вечные» владения. В этих землевладениях насчитывалось несколько категорий зависимых производителей, также объединенных в общины; они лично зависели от владельца и не несли государственных повинностей. Помимо них существовали немногочисленные группы людей, чей статус был близок к рабскому. Эти лица принадлежали высшей знати и обычно использовались в сфере обслуживания.

В XVI–XVII вв., как считает автор [Деопик Д.В. 1968в], эта система начала распадаться, община все более приобретала характер соседской, а переделы охватывали все меньшую часть земли и не имели уравнительного характера. С конца XV в. возникли мелкопоместные хозяйства внутри деревень, а к началу XVIII в. основную массу землевладельцев уже составляли мелкие помещики, обычно (но не обязательно) выполнявшие функции государственных служащих среднего звена. Этот тип аграрных отношений, рассматриваемый автором как типичный для второго этапа развитого и для позднего восточного феодализма применительно к Вьетнаму, сохранился и в колониальный период и был уничтожен аграрной реформой ДРВ. Вопросу о формировании гражданского служилого сословия в традиционном Вьетнаме посвящена другая работа того же автора [Деопик Д.В. 1971]. В ней показано, что до конца XVIII в. основным поставщиком образованных чиновников была не городская среда, как это было в европейских странах, а деревенская, что еще раз подчеркивает сравнительную слабость города в средневековом Вьетнаме.

Истории средневекового Вьетнама посвятил свой труд М.А.Чешков [Чешков М.А. 1967], исследовавший главным образом период XV–XVIII вв.; предшествующий период получил в нем лишь самое общее освещение. Автор верно оценил вьетское общество XI–XIV вв. как общество господства верховной собственности государства на доходы от земли с преобладанием условного землевладения над наследственным, сравнительно близким к европейскому крупному феодальному землевладению. В то же время трудно согласиться с трактовкой автором социально-экономических отношений во Вьетнаме как азиатского способа производства.

В работе И.А.Огнетова [Огнетов И.А. 1960] дано подробное описание и детальный анализ движения тайшонов. На примере этого победоносного восстания автор показал, как от уравнительных идей первого периода восстания вожди крестьян перешли к восстановлению архаичных норм и порядков, что и объясняет, наряду с другими причинами, поражение тайшонов.

Характеризуя аграрную структуру, И.А.Огнетов указывает, что одной из причин кризиса, приведшего в конце XVIII в. к восстанию тайшонов, была частичная смена общинного хозяйства поместным и связанное с этим расширение системы условного землевладения.

Анализу аграрных отношений во Вьетнаме в XIII–XIV вв. посвящена работа Г.М.Маслова [Маслов Г.М. 1969]. Автор проследил тенденции развития аграрных отношений и попытался выявить среди землевладельцев второй половины XV в. группу получателей земельных владений из деревенского фонда земель, из которых впоследствии образовался слой мелких помещиков позднефеодального Вьетнама.

Структура общины и ее место в системе социально-экономических отношений традиционного общества во Вьетнаме изучались советским этнографом А.И.Мухлиновым [Мухлинов А.И. 1961]. Автор, как и все отечественные ученые и большинство исследователей СРВ, рассматривает вьетнамскую общину как объединение юридически свободных крестьян, связанных по крайней мере до XVI–XVII вв. экономическим единством в виде общего земельного фонда, подвергавшегося периодическим переделам. Автор справедливо указывает на то, что вьетнамское средневековое общество веками базировалось на сельской общине как основном объекте эксплуатации, что и привело к формированию здесь азиатской деспотии с верховной собственностью государства на землю.

Отдельные вопросы состава правящей верхушки в раннесредневековом Вьетнаме поставлены в статье И.Н.Машкиной о вьетнамо-китайских связях в III–X вв. [Машкина И.Н. 1970]; проблемам источниковедения посвящена работа П.В.Познера [Познер П.В. 1976].

Подводя итоги, можно сказать, что проблематика вьетнамского средневековья интенсивно разрабатывается в современной исторической литературе и уже достигнут ряд крупных успехов в работах над такими проблемами, как периодизация, социально-экономическая структура и т. д.

Библиография

- Ван Тан 1958. — *Văn Tân. Cách mạng Tây-sơn (Ван Тан. Революция Тайшонов)*. Н., 1958.
- Ван Тан 1963. — *Văn Tân. Trong lịch sử chế độ phong kiến Việt-nam có hay không có thời kỳ chế độ phong kiến phân quyền (Ван Тан. Был или не был период феодальной раздробленности в истории феодализма во Вьетнаме?)*. — NCLS. 1963, № 47, с. 22–27, 44.
- Ван Тан 1968. — *Văn Tân. Vấn đề An dương vương Thục Phán và nước Âu-lạc (Ван Тан. Проблема Анзыонг-вьонга и страна Аулак)*. — NCLS. 1968, № 107, с. 25–27.
- Гаспардон Э. 1935. — *Gaspardone E. Bibliographie Annamite*. — BEFEO. 1935, t. 34, № 1, с. 1–174.
- Дао Зуи Ань 1932. — *Đào Duy Anh. Hán-Việt từ điển (Дао Зуи Ань. Китайско-вьетнамский словарь)*. Huế, 1932.
- Дао Зуи Ань 1938. — *Đào Duy Anh. Việt-nam văn hóa sử cương. (Дао Зуи Ань. Основы вьетнамской культуры)*. Huế, 1938.
- Дао Зуи Ань 1953. — *Đào Duy Anh. Lịch sử Việt Nam (Дао Зуи Ань. История Вьетнама)*. Н., 1953.
- Дао Зуи Ань 1955а. — *Đào Duy Anh. Có thời kỳ chế độ nô lệ trong lịch sử Việt-nam không? (Дао Зуи Ань. Был ли рабовладельческий строй в истории Вьетнама?)*. — ĐHSР. 1955, № 2, с. 4–17.
- Делусталь Р. 1911. — *Deloustal R. La justice dans l'ancien Annam*. Н., 1911.
- Деопик Д.В. 1956. — *Деопик Д.В. Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке*. — Вестник древней истории. 1956, № 2, с. 96–107.
- Деопик Д.В. 1958. — *Деопик Д.В. Возникновение государства во Вьетнаме*. — Советское востоковедение. 1958, № 4, с. 83–89.
- Деопик Д.В. 1961. — *Деопик Д.В. Крестьянские восстания во Вьетнаме в I–II вв. н. э.* — История и литература стран Востока. М., 1961, с. 157–171.
- Деопик Д.В. 1963. — *Деопик Д.В. Вьетнам. Исторический очерк (до 1885 г.)*. — Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963, с. 918–932.
- Деопик Д.В. 1968а. — *Деопик Д.В. Вьетнам в раннее средневековье*. — История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 56–61.
- Деопик Д.В. 1968б. — *Деопик Д.В. Вьетнам в период развитых феодальных отношений*. — История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 195–206.
- Деопик Д.В. 1968в. — *Деопик Д.В. Вьетнам в позднее средневековье*. — История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 396–399.
- Деопик Д.В. 1970. — *Деопик Д.В. Организация управления на окраинах китайской империи на примере вьетских земель крайнего Юга*. — Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 1. М., 1970, с. 51–78.
- Деопик Д.В. 1971. — *Деопик Д.В. Сравнительная роль города и деревни в формировании кадров лауреатов традиционных конкурсов (на материале Вьетнама XVI–XVIII вв.)*. — Общество и государство в Китае. Доклады и тезисы. Вып. 1. М., 1971, с. 116–130.
- Зуи Хинь 1963. — *Duy Hinh. Mâu ý kiến về vấn đề phong kiến hóa trong lịch sử Việt Nam (Зуи Хинь. К вопросу о феодализации в истории Вьетнама)*. — NCLS. 1963, № 55, с. 9–17.
- Зуи Хинь 1965. — *Duy Hinh. Tính chất cuộc khởi nghĩa hai bà Trưng (Зуи Хинь. Характер восстания двух сестер Чынг)*. — NCLS. 1965, № 72, с. 2–13.
- Кадьер Л. 1906. — *Cadière L. Le mur de Dong-hoi. Etude sur l'établissement des Nguyen en Cochinchine*. — BEFEO. 1906, t. 6, № 1–2, с. 87–254.
- Конференция по Ле Куи Дону. — *Lê Quý Đôn, nhà bác học Việt Nam thế kỷ XVIII (Ле Куи Дон — вьетнамский ученый XVIII в.)*. Thái-bình, 1979.
- Ле Тхань Кхой 1955. — *Le Thanh Khoi. Le Viet-Nam. Histoire et civilisation*. P., 1955.
- Маслов Г.М. 1969. — *Маслов Г.М. Некоторые тенденции развития аграрных отношений во Вьетнаме в XIII–XIV вв.* — Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., 1969, с. 176–187.
- Масперо А. 1910. — *Maspero H. Le protectorat général d'Annam sous les T'ang. Essai de géographie historique*. — BEFEO. 1910, t. 10, № 3–4, с. 539–584, 665–682.
- Масперо А. 1916. — *Maspero H. La dynastie des Li antérieurs*. — BEFEO. 1916, t. 16, № 1, с. 1–26.
- Масперо А. 1918а. — *Maspero H. Le royaume de Van Lang*. — BEFEO. 1918, t. 18, № 3, с. 1–10.
- Масперо А. 1918в. — *Maspero H. La frontière de l'Annam et du Cambodge du VIII au XIV siècle*. — BEFEO. 1918, t. 18, № 3.
- Машкина И.Н. 1970. — *Машкина И.Н. К истории китайско-вьетнамских связей III–X вв. (по китайским источникам)*. — Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970, с. 63–83.
- Мейбон Ш. 1930. — *Maybon Ch. Lecture sur l'histoire moderne et contemporaine de l'Annam (1428–*

1926). Н., 1930.

Минь Чань 1955е. — *Minh Tranh*. Sơ thảo lược sử Việt Nam (Минь Чань. Краткая история Вьетнама). Н., 1955.

Минь Чань 1958. — *Minh Tranh*. Phong trào nông dân thế kỷ XVIII và khởi nghĩa Tây-son (Минь Чань. Крестьянские движения XVIII в. и восстание Тайшонов). Н., 1958.

Мухлинов А.И. 1961. — *Мухлинов А.И.* Вьетнамская сельская община. — Восточно-азиатский этнографический сборник. Т. 73. М., 1961, с. 217–279.

Нгуен Лыонг Бить, Фам Нгок Фунг 1966. — *Nguyễn Lương Bích, Phạm Ngọc Phung*. Tìm hiểu thiên tài quân sự của Nguyễn Huệ (Нгуен Лыонг Бить, Фам Нгок Фунг. Исследование военного таланта Нгуен Хуэ). Н., 1966.

Огнетов И.А. 1960. — *Огнетов И.А.* Восстание Тэйшонов во Вьетнаме (1771–1802). М., 1960.

Познер П.В. 1976. — *Познер П.В.* Освещение древней истории Вьетна в средневековых вьетских хрониках — летописных сводах. — Народы Азии и Африки. 1976, № 1, с. 84–94.

Тю Тхиен 1943. — *Chu Thiên*. Lê Thánh Tông (Тю Тхиен. Ле Тхань-тонг). Н., 1943.

Фан Хуи Ле 1959. — *Phan Huy Lê*. Chế độ ruộng đất và kinh tế nông nghiệp thời Lê sơ (Фан Хуи Ле. Система землепользования и сельская экономика эпохи Ле Шо). Н., 1959.

Фан Хуи Ле 1960. — *Lịch sử chế độ phong kiến Việt-nam* (История феодального строя во Вьетнаме). Т. 2–3. Н., 1959–1960.

Ха Ван Тан, Фам Тхи Там 1970. — *Hà Văn Tấn, Phạm Thị Tâm*. Cuộc kháng chiến chống xâm lược Nguyên Mông thế kỷ XIII (Ха Ван Тан, Фам Тхи Там. Война Сопротивления против монголо-юаньской агрессии в XIII в.). Н., 1970.

Хо Хыу Фыок 1963. — *Hồ Hữu Phước*. Nhân đọc bài «Mấy ý kiến về vấn đề phong kiến hoá trong lịch sử Việt Nam» (Хо Хыу Фыок. Читая статью «К вопросу о феодализации в истории Вьетнама»). — NCLS. 1963, № 61, с. 13–15, 41.

Чан Ван Зяп 1932. — *Tran Van Giap*. Le bouddhisme en Annam dès origines au XIII-e siècle. — BEFEO. 1932, t. 32, № 1, с. 191–268.

Чан Ван Зяп 1970. — *Trần Văn Giáp*. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm (Чан Ван Зяп. Исследование книг на иероглифике). Т. 1. Н., 1970.

Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан 1960. — *Trần Quốc Vương, Hà Văn Tấn*. Lịch sử chế độ cộng sản nguyên thủy ở Việt-nam (Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан. История первобытно-общинного строя во Вьетнаме). Н., 1960.

Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан 1963. — *Lịch sử chế độ phong kiến Việt Nam* (История феодального строя во Вьетнаме). Т. 1. Н., 1963.

Чан Чонг Ким 1971. — *Trần Trọng Kim*. Việt-nam sử lược (Чан Чонг Ким. Краткая история Вьетнама). Т. 1–2. S., 1971.

Чешков М.А. 1967. — *Чешков М.А.* Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.

Чыонг Винь Ки 1877. — *Truong Vinh Ky*. Cours d'histoire annamite. Т. 1–2. S., 1875, 1877.

Чыонг Хоанг Тяу 1963. — *Trương Hoàng Châu*. Một số nhận thức về đặc điểm của xã hội thời trung thế ở Việt Nam (Чыонг Хоанг Тяу. Некоторые соображения по поводу особенностей общества средневекового Вьетнама). — NCLS. 1963, № 47, с. 28–38.

Рецензия на книгу:
Рябинин А.Л. Рождение империи Нгуенов.
М., 1988, 452 с.¹

Предлагаемое вниманию читателя обсуждение представляет собой не столько столкновение различных точек зрения по поводу исследуемого в монографии А.Л.Рябинина предмета, сколько, по моему мнению, имеет целью поставить и решить вопрос о жанре, в котором написана работа.

На мой взгляд, уже само появление жанра, не принятого в востоковедческой историографии, но распространенного в литературе по русской и западноевропейской истории, является серьезным основанием для обсуждения на страницах востоковедного журнала. Конкретно речь идет о подробнейшем изложении хода исторического развития на коротком отрезке времени с описанием и анализом всех основных характеристик общества, а не только так называемой политической истории.

Мнение большинства советских востоковедов по вопросу о том, писать или не писать в подобном жанре о событиях нового времени и ранее, достаточно однозначно представлено всей многолетней предшествующей деятельностью: такой жанр в отечественной ориенталистике не существует. Поэтому часть пока немногочисленных сторонников написания исследования в манере, представленной обсуждаемой монографией, решила высказать по этому поводу свою точку зрения, которая нуждается в обосновании и развитии.

Проблема состоит в том, возможно ли в советской историографии появление подобных работ об инокультурной среде и достаточно отдаленной от нас эпохе при отсутствии исследований такого жанра в национальной (в данном случае вьетнамской) и западноевропейской историографии. Встает и еще один вопрос: можем ли мы быть Соловьевыми и Ключевскими для чужой истории? Достаточно лишь прочесть эту книгу, чтобы получить ответ на этот вопрос.

Однако само это явление — детальное описание отрезка истории удаленной от нас страны в строгой хронологической последовательности — столь ново и необычно (ведь французские и вьетнамские ученые ничего подобного по этой эпохе не создавали), что у группы наиболее, видимо, компетентных, применительно к этому периоду вьетнамской истории, специалистов возникло желание поделиться с читательской аудиторией своими взглядами на различные аспекты, на плюсы и минусы такого рода подхода, а также на его перспективы.

В ходе обсуждения возник ряд проблем, по которым у его участников имеются разные точки зрения. Но главное, на мой взгляд, — дать ответ на уже поставленный вопрос: должны ли ученые других стран ограничиваться исследованием только узких проблем или, наоборот, краткими обобщенными моделями исторического развития инационального общества, оставляя детальное описание истории будущим Соловьевым и Ключевским той страны, которая является объектом изучения, либо они имеют право и даже обязаны участвовать в формировании этого необходимого исторического жанра?

Могут они это делать или нет? Такого вопроса уже не существует — книга написана. И жанр этот во вьетнамистике (для нового времени) сложился именно в нашей стране, чем, как мне представляется, мы имеем все основания гордиться (очерки военной истории здесь не рассматриваются).

Однако работы, посвященные не отдельным проблемам, а отрезку истории во всем ее многообразии, во многом уникальны отнюдь не только для советской вьетнамистики. Их почти нет в современной отечественной историографии. Ответить на вопрос о причинах подобной ситуации несложно: потому что это весьма трудно. Но не невозможно, как показывает обсуждаемая книга.

Теперь о предпосылках ее создания, т.е. о мировой и отечественной вьетнамистике, об источниковедческой базе и значимости исследуемого в монографии периода.

В нашей востоковедной науке на протяжении долгого времени появлялись узкие исследования, опиравшиеся на то, что было подробно изучено до нас и не у нас. Наша задача состояла в основном в том, чтобы дописывать экономические разъяснения к политическим, культурным и иным событиям, описанным другими авторами. А широко прокламируемая необходимость писать подробную политическую историю в свете экономических и социальных процессов так необходимостью и оставалась. В значительной мере это происходило потому, что опыт сочетания в рамках целостного исследования трех составляющих (экономика, социальная структура и политические события), если

---

¹ Впервые опубликовано: Народы Азии и Африки. 1989, № 2, с. 163–165.

говорить о детальном описании коротких периодов, накоплен даже в историографии СССР в весьма незначительных размерах.

В работе А.Л.Рябинина собрана и проанализирована практически вся информация об истории Вьетнама на протяжении приблизительно четверти столетия. По своему объему книга всего лишь в два раза меньше ее основного, но не единственного источника. Однако надо представлять себе тип этого источника. Ставшая основой для исследования, хроника «для узкого круга» является записью событий (день за днем, месяц за месяцем), на протяжении всего текста ни разу не связанных и не обобщенных. Эта живая ткань истории, но ее ткали чужие для нас руки. Причем ткали давно, в стране иной культурной традиции, имея во многом иные цели, чем у европейских хронистов и особенно у современных историков. Поэтому не следует думать, что, прочитав (не на русском языке) эти тексты, читатель получит хотя бы часть той информации, которая имеется в обсуждаемой книге. На чтение этих текстов у автора ушел год. Еще десять лет он писал эту книгу. Для этого надо было выявить множество связей в обществе, исследовать два предшествующих изучаемому периоду десятилетия, а также два последующих, обработать два десятка других источников, но самое главное — найти и выработать способ написания полной социальной, экономической и политической истории. Причем это надо было сделать так, чтобы произвести описание не по разделам (аграрные отношения, город, ремесло, торговля и т. д.), а по тому, как оказывались связанными в тот или иной период различные процессы в этих областях жизни вьетнамского общества. Предварительное глубокое исследование отдельно каждого из аспектов жизни общества на протяжении 20 лет, а также значительного предшествующего и последующего периодов (оно также было проведено, но не вошло в текст) дало возможность получить картину развития каждого явления, рассмотренного само по себе и во взаимосвязи с другими, и включать выводы из этих исследований в текст. И тогда, например, политическая поддержка новой династии Нгуен богачами Севера воспринимается автором, а за ним и читателем как естественная реакция живого социального организма, со своими интересами и программой, отвечающего на воздействие на него внешнего благоприятного фактора.

При этом реализуется материалистический подход к диалектическому развитию общества, что проявилось не в прикладывании к вьетнамскому опыту тех или иных крупных или мелких деталей европейского пути развития, а в попытке показать, как социально-экономическое развитие общества (и на больших временных отрезках, и в эту четверть столетия) определяло политические процессы в стране. Мне кажется, эта попытка удалась. Как вьетнамист, в пределах своей компетенции могу сказать, что ничего серьезного здесь не упущено, никаким деталям не придано большего значения, чем они того заслуживают, иными словами, все написанное — все приведенные факты — соответствуют действительности не только в отдельности, но и как целое.

И еще. Книга читается не очень легко, но увлекает. Для того чтобы это было так, автору потребовалось два года (перед нами третий вариант работы). Но, может быть, в этом заслуга не только автора, но и жанра, по которому так истосковались все, кто любит историю.

К счастью, нельзя добавить, что эта книга долго лежала на полке, а ее издание тормозили всяческие ретрограды. Напротив, Главная редакция восточной литературы не только приложила все старания, чтобы ее выпустить, но и сделала почти невозможное — более чем в 1,5 раза увеличила ее объем по сравнению с максимально «допустимым». И это очень хорошо.

Место вьетнамских ученых в современном российском вьетнамоведении¹

В работе исследуется эволюция тематической структуры публикаций российских и вьетнамских книг, статей, авторефератов диссертаций, защищавшихся в России. Это рассказ о тех, кто учился, защищал диссертации, писал статьи и продолжает этим заниматься в нашей стране.

Объектом сравнения были данные по 1959–1970 гг. (12 лет) и по эпохе «обновления» (*доймой*) — 1986–1995 гг. (10 лет); это два крупных периода деятельности вьетнамских ученых и аспирантов в нашей стране. К сожалению, по периоду 1971–1985 гг. еще нет библиографии, но Вьетнамоведческий центр Института стран Азии и Африки при МГУ ведет соответствующую работу, с тем чтобы составить полную библиографию работ по вьетнамоведению, в том числе работ вьетнамских ученых, за 1971–1985 гг., чтобы исследователи имели исчерпывающую библиографию русскоязычных вьетнамоведческих работ.

Сравнение показало, что вьетнамские ученые, пишущие и защищающие свои работы на русском языке, занимают важное место в нашем вьетнамоведении — неизмеримо более важное, чем 15–20 лет назад; произошли принципиальные изменения. И структура вьетнамской научной продукции на русском языке, и ее место в нашей науке меняются к лучшему.

Какие факты привели к данному заключению?

Речь идет и о тех, кто успешно закончил свою работу, опубликовал ее результаты в виде автореферата, но после этого уехал в страну и уже не участвовал своими публикациями в жизни российской науки, и о тех, наиболее важных для нее вьетнамских ученых, которые печатали исследовательские работы на русском языке и помимо, и после написания диссертации, о тех, кто внес заметный вклад в изучение Вьетнама в нашей стране. Очень приятно сознавать, что те усилия, которые приложила российская наука, российская высшая школа для подготовки специалистов по Вьетнаму, дали свои плоды и в

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Наука и сотрудничество. М., 1999, с. 16–31. Статья написана совместно с Е.А.Черепневой.

нашей стране. Иными словами, российская наука сейчас получает помощь от вьетнамской науки, помощь регулярную и непрерывно растущую. Теперь целый ряд направлений российской науки о Вьетнаме существует во многом благодаря вьетнамским ученым, большинство публикаций по ряду направлений осуществляется прежде всего вьетнамскими учеными, пишущими на русском языке. Ни с одной другой страной Востока у нас не было и нет такого взаимодействия. В нашей стране готовилось много специалистов из разных стран, но ни в одном случае от них не было такой пользы нашей науке. В этом отношении Вьетнам бесспорно стоит на первом месте, тем более что качество работ вьетнамских ученых с каждым годом растет. Они становятся более специализированными, более конкретно научными в полном смысле этого слова. Это работы, без чтения которых, в частности, уже трудно готовить студента-вьетнамиста по ряду проблем. В некоторых же областях просто невозможно трудиться плодотворно, если не знать того, что написано на русском языке теми вьетнамскими исследователями, которые учились в нашей стране.

Рассмотрим вначале данные по вьетнамоведческой литературе, созданной русскими и вьетнамскими учеными в период 1959–1970 гг. Сравнение с периодом 1986–1995 гг. будет отчасти приблизительным, так как не все рубрики были в первом периоде, кроме того, названия и, соответственно, содержание многих из них изменились. С учетом этих обстоятельств картина такова. 1959–1970-е годы — время значительных успехов, когда в этой области уже работало много специалистов. По положению на 1970 г. во вьетнамоведческой литературе четко доминировали российские ученые: три четверти работ было написано ими (76%). В настоящее время — возьмем для примера последний, 1995 год (он достаточно типичен) — доля российских ученых уменьшилась вдвое! Вместо 76% — 37%. В небольшом количестве во втором периоде появилось и то, чего раньше практически не было: совместные работы российских и вьетнамских ученых. Это небольшой, но постоянный процент; это взаимодействие в чистом виде.

Другим аспектом сравнения указанных выше периодов может служить распределение вьетнамских исследований по типам публикаций. С одной стороны, это научные статьи или книги; с другой — это авторефераты и, соответственно, диссертации.

Если мы рассмотрим положение в первом периоде, то вьетнамские статьи занимали только 8% совокупной научной продукции; сейчас они занимают в три раза больше — 23% научной продукции, которая издана в нашей стране в области изучения Вьетнама (книги и статьи). Это очень много. Раньше разница была: 8% — вьетнамских, 76% —

российских (остальное — авторефераты), т.е. российских статей и книг было больше в 9,5 раз. Сейчас положение совершенно иное — российских работ больше только в 1,5 раза (без учета авторефератов). Изменения принципиальные, причем качество российских и вьетнамских исследований более сопоставимо, чем раньше.

Далее будут рассмотрены основные направления исследований. Что здесь интересно? Что появилось, чего стало меньше?

К сожалению, почти исчезли переводы вьетнамской литературы на русский язык. Раньше они составляли очень большую долю — 22%, т.е. четверть всей литературы по Вьетнаму составляли переводы вьетнамской литературы. Сейчас это лишь 2%; налицо явное падение. Надо сказать, что здесь определенно вина обеих сторон. Раньше все издавалось на средства СССР; сейчас то, что направлено на широкого читателя, — переводы художественной литературы — мы издавать в таком количестве пока не можем. Есть целый ряд московских литературных вьетнамских журналов, но если была бы какая-то сводная версия этих журналов, отобранная кем-то из вьетнамских литераторов в переводе на русский язык, это было бы нужно (ряд российских специалистов продолжает переводить, но это не доходит до широкого читателя).

Проанализируем теперь структуру вьетнамоведческой литературы на протяжении десяти лет (1986–1995), представленную в табл. 1–4. Это самые свежие данные, поскольку библиография за 1996–1998 гг. полностью еще не составлена. Каковы тенденции? Самое главное то, что с 1986 по 1995 г. наблюдается стабильность, принципиальных изменений в структуре (по составу авторов и типу работ) на протяжении этого периода не произошло. Пропорция: $\frac{1}{3}$ — российские исследования, $\frac{1}{3}$ — вьетнамские (авторефераты) и $\frac{1}{4}$ — вьетнамские статьи и книги (остальное — совместные труды) — оказалась устойчивой. Это говорит о том, что сам тип взаимодействия между двумя культурами, между двумя науками, между двумя странами остается постоянным с середины 80-х по середину 90-х годов.

Как повлияли процессы, которые четко прослеживаются в научной жизни 1991–1992 гг., на исследования вьетнамских ученых в области вьетнамистики?

Число публикаций в это время начало падать, но падение остановилось в 1994 г.; последние три года (1993–1995) количество работ по исследованию Вьетнама остается стабильным, и это внушает надежду.

Какие изменения произошли в объеме и тематической структуре вьетнамской научной литературы, написанной в России? Вначале она переживала некоторое падение. После защиты диссертаций в 1991–

1992 г. аспирантами набора 1988 г. видно некоторое падение объема научной продукции, и прежде всего самого в ней ценного — статей; на число авторефератов это не повлияло. Однако начиная с 1993 г. количество опубликованных работ по изучению Вьетнама, написанных вьетнамцами, растет и далее остается стабильным, т.е. их доля в общем количестве работ по исследованиям Вьетнама выходит на определенное постоянное значение и на нем удерживается. Здесь видно возвращение к «естественным» пропорциям, преодоление некоторого кризиса 1991–1992 гг., связанного с исчезновением ряда тем, направлений. Но за счет роста других направлений ситуация выровнялась, и сейчас это здоровое научное сотрудничество с устоявшимися принципами.

Остановимся на главных направлениях и на том, что с ними стало. Первое: резко уменьшилось количество общих работ, рассуждений о современном положении и т. д. Их число заметно упало именно на рубеже 90-х годов, с этого момента работы в целом становятся более конкретными.

Интерпретируем сначала данные табл. 1–4 в обобщенном виде. Интересная смена, которая характеризует, видимо, всю вьетнамскую науку, произошла где-то с 1990 г.: число работ, посвященных переходу к социализму, уменьшается, а число работ о переходе к рыночной экономике увеличивается. При этом обе эти темы продолжают быть важными, но соотношение между ними несколько меняется; это изменение, бесспорно, отражает определенную систему приоритетов.

Увеличивается количество конкретных работ по экономике. Это та область, в которой российскую вьетнамистику уже трудно себе представить без вьетнамских ученых. Прежде всего это исследования экономических процессов, а в них таких сфер, как сельское хозяйство, транспорт, торговля и финансы, которые достаточно хорошо представлены. С 1989 г. наблюдается подъем процентной доли у части этих тем, а в целом они сейчас являются доминирующими в том, что написано вьетнамцами на русском языке.

В исследованиях по истории увеличивается интерес к Вьетнаму традиционному. Русскоязычная историческая наука в той части, в которой ею занимаются вьетнамские ученые, становится более всесторонней. В филологии необходимо указать на результаты деятельности мощного блока вьетнамских лингвистов в Москве. Их продукция составляет очень большую часть публикаций, тем более если учесть, что российских лингвистов-вьетнамистов не так много. Что касается проблем культуры, то такие темы, как образование, печать, средства массовой информации, разрабатываются так же часто, как и раньше.

Далее перейдем к конкретным выводам, которые можно сделать из анализа табл. 1–4. Комментарий в этой части будет предельно кратким.

Раздел «Экономика» (табл. 1, № 3, 4, 12; табл. 2, № 3–16). Важный раздел. Общее число публикаций — 416. Имеется 5 крупных тем² из 12.

Три группы тем.

1. «Внутренняя экономика» — самая крупная группа. В основном вьетнамские авторы. У части тем растут значения процента, часть неизменна. Темы «Управление народным хозяйством», «Промышленность», «Переход к социализму» дают падение процента; «Сельское хозяйство», «Торговля», «Финансы» — неизменные значения процента; «Реформа. Переход к рынку», «Экономика (общие работы)», «Транспорт» дают рост значений.

2. «Внешние связи» — вторая группа тем. Имеются темы со стандартным распределением авторов (вьетнамских вдвое больше российских), есть темы преимущественно российские. В этой группе также представлено три вида тенденций: «Экономическое сотрудничество со странами СЭВ» — падение; «Экономическое сотрудничество с СССР/ Россией» — неизменно; «Внешняя торговля», «Экономическое сотрудничество с несоциалистическими странами» — рост.

3. «Демография», «Социальная структура», «Трудовые ресурсы» — третья, новая группа тем, в основном представлена вьетнамскими авторами. Все темы дают рост.

Раздел «Политика» (табл. 1, № 5–11, 13–15; табл. 2, № 1, 2). Общее число публикаций — 276; 5 крупных тем, в основном вьетнамские. Также имеется три группы тем.

1. Первая группа (табл. 1) — «КПВ (общее)», «Современное положение», «СКМ им. Хо Ши Мина», «VI съезд КПВ, политика обновления», «Пути развития идеологии», «Общественная жизнь» — в основном вьетнамские, в большинстве случаев наблюдается падение. «Хо Ши Мин» — неизменная тема.

2. Вторая группа (табл. 2) — «Международное положение и внешняя политика» и «Агрессия США во Вьетнаме» — в основном российские, отмечено падение по всем темам.

3. Третья группа (табл. 1) — «Государственный строй» и «Право» — в основном вьетнамские темы, неизменные значения процентной доли.

Раздел «История» (табл. 3, № 8–14). Общее число публикаций — 85. Нет крупных тем, в основном российские авторы.

1. «Историография, источниковедение» — падение.

2. «Новейшая история (до 1945 г.)», «Новейшая история (после 1945 г.)» — неизменно.

---

² Т.е. тема, число публикаций по которой больше или равно 32.

3. «История (общая)», «Древняя и средневековая история», «Национально-освободительное движение» (только она одна в основном вьетнамская) — рост.

Раздел «Философия. Религия» (табл. 4, № 1–2). Общее число публикаций — 19. Нет крупных тем. В основном темы вьетнамские. По обеим темам сначала наблюдается рост, затем падение или вообще исчезновение публикаций.

Раздел «Филология» (табл. 4, № 4–10). Общее число публикаций — 197; 2 крупные темы: «Языки. Письменность» и «Современная литература». В основном российские авторы.

1. «Литературные переводы», «Рецензии» (обе темы — российские).

2. «Современная литература» (соотношение российских и вьетнамских авторов стандартное) — падение, затем прекращение.

3. «Словари» — рост, затем прекращение.

4. «Языки. Письменность», «Эпос, фольклор» — рост.

Раздел «Изобразительное искусство, театр и др.» (табл. 4, № 11–16). Общее число публикаций — 45. Нет крупных тем. В основном соотношение авторов стандартное. Все темы, кроме «Музыки», дают падение, затем прекращение.

Раздел «Путевые очерки и репортажи» (табл. 1, № 2–3). Общее количество публикаций — 27. Нет крупных тем. В основном российские работы. По обеим темам — падение.

Другой способ получить обобщающую картину — рассмотреть темы-лидеры³. Список тем-лидеров: «Язык. Письменность» (далее: «Язык»), «Право», «Переход к социализму», «Современное положение», «Экономика (общие работы)», «Сельское хозяйство». Все это крупные темы с числом публикаций 32 и более (но только половина из списка крупных тем). В число лидеров вошли и 2 некрупные темы: «Внешнеэкономические связи», «Эпос, фольклор».

Занесем данные по темам-лидерам, сгруппированные по парам лет, с указанием тенденции к росту (↑) или к падению (↓) в отдельную таблицу.

№ п/п	1986/87	1988/89		1990/91
I	Право (K*)	Языки. Письменность (K↑)		Языки. Письменность (K↑)
II	Переход к социализму (K↓)	Переход к социализму (K↓)		Право (K)
III	Совр. положение (K↓)	Право (K)	Экономика (общие работы) (K↑)	Сельское хоз-во (K)

³ Темы, занимающие в своей хронологической группе первые три места по процентной доле.

№ п/п	1992/93	1994/95	
I	Языки. Письменность (К↑)	Языки. Письменность (К↑)	
II	Экономика (общие работы) (К↑)	Право (К)	
III	Внешнеэкономиче- ские связи. Внешняя торговля (↑)	Экономика (общие работы) (К↑)	Эпос, фольклор (↑)

* К — крупная тема.

Смена лидеров — неслучайный процесс.

Первая совокупность — темы, которые к концу периода ушли из лидеров, их процент уже имел тенденцию к падению в первой его части. Это темы «Современное положение» (российская по преимуществу) и «Переход к социализму».

Вторая совокупность тем-лидеров не имеет тенденции к росту или падению процента. Но из них «Право» входило в число лидеров почти всегда, а «Сельское хозяйство» вошло лишь в середине периода.

Третья совокупность — новые, растущие темы. Из них крупные темы — «Языки. Письменность» и «Экономика (общие работы)» — имеют тенденцию к росту, но вошли в число лидеров не с самого начала. Для середины и второй половины периода характерны и оба новых лидера из числа растущих, но не ставших крупными: «Внешнеэкономические связи. Внешняя торговля», «Эпос, фольклор».

В целом существует устойчивый интерес к темам «Право» и «Языки. Письменность». Уходят из числа лидеров общие неэкономические темы, и растет интерес к общим проблемам экономики, внешнеэкономическим связям, сельскому хозяйству и, что примечательно, к традиционной духовной культуре («Эпос, фольклор»).

Таковы те краткие наблюдения, которые сделаны в ходе анализа. Вьетнамоведческий центр ИСАА при МГУ и Институт востоковедения РАН будут продолжать эту работу, потому что она дает очень интересные результаты. Они новы для вьетнамоведения, потому что этими вопросами мало занимались. Имеется два аспекта полученных результатов исследования. С одной стороны, изменения в науке были результатом целенаправленной политики вьетнамского государства по подготовке специалистов в тех или иных областях, с другой — они представляют собой результаты труда тех, кто работает в этих областях, результаты творческой активности ученых-вьетнамистов.

Таблица 1*

Тема		Всего по теме	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
			Р С В А	Р С В А	Р С В А	Р С В А	Р С В А	Р С В А	Р С В А
1. География. Геология	n	19	1 0 3 2	0 3 1 0	1 0 0 0	1 0 0 0	1 0 1 0	1 1 0 0	
2. Путевые очерки и репортажи	n	19	4 0 0 0	4 0 0 0	5 0 0 0	3 0 0 0		1 0 0 0	
3. Демография	n	8	1 0 3 0	0 0 0 1				1 0 0 0	0 1 0 0
4. Трудовые ресурсы	n	7	1 0 0 0	0 0 0 1	0 0 0 1	0 0 0 1		0 0 0 1	0 0 0 1
5. КПВ (общее)	n	32	0 0 2 5	0 1 3 4	1 3 1 1	2 0 2 0	1 0 1 5		
6. Современное положение	n	45	8 0 4 2	3 0 2 2	2 0 4 3	2 0 1 2	1 0 1 2	1 0 0 2	0 0 0 1
7. VI съезд КПВ, политика обновления	n	28		9 0 0 0	3 0 2 0	1 0 5 0	3 0 1 0	0 0 0 1	
8. СКМ им. Хо Ши Мина	n	10		1 0 7 0	1 0 0 0	0 0 1 0			
9. Персоналии	n	2				1 1 0 0			
10. Хо Ши Мин	n	17	1 0 1 0	0 2 1 0	0 0 1 1	4 0 4 0		1 0 0 0	
11. Пути развития идеологии	n	39	1 0 2 5	1 0 5 4	0 0 1 2	0 0 0 1	1 0 3 1	0 0 0 4	0 0 0 3
12. Социальная структура	n	10		0 0 1 1		0 0 1 1	0 0 0 3	1 0 0 0	
13. Общественная жизнь	n	17	0 0 0 1	1 0 0 0	1 0 2 0	0 0 0 3	0 0 5 0	1 0 0 2	
14. Государственный строй	n	4	0 0 0 1						
15. Право	n	78	0 3 7 2	3 0 4 7	1 1 2 5	1 0 2 6	1 0 2 9	0 1 1 1 1	
Итого		335	17 3 22 18	22 6 24 20	15 4 13 13	15 1 16 14	8 0 14 20	7 2 1 2 1	0 1 0 5

* Р — российские работы, С — совместные, В — вьетнамские статьи и книги, А — вьетнамские авторефераты, n — число работ. В графе «1986–1995 г.» указаны количество работ за весь период и процент от общего количества по каждой из тем, далее — данные за каждые два года (число работ по теме и его процентное соотношение с количеством публикаций по всем темам).

Продолжение табл. 1

Тема		Всего по теме	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1986–1995 гг.				1986/87 гг.	1988/89 гг.	1990/91 гг.	1992/93 гг.	1994/95 гг.
			РСВА	РСВА	РСВА	Р	С	В	А					
(1)	n	19	1 0 1 0		0 1 0 0	6	5	6	2	10	2	4	2	1
	%					31,6	26,3	31,6	10,5	2,6	0,6	1,4	1,4	1,2
(2)	n	19		1 0 0 0	0 1 0 0	18	1	0	0	8	8	1	0	2
	%					94,7	5,3			2,1	2,2	0,4		2,4
(3)	n	8			0 0 0 1	2	1	3	2	5	0	1	1	1
	%					25,0	12,5	37,5	25,0	1,3		0,4	0,7	1,2
(4)	n	7			0 0 0 1	1	0	0	6	2	2	1	1	1
	%					14,3			85,7	0,5	0,6	0,4	0,7	1,2
(5)	n	32				4	4	9	15	15	10	7	0	0
	%					12,5	12,5	28,1	46,9	3,9	2,8	2,5		
(6)	n	45	0 0 0 1	1 0 0 0		18	0	12	15	21	14	7	2	1
	%					40,0		26,7	33,3	5,5	3,9	2,5	1,4	1,2
(7)	n	28	0 0 0 1	1 0 0 0	1 0 0 0	18	0	8	2	9	11	5	1	2
	%					64,3		28,6	7,1	2,3	3,1	1,8	0,7	2,4
(8)	n	10				2	0	8	0	8	2	0	0	0
	%					20,0		80,0		2,1	0,6			
(9)	n	2				1	1		0	0	2	0	0	0
	%					50,0	50,0				0,6			
(10)	n	17	1 0 0 0			7	2	7	1	5	10	1	1	0
	%					41,2	11,8	41,2	5,9	1,3	2,8	0,4	0,7	
(11)	n	39	0 0 1 1	2 0 0 1		5	0	12	22	18	4	9	5	3
	%					12,8		30,8	56,4	4,7	1,1	3,2	3,5	3,7
(12)	n	10		0 0 0 1	0 0 1 0	1	0	3	6	2	2	4	0	2
	%					10,0		30,0	60,0	0,5	0,6	1,4		2,4

(13)	n	17		1 0 0 0		4	0	7	6	2	6	8	0	1
	%					23,5		41,2	35,3	0,5	1,7	2,8		1,2
(14)	n	4	0 0 2 1			0	0	2	2	1	0	0	3	0
	%							50,0	50,0	0,3			2,1	
(15)	n	78	1 0 0 2	0 0 2 1	0 0 1 2	7	5	21	45	26	18	25	3	6
	%					9,0	6,4	26,9	57,7	6,8	5,0	8,8	2,1	7,3
Итого		335	3 0 4 6	6 0 2 3	1 2 2 4	94	19	98	124	[384]	[358]	[285]	[145]	[82]

Таблица 2

Тема		Всего по теме	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
			РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА
1. Международное положение и внешняя политика	n	37	3 0 0 1	4 0 0 0	3 1 0 0	5 2 0 0	0 0 1 2	3 0 0 6	2 1 0 0
2. Агрессия США во Вьетнаме	n	25	8 0 0 0		4 0 1 0	6 0 0 0	2 0 0 0	3 0 0 0	
3. Экономика (общие работы)	n	59	4 0 1 3	3 0 3 2	4 0 2 6	3 0 1 2	1 0 1 3	1 0 0 1	2 0 0 5
4. Переход к социализму	n	59	7 0 1 1 1	2 0 1 2	1 0 2 5	1 0 6 9	0 0 1 4	0 0 1 5	
5. Реформа. Переход к рынку	n	9					1 0 0 0	1 0 1 0	0 0 1 2
6. Управление народным хозяйством	n	14	1 0 0 3	0 0 0 2	1 1 1 0	0 0 3 0	0 0 0 1	0 0 1 0	
7. Сельское хозяйство	n	56	1 0 0 7	1 0 3 5	0 0 2 6	1 0 1 3	1 2 2 5	1 0 1 3	0 0 0 5
8. Промышленность	n	37	3 0 0 1	1 0 1 3	1 0 1 6	1 0 1 4	0 0 1 0	0 0 1 7	1 0 1 2
9. Строительство	n	6	0 0 0 1			0 0 0 1			0 0 0 2
10. Транспорт	n	13	0 0 0 1		0 0 1 0	1 0 1 2			0 3 0 0
11. Торговля	n	11			0 0 0 1	0 0 3 2	0 0 0 2		0 0 0 1

Тема		Всего по теме	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
			РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА
12. Финансы	n	40	0 0 2	0 0 2	0 0 1	1 0 1 0	2 1 8 3	2 0 2 4	3 0 2 0
13. Внешнеэконом. связи. Внешняя торговля	n	26	0 0 2 0	0 0 0 2	0 0 0 1	1 0 0 0	1 0 0 3	0 0 0 1	1 0 1 0
14. Экономическое сотрудничество с СССР/Россией	n	21	4 0 0 1	2 0 0 0	2 0 1 3	1 0 0 0	1 0 0 0	0 0 0 3	
15. Экономическое сотрудничество со странами СЭВ	n	23	0 0 1 1	2 0 1 0	8 1 3 0	1 0 2 1	1 0 1 0		
16. Экономическое сотрудничество с несоциалистическими странами	n	8	1 0 0 0			1 0 0 0	1 0 0 0	1 0 0 1	0 0 1 0
Итого		445	32 0 15 22	15 0 9 18	24 3 14 29	23 0 21 24	11 3 15 23	12 0 7 31	9 4 6 17

Продолжение табл. 2

Тема		Всего по теме	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1986–1995 гг.				1986/87 гг.	1988/89 гг.	1990/91 гг.	1992/93 гг.	1994/95 гг.
			РСВА	РСВА	РСВА	Р	С	В	А					
(1)	n	38	2 0 1 0		1 0 0 0	23	2	4	9	8	11	12	6	1
	%					60,5	5,3	10,5	23,7	2,1	3,1	4,2	4,1	1,2
(2)	n	25	1 0 0 0			24	0	1	0	8	11	5	1	0
	%					96,0		4,0		2,0	3,1	1,8	0,7	
(3)	n	59	3 0 1 2	1 0 0 0	0 0 0 4	22	0	9	28	16	18	7	13	5
	%					37,3		15,2	47,5	4,2	5,0	2,5	9,0	6,1
(4)	n	59				11	0	22	26	24	24	11	0	0
	%					18,6		37,3	44,1	6,3	6,7	3,9		

(5)	n	9		1 0 1 0	0 0 1 0	3	0	4	2	0	0	3	3	3
	%					33,3		44,5	22,2			1,1	2,1	3,7
(6)	n	14				2	1	5	6	6	6	2	0	0
	%					14,3	7,1	35,7	42,9	1,6	1,7	0,7		
(7)	n	56	0 0 1 2	0 1 0 0	0 0 2 0	5	3	12	36	17	13	15	8	3
	%					8,9	5,4	21,4	64,3	4,4	3,6	5,3	5,5	3,7
(8)	n	37			0 0 0 1	7	0	6	24	9	14	9	4	1
	%					18,9		16,2	64,9	2,3	3,9	3,2	2,8	1,2
(9)	n	6	0 0 0 1	0 0 0 1		0	0	0	6	1	1	0	3	1
	%								100,0	0,3	0,3		2,1	1,2
(10)	n	13		0 2 0 0	0 0 1 1	1	5	3	4	1	5	0	3	4
	%					7,7	38,5	23,1	30,8	0,3	1,4		2,1	2,9
(11)	n	11	1 0 0 0		0 0 0 1	1	0	3	7	0	6	2	2	1
	%					9,1		27,3	63,6		1,7	0,7	1,4	1,2
(12)	n	40	0 0 0 3	1 0 1 1		9	1	14	16	4	3	22	8	3
	%					22,5	2,5	35,0	40,0	1,0	0,8	7,7	5,5	3,7
(13)	n	26	2 0 3 4	1 0 1 0	1 0 1 0	7	0	8	11	4	2	5	11	4
	%					26,9		30,8	42,3	1,0	0,6	1,8	7,6	4,9
(14)	n	21	1 0 1 0	0 0 1 0		11	0	3	7	7	7	4	2	1
	%					52,4		14,3	33,3	1,8	2,0	1,4	1,4	1,2
(15)	n	23				12	1	8	2	5	16	2	0	0
	%					52,2	4,4	34,8	8,7	1,3	4,5	0,7		
(16)	n	8		1 0 1 0		5	0	2	1	1	1	3	1	2
	%					62,5		25,0	12,5	0,3	0,3	1,1	0,7	2,4
Итого		445	10 0 7 12	5 3 5 2	2 0 5 7	143	13	104	185	[384]	[358]	[285]	[145]	[82]

Таблица 3

Тема		Всего по теме	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
			РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА
1. Библиография и справочники	n	4		1000			2000		
2. «Изучение Вьетнама»	n	2				1000			
3. Наука	n	13	1000	1001	0120	1011	2000		
4. Образование, педагогика	n	28	0135	1001	1011	1012	1001	1031	0001
5. Печать, СМИ	n	15	0013		0002	0020	0003	0100	
6. Библиотеки, архивы	n	17	0021	0041	0001	1001	1002	0001	
7. Здравоохранение	n	3		0010					1000
8. История (общая)	n	5		1000				1000	
9. Историография, источниковедение	n	16	3010	1001			1000	1000	1000
10. Древняя и средневековая история	n	18	2011	1010	1001	2000	1001	0001	0001
11. Новая история	n	23	0020	2000	5000	5000	2000	1000	0002
12. Новейшая история (до 1945 г.)	n	2		1001					
13. Новейшая история (после 1945 г.)	n	10	0010	0011	1001	1001	1000	1000	
14. Национально-освободительное движение	n	11	0041		1000	0001	0001		0001
15. Этнография	n	22	3001	1011	3000	2002	0001	0022	0001
Итого		189	911512	10087	12136	14048	11009	5155	2006

Продолжение табл. 3

Тема	Всего по теме	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1986–1995 гг.				1986/87 гг.	1988/89 гг.	1990/91 гг.	1992/93 гг.	1994/95 гг.
		РСВА	РСВА	РСВА	Р	С	В	А					
(1) n	4	0100			3	1	0	0	1	0	2	1	0
%					75,0	25,0			0,3		0,7	0,7	
(2) n	2	1000			2	0	0	0	0	1	0	1	0
%					100,0					0,3		0,7	
(3) n	13	0010		0010	5	1	5	2	3	6	2	1	1
%					38,5	7,7	38,5	15,4	0,8	1,7	0,7	0,7	1,2
(4) n	28		0001	0001	5	1	8	14	11	7	7	1	2
%					17,9	3,6	28,6	50,0	2,9	2,0	2,5	0,7	2,4
(5) n	15	0011	0001		0	1	4	10	4	4	4	2	1
%						6,7	26,7	66,7	1,0	1,1	1,4	1,4	1,2
(6) n	17	0002			2	0	6	9	8	3	4	2	0
%					11,8		35,3	52,9	2,1	0,8	1,4	1,4	
(7) n	3	1000			2	0	1	0	1	0	0	2	0
%					66,7		33,3		0,3			1,4	
(8) n	5	1000	1000	1000	5	0	0	0	1	0	1	1	2
%					100,0				0,3		0,4	0,7	2,4
(9) n	16	5010		1000	13	0	2	1	6	0	2	7	1
%					81,3		12,5	6,3	1,6		0,7	4,8	1,2
(10) n	18	1010	1000	0001	9	0	3	6	6	4	3	3	2
%					50,0		16,7	33,3	1,6	1,1	1,1	2,1	2,4
(11) n	23	3000		0010	18	0	3	2	4	10	3	5	1
%					78,3		13,0	8,7	1,0	2,8	1,1	3,5	1,2
(12) n	2				1	0	0	1	2	0	0	0	0
%					50,0			50,0	0,5				
(13) n	10		1000		5	0	2	3	3	4	2	0	1
%					50,0		20,0	30,0	0,8	1,1	0,7		1,2
(14) n	11	0001	0001		1	0	4	6	5	2	1	2	1
%					9,1		36,4	54,6	1,3	0,6	0,4	1,4	1,2
(15) n	22		0010	1000	10	0	4	8	7	7	5	1	2
%					45,5		18,2	36,4	1,8	2,0	1,8	0,7	2,4
Итого	189	12144	3013	3022	81	4	42	62	[384]	[358]	[285]	[145]	[82]

Таблица 4

Тема	Всего по теме	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	
		РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	РСВА	
1. Философия. Религия	n	17	0010	0001	1000	3020	2000	1011	0010
2. Современная философская наука	n	12	0010	0002	0002	1001	1001	0001	0002
3. Культура (общие работы)	n	15	0011		1010	0002	0022	1000	
4. Литературные переводы	n	14	9000	4000		1000			
5. Рецензии	n	8	3000	1000	1000	2000		1000	
6. Эпос, фольклор	n	14	0001			2001	0100	1003	
7. Литература нового времени	n	8			1001	1042			
8. Современная литература	n	39	1014	3203	3041	0011	3013	3001	1000
9. Языки. Письменность	n	102	4025	0114	10222	6140	8166	5221	3031
10. Словари	n	12	2000	1000	1000	1010	0210	0100	2000
11. Изобразительное искусство	n	6	2001	1000		0001		0001	
12. Прикладное искусство	n	9	1001	0010	2000	1000		1000	0001
13. Музыка	n	9	1001	1001		0020	0011	1000	
14. Театр и кино	n	15	3003	0011	0001	1011		1100	0001
15. Танцевальное искусство	n	3	1000		0001		0001		
16. Архитектура	n	2				0001	1000		
Итого		285	270617	113312	20277	1911510	1541114	15438	6045

Продолжение табл. 4

Тема		Всего по теме	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1986–1995 гг.				1986/87 гг.	1988/89 гг.	1990/91 гг.	1992/93 гг.	1994/95 гг.
			Р С В А	Р С В А	Р С В А	Р	С	В	А					
(1)	n	17	1 0 2 0			8	0	7	2	2	6	5	4	0
	%					47,1			41,2	11,8	0,5	1,7	1,8	2,8
(2)	n	12				2	0	1	9	3	4	3	2	0
	%					16,7			8,3	75,0	0,8	1,1	1,1	1,4
(3)	n	15	1 0 1 0	0 0 0 1	1 0 0 0	4	0	5	6	2	4	5	2	2
	%					26,7			33,3	40,0	0,5	1,1	1,8	1,4
(4)	n	14				14	0	0	0	13	1	0	0	0
	%					100,0					3,4	0,3		
(5)	n	8				8	0	0	0	4	3	1	0	0
	%					100,0					1,0	0,8	0,4	
(6)	n	14	0 0 1 0	1 0 0 0	3 0 0 0	7	1	1	5	1	3	5	1	4
	%					50,0	7,1	7,1	35,7	0,3	0,8	1,8	0,7	4,9
(7)	n	8				2	0	4	2	0	8	0	0	0
	%					25,0			50,0	25,0	2,2			
(8)	n	39	1 0 1 0	1 0 0 0		16	2	8	13	14	10	11	3	1
	%					41,0	5,1	20,5	33,3	3,7	2,8	3,9	2,1	1,2
(9)	n	102	4 0 2 3	0 0 5 1	2 0 0 3	42	7	27	26	17	27	31	16	11
	%					41,2	6,9	26,5	25,5	4,4	7,5	10,9	11,0	13,4
(10)	n	12				7	3	2	0	3	3	4	2	0
	%					58,3	25,0	16,7		0,8	0,8	1,4	1,4	
(11)	n	6				3	0	0	3	4	1	1	0	0
	%					50,0			50,0	1,0	0,3	0,4		
(12)	n	9		0 0 0 1		5	0	1	3	3	3	1	1	1
	%					55,6			11,1	33,3	0,8	0,8	0,4	0,7
(13)	n	9				3	0	3	3	4	2	3	0	0
	%					33,3			33,3	33,3	1,0	0,6	1,1	
(14)	n	15				5	1	2	7	8	4	2	1	0
	%					33,3	6,7	13,3	46,7	2,1	1,1	0,7	0,7	
(15)	n	3				1	0	0	2	1	1	1	0	0
	%					33,3			66,7	0,3	0,3	0,4		
(16)	n	2				1	0	0	1	0	1	1	0	0
	%					50,0			50,0		0,3	0,4		
Итого		285	7 0 7 3	2 0 5 3	6 0 0 3	128	14	61	82	[384]	[358]	[285]	[145]	[82]

Введение к учебнику «История Вьетнама»¹

Вьетнам — одна из крупных стран Юго-Восточной Азии. Первая часть учебника посвящена ее истории с древнейших времен до утверждения на рубеже XVIII–XIX вв. позднефеодальных отношений (Вьетнам — единственная страна в Юго-Восточной Азии, прошедшая этот этап). Во второй части будут рассмотрены процессы позднефеодальной истории Вьетнама, периоды колониального развития, Второй мировой войны, борьбы за независимость, объединение, а также положение страны на современном этапе, когда социалистическая ориентация сочетается с развивающимся предпринимательством в городе и деревне.

Вьетнам обладает большими интеллектуальными и экономическими возможностями и все увереннее занимает свое место в ряду «новых индустриальных стран». После тяжелых войн и не всегда удачных социально-экономических начинаний он постепенно возвращает себе статус самой развитой страны Юго-Восточной Азии и даже помышляет о большем, тем более что в отличие от успехов ряда других «новых индустриальных стран» его успехи — результат внутреннего социально-экономического развития, деятельности самих вьетнамцев, а не международных корпораций и этнических меньшинств.

Сегодняшний Вьетнам — часть Азии, наиболее связанная с Россией. За десятилетия наши страны накопили огромный потенциал «совместности», равного которому, пожалуй, нет нигде. Еще с 20-х годов образованные люди во Вьетнаме проявляли интерес к России. Позднее многие молодые вьетнамцы обучались в наших учебных заведениях. Мы помогали решать важные для Вьетнама задачи (военные, объединения

и т. д.). Однако обоим народам предстоит глубже узнать друг друга. Вьетнам интересен для нас не только тем, что он выиграл серию войн середины — второй половины XX в. Это традиционно богатая страна, вьеты — народ высокой культуры, более древней, чем наша собственная.

Конкретные черты вьетнамского опыта могут быть полезны для России в современный переходный период, так как вьетнамское общество, опираясь на свои длительные политические традиции, нашло менее болезненный, менее конфликтный путь перехода к рыночной экономике, имея примерно одинаковые с российскими стартовые социальные возможности и схожие идеологические стереотипы.

В учебнике события даны более подробно, чем в книгах подобного рода, написанных западноевропейскими авторами. К тому же большая часть этих книг устарела. Что касается Китая и Японии, где вьетнамоведение быстро развивается, то ни одна из написанных там общих историй Вьетнама пока не получила мирового признания. Французская историография Вьетнама богата, но в подавляющем большинстве посвящена отдельным проблемам. Отметим только одну общую работу А.Шрайнера, практически начинающуюся с XVI в., сегодня во многом устаревшую, да ряд тонких учебников. В 1955 г. на французском языке вышла большая и интересная книга Ле Тхань Кхоя «Вьетнам: история и цивилизация», но к европейской историографии в полном смысле этого слова ее отнести трудно. Этот труд сохраняет свою ценность и поныне. Еще очень молодая американская историография Вьетнама, давшая ряд интересных монографий по отдельным периодам, не создала пока концептуальной истории страны.

Многочисленной является вьетнамская отечественная историография (можно отметить таких авторов, как Дао Зуи Ань, Фан Хуи Ле, Чан Куок Вьонг и др.). Особенно это касается периода до середины XIX в. По разработке последующей истории страны с ней сопоставимы французская, русская и американская, а также японская и китайская научные школы.

Проблемы, излагаемые в первой части данного учебника, исследовались в монографиях, разделах коллективных трудов и статьях В.И.Антощенко, Д.В.Деопика, Г.М.Маслова, И.Н.Машкиной, Г.Ф.Мурашевой, А.В.Никитина, И.Н.Огнетова, П.В.Познера, А.Б.Полякова, А.Л.Рябинина, А.Л.Федорина, М.А.Чешкова и др.

Две с половиной тысячи лет вьетнамской государственности — это история одного народа, с единой культурой, жившего до XVI в. на единой территории (в дельте Красной реки), имевшего на протяжении большей части своей истории один центр, одного противника на севере (китайские государства и империи) и одного на юге (чамов, затем кхмеров), а также один объект патронажа (горцев к западу и северу). Экономическая проблема последних восьми веков (XIII–XX) сводилась к

---

¹ Впервые опубликовано [Деопик Д.В. 1994, с. 3–15].

одному — нехватке земель в Дельте. Социальная ячейка была одна и та же — небывало сильная экономически, социально и духовно вьетская община. Единой была в течение многих столетий и духовная концепция политической власти — «один народ, одно государство, а в нем — один полновластный монарх».

Вьетское общество изучаемого периода — это общество свободных крестьян: личная несвобода здесь обычно была результатом жизненных неудач, статус несвободных — обычно ненаследуемый, и число их невелико. Отсюда неустойчивость социальных перегородок. Этим вьетское общество и большинство обществ Юго-Восточной Азии отличались от древних и многих современных обществ Европы и большинства стран Азии и Африки (кроме Китая, что очень важно). В нем были представлены все социальные группы допромышленных обществ, но свободный крестьянин — основная фигура. Из крестьян выходили чиновники, монахи, военные. При этом их братья оставались в деревне, и сюда в конце концов возвращались покинувшие ее. Именно в деревне человек чувствовал себя социально защищенным.

Поскольку вьеты, уходившие в надобщинные структуры, затем обычно возвращались в деревню, это имело следствием ее высокую культуру, обилие в ней интеллектуалов, их большую роль в духовной жизни общества, высочайшую грамотность крестьян. Это же обуславливало многовековую слабость малых городов, не очень нужных в условиях развитой транспортной и торговой сети Дельты и близости практически для всех деревень супергорода — столицы Тханглонга (совр. Ханой), где имелось все и куда легко можно было добраться по реке или каналу, ни у кого практически не спрашивая разрешения. Даже в столице большую часть населения составляли люди, жившие в ней временно, прежде всего чиновники с их многочисленными слугами, а также торговцы, военные.

Вместе с тем у вьетов существовали и довольно прочные надобщинные структуры с многовековыми традициями. Это прежде всего местные авторитетные роды, имевшие опору в определенной общине, но влиявшие на дела порой в масштабе уезда. Правда, управляющий уездом всегда был человеком центра и в каком-то отношении им противостоял, но он был практически один. Ниже его находились в основном чиновники из местных жителей, связанные со своими деревнями, а через них — с местными влиятельными родами. Надобщинными были и многие культы духов-покровителей, почитаемых в данной местности наряду с духами-покровителями конкретной общины. Влияние местных родов по-разному проявлялось в разных социальных сферах. Их позиции обычно были сильны в военной области, что обуславливалось организацией местных отрядов в ходе войн и во время междоусобных столкновений, восстаний. Местные роды были многими нитями связаны с гражданской администрацией, хотя она выступала их основным оппонентом в борьбе за политическое влияние. Примечательно, что истории писались представителями гражданской администрации, всячески принижавшими роль местных родов, зачастую военных.

Важная особенность вьетского общества на всех этапах его развития — самодостаточность, включающая не только полную обеспеченность продуктами ремесла и сельского хозяйства, но и независимость от внешней торговли, от какого-либо внешнего экономического давления. Это не распространялось на культурную сферу. Вьеты — народ Юго-Восточной Азии — по многим признакам входили в сферу дальневосточной цивилизации с центром в Китае. Но какие элементы культуры воспринимать извне — это определялось самим вьетским обществом. Официальный язык и письменность (главные китайские элементы вьетской культуры) были восприняты еще в период ранней вьетской (лаквьетской) государственности III–II вв. до н. э. Что же касается политического влияния, то, несмотря на большой период (девять веков) «северной зависимости» (китайского административного контроля), сохранение вьетами своих основных социальных устоев на протяжении этих веков и последующее быстрое восстановление своеобразного и независимого государства в конце IX в. — феномен, которому нет аналога в мировой истории и который свидетельствует о слабости упомянутого контроля.

Особенность вьетской социальной структуры — система патронажа на уровне общин, уездов, порой — выше. Эта гибкая форма управления отличала данное общество от сословных обществ многих стран мира. Специфика вьетского общества среди других, также имевших сильные патронажные связи, — сочетание родовых и территориальных видов патронажа. При этом территориальный принцип патронажа обуславливался единством духовного начала в общинных территориальных коллективах. Человек был связан не просто с родной землей, а с основной духовной ячейкой вьетского общества — общиной. Иными словами, в основе патронажа, да и всей культурной структуры лежало единство — и духовное, и экономическое, и социальное, и административное — в условиях жизнедеятельности на одной, веками неизменной территории и тесных контактов соседей друг с другом и с властью, в том числе верховной. Вьетское общество — информационно очень тесно связанное, чему способствовала густая водная транспортная сеть Дельты. Это имело одним из своих следствий высочайший уровень этнического единообразия населения Дельты, объединявшей миллионы людей, четко противопоставленного населению ближайших гор и предгорий и не смешивающихся с ним. И такая этническая ситуация продолжалась более двух тысяч лет, с IV в. до н. э. по XVII в. н. э., когда освоение южных областей породило крупные этнические подгруппы вьетов (северную и южную). С возникновением вьетских очагов в центральном, а затем и

южном Вьетнаме здесь образовались свои подгруппы, но как части целого; отличия их невелики, хотя дифференциация имела место по всем линиям: социальной, экономической, духовной.

Все сказанное отнюдь не означает отсутствия в средневековом Вьетнаме деревенской замкнутости, региональной специфики внутри Дельты и всевозможных «медвежьих углов», но все это было в той небольшой степени, которая возможна в условиях, когда за каждой деревней видны еще две-три, когда река или судоходный канал находятся самое большее в нескольких километрах и когда для прибытия чиновника из столицы необходимо в экстренном случае всего несколько дней. Без понимания этого принципиального отличия Вьетнама, скажем, от средневековой России трудно воспринимать сведения о жизни вьетского общества.

Прежде чем обратиться к проблеме периодизации, следует отметить ряд обстоятельств.

Прежде всего, большую часть истории страны нельзя отделить от истории вьетов, поскольку по меньшей мере два тысячелетия (от времени, с которого возможна этническая атрибуция, и до начала завоевания соседних рисовых долин в XV в.) этот народ занимал одну и ту же территорию, да и соседние горные народы жили в одних и тех же местах, практически не смешиваясь с вьетами. Границы страны Дайвьет (средневековый Вьетнам) и расселения вьетов полностью совпадали. Когда позднее были завоеваны часть территории Камбоджи и Чампа (современный южный и центральный Вьетнам), это не сопровождалось заметными процессами смешения, а вьетские крестьяне давно уже стали там подавляющим большинством. Вьеты составляли основное население рисоводческих долин.

Но в горах они всегда были меньшинством, да и жили там зачастую лишь временно. В этническом отношении средневековый Дайвьет можно считать империей, с той оговоркой, что жители экологически недоступных тогда для вьетов горных областей, не опасаясь ассимиляции, воспринимали их политическое доминирование достаточно спокойно. Что же касается относительно быстрой вьетнамизации прибрежных долин, то ею вьетнамское государство обязано не определенной политике, а быстрому в сравнении со всеми соседними народами естественному приросту вьетского населения Дельты, непрерывно пополнявшего ряды переселенцев. Феномен этот столь же очевиден, сколь и труднообъясним.

Рассмотрим теперь основные периоды истории Вьетнама, начиная с древнейшего.

Коренной вопрос истории каждого народа — откуда он произошел — для вьетов, как и для многих других древних народов, пока не решен. Пришли ли их предки с северо-востока или всегда жили в Дельте и вокруг нее, или было и то и другое — пока неясно, но установлено, что резкой смены населения здесь не было, по крайней мере с начала века металла (середина II тыс. до н. э.). Если движения и происходили, то только внутри аустроазиатского этнолингвистического массива, объединявшего предков вьетов, мононов, кхмеров и других современных народов Юго-Восточной Азии, и только среди долинного, а не горного, менее мобильного в те времена населения; отличия долинных народов от горных здесь очень древние. Непосредственными предками вьетов в любом случае были долинские рисоводы, причем приморские, а не континентальные. Полоса прибрежного долинного рисосеяния тянется от острова Суматра до Кореи, и ее среднюю часть (от устья Янцзы до устья Красной реки) издавна занимали вьеты. Континентальные же долинские рисоводы — это таи и аустроазиатские, скорее всего, народы среднего течения Янцзы, позднее — пришедшие на юг ханьцы (китайцы), первоначально бывшие просоводами.

Северный Вьетнам (точнее, дельта Красной реки) — особый этнический и культурный очаг, очень активный и влиявший на соседей еще с первой половины I тыс. до н. э. Это древняя земля в научном смысле этого слова, земля древних традиций. Причем ее население всегда было более развито экономически и культурно, чем его непосредственные соседи. Как это нередко бывало в истории, население Дельты меняло свой облик, однако изменения в национальной культуре, насколько можно судить, не носили принципиального характера. На севере Вьетнама соприкасались три большие и очень древние группы народов: аустроазиаты (преимущественно), аустронезийцы (предки индонезийцев, малайцев, чамов и др.) и прототаи. Причем аустроазиаты состояли как из континентальных, так и приморских народов; прототаи — более континентальный народ, но имеющий выходы к морю; аустронезийцы же чисто приморская группа. Но все это — более поздняя картина, а в неолите население восточной части «прото-Юго-Восточной Азии», или «Аустрии» (современные Юго-Восточная Азия, юг Китая, восток Индии и Бангладеш), составляли две группы: приморскую, весьма унифицированную, и группу носителей континентальных традиций, более разнообразную. Индокитайский полуостров был самой развитой в неолите частью «прото-Юго-Восточной Азии», с очень ранним земледелием (с IX тыс. до н. э.) и очень ранним (с VI тыс. до н. э.) поливным рисоводством. К этому времени и сложились три основные группы аустрических народов, говоривших соответственно на языках аустроазиатской, аустронезийской и тайской языковых семей. Предки же ханьцев тогда занимали среднее течение реки Хуанхэ, будучи континентальной группой вне «прото-Юго-Восточной Азии». Аустроазиаты жили на территории от бассейна средней и нижней Янцзы до северной части Малаккского полуострова и восточной Индии, аустронезийцы образовывали «аустронезийское кольцо»

вокруг Южно-Китайского моря, прототипы занимали бассейн Сицзяна, возможно не весь. Дельта Красной реки входила в аустроазиатскую зону.

В III тыс. до н. э. аустроазиаты центрального Индокитая открыли способ изготовления орудий из металла, первыми в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. К середине II тыс. до н. э. бронзовый век настал на территории северного Вьетнама, откуда бронзовые орудия начали распространяться далее к северу, к предкам ханьцев. С этого времени дельта Красной реки превращается в важный культурный очаг, обгоняя исходный центрально-индокитайский центр; здесь быстро развивается интенсивное рисоводство. Уже во II тыс. до н. э. высокоразвитым районом становится и северо-восточная часть «прото-Юго-Восточной Азии» (юг современной КНР), где аустроазиаты соседствовали с аустронезийцами и прототаями и где формировались ранние государства. В I тыс. до н. э. дельта Красной реки — главный центр знаменитой Донгшонской цивилизации, оказавшей большое духовное влияние на большую часть «прото-Юго-Восточной Азии». Речь идет именно о цивилизации, со сложными религиозными верованиями, с высокоразвитым и глубоко своеобразным искусством, с очагами ранней государственности. Следы ее влияния есть в рисовых долинах «прото-Юго-Восточной Азии» (кроме ее крайней северо-восточной части, где уже шли свои особые процессы) и даже за их пределами.

Носители Донгшонской цивилизации — это уже бесспорные предки вьетов. Известно их имя — лаквьеты. Оно родилось из древнего общего самоназвания всех народов полосы от устья Янцзы до устья Красной реки, дошедшего до нас в древнекитайских текстах, — вьет (кит. юэ). Это слово входило в название практически всех возникших здесь с VI в. до н. э. государств, начиная с государства Юэ, хотя в одних доминировал аустроазиатский элемент (государство Аулак в дельте Красной реки, населенное лаквьетами), в других имелся и тайский компонент, а в самом северном уже ощущалось влияние предков китайцев. Соседями этих государственных образований на севере были китаизирующееся аустроазиатское государство Чу, аустронезийское, по-видимому, государство У к северу от устья Янцзы и аустронезийские народы Тайваня.

На протяжении тысячелетней истории Донгшонской цивилизации в северных областях ее распространения усиливалось влияние древнекитайского очага на Хуанхэ. К середине I тыс. до н. э. оно уже было сильным в бассейне Янцзы, где борьба Чу, У и Юэ ослабила эти государства. В результате образовался культурный и политический разрыв, поскольку южные группы вьетов, и прежде всего лаквьеты, почти не воспринимали в те века социальный и культурный опыт древних китайцев и продолжали развитие в рамках Донгшонской цивилизации. Но это был уже, очевидно, более слабый центр, чем древнекитайский; положение по сравнению со II тыс. до н. э. изменилось принципиально.

К IV в. до н. э. начинается период древней истории, к этому веку относится формирование у лаквьетов раннегосударственных образований с поливным рисоводством, относительно высокой плотностью этнически и экономически однородного населения, сильной общиной, ранними городами, основными элементами государственного аппарата. Этнический облик лаквьетов уже сложился как особый, отличный от населения крупных рисоводческих долин «прото-Юго-Восточной Азии» и возникавших там государств.

Еще более существенно отличались вьеты от своих соседей — горных народов. Эти отличия были не только языковыми, но и хозяйственными и социальными. С середины I тыс. до н. э. и до сих пор вьеты — классический рисоводческий долинный народ, в основном живущий в прибрежных долинах восточного Индокитая, с четкими этническими границами. Это еще один феномен, так как и кхмеры, и чамы, и тай имеют родственные народности и племена в окружающих их горных областях, а вьеты, кроме немногочисленных мыонгов, — никого. Язык вьетов, аустроазиатский по строю, сейчас имеет много ханьской лексики; время ее проникновения к вьетам не установлено, но скорее всего это могло произойти лишь после начала нашей эры. Так или иначе, вьеты стоят в Юго-Восточной Азии особняком.

В последние века до нашей эры начинается давление с севера со стороны китайских империй. Лаквьетское государство Аулак успешно отбило походы империи предков китайцев Цинь, а затем, объединившись с соседним родственным Намвьетом, возобновило борьбу уже с империей Хань. В 111 г. до н. э. империя победила, но в течение еще более ста лет Аулак ее не интересовал. А вот с начала I в. н. э. стали предприниматься попытки ассимиляции лаквьетов, наступил девятивековой период «северной зависимости». Общество лаквьетов вплотную столкнулось с более развитым ханьским. Но поскольку для ассимиляции не было главного — массового заселения страны крестьянами-ханьцами (собственно ханьские земли находились за тысячи километров), то она в основном провалилась, тем более что многое в ханьском опыте не подошло носителям Донгшонской цивилизации.

В эти века вьетское общество в целом отдало предпочтение распространявшемуся немногочисленными индийскими проповедниками буддизму перед религиозно-философскими учениями ханьцев, среди которых, впрочем, тогда тоже распространялся буддизм.

В период «северной зависимости» от ханьцев сравнительно простое вьетское общество на девять веков оказалось в составе более развитого (но в качестве далекой малоинтересной окраины), чтобы затем вернуть независимость и идти своим путем. За это время в социальной и духовной жизни деревни появилось, по-видимому, мало ханьского, зато технические достижения ханьцев внедрялись и в деревне, и в городе. В среде чиновников и монахов ханьский язык, отчасти обычаи и литература распространялись все шире, и к VIII в. вьетская высокая культура стала культурой «китайского круга», как японская и корейская. Но китаизированный слой был тонок, и после восстановления независимости в конце IX в. результатов многовекового восприятия оказалось не так уж много: письменность и официальный язык, элементы государственной организации и государственного ритуала, официальное искусство.

Восстановленная в конце IX в. независимость принесла не централизацию, а более чем столетнюю политическую раздробленность, при этом почти сразу началась борьба за централизацию, так же, как и за сохранение независимости. Она велась с государствами, возникшими на месте южных окраин китайской империи Тан, а затем с империей Сун.

Основной задачей общества в этот период являлась исторически обусловленная экономическая и культурная централизация в масштабах Дельты, географически единой, а этнически и хозяйственно уже унифицированной. Тем не менее на борьбу с центробежными силами ушло более столетия (конец IX — начало XI в.). Это время «неофициальной» династии Кхук и официальных династий Нго, Динь и Ранние Ле.

Оформившееся в начале XI в. единое вьетское государство в Дельте (с 1069 г. называвшееся Дайвьет) и окружающих горных и прибрежных областях было по социально-экономической базе и политической культуре типичным рисоводческим государством Юго-Восточной Азии, быстро превращающимся в империю. В духовной жизни его населения доминировал культ предков, основу политической структуры составляли общинные институты, в обществе преобладали свободные, отсутствовали касты, относительно слабы были клановые связи. Характерными были примат светской власти над властью священнослужителей, связанный с этим культ «бога-царя» (во вьетском варианте — культ предков императора), почти обязательная государственная служба для средних и крупных землевладельцев, а также то главное, что присутствует в традиционных рисоводческих обществах, — преобладание территориально-религиозных общностей над клановыми. Все эти особенности являлись следствием силы малой сельской общины.

Государства «старых» народов Юго-Восточной Азии, для которых характерен набор этих черт, были достаточно развитыми государствами, феодальными в том смысле, что управленцы здесь наделялись правами на землю и на труд обрабатывающих ее людей, не обладая заметными правами на их личность. Эти общества исторически располагались между древними и индустриальными.

Все такие государства прошли в своем развитии два исторических этапа, причем первый, в свою очередь, состоит из двух временных отрезков, названных условно эпохами. Этим этапам были присущи свои социально-экономические черты и специфические формы организации политической власти, формы государственности и типы культурной жизни. В то же время для обоих этапов характерна та или иная форма верховной собственности государства на землю. Но если первому этапу соответствовало господство публично-правовых норм на всех уровнях (частично и на деревенском), то на втором этапе они уступили место обычному праву как в отношениях внутри деревни (где оно и ранее было преобладающим), так и в отношениях между деревней и большей частью светских и религиозных землевладельцев. На самом же верху и на втором этапе сохранялись публично-правовые отношения, но порой в достаточно ослабленном виде.

Древние аграрные общества Юго-Восточной Азии прошли эти этапы и эпохи сравнительно одновременно: определенную роль в этом сыграло отсутствие крупных скоротечных нашествий и резких, полных смен этносов. Даже приход столь массовых групп, как бирманцы и еще более многочисленные тай, не изменил в средние века путей развития автохтонных народов западного и центрального Индокитая (пусть порой на уменьшившейся территории). Сами же переселенцы, будучи уже земледельцами-рисоводами, «входили» в ту стадию развития, которую заставляли у древних народов. Но так как появились они поздно, то попадали не в первый этап и не в начало второго, когда концентрация вокруг социокультурных территориальных «ядер» государств была самой высокой, а в последующие времена постепенного упрощения и распространения достижений «вширь». Мало того, сами переселения в значительной степени способствовали процессам «упрощения» «ядер», перемещая их, но не уничтожая: переселенцы не были номадами.

Обратимся к содержанию этапов и эпох истории централизованного государства в рамках с XI до конца XVIII в.

Для первого этапа (XI–XV вв.) характерно широкое распространение публично-правовых отношений. В его рамках первая эпоха занимает XI — середину XIV в. Это, с одной стороны, эпоха, когда государство тщательно фиксировало многие детали имущественных отношений (за пределами прав общины) и сам характер перемещаемого имущества. Верховная власть жестко контролировала границы земельных участков, порой их урожайность, тип хозяйственной эксплуатации, а также число зависимых. Это касалось и всех видов перемещения земельного имущества, кроме общих земель в деревне. С другой стороны, это времена, когда указанные процессы шли только в относительно небольших высокоразвитых «ядрах» государств, где социальные отношения и культура достигли очень высокой степени сложности. Периферия государства оставалась социально неразвитой или, во всяком случае, слабо втянутой в аграрные отношения, типичные для «ядра», каковым для вьетского общества была прежде всего западная часть дельты Красной реки.

Формирование указанного типа отношений шло уже в X в. Начало процесса точно указать трудно из-за плохой документированности времен «северной зависимости». Важно, что политическая раздробленность, характерная для времени становления таких отношений, имела место не только у вьетов, но и в государствах всех крупных древних народов Юго-Восточной Азии: в VII–VIII вв. — у кхмеров, в IX — первой половине X в. — у монов и ранних бирманцев, в VIII–IX вв. — у яванцев.

Дайвьет бесспорно входит в число крупных аграрных империй Юго-Восточной Азии (Камбуджадеша, Паган, Кедири–Сингасари–Маджапахит), отличающихся от «морских империй» Бапнома и Шривиджайи. «Ядром» его была округа столицы — г. Тханглонга в западной части Дельты. Оно стало складываться еще до начала «северной зависимости» и лишь в период раздробленности временно сменилось другим центром — на юге Дельты (г. Хоалы). Периферией «ядра» служили остальная Дельта и рисоводческие долины непосредственно к югу от нее. Тханглонг был обширным развитым мегаполисом с высокой культурой и интенсивной духовной жизнью; это был политический и культурный центр империи. Империей мы называем Дайвьет потому, что на большей части его территории, в предгорьях и горах, жили подчиненные племена и располагались княжества, прежде всего таяязычных народов, в отношении которых осуществлялся военно-политический контроль. Культура вьетов достигла к этому времени очень высокого уровня — утонченная поэзия, различные виды изобразительного искусства, своя концепция государственности, различные школы буддизма, сложная придворная музыка. В экономике все шире распространялись частные владения и практика дарений земель в условное владение, поскольку до времен земельного голода, начавшегося в конце XIV в., было еще далеко.

Конец первой эпохи приходится на 80-е годы XIV в., когда исчезает крупное светское и буддийское землевладение и в целом завершается доминирование буддизма в его элитарных формах, функционировавших прежде всего в «ядре».

Вторая эпоха первого исторического этапа занимает последнюю четверть XIV — начало XVI в. В эти века при преобладании публично-правовых отношений государство интересовалось уже прежде всего коллективами землевладельцев (прежде всего в деревне) и доходами (налогами и проч.) с них. Оно все меньше вдавалось в детали землевладения и землепользования. При этом постепенно ослабевал государственный контроль за делами внутри деревни. Тем самым подготавливался переход ко второму этапу, в рамках которого в государственных документах, касающихся земельных операций, оговаривалось все меньше деталей; они все реже фигурировали в гарантированном государством документе, написанном на «вечном» материале. На втором этапе большинство таких документов создавалось уже общинами, а государственная деловая эпиграфика составляла меньшинство.

Крупное землевладение во вторую эпоху сохранялось как наследственное у членов династии (но в меньших, чем прежде, размерах) и как условное у крупных сановников. «Ядро» продолжало играть основную роль в государстве, но роль ближайшей периферии заметно возросла.

Окончание второй эпохи и всего первого этапа в целом совпало с общим для Юго-Восточной Азии рубежом — XV веком. При этом первая и вторая эпохи отличались одна от другой у вьетов меньше, чем у яванцев и кхмеров.

Второй этап — с XVI до конца XVIII в. Это было время усиления роли обычного права и сужения сферы публично-правовых отношений, массового распространения деревенских документов (на «вечных» материалах), реализующих обычное право. В государственных документах оговаривалось все меньше и меньше деталей, государство гарантировало права в самой общей форме, все меньше создавалось государственных экономических документов на «вечных» материалах. Все это отражало процесс формирования частных владений снизу, а государство лишь оформляло это через предоставление соответствующих титулов и званий. После того как конфуцианская сверхцентрализация 60–90-х годов XV в. потерпела крах, наступает время власти военных землевладельческих родов на местах их рождения и расцвета адекватной системы верховной власти — военных правителей, отдельных на севере и на юге, при номинальной сакральной, как в Японии, власти общедайвьетского императора из династии Поздние Ле. Тогда же ослабевает влияние конфуцианства, усилившегося было в конце XV — начале XVI в., и усиливается роль буддизма.

Роль «ядра» быстро ослабевает, возникают конкурирующие центры на периферии Дельты, к югу от нее и в центральном, затем южном Вьетнаме. Более сложные, чем те, которые были на периферии прежде, но более простые, чем господствовавшие ранее в «ядре», социальные и экономические отношения распространяются на всю территорию вьетского этноса. Элитарная прежде культура все более проникает, упрощаясь, в деревню. С XVIII в. можно говорить и о достаточно массовой городской культуре как особом явлении. В экономике рост роли ремесленников и торговцев сочетался с резким ослаблением традиций, социальных и культурных, особенно на новых землях в дельте Меконга, где формировалась достаточно своеобразная группа вьетов, более восприимчивая к новому. При династии *тьюа* (военных правителей) из рода Нгуен, правивших в южной части страны два столетия, на юге постепенно формировался свой тип политического, социального и культурного поведения; страна вьетов стала двухцентральной. Хотя политический авторитет долгое время оставался у севера, но с конца XVIII в. и политический центр всей страны сместился к югу. В конце второго этапа дельта Красной реки постепенно переставала быть источником экономических и культурных идей и политических инициатив. Примечательно, что бывший одним из центров притяжения в XVI–XVIII вв. центральный Вьетнам оказался исторически промежуточным, хотя там были и столица Нгуенов, и столица недолговременного государства тайшонов в конце XVIII в. Малоземелье центрального Вьетнама сыграло здесь свою отрицательную роль, усиливалось значение южного Вьетнама

В отличие от других стран Юго-Восточной Азии вьетское общество в XIX в. дошло до третьего исторического этапа — позднефеодального, с преобладанием частного землевладения крестьян, относительно развитой промышленностью и достаточно сложной торговлей, развитыми внешними связями, а также со значительными массами христиан; все это было наиболее ярко выражено в новых землях (крайний юг современного Вьетнама).

* * *

Основу учебника, по необходимости небольшого, составляют материалы социально-экономической истории страны, которым мало уделялось внимания ранее, поэтому он предполагает параллельное чтение уже имеющихся на русском языке более подробных сочинений по отдельным периодам политической истории, истории литературы, искусству, переводной «Истории Вьетнама» [История Вьетнама 1983] и проч. С этой книги рекомендуется начинать, но желательно ею не ограничиваться даже при предварительном знакомстве с историей этой страны.

Первый том учебника основан на лекциях, читаемых в Институте стран Азии и Африки при МГУ, начало которым было положено Александром Андреевичем Губером. К сожалению, А.А.Губер не включил их в свои публикации, но они многое определили в понимании автором ключевых проблем истории Вьетнама.

Автор данного тома стремится следовать традициям С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, Н.А.Бердяева, а именно рассказать как историю страны и ее народа, так и историю его духовной жизни, хотя в полной мере осознает всю трудность такой задачи для ученого-иностранца. Данный труд учитывает национальное историческое предание вьетов, но воспринятое автором в духе русского исторического предания — иначе нельзя рассказать своему народу об истории другого.

Библиография

Деопик Д.В. 1994. — *Деопик Д.В.* История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994.

Вьетнам. Исторический очерк (до 1885 г.)¹ Обзор историографии Вьетнама. Периодизация истории Вьетнама

Традиционная историография начала складываться у вьетов в XIII в. Первым крупным ее представителем явился Ле Ван Хыу, издавший в 1272 г. *Дайвьет шы ки* («Исторические записки Дайвьета»), очерк истории вьетского государства с древнейших времен (основное внимание уделено X — началу XIII в., сохранился лишь в отрывках). Эта работа, как и труды Ле Чака (*Аннам ты лыок*, «Описание Аннама по разделам», конец XIII — начало XIV в.), Ли Тэ Суена (*Вьет диен у линь тап*, «Рассказы о духах земель Вьета», 1329 г.), Фан Фу Тиена (*Дайвьет шы ки тукбиен*, «Продолжение исторических записок Дайвьета», 1453 г.), и другие были написаны под влиянием китайской конфуцианской историографии того времени. Новое течение во вьетнамской традиционной историографии утвердилось после появления в 1479 г. труда Нго Ши Лиена *Дайвьет шы ки тоан тхы* («Полное собрание исторических записок Дайвьета») [ТТ/*Тьинь-хоа*], подчеркнувшего самостоятельный характер развития вьетского государства, что нашло, в частности, свое отражение во впервые введенной им и в дальнейшем воспринятой всей вьетнамской доколониальной историографией периодизации (до 968 г., когда вьетское государство стало официально независимым от китайской империи, — «Предварительные записи», с 968 г. — «Основные записи»). Для труда Нго Ши Лиена и последующих работ (*Фам Конг Чы*. Дайвьет шы ки банки тукбиен («Продолжение основных записей исторических записок Дайвьета»), 1665 г.; *Ле Куи Дон*. Дайвьет тхонг шы («Всеобщая история Дайвьета»), 1749 г., и др.) характерны прославление власти вьетнамского *вуа* (императора), политическая тенденция к утверждению единого централизованного государства. В этих летописях изложение строилось по хронологическому принципу и основное внимание уделялось политической истории. Новый период в развитии вьетнамской традиционной историографии начался с выходом в 1821 г. работы Фан Хуи Тю *Лить чиеу хиен тьыонг лоай ты* («Классифицированное описание установлений минувших династий»), где была сделана попытка сравнительного анализа экономических, юридических и политических институтов, рассматриваемых в каждом случае на протяжении всей истории Вьетнама. Элементы исторического анализа, появившиеся в труде Фан Хуи Тю, получили свое дальнейшее развитие в крупнейшей летописи старого Вьетнама *Кхам динь Вьет шы тхонг зям кьонг мук* («Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности», 1858–1884 гг.), написанной группой придворных историографов под руководством Фан Тхань Зяна.

С превращением Вьетнама во французскую колонию (50–80-е годы XIX в.) развитие вьетнамской историографии стало проходить под влиянием французской исторической школы. Наиболее крупными работами вьетнамских историков, написанными с профранцузских позиций, были книги Чьонг Винь Ки и Зьонг Куанг Нама. Особое место во вьетнамской немарксистской историографии занимает подробное исследование по истории Вьетнама Ле Тхань Кхоя, написанное с объективистских позиций. Западная историография по Вьетнаму представлена в основном работами французских авторов. Характерной ее чертой является стремление выделить положительные стороны — цивилизаторскую и просветительскую функции французского колониального режима во Вьетнаме. Французская ориенталистика, и в особенности синология, дала некоторое количество фундаментальных исследований по частным проблемам, преимущественно в области древней и средневековой истории Вьетнама (работы А.Масперо, Л.Кадьера Л.Оруссо, Р.Делустала и др.), научная ценность которых, однако, во многом снижается из-за преимущественного интереса их авторов к верхушечной, политической истории Вьетнама.

Конкретная разработка проблем истории Вьетнама была начата в СССР в 40-х годах работами А.А.Губера и В.Я.Васильевой. После образования в 1945 г. ДРВ началось становление и развитие независимой национальной исторической науки во Вьетнаме. В 1953 г.

в ДРВ был создан Комитет по изучению литературы, истории и географии при ЦК Партии трудящихся Вьетнама (ПТВ) (издавал журнал «Ван шы диа»), в 1959 г. — Институт истории Вьетнама. Основное

¹ Впервые опублик. как часть ст. в Советской исторической энциклопедии [Деопик Д.В. 1963].

внимание ученые ДРВ уделяли истории социальных движений низов, освободительной борьбе вьетнамского народа, народно-демократической революции и вопросам текущего государственного строительства в ДРВ. Созданы работы, освещающие восьмидесятилетнюю борьбу вьетнамского народа против французского колониального режима (Чан Хуи Лиен), историю Августовской революции 1945 г. (Чыонг Тьинь, Ван Тао, Тхань Тхэ Ви, Нгуен Конг Бинь), развитие и рост вьетнамского рабочего класса (Чан Ван Зяу), историю ПТВ (Минь Чань, Буй Конг Чынг и др.). Большое внимание уделяется научному изучению вопросов древней и средневековой истории Вьетнама (Ван Тан, Дао Зуи Ань и др.). В противоположность западной историографии в центре внимания ученых ДРВ находились социально-экономические проблемы и история социальных движений в древнем и средневековом Вьетнаме. В 1956–1960 гг. проходила дискуссия по проблеме раннегосударственного строя во Вьетнаме, исследовались земельный вопрос, специфические черты традиционного общества во Вьетнаме, социальная организация средневекового крестьянства, был опубликован ряд исторических памятников. Институтом истории Вьетнама готовится труд по всеобщей истории Вьетнама (под общей редакцией Чан Хуи Лиен и Ван Тана); работа подобного типа уже создана коллективом авторов Ханойского университета.

В 50–60-е годы в СССР созданы монографические исследования по истории национально-освободительной борьбы вьетнамского народа (С.А.Мхитарян, А.П.Шилтова и В.А.Мордвинов, И.М.Щедров), по аграрной реформе в ДРВ (А.Г.Мазаев), по истории движения тайшонов (И.А.Огнетов), опубликованы научные статьи по социально-экономическим преобразованиям в ДРВ (А.А.Губер, В.А.Зеленцов и др.), по древнему и средневековому периодам жизни Вьетнама (Д.В.Деопик, А.И.Мухлинов). Значительный вклад в развитие марксистской историографии по Вьетнаму внес французский историк Ж.Шено, опубликовавший в 1955 г. «Очерк истории вьетнамского народа».

По ряду вопросов периодизации истории Вьетнама в исторической науке еще не сложилось единых точек зрения. В истории Вьетнама можно предварительно выделить следующие основные периоды: 1) период первобытного строя (до III в. до н. э.); 2) период раннегосударственного строя (III в. до н. э. — II в. н. э.); 3) период раннего восточного феодализма (III — начало X в.). 4) период развитого восточного феодализма (начало X — конец XVIII в.), делится на: время политической раздробленности (начало X — начало XI в.); время централизованного государства (10-е годы XI — начало XVI в.), которое совпадает с первым этапом развитого восточного феодализма; второй этап развитого восточного феодализма (начало XVI — конец XVIII в.); 5) период позднего восточного феодализма (начало XIX в. — 1884 г.), делится на: время складывания во Вьетнаме предпосылок для оформления абсолютистской формы государственной власти (начало XIX в. — 50-е годы XIX в.) и время, когда самостоятельное историческое развитие Вьетнама было насильственно прервано вмешательством Франции (1858–1884).

Период первобытного строя (до III в. до н. э.)

Территория Вьетнама входит в ареал формирования человека современного типа. В верхнем палеолите и мезолите здесь существовала бакшонско-хоабиньская культура. В неолите Вьетнам вошел в широкую область культур, характеризующихся употреблением «плечикового топора» и керамики со штампованным орнаментом. Отдельные металлические орудия появились на рубеже II тыс. до н. э. Самостоятельная культура эпохи бронзы сложилась в середине I тыс. до н. э. (культура Донгшон). На рубеже нашей эры на территории Вьетнама совершился переход к железному веку. В период неолита и ранней бронзы население бассейна реки Хонгха (Красной) и низовьев реки Меконг по своему антропологическому облику относилось к индонезийскому антропологическому типу и говорило, по-видимому, на языках аустроазиатской семьи. Основными занятиями населения были земледелие, отчасти рыболовство и в меньшей степени охота. Центральные районы Вьетнама занимали протоиндонезийские племена, основными занятиями которых были охота и рыболовство. У племен, населявших территорию Вьетнама, господствовал в этот период первобытный патриархальный строй. Вопрос о формировании непосредственных предков вьетнамцев, известных в источниках под именем лаквьетов, связан с историей этнической группы юэ (*вьет.* вьет), в первой половине I тыс. до н. э. занимавшей низовья реки Янцзы, а затем начавшей перемещаться к югу, в бассейны рек Сицзян и Хонгха, где она смешивалась с протоиндонезийскими и аустроазиатскими племенами.

Период древних вьетских государств (III в. до н. э. — II в. н. э.)

По вопросу о социальной структуре древнего общества во Вьетнаме, а также по вопросу о времени формирования этого общества в исторической науке существуют разные мнения. Одни ученые относят появление первых государственных образований во Вьетнаме к III в. до н. э. и считают, что Вьетнам прошел через стадию раннерабовладельческого строя восточного типа; другие относят их появление к более позднему периоду (первые века нашей эры) и полагают, что лаквьетское общество перешло непосредственно от первобытного строя к средневековью (восточному феодализму). Сторонники первой точки зрения полагают, что процесс разложения родового строя на территории северного Вьетнама, ускоренный перемещением сюда с севера части юэских (вьетских) племен, привел в III в. до н. э. к образованию древнего государства Аулак.

Основными производителями в Аулаке были земледельцы-общинники (*лакзан*), в меньшей степени — лично зависимые категории (*ноле*); правящий слой (*лактыонги* и *лакхау*) состоял из бывшей родо-племенной верхушки — крупных землевладельцев и служилой знати. В 207 г. до н. э. государство Аулак попало в зависимость от сопредельного вьетского государства Намвьет, сформировавшегося во второй половине III в. в бассейне реки Сицзян; возникло двуединое вьетское государство Намвьет–Аулак. Захват Намвьета–Аулака китайским императором У-ди (династия Западная Хань) в 111 г. до н. э. привел к включению Аулака в состав империи. Территория Аулака была разделена ханьской администрацией в 110 г. до н. э. на три малые провинции (Зяотьи, Кьютян и Нятнам или, по-китайски, Цзяочжи, Цзючжэнь и Жинань). В начале I в. н. э. ханьская администрация стала проводить широкую ассимиляцию лаквьетов и усилила налоговое давление на них. Это вызвало в 40–43 гг. всеобщее восстание против династии Хань, возглавленное высоко почитаемыми вьетнамцами сестрами Чынг. Это восстание, как и последовавшие за ним во второй половине I в. и особенно во II в. многочисленные выступления лаквьетов-общинников, вынудило ханьские власти отказаться от политики ассимиляции. Лаквьеты сохранили свою общинную организацию и свою самобытную культуру. Фактическая власть в стране лаквьетов постепенно перешла от ханьской администрации к местной служилой знати.

В центральной части современного Вьетнама во II в. н. э. у племен индонезийской языковой семьи чамов сложилось собственное государство — Чампа.

В III в. до н. э. — III в. н. э. у лаквьетов шел процесс развития самобытной духовной и материальной культуры. Формировался язык, отличный как от языков более северных групп вьетов, так и от языков более южных автохтонных аустроазиатских групп (протокхмерских), складывался народный эпос (легенды о духе-черепахе Ким Куи, волшебном арбалете Анзыонг-вьонга, богатыре из Фудонга и др.). Развивалась своеобразная деревянная архитектура с центрально-столбовыми конструкциями без несущих стен. Самобытное искусство лаквьетов характеризуется многими реалистическими изображениями и сложными композициями на бронзовых барабанах, многочисленными скульптурами, выполненными в своеобразной манере. Образование раннего государства нашло свое отражение в создании религиозной системы, в которой наряду со старыми родовыми анимистическими верованиями значительную роль играли культ предков (при этом все более распространялся государственный культ предков правителя) и сложные магические представления. С начала нашей эры на лаквьетскую культуру начали оказывать известное влияние китайская культура и индийский буддизм, появились произведения искусства смешанных стилей (находки в погребениях I–III вв. в дельте реки Хонгха).

Период раннего восточного феодализма (III — начало X в.)

В III–IV вв. на базе дальнейшего развития производящего хозяйства (повсеместное применение железных орудий, совершенствование ирригации, распространение плужного земледелия, развитие деревенских ремесел, введение новых сельскохозяйственных культур (соя, хлопок) и более совершенных агротехнических приемов, заимствованных из Китая) на территории северного Вьетнама происходило формирование новых, более зрелых социальных отношений в формах, близких к китайскому прототипу того времени. В эти же века на базе лаквьетов начал складываться вьетский этнос, формирование которого в основном завершилось к концу периода «северной зависимости». Характерной чертой формирующегося вьетского

средневекового общества было сохранение общинной организации как социальной, административной и фискальной основы организации крестьянства. К началу VI в. обострились противоречия между местной служилой знатью, фактически правившей страной, и китайской администрацией. В 541 г. вьеты под руководством крупного чиновника Ли Бона выгнали китайского управляющего из страны. В северном Вьетнаме возникла независимая империя Вансуан, где правила основанная Ли Боном династия Ранние Ли (541–603). В 603 г., после многолетних войн, Вансуан был вновь завоеван китайской династией Суй (581–618), однако фактическая власть в стране по-прежнему оставалась в руках вьетских чиновников. Сменившая династию Суй китайская династия Тан (618–907) реорганизовала центральное управление Вьетнама (в 622 г. было создано Верховное управление Аннама (кит. Аньнань); Аннам стал названием северного Вьетнама на период VII — середина X в.), что несколько ослабило позиции местных чиновников, но положение империи Тан во Вьетнаме в целом оставалось непрочным. В 20-х годах VIII в. произошло новое освободительное восстание в стране, возглавленное представителями знати этнической группы мыонг, родственной вьетам. Подавление восстания стоило Танам значительных усилий. Постепенно при формальном сохранении Верховного управления Аннама власть вновь перешла к местным чиновникам. В конце VIII — начале IX в. должность верховного управляющего Аннама стала наследственной в знатном вьетском роде Фунг.

Период развитого восточного феодализма (начало X — конец XVIII в.)

Время раздробленности
(начало X — начало XI в.)

К X в. феодальные отношения восточного типа стали господствующими во Вьетнаме. По своему социально-экономическому развитию вьетское общество достигло уровня наиболее развитых традиционных обществ Дальнего Востока (Китай, Япония, Корея). С IX–X вв. начался процесс создания единой ирригационной сети северного Вьетнама, состоявшей из магистральных каналов и больших дамб, строившихся центральной властью, и местных ирригационных систем, создававшихся крупными землевладельцами и объединениями общин. В сельском хозяйстве дополнительно к старым культурам (рис, бобовые, батат, маниок, садовые культуры) вводились новые: огородные культуры, пряности, технические культуры (шелководство). Источники, начиная с XI в., свидетельствуют о широком развитии рыбоводства, о распространении рыбного соуса *ныокмам* как основного источника животных белков в рационе вьетов. Широкое распространение получили соляные промыслы как самостоятельная отрасль хозяйства. Начало развиваться горнодобывающее дело (черные и цветные металлы, олово, золото, серебро). Появились новые виды ремесла (производство высококачественных тканей, бумаги (ранее ввозившихся из Китая), поливной керамики, оружия и т.д.).

Одновременно сложился в основных чертах самобытный тип вьетской материальной и духовной культуры, усвоившей в то же время многие достижения культуры китайского народа. Эти внутренние процессы в сочетании с ослаблением в этот период власти Танов на юге империи привели в начале X в. к фактическому восстановлению независимости вьетов. С 907 г. у власти во Вьетнаме встала местная династия Кхук (907–923). Внешнее оформление независимости Вьетнама произошло в 939 г., когда основатель династии Нго (939–965) вышел из-под власти Южной Хань и привозгласил себя правителем-*выонгом*; в 968 г. страна получила новое название — Дайковьет (Великий Древний Вьет), ее правитель провозгласил себя императором и получил вскоре после этого инвеституру на правление от империи Сун. Это дало основание средневековым вьетнамским летописцам считать именно 968 год началом независимой истории Вьетнама. Символом достижения независимости страны было перенесение столицы из китайской цитадели Дайла (район современного Ханоя) в древний центр Аулака Колоа, к северу от слияния рек Хонгха (Красной) и Да (Черной). Социально-политической и экономической основой в Дайковьете была, как и при Танах, верховная собственность на всю землю императора или правителя. Земля обрабатывалась общинниками, зависимыми или непосредственно от государства, или от чиновников, которые получали ренту-налог с общин, переданных им во временное владение. Одновременно значительная часть общин находилась в непосредственной зависимости (минуя верховного правителя) от крупных землевладельцев-аристократов (*шыкуанов*), наследственно владевших землями с находящимися на них общинами. *Шыкуаны* стремились свести власть *выонгов* из дома Нго к минимуму и стать полностью самостоятельными в своих уделах. Уже при Нго Куене (939–944), основателе династии, Вьетнам стал распадаться на владения *шыкуанов*, каждый из которых был не намного слабее самого *выонга*. После

смерти Нго Куена страна распалась на 12 крупных уделов, во главе которых стояли боровшиеся между собой *шыкуаны* (эпоха «12 *шыкуанов*», 945–968, формально — 965–968). Разорение страны усобицами вызывало недовольство общинников. В преодолении политической раздробленности были заинтересованы также в значительной мере представители средних и мелких служилых слоев, которые не могли без опоры на сильное государство реализовать свое условное владение общинами. Опираясь на эту часть правящей верхушки и пользуясь поддержкой общин, императоры (*вуа*) династий Динь (968–981) и Ранние Ле (981–1009) повели борьбу с *шыкуанами*. При *вуа* Динь Бо Лине (968–979) часть из них была лишена своих владений, земли остальных были раздроблены на новые административные единицы, политический контроль над которыми перешел к чиновникам *вуа*. Борьба за централизацию страны была продолжена в последней четверти X в. при *вуа* Ле Хоане (981–1005), когда в источниках исчезло упоминание о *шыкуанах*.

В период раннего средневековья развитие культуры складывавшегося вьетского этноса происходило на базе развития местных лаквьетских традиций, обогащавшихся многими достижениями китайской цивилизации. Продолжал формироваться вьетский эпический цикл, отражавший свободолюбие вьетов и их борьбу с иноземцами. Литература этого периода в значительной степени базировалась на переработке традиционных буддийских и китайских литературных сюжетов. В прикладном искусстве VIII–IX вв. господствовал так называемый стиль Дайла, воспринявший ряд китайских и индийских мотивов, но в целом самостоятельный. В архитектуре наряду со строительством башен-ступ развивалось строительство одноэтажных храмов, состоящих из нескольких залов, расположенных по одной оси. Образование в этот период находилось в руках конфуцианских ученых (представленных в IV–VI вв. главным образом выходцами из южного Китая, позже — в основном вьетами). Наряду с дальнейшим развитием местных религиозных верований на базе учения индийской буддийской секты *дхьяна* (*тхиен*) в VI–IX вв. формировалась вьетнамская форма буддизма — господствующая форма религиозной идеологии в X — начале XI в.

Первый этап
развитого восточного феодализма
(время централизованного государства,
10-е годы XI — начало XVI в.)

В первой половине XI в. в Дайковьете окончательно оформилось централизованное государство. Основной административной и фискальной единицей продолжала быть община, внутри которой общинная верхушка раскладывала подушные и поземельные налоги (ренту-налог, идущую государству), набирала рекрутов и контролировала выполнение обязательных общественных работ в пользу государства. Налоги были в основном натуральные, но отдельные категории их взимались в деньгами. Внутри общин была сосредоточена значительная часть традиционных вьетских ремесел; часть ремесленников, по данным источников, относимся к XI–XII вв., жила в городах, особенно в столице Дайковьета (с 1010 г.) Тханглонге (совр. Ханой), и в деревнях-цехах (*фыонгах*). Средние и мелкие землевладельцы в основном были представлены служилой бюрократией. Значительной властью пользовались крупные землевладельцы (уже не *шыкуаны*, а в основном члены королевской семьи и буддийские монастыри (буддийское церковное землевладение получило широкое распространение с X в.); часть общинников находилась в непосредственной зависимости от этих крупных светских и духовных землевладельцев. Власть императора опиралась на регулярную армию и придворную гвардию. Служилый слой комплектовался отчасти по китайской системе экзаменов; она получила к середине XI в. четкую иерархическую структуру. Идеологическое оформление власти правящего слоя в централизованном государстве нашло свое выражение в формировании в XI в. общевьетской синкретической религиозной системы, базирующейся на сочетании культа предков и старых местных религиозных верований (божества Земли и Неба) с вьетской формой буддизма (*тхиен*) и конфуцианством.

Укрепившееся вьетское государство (с 1069 г. название Дайковьет было заменено на Дайвьет (Великий Вьет) начало во второй половине XI в. борьбу за расширение своих владений. На севере территория вьетского государства расширилась в результате присоединения к Дайвьету территории нунгов (современная провинция Каобанг). На юге армия Дайвьета заняла в 1069 г. северные провинции Чампы (совр. пров. Куангбинь и Куангчи). Эти районы были уже заселены вьетами-общинниками в ходе постепенного заселения ими территории современного центрального Вьетнама, которое началось в интенсивных формах уже на рубеже X–XI вв. и составляло одну из характерных черт истории Вьетнама на протяжении всего периода средневековья. Высокоразвитая вьетская земледельческая культура охватывала постепенно долины

центрального Вьетнама. С начала XII в. Дайвьет вступил в полосу длительных войн с Чампой, продолжавшихся до начала XIII в. Разорение общинников, происходившее в связи с этими войнами, повлекло за собой в середине XII в. обострение социальных противоречий, ознаменовавшееся многочисленными выступлениями низов. В ходе борьбы с оппозиционными движениями и военными бунтами последние императоры династии Поздние Ли все более обращались к помощи могущественного дома Чан, представители которого, сыграв решающую роль в подавлении восстаний и укреплении центральной власти, отстранили с 1225 г. прежних правителей от власти и основали свою собственную династию Чан (1225–1400).

Первые *вуа* из династии Чан совершенствовали государственную систему налогообложения, базирующуюся на ренте-налоге. В 1233–1242 гг. была унифицирована вся административная система (разделение всего Дайвьета на 12 провинций-*ло* с единообразным управлением), проведена полная перепись населения, каждая община была поставлена под контроль государственного чиновника; был введен (1230 г.) новый свод законов, строго охранявший привилегии правящих социальных групп. При Чанах были созданы сильная армия (100 тыс. человек в мирное время, более 200 тыс. человек — в военное) и флот, организована (1253 г.) военная академия в Тханглонге. В 1257–1288 гг. Дайвьет трижды подвергся вторжению монгольских армий. Борьба против угрозы иноземного завоевания охватила весь народ, выдающуюся роль в ней сыграл полководец Чан Куок Туан (храмовое имя — Чан Хынг Дао). Все походы монголо-китайских войск потерпели поражение, Дайвьет отстоял свою независимость. В конце XIII в. Дайвьет вел борьбу с усилившимся лаосским государством Лансанг на среднем Меконге. С начала XIV в. Дайвьет возобновил движение на юг, где им были по договору 1307 г. с Чампой приобретены области О и Ри в районе современного г. Хуэ.

Длительные войны второй половины XIII — начала XIV в. подорвали сельское хозяйство и стали причиной скрытого и открытого недовольства крестьян; толпы обнищавших общинников бросали деревни и селились во владениях крупных землевладельцев, где их не могло облагать налогами центральное правительство. Власть крупных землевладельцев укреплялась, а власть *вуа* слабела. Во второй половине XIV в. социальный протест продолжал шириться (особенно крупное выступление произошло в 1379 г. в дельте реки Хонгха). В 1377 г. чамы вторглись в южный Дайвьет. В условиях ширившихся оппозиционных выступлений, военных поражений и значительного упадка авторитета центральной власти служилая знать сгруппировалась вокруг канцлера Хо Куи Ли, фактического правителя страны с 1378 г. Он укрепил армию и вернул отторгнутые Чампой области Дайвьета (1389 г.). После этого Хо Куи Ли приступил к проведению реформ, имевших целью подорвать власть крупных наследственных землевладельцев, укрепить положение центральной власти и служилых слоев (в том числе мелкого и среднего чиновничества). Наиболее существенной среди них была земельная реформа 1397 г., по которой верхний предел размера наследственных земельных владений был установлен в 10 *мау* (1 *мау* = 3600 м²). Реформа нанесла сильнейший удар по прослойке крупных наследственных землевладельцев, не затронув при этом имущественных интересов государственных чиновников, продолжавших иметь значительные земельные владения в условном держании. В годы правления основанной Хо Куи Ли династии Хо (1400–1407) был реорганизован государственный аппарат, были усилены контрольные органы, восстановлена строгая централизация. Реформаторская деятельность Хо Куи Ли и его сына Хо Хан Тхыонга (1400–1407) встретила ожесточенное сопротивление крупных землевладельческих родов и отстраненных династией Хо от власти придворных чиновников династии Чан. Определенные круги вьетской знати под предлогом восстановления власти законной династии Чан обратились за помощью к китайской династии Мин (1368–1644). Хо были разбиты минской императорской армией, в 1407 г. их династия была свергнута, многие реформы Хо отменены. Но начавшаяся китайская оккупация столкнулась с массовым партизанским движением. С 1417 г. патриотические силы стали группироваться вокруг полководца Ле Лоя. В 1427 г. минские войска были изгнаны из Дайвьета. Победа в освободительной борьбе и сильная армия позволили Ле Лою, основавшему императорскую династию (Поздние Ле, 1428–1789), и его ближайшим преемникам довести до конца централизаторскую программу в интересах среднего и мелкого чиновничества.

Первым мероприятием Ле Лоя (храмовое имя — Ле Тхай-то) было проведение переписи земель (1428 г.), сопровождавшейся конфискацией земли у сторонников Минов, что дало в распоряжение государства крупный земельный фонд. Проводилось сселение обезлюдивших общин, создавались военные поселения на юге. Были восстановлены периодические переделы земли внутри общин, прекратившиеся в предшествующие десятилетия. Была запрещена передача общин в личное временное пользование находящимся на государственной службе чиновникам. Взамен было введено денежное вознаграждение или предоставление свободной земли. Это были первые шаги к формированию поместного землевладения. Вместе с тем при Ле Лое община была поставлена под еще более строгий контроль местных властей, внутреннее самоуправление общин было резко ограничено (кодекс Поздних

Ле 80-х годов XV в.). Характерной чертой вьетнамской деревни этого времени было наличие значительного числа безземельных крестьян, не входивших в списки общинников и труд которых использовался непосредственно государством (на общественных работах), землевладельцами и богатыми общинниками (минуя общинную организацию). Основной формой их эксплуатации становилась кабальная аренда. При императоре Ле Ты Тхане (храмовое имя — Ле Тхань-тонг, 1460–1497) к Дайвьету был присоединен ряд областей на западе и впервые, хотя и не полностью подчинена Чампа (1471 г.). Войны Ле Ты Тханя сопровождались разорением части крестьян-общинников. Разросшиеся государственный аппарат и бюрократический слой привели к увеличению общего количества собираемых налогов. Первые десятилетия XVI в. ознаменовались крупным движением под руководством Чан Као в центральных районах северного Вьетнама. В то же время начались выступления против центральной власти усилившихся крупных служилых родов (Маки, Нгуены, Чини); базой этих выступлений стали находившиеся на краю дельты Красной реки и сопредельные с ней районы провинций Хайзыонг, Тханьхоа и Нгеан.

Второй этап развитого восточного феодализма (начало XVI — конец XVIII в.)

К началу 20-х годов XVI в. императоры династии Поздние Ле почти полностью утратили контроль над страной. Фактическая власть в центре и на местах принадлежала Макам, Нгуенам и Чиням; Маки и Чини стремились овладеть столицей и установить контроль над владениями своих соперников. В междоусобных войнах с конца XVI — начала XVII в. начало широко применяться огнестрельное оружие. В ходе внутренних войн все большую роль в стране играют мелкие и средние военно-служилые прослойки (офицеры, гвардейцы, воины местных дружин), получавшие от соответствующего лидирующего на данной территории дома (клана) за службу земли. Быстрыми темпами формировалось поместное землевладение. К концу XVI в. военно-политическая власть в стране перешла от дома Маков (фактически правившего большей частью страны уже с 20-х годов XVI в.)

к домам Чиней и Нгуенов. К 30-м годам XVII в. в Дайвьете при сохранении номинальной власти династии Ле фактически сложилось два самостоятельных государства: государство Чиней на территории современного северного Вьетнама и современного центрального Вьетнама до провинции Нгеан (со столицей Тханглонг) и государство Нгуенов на территории большей части современного центрального Вьетнама (со столицей Фусуан — современный г. Хуэ). К концу XVII в. Чини завершили освоение северо-западных районов Вьетнама, а Нгуены начали закрепляться на территории современного южного Вьетнама. С середины XVII в. в стране интенсивными темпами шел процесс распада общинной организации. Ослабление общины было связано с ростом производства, создавшим объективные возможности ведения крестьянами хозяйства силами отдельной семьи. Ослабленная община, все более терявшая значение экономического объединения, подвергалась двойной эксплуатации: со стороны государства и со стороны владельцев поместий. Все более фиктивной становилась верховная собственность императора на всю землю, и резко ослабла вся связанная с нею прежняя система внутривосточной и экономической организации вьетнамского общества. Социальное развитие вело к постепенному распаду прежней системы (община — служилая бюрократия — государственная собственность на землю), на которой базируется развитый феодализм восточного типа; вьетнамское общество начало переход к последней его фазе, характеризующейся преобладанием мелкопоместного (при наличии среднего и крупного) землевладения. Во Вьетнаме в XVIII в. все более видную роль играют торговцы, горнопромышленники и экономические чиновники.

В социально-экономическом развитии государств Ле-Чиней и Нгуенов наблюдались некоторые различия. Процесс развития поместного землевладения в государстве Нгуенов шел более интенсивно. Развитие поместных отношений в северных владениях тормозилось непрерывно нарастающей аграрной перенаселенностью, в то время как на юге имелись значительные фонды свободных земель, присваиваемых мелкими и средними несслужилыми землевладельцами. Города и торговля были в государстве Ле-Чиней развиты также слабее, чем в государстве Нгуенов. Со второй четверти XVIII в. на севере страны началась полоса внутренних войн, продолжавшихся в долинных провинциях до начала 50-х годов XVIII в. Наиболее крупным было движение в 1743–1751 гг. под руководством Нгуен Хью Кау. Экстренные военно-политические мероприятия центральной власти привели к прекращению античиньских выступлений и временной (на 30 лет) стабилизации внутри- и внешнеполитического положения правителей-*тиоа* Чинь в северной части Дайвьета.

В конце XVI в. в Дайвьете появляются первые европейские путешественники и католические миссионеры, поначалу испанские и португальские, затем голландские, английские и французские. Наибольшая активность деятельности европейских торговых факторий в государстве Ле-Чиней (порт Фохиен) и в государстве Нгуенов (порт Хойан) выпадает на вторую половину XVII в.

Двойной гнет, которому подверглось вьетнамское крестьянство, — со стороны государства и мелкопоместных землевладельцев, обусловил в последней трети XVIII в. новый взрыв социального недовольства. Центром нового мощного антиправительственного движения стали густонаселенные северные районы государства Нгуенов. Здесь, в горном районе к западу от г. Куиньон (Тайшон — «западные горы») в 1771 г. началось самое крупное в истории традиционного Вьетнама крестьянское восстание, получившее название восстания тайшонов. Массовое крестьянское движение охватило в 1771–1776 гг. большую часть территории государства Нгуенов. В 1786 г. армия тайшонов заняла всю территорию государства Ле-Чиней на севере страны. Тайшоны боролись против *тью* Нгуен на Юге и против *тью* Чинь на Севере под лозунгом возвращения реальной власти династии Поздние Ле. После формального восстановления власти династии Поздние Ле (1786 г.) в северных владениях фактическая власть оказалась в руках тайшонов. Попытка *вуа* Ле установить действенный контроль над ситуацией при помощи цинских войск привела к свержению тайшонами династии Поздние Ле в 1789 г. К 1802 г. южная военно-политическая группировка, возглавляемая наследником правящего дома Нгуенов — Нгуен Фук Анем, установила свою власть на всей территории обоих бывших владений Ле-Чиней и Нгуенов, подавив последний очаг сопротивления тайшонов в Куиньоне.

Для вьетнамской культуры периода развитого средневековья характерно, начиная с X–XII вв., резкое усиление национальных традиций. По-видимому, уже к XII в. существовало национальное иероглифическое письмо *тыном*, постепенно распространявшееся в литературе и переписке наряду с китайской письменностью. С XI в. развивается ксилографическое книгопечатание. Высшего расцвета вьетнамская средневековая культура достигла в XV в. — в период экономического и политического подъема централизованного государства; в последующие века культурная жизнь базировалась в значительной мере на достижениях этого «золотого века» вьетнамской культуры. Самостоятельная вьетнамская литература, возникшая в XII–XIII вв., выдвинула крупных оригинальных поэтов: Хан Тхуен (вторая половина XIII в.), Ли Тэ Суен (XIV в.), Тю Ван Ан (XIV в.), Нгуен Чай (XV в.), Ле Ты Тхань (XV в.), Нгуен Зы (XVI в.), Дао Зуи Ты (XVII в.), Ле Куи Дон (XVIII в.) и др. Интенсивно развивались прикладные и изобразительные искусства (скульптура, фресковая и лаковая живопись, художественное литье, декоративная керамика («стиль Тханьхоа» с XII в.), художественная резьба по дереву и камню, художественное плетение). В архитектуре с XI в. доминировало специфическое вьетское одноэтажное строительство с парковыми ансамблями, расположенными по одной оси; в храмовом и светском зодчестве преобладали кирпич и дерево (камень очень редок). Наиболее выдающимися сооружениями являются храм Мот-кот, воздвигнутый в Тханглонге в 1049 г., храм Ванмиеу, воздвигнутый там же в 1070 г. (вместе с тем ряд исследователей полагают, что это произошло не ранее XIII–XIV вв.), комплекс императорских гробниц в Ламшоне (1433–1505), ступа Баонгием в Буттхапе (1647 г.). Эпоха централизованного государства характеризуется весьма разветвленной системой государственного образования, находившегося под контролем буддийских монахов, позднее (с XIII–XIV вв.) — конфуцианских ученых. Буддизм *тхиен*, расцветший в X–XII вв., с XIII в. перестает быть государственной религией; на протяжении всего периода постепенно усиливалось влияние конфуцианства, в конце XIV–XV вв. оно (в чжусианской форме) стало господствующим в государственной практике учением.

Период позднего восточного феодализма (начало XIX в. — 1884 г.)

Складывание во Вьетнаме предпосылок
для оформления абсолютистской власти
(начало XIX в. — 50-е годы XIX в.)

В начале XIX в. традиционное вьетнамское общество вступило в последнюю стадию своего самостоятельного развития. Государство постепенно приобретало некоторые абсолютистские черты, характерные для периода позднего феодализма. При первых правителях общевьетнамской династии Нгуен (1802–1945), основанной Нгуен Фук Анем (храмовое

имя — Нгуен Тхэ-то, эра правления — *Зя-лонг*, 1802–1819) после победы над тайшонами, меняется социальная база императорской власти. В своей политике Нгуен Фук Ань опирался прежде всего на мелкопоместных частных землевладельцев («богачей»), которым он частично передал административную власть на местах. Складывавшаяся во Вьетнаме новая государственная система учитывала в своей политике до некоторой степени интересы таких все более усиливавшихся социальных групп традиционного вьетнамского общества, как торговцы, горнопромышленники, предприниматели.

Нгуены создали мощный разветвленный бюрократический аппарат, комплектовавшийся чиновниками на жалованье (а не служилыми землевладельцами), зависевшими непосредственно и исключительно от императора. С 1804 г. страна получила свое современное название Вьетнам (Южный Вьет), правда, позже название государства было заменено на Дайнам (Великий Юг); столицей государства стал г. Хуэ. Закрепление новых аграрных отношений было осуществлено в ходе проведенной в эру *Зя-лонг* переписи земель и оформлено в кодексе эры *Зя-лонг* (1812 г.). Нгуен Фук Анем была также создана сильная армия, значительно модернизированная.

С начала XIX в. во Вьетнаме быстро развивались города (Ханой, Сайгон и т. д.), горная промышленность (добыча меди, олова, железа, серебра, цинка). Шел процесс формирования внутреннего рынка. В горной промышленности, строительстве, на мануфактурах (ткацких, металлообрабатывающих) — государственных (возникли во Вьетнаме в начале XVII в.) и частных (начали появляться в XVIII в.) — все более широко применялся наемный труд. Торговцы, владельцы мануфактур и рудников получили в эру *Зя-лонг* значительные налоговые привилегии, в городах начало формироваться городское самоуправление. Экономическое и политическое развитие Вьетнама в конце XVIII — первой половине XIX в. сопровождалось восприятием ряда передовых технических достижений европейских государств (в области металлургического производства, строительного дела, мореходства, математики, медицины, астрономии и т. д.). Таким образом, многие нововведения, внедрение которых во Вьетнаме часто относили к колониальному периоду, осуществлялись самим вьетнамским обществом в ходе его исторического развития.

К середине XIX в. Вьетнам представлял собой по ряду показателей позднефеодалное государство с абсолютистскими чертами, в котором уже существовали предпосылки для формирования новых рыночных отношений. Однако самостоятельное развитие вьетнамского общества было приостановлено, а затем прервано вмешательством Франции в 50–80-х годах XIX в.

Установление французского контроля во Вьетнаме (1858–1884)

После ряда неудачных военных демонстраций (Англи, Франции и США) в первой половине XIX в. Франция в 1858–1862 гг. предприняла первую колониальную войну против Вьетнама. Вьетнам оказал сопротивление, однако в результате этой войны Франция отторгла у вьетнамского государства три восточные провинции южного Вьетнама. Захваченная Францией южная часть Вьетнама была объявлена колонией Франции. Еще во время войны в южном Вьетнаме развернулось мощное антифранцузское движение.

В ходе борьбы с освободительным движением французские колониальные власти установили непосредственный контроль во многих районах, земли в которых были переданы французским колонистам и частично местным чиновникам и землевладельцам, пошедшим на службу в колониальную администрацию. В 1873 и 1882 гг. Франция предприняла новые агрессивные действия в северном Вьетнаме. Внутри вьетнамской правящей верхушки в 60–80-х годах сложились две борющиеся между собой группировки — патриотическая во главе с Тон Тхат Туэтом, выступавшая за энергичное сопротивление иноземным захватчикам, и капитулянтская группировка, стремившаяся сохранить свои прежние привилегии путем компромисса с Францией. В результате военной кампании 1883–1884 гг.

Франция, используя капитулянтскую группировку при дворе, захватила северный и центральный Вьетнам и установила фактический контроль на всей территории империи Нгуенов и на части прилегающих к ней на западе и юго-западе лаосских и кхмерских земель.

Приход к власти во Вьетнаме в начале XIX в. сильной и авторитетной династии Нгуен, объединившей все земли, заселенные вьетнамцами, сопровождался развитием рафинированной придворной культуры. В то же время в связи с экономическим ростом городов развивались виды искусства, связанные с широкими слоями городского населения. Большое распространение с первой половины XIX в. получили старинный лубок, бытовая скульптура, искусство художественной вышивки. Для литературы этого времени характерно развитие камерного жанра в поэзии (Нгуен Кхуен, 1835–1909) и вместе с тем создание больших реалистических произведений, отражавших социальную жизнь вьетнамского общества (*Ким Ван Киеу* Нгуен Зу, 1765–1820).

В изобразительном искусстве первой половины XIX в. сочетались утонченность, стремление к передаче нюансов и помпезность (дворцовые ансамбли г. Хуэ). Значительным архитектурным сооружением этого времени является дворец Нгуен Фук Аня в г. Хуэ. Большое развитие получили математика, астрономия, география (*Дайнам нят тхонг тьи* («Общее описание Дайнама»), 1865–1882). Вьетнамская наука выдвинула в первой половине XIX в. крупного ученого-энциклопедиста Фан Хуи Тю. В 60–80-х годах во вьетнамской литературе появился ряд произведений, призывавших к борьбе с французскими захватчиками и часто разоблачавших местных соглашателей и компрадоров («Призыв к уничтожению мышей» Нгуен Динь Тъиеу, 1828–1888, «Песнь о справедливой борьбе», 1885 г., «Песнь о падении Ханоя», 1885 г., и т. д.).

Библиография

Деопик Д.В. 1963. — *Деопик Д.В.* Вьетнам. Исторический очерк (до 1885 г.). — Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963, с. 918–932.

ТТ/*Тьинь-хоа*. — *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Ксилограф SA.PD.2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).

Традиционное и новое искусство Вьетнама¹

Задача книги, о которой идет речь, — показать вьетнамское искусство в историческом аспекте как нечто единое и впервые предложить общую картину его развития с древнейших времен до наших дней.

Вьетнамское искусство, в том числе и современное, обладает определенной спецификой, для понимания которой — а это является одной из задач книги — необходимо представить историю его эволюции, характер тех элементов и жанров, которые отсутствуют в европейском искусстве или представлены в нем в очень небольшой степени (лаковая живопись, живопись на шелке, лаковая скульптура, мини-парки и т. д.).

Предварительно хотелось бы остановиться на таких вопросах, как функция и место изобразительного искусства во вьетнамском обществе на основных этапах его существования, соотношение в искусстве Вьетнама элементов национального и общекультурного, психологическая ситуация, влияющая на художника и его творчество в традиционном вьетнамском обществе, проблема «мастера», а затем дать некоторые сведения о жанрах этого искусства и его историко-культурной обусловленности.

О некоторых особенностях развития изобразительного искусства во Вьетнаме

Современное понимание традиционного вьетнамского искусства во вьетнамском искусствоведении сложилось недавно. Оно связано с работами ныне покойного директора Музея искусств в Ханое Нгуен До Кунга и других авторов, посвященными искусству феодального Вьетнама [Искусство эпохи Ли; Искусство эпохи Чан; Искусство эпохи Ле Шо]. Исследователи считают, что традиционное вьетнамское искусство неотделимо от народного восприятия искусства (в свете которого должно проводиться его сравнение с искусством верхов). Вьетнамскому традиционному искусству во все века его существования были присущи простота, неприятие вычурности. Простота изобразительных средств (но не упрощенность ви; деня мира) сочетается с вниманием к деталям, к малому. Это обусловило развитие в первую очередь декоративного искусства. Еще одна важная черта в стилистике изображения — это плавность переходов и контурных линий, мягкость очертаний.

Для изобразительного искусства и народных масс, и верхов характерны жизнелюбие и радостное мироощущение, присущие далеко не всем искусствам прошлого.

Необходимо учитывать, что древнее искусство древнего народа, в отличие от искусства других стран, представлено в очень незначительной степени, ибо сохранилось довольно мало его произведений. Это объясняется преобладанием и в архитектуре, и в скульптуре дерева, весьма нестойкого в условиях тропического климата. Исследование древнего искусства затрудняется и отсутствием традиции собирания антиквариата, его консервации. Определенную роль сыграло и то, что французские власти отнюдь не заботились о сохранении памятников вьетнамского искусства (многие из них погибли или разрушились именно в колониальный период, т.е. в конце XIX — середине XX в.). В целом сведения о развитии вьетнамского искусства еще очень неполны, и это надо учитывать, знакомясь с первой работой по истории вьетнамского искусства.

Важнейшей его чертой во все времена, за исключением первых веков существования и современности, была двуслойность: наличие народного искусства, обслуживавшего основную массу населения, и искусства китаизированного, предназначенного для верхушки господствующего слоя. Народное искусство являлось искусством общинного крестьянства (община стала распадаться лишь в XVIII в.). Культура феодальных верхов, хотя и взаимодействовала с культурой народной, не могла проникнуть глубоко в общину, ее влияние на народную культуру было гораздо меньше, чем принято считать, а обратное влияние — значительно сильнее. И что самое важное, народное искусство продолжает и сейчас оставаться настолько мощным, что многие новые течения просто и естественно формируются благодаря его синтезу с современным искусством. Ни одно из двух направлений не стало доминирующим в искусстве Вьетнама, как и в его культуре вообще. При этом оба направления мало индивидуализированы

¹ Впервые опубликовано как предисл. к [Нгуен Фи Хоань 1982: 5–17].

по сравнению, допустим, с японским искусством, слабо ощущается и влияние господствующей нормы, поддерживаемой верхами, в отличие, например, от Камбоджи или Китая.

Встречающаяся порой позиция исследователей, которые рассматривают вьетнамское искусство как провинциальную школу искусства китайского, в корне неверна даже в плане дефиниции искусства феодальных верхов. Можно говорить скорее о периоде ученичества в искусстве, хотя от самого периода ученичества до нас почти ничего не дошло, поскольку он пришелся на отдаленные времена «северной зависимости» (I в. до н. э. — IX в. н. э.). Но и он был лишь вехой в истории народа, создавшего свою, самобытную традицию в изобразительном искусстве — Донгшонскую культуру. Примечательно, что ученичество проходило на фоне влияния двух ведущих традиций Азии — индийской (в основном адаптированной чамскими, живущими и сейчас на территории СРВ) и китайской и происходило параллельно.

Дошедшие до нас памятники раннесредневекового искусства относятся в основном ко времени, когда вьетская традиция уже восприняла и синтезировала ряд иноземных черт (искусство эпохи династий Поздние Ли и Чан, XI–XIV вв.), именно черт, поскольку в целом влияние оказалось незначительным.

Второй период активного восприятия иноземного опыта относится к XV в., когда шло освоение достижений китайской культуры. Оно коснулось лишь верхних слоев общества, сделав еще более ощутимой двухслойность вьетнамской культуры. Был и третий период освоения иноземного опыта, на этот раз — европейского. Восприятие его, шедшее в значительной степени через новую, сложившуюся во Вьетнаме в XVII–XVIII вв. городскую среду, повлекло за собой упадок верхушечной элитарной культуры феодального Вьетнама.

Оба слоя, верхушечный и народный, достаточно ясно различимы в культуре феодального Вьетнама и в его искусстве. К народному, или неофициальному, можно отнести все искусство, обслуживавшее деревенскую культуру; наиболее ярким его примером является богато украшенный общинный дом — *динь*, а также храмы погребального культа отдельных семей — *дэны* и деревенские буддийские храмы — *тюа*. К верхушечному, или «государственному», искусству относилось все, связанное с жизнью двора и дипломированных чиновников, с общенациональными (в основном столичными) храмами (буддийскими, конфуцианскими, культа предков династии и духов-хранителей страны). Помимо неофициального и «государственного» существует еще городское искусство, поздно выделившееся и сравнительно слабо развитое во Вьетнаме. Специфически городские «производство и спрос» в сфере искусства тормозились такими факторами, как обезличивание творцов-ремесленников, отсутствие «культа мастера», в отличие от европейского средневекового города, неуважение к людям наемного труда. Напомним, что до нас дошли имена создателей вьетнамских произведений искусства в основном XVIII в., хотя сами произведения известны с XI в.

Глубоко самобытное и во многом реалистическое (несмотря на тенденцию к стилизации) искусство предков вьетнамцев — классическое донгшонское искусство в период «северной зависимости» медленно уступало свои позиции в среде господствующего класса индийской и китайской культурной традициям, уже канонизированным под влиянием определенных религиозных идей. Эти идеи не требовали реалистической трактовки портрета, реалистического изображения тела. Они все более становились знаковыми. Но это — в верхах, а народные массы, как показывает поздняя скульптура общинных домов — *диней*, сохраняли реалистическое жизнерадостное искусство, где, правда, отсутствовало мастерство портрета, но зато прекрасно изображалось тело и многие композиции отличались удивительной экспрессией. В дальнейшем происходит слияние до определенной степени этих направлений в искусстве XVIII в. и постепенное формирование городской культуры.

Основными этапами в развитии изобразительного искусства Вьетнама можно считать следующие: реалистическое искусство раннеклассового общества в период до I в. н. э.; «двухслойное» искусство времен «северной зависимости» и первых веков существования самостоятельного феодального государства (I–XV вв.); искусство эпохи синтеза культуры верхов и культуры масс и формирования городской культуры (XVI–XIX вв.); искусство новейшего времени (XX в.).

И роль изобразительного искусства в жизни общества, и его жанровый состав существенно менялись на протяжении этих периодов. Традиции предшествующих времен не исчезали бесследно, определяя и отбор элементов, заимствованных из соседних культур, и новые формы в искусстве.

Что же наиболее характерно для вьетнамского традиционного искусства древности, средневековья и нового времени, т. е. с момента формирования государства лаквьетов (предков вьетнамцев) до конца XIX в.?

1. Основной материал, используемый во всех видах искусства, — дерево (в том числе и в лаковой живописи). В меньшей степени — глина, камень и металл, в позднее время — ткани и бумага. Неизвестна ранняя масляная живопись, поздно появилась цветная графика на бумаге.

2. Монументальность в искусстве отсутствовала даже в периоды, когда изобразительному искусству уделялось самое серьезное внимание. Отчасти этому препятствовало «распыление средств»; значительную часть расходов на искусство составляли средства общины, они не принадлежали государству и не могли быть использованы для строительства «храмов-гигантов», а средств

господствующего класса могло и не хватать. Мешало и то, что в стране не было единой религии, пропаганда которой потребовала бы концентрации всех средств, как это было в Камбуджадеше, Пагане (Бирма), Матараме (Ява).

3. Обезличивание творцов, забвение их имен из-за отсутствия подписей на вещах; отсутствие традиции собирания древностей, предметов антиквариата. Господствующее ощущение второстепенности изобразительного искусства по сравнению с письменной культурой.

4. Резкое преобладание религиозного искусства над светским; при этом в деревне искусство, обслуживающее национальный культ, преобладало над буддизмом, а в городе искусство буддизма — над светско-конфуцианским «высоким» искусством (последнего в деревнях практически не было).

5. Неразвитость, в отличие от Китая и Японии, «культы прелестной безделушки», выражающей определенные, близкие ее хозяину идеи; незначительная роль жилища как средоточия красивых вещей. Последнее характерно для народов Юго-Восточной Азии, у которых жилище вообще было менее значимо в быту и хозяйстве по сравнению со странами умеренного климата.

Из общих особенностей надо указать сравнительную (при большом количестве войн) малочисленность военных сюжетов, реализацию религиозных идей чаще в статуях, чем в сюжетных композициях (в отличие от кхмеров, монов, бирманцев, яванцев). Исторические темы в рельефах *диней* появляются с XV в. С этого же времени сухой текст хроник перемежается историческими легендами о древних временах — возможно, данное совпадение не случайно. Незначительно также и количество свитков и с изображениями, и с текстами. Камень используется в основном для декоративных плит, сакральных, а также юридических, генеалогических и исторических текстов. Традиционные сюжеты старой вьетнамской живописи — это символически переданные так называемые парные фразы (например, изображения сосуда для вина и сумки для книг означают богатство и достаток). Эти изображения воспринимались как своего рода лозунги, вывешенные на стенах или хранившиеся в свитках, и имели более узкую смысловую и функциональную нагрузку, чем иконы. Очень важно, что основным потребителем искусства в высших кругах старого Вьетнама был не «человек культуры» (как в китайском обществе), не рыцарь или монах (как в европейском), не человек высшей касты (как в индийском), а политический деятель — гражданский чиновник. Политическому лидеру в условиях феодального общества особый личный декорум не был нужен; он — чиновник, жизнь которого регламентирована. Вьетнамский двор всегда отличался простотой, отсутствием вычурности, хотя страна была богатой, а двор являлся реальным воплощением власти.

Что же служило средоточием эстетических вкусов вьетнамского феодала-чиновника? Прежде чем ответить на этот вопрос, напомним, что народное искусство в стране, где основной социальной единицей была деревенская община, играло очень важную роль; элементы общинной культуры преобладали над всеми остальными, находя воплощение в храмах, статуях и пышных празднествах. При этом народная культура обслуживала и низшие слои феодалов, не имевших статуса дипломированных чиновников, и в определенной степени противопоставляла все деревенское население чиновничеству конфуцианского толка и профессионально образованному буддийскому монашеству.

Теперь вернемся к поставленному вопросу. Определенного места или предмета, служившего средоточием эстетических вкусов хозяина дома, во Вьетнаме, как и во многих других странах, не было. Если говорить о месте сосредоточения в доме «красивых вещей», то это был прежде всего алтарь предков, находящийся в лучшей части помещения и игравший у вьетов основную роль в религиозной жизни семьи. На алтаре предков стояли таблички — духи предков, здесь же находились и ценная керамика, и лаковые сосуды, и подставки, висели гравюры. Тут были сосредоточены все те произведения искусства, которые имели прикладное значение и служили для личного потребления. Предметы эти из дома не выносились.

Дело, возможно, в том, что культ предков, в том числе и семейный, очень распространенный во вьетнамском обществе, носил особый характер, в отличие от других стран. Для вьетнамцев предки — постоянные добрые защитники и советчики во всех важных делах, с ними у крестьянина связана по меньшей мере половина праздников, в том числе аграрных. Это основные представители и ходатаи семьи перед высшими силами. Конфуцианская система ценностей, выросшая на иной этическо-культурной основе, не вытеснила семейный и общинный культ предков в его вьетнамской разновидности.

В быту феодала-чиновника использовались необходимые для чиновника вещи, среди которых были и произведения искусства. Это письменные принадлежности, в их числе тушечница, свитки с изображениями, обычно демонстрируемые гостям, пряжка чиновника и проч. Отсутствие стремления к пышности и излишней декоративности (но далеко не всегда к дешевизне) является причиной того, что соответствующие предметы невычурны, просты и их немного.

Говоря о вьетнамской религиозной архитектуре, следует отметить, что традиции строительства деревянного жилья на сваях использованы и в архитектуре общинного дома-храма (*диня*) и сохраняются до сих пор.

Сильно выступающие за стены и спускающиеся книзу крыши идут из глубокой древности, они — обязательный элемент любого здания, дающие тень и защищающие наружные стены от дождя. Свет поступает в такое здание снизу, из окон, расположенных под свисающей крышей. Интерьер и в жилых домах, и в парадных зданиях несколько сумрачный, но в последних он таинственнее и наряднее, с поблескивающими позолоченными деталями архитектурных конструкций и мебели. Вокруг здания высажены большие деревья и имеются вымощенные камнем площадки или террасы, где расположены декоративные статуи, урны, небольшие ступы.

Как и в других странах региона, храм мог вместить не всех верующих, а их избранную часть, остальные располагались вокруг. Это и формировало особенности предназначенного для общественного восприятия ритуального искусства. Многие священнодействия происходили в доме верующего, в «комнате-храме» у алтаря предков.

При строительстве традиционного жилого дома, всегда деревянного, в Юго-Восточной Азии зелень используется как обязательный элемент фона — зеленая изгородь или заросли бамбука. Практически всегда обязательный для долинных народов Вьетнама пруд возникает при постройке невысокой земляной платформы под домом (чтобы не было сырости). Как следствие — разные уровни двора и фундамента. Зелень во вьетнамском дворе естественна и имеет мало общего с японским садиком, где защищенная и «зарегулированная» природа превращена во что-то вроде мебели, элементов декора, непохожа она и на искусственное сочетание причудливых растений в двориках зажиточных людей в сухой долине Хуанхэ.

Среди стран с развитым садово-парковым искусством Вьетнам занимает особое место, поскольку здесь, в роскошной зелени тропиков, нашли воплощение два направления этого вида организации природного пространства: композиция с искусственным сочетанием посадок, в естественном ландшафте не встречающимся, и композиция с выделением на ландшафте одного огромного дерева (вьетская идея поклонения большим деревьям, обычно входящим в комплекс храма или *диня*). Знаменитые парковые ансамбли г. Хуэ — одни из немногих на Дальнем Востоке, сохранившиеся без изменений и переделок.

Проявлением одной из важных особенностей вьетнамского искусства — широкой сферы «сотворчества» художника и потребителя (особенности, присущей и литературе) — является миниатюрный садик-*нонбо*. Его владелец для поддержания садика в порядке непрерывно творит, руководя процессом роста деревьев и вкладывая все больше и больше своего в исходный пейзаж, созданный художником.

Можно выделить период доминирующей роли конфуцианства — эпоху *Ле Шо* (1427–1527), а также определить роль национального культа и буддизма в искусстве, что находит, в частности, отражение в архитектуре *диней* и храмов, в планировке поселений. Существует мнение о том, что до XV в. *диней* не было, однако оно не основано на археологическом материале, разделяется не всеми вьетнамскими и советскими учеными, не соответствует нашим представлениям о культуре вьетов и родственных им народов в средние века.

Представляется, что в XV в. мало строили пышных зданий не столько из-за упадка крупной аристократии, сколько из-за господства в ее среде в то время конфуцианской идеологии. Усиление буддизма в XVI и последующих веках было в значительной степени связано с ослаблением конфуцианства, последовавшим за ослаблением «законной» династии Поздние Ле.

Заметим, что такие своеобразные виды народного творчества, восходящие к глубокой древности, как игрушки из глины и теста, модели предметов из глины (зданий, пагод, мостов), не являющиеся детскими игрушками, — это целый мир, аналогичный уменьшенным ландшафтам *нонбо*. Они суть явления одного порядка.

Искусство эпохи синтеза и формирования городской культуры

Характер искусства этого периода во многом обусловлен предшествующим общественным и культурным развитием Вьетнама. Культура средних слоев города, прежде незначительная по масштабам и не игравшая роли в общенациональной культуре, в XVIII в. выделяется в самостоятельное направление, претендуя на общевьетнамский размах. Она многое восприняла как из народной, так и из элитарной культуры. Последние не исчезали с расцветом городской культуры, но развивались уже по-иному. Специфика этого процесса во Вьетнаме состоит в том, что культура элиты, феодальной до начала XX в., буржуазной до середины XX в., так и не сформировала единого культурного комплекса с народной культурой; этот процесс продолжался одновременно с противостоянием культуре французских колонистов во Вьетнаме (но не французской культуре как таковой). Завершается процесс формирования этого комплекса только сейчас, в условиях независимого Вьетнама.

Как и соответствующие социальные слои города (предбуржуазия и предпролетариат), городская культура как новый самостоятельный элемент общественной жизни становится реальностью Вьетнама в XVIII в., что сказалось и в появлении новых жанров и форм, и в широком распространении ранее второстепенных, и в исчезновении или отходе на второй план старых. Процесс этот шел и в общественной мысли, и в литературе, и в музыке, и в драматическом искусстве.

Так что же нового в искусстве принес с собой период XVIII — первой половины XIX в.?

1. Постепенное снижение функциональной значимости резных панно и рельефных композиций в *динях* и распространение печатной цветной народной гравюры на дереве (порой не очень точно называемой лубком), производившейся всего в нескольких центрах (основной — Донгхо). Гравюра предназначалась для религиозного культа — культа предков, но семейного, а не общинного, в отличие от резных панно в *дине*. В этом виде творчества отражено не только почитание предков семьи, но уже и духов национального культа (героев прошлого, обретших статус духов). Чрезвычайно важно, что народная гравюра содержит уже и чисто литературные образы, и просто жанровые сценки, лишенные знакового смысла и представляющие в основном художественную ценность.

Вьетнамская народная гравюра школы Донгхо имеет ряд своеобразных черт. Она нередко лишена строгой композиции, хотя изображает несколько предметов или людей, в ней почти всегда отсутствуют элементы пейзажа. Фигуры людей обычно размещены в ровном, интенсивно окрашенном одноцветном пространстве, порой даже без рамки. Все эти особенности присущи и резным панно, и рельефным композициям в *динях*. Именно от последних, с их выразительной, чуждой вычурности храмовых статуй резьбой, восприняла указанные черты вьетнамская гравюра. На гравюрах можно увидеть мир веселых или радостных крестьян; они воссоздают атмосферу обычного, почти не насыщенного религиозным смыслом деревенского праздника, как правило без фигуры чиновника, ибо все равны; это крестьянский идеал среды, где (в отличие от Европы) формировалась и интеллигенция феодального Вьетнама. И если в этом искусстве применялась символика, то она была понятна всем — она уже прошла фольклорный отбор. Гравюра переняла свою живописность от резных композиций *диней* и статуй, которые окрашивались в чистые, яркие тона (они были многоцветными, часто без золота, почти не используемого и в гравюре Донгхо); очевидно, создателям гравюр школы Донгхо не приходилось бороться с традициями раскрашенной гравюры, из которой вышли ханойская школа и ее китайские предтечи. В гравюре обеих школ (особенно ханойской) и в живописи свитков сюжеты, набор образов, подбор и правила сочетания цветов обычно религиозно и литературно обусловлены. Большинство изображений представляют собой лозунги с вполне определенным смыслом (например: «успех по службе честного человека»), но полной однозначности смысла и образа не существовало даже в литературных произведениях.

Очень распространенная гравюра «Красавица» может быть сопоставлена с японскими портретными и жанровыми гравюрами из серий «чайных домиков». Во Вьетнаме подобный вид гравюры не получил особого развития. Вообще можно предположить, что японская цветная гравюра оказала некоторое влияние на вьетнамскую, поскольку уже в XVI в. японцы регулярно торговали в портах Вьетнама и вообще в восточной половине Индокитая.

Для вьетнамской национальной гравюры школы Донгхо характерно обилие сюжетов из крестьянской жизни. Во Вьетнаме с его расширенной сферой народной культуры гравюра носила более демократический характер (и по своей тематике, и по форме) по сравнению с другими странами. В связи со сказанным представляется верным положение автора о том, что гравюра заняла особое место в духовной жизни народа.

Гравюра производилась в нескольких пунктах на севере, в центре и на юге страны, но ведущей была северовьетнамская «деревенская» школа Донгхо, она же поставляла основную массу популярных образов и сюжетов, как принято считать.

2. В это же время формируется идея авторства, прежде всего в архитектуре и живописи.

3. Заметен упадок конфуцианской элитарной культуры, даже в период попыток императора династии Нгуен Нгуен Тхань-то (эра правления *Минь-манг*, 1820–1840) возродить ее в 20–30-х годах XIX в. В культуре преобладали буддийские и новые городские (во многом светские) элементы, что было связано с усиливающимся религиозным индифферентизмом верхов (на протяжении большей части периода).

4. Более широкое распространение получили живописный портрет, живопись вообще.

5. Был нанесен сильнейший удар по устоям отжившей китаизированной элитарной культуры. Победа тайшонов (1771–1802) привела к появлению нового государственного образования, власти которого проводили последовательную политику защиты национальной культуры (использование вьетнамского иероглифического письма *тыном* в системе образования и в государственных делах). Сокрушение казавшихся незыблемыми ценностей было очень важно для дальнейшего развития культуры страны, и после тайшонов архаические китайские элементы верхушечной культуры во многом так и не смогли возродиться.

6. Увеличивается значение светской архитектуры, в которой декор менее сакрализован; это относится в определенной степени и к архитектуре новой императорской столицы Хуэ.

7. Усиливается роль культа предков в государственном масштабе, что проявляется в строительстве пышных императорских гробниц близ Хуэ. Гробницы правителей XVII–XVIII вв. такой роли в культуре не играли, так как императоры почти не имели власти, а *тюдэ* получили ее незаконно; это лишало, с точки зрения традиционной культуры, сооруженные ими гробницы истинного сакрального значения.

8. Возрастает сюжетное и композиционное разнообразие в графике, наиболее демократическом виде искусства в условиях тогдашнего Вьетнама. Дошедшее до нас обилие произведений искусства эпохи *Ле Мам* (вторая треть XVI–XVIII в.) — это еще и следствие большей сохранности деревянной архитектуры и скульптуры, графики. Наличие специфических черт в этих произведениях говорит о новых явлениях в искусстве. В то же время многие из произведений искусства XVIII в., судя по законченности стиля, не были новациями — созданные в более ранний период, их предшественники, очевидно, были просто «хорошо забыты».

Распространение произведений графики и других видов искусства во многом было связано с образом жизни помещиков, относительно небогатых, но тем не менее бывших частью господствующего слоя. Тесно связанные с деревней и только начинавшие социально конституироваться, они формировали спрос на более простые и недорогие произведения национального искусства.

9. Постепенно реализм приходит на смену условности. В искусстве Вьетнама XVIII в. персонажи китайских художественных произведений, даже ассимилировавшиеся во вьетнамской культуре, изображаются с нарочитым подчеркиванием именно китайских этнических черт, не присущих вьетнамцам (персонажи китайского «Троецарствия» на барельефах пещеры горы Ньюи); в то же время боги иноземных религий и национальные божества изображаются с этническими чертами вьетнамцев.

10. Падает интерес к старой элитарной культуре, и, как следствие, ограничиваются реставрационные работы при Нгуэнах в XIX в. (по сравнению с XVIII в.). Усиливается светское и государственно-культурное строительство в новых местах, в частности в г. Хуэ.

Отказ от строительства в старом культурном центре — Ханое (Тханглонге) с его многочисленными архитектурными памятниками, собраниями произведений искусства и мощной культурной традицией — также весьма примечателен. Новое строительство в г. Хуэ было глубоко продуманным, и на него затрачено много средств. Строительство в Хуэ — это отказ от чрезмерной сакрализации, что в условиях Вьетнама означало отказ от традиций XVI–XVIII вв. Что же касается степени китаизации искусства Хуэ, судить об этом, пока оно недостаточно полно исследовано, рановато. Сейчас общепризнано, что ансамбль Хуэ — один из красивейших в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Нельзя считать, что Хуэ символизирует искусство Вьетнама XIX в. Как и в японских замках XVII в., во вьетнамском градостроительстве XIX в. мы видим смешение архитектурных элементов европейских укреплений и жилища вьетнамского феодала. При этом у японцев эти элементы сочетались в одном здании, а у вьетнамцев — в одном архитектурном комплексе. Я имею в виду многочисленные цитадели, построенные по системе французского фортификатора Вобана французскими специалистами на службе вьетнамского императора в начале XIX в., а позднее и обученными ими вьетнамскими инженерами. В строительстве цитаделей впервые овеществлялась ведущая для феодальных кругов многих стран идея: модернизировать сферу внешних контактов, в первую очередь военных, с тем чтобы сохранить неизменными в борьбе с колонизаторами внутренние устои. Напомню, что внутри такой цитадели находились, если это была столица, дворцы, храмы и другие сооружения, внутри провинциальной цитадели — соответствующие здания провинциального масштаба. Цитадели европейского типа не оказали влияния на гражданскую и храмовую архитектуру и художественной ценностью обладают не в большей степени, чем однотипные им сооружения в Европе. Но их сооружение ознаменовало собой отказ от старого принципа организации экстерьера официального города и имело серьезное значение (тем более, что строительство цитаделей в значительной степени отражало внутренние потребности феодального общества, в котором в XVIII — середине XIX в. то и дело вспыхивали крестьянские восстания).

Последний период существования элитарной придворной культуры совпал с периодом колонизации. В начале этого периода установкой императорского двора в развитии культуры оставался синтез, формирующий высокое искусство, но внешним элементом в этом синтезе должна была постепенно стать культура Франции, при сохранении элитарности искусства и наличии в нем «верхнего» и «нижнего» слоев. Даже в искусстве монархия стремилась сохранить старую систему путем уступок колонизаторам; но пути развития культуры отныне пролегали вдали от императорского дворца.

В начале XX в. культурная ситуация в стране изменилась, заметно упал интерес к традиционным религиозно-философским учениям (конфуцианству, буддизму, культу предков). Меньше стало и средств у вьетнамской старой элиты, а французскую колониальную элиту во Вьетнаме эти учения и

связанное с ними искусство не интересовали. Среднему же французскому чиновнику и служащему нужна была лишь дешевая экзотика, на которую именно ими и был создан довольно устойчивый спрос.

В эти годы скульптура, ранее престижная, приходила в упадок; культовых статуй почти не делали, мало было и светских официальных заказов, к тому же лучшие из них доставались французам. Спрос на светские недорогие произведения искусства для дома, для ритуальной торжественной залы в доме (а не только для храмов и дворцов) начался в XVIII–XIX вв. и продолжал расти в XX в.; рассматривать его следует как результат внутренних процессов, происходивших под воздействием культуры метрополии. Последнее можно проследить и в искусстве, например на тесно связанных между собой его видах: книжной графике и живописи в XX в.

Искусство новейшего времени

Книга Нгуен Фи Хоаня впервые знакомит советских читателей с основными видами изобразительного искусства Вьетнама на разных этапах его истории².

Хотелось бы выделить две черты современного вьетнамского искусства и указать на представляющуюся интересной тенденцию.

Первая касается пути формирования современного изобразительного искусства. Это путь от знакового феодального искусства, связанного с китайской традицией, понимание которого требовало знания сложнейшей символики, — к реализму, к изображению чувств людей путем непосредственного наблюдения, анализа и передачи изобразительными средствами через сходство переживаний (наиболее яркий пример — творчество Нгуен Фан Тяня). В живописи многие современные произведения связаны в чисто изобразительном плане с гравюрами Донгхо, с живописными свитками. Живопись 30–40-х годов XX в. была менее национальной в целом, и это вполне естественно; лишь за периодом усвоения европейских канонов живописи могло последовать умение всесторонне сочетать их с вьетнамской художественной традицией. И если в начальный период, в 20-е годы, происходило в основном слияние элитарного искусства вьетнамского общества с европейским, то сейчас начался более естественный процесс соединения искусства европейского и народного, а также процесс усвоения современных художественных достижений всего мира. Среди художников, в творчестве которых этот синтез ощущается наиболее ярко, хочется отметить Фан Куан Фьонга, Куан Тхо, Нгуен Тху, Фам Ван Дона, Фам Нгуен Нга, Нгуен Данг Шана, отчасти Фан Хао.

Хорошо известен в истории современной вьетнамской культуры (и это нашло отражение в книге) этап, последовавший за 20-ми годами XX в., отмеченный бурными процессами в общественной и культурной жизни, о котором, к тому же, можно судить и по свидетельствам очевидцев. Здесь существенно выделить два периода: дореволюционный и послереволюционный, но нет оснований полностью противопоставлять их друг другу, потому что культура и искусство сохраняют преемственность (особенно у народов с глубокой и древней культурной традицией), ибо процесс, начавшийся еще в XVIII в., продолжавшийся в первой половине XX в., завершается, видимо, сейчас, в последней четверти XX в. Это значит, что процесс формирования городской культуры, тесно связанной с народной, во Вьетнаме завершается, в отличие от стран Европы и многих стран Азии, в условиях социалистического общества; совмещение во времени двух этих процессов — редкое и сложное явление.

Переход к современным жанрам, современному набору изобразительных средств и современной тематике происходил во Вьетнаме исключительно быстро. Основой послужили неприятие вьетнамскими художниками и обществом в целом европейской культуры в ее колониальном варианте, решительный отказ от культуры феодальных верхов как ориентира и усвоение лучших черт европейской культуры. Это была ориентация на истинные ценности европейской культуры, в первую очередь французской, о которой писали представители тогдашней вьетнамской интеллигенции, никогда не отождествлявшие французский народ (и его культуру) с колониальной администрацией. Политический кризис, утрата независимости повлекли за собой переосмысление всего комплекса культуры старого Вьетнама, и смена ориентиров произошла отнюдь не под давлением колонизаторов и не в нужном им направлении. Целью было восстановление культурной независимости в новых формах, отчасти созревавших внутри вьетнамского общества, отчасти связанных с лучшими достижениями европейской и мировой культуры.

Отсюда и скорость, и глубина изменений. Все виды искусств (архитектура, живопись, графика, скульптура) к концу 20-х годов стали иными. Возникли важные новые, специфически вьетнамские направления. Прекрасный пример плодотворного синтеза (возможно, с участием уже модернизированной японской культуры) — возникновение станковой лаковой живописи; легкость, с которой распространялись в связи с новой формой новые светские сюжеты (с ней никак не

² Дополнением к разделу о современном искусстве может служить [Муриан И.Ф. 1980].

ассоциировались старые), говорит о подготовленности общества к столь кардинальным изменениям. Важно и то, что к синтезу старых и новых приемов обращаются в первой трети XX в. самые крупные и даровитые художники, например Нгуен Фан Тянь; в их творчестве, сочетающем и новые, и традиционные элементы, освоение культурного опыта нашло конкретное выражение.

Именно с начала XX в. вьетнамские художники стали иначе смотреть на мир, реалистически изображая человека в различных его состояниях, тогда как до этого времени религия, китаизированное образование и традиционные образы народного искусства (тоже во многом застывшие и знаковые) обуславливали передачу художником того или иного, порой глубоко личного ощущения через систему знаков, набор философски значимых изобразительных средств. В народной гравюре также появляются в XX в. не только новые темы, но и новая образная система. То же происходит в живописи.

В разделе, посвященном становлению современного изобразительного искусства, автор убедительно показывает освоение таких приемов, как использование светотени, построение перспективы. Интересен разбор — чисто художнический, а не технологический — зарождения и развития лаковой живописи.

Достижение независимости сыграло огромную роль в становлении нового искусства, несмотря на трудности военного времени.

Роль изобразительного искусства в идеологической работе особенно возросла в годы войны Сопrotивления; 50–60-е годы были для многих вьетнамских художников временем дальнейшего профессионального совершенствования (использование возможностей цвета, композиции и т. д.). В 60–70-е годы во Вьетнаме завершилось в основном формирование современного изобразительного искусства как нового направления. Этот процесс происходил в обществе, строящем социализм.

В современном вьетнамском изобразительном искусстве уже нет тех традиций, которые существовали, например, в живописи на шелке (отсутствие теней и т. д.) 20–30-х годов и в других сферах искусства. Это, с одной стороны, искусство, полностью освоившее современные изобразительные средства, отличающиеся многообразием жанров и сюжетов, с другой — обладающее бесспорным своеобразием. В чем же заключается своеобразие современного искусства?

Во-первых, это исключительная живописность, высокоразвитое чувство цвета, мастерство сочетания ярких красок. Очень мало «раскрашенной графики», цветовое решение преобладает над контурным. Среди произведений искусства важнейшее место занимают образцы живописи (особенно пейзажи) и графики. В то же время скульптура, резче отличающаяся от традиционной, чем живопись или графика, и почти не знавшая периода перехода, в отличие от них выглядит менее свободной, скованной (как, впрочем, и круглая скульптура XVIII–XIX вв.).

Во-вторых, это наличие собственных массовых жанров и технологических приемов, существующих в лаковой живописи, в современной народной гравюре и развивающейся под ее влиянием графике, в декоративных мини-пейзажах *нонбо*. Особая роль традиционного декоративного искусства в быту (вазы с цветами, циновки, плетеная утварь и др.).

Многие специфические черты присущи искусству Вьетнама и как искусству страны, строящей социализм. Набор образов (трудящиеся, их жизнь с радостями и войны и мира, особенно прочувствованные художниками, чью землю десятилетиями калечила война), многообразие авторских стилей и почерков, жанров и тем отражают естественное развитие изобразительного искусства. Но на том, что уже сделано, лежит и печать военного времени: преобладание графики, акварели, зарисовок и относительно малое количество больших станковых полотен, произведений живописи маслом; во всех видах творчества велик удельный вес военной тематики.

В современном вьетнамском изобразительном искусстве традиционное умение работать чистым, открытым цветом, крупными цветовыми пятнами, не увлекаясь мелочами, нюансами, идет от восприятия окружающего мира вьетами, из народного искусства. Цветовая насыщенность, отсутствие рабского почитания контура и пристрастия к блеклым тонам и полутонам — все это заимствовано не из верхнего слоя феодальной культуры, а из синтеза народной традиции и реалистического видения мира художниками. Можно с полной уверенностью сказать, что формирование современного вьетнамского искусства как школы или направления в основном завершено и впереди его ждут новые успехи.

Библиография

- Искусство эпохи Чан. — *Mỹ thuật thời Trần*. Н., 1977.
Искусство эпохи Ле Шу. — *Mỹ thuật thời Lê sơ*. Н., 1978.
Искусство эпохи Ли. — *Mỹ thuật thời Lý*. Н., 1973.
Муриан И.Ф. 1980. — *Муриан И.Ф.* Изобразительное искусство СРВ. М., 1980.
Нгуен Фи Хоань 1982. — *Нгуен Фи Хоань.* Искусство Вьетнама. Очерки истории изобразительного искусства. Под ред. Д.В.Деопика. Пер. с вьет. В.Г.Нушель, А.Б.Полякова, А.А.Соколова. Предисл. и примеч. Д.В.Деопика. М., 1982.

Донгшонская цивилизация¹

Донгшонская цивилизация как таковая сравнительно недавно вошла в разряд основных цивилизаций древнего Востока. В настоящее время данная оценка культуры древнейших государств аустрических народов, населявших Юго-Восточную Азию и прилегающие области, общепризнана, но ее развернутая характеристика именно как цивилизации еще не предлагалась. Это объясняется поздним ее открытием (всего 60 лет назад), относительно малой пока изученностью, а главное — почти полным отсутствием памятников письменности и их непереуведенностью, как, впрочем, и малым числом вскрытых городских центров и их недостаточной раскопанностью.

Сыграло свою роль и распространенное до 60-х годов XX в. представление о том, что у рисоводческих аустрических народов, и прежде всего у основных из них — аустроазиатов и аустронезийцев, цивилизации формировались уже с учетом социального и культурного опыта отдаленных соседей. То обстоятельство, что у этих народов были свой раннеклассовый культурный центр, своя цивилизация, чей опыт был прежде всего воспринят периферийной частью этих народов и оказал на них глубокое влияние, выяснилось довольно поздно. Между тем Донгшонская цивилизация начала складываться еще в начале I тыс. до н. э. в низовьях Красной реки, в северо-восточной части Индокитайского полуострова, у лаквьетов (предков вьетнамцев), чей язык относился к аустроазиатской семье языков.

Возникшая там социальная и культурная структура раннеклассового общества обладала всеми чертами древней цивилизации, а выросшее на ее основе искусство было одним из немногих полностью самостоятельно развившихся больших искусств мира.

В духовной культуре донгшонцев преобладало почитание духов предков, постепенно формировавшее особую религию классового общества, впоследствии долгое время уживавшуюся рядом с мировыми религиями и конфуцианством. В то же время не получили развития культ богов сил природы, противопоставление богов земных и небесных. Не случайно, что в донгшонском искусстве мы не видим изображений богов и чудовищ, в то время как изображений людей (как считают многие исследователи, часть из них — именно предки) — огромное количество. Ряд исследователей предполагают существование у донгшонцев солярного культа. Есть немало данных о почитании неба, птиц и т. д. С определенностью можно говорить о наличии у лаквьетов сферической, или концентрической, модели Вселенной, в которой определенным «кольцам» соответствовали люди, животные, птицы; в центре сферы (круга) находилась «звезда» с канонизированным числом лучей. Имеются свидетельства существования у лаквьетов-рисоводов, как и у других земледельческих народов, культа плодородия; о нем говорят парные изображения мужчины и женщины в момент полового акта.

Черты духовной жизни древних донгшонцев-лаквьетов присущи представителям других аустрических народов. Последние, не участвуя в создании донгшонской религии, восприняли многие ее элементы, развили их и дополнили. А это было бы невозможно без фундаментальной близости в духовной сфере в прошлом и без регулярных широких контактов в момент восприятия. Самое же главное — возникновение в раннеклассовых обществах аустрических народов потребности в сложных культах и сложном религиозном искусстве для их отправления, а также способность донгшонской цивилизации удовлетворять этот спрос в течение веков. Но такой процесс культурного обмена, шедший на фоне быстрого экономического (наступление железного века) и социального (возникновение государств во всех крупных речных долинах Юго-Восточной Азии) подъема, оказался недостаточным, и началось активное осмысление социального и культурного опыта более отдаленных и более развитых очагов: индо-дравидийского на Западе и ханьского на Севере. Донгшонская цивилизация в центре своего распространения прошла путь от возникновения, через расцвет до упадка, наступившего в силу каких-то пока неясных для нас причин.

С упадком было связано изменение религиозных представлений ее носителей, выразившееся в исчезновении из практики культа почти всех ведущих образцов при сохранении самих основных предметов культа. Начавшиеся контакты лаквьетов с ханьцами не привели к распространению присущих последним элементов духовной жизни, но, возможно, косвенно способствовали возрастанию роли текста по сравнению с изобразительными способами хранения религиозной информации.

¹ Впервые опубликовано как раздел коллективной монографии: Древние цивилизации. М., 1989, с. 241–246.

Существенно, что поздний этап не сопровождался распространением китайских элементов ни в художественной манере, ни в наборе образов и сюжетов.

Донгшонская цивилизация известна своим своеобразным реалистическим искусством, служившим культовым целям. Они требовали именно реалистической передачи подробностей обряда, сам же обряд касался многих сторон повседневной жизни людей, что и отразилось в искусстве. Люди изображались чаще всего в рамках канонизированных композиций, причем композиции эти бинарны на основном ритуальном предмете — бронзовом полом усеченном конусе, открытом снизу, а сверху имеющем плоский диск; поздней традицией он воспринимался как барабан. «Донгшонскими барабанами» их называют и в современной литературе.

Бинарность состоит в том, что на плоском верхнем диске имеются две сложные группы сцен, каждая из которых подобна другой, но занимает противоположную половину «кольца». Возможно, так представлен мир живых и мир мертвых. Насколько можно судить, важная функция донгшонского искусства с его подробным воспроизведением с небольшими модификациями одних и тех же сцен ритуала и связанных с ним действий — фиксация обряда. В этом отношении они функционально соответствуют тексту описания обряда в других религиях.

На конусе встречаются изображения воинов на боевом корабле и пешех. Слабая стилизация образов на ранних, собственно лаквьетских изделиях позволяет многое узнать о культе. При всем реализме, точности деталей, соразмерности это только «знак» корабля, поскольку между кораблями стоят птицы и животные. Сцена не рассматривается мастером как изображение корабля на плаву. Но в самом корабле все реалистично, кроме присутствующего порой аиста — священной птицы донгшонцев и всех народов, воспринявших верования лаквьетов. В остальном это корабль в бою, со стреляющими лучниками, воинами с копьями и поднятыми боевыми топорами, с сигнальным барабаном, запасами воды и, наконец, с командиром, закалывающим копьём пленного. Ниже взору предстает «полоса воинов», отдельные фигуры в картушах изображают идущих в бой пешех воинов в огромных шлемах с перьями.

На всех этих изделиях сцены или незначительно разнятся в пределах дозволенного для конкретного художника, или различаются заметно, но всегда образуют группу схожих сюжетов, родственных наиболее детальным композициям на самых крупных «барабанах». Тут речь идет, видимо, о версиях обряда. Так, люди в лодках могут быть невооруженными, сцена приготовления к пиру может отсутствовать

и т. п. Главные же компоненты — летящая цапля и процессия воинов в пернатых шлемах — существуют и на «бедных», небольших «барабанах». Кстати, они дольше всего сохраняются в конце существования данной культуры, когда обряд либо уже сменился другим, либо передавался во все большей степени текстом. Необходимо подчеркнуть, что изображаются не просто различные реальные люди, а стандартный набор сцен с явно фиксированной семантикой. Это мифологический рассказ и обрядовая сцена одновременно.

Донгшонское искусство говорит о существовании у лаквьетов определенной магической, жертвенной (убийство пленного), культовой (культ священной птицы) практики, о развитой военной обрядности. Основу идеологической практики Донгшонской цивилизации составляли, по-видимому, достаточно сложные магические действия, можно говорить и о симпатической магии, тем более что на следующем этапе развития идеологии донгшонцев на «барабанах» появляются изображения лягушек, «вызывающих дождь». Согласно прослеженной этнографами поздней практике, ритуальное употребление «барабанов» призвано было регулировать отношения людей с потусторонними силами в рамках процедур, выполняемых людьми без участия изображений богов и без ведущей роли жрецов. Эти фундаментальные особенности присущи именно культу предков в той его форме, что прослеживается по более поздним документам и этнографическим данным для австралопитомических народов, особенно их австралоазиатской части (хмонги).

Система культовых сюжетов на священных «барабанах» — наиболее яркая характеристика Донгшонской цивилизации именно как раннеклассовой и основанной на культе предков. Прежде всего главной фигурой является не бог или священнослужитель, а человек. Но человек — в момент совершения религиозного обряда или приготовлений к нему, а не «просто человек» (что, впрочем, и невозможно как массовое явление на этом этапе общественного развития). Более того, по степени сложности, по степени знаковости, которая уже достаточно стандартизована, искусство этой цивилизации можно отнести к следующей ступени после искусства первобытного общества — к первой ступени искусства классовых обществ. В пользу такой точки зрения свидетельствует реалистичность самих изображений и, что гораздо существеннее, реалистичность композиций, передающих отношения между людьми в коллективе: рушение риса, отправление культа, совместное участие в бою на корабле.

О культовости этих изображений говорит в числе прочего то, что донгшонские сюжеты строго канонизированы. Очевидно, что за ними стояли совершенно определенные религиозные тексты, набор действующих лиц которых и некоторые отношения между этими лицами можно восстановить. В то же время народам, воспринявшим донгшонские культы, многое в них было чуждо не только по содержанию (что влекло за собой отказ от воспроизведения некоторых сюжетов или их быструю

стилизацию до неузнаваемости), но и по манере выражения. Это проявлялось как в отказе от строгой реалистической графики донгшонского искусства в пользу более гибкой (в государстве Тиен, к северо-западу от Аулака) или более декоративной (в Индонезии) манеры, так и в отказе от нормативности композиции и набора действующих лиц, когда объектом изображения становятся просто все типические фигуры людей и сцены хозяйственной, военной и религиозной жизни, как в Тиене. Следует сказать о явлении «вторичного реализма», при котором наряду с донгшонскими по стилю, смыслу и функции образами в искусстве народов-реципиентов появляются свои изображения, слабо или почти не стилизованные: в Тиене и Индонезии. (Знакоорнаментальные новшества намвьетов, живших к северо-востоку от Аулака, стоят особняком.) Они гораздо ближе к «натуре», чем изображения донгшонского стиля у этих же народов, а стилизация, явно находящаяся еще на раннем этапе, у каждого народа своя. Очевидно, что у донгшонцев был ими воспринят сам принцип реалистической сюжетной композиции, который скоро стал передаваться «местными средствами». Столь же очевидно, что он не мог быть воспринят без соответствующего текста и обряда, т. е. религии. У донгшонцев не сложилось в те века, как и у их ближайших соседей, чисто иератического искусства, вообще нетипичного для культа предков и возникших на его основе философий (под иератическим искусством имеется в виду подчеркивание величия бога, его господства над всем). Это отличает донгшонскую религию от религий ранних цивилизаций Нила и Междуречья предписьменного и раннеписьменного периодов. Отсутствие изображений бога или чаще других повторяющегося образа, который чем-то отличается от человеческого, связано, по-видимому, с преобладанием культа предков.

В период своего расцвета, в VI–IV вв. до н. э., а в некоторых областях и позднее донгшонское искусство породило ряд локальных вариантов. Быстрому его восприятию другими (но не всеми) австрическими народами наиболее экономически развитых областей «прото-Юго-Восточной Азии» способствовали два уже упомянутых фактора: то, что переходящее к классовому обществу население основных рисоводческих долин нуждалось в развитой идеологии, и то, что основа религиозных представлений всех этих народов — культ предков.

Напомним, что культ предков в значительной степени сохранился до сих пор и многое определяет в духовной жизни народов Юго-Восточной Азии. Лаквьеты первыми создали на этой основе более сложную религиозную систему; они и позднее шире остальных практиковали этот культ.

На ранних этапах Донгшонская цивилизация распространялась в сторону Малаккского полуострова, Индонезии, а также вверх по Красной реке; на поздних — на северо-восток, в земли родственных лаквьетам намвьетов, где уже сложилось свое государство, создатели которого не практиковали, видимо, донгшонского культа в момент образования государства. Это еще раз подтверждает тот факт, что при наличии родства разной степени близости в кругу развитых народов «прото-Юго-Восточной Азии» Донгшонская цивилизация формировалась в довольно ограниченном центре, а распространялась за счет восприятия по мере возникновения «спроса» на идеологию классового общества и соответствующие формы искусства. Распространение донгшонской религии явно шло не за счет переселений донгшонцев в сколько-нибудь заметных количествах в другие места, хотя морские и сухопутные контакты их были значительными.

О том, что донгшонская культура не навязывалась, а добровольно воспринималась, говорит и то, что у соседей мы видим лишь часть донгшонских религиозно-художественных образов, а именно: с одной стороны, наиболее близкие тому или иному народу (эта часть донгшонского комплекса специфична для каждого из них), с другой — занимавшие ключевое положение в донгшонской религии (эта часть одинакова у всех: летящий аист, процессия воинов, звезда в центре «сферы мироздания»). Был и еще один образ, который связан с наличием глубокой исходной близости австрических народов. Это орнамент в виде двойной спирали (латинская буква S); ее разновидности у австрических народов многообразны, но у многих из них они были унифицированы под влиянием донгшонского варианта двойной спирали.

Наиболее интересными школами, возникшими под влиянием донгшонского искусства, можно считать школы в малайско-яванском мире, в тайско-аустроазиатской среде государства Тиен у оз. Дали (в совр. пров. Юньнань), а также у намвьетов (государство Намвьет — территория совр. пров. Гуанси и Гуандун).

В Тиене, при сохранении в несколько видоизмененном виде донгшонских норм для некоторых изделий, преобладали «барабаны», выполненные в местной манере, с использованием местных образов, с добавлением обильной ритуальной мелкой пластики на верхней плоскости. В искусстве Тиена изменился стиль орнамента, исчез сюжет религиозного праздника на верхней плоскости инструмента, зато появились культовые изображения почитаемых здесь тигра и змеи, кстати, почти не встреченные у лаквьетов. Второй по массовости вид сакрального искусства донгшонцев — мелкая бронзовая пластика — достиг в Тиене исключительного развития, обогатившись чертами «вторичного реализма».

У аустронезийцев сохранилось прежде всего основное в религиозном сюжете — полет аиста и процессия воинов в шлемах с перьями. Одновременно появились собственные сакральные образы (фигуры и лики), стилизовался лаквьетский и расцвел свой декор. В южной школе преобладало

«вплетение» новых образов в ткань старой композиции, сама же она, в отличие от искусства Тиена, быстро теряла реалистические черты, стилизовалась до полной утраты исходного варианта.

В намвьетской школе свои образы людей уже не создавались, новые элементы были орнаментальными знаками, в чем косвенно отразилось распространение здесь ханьской культуры. И тут дольше всего сохранялись изображения летящего аиста и процессии воинов, причем применительно к первому шло постепенное замещение образом другой птицы, а применительно ко второму — быстрая стилизация и превращение в орнаментальный мотив. Важно, что результаты стилизации на северо-востоке донгшонского ареала и на его юге были совершенно различны. Одинакова была основа — культ и искусство Донгшонской цивилизации эпохи ее расцвета, пути же дальнейшего развития были у других народов самобытными.

В позднедонгшонский период (II—I вв. до н. э.) следы исследуемого искусства исчезают, а с начала нашей эры в долине Красной реки и в долинах непосредственно к югу от нее постепенно прекращается и производство соответствующих культовых предметов. Но сам культ предков сохраняется здесь до сих пор. Таким образом, речь идет о каком-то изменении культовой практики или исчезновении какого-то вида культа предков. Вряд ли случайно совпадение начала сокращения производства «барабанов» с распространением из Индии буддизма и началом попыток культурной ассимиляции лаквьетов ханьцами. В I–II вв. н. э. культ, связанный с «барабанами», преследовался ханьской администрацией, их конфисковывали, переплавляли. Но все это было уже после постепенного исчезновения с них сложных композиций и появления литых изображений лягушек, «вызывающих дождь». Культ этих последних, скорее всего, был присущ намвьетам, так как на их территории есть только поздние изделия с лягушками, а у лаквьетов они появляются приблизительно в то время, когда лаквьетское государство Аулак было в конце III в. до н. э. захвачено намвьетами.

Возможно, главную роль в постепенном исчезновении донгшонской культовой практики сыграло распространение с первых веков нашей эры у лаквьетов буддизма, постепенно становившегося их основной религией, а не политический контроль ханьцев. Примечательно, что дольше всего эта практика сохранялась в горных районах, прилегающих к центру и основным периферийным очагам Донгшонской цивилизации (горы северо-востока Индокитайского полуострова и бассейна р. Сицзян), и на части островов Индонезии. В то же время в культуре вьетов долгое время сохранялся культ древнего бронзового барабана и как символа сверхъестественных сил, защищающих государство вьетов, и как духов-хранителей наряду с предками вьетских императоров; два этих культа были связаны в сознании средневековых вьетов.

Несколько ранее (по-видимому, к VIII в.) оказались вытесненными традиции донгшонского искусства. Это еще раз говорит о том, что закат донгшонского искусства — это не закат породившей его идеологической системы. Вначале исчез мир изображений на культовом предмете, много позже — сам предмет, и до сих пор существует обслуживаемый другими предметами и другими изображениями сам культ предков.

Начавшееся в основном с рубежа нашей эры широкое восприятие социального и культурного опыта древних индийцев и отчасти древних китайцев, будучи не первым для австралонезийских народов восприятием норм классового общества, пошло гораздо быстрее, чем обычно в таких ситуациях.

Донгшонская цивилизация: экономика и общество¹

Донгшонская цивилизация — комплекс материальной и духовной культуры предклассовых и раннеклассовых обществ Юго-Восточной Азии — в I тыс. до н. э. продолжала быть одним из немногих самостоятельных очагов культуры в Азии. Для Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии сейчас можно говорить о трех очагах цивилизации в период бронзового века: культуры бассейна Инда, больших рек Индокитайского полуострова и бассейна среднего и нижнего течения реки Хуанхэ. При этом первый и третий были периферией более ранних культурных очагов, а второй, подобно культурам западного Ирана и Передней Азии, был результатом самостоятельного возникновения и развития земледельческой цивилизации, широко использующей металлургические орудия. Здесь мы имеем единый культурный комплекс, возникший в III тыс. до н. э., и зоны его влияния.

Необходимо отметить, что плохая изученность долгое время искажала временные, пространственные и генетические характеристики Донгшонской цивилизации. В настоящее время археологические исследования сняли большинство белых пятен в этой части Старого Света. Появление многочисленных сведений как об очаге Донгшонской цивилизации во влажных субтропиках, так и о ее периферии дало возможность описать (часто еще не в окончательном виде) все ее основные черты и установить ее своеобразие, не меньшее, чем своеобразие раннеземледельческих цивилизаций Двуречья и Ирана в сухих субтропиках. Собственно, как и в более древние времена, два этих очага и были основными в Азии. Остальные, в той или иной степени, — их периферия. Центр во влажных субтропиках был, возможно, более древним, как земледельческий очаг. В то же время он был более архаичным и менее динамичным, может быть из-за ограниченных возможностей для распространения вширь его специфических хозяйственных черт. Он дал на раннем этапе импульс к развитию древнекитайской культуры металла и государственности, сам же во II–I тыс. до н. э. постепенно отставал в своем развитии, чему способствовала обусловленная природной средой невозможность сложения здесь одного большого компактного регионального центра — необходимого условия существования древних высокоразвитых цивилизаций.

Говоря о Донгшонской цивилизации, вошедшей в науку по названию вьетнамской деревни, где ее следы были впервые обнаружены, мы имеем в виду как ее основной центр — продуктивную зону стыка мон-кхмерских, вьетских (юэских), древнеиндонезийских и древнетайских культур в северном Вьетнаме, так и ее главные периферийные области, а именно: 1) верховья Красной реки и бассейн оз. Дали; 2) прибрежная зона Южно-Китайского моря к северу от устья Красной реки; 3) Филиппины и Тайвань; 4) Ява; 5) малайский мир; 6) древние кхмерские области на нижнем Меконге; 7) районы среднего Меконга; 8) бассейн Тьяо-Праи (Менам); 9) западный Индокитай (в основном бассейны Иравади и Салуина).

Во всех случаях речь идет о наиболее развитых сельскохозяйственных долинных районах.

На периферии далеко не всегда были (и тем более уже обнаружены) все предметы и явления, присущие центру. Но если представленная в том или ином районе часть комплекса, типичного для Донгшонской цивилизации, образует основу данной конкретной археологической культуры или преобладает над предметами и явлениями, присущими соседним крупным культурным очагам — бассейну Хуанхэ и бассейну Инда, то данный район рассматривается как входящий в зону распространения Донгшонской цивилизации. Эта цивилизация распространялась прежде всего в достаточно больших земледельческих долинах влажных тропиков, как в прибрежных, так и во внутренних районах. В результате она покрывает Юго-Восточную Азию и юг Дальнего Востока пятнами. Последнее не исключало контактов, изоляции не было, но не было и очевидно преобладающего района. В наибольшей степени ему соответствовал центр Донгшонской цивилизации, но в дальнейшем он был ослаблен борьбой со своим основным соперником — хуанхэским центром цивилизации ханьцев.

Помимо периферии цивилизация имела на севере зону стыка и смешения с культурами бронзового века долины Хуанхэ. Это — бассейн Янцзы и районы непосредственно к югу от него. Здесь существовали смешанные культуры, но они возникли позднее обоих центров.

---

¹ Публ. впервые, рук. 1989 г.

Временные рамки Донгшонской цивилизации можно считать приблизительно определенными для центра и значительной части периферии. Сменив (непосредственно или через посредников) более ранние культуры эпохи бронзы: Фунгнгуен–Донгдау–Мун (в свою очередь, входящие в круг преемников энеолита и ранней бронзы в бассейне Тяо-Праи — первых культур металла в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке), — Донгшонская культура в узко археологическом смысле слова оформилась где-то в VIII–VII вв. до н. э. Если учесть расплывчатость датировок в эти века для всех трех сопоставляемых регионов (Южная Азия, Юго-Восточная Азия и Дальний Восток), то более точной даты пока требовать нельзя. Пройдя ранний этап в VIII–VII вв. до н. э., с V в. до н. э. она вступила в период расцвета (до II в. до н. э.); затем эта позднебронзовая культура начала в своем основном районе естественный переход к железному веку, завершившийся к рубежу нашей эры. Таким образом, Донгшонская культура — естественное завершение трехтысячелетнего процесса развития культур эпохи бронзы от их возникновения до железного века.

В традиционно более архаичных южных островных областях региона, где бронзовый век возник, скорее всего, лишь в донгшонский период, без более ранних культур, процесс перехода к раннему железу несколько затянулся, но не позднее, чем до I–II вв. н. э. (в горных районах и на мелких островах — до V–VI вв. н. э.).

Донгшонская цивилизация была очагом самостоятельного развития, более самостоятельного, чем долгое время считавшийся основным бассейн среднего течения Хуанхэ, чья металлургическая традиция оказалась тесно связанной с более ранним южным центром, представленным памятниками III тыс. до н. э. в бассейне Тяо-Праи. Зато в дальнейшем просоводы среднего и нижнего течения Хуанхэ дали пример хорошо известного быстрого развития северной земледельческой периферии, а рисоводы Донгшонской цивилизации (в ее центре) — пример столь же частого более медленного развития исконного южного центра металлургии и земледелия; такая ситуация известна и в других районах Старого Света.

Своеобразие Донгшонской цивилизации определялось преобладанием в экономике поливного рисоводства, древней и прочной оседлостью земледельцев, что привело к сравнительно высокой плотности населения, а также широким развитием рыболовства как следующего по важности после рисоводства вида хозяйствования. Поселения единой родо-племенной группы находились сравнительно близко, но у разных групп — достаточно далеко, и они были относительно изолированы. Основные связи осуществлялись по рекам, в меньшей степени по морю вдоль берега.

Устойчивая оседлость повлекла за собой раннее почитание духов земли, духов данного земледельческого коллектива: культ предков здесь существовал в более ярко выраженной форме, чем у других народов. Возможно, среда обусловила и развитие в мифологии идей пространственного дуализма, противопоставления людей гор и людей моря. Среда же свела к минимуму роль охоты и скотоводства и связанных с ними явлений в экономике и культуре. Но это не относится к современным горным народам, значительная часть которых, будучи по языку далекими родственниками потомков создателей Донгшонской цивилизации, имеют своими предками тех, кто отделился от долинных жителей еще до сложения этой цивилизации.

Донгшонская цивилизация принадлежала аустроазиатам, возможно с каким-то тайским компонентом. Позже она распространилась на аустронезийцев и, возможно, на отдельные группы тибето-бирманцев.

Донгшонцы взяли у своих предшественников все основы экономики, основное орудие крестьянского труда — мотыгу-кельт, ведущие керамические формы, основные черты свайного жилища, общие черты обряда погребения. К этому они добавили высокую духовную культуру, искусство, позднее — государственность, железные орудия труда. Развилось производство своих видов боевого оружия, своих предметов культа, возникла своя письменность, затем была воспринята иероглифика предков китайцев.

Восприятие элементов социального опыта южноиндийского и хуанхэского очагов было для носителей Донгшонской цивилизации, как это не раз бывало в истории, следствием наличия у них определенных потребностей, заинтересованности в восприятии в определенных, в основном новых сферах. Это обусловило ощутимое единообразие отбора для разных культур, делавшегося каждым народом самостоятельно, но приведшего к сходным результатам.

В экономической сфере, вообще наименее подверженной влиянию извне, Донгшонская цивилизация является не менее самостоятельной, чем цивилизация Двуречья и среднего Хуанхэ. По сравнению с ней долинские районы нижнего Сицзяна и Коромандельский берег Индостана, находящиеся в тех же географических условиях, были в начале эпохи Донгшон (VIII–VII вв. до н. э.) периферией в экономическом и археологическом смысле. В то же время письменных свидетельств больше о первом из указанных периферийных районов в силу относительной близости центров чжоуской письменной традиции, а не как следствие более высокого уровня развития.

Исходная среда существования Донгшонской цивилизации обусловила резкое преобладание орошаемого земледелия (уже плужного) над собирательством, скотоводством и охотой. Тропические

леса, прилегающие к болотистым равнинам, как известно, почти не содержат потенциальных объектов промысловой охоты. Она возможна (как заметный источник продовольствия) лишь много выше, в горах, но там нет условий для поливного земледелия. Основой хозяйства в долинных районах, относительно небольших, влажных, могло быть только земледелие. И оно было таковым с X тыс. до н. э. Вторым по значимости было рыболовство. Заболоченность и густота речной сети позволяли заниматься этим промыслом всем, не требуя специализации целых коллективов. Существенную роль играло и собирательство, причем в непосредственной близости от деревни. (Напомним, что даже чисто собирательские народы Юго-Восточной Азии получают все необходимое для своего пропитания в радиусе 3–10 км от поселения.) Все это создало к моменту появления Донгшонской цивилизации и в период ее существования неповторимый и весьма устойчивый комплекс общинного хозяйства, во многом сохраняющийся в долинах Юго-Восточной Азии до сих пор.

Земледелие. Основой экономики было разведение поливного риса нескольких видов со всем тем комплексом агротехнических мероприятий, без которых эти виды, и сейчас возделываемые, не могли бы произрастать. Это — наличие системы каналов, выращивание и пересадка рассады, ряд специальных приемов. Прошедшее к моменту сложения Донгшонской цивилизации минимум четырехтысячелетний путь, рисоводство эпохи металла было уже плужно-мотыжным. Носители Донгшонской цивилизации создали к середине I тыс. до н. э. две конструкции плуга: тяжелый четырехчастный, сохранившийся во всей северной части распространения этой цивилизации и у мон-кхмеров, и трехчастный, характерный для аустронезийцев. Они отличаются от собственно древнекитайских плугов, возникших также во времена Донгшона и приспособленных для иных почвенно-климатических условий и для других культур. Отличны и конструкция, и форма металлических лемехов. В зоне распространения Донгшонской цивилизации, особенно в ее центре — северном Вьетнаме, бронзовые лемеха плугов — одна из самых массовых находок, в том числе случайных. Они занимают третье место после мотыг и топоров. Именно широкое распространение пахоты на паре буйволов или, реже, быков дало толчок развитию сельского хозяйства и привело к появлению прибавочного продукта и государства в северной части распространения Донгшонской цивилизации по крайней мере уже в середине I тыс. до н. э.

Еще чаще встречаются в том же ареале бронзовые мотыги-кельты. Железная мотыга до сих пор широко применяется в Юго-Восточной Азии. Форма мотыги — своя. Она всегда сделана на основе кельта с сильно расширяющимся лезвием; такая форма, с местными вариантами, характерна для всего Донгшона от Бирмы до Филиппин и Тайваня. В большинстве случаев мотыги, как и лемеха, находят сильно изношенными. Большое количество мотыг, естественно, не свидетельствует о большом распространении мотыжного земледелия, так как производительность одного плуга с двумя буйволами во много раз выше производительности одной мотыги.

Уборка урожая производилась бронзовыми косарями, которые имели несколько модификаций (с проушиной и без). Косари с проушиной — единственные орудия Донгшона с проушиной. Это модификация клевца. Косари, близкие по форме к серпу и без проушины, найдены у мон-кхмеров, а с проушиной — севернее, в бассейне рек Красной и Сицзян.

Необходимым условием земледелия в Юго-Восточной Азии был топор, как для освоения новых участков, так и для расчистки зарастающих. Специфический башмаковидный топор-кельт во множестве находят в зоне Донгшона вплоть до Бирмы.

Для обработки (обрушивания) риса применялись, как и теперь, большие деревянные ступы с тяжелыми деревянными пестами (1,5–2 м). Донгшонское искусство донесло до нас сцены обрушивания риса, ничем не отличающиеся от изображенных на современных фотографиях. Это — один из примеров раннего формирования в Юго-Восточной Азии основных приемов и орудий сельскохозяйственного производства. Для других культур применялись каменные зернотерки, камни-курранты.

Тогда же оформилась типичная для Юго-Восточной Азии система хранения зерна, бывшего одной из основных забот земледельцев влажных тропиков. Реалистические изображения деревенских сцен на бронзовых барабанах из бассейна Красной реки и оз. Дали позволяют точно представить себе и деревянные рисовые амбары, и процедуру их заполнения, когда крестьяне приносят рис в небольших мешках и сыпают его в большие плетенки (в других местах Юго-Восточной Азии рис хранили в больших глиняных сосудах). Деревенские амбары строились на сваях, со сплошными стенами, в отличие от жилых домов с их плетеными продуваемыми стенами. Такие амбары строят до сих пор.

Помимо нескольких видов риса выращивались бобовые и бахчевые культуры, всевозможная зелень, фрукты, бананы, саговая и сахарная пальмы, сахарный тростник, клубнеплоды (их точный список еще не установлен); многие специалисты считают, что и кукуруза распространилась здесь во времена Донгшона. Из технических культур необходимо прежде всего указать хлопок и шелковицу. В совокупности все это образовывало полный аграрный комплекс, существенно обогатившийся лишь в XV и XIX–XX вв.

Рыболовство. Как уже говорилось выше, лучше было развито подсобное, пресноводное рыболовство, но было и морское, артельное. Орудия рыболовства встречаются часто, ловля велась

большими сетями и сетками, на крупные и мелкие металлические крючки — все это зафиксировано археологически. Ловили пресноводную рыбу средних размеров: окуня и близкие к нему породы, а также крупную морскую рыбу, уходя, насколько можно судить, недалеко в море на парусно-гребных судах с экипажем минимум в 5–8 человек. Пресноводную рыбу ловили и с лодки, и с берега, в том числе ловушками. Изображения рыб очень популярны в искусстве донгшонцев, как северных, так и южных.

Из других орудий лова широко представлены крупные и мелкие грузила для сетей из камня и глины, крючки различных размеров, гарпуны. При этом у гарпунов — масса специализированных форм, что говорит о развитости этого вида хозяйства.

Собирательство в странах влажных тропиков до сих пор играет важную роль, которую жителям умеренного пояса трудно себе представить. Десятки и сотни видов съедобных моллюсков, лягушек, червей, насекомых, сотни видов дикорастущих клубневых, бобовых, масса плодовых деревьев, наконец, злаков — все это составляло (особенно до массовой распашки долин) и во многом сейчас составляет неотъемлемую и весомую часть рациона. Эти виды пищи не более экзотичны, чем грибы и ягоды умеренного пояса (кстати, они также вызывают недоумение у жителей влажных тропиков). Орудий собирательства, кроме мотыги для извлечения клубневых, найдено мало, но надо помнить, что основная масса непонятных для нас, порой очень сложных видов орудий, по-видимому, связана с непонятными для нас видами хозяйственной деятельности, и скорее всего именно с собирательством. До массовой распашки долин и при меньшей плотности населения роль собирательства была выше, а возможностей для него даже больше, чем у современных горных народов Юго-Восточной Азии, порой живущих почти исключительно собирательством и притом — вполне оседло.

Собирательство было важной и отнюдь не примитивной частью экономики донгшонцев, дававшей к тому же значительную долю экспорта во все времена; благовония, ароматические сорта деревьев, лекарства — все это высоко ценившиеся на Востоке и Западе продукты, так часто упоминаемые в письменных источниках, давало собирательство.

Сказанное выше о трудностях развития **животноводства** ни в коей мере не означает того, что оно не было тогда важной частью экономики. Разведение крупного рогатого скота как тягловой силы и для ритуальной (а тем самым регулярной) пищи сочеталось, судя по некоторым данным, с его закупкой у народов предгорий, расположенных рядом. Основным мясным животным была свинья, одомашненная еще в начале неолита, и в меньшей степени собака. Специфической чертой экономики донгшонцев было обилие домашней птицы: изображения кур и индеек на крестьянском дворе — обычный сюжет в донгшонском искусстве. В горных районах периферии Донгшонской цивилизации (верховья р. Красной, окрестности оз. Дали) было развито и пастбищное скотоводство (быки), а кое-где даже овцеводство и коневодство (под влиянием народов евразийских степей).

Охота, особенно с луком и самострелом, никогда не играла существенной роли в жизни земледельцев-донгшонцев. Стрел находят мало, специализация в них прослеживается слабо. Был известен простой лук, но применялся он, судя по изображениям, главным образом в военных целях: поздний Донгшон дал серии стандартных боевых стрел. Объекты охоты, известные по изображениям и костным остаткам, — в основном копытные (олени) и птицы. Особыми видами этой деятельности были оборонительная охота на тигров вблизи поселений и отлов слонов. Остальные животные становились объектами охоты лишь эпизодически. Мясо диких животных заметного места в рационе не занимало.

Быт и жилища хорошо изучены благодаря раскопкам и изображениям сцен из жизни и характеризуются наличием всех основных черт современного крестьянского быта в Юго-Восточной Азии. Дома на сваях с высокой прогнутой крышей и верандой, без несущих стен до сих пор типичны для большинства земледельческих народов Юго-Восточной Азии и лишь в последнее время стали вытесняться свайными же и без несущих стен, но с прямыми коньками крыш постройками (кроме современных вьетнамцев с их домами на земле). Весь интерьер — циновки, очаг, низкая мебель, большие сосуды — не претерпел также со времен Донгшона до XIX в. существенных изменений. Набор сосудов богат и разнообразен. Ведущая форма кухонного сосуда — круглодонный сфероконический горшок с сильно отогнутым венчиком. Столовые формы — чаши и вазы на поддонах. Все изготовлено на гончарном круге; поражают обилие специализированных форм и в то же время стандартизация внутри групп. Весь набор сосудов, кроме бутылки (среди форм) и глазури (среди технических приемов), присущий средним векам, имелся и у донгшонцев.

Внешний облик донгшонцев, естественно, был во многом различен у разных этнических групп и по сравнению с более поздним временем. В то же время легко увидеть достаточно важные общие черты, многое обусловившие в последующем развитии костюма в Юго-Восточной Азии. Это — одежда лишь для нижней части тела (*сампот, саронг*), украшение тела браслетами, наличие ушных колец и ушных пробок, отсутствие обуви при сложности головного убора и прически (что отмечали и письменные источники).

Социальную структуру и духовную культуру мы представляем только для центральной зоны распространения цивилизации, но то, что известно о соседних зонах, позволяет говорить об их

сходстве. Основа социальной организации — свободные общинники-воины, члены сельских общин. Материал погребений, изображения, письменные источники соседей — все говорит и о существовании этой группы, и о том, что ей уже была противопоставлена богатая верхушка, в конце эпохи Донгшона (но не позднее III в. до н. э.) превратившаяся в господствующий класс. Мужчины-общинники имели боевое оружие, участвовали в торжественных церемониях и обрядах. На изображениях четко выделены представители зависимого населения, выполняющие тяжелую работу и непохожие на основную массу населения внешне. Порой пленных убивали в боевой обстановке или в рамках ритуала; это наводит на мысль о рабском характере их зависимости.

Традиционная деревенская культура Юго-Восточной Азии и те коррективы, которые были внесены здесь в мировые религии, — все это зиждется на единой специфической религиозно-философской основе, для которой характерны сильно развитый культ обоженных предков, культ производительных сил земли, отсутствие на верхних уровнях мира божеств организованных сил зла, противостоящих богам людей, функция «охраны благого порядка» как основная для богов. Для религиозного искусства Донгшона характерны антропоморфные изображения, без ужасающих деталей, рассчитанных на устрашение. Помимо них большую роль в культе играли водоплавающие птицы и крокодил-дракон; именно отсюда он вошел в пантеон восточной части Старого Света. Предметов культа, одинаковых для всей Донгшонской цивилизации, — много, и прежде всего это ритуальные музыкальные инструменты, среди них главные — знаменитые бронзовые барабаны, покрытые изображениями культовых процессов, бытовыми и военными сценами. Имелись и храмы, и различные предметы культа. Были и местные культы, например тигра у населения района оз. Дали.

Существовал и культ небесных светил и неба. Мифы донгшонцев-лаквьетов включают легенды о происхождении людей из яйца, о боге-драконе, о борьбе богов гор и богов вод.

В районе оз. Дали найден пока единственный письменный пиктографический документ, бесспорно свидетельствующий о становлении принципиально своей системы иероглифики на медных пластинках. Это документ хозяйственной отчетности, в котором лицо, обозначенное в начале документа, передает по разным адресам, данным в разных разделах документа, рабов и скот, исчисляемых в десятках и единицах. Параллельно существовала шестеричная система счета; священным числом было 18.

Донгшонское искусство принадлежит к числу немногих искусств, прошедших без влияний путь от немногочисленных и простых ранних форм к развитому искусству классового общества. В этом отношении оно схоже с древнекитайским искусством до III в. до н. э. Если большинство древних искусств эпохи бронзы оставили лишь прикладную скульптуру, то донгшонское знаменито своими графическими композициями на больших бронзовых барабанах, технология изготовления которых до сих пор полностью не ясна, так же как не ясно содержание многих изображенных сцен. Существовала и многочисленная скульптура, причем часто также в виде композиций из многих реалистически выполненных произведений, намертво закрепленных на плоскости барабана: изображения боя, рынка, религиозной процессии, праздника. Графика и скульптура Донгшона прошли длительный путь от реалистического изображения практически всех сторон жизни до сильно стилизованных символов, а в поздних периферийных школах — до переосмысления символики и вторичного реализма в местной форме. То, что мы видим в донгшонском искусстве, — стремление к изображению окружающего мира реалистически во всем его многообразии — схоже с «целевой установкой» гальштатских ситул (бронзовых сосудов), но не обусловлено ни магией, ни прикладными целями, ни попыткой выработать письменность — это именно искусство. Сама установка на реалистическое изображение окружающего мира вплоть до растений была, разумеется, связана с религией донгшонцев, но она породила определенное отношение к изображаемому, и развитие пошло своим путем, по внутренним законам искусства, а не породившей его идеологии. Художники Донгшона разрабатывали определенный круг тем, заданных религиозной и культурной традицией, но каждый мог добавить и добавлял много своего. Ни одна заметная сторона человеческой жизни не была запретной, и все изображения в сценах касались людей, а не богов. С течением времени процессы очевидного забывания (а на периферии — и чуждости) содержания сцен и образов сопровождалась стилизацией, увеличением роли геометрического декора на поздних барабанах. Параллельно возникали новые школы (на Яве, у оз. Дали) при тех же установках на реалистическое изображение окружающего мира. Интересно, что процессы стилизации (не схематизации) и усиления роли декора затронули только «бронзовую графику», а скульптура на всей территории распространения Донгшонской цивилизации оставалась реалистической. Но роль ее в культуре почти всегда была второстепенной. С рубежа нашей эры донгшонское искусство стало сочетаться с искусством древних индийцев и древних китайцев, но его традиции долгое время определяли пути развития искусства многих народов Юго-Восточной Азии.

Существовавшая около тысячи лет, Донгшонская цивилизация стоит как равная в ряду самостоятельно возникших и развивавшихся без внешнего воздействия культур. Упадок Донгшонской цивилизации был закономерным следствием внутренних причин — перехода к более сложной экономике железного века и становления у большинства народов классового общества. Одновременно под влиянием социального опыта древних индийцев и древних китайцев стали формироваться особые социальные подкультуры разных классов, что разрушило присущую Донгшону культурную общность.

К этому же толкала общества Юго-Восточной Азии и растущая хозяйственно-культурная специфика отдельных народов.

Археологические данные о государственности во Вьетнаме в VII–III вв. до н. э.¹

Какую информацию дает археология для решения проблемы облика раннего вьетского государства Ванланг? Для ответа разберем четыре проблемы, по которым археология дает наиболее важные данные: I. Социальная структура; II. Духовная жизнь; III. Экономика; IV. Контакты с соседями и их влияние. Также будет затронут вопрос об информации из внешних источников.

I. Социальная структура

Что нам известно об обществе Ванланга последних веков его существования?

1. Прежде всего очевидно, что это было общество, в котором были и богатые и бедные люди. Имущественное расслоение было бесспорным фактом, характер имущественных различий тех, кто захоронен в богатых погребениях, существенно отличается от погребального инвентаря прочих захоронений. Много предметов обихода, часто больше, чем мог использовать один человек при жизни. Это не то, чем он пользовался при жизни, а накопленное богатство. В то же время имеются люди совершенно бедные, у которых в погребениях почти ничего нет, и таких большинство. Таким образом, структура общества уже отличается от первобытной. Это прослеживается на целом ряде могильников, в течение нескольких десятилетий раскопок.

2. В лаквьетском обществе имеются люди с высокой степенью сакрализации, т. е. те, кто в религиозном отношении считался важнее, чем другие. Это говорит о том, что степень приобщенности к миру духов, к миру богов была неодинаковой. Одни люди явно находились ближе к божествам и занимали более важное место в религиозной жизни, другие занимали второстепенные позиции. Почему можно это утверждать? Основной предмет, который был у каждого человека и связывал его с миром богов, — это бронзовый барабан, и эти барабаны совершенно разные. Есть очень богатые экземпляры, отражающие весь сложный религиозный мир, и есть очень простые. Барабан присутствует во многих захоронениях. Степень близости к миру духов у разных групп населения была неодинаковой. То же самое можно сказать и о других священных предметах лаквьетов (бронзовый барабан — не единственный сакральный атрибут). И священные топоры, и священные кинжалы имеются либо у богатых людей, либо у представителей жреческой прослойки. Уже есть достаточно материала для постановки данного вопроса, хотя для его окончательного решения данных пока недостаточно.

3. Обратимся к древней крепости Колоа. Установлен бесспорный факт, что план Колоа — это план раннего города. Такие города в достаточном количестве уже известны науке, но не на территории Китая, а на территории больших долин Индокитайского полуострова, где несколько позже также возникают первые государства. Некоторые элементы планировки раннего города — несколько колец, отсутствие прямоугольной конструкции, следование рельефу местности — присущи ранним городам Индокитайского полуострова, а за его пределами встречаются редко.

В социальном плане для археологической науки является проблемой отсутствие среди раскопанных памятников храмов и дворцов, но, как я уже говорил, это проблема отсутствия надлежащей методики археологического исследования, а не проблема древней вьетнамской истории.

4. До сих пор не обнаружены погребения монархов Ванланга. О Хунг-выонгах известно много, но неизвестно, где они погребены. Если сравнить с соседним государством Тиен близ верховий Красной реки, то там нет многих из перечисленных признаков государственности, имеющих в царстве Ванланг, однако в царстве Тиен раскопаны могилы царей, в которых были обнаружены и предметы обихода, и тексты; упоминаются даже имена правителей Тиена. Общий облик этого государства был гораздо более примитивным, но царская власть там была, и исследователям это прекрасно известно.

---

¹ Публ. впервые. Стенограмма доклада, прочитанного на научной конференции «Эпоха Хунг-выонгов» (Москва, 29 апреля 1999 г.).

Характеризуя социальную структуру древневьетнамского общества, хотелось сказать еще об одном обстоятельстве неархеологического плана. Это известные из китайских сочинений категории лаквьетского общества: *лаквьонги*, *лактыонг*, *лакхау*, *лакзан*, а также данные о так называемом узелковом письме. Подобные модели описания существуют у китайцев и для других ранних (архаических) иноэтнических государств. В данном случае транслитерированный на китайский этноним «лак» говорит о том, что перед нами именно лакское государство. Простая социальная конструкция, состоящая из четырех частей (вьонг–тыонг–хау–зан), — это признак того, что государство есть, но простое. Аналогично термин «узелковое письмо» — это всего лишь знак того, что письменность имеется, но также простая. В этом заключается ценность данных китайских источников по социальной структуре древнего общества во Вьетнаме.

II. Материальные свидетельства археологии о духовной культуре

1. Из орнаментов на бронзовых барабанах видно, что имела религия, а именно культ предков, которые почитаются и в доме, и в поселении. Наиболее полные изображения на барабанах представляют собой религиозную процессию, шествующую от жилого дома к храму, возле которого стоит жрец, совершенно отличающийся от других изображенных на барабанах людей. Фактически можно выделить три сцены. Первая — сцена религиозного шествия, вторая — сцена праздника в доме и третья — сцена приготовления еды (как считают некоторые исследователи — пива и закуски). Это стандартная схема деревенского праздника духа-хранителя деревни со всеми персонажами. Все эти верования были к тому времени оформлены в рамках своеобразного изобразительного искусства. Это позволяет нам говорить о том, что сам церемониал, сам обряд и соответствующие ему тексты уже обрели законченные формы.

2. Донгшонское искусство — это своеобразное, самобытное видение мира. Не следует думать, что было много типов видения мира. Их было так же мало, как было мало первичных государств. Создать самостоятельное искусство было чрезвычайно трудно, это было признаком развитой духовной жизни. Самостоятельность донгшонского искусства становится еще более очевидной, если вспомнить, что у китайцев в эти века изображений людей еще не было. Кроме двух-трех случайных фигур, у древних китайцев VII–III вв. нет изображений людей, притом что раскопано огромное количество памятников. Древнекитайская культура была тем типом культуры, которая по каким-то соображениям не практиковала изображение людей, а в донгшонском искусстве, наоборот, изображение людей — это главное. Если взять для примера соседний индийский очаг первичной государственности, то там изобразительное искусство Мохенджо-Даро погибло, а более позднее искусство ранних индийских государств было крайне примитивным. То, что принято сейчас называть индийским искусством, возникло поздно и под откровенным влиянием Ирана и греков. Таким образом, на огромной территории вокруг северного Вьетнама существовало единственное самостоятельное искусство, темой которого был человек (а это не чисто эстетическая, а религиозная концепция, поскольку изображался человек в обществе, во время исполнения религиозного обряда), — это было искусство Донгшона. И это искусство, как и сама донгшонская вера, было воспринято населением обширных территорий, расположенных далеко от самих вьетов. Эти изображения воспринимались всей островной Юго-Восточной Азией. Во-первых, туда попадали бронзовые барабаны с религиозными изображениями. Это было прямым способом влияния. Во-вторых, на основе вьетских изображений возникало самостоятельное местное религиозное искусство. Набор религиозных идей лаквьетов оказал влияние практически на все индонезийские народы, у которых были предпосылки формирования государства. Часть образов была воспринята, а следовательно, бесспорно, была воспринята и соответствующая часть религиозных идей, а часть была добавлена. Поскольку археологического материала по этому вопросу накоплено уже много, мы можем говорить о распространении донгшонской религии на землях, удаленных от Вьетнама на многие сотни километров.

Возвращаясь к феномену культуры лаквьетов, напомним, что это культура приморского народа, культура, имеющая очень дальние морские контакты. Впоследствии вьеты перестали быть морским народом, то же самое произошло и с древними кхмерами. Нельзя сказать, что это было хорошо или это было плохо. Такова была историческая реальность.

На позднем этапе Донгшона лаквьеты принесли свою веру и в южный Китай намвьетам, у которых первоначально была иная вера. Барабаны более позднего типа начинают распространяться на территории провинций Гуандун и Гуанси.

Кроме того, лаквьеты повлияли на тайские народы царства Тиен, чье искусство возникло на основе искусства Донгшона и чьи религиозные верования возникли также на базе донгшонских верований. Значительную роль при формировании духовной культуры Тиена сыграли также, с одной стороны,

предки тайских народов, а с другой — народ ираноязычной группы из Средней Азии (саки), пришедший в Юньнань в VI в. до н. э. и правивший частью тайских народов на протяжении 200 лет.

Главное в религии лаквьетов — это образ звезды и образ птицы. Очень легко решить, что является главным. Когда бедный и сакрально незначимый человек просит отлить ему барабан, исчезают изображения кораблей, буйволов, воинов и т. д. Остаются только два главных элемента орнамента, без которых нельзя обойтись, — это звезда и птица (то, что Дао Зуи Ань называл птицей-лак). И китайские авторы при описании цзяочжи (вьет. зяотьи) также указывают на культ птицы, которая ходит по рисовым полям. Это не летающий неизвестно где орел, а птица, находящаяся рядом с духами; и поныне стоят изображения этих птиц у алтарей вьетнамских поминальных храмов.

Следующий образ религии и искусства донгшонцев — образ воинов. Это свободные вооруженные общинники, которые являются главными участниками религиозного обряда. Здесь проявилась традиционная сила слоя свободных общинников. На больших барабанах, которые принадлежали наиболее сакрально значимым лицам, изображено много других деталей, но на этом нет возможности останавливаться.

Таким образом, категории населения, различающиеся по степени приближенности к вере, сосуществуют.

3. Вопрос о письменности. Образцы достаточно простой письменности обнаружены археологами в царстве Тиен. Эти тексты лежали рядом с бронзовыми барабанами. Есть материалы, которые позволяют нам надеяться на новые археологические находки. Материалом для письма была бронза, от так называемых узелков, если они когда-либо существовали, ничего не осталось.

III. Сфера экономики

1. Археология показывает, что плотность населения была очень высокой. Насыщенность культурного слоя материалом, обилие деревень позволяют это утверждать.

2. Производительность труда явно была очень высокой, так как много различных специализированных орудий. Много центров их производства, как крупных, снабжавших группу деревень и все государство, так и мелких, обслуживавших отдельную деревню. При этом основные центры производства размещены в долинах, т. е. не там, где залегал металл, а там, где был спрос на металлические орудия. Ремесленники, изготавливавшие орудия труда, жили среди крестьян. Это уже иной, не первобытный тип общества, а такой, который предполагает наличие государства.

3. Чрезвычайно бурно развивалось пахотное земледелие. Следует помнить, что китайцы при всей своей воинственности в эти годы в основном продолжали обрабатывать землю мотыгой (исключение составляли земли, которые были отобраны у вьетов на Юге современного Китая). А Ванланг — это страна плужного земледелия. Как археолог могу сказать, что в тот исторический период нигде в мире его больше не было. Такой уровень развития плужного земледелия для этого времени — исключительное явление. Тот факт, что по всей северной Дельте до сих пор на полях случайно находят не мотыги, а плуги эпохи бронзового века, говорит о том, что уровень производственных возможностей, производительности труда, использование часто изображаемого в искусстве тяглового скота достигали таких масштабов, которых на данном уровне древней технологии (до начала железного века) мало где в мире могли достичь. В это время потомки Перикла пахали деревянным плугом, у древних греков не хватало денег, чтобы сделать металлический наконечник. Конечно, льготные условия северного Вьетнама (где очень удобно залегают медь и олово, существуют старые традиции производства бронзы) позволили достичь небывалого по производительности уровня развития сельского хозяйства.

Среди ремесел мы видим и сложные, явно работавшие на государство, поставлявшие ему оружие, некоторые виды производственных орудий, и простые, обслуживавшие деревню.

Место расположения государства Ванланг — это район предгорий. В долины лаквьеты еще не вышли, но все предпосылки для этого уже были созданы, в первую очередь за счет формирования хозяйственно-культурного типа, основанного на плужном земледелии.

Еще несколько замечаний по материальной культуре. Отмечено большое количество оружия. С одной стороны, это оружие свободного общинника (все свободные мужчины лаквьетского общества были вооружены). С другой стороны, это сложное оружие профессиональных воинов. И копьё, и боевые топоры несут на себе следы стандартизации, т. е. производства в ремесленных мастерских для государственных нужд. Одновременно в небольшом количестве производилось и «офицерское» оружие, представляющее собой уже набор шедевров.

Наблюдается массовое производство украшений. На любой стадии развития общества люди хотели себя украсить, но массовое производство доступно лишь по достижении определенного уровня. Кроме того, можно констатировать, что именно в это время начинается разработка богатств моря, рек и лесов

для целей экспорта, но об этом больше сообщают письменные источники, чем археологические данные. В завершение мне хотелось бы сказать о влиянии не только религии, но и материальной культуры донгшонцев на соседние народы. Лаквьеты оказали широкое воздействие на весь островной мир Юго-Восточной Азии, на восточную часть Индокитайского полуострова и на районы в бассейне Сицзяна. На этой территории распространяется Донгшонская цивилизация, идя навстречу расширявшемуся на юг влиянию китайской культуры. Интересно, что чамские земли не входили в район влияния Донгшонской культуры. Отношения лаквьетов и чамов уже в эпоху древности приобрели традиционный для последующих веков враждебный характер. Если жившие на значительно большем удалении от лаквьетов кхмеры все-таки восприняли некоторые черты Донгшонской культуры и веры, то чамы жили своим замкнутым миром, что позволяет в общих чертах охарактеризовать и политические отношения в эти века в восточной части Индокитайского полуострова.

ОБСУЖДЕНИЕ

Н.И.Никулин: Как Вы относитесь к идее о том, что донгшонский барабан как модель мира является аналогией мандалы?

Д.В.Деопик: Конечно, он является моделью мира, я об этом уже писал. А мандала — это иное. Единственное, что объединяет мандалу и орнамент диска донгшонского бронзового барабана, — это то, что и то и другое является моделью мира, но сходства между этими моделями никакого нет. Концентрическая модель мира, которая четко прослеживается в донгшонской религии, присуща многим народам. Следует сказать, что западный Индокитай — это уже непреодолимое препятствие на пути распространения донгшонской религии, ее влияние не распространилось на территории современной Мьянмы, там господствовали иные культурные потоки. Долины рек Красная, Меконг, Тьяо-Прайя (современные Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Таиланд), Малаккский полуостров и далее вплоть до Новой Гвинеи — таков ареал распространения влияния Донгшонской цивилизации в регионе.

Рецензия на книгу:
Đặng Phong. Kinh tế nguyên thủy ở Việt-nam. H., 1970
(Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама.
Ханой, 1970, 490 с.)¹

Археологическая наука в ДРВ, бесспорно, самая развитая в странах Юго-Восточной Азии. Накопив большой фактический материал, она уже вышла на этап широких обобщений социально-экономического и культурно-исторического плана.

Вклад археологии в реконструкцию истории Вьетнама традиционно велик ввиду плохой сохранности письменных источников по древней истории. Поэтому естествен тот большой интерес, который проявляет экономическая и историческая наука в целом к обобщению археологического материала. При этом для вьетнамской науки нехарактерно поспешное включение отдельных археологических фактов в систему исторических интерпретаций. Наоборот, достоянием исторической науки соответствующие факты становятся только после тщательного анализа и сопоставления с данными других наук. В первую очередь это относится к этнографической науке: для древней истории Вьетнама этнографические данные имеют особое значение, ибо специфика Вьетнама — в сохранении в наименее развитых горных районах массы реликтов, относящихся к различным этапам развития человеческого общества. Соответствующие данные с успехом могут быть использованы при исторической реконструкции еще и потому, что среда обитания изменилась сравнительно слабо и можно проследить влияние на общество тех же факторов среды, что и в далекой древности.

Среди работ обобщающего плана заметное место занимает книга известного вьетнамского экономиста Данг Фонга «Первобытная экономика Вьетнама». Опираясь на конкретные исследования и обобщающие работы археологов и этнографов, а также на достижения советской исторической науки, критически используя данные западных ученых, автор впервые во вьетнамской исторической науке сделал попытку общей реконструкции экономической и социальной структуры обществ, существовавших на территории Вьетнама.

Чрезвычайно интересен именно такой аспект рассмотрения истории первобытного общества в отличие от наиболее распространенных попыток описания первобытных обществ на каком-то одном этапе, чаще всего на последнем. Данг Фонг характеризует не только основные элементы социальной и экономической структуры такого общества на всех его этапах, но также пути и темпы его развития.

Автор рассматривает первобытную экономическую и социальную структуру во взаимодействии с окружающей средой, которая на ранних этапах развития общества во многом определяла те или иные черты социальной организации. Такого рода подход обусловил композицию книги. Ее первая часть посвящена «земле, человеку и орудиям производства». Следующую главу автор отводит более сложным аспектам экономической жизни общества, а именно комплексному описанию основных отраслей производственной деятельности первобытного человека. Это основная и наиболее интересная глава книги. Только после подробного исследования производственной деятельности в древнем обществе автор переходит в третьей главе к анализу наиболее сложной проблематики — производственных отношений, среди которых он закономерно выделяет отношения обмена, лучше документированные историческим материалом.

Первую главу автор начинает с описания природной среды, обусловившей многообразие человеческой деятельности, и подчеркивает, что природные факторы способствовали тому, что в непосредственной близости жили коллективы, относившиеся к различным хозяйственно-культурным типам и находившиеся на различных ступенях общественного развития. Указав, что Вьетнам — издревле заселенный человеком район земного шара, автор обосновал важное положение о том, что на территории этой страны представлены и генетически взаимосвязаны основные этапы истории первобытного общества. Нам представляется необоснованным упрек Данг Фонгу в рецензии А.И.Мухлинова в том, что Данг Фонг тем самым «вольнo или невольнo становится на рискованный путь утверждения этнической изначальности» (вьетнамцев) [Мухлинов А.И. 1972: 183]. Известно, что советская наука начинает историю Узбекистана (но не узбеков) с неандертальцев грота Ташик-Таш. И когда Данг Фонг говорит о том, что «история Вьетнама насчитывает не 2000 и не 4000 лет, а несколько

¹ Впервые опубли.: Советская этнография. 1975, № 6, с. 189–192. Написано в соавторстве с А.Н.Лескинен.

сот тысячелетий» (с. 23), то он совершенно прав. Историю Вьетнама (но не вьетнамцев) мы начинаем теперь с таких палеолитических памятников, как гора До.

Автор рассматривает этапы развития первобытного общества в соответствии с археологической периодизацией. Каждый период изучается под определенным углом зрения, выявляются характерные особенности хозяйства, в первую очередь общие черты орудий производства. Пожалуй, автор сумел дать одно из лучших обобщенных описаний эволюции орудий производства на территории Вьетнама. Уже в этой главе, обращаясь к характеристике особенностей жизни и быта, автор широко и обоснованно использует этнографические параллели. Не содержа в целом крупных новых положений, этот раздел обосновывает принятую автором периодизацию, а также содержит информацию по ряду сторон хозяйства и быта, которые не относятся прямо к основной теме исследования, но необходимы для дальнейших выводов автора.

Недостаток главы — нечеткость некоторых важных формулировок. Так, на с. 26 говорится: «Первобытную эпоху обычно называют эпохой каменного века». В действительности же «первобытная эпоха» — понятие гораздо более широкое и логически охватывает не только каменный век, но и бронзовый, а также период раннего железа. Поэтому прав вьетнамский археолог Фам Ван Кинь [Фам Ван Кинь 1971: 45–53], указавший на нечеткость этой и некоторых других формулировок.

Начиная вторую главу, автор говорит о двух основных типах хозяйства в первобытную эпоху — присваивающем (собирательство, рыбная ловля и охота) и производящем (земледелие, скотоводство и различные виды ремесел).

В разделе «Собирательство» на основании анализа письменных источников, археологического и этнографического материала Данг Фонг дает подробный список продуктов собирательства.

Прав автор, когда говорит, что едва ли где-либо найдется такое видовое богатство мелких животных, как в Индокитае. Например, одних только лягушек встречается 171 вид, черепах — 54 вида, огромное количество моллюсков, ракообразных, насекомых и т. д. Данг Фонг приходит к выводу, что во «Вьетнаме, так же, как и во всей Юго-Восточной Азии, собирательство представляется областью труда, занимавшей особо важное место в экономической жизни в эпоху первобытности» (с. 103).

В большинстве случаев исследователи архаических собирательских коллективов выросли в совершенно чуждой этому обществу среде, а потому не имели возможности в полной мере оценить его экономический потенциал. В данном же случае исследователь четко представляет себе роль разновидностей мелких животных и растений в собирательском хозяйстве.

В разделе «Охота» Данг Фонг справедливо обращает внимание читателя на то обстоятельство, что во Вьетнаме крайне немногочисленны или полностью отсутствуют те виды животных, которые были основным объектом охоты первобытного человека.

Автор не согласен с К. Линдером, крупнейшим специалистом в области истории охоты, который считает охоту в эпоху позднего палеолита и мезолита ведущей отраслью хозяйства. Возможно, пишет вьетнамский ученый, это правильно по отношению к некоторым районам Сибири, Европы, Африки и других мест, но что касается Юго-Восточной Азии, в частности Вьетнама, то здесь охота никогда не была основным занятием первобытного человека. Из 67 стоянок Хоабиньской культуры лишь в 27 найдены явные следы охоты. Данг Фонг приводит сравнительную таблицу (на с. 110), в которой показывает, что во Вьетнаме число крупных животных по сравнению с другими странами было невелико. В то же время в хрониках ханьской эпохи есть сведения о том, что население Кыутяна (пров. Тханьхоа и Нгеан) занималось охотой. В связи с этим автор указывает, что лишь в некоторых районах Вьетнама в определенную эпоху охота играла важную роль.

Кроме того, необходимо, на наш взгляд, учесть, что если древнекитайские авторы писали о том, что население занималось охотой, то это означало отсутствие земледелия, а не преобладание охоты над собирательством.

Таким образом, Данг Фонг вносит существенную поправку в общеисторические представления о типах хозяйства в верхнем палеолите и мезолите; без учета этой поправки вряд ли можно формулировать общие заключения по первобытной экономике. Есть основания полагать, что указанная закономерность (некоторое преобладание собирательства над охотой в палеолите и мезолите) не ограничивалась муссонной Азией (в частности, Вьетнамом), а скорее всего, в той или иной мере проявлялась и в других местах во влажных тропиках.

Раздел «Рыболовство» знакомит читателей со способами и орудиями рыбной ловли во Вьетнаме, особо подчеркивает значение рыболовства в хозяйственной деятельности вьетнамцев. Это и неудивительно, если учесть густоту речной сети в стране. Во Вьетнаме насчитывается более 200 видов рыб, а по подсчетам известного специалиста А. Томази, в Индокитае в водоемах площадью 1 км² вылавливается в 30 раз больше рыбы, чем на такой же площади в водоемах северной Европы (с. 114). Исключительная роль рыболовства снижала потребность в охотничьем хозяйстве. О значении рыбной ловли в жизни вьетнамского населения говорят и приведенные в книге интереснейшие этнографические данные. Важно подчеркнуть еще одно обстоятельство: возникнув очень рано,

рыболовство распространялось по всей стране, во все ее районы без исключения, как у горных, так и равнинных народов.

Один из интересных разделов второй главы посвящен земледелию. Данг Фонг рассматривает здесь такие важные вопросы, как время и основные причины возникновения земледелия, способы обработки земли и выращиваемые земледельческие культуры, роль земледелия в первобытном хозяйстве Вьетнама и его особенности.

Существует мнение о том, что земледелие возникло в III–II тыс. до н. э. (т. е. в конце неолита). Но некоторые ученые полагают, что оно появилось здесь намного раньше — в мезолите. Как указывает автор, аргументов в пользу второй точки зрения пока мало, но он выражает уверенность, что в будущем они будут найдены, ибо в соседней с Вьетнамом стране — Таиланде уже обнаружены следы культурных растений на стоянке Хоабиньской культуры. Данг Фонг считает, что во Вьетнаме первым земледельческим орудием была не мотыга, а сажальный кол, применяемый ныне для суходольных участков (после предварительной подготовки земли с помощью «ножа и огня»). Заливные участки обрабатывались, по его мнению, способом замеса (который в современном Вьетнаме производится обычно при помощи скота). На вопрос, когда же появились во Вьетнаме земледельческие орудия, автор отвечает, что достоверные данные подтверждают лишь, что мотыга стала распространенным орудием с неолитической эпохи (более ранних данных вообще нет). Говоря о возникновении плуга, Данг Фонг приводит данные в пользу его автохтонности, а не заимствования у китайцев (как считали некоторые исследователи раньше).

Последовательность развития земледелия и скотоводства автор предлагает проследить на материале недавно открытой стоянки Донгдау, где в самом нижнем, неолитическом слое найден рис, но остатков домашних животных найдено мало (здесь в основном были найдены кости диких животных — кабана, оленя, лани), а в слое III и особенно в слоях II и I, относящихся к ранней бронзе, уже много костных остатков одомашненных животных и птиц — собаки, свиньи и курицы (с. 218). Автор делает вывод, что первыми были одомашнены свинья и курица, а затем уже буйвол и бык. Данг Фонг подчеркивает, что до сих пор во Вьетнаме нет ни одной общины, которая занималась бы только земледелием либо только разведением скота. По мнению автора, во Вьетнаме скотоводство не выделилось в самостоятельную отрасль, и поэтому нет четкого разделения труда в сельском хозяйстве (с. 232).

Говоря о ремеслах, вьетнамский ученый отмечает, что ни один их вид в первобытнообщинную эпоху еще не отделился от земледелия (с. 232).

Следы ткачества найдены уже в позднем неолите. Сырьем для него, по Данг Фонгу, были кора деревьев, конопля, джут и хлопок (последний известен по письменным источникам с начала нашей эры). По данным китайских ученых, хлопчатник в Китай завезли из Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии. Издавна во Вьетнаме знали и шелководство. Появление металла связано уже с последним этапом первобытной истории. Предметы из бронзы, в частности бронзовые барабаны, высокая техника их изготовления говорят в пользу высокого уровня специализации.

Нам понятны трудности, стоявшие перед автором книги при написании третьей, последней главы, в которой исследуются отношения собственности и зарождение товарно-денежных отношений. Действительно, нет сложнее вопроса, чем вопрос об имущественных отношениях в дописьменных обществах. В данном случае автор прибегает к сравнительному методу и использует для реконструкции прошлого наблюдения этнографов над жизнью народностей, сохранивших в той или иной степени черты первобытнообщинного строя, подчеркивая при этом, что ученый далеко не во всем может проводить аналогии между этими народностями и первобытными племенами.

Данг Фонг подробно останавливается на проблеме собственности в первобытном обществе, на владении и пользовании, а также распределении продуктов природы и продуктов труда. Он пишет, что сначала не было отношений собственности, а были отношения стихийного пользования. Только потом постепенно основные средства производства становились принадлежностью какого-либо коллектива (с. 278). Идея общественной собственности на землю является естественной и выражается, например у эдэ, в обычном праве так: «Землю, воду, лес никто не имеет права присвоить и сделать своей собственностью, каждый имеет право обработать участок в любом месте, ловить рыбу в любой реке, брать мед с любого дерева, свободно собирать хворост, брать строительный материал...» (с. 281).

Вьетнамский ученый подробно описывает типы общественной организации на разных этапах развития общества и связанные с ними формы собственности. Автор приводит интересный материал о пережитках материнского рода у эдэ, зярай, би, ма, у некоторых групп мыонгов и чамов. Например, у эдэ и зярай сохранились дома длиной 70–80 м, иногда 200 м. Здесь проживало по несколько сот человек. Эти домовые общины составляли женщины одного рода, их мужья и дети. До сих пор не установлено, что; здесь было производственной единицей — род или большая семья. Известно только, что охотой, рыбной ловлей, выжиганием участка, его обработкой, сбором урожая и откормом большого числа домашних животных занимались сообща, а ремесло, рыбная ловля, собирательство были более индивидуализированными. Производственная единица в то же время была имущественной единицей и единицей потребления. Интересна та часть главы, где разбираются формы землевладения и

земельной собственности. У земледельческих народов, к которым принадлежит большинство населения Вьетнама, земельные отношения являются основой производственных отношений. Например, раньше в Тайнгуене вся земля была поделена на несколько «округов». Землей «округа» владело много родов, много общин, обычно на ней располагались по 3–4 и более деревень. Такая территория называлась *кринг* у эдэ или *чинг* у седанг и банар и охватывала несколько тысяч квадратных километров. В их пределах земля в древности считалась общей собственностью членов коллектива. Каждый мог пользоваться ею как хотел. В настоящее время право собственности закреплено за большими семьями. Автор подчеркивает, что обработка участка земли — это необходимое условие для пользования им (с. 361), имея в виду, что первоначальное право собственности приобреталось возделыванием почвы. Например, право на суходольный участок имеют до тех пор, пока его обрабатывают. Причем право собственности тесно связано с вложенным трудом. Очень интересен материал о земледельческой собственности на *жуонг* (заливные участки). До Августовской революции во Вьетнаме у многих народов сохранялась общинная собственность на *жуонги* (в Бакбо — 20% общей площади земли, в Чунгбо — 25,5% и в Намбо — 30%). Общинная земля делилась среди членов общины по-разному. В одних районах — по числу общинников (включая малых детей и еще не погребенных покойников), в других местах наделяли землей только мужчин, достигших 18-летнего возраста. У кинь, например, были обязательные периодические переделы, а у тхай и мыонгов они не практиковались (с. 385).

В разделе «Зарождение товарного производства и товарного обмена» Данг Фонг пишет, что непроверяемые данные о товарном производстве во Вьетнаме существуют лишь с эпохи железа (с. 395). До сих пор у народов Вьетнама сохранилось несколько типов обмена, причем «молчаливый» обмен, по мнению автора, одна из древнейших форм. Более высокая форма — меновая торговля через посредников; очень часто в роли посредников выступали вожди.

В целом исследование Данг Фонга свидетельствует о том высоком научно-теоретическом уровне, которого достигла наука ДРВ. Сделанные автором обобщения существенно расширяют наши представления об экономике и социальном устройстве древних обществ.

Библиография

- Мухлинов А.И. 1972. — *Мухлинов А.И.* [Рец. на:] *Данг Фонг.* Первобытная экономика Вьетнама. X., 1970. — Советская этнография. 1972, № 6, с. 182–186.
- Фам Ван Кинь 1971. — *Phạm Văn Kính.* *Vài ý kiến về một số vấn đề khảo cổ học trong quyển «Kinh tế thời nguyên thủy ở Việt-nam»* (Фам Ван Кинь. О некоторых археологических проблемах в книге «Первобытная экономика Вьетнама»). — NCLS. 1971, № 136, с. 45–53.

Элементы южной традиции в китайском мифе¹

В эпоху Поздней Хань жил и писал малоизвестный поэт и историк Чжао Е. Рано оставив службу, он около 20 лет провел в Сычуани, где был учеником Ту Фу. Там или по возвращении домой в Шаньдун он и написал в числе прочего книгу под названием *У Юэ чуньцю*. Эта не получившая широкой известности книга принадлежит к числу немногих, посвященных истории царства Юэ, и в этом плане представляет значительный интерес. Три *цзюани* этой книги из шести посвящены истории происхождения правящей династии Юэ и знаменитому юэскому вану-гегемону Гоу Цзяню (496–465 гг. до н.э.). Изложение ведется в жанре дополнений к официальным биографиям (*вайчжуань*). Три «юэские» *цзюани* содержат пять *вайчжуаней*, из которых четыре последние (7–10 по общей нумерации книги) посвящены Гоу Цзяню. Содержащиеся там материалы чрезвычайно интересны для характеристики царства Юэ, но существенно не отличаются от общей характеристики Юэ при Гоу Цзяне в других источниках. Особняком стоит шестая (по общей нумерации книги) *вайчжуань*², посвященная происхождению династии юэских царей. Изложение в ней начинается с Яо и Шуня и доводится до Юань Чана, предшественника Гоу Цзяня.

Прежде чем переходить к анализу содержания этой главы, кратко охарактеризуем автора текста и автора сунского комментария к нему, а также эпоху создания памятника. О времени его написания вряд ли могут быть высказаны различные мнения, тем более что Чжао Е — конкретное историческое лицо, а ряд реалий восходит бесспорно к ханьскому времени, не ранее. В эпоху Поздней Хань была предпринята наиболее энергичная попытка ассимиляции недавно завоеванных (практически — в конце II в. до н. э.) юго-восточных юэских окраин, что не могло не вызвать потребность в описании их истории. Определенный смысл имело и опровержение династических притязаний свергнутых юэских монархов, чьи потомки неоднократно поднимали восстания в эпоху Поздней Хань. Обе эти задачи, видимо, и преследовал Чжао Е.

Сюй Тянь-ю, комментатор *У Юэ чуньцю* сунского времени, — очень интересная для данной ситуации фигура. Уроженец южной провинции Чжэцзян, он считался в конце XIII в. самым эрудированным человеком в этой части страны. Ученый-патриот, он ушел в отставку после падения династии Сун и погрузился в изучение книг. В создании источника принимал участие еще один южанин — фуцзянец У Гуань, подготовивший в минское время сверенный текст памятника. Он также был высокообразованным человеком, имел и собственные труды.

Таким образом, *У Юэ чуньцю* — памятник, написанный, если судить по составу авторов, в «южноприморской» традиции, и этим, возможно, объясняются некоторые его особенности. Предлагаемый далее разбор сведений, помещенных в тексте шестой *вайчжуани*, не претендует на анализ всей мифологической традиции, связанной с Ся Юем, а касается лишь той ее формулировки, которая представлена в тексте Чжао Е и комментариях Сюй Тянь-ю. Добавим, что уже Чжао Е выступает против анонимной, уж совсем «проюэской» концепции мифа о Юэ, отрицая связь юэских династий с Ся Юем; а Сюй Тянь-ю, в свою очередь, считает неверными некоторые воззрения Чжао Е, указывая на слишком тесную у него связь некоторых событий с юэским югом и с долиной Янцзы вообще.

Какова композиция этого произведения, каковым с полным основанием можно считать шестую *вайчжуань*, логически не связанную с предыдущим и последующим текстом? Все изложенное

¹ Впервые опубликовано: Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1972, с. 208–217.

² Пер. см. в разд. IV настоящего сборника.

подчинено единой идее и в то же время делится на три различные части. Идея — доказать, что юэские цари не имеют права на ту древность происхождения, на которую они, видимо, претендовали. «Предшественник юэских правителей У Юй не получал владений от Ся Юя» — с этой фразы начинается текст, и весь он подчинен доказательству этого тезиса. В первой части рассказывается о Ся Юе, во второй — о правлении мифического основателя юэской династии У Юя, которого Чжао Е относит ко времени правления сякого правителя Шао Кана, в третьей — о реальном основателе династии юэских царей У Жэне и его потомках. Части разделены периодами, когда непосредственной преемственности верховной власти не было.

Для нашего исследования наибольший интерес представляет первая часть, на разборе ее данных мы и остановимся, привлекая сведения из других частей в меньшей степени.

Чем же интересны рассказы о Ся Юе? Тем, что и топонимия, и элементы мифа связывают Ся Юя почти исключительно с бассейном Янцзы, конкретно — с царством Ба в Сычуани и царством Юэ — в Чжэцзяне. Оба этих района были населены и тогда, и долгое время позже не родственными предкам китайцев народами, имевшими между собой (и с населением будущего царства Чу на средней Янцзы) много общего в экономике (культура заливного риса) и общественной структуре. Имели они несколько позднее и общие названия: цзяочжи, мани и т. д. Конкретно речь идет о предках таи и вьетнамцев (тибето-бирманские элементы в населении Сычуани появились, как принято считать, позже). В целом, каково бы ни было по своей принадлежности население средней и нижней Янцзы во II тыс. до н. э., оно тогда и долгое время спустя не принадлежало к предкам китайцев. И в то же время именно на эти районы «ориентирована» почти вся деятельность Ся Юя и отчасти его отца — Гуня.

Рассмотрим факты в той последовательности, в которой они расположены в источнике, с небольшими отступлениями.

Отец Юя, Гунь, — «потомок» Чжуань Сюя. Гунь — «кит» (в традиционном понимании — «рыба»), его сын Юй — «молодой дракон». Оставляя в стороне вопрос о времени появления культа дракона в китайской мифологии (оно кажется сравнительно поздним), подчеркнем, что оба связаны с водной средой и что рыбы, драконы-крокодилы и водоплавающие птицы — основные объекты почитания древних юэ [Дао Зуи Ань 1955б: 21–26, 51–55]. Даже если рассматривать дракона как комбинацию змеи и черепахи, само это смешение и создание образа относятся, если верить сторонникам такого подхода, к территории Сычуани³. Но, поскольку наш анализ построен на более простых и очевидных вещах, чем интерпретация имен, обратимся к дальнейшей судьбе Гуня. Он женился и жил с женой в Шинью, местности, различными комментаторами помещаемой в Сычуани, там же его жена родила Юя; там же комментаторы отмечают храмы Юя и предания о нем среди населения Сычуани. После неудачи в деле урегулирования потоков Гунь погибает. Оба варианта смерти (казнь и самоубийство) дают, тем не менее, одно и то же место — Дунхай, область в современном Чжэцзяне, исконно считающуюся юэской (Юэ Дунхай, Дуньюэ). В Дунхае также отмечены комментатором храмы Юя. Несколько далее Чжао Хуа пишет о месте погребения Гуня и указывает на Цанью, город в бассейне Сицзяна, впервые упоминаемый в китайской литературе как центр юэского княжества во II в. до н. э.

Далее начинается рассказ о Юе. После семилетних скитаний, начавшихся на Янцзы, он находит готовое решение, как надо обращаться с водными потоками, чтобы люди могли заниматься земледелием, на юго-востоке, на горе Ваньвэй в том же юэском Чжэцзяне (где население в тот период уже жило в бронзовом веке и занималось заливым рисоводством). Затем Юй отправился на гору Хэншань вверх по южному берегу Янцзы (в Хунань) и там получил дальнейшие сведения от Красного императора. Заметим, что один из самых древних образов вьетской (юэской) мифологии — «красный демон» (*силь куи*) [ГТ/Тынь-хоа, НК-I: 1b]. Затем он отправился то ли домой, в Сычуань, на запад, то ли ко двору, на север. Оттуда вскоре он снова прибыл на гору Ваньвэй в Юэ, как прямо и пишет комментатор, и познал принципы урегулирования. Называя область Ванвэй в Юэ, основной комментатор — Сюй Тянь-ю в то же время считает, что Юй слишком часто отправляется у автора (и в ряде других книг) в Юэ и что был он там, по его мнению, только один раз, позднее, а во время урегулирования вод не был. Спорит он с традицией и по вопросу о сроках работы Юя.

Затем разворачивается новый сюжет — женитьба Юя. В связи с этим говорится, что он вернулся с юга домой. Это — или Ба в юго-восточной Сычуани, или столица Ся в долине Хуанхэ. Судя по дальнейшим событиям, действие не вышло за пределы бассейна Янцзы. Ехал он домой от Хошань (другое название горы Хэншань), что в провинции Хунань (согласно комментатору — «южная гора»). Дойдя до некоей горы Тушань, он женился на девушке из одноименного селения. Местонахождение этой горы породило богатую литературу; мы попробуем лишь подытожить мнения. Их три. Согласно первому, гора Тушань — это гора Хуайди, на которой Ся Юй впоследствии собирал князей, находящаяся, как это всеми признано, в Юэ. Так считают четыре автора, включая автора *Цзочжуань*, Цзо Цзюмина. Сюй Тянь-ю полагает, что это неправильно, но не дает своей версии, считая, что место женитьбы Юя вообще неизвестно. Вторая группа мнений помещает Тушань на родине Юя в Ба. Так считают два автора, в том числе автор *Шуй цзин чжу*. И наконец, третья группа комментаторов помещает гору Тушань в Хаочжоу (пров. Аньхой, междуречье Янцзы и Хуай, а также часть правого

³ Устное сообщение Л.Д.Позднеевой.

берега Янцзы в низовьях) или в уезде Данту (юго-восточная часть пров. Аньхой, правый берег Янцзы). Как видим, есть, собственно, две версии: территория Ба и территория Юэ. И то и другое — долина средней и нижней Янцзы.

Далее рассказывается об урегулировании потоков. Здесь «южная» тематика естественно уступает место описанию всей известной тогда территории, упоминаются реалии всей Поднебесной. Юй выступает как «общий» герой. Именно с этими деяниями связана популярность Юя во всех китайских землях, но и автор, и комментатор не упоминают в этой связи о храмах и иных признаках почитания Юя в долине Хуанхэ и ее притоков. Трудно сказать, было ли это следствием того, что мифологические предания о Юе не стали еще в ханьское время «общекитайскими», или того, что таким образом была отдана дань «южной традиции». Из двенадцати страниц, посвященных Юю, лишь две с небольшим рассказывают собственно об урегулировании потоков, расчистке русел и проч. Но и в этой части есть ряд «южных» деталей. Так, в начале урегулирования Юй опять отправляется на юг, продолжает изучать там течение вод, причем с ним происходит примечательный случай. На южной реке под судно ныряет дракон, и из всех спутников только Юю он кажется не источником гибели, а наоборот, добрым предзнаменованием, каким он и оказывается на самом деле. Там же, на юге, Юй доходит до Цанью, юэского города в бассейне Сицзяна, где был похоронен его отец Гунь. Затем он оказывается в области Чжиань на крайнем юге. *Цзюнь* (область) с таким названием есть у юэ, в Чжэцзяне. После успешного завершения работы и получения титулов он живет в долине среднего течения Хуанхэ, где становится после смерти Шуня императором и основывает династию Ся. После нескольких лет успешного правления завершается второй «северный» период жизни Юя; он, как прямо сказано в *У Юэ чуньцю*, «возвращается в Великое Юэ» [У Юэ чуньцю: 132] и собирает правителей на горе Шаошань, т.е. Хуайди (автор ШЦ также помещает эту гору в Великое Юэ). После совещания и утверждения порядка Юй то ли передал власть сыну, то ли остался у власти; источник тут противоречит сам себе на соседних страницах [У Юэ чуньцю: 133–134]. Так или иначе, после совещания в Юэ Юй пожелал там остаться. Лишь под давлением сановников он «принял совет, прислушался к увещаниям» [У Юэ чуньцю: 133] и отправился, судя по всему, в традиционный центр государства Ся. В связи с его дальнейшим правлением упоминается еще одна интересная деталь — птицы, обрабатывающие землю [У Юэ чуньцю: 134]. Напомним, что культ птиц (прежде всего аиста) — один из двух главных у юэ (наряду с культом водяного дракона) [Дао Зуи Ань 1955б: 23–26] и что эти птицы, согласно сообщениям о Юе в древнекитайских источниках, исчезли после его смерти; в дальнейшем упоминаются в других текстах как обрабатывающие землю только в Юэ [У Юэ чуньцю: 135]. Причем они обрабатывают землю только в низменностях, т.е. там, где в Чжэцзяне растет рис, а на холмах людям приходится работать самим.

Со смертью Юя заканчивается четвертый «северный» период его жизни, и он совершает последнюю поездку в Юэ — по его просьбе его хоронят там на горе Хуайди. Его сын ежегодно посылает туда весной и осенью «приносить жертвы Юю в Юэ» [У Юэ чуньцю: 135], строит там, на «южной горе» (из текста видно, что на Хуайди) храмы предков императора.

Так заканчивается «юевский» цикл, и дается ответ на вопрос, был ли мифический основатель юэской династии У Юй получателем земель от Ся Юя. «Нет. Смысл ответа Чжао Е таков: Юй был тесно связан с юэским югом, но задолго до У Юя».

В то же время Чжао Е не отказывает полностью юэ в каких-либо связях с Юем. Связи были, но иные и установились позже, чем утверждает анонимный противник Чжао Е, считавший У Юя получателем удела непосредственно от Ся Юя (позднее вьетские авторы даже возводили свои династии к 2879 г. до н. э.) [ГТ/Тьинь-хоа, НК-1: 1b]. Юэские правители, как пишет далее Чжао Е, действительно получили права владения юэским югом от императора Ся, но не от Ся Юя, а от его далекого потомка, сяского императора Шао Кана, «во имя Юя», для поддержания в порядке его могилы и поминального храма Ся Юя в Юэ. Шао Кан, потомок Ся Юя в шестом поколении (согласно традиции, начал править в 2080 г. до н. э.), боялся, что на диком и неустроенном юэском юге могут прекратиться жертвоприношения Юю. Поэтому он пожаловал страну Юэ некоему человеку, назвав его У Юем (в дальнейшем этот иероглиф, «У», часто был первым в именах реальных юэских монархов). У Юй поселился на горе Хуайди, где были храм Ся Юя и колодец Ся Юя, и начал «устроительную» деятельность. В облике У Юя ярко проступают черты «первоосваивателя» дикой страны, но поскольку материалы «юевского цикла» говорят о Юэ как об относительно освоенном районе, то вся устроительная деятельность переносится на возвышенные места, в низинах же землю обрабатывали птицы. Здесь, видимо, смешаны династийная легенда юэ об их первых царях и «культурный миф» о Ся Юе, на этнической принадлежности которого мы остановимся в конце работы. «Логической» основой такого смешения для Чжао Хуа была связь между могилкой и храмом Ся Юя и юэской династией, обязанной поддерживать их в порядке и отправлять культ. Этим объяснялась и отмеченная приверженность юэских правителей культу Ся Юя, которая могла возникнуть, как нам представляется, более простым и естественным путем.

Далее в изложении возникает разрыв: династия У Юя угасает и после перерыва восстанавливается чудесным ребенком У Жэнем, объявившим себя потомком У Юя [У Юэ чуньцю: 136]. У Жэня лишь три поколения отделяют от вполне реального юэского вана конца VI в. до н. э. — Юань Чана, и сам У

Жэнь, скорее всего, первый из известных нам реальных юэских ванов. Он возобновил отправление культа Юя, и все пошло хорошо. Далее начинается хроникальный перечень последующих юэских ванов, завершающихся Юань Чаном. На этом *вайчжуань* заканчивается; следующая *вайчжуань* посвящена уже преемнику Юань Чана — знаменитому Гоу Цзяню, описание правления которого выдержано в реалистическом стиле и никак не связано с тремя разобранными циклами о Ся Юе, У Юе и У Жэне (последний уже как вполне реальное лицо).

Не разбирая вопроса о возможном источнике, сведшем до Чжао Е воедино три этих сюжета, остановимся на некоторых возможных выводах.

Налицо цельная историческая традиция, очень древняя, связывающая возникновение юэской государственности с основателем таковой у предков китайцев — Ся Юем. Чжао Е отрицает ее лишь в частности, так как Шао Кана отделяет от Ся Юя немногим более ста лет. Несколько далее идет Сюй Тянь-ю, стремящийся ослабить «южный» акцент в деятельности и жизни самого Ся Юя. Но делает он это вопреки мнениям большинства цитируемых им же комментаторов и авторов исторических трудов. Так или иначе, в своем современном виде анализируемое произведение в части, касающейся прижизненной и посмертной судьбы Ся Юя, говорит о его преимущественной связи с югом и о том, что для юэ он был объектом особого почитания. Повторим кратко соответствующие факты. Отец Ся Юя — Гунь, тесно связанный с возникновением земледелия и урегулированием вод; женился и имел детей в Ба, на Янцзы, умер и похоронен в южных, юэских землях, в бассейне р. Сицзян. Ся Юй родился в Ба, там или в Юэ женился и имел ребенка, в Юэ он искал и нашел способы управлять потоками, здесь ему близки духи, драконы и проч., здесь был апофеоз его государственной деятельности — совещание на горе Хуайди, отсюда он не хотел уезжать на Хуанхэ, здесь он был похоронен, и здесь отправлялся его погребальный культ. Здешние правители были наследственными отправителями этого культа. Собственно, все, кроме того, что составило славу Юя, — урегулирования потоков, связано в его биографии (по крайней мере в той традиции, которая представлена нашим памятником) с югом, по преимуществу — юэским. Что же сделало этого «южного» героя неотъемлемой частью китайского мифа? Нам кажется, что ответ на этот вопрос лежит в сфере экономики. Бесспорно, что долина Хуанхэ не является родиной культуры заливного риса и связанного с ним интенсивного земледелия и искусственного орошения. Наоборот, она лежит на периферии огромного района, занятого хозяйством этого типа⁴, причем в центре этого района, в Юго-Восточной Азии, имеются народы, у которых такое хозяйство возникло явно самостоятельно и уж, во всяком случае, без всякого влияния из долины Хуанхэ. И в самой этой долине рис так и не стал основной сельскохозяйственной культурой, в отличие от бассейна Янцзы и более южных районов. Скорее всего, миф о Ся Юе отражает знакомство жителей долины Хуанхэ с приемами земледелия и водного хозяйства, формировавшимися у народов, населявших тогда долину Янцзы, в основном в ее нижнем течении. В таком случае миф мог быть как заимствованием из мифологии народов юга, так и искаженным отражением факта культурного заимствования в сфере экономики. Но это лишь гипотеза. Бесспорным же, на наш взгляд, является то, что в древнем Китае существовала традиция, представленная нашим памятником, согласно которой Ся Юй был жителем южных земель. К ней примыкала, скорее всего, уже юэская традиция, согласно которой от этого «первого южанина» вели свое «царственное» (не физическое) происхождение юэские ваны. Насколько первая традиция была распространенной — судить пока трудно, но факт ее существования бесспорен, и с точки зрения теории формирования мифов включение в основной пракаитайский комплекс «южного» мифа не является чем-то необычным.

Библиография

Бенедикт П. 1943. — *Benedict P. Austro-Thai Studies*. 3. Austro-Thai and Chinese. — *Behavior Science*. 1943, note 4, с. 275–336.

Горман И. 1971. — *Gorman I. The Hoabinian and after*. — *World Archaeology*. Т. 6. 1971, vol. 2, № 3, с. 305.

Дао Зуи Ань 1955б. — *Đào Duy Anh. Cổ sử Việt Nam (Дао Зуи Ань. Древняя история Вьетнама)*. Н., 1955.

ТТ/Тынь-хоа. — *Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета)*. Ксилограф SA.PD.2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).

У Юэ чуньцю. — *Чжао Е. У Юэ чуньцю (Чжао Е. Всны и осени [царств] У и Юэ)*. Шанхай, 1937.

Чеснов Я.В. — *Чеснов Я.В. Смешанный посев. К истории земледельческих культур в Юго-Восточной Азии*. Рук. Арх. авт.

⁴ См. [Чеснов Я.В.], а также [Бенедикт П. 1943]. П. Бенедикт доказывает, что слова «рис», «крупный рогатый скот» и т. д. заимствованы в китайском из аустротайского (с. 273, 277). Эту точку зрения считает весьма интересной такой археолог, как И. Горман [Горман И. 1971].

Древнейшее государство во Вьетнаме и теоретические проблемы зарождения государства¹

При обращении к истории древнейшего вьетнамского государства необходимо обратиться к опыту, который накоплен по проблеме ранних государств в российской исторической науке.

Типологически ранние государства делятся на две основные группы: 1) «первичные», самостоятельно, без внешнего влияния возникшие государства; 2) «вторичные» государства, которые возникали также самостоятельно, но с усвоением опыта соседей. Этот опыт мог восприниматься добровольно либо навязываться, но в любом случае такие государства, как русское, возникали в условиях использования социального опыта соседей.

Подавляющее большинство ранних государств в мировой истории, включая древнегреческое, возникли с усвоением социального опыта соседей. Древнее же государство во Вьетнаме входит в группу «первичных» государств, хотя по времени было самым поздним из известных науке государств такого рода. Ранняя государственность во Вьетнаме, насколько можно судить, не использовала опыт других народов.

Во время появления здесь первого государственного образования государства древних китайцев были небольшими, а их территория ограничивалась средним течением р. Хуанхэ. Между этой областью и северным Вьетнамом (и даже районом формирования более позднего государства Намвьет) лежали сотни и сотни труднопроходимых километров, находились области, где государства, бесспорно, не было. Кроме того, надо напомнить, что в древности китайская духовная культура почти никогда не выходила за пределы китайской государственности — такова особенность китайского этноса. Другой очаг, который мог бы претендовать на передачу социального опыта древним вьетам, — древнеиндийский — в это время также не переходит к широкому распространению своей традиции и социального опыта. Первые попытки в направлении Юго-Восточной Азии предпринимаются лишь на рубеже нашей эры; а к этому времени вьетское государство уже насчитывало достаточное количество веков самостоятельного исторического развития.

Таким образом, вьетское государство, бесспорно, входит в группу «первичных». С какими другими подобными государствами можно сравнивать государство древних вьетов? Их список небольшой. Это государства: шумеров в Месопотамии; древних египтян в долине Нила; носителей культуры Мохенджо-Даро в долине Инда (скорее всего, дравидов); предков китайцев в среднем течении Хуанхэ; индейцев Мезоамерики; части западно-семитских народов на восточном побережье Средиземного моря и до некоторой степени индоариев в северной Индии. Наиболее древние из «первичных» государств — это Шумер и Древний Египет — рубеж IV и III тыс. до н. э.; позднее возникает государственность в восточном Средиземноморье и вокруг Мохенджо-Даро — III тыс. до н. э. Вслед за этим, в середине II тыс. до н. э. — на среднем течении Хуанхэ; примерно к VIII в. до н. э. — индоарийские государства северной Индии, в конце I тыс. до н. э. — индейские государства в Центральной Америке. С этими обществами и надо сравнивать древнее государство во Вьетнаме. Все прочие ранние государства использовали социальный опыт, традицию, номенклатуру управленцев, письменность и т. д. соседних обществ, уже имевших государственность.

О продолжительности периода формирования «первичного» государства в перечисленных выше обществах можно определенно сказать, что среднее значение этого показателя колеблется между двумя-тремя и семью-восемью веками. Если государство возникает впервые, никогда нельзя утверждать, что оно возникло в каком-то определенном веке. Самостоятельное создание государства — это длительный процесс, который известен науке на материале как «первичных», так и целого ряда «вторичных» государств, которые попали в нарративные документы соседних народов, раньше освоивших письменность. Например, в Йемене государство формировалось не менее 700 лет, оно то возникало, то исчезало, потом вновь появлялось. В российской и мировой исторической литературе концепция ранних государств получила наименование концепции «потестарных государств» или «вождеств», под которыми подразумевается некое раннее государственное образование, в котором были «вожди», где уже была государственность, но еще недостаточно

---

¹ Публ. впервые. Стенограмма доклада, прочитанного на научной конференции «Эпоха Хунг-выонгов» (Москва, 29 апреля 1999 г.).

устойчивая.

Ранняя государственность обычно возникает на сравнительно большой территории, не в одном городе, а в серии городов одного народа, расположенных в четко определенной экологической нише. Во всех случаях речь идет о территории, приблизительно равной по площади долинной части северного Вьетнама в древности, т. е. тогдашней дельте Красной реки и прилегающим к ней провинциям Тханьхоа и Нгеан.

Письменность в «первичных» ранних государствах обнаружена пока не везде. Известен ряд государств, которые существовали порой по тысяче лет, но их письменные памятники до сих пор не обнаружены. С другой стороны, известны случаи, когда бывает письменность, но отсутствует государство. Например, в Тихом океане есть маленький остров Пасхи, где никогда не было государства, но где имеется собственная оригинальная письменность, на которой было составлено достаточно большое количество документов. Таким образом, прямой связи между письменностью и государственностью в ранних государствах нет.

Каковы основные параметры «первичного» государства?

1. Эффективное сельское хозяйство с высокими трудовыми затратами. В Тропической Африке существует немало обществ, в которых основой также является сельское хозяйство, но ведение его занимает у местных жителей порой 20 дней в году. Поскольку у таких обществ не было больших трудовых затрат, то и сложной социальной организации долгое время не возникало.

2. Исходно достаточно высокая плотность населения. Поселения сельских жителей должны располагаться достаточно близко друг от друга, находиться в регулярных контактах друг с другом. Это создает потребность в государстве.

3. Наличие искусственного орошения в районе крупных долин или огороднического по характеру сельского хозяйства. Большая часть первичных обществ в своей основе имеет орошаемое земледелие. Имеются два исключения: центральноамериканские ранние государства и бассейн среднего течения Хуанхэ, где возникло интенсивное сельское хозяйство огороднического типа без систем искусственного орошения. Как известно, для китайцев искусственное орошение — это исторически позднее приобретение, когда государственность уже существовала и, кроме того, распространилась на южные рисоводческие области.

4. Наличие городов и специализированных ремесел. В некоторых случаях города и/или специализированные ремесла возникают до появления государств, но в тех случаях, когда уже имеется государство, наличие того и другого очевидно.

5. Наличие развитой инфраструктуры (применительно к ранним государствам исследователи об этом упоминают нечасто), т. е. водных и сухопутных путей сообщения, которые поддерживают единство среди населения, плотно заселяющего достаточно большой район. Если этого нет, то все остальные факторы могут иметь место, а государства не возникает.

6. «Первичное» государство может возникнуть только среди одного народа; полиэтнические империи появляются позже. Все ранние «первичные» государства принадлежат одному народу, говорящему на одном языке, культурно однородному. Причем необходим некоторый минимум плотно живущего населения, около 100 тыс. человек, может быть, несколько больше, но не меньше.

7. У всех этих обществ имеется своя религиозная жизнь, каждое из ранних «первичных» государств вырабатывает свою собственную религию. Начало этого процесса, конечно, относится к догосударственному периоду, но к тому времени, когда появляется государство, должны иметься своя религия, свое религиозное искусство (других видов искусства в это время не бывает), свои обряды, свои храмы. Однако для таких государств нехарактерно наличие письменных текстов, связанных с религией. Религия ранних государств практически никогда не фиксируется в текстах на «вечном» материале: на кости, камне, керамике и проч. По непонятным причинам все ранние «первичные» государства на первых этапах своего существования не оставили нам письменных рассказов о своей вере. Первые документы — это «справки» об экономической деятельности; с этого начиналась письменность практически всех народов. Есть небольшие исключения, но как раз в этих случаях не произошло зарождения государства.

Коснемся некоторых аспектов ранней государственности вообще и места вьетнамского раннего государства среди прочих. Всем перечисленным выше показателям раннее вьетнамское государство соответствует, однако имеются некоторые особенности.

1. Вьетское государство — единственное «первичное» государство во влажных тропиках Юго-Восточной Азии. Природно-климатические особенности среды отчетливо сказались на его судьбе. В отличие от других очагов ранней государственности, кроме китайского и американского, вьетское государство не смогло создать мощных ирригационных систем, потому что в условиях влажных тропиков ни одно раннее государство, ни первичное, ни вторичное, на раннем этапе не смогло создать больших ирригационных систем в долинах крупных рек. Главная проблема при освоении таких долин — не ирригация, а осушение, строительство дамб и защита полей. Это более трудоемко, и раннему государству с его слабой структурой и кадрами нигде не удавалось освоить долины больших рек влажных тропиков. В этом причина замедленного в данном климатическом поясе развития

государственности — как первичной вьетской, так и вторичной, типа кхмерской, чамской, яванской и т. д.

2. Информации о существовавших здесь ранних городах у современных исследователей мало в силу того, что архитектура была преимущественно деревянной, а методики археологических раскопок древних «деревянных» поселений до сих пор отсутствуют.

3. Исключительно сильны здесь деревенские институты, это обстоятельство отличает первичное государство вьетов от остальных. Эти институты, бесспорно, тормозили выделение большого количества городов.

4. Отсутствует необходимость в постоянной обороне от внешних противников; древнейшее вьетское государство на протяжении многих веков не имело сильных врагов. Население соседних гор не могло составить заметной конкуренции и угрозы для раннего государства. Кочевников не было, соседних государств — тоже. Поэтому необходимость периодически собираться в маленькие города под защиту сильных укреплений у вьетов отсутствовала.

5. Для общества характерно многоземелье; в те времена земли было много, поэтому не возникало необходимости скучиваться на ограниченных площадях, которые надо было бы четко разделить; вследствие такой потребности, как правило, быстро усложняется социальная структура и быстро возникает необходимость в бюрократическом государстве. Это вызвало замедление темпов общественного развития древних вьетов.

Представляются перспективными дальнейшие исследования ранних, хотя и «вторичных» государств влажных тропиков, тем более что особенности развития, о которых было сказано, проявлялись в древних государствах везде — у намвьетов, кхмеров, монов, малайцев и яванцев. Однако есть отдельные государства, возникшие позже в Южной Азии и бассейне Хуанхэ, которые создали свою письменность и передали ее своим соседям, находящимся на ранних стадиях формирования государства. По этой причине информация о процессе формирования ранних «вторичных» государств у нас имеется и будет в дальнейшем непрерывно пополняться, это поможет в понимании облика ранних «первичных» государств. Дополнительные же данные по единственному «первичному» государству региона — государству Ванланг — могут быть получены только при помощи археологов.

Теперь рассмотрим несколько основных положений, по которым мы можем судить о существовании реального государства во Вьетнаме в I тыс. до н. э. Не будут затронуты предшествующий и последовавший за этим временем исторические этапы, внимание будет уделено именно этому важному периоду эволюции ранней вьетнамской государственности.

1. За последние 30–40 лет мировой (в том числе и российской) наукой окончательно доказано, что период становления государства — это продолжительный процесс, охватывающий по времени десятки и сотни лет. В противоположность вьетнамскому, первое русское государство возникло исторически быстро, но все более древние государства, возникавшие в условиях полностью самостоятельного развития, без использования чужого опыта, создавались веками. Поэтому нижняя временная граница государства Ванланг не может быть пока строго определена.

2. Известно, и к настоящему времени это положение стало частью теории исторической науки, что место возникновения раннего государства не есть малая точка в пространстве. Обычно существовала некая обширная зона, в которой шли процессы формирования государственности. Я, вслед за Дао Зуи Анем и некоторыми другими учеными, считаю, что формирование вьетской государственности шло на достаточно широкой полосе вдоль северо-восточного и северного берегов Южно-Китайского моря. В этой зоне существовали два очага ранней вьетской государственности: более ранний, на севере, впоследствии ассимилированный китайцами (древнее государство Юэ/ Вьет), и более южный, создавший самостоятельную, Донгшонскую цивилизацию и государство Ванланг. В связи с северным очагом необходимо сообщить об одном факте, большинству неспециалистов неизвестном. На территории, где существовало царство Юэ (в современном Чжэцзяне), в низовьях Янцзы (а не в бассейне среднего течения Хуанхэ, где формировалась древнекитайская цивилизация народа хуася), к середине II тыс. до н. э. существовала письменность, непохожая на древнекитайскую иероглифику.

В данном случае рассматривается южный очаг, центр, где возникла Донгшонская цивилизация (автору уже приходилось писать, что Донгшон — это не просто археологическая культура, а самостоятельная цивилизация, охватывавшая большие территории за пределами современного северного Вьетнама). Во всех других частях мира подобные цивилизации возникали и развивались только в том случае, если их центром было государство. Возникает естественный вопрос (эта проблема уже давно дискутируется в научной литературе) о письменной информации об этом государстве. Близ верховий Красной реки, в царстве Тиен, которое было создано носителями Донгшонской культуры, в III в. до н. э. тоже существовала собственная, совершенно непохожая на китайскую иероглифическая письменность. В этом случае возникает закономерный вопрос: почему же тогда эта письменность до сих пор не обнаружена во Вьетнаме? Дело в том, что крестьяне провинции Юньнань случайно раскопали царские могилы, а в северном Вьетнаме пока еще не раскопаны такие могилы. К

настоящему времени по Ванлангу ученые не располагают такими археологическими комплексами, на которых обычно встречаются еще редкие на этом этапе государственности письменные памятники². Напомним, что на сегодняшний день науке известны десятки государств, которые существовали по тысяче лет, но на их территории пока еще не найдены письменные документы. При этом археологически доказано, что это, бесспорно, были государства. Таким образом, в современной исторической науке уже не принято связывать существование государства с массовым распространением письменности.

Проблема раннего государства во Вьетнаме — это в огромной мере проблема современной вьетнамской археологии. Та критика достаточно поздних вьетнамских исторических источников, которая была проведена французскими учеными в первой четверти XX в., к настоящему времени в значительной части должна быть пересмотрена, поскольку раскопки, в особенности осуществленные за последние 20 лет, дают применительно к середине I тыс. до н. э. картину государственности. К сожалению, и во Вьетнаме, и в южном Китае, и в странах Юго-Восточной Азии при археологических раскопках памятников ранней государственности возникают сложные методические проблемы. Это проблемы раскопок древних городищ с деревянной архитектурой. Очень трудно проводить археологические раскопки памятников, где дома, храмы и дворцы были деревянными. Вьетнамские археологи правы, что не торопятся с раскопками древнего города Колоа. Необходимо сначала разработать методику очень тщательной раскопки древних городов, построенных из дерева, и лишь после этого можно приступать к ширококомасштабным работам на больших памятниках.

Что же сейчас можно определенно сказать о Донгшонской цивилизации?

Во-первых, такого большого количества орудий труда из бронзы, которое было обнаружено в последние десятилетия во Вьетнаме, в первобытных обществах в мире нигде не встречается. Такое массовое производство требует сложной организации ремесла не только в техническом, но и в социальном плане, требует городской жизни.

Во-вторых, донгшонское боевое оружие весьма стандартизировано и, бесспорно, создавалось не деревенскими ремесленниками, а в специальных государственных мастерских. Некоторые виды земледельческих орудий также имеют высокую степень стандартизации, что также говорит об их производстве большими партиями не для отдельной крестьянской семьи.

В-третьих, отмечена очень высокая плотность населения; в долинной части северного Вьетнама существовало очень много деревень уже в период древности. Такое скопление земледельческого населения наблюдается лишь в условиях государственного регулирования.

В-четвертых, Донгшонская цивилизация, бесспорно, имела собственную религию. Ученым пока неизвестны тексты этой религии, но богатейшее религиозное искусство Донгшона позволяет восстановить эту религию во многих чертах. Это самостоятельная религия, и ее отличия от других древних религиозных систем Восточной и Южной Азии очевидны. На территории Индокитая и Индонезии те народы, которые впоследствии воспринимали индуизм, буддизм и конфуцианство, ранее на протяжении веков воспринимали религию донгшонцев.

В-пятых, археология позволяет критиковать, проверять, подтверждать, опровергать и данные письменных источников. В настоящее время благодаря исследованиям одного из вьетнамских ученых, Нгуен Ван Риена, мы, например, можем с уверенностью утверждать, что число «18» (число поколений/правителей Хунг-вьонгов) было сакральным для предков вьетов уже в IV–III вв. до н. э.

ОБСУЖДЕНИЕ

Н.И. Никулин: Из Вашего доклада следует, что кочевые скотоводческие государства являлись вторичными. В этой связи у меня возникли некоторые сомнения. Кочевые государства имели ряд особенностей, не присущих оседлым обществам.

Д.В. Деопик: Проблема кочевых государств была предметом специального исследования ряда авторов. Кочевые государства, бесспорно, являются ранними (примитивными), однако они возникают относительно поздно и всегда существуют рядом с земледельцами, от которых они получают зерно. Чисто кочевые общества всегда либо покупали (когда были слабые), либо отбирали (когда были сильные) продукты земледелия. Пищевой рацион настоящего кочевника никогда не состоял только из мяса и степных трав, нужны были и культурные злаки, которые поступали от соседних земледельцев. Это — модель классического кочевого хозяйства. В противном случае он не настоящий кочевник. А если часть так называемых кочевников, подобно татарам российских степей, занимается хлебопашеством, то это уже не чисто кочевое, а земледельческо-кочевое общество. У такого общества государство, в принципе, может возникнуть и самостоятельно, но все, что нам известно о религии, социальных институтах и письменности таких обществ, говорит о заимствованиях у соседей.

---

² Напомним, что первые памятники китайской письменности тоже встречены в очень немногих местах.

В.И.Антощенко: В докладе Вы с уверенностью говорите о существовании самобытной религии лаквьетов. Что Вы подразумеваете под этим? Каково Ваше мнение о возможности существования канонов этой древней религии? Если да, то возможно ли к этим канонам отнести вьетский мифологический цикл?

Д.В.Деопик: Вопрос о религии любого первичного государства очень сложный, потому что ни один из этих народов, даже оставившие множество памятников ранней письменности шумеры, не описали собственную раннюю религию; мы знаем религию тех же шумеров только на втором этапе. То же касается лаквьетов, их религия на раннем этапе не снабжена текстами, однако высокоразвитое лаквьетское религиозное искусство свидетельствует о существовании очень сложной религиозной системы. Необходимо помнить, что искусство, которое мы видим на ранних бронзовых барабанах, чрезвычайно сложное, и если сравнить его с религиозным искусством других народов, от которых дошли до нас тексты, то оно вполне «конкурентно». Ему присуща очень сложная система образов. Эта религия пережила период расцвета, период интенсивного влияния на соседей, когда за тысячу километров от Вьетнама воспринималась именно донгшонская религия, и, наконец, завершающий период. Интересно, что по мере восприятия ханьской и буддийской культур происходит упрощение образов и картин. Умирание донгшонского религиозного искусства могло быть связано с распространением северных верований либо с каким-то внутренним кризисом. Есть еще одна интересная гипотеза: донгшонская религия на завершающем этапе все-таки создала какие-то не дошедшие до нас тексты и рассказ изображениями на барабанах (криптограммами) уже стал не нужен. Донгшонское искусство — это материальная реализация очень сложной религии. Если посмотреть, что осталось от развитых (это известно) религий в изобразительном искусстве у других народов, то порой мы видим очень немногое. На этом фоне совершенно очевидно, что перед нами очень сложная религиозная система.

Аулак, Намвьет и другие вьетские государства в III–II вв. до н. э.¹

Одной из основных проблем древней истории стран Дальнего Востока, и в частности Вьетнама, является их политическая и экономическая структура в последние века до нашей эры. В связи с этим важно установить, как складывались отношения самостоятельно возникших вьетских государств и Китая, особенно после образования империй Цинь и Хань. В данной работе рассматривается политическая, социальная и экономическая история ранних вьетских государств — Аулака, Намвьета, Манвьета, Донгвьета, а также история их войн и дипломатических отношений с империями Цинь и Хань.

Возникновение государства во Вьетнаме

В середине II тыс. до н. э. в бассейне среднего и нижнего течения Янцзы и южнее (за пределами сведений ранних китайских текстов) существовала обширная этническая группа, известная позднее под названием зяотьи (кит. цзяочжи)², из которой, по мнению ряда исследователей, в процессе дальнейшего этногенеза выделились предки вьетнамцев. Первоначально зяотьи жили разрозненными племенами на территории современных провинций Хунань, Цзянси, Хубэй, Аньхой, т. е. в бассейне оз. Дунтин и по среднему и нижнему течению Янцзы. Китайские источники указывают на местонахождение там зяотьи в конце II и первой половине I тыс. до н. э., но в них нет сведений о территории северного Вьетнама и непосредственно прилегающих районах южного Китая. Упоминания зяотьи применительно к этим районам относятся к иному, значительно более позднему периоду — Цинь и Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), когда, во-первых, сведения китайских авторов о юге расширились, а территория расселения протовьетнамцев на севере сузилась вследствие усиливающейся ассимиляции в бассейне Янцзы, во-вторых, само название зяотьи в большинстве случаев здесь уже менялось на более соответствующее действительности название лаквьет (кит. лоюэ). Таким образом, говоря о зяотьи (в отличие от населения цинь-ханьской провинции Цзяочжи), следует иметь в виду предков вьетов и некоторых народов на территории бассейна Янцзы в период приблизительно до VII в. до н. э.

Китайские летописи, относящиеся к периоду восточножоуской династии (VI–III вв. до н. э.), именуют группу, в которую входили протовьетнамцы, вьет (кит. юэ). В источниках по последующим эпохам предки вьетнамцев известны обычно под названием лаквьеты (кит. лоюэ). Письменные и археологические данные позволили некоторым авторам утверждать, что во времена династии Чжоу началась миграция юэ/вьетов на запад, юго-запад и на юг [Йенс О. 1931]. Согласно такому взгляду, юэ, переместившиеся в Сычуань и дальше на юг и известные под названием зивьеты (кит. иуюэ) или манзи (кит. мань), рассеялись и впоследствии, в III–I вв. до н. э., ассимилировались с китайским населением³. Другая часть юэ, ушедшая на юго-восток, называлась батьвьеты (кит. боюэ). Она сложилась, по мнению этих авторов, из двух больших племенных объединений — вьетхьонг (кит. юэшан) и юэ на территории современного Чжэцзяна. Но подобное детальное описание может быть и следствием роста объема информации о Юге.

Группа юэ в Чжэцзяне, наиболее тесно связанная с Севером, была и наиболее развитой. Она раньше других, с VII в. до н. э., стала широко применять изделия из бронзы. Бронзовые орудия и оружие близки к видам этого времени в бассейне реки Хуанхэ [Карлбек О. 1955].

¹ Часть текста диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ранее в полном объеме не публиковалась. В сжатом виде содержание работы было отражено в двух статьях: *Деоник Д.В.* Возникновение государства во Вьетнаме. — Советское востоковедение. 1958, № 4, с. 83–89; *он же.* Войны Ханьской империи с Намвьетом. — Вестник Московского университета. Сер. Востоковедение. 1970, № 1, с. 53–64.

² Названия, приводимые в китайских источниках, мы будем давать во вьетнамском чтении (современное произношение), если речь идет о предках вьетнамцев, и в китайском — если речь идет о предках китайцев.

³ Эти процессы подтверждаются, в частности, материалами раскопок в Шичжайшани. См.: Комитет полевых исследований провинции Юньнань. Могильник и поселение Шичжайшань в уезде Цзинь в Юньнани. — Каогу сюэбао. 1956, № 1, с. 44, 45, 59.

В это время (I тыс. до н. э.) у юэ в Чжэцзяне происходил процесс разложения родо-племенных отношений и образования государства, получившего название Юэ (вьет. Вьет). В V в. до н. э. при *ване* Гоу Цзяне (496–465 гг. до н. э.) царство Юэ достигает своего наивысшего расцвета. Но складывание вьетской государственности, ускоренное связями с древнекитайскими царствами Лу, Ци, Сун, У, затем было задержано кровопролитными войнами в V в. с царством У, а также захватом территории Юэ в 333 г. после длительных войн с соседним царством Чу при чуском Вэй-ване (339–329 гг. до н. э.) [У Юэ чунью, цз. 4: 137–161; Юэ цзюэ шу, цз. 9–11: 69–82]. Царство Юэ распалось. Это могло послужить толчком к переселению части вьетов на юг и юго-запад. С этого времени, скорее всего, название юэ в китайских источниках уступило место названию боюэ. Многие древние китайские источники сообщают, что боюэ — это люди Юэ, бежавшие на юг, в Линьнань, т. е. район к югу от гор Улин (пров. Фуцзянь, Гуандун, частично Гуанси и северный Вьетнам). Впоследствии здесь образовались пять вьетских государств: Намвьет (кит. Наньюэ), Донгвьет (кит. Дуньюэ), Манвьет (кит. Миньюэ), Тайау (кит. Сиоу), Аулак (или Ванланг).

На крайнем юге тайау и ванланг из группы боюэ составили основной компонент складывающейся вьетской народности. В связи с тем, что они не входили в состав циньского Китая, китайская летопись сообщает только их названия и крайне немногочисленные факты из их истории.

Тайау в третьей четверти I тыс. до н. э. занимали, по-видимому, территорию юго-западной части современной Гуанси, а ванланг — часть территории нынешнего северного и центрального Вьетнама с центром в Фонге (пров. Шонтай) [КМ, ТВ-I: 2а; Дюмутье Ж. 1893: 221–222; Масперо А. 1918а: 1]. В Ванланге, на плодородных долинах, где поселилась эта часть далеких потомков цзяочжи (тайау и ванланг), существовала богатая самобытная культура, известная под названием культуры Донгшон [Голубев В. 1930]. В отличие от живших вблизи территории древнего Китая племен зивьетов и части племен боюэ (намвьет, манвьет, донгвьет), отдаленные и политически самостоятельные тайау и ванланг почти не подверглись влиянию Китая. Большой отпечаток на самобытную в целом культуру лаквьетов наложило взаимодействие их с остальным аустроазиатским населением страны, в которой они осели [Одрикур А. 1954].

Основным занятием лаквьетов было плужное и мотыжное земледелие на заливных и суходольных полях. Обработка земли производилась бронзовыми мотыгами и четырехчастным плугом параллельного действия с бронзовым лемехом [Йенс О. 1936]. Основными производителями сельскохозяйственных продуктов были племена, населявшие равнины; в хозяйстве приграничных горных племен большую роль играла охота.

О социальной структуре лаквьетского общества этого времени известно немного. По имеющимся данным народ (*лакзан*) составляли земледельцы-общинники — свободные воины. Развитие производительных сил (широкое применение в то время плужного земледелия и развитие металлургии), связанное, в частности, с исключительным плодородием северного Вьетнама и относительно высокой плотностью населения, давало возможность формирующейся правящей верхушке все больше присваивать прибавочный продукт и на этой основе увеличивать свое экономическое могущество.

Об имущественном расслоении свидетельствуют и археологические данные. Так, наряду с простыми погребениями рядовых общинников открыты погребения представителей племенной знати, в которых найдено много оружия и ценностей, большое число китайских вещей и денег. Во главе союза племен стоял *лаквьонг* — военный вождь и верховный жрец, власть которого в роду Хонг-банг была наследственной. Вождь распоряжался значительными землями, постепенно становившимися наследственными владениями его рода, которые располагались в центре расселения лаквьетов у слияния Красной и Черной рек в области Мелинь (пров. Шонтай). Там же находилась ставка вождя (укрепление Фонг). На войну выступали ополчениями и со своим оружием. Верхушка состояла из *лакхау*, *лакчюнггов* и *ботьиней*. *Лакхау* выполняли гражданские функции, *лакчюнги* — военные [КМ, ТВ-I: 5а]. Функции *ботьиней* (низшая группа верхушки) еще не были строго дифференцированы. В выделении верхушки и ее постепенном превращении из слуг общины в представителей публичной власти, возвышавшихся над народом, мы видим признаки образования государства. Господствовал патриархат, имело место наследование общественных должностей как от отца к старшему сыну, так и (в случае отсутствия сыновей) к мужу дочери, сохранялся также обычай левирата, который существовал еще в III в. н. э. [КМ, ТВ-I: 5а].

Политическая история Ванланга в общем виде освещена для IV в. до н. э. и первой половины III в. до н. э. Начало III в. до н. э. было временем значительных внутренних столкновений между ванланг и союзом племен тайву. Ванланг возглавлял в то время Киньзыонг-вьонг, ставший *лаквьонгом* около 314 г. до н. э., тайву возглавлял наследственный вождь из рода Тхук (кит. Шу) [КМ, ТВ-I: 7а, 7б]. Последний, согласно легендам, просил Киньзыонг-вьонга выдать за него свою дочь. Тот согласился. Однако его согласие на этот брак было отрицательно встречено знатью, которая опасалась, что Тхук после смерти Киньзыонг-вьонга присоединит территорию Ванланга к территории Тайву. Под давлением верхушки Киньзыонг-вьонг отказал Тхуку в его просьбе. Тхук действительно стремился путем заключения личной унии объединить всех лаквьетов. Именно поэтому в сущности не такое уж

важное событие, как отказ Киньзыонг-*выонга* выдать за Тхука свою дочь, вызвало обострение отношений между ванланг и тайву. Около десяти лет длились между ними ожесточенные войны, одной из целей которых, по мнению ряда исследователей, был захват рабов-военнопленных. В 258 г. сыну вождя тайву Тхук Фану удалось внезапно захватить Фонг. Киньзыонг-*выонг* покончил жизнь самоубийством, будучи не в состоянии организовать сопротивление. Тхук Фан объединил всю лаквьетскую территорию, расположенную по течению Красной реки. Это объединение, известное под названием Аулак, обладало всеми чертами государства [КМ, ТВ-I: 8а]. Наличие в III в. до н. э. государства у лаквьетов было обусловлено скоплением значительных земель и богатств в руках *лакхау* и *лакчьюнгов*, переходом власти в руки наследственных вождей, возникновением первых органов власти, стоящих над общинами. На смену племенному делению окончательно пришло территориальное, сформировалась публичная власть, были введены первые налоги. Оформилось государство.

Социальное устройство и политическая история Аулака

Социальное устройство Аулака

Хотя победившей стороной было Тайву, основной частью Аулака стали земли Ванланга. Здесь же была расположена столица, г. Колоа (Лоатхань). Основной частью Аулака были лаквьетские территории среднего и нижнего течения Красной и Черной рек. Тайву находилось к северо-западу от Ванланга, основным населением были лаквьеты, но в западной части, по-видимому, уже тогда обитали племена таи, а в северо-восточной — маны. Ванланг занимал центральную часть северного Вьетнама и его юго-восточную часть (совр. пров. Тханьхоа).

Аулак был первым государством в Юго-Восточной Азии. Он занимал следующую территорию: прилегающие к границам современного Вьетнама части китайских провинций Гуанси и Юньнань (то, что впоследствии было названо провинцией-*цзюнем* Сян (вьет. Тьонг), северный (кроме западной части) и часть центрального Вьетнама (пров. Тханьхоа и Нгеан). В этих пределах, избегая малярийных лесов, лаквьеты занимали речные долины (т. е. долины рек Красная, кроме верховьев — там жили зивьеты, Черная, Светлая, Ма и Дай (в северной части центрального Вьетнама). На юге Аулак соприкасался с землями индонезийцев-мои, часть которых смешалась с лаквьетами, часть позднее образовала самостоятельное государство Чампа (вьет. Ламап, кит. Линь).

Государство Аулак представляло собой восточную деспотию. Основной формой общественной и хозяйственной организации древнего Вьетнама была община⁴. Эксплуатация общинников осуществлялась обычно путем взимания налога рисом. Широко применялась государственная повинность по строительству каналов, укреплений и т. д. Общинники — *лакзан* (букв. «народ лак») — составляли большинство производительного населения Аулака, главными их занятиями было земледелие на искусственно орошаемых и суходольных полях и рыболовство. Наиболее распространенной являлась культура риса, реже — проса. Из тягловых животных использовали быка, буйвола и лошадь, разводили свиней, собак, а также домашнюю птицу.

Одновременно с трудом общинников использовался и рабский труд, но о нем мало данных; он, по-видимому, не играл значительной, тем более основной роли. Как отмечает Дао Зуи Ань, существовали два способа пополнения рабов: первый — захват на войне и обращение в рабство населения покоренных районов, второй — обращение в рабство обедневших членов общин (в частности, долговое рабство). По его мнению, у лаквьетов существовало и внутрисемейное рабство [Дао Зуи Ань 1955б: 95]. Для обозначения рабов служили особые термины. Рабы были объектом купли-продажи. Имеющиеся в нашем распоряжении данные пока не дают возможности ответить на вопрос об удельном весе труда рабов в производственном процессе, однако можно высказать предположение о том, что правитель государства — Анзыонг-*выонг* Тхук Фан и *лакчьюнги*, проводя большое ирригационное и городское строительство, применяли труд рабов.

В хозяйствах *лакчьюнгов* труд рабов применялся (как это имело место и позднее) наряду с трудом обедневших свободных, причем последних, вероятнее всего, в качестве арендаторов (как это было, по мнению ряда историков, в Китае), что, впрочем, возможно было далеко не на всей территории Аулака. Имеются свидетельства, позволяющие предположить наличие у *лаквьонга* ремесленников-рабов.

В государстве Аулак в самостоятельные отрасли производства выделились добыча металла, литейное дело, ювелирное и гончарное ремесла и т. д. В особых мастерских производились бронзовые орудия, оружие, украшения и бронзовая посуда. Для создания знаменитых бронзовых барабанов

⁴ Соседская и даже родовая община существуют до сих пор у некоторых народностей Вьетнама (мыонги, пнонги, тхо, кха и т. д.) [Нгун Хьу Кханг 1946].

требовалось применение в течение длительного времени труда многих ремесленников. Для строительства кораблей (особенно таких, как обитый бронзовыми листами корабль *лаквьонга*) необходимо было значительное число плотников-корабельщиков. В широких масштабах проводилось строительство дворцов, крепостей и каналов. Особым ремеслом, правда охватывающим небольшое число производителей, являлась выделка каменных ушных колец, заменявших деньги и обращавшихся наряду с китайской монетой. Что касается ткачества, то оно в этот период продолжало оставаться домашним ремеслом.

Появляются города — административные и торговые центры. Крупнейший из городов Аулака — его столица Колоа — возник как административно-торговый центр. Колоа строился как политический центр государства, что подтверждается данными археологии (планировка города). Город находился на стыке границ Ванланга и Тайву. Будучи расположенным в районе слияния важнейших рек северного Вьетнама и соединенным каналом с Красной рекой — основным транспортным путем, он мог контролировать торговлю, шедшую главным образом по рекам, и активно участвовать в ней. Он был построен на естественной возвышенности, господствовавшей над окружающей местностью (это усиливало его обороноспособность на случай войны), и опоясан девятью огромными земляными валами (из которых до нас дошли три); вокруг внешнего вала был ров с водой [КМ, ТВ-I: 9b; Дюмутье Ж. 1893: 229]. В центре располагалась цитадель *вьонга*, в которой находились его дворец и личная охрана. Административно-бюрократический аппарат помещался, по-видимому, между первым и вторым городскими валами, а за третьим валом проживало остальное население столицы⁵. Такая планировка свидетельствует не только о существовании государственных органов власти, но и о четко выраженной дифференциации населения. Основу военной организации лаквьетов составляли отряды пехоты, сформированные из свободных общинников, вооруженных боевыми топорами и копьями. Широко применялись боевые корабли [Голубев В. 1930: 33–35, рис. 41, 44].

Общность форм и способов изготовления, а также обнаружение совершенно одинаковых изделий по всей территории Аулака могут служить косвенным доказательством развития внутренней торговли. О том, что города являлись торговыми центрами, свидетельствуют сообщения о торговле в этих местах рисом. Аулак имел торговые связи с Китаем, с кхмерскими и чамскими областями, с центральной Индонезией. Из Китая ввозилось оружие (бронзовые, а впоследствии и железные мечи, бронзовые кинжалы и ножи), бронзовые вазы и мелкие сосуды, орудия сельского хозяйства, ткани, дорогая посуда, крупный рогатый скот и другие товары. Из кхмерских и чамских областей доставлялись металлические изделия и украшения. Аулак снабжал соседние районы южного Китая и Индокитая некоторыми видами металлических изделий. В ходу были китайские монеты и деньги местного происхождения в виде каменных колец особой формы. На своих кораблях лаквьеты совершали дальние путешествия, и, вероятно, торговля была одной из целей этих путешествий. Особенно тесными были связи с Индонезией [ван Хекерен Х. 1955; Хуп А. 1938: 113].

Во главе Аулака стоял *вьонг*, власть переходила от отца к сыну. *Вьонг* был неограниченным властителем государства, номинальным верховным собственником всей земли в стране. Кроме того, он сам владел обширными землями. В отличие от земель *лакчьюнгов*, владения *вьонга* в значительной своей части были расположены на старых лаквьетских территориях и заселены общинниками [Дюмутье Ж. 1906: 424]. *Вьонг* распоряжался всеми доходами и ресурсами государства. Он являлся верховным военачальником и жрецом Аулака.

В руках господствующей верхушки — *лакчьюнгов*, *лакхау* и *ботьиней*, — которая захватила часть земельных угодий общин, превратив их в свою собственность, сосредоточилась военная и гражданская власть. Они выполняли теперь функции чиновников государственного аппарата.

Бывшие племенные вожди и представители племенной верхушки занимали в государстве Аулак посты начальников образовавшихся теперь территориальных областей (*тяу*) и уездов⁶, причем начальники последних выполняли административные и военные функции (*ботьинь*), а начальники областей делились на военных (*лакчьюнг*) и администраторов (*лакхау*), которые выполняли также жреческие функции при местных божествах. В большинстве случаев эта прослойка господствующего класса по происхождению являлась родовой аристократией и продолжала сохранять свои родовые связи⁷. После разгрома Ванланга часть владений в Дельте перешла к представителям верхушки *тайву*, в основном владевшей землями, которые расположены в бассейне реки Светлой. Сочетание государственной службы в данном районе с владением значительными земельными угодьями давало *лакчьюнгам* большую власть над подчиненными им воинскими отрядами, поэтому в период ослабления центральной власти эти отряды вырастали в опасную для *вьонга* силу.

⁵ Подобная планировка применялась при строительстве дворцовых комплексов в средневековом Ханое. Так же строились и многие города Камбоджи и Сиам [Уильямс-Хант П. 1950].

⁶ Под термином «уезд» здесь и далее (во всех работах) подразумевается административно-территориальная единица *хуен* (кит. *сянь*) — 縣, 縣.

⁷ Это характерно для Аулака и в последующий период — в составе Намвьета, когда Чиеу Да сохранил за лаквьетами гражданские посты в масштабе области, а не поставил своих чиновников [КМ, ТВ-I: 19b].

Наряду с верованиями, сохранившимися от предшествующего периода (культ определенных деревьев, вера в духов гор и моря, в магические свойства амулетов, фаллический культ и т. д.), у лаквьетов существовала вера в многочисленных духов-хранителей общины. Особое значение приобретает культ предков, который в государстве Аулак содействовал укреплению государственной власти и в котором уже тогда заметное место занимал культ умершего *выонга*. Укреплению государственной власти способствовало также возникшее тогда солнечное единобожие [Дюмутье Ж. 1893: 232]⁸.

Политическая история Аулака в III в. до н. э.

История Аулака, внутренняя и внешняя, известна сравнительно плохо, особенно для раннего периода. В государстве Аулак правила династия Тхук, члены ее происходили с верховьев реки Светлой, а род свой вели от династии царства Шу. При создании государства, так же как и в борьбе с Ванлангом, Анзыонг-*выонг* боролся с *лакхау*, но, победив в войне, он тем не менее вынужден был искать соглашения с ними. Однако часть их земель в Дельте была, по-видимому, захвачена, так же как часть владений *выонга* Ванланга.

При строительстве государственного аппарата Анзыонг-*выонг* опирался прежде всего на представителей *тайву*, что сказалось и при строительстве Колоа, и в ряде других случаев. Но различия между тайву и ванлангом были различиями внутри одной этнической группы лаквьетов, и они, видимо, скоро стерлись. После эпохи Аулака противопоставление тайву и ванланг заменяется противопоставлением старых лаквьетских районов и вновь освоенных территорий к югу от дельты Красной реки.

Политическая история Аулака тесно связана с борьбой против циньской империи. После возникновения империи между ней и Аулаком с 30-х годов III в. до н. э. происходили постоянные военные столкновения, которые стали, несомненно, одним из факторов, содействующих централизации молодого лаквьетского государства.

К 20-м годам III в. до н. э. угроза со стороны Цинь становилась все более явной для лаквьетов и родственных им вьетских государств к югу от Янцзы, где также происходило формирование государственности. Предшествовавшая нападению на вьетские государства война с Ба, Шу и особенно с Чу подготовила условия для борьбы с вьетами, которая входила в тот же комплекс военных мероприятий циньской империи. Цинь Ши-хуан (246–209 гг. до н. э.) ставил целью подчинение всех этих государств. Это было естественно, так как в бассейне р. Янцзы сложился тесно связанный внутренними узами комплекс государств, и речь могла идти только о полном его подчинении. Покуда на юге оставалось хоть одно сильное государство, завоевание всего района нельзя было считать окончательным, а спокойствие в уже захваченных областях — установленным.

Подчинив в 222 г. до н. э. входившие в состав Чу узкие районы у моря и в низовьях рек Янцзы и Хуайхэ (на востоке), в 223 г. до н. э. — владения Чу (в центре), Цинь смогла начать наступление на вьетов (государства Ба и Шу на западе были подчинены еще в конце IV в. до н. э.). Оно осуществлялось не со стороны Ба и Шу, где завоевание было не до конца завершено, а от больших озер и устья р. Цзяншуй (Янцзы) с опорой на остатки Чу — Чанша на западе и на бывшие узкие земли на востоке. Районом наступления были области к югу от среднего и нижнего течения р. Цзяншуй, по правым притокам которой наступали циньские войска. Наступление вела пехота, флот в операциях не участвовал. Наиболее успешными были на протяжении III–II вв. до н. э. для Циней, как потом и для Ханей, военные действия на западном участке, где находился их верный сторонник — сильно китаизированное государство Чанша.

Причиной вторжения было желание Цинь присвоить обильные ценности вьетов (рог носорога, слоновий бивень, перья зимородка и жемчуг) [ХНЦ, цз. 18: 322]. Это положение имеет большую основательность, чем кажется на первый взгляд. Если присмотреться к завоевательной политике Цинь и Хань, то станет ясно, что во всех случаях объектом агрессии были богатые районы с развитым земледелием, где помимо военного захвата не требовалось никаких усилий для получения материальных ценностей и продуктов питания (Средняя Азия, бассейн Янцзы и Сицзяна, северный Вьетнам, отчасти Корея). Важно отметить, что вьетские районы, непосредственно прилегающие к Янцзы, были хорошо известны Циням. Да и об остальных вьетах у них были достаточно точные представления. Тут, несомненно, сыграли свою роль многовековые контакты вьетов и предков китайцев.

Завоевание в 214 г. до н. э. было поручено военачальнику Ту Сую, набравшему (возможно, в южных провинциях-*цзюнях* циньской империи) армию в 500 тыс. человек [ХНЦ, цз. 18: 322]. Практика отправки столь многочисленного войска, широко применявшаяся Цинь, преследовала не только цели

⁸ Подобные культы существовали во Вьетнаме и позже [Кадьер Л. 1919; Кэрич Уэлс Х. 1954].

завоевания и создания цепи опорных пунктов, но имела своей задачей заселение завоеванных территорий, создание опоры Китая в захваченных областях. Подобные цели объясняют численность армий того времени, которая без этого кажется неправдоподобно большой.

Надо отметить, что войска Цинь и Хань в основном состояли из представителей зависимых народов. В данном случае южными провинциями-цзюнями империи были недавно завоеванные Чу, У и другие территории, а их население во многом было гораздо ближе к вьетам, чем к циньцам. Причем это относилось не только к рядовому составу. Походу предшествовала тщательная подготовка транспортных путей.

Тем временем государство Аулак готовилось к обороне, и эта общая угроза во многом способствовала его дальнейшей консолидации. В течение второй половины III в. до н. э. Аулак объединил все лаквьетские племена. Войскам Ту Суя противостояла единая лаквьетская армия, возглавляемая Анзыонг-выонгом. Военная организация лаквьетов имела в основе отряды тяжеловооруженной пехоты (боевые топоры, тяжелые копья и короткие мечи). Как и во многих других обществах с сохранившимся значительным слоем свободных общинников, социальный состав армии отразился на ее характере. Помимо пехоты широко применялись боевые суда.

В ШЦ сказано, что войско направлялось, чтобы для защиты границы занять территорию Луляна и проходы в горах Улин [ШЦ, т. 1, цз. 6: 253]. Но полумиллионная армия из безземельных крестьян, мелких торговцев и преступников едва ли посылается только с оборонительной задачей. Заметим, что подобный состав войска сыграл большую роль в дальнейших процессах внедрения северной культуры на юге и в то же время усложнил для циньских полководцев ведение войны.

О первом циньском вторжении 214 г. до н. э. во вьетские земли рассказано в ХНЦ. Первая из пяти армий, правофланговая, загородила горный проход Ханьчэн к северу от одного из проходов через цепь Улин (не входивший в основные пять проходов); он находился у современного города Цзинсинь в провинции Хунань. Здесь проходила граница империи Цинь и одного из вьетских государств (видимо, Тайау), стояла «Вьетская крепость», сам проход назывался вьетским. Вторая армия охраняла пограничную крепость Цзюи (находится недалеко от совр. г. Наньлин пров. Хунань). Эта армия также не продвинулась далеко и, удерживая третий проход, обеспечивала третьей армии связь с Чанша. Обе армии контролировали горные перевалы и пути, ведущие от истоков правых притоков среднего течения Цзяншуй к бассейну среднего течения Янко (Сицзян). Третья армия, единственная, которая вела активные действия, прошла на юг и заняла столицу Намвьета — город Фиеннунг (кит. Фаньюй, совр. Гуанчжоу) в устье Янко. Четвертая армия защищала границу у Нанье, т. е. стояла на месте у границы Намвьета, контролируя второй проход. Она была связана рекой с пятой армией, которая концентрировалась на р. Юйгань, обращаясь фронтом в сторону Манвьета [ХНЦ, цз. 18: 322].

Таким образом, четыре циньские армии стояли на границах вьетских государств, а одна — третья — пересекала их надвое, захватив одно из сильнейших — Намвьет. Именно тогда, согласно сообщению ШЦ, были учреждены провинции-цзюни Гуйлинь, Наньхай, Сян. Точнее, большая часть бассейна Сицзяна должна была войти в Гуйлинь и Наньхай, а земли Аулака и Тайау — образовать провинцию-цзюнь Сян [ШЦ, т. 1, цз. 6: 253].

Отметим, что четкой границы в этот период не существовало, реально циньская власть к югу от Янцзы устанавливалась впервые (кроме Чанша).

На роли Чанша в циньских и ханьских походах на юг надо остановиться особо. Это государство представляло собой центральную часть бывшего царства Чу, наиболее китаизированного из трех южных (Чу, У, Юэ), и сильно расширилось в VII–VI вв. до н. э., заняв весь бассейн среднего течения Янцзы. В эпоху Чуньцю оно было одним из пяти гегемонов, но в 278 г. до н. э. потерпело поражение от Цинь. В 222 г. до н. э. его основная территория у оз. Дунтин была захвачена Цинь Ши-хуаном и преобразована в провинцию Чанша. К этому времени культура Чу была практически одинаковой с северокаитайской, объединение с Цинь не вызвало, как у вьетов, массового сопротивления. Основные земли Чу стали прочной опорой циньской политики на юге. И хотя после падения Цинь Чу недолгое время было независимым, впоследствии государство Чанша, в отличие от вьетских государств, продолжало находиться в орбите северного влияния и было его проводником.

В затяжной войне обе стороны испытывали затруднения в снабжении. Чтобы облегчить положение, циньские солдаты прорыли канал и создали путь для подвоза продовольствия. Канал соединил верховья рек — основных транспортных магистралей того времени, — относящихся к бассейнам рек Цзяншуй и Янко. Только после этого Цинь начали операции на среднем течении Янко и ее притоках против Тайау с опорой на завоеванный Намвьет, оставляя в тылу непокоренные Манвьет и Донгвьет.

Чем дольше длилась война, тем упорнее становилось сопротивление вьетов. Оно не прекращалось даже после разгрома тайауской армии, когда был убит *выонг* Тайау Зинь Ху Тонг (кит. И Сюй-сун). После смерти *выонга* тайаусцы выбрали Анзыонг-выонга своим вождем и лаквьетская армия дала решительный бой, в котором циньские войска были наголову разбиты, а Ту Суй убит [ХНЦ, цз. 18: 322].

Вьеты нападали в основном по ночам. Интересен редкий в военной истории факт гибели командующего столь многочисленного войска. Это было возможно либо в результате бесконечных ночных вылазок вьетов, либо в бою с сильным и организованным противником в условиях полной деморализации циньских войск. Остатки циньских армий начали отступление с захваченных территорий, будучи не в состоянии их удержать.

Аулак и Тайау перешли в наступление, начались восстания в Намвьете. Аулак и весь вьетский юг, кроме низовьев рек Цзяншуй и Янко, снова стали независимыми. Положение Анзыонг-вьонга как руководителя единого лаквьетского государства окончательно укрепилось.

Таким образом, наступление Цинь на юге, начатое в 214 г. до н. э., остановилось, а циньские войска удерживали лишь восточную часть Намвьета, т. е. низовья р. Янко. О сохранении там циньских войск говорят и другие источники (так, Э.Шаванн, исходя из данных китайских средневековых источников, также помещает центр имперской администрации в современной провинции Гуандун) [Шаванн Э. 1887: 268, примеч. 1].

Скромные для пятисоттысячной армии задачи, о которых говорилось выше, потребовали от циньского войска много времени: «Три года (т. е. 214–211 гг. до н. э.) не снимали доспехи, не ослабляли тетивы арбалетов» [ХНЦ, цз. 18: 322]. Это свидетельствует об энергичном сопротивлении вьетов.

Военные действия, по сообщению поздних вьетнамских источников, возобновились только в 211 г. до н. э. Война была выиграна лаквьетами, и Чиеу Да (кит. Чжао То), который возглавил войска Циней на юге после смерти командующего, будущий император Намвьета, запросил мира [КМ, ТВ-I: 15а, 15b].

Во время правления Эр Ши-хуана (209–207 гг. до н. э.), когда империя Цинь находилась на грани распада, Чиеу Да объявил себя независимым правителем провинции-цзюня Наньхай. Для защиты своих интересов и противостояния напору с севера он должен был обеспечить себе прочный тыл. С этой целью он заключил мир с Анзыонг-вьонгом, его сын женился на дочери Анзыонг-вьонга и жил в Аулаке. В 208 г., к этому времени уже будучи правителем Намвьета, Чиеу Да начал войну с Аулаком. Анзыонг-вьонг потерпел поражение, в 207 г. был окончательно разбит и покончил жизнь самоубийством [КМ, ТВ-I: 19а]⁹. Аулак стал вассальным государством. У власти осталась семья покойного вьонга, с членами которой Чиеу Да состоял в родстве, и его наследником, возможно, стал сын от брака его сына и дочери Анзыонг-вьонга.

Внутреннее управление в Аулаке оставалось в руках лаквьетов, и даже во внешней политике Аулак продолжал руководствоваться собственными интересами. Самостоятельное развитие этого лаквьетского государства шло еще в течение двух с половиной столетий и прекратилось только после разгрома государства сестер Чынг в 44 г. н. э.

Социальное устройство и политическая история Намвьета–Аулака

Собственно Намвьет (кит. Наньюэ) занимал нижнее и среднее течение р. Сицзян (древняя Янко), т. е. современную провинцию Гуандун и часть Гуанси; Аулак — долинную часть современного северного Вьетнама. В III–II вв. до н. э. Намвьет был одним из наиболее развитых и самостоятельных государств в бассейне Наньхая (Южно-Китайское море). Основную часть Намвьета составляла долинная нижняя и средняя часть течения Янко с удобными для сельского хозяйства землями, защищенная горами, не раз игравшими важную роль в обороне Намвьета. Это район менее безопасный, чем Бакбо, но более, чем области к северу от Улина. Этот экономически и политически замкнутый район не был экономически целостным. Если по Янко вьеты жили относительно компактной массой, то по берегу, по-видимому, в значительном количестве были расселены протоиндонезийцы, остатки которых (диои) живут там до сих пор; выше по Янко жили таи, а в горах, в северо-западной части страны, обитали племена аустроазиатского и тибетского происхождения. Столица Намвьета — г. Фиеннгун (совр. Гуанчжоу) — уже тогда был важным торговым центром, что подготовило его превращение в дальнейшем в один из крупнейших портов Юго-Восточной Азии, морские ворота китайских империй.

Намвьеты меньше страдали от экспансии с севера, от которого их отделяли более северные группы вьетов. Дело в том, что из стран, расположенных по периферии бассейна Хуанхэ, в наиболее выгодном положении были не те, кто находился в непосредственной близости от предков китайцев (так как им приходилось все время отражать нападения), а расположенные несколько дальше. Это связано с тем, что культурное влияние распространяется всегда дальше, чем политическое, и можно пользоваться благами первого, не страдая от второго.

⁹ По версии цитируемого в *Шуй цзин чжу* сочинения *Цзяочжоу вай юй цзи*, он успел уйти морем [Шуй цзин чжу, цз. 37: 478].

Намвьет–Аулак в начале и середине III в. до н. э.

История Намвьета до прихода к власти династии Чиеу известна плохо. Известный с III в. до н. э., Намвьет был по культуре промежуточным между западной и восточной группами батьвьетов, хотя в большей степени был связан с Тайау и Ванлангом. Основными занятиями населения были земледелие, скотоводство и рыболовство с морскими промыслами (последнее развито в значительной степени)¹⁰. Земледелие же было развито слабее, чем в Бакбо. Особенностью Намвьета была получившая широкий размах ловля жемчуга.

У власти в середине III в. до н. э. находилась семья, представитель которой, Зинь Ху Тонг (кит. И Сюй-сун), руководил неудачной войной Тайау и Намвьета с Цинь.

В 214 г. до н. э., объединенные войска Донгвьета, Намвьета и Тайау, руководимые правителем (*выонгом*) Намвьета Зинь Ху Тонгом, были разгромлены циньским полководцем Ту Суем. В бою *выонг* был убит, но это был последний успех циньских армий. Вскоре они потерпели полное поражение от войск Аулака и сохранившейся части войск Тайау, Ту Суй погиб. В руках Цинь к югу от Улина фактически осталась только провинция-*цзюнь* Наньхай, начальником-*взем* которой был Жэнь Сяо, и, возможно, небольшая часть Гуйлиня, о начальнике которого ничего не известно [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2967]. Юго-западной границей империи с этого времени становится р. Янко (совр. Сицзян, букв. «западная граница»). Между Аулаком и Цинь образуется нейтральная территория, заполненная остатками Тайау, очевидно подчинившимся Анзыонг-*выонгу*.

В Наньхае Жэнь Сяо и другие представители китайского чиновничества, среди которых был и будущий правитель Намвьета Чиеу Да, чувствовали себя относительно прочно, даже несмотря на поражение Ту Суя. Этому в значительной степени способствовали количество приведенных войск и их состав (невысокий процент профессиональных воинов); завоеватели быстро вошли в контакт с местным населением.

Рассмотрим подробнее, где проходили границы провинции Наньхай и соседних с ней территорий. Известно, что поход Ту Суя привел к подчинению трех северных вьетских государств: Донгвьета, Манвьета, Намвьета и частично Тайау, т. е. тех территорий, что в 214 г. до н. э., собственно, и были названы провинциями-*цзюнями* Наньхай, Гуйлинь и Сян [ШЦ, т. 1, цз. 6: 253]. Наньхай и Гуйлинь составляли южную часть указанных выше земель (впоследствии Намвьет эпохи Чиеу Да). О них в источниках сообщается в весьма общих выражениях. Так, в инкорпорированном в шестую *цзюань* ШЦ сочинении Цзя И сказано, что «на юге [Цинь Ши-хуан] захватил земли батьвьетов, учредив в них провинции Гуйлинь и Сян. Правители байюэ, склонив головы и обмотав шеи веревками, подчинились воле мелких чиновников [Цинь]» [ШЦ, т. 1, цз. 6: 280]. Если учесть, что у Сыма Цяня под юэ в подавляющем большинстве случаев подразумевается то, что потом стало Намвьетом, и районы к северу от него (о территории Аулака он говорит мало и вскользь), то и эти сообщения, вероятно, уже кое-что говорят о **западной** границе Наньхай, так как именно там были остановлены войска Ту Суя. **Южная и восточная** границы очерчивались береговой линией, а **северная** уточняется лишь по более поздним данным. Так, из ШЦ мы узнаем, что после включения Намвьета в состав ханьской империи на его территории было образовано 17 провинций-*цзюней*, которые тянулись от Фиеннгуна до южных районов царства Шу, т. е. охватывали район Гуандуна, Гуанси, часть Гуйчжоу и Юньнани [ШЦ, т. 4, цз. 30: 1440]. Другим уточнением **северной** границы Намвьета может служить выяснение того, какие земли, захваченные Ту Суем, не вошли в состав Намвьета. Тут важно выделить исходные пункты наступления циньских войск. Под 222 г. до н. э. сообщается, что Ван Цзянь усмирил земли [провинции-*чжоу*] Цзин (бывшее царство Чу), которые находились к югу от Янцзы, покорил правителя Юэ и основал провинцию-*цзюнь* Гуйцзи [ШЦ, т. 1, цз. 6: 234]¹¹. Отсюда следует, что только в 222 г. до н. э. Цинь появились на южном берегу Янцзы. В 214 г. до н. э. войска Ту Суя уже начали наступление с линии оз. Дунтин (северная часть Хунани) — южный Аньхой — южный Чжэцзян. Эта линия, глубоко загибающаяся к юго-западу, охватывая Чанша, — старинный оплот северного культурного влияния на юге, совпадает отнюдь не с северной границей Намвьета, а с границами промежуточных государств с вьетским населением. С севера к ним примыкали буферные государства под циньским влиянием: Чанша, Хуайнань, У и т. д. Указанная вьетская территория, независимая до 214 г., полностью вернула себе независимость после краха Цинь: там восстановились три государства — Донгвьет, Манвьет и Намвьет — и несколько мелких владений. Граница между последними и Намвьетом совпадает в интересующей нас части с его северной границей к моменту его захвата Цинь и основания провинций-*цзюней* Наньхай и Гуйлинь.

После захвата намвьетской территории на ней стали создавать циньскую администрацию, началось освоение вновь завоеванных районов. Те пути экспансии, которые империя Цинь на тысячелетия

¹⁰ О материальной культуре Намвьета см., в частности, [Финн Л. 1932] и другие работы этого автора, а также статьи в археологических журналах КНР за 1955–1960 гг. о раскопках в Гуанчжоу.

¹¹ Весьма вероятно, что речь здесь идет о землях бывшего государства Юэ, соседних с Чу.

определила для Китая, суждено было пройти на юге не ей, а более гибкому и сложному, более развитому ханьскому государству. Империя Цинь была еще не настолько сильна, чтобы выдержать далекие завоевательные походы. В эпоху восстаний, переворотов и междоусобных войн конца III в. до н. э. вьетские районы возвращают себе независимость.

Хотя гибель Цинь приостановила процесс военного продвижения китайцев на юг, их культурное влияние продолжало усиливаться, что было вызвано и внутренними причинами, действовавшими в этот период во вьетском обществе. Прежде всего, все три государства, и особенно Намвьет, находились на стадии формирования государственности (уже пройденной в Аулаке), и формы социального устройства, методы экономического принуждения, культура и многое другое заимствовались ими из единственного источника — циньского, затем ханьского Китая.

Завершение процесса образования государства — в данном случае Намвьета — ускорялось также, во-первых, консолидацией господствующей верхушки в войнах с Цинь (как в Аулаке) и, во-вторых, наличием в стране остатков циньского государственного аппарата [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2967]. Действие этих двух факторов в обществе, воспринимающем готовые государственные формы, сложившиеся на базе сходных социально-экономических условий, создавало благоприятную почву для осуществления честолюбивых планов военачальников на окраинах, повсеместно объявлявших себя независимыми в последние годы и месяцы существования Цинь. А так как власть циньской империи, особенно на окраинах, была непрочной, то в эпоху многочисленных восстаний (бунтов наследственных владетелей-*чжухоу*) конца III в. до н. э. все три захваченных вьетских государства возвратили себе независимость. Итак, первые этапы экспансии (214 и 211 гг. до н. э.) закончились безрезультатно.

В Намвьете провозглашение независимости было подготовлено еще в циньское время начальником-*взем* Наньхай Жэнь Сяо и его будущим преемником управляющим-*лином* уезда Лунчуань Чжао То (Чиеу Да), которым в свое время было поручено продолжать войну для завоевания территории будущей провинции-*цзюня* Сян. Опорным пунктом тогда был сделан округ Наньхай, наиболее развитый и географически замкнутый район, имевший сложившийся центр — г. Фиеннунг. Дальнейшие завоевания еще в составе циньской империи велись Жэнь Сяо, вероятно, с расчетом отделиться при первом же удобном случае. Иными словами, общие тенденции у народов окраинных земель освободиться от гнета Цинь совпали с осознанием местными циньскими военачальниками невозможности установления здесь прочной власти империи. Поэтому последние достаточно легко пошли на контакт с правящей верхушкой Намвьета.

Основную роль в создании независимого вьетского государства Намвьет было суждено сыграть Чиеу Да, впоследствии основателю третьей вьетской династии Чиеу. Он был родом из уезда Чжэньдин, округа Чжэньдинго (на территории совр. пров. Хэбэй). После захвата Ту Суем территорий Донгвьета, Манвьета и восточного (или всего) Намвьета он был назначен в один из центров новых циньских владений управляющим уезда Лунчуань.

Когда Цинь уже явно клонилась к упадку и ее развал становился неизбежным, начальник округа Наньхай Жэнь Сяо предпринял ряд мер, направленных на обособление и создание самостоятельного государства. Для этого, заручившись поддержкой местных китайцев, он намеревался выдвинуть верные ему войска и перекрыть «новую» дорогу, соединявшую Наньхай с Цинь. В разгар приготовлений Жэнь Сяо смертельно заболел и был вынужден искать преемника. Свой выбор он остановил на Чиеу Да. Выбор этот не был случайным. Чиеу Да отличался высокой образованностью и, видимо, еще раньше сумел проявить качества хваткого и распорядительного чиновника, расчетливого стратега. Перед смертью Жэнь Сяо заготовил приказ о назначении на должность начальника провинции Наньхай и торопился провозгласить независимость, опираясь на китайцев в Намвьете (вообще, Жэнь Сяо имел в виду только китайцев, а вся вьетская политика последующего периода — дело рук Чиеу Да). Он советовал готовиться к обороне от наступления с севера через горные проходы. Чиеу Да так и поступил. На пограничные заставы им был разослан четкий и лаконичный приказ: «Срочно перекрыть дороги, собрать войска, обороняться самостоятельно» [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2967].

К тому времени Цинь окончательно ослабела. Воспользовавшись этим, Хуайнань, Чу, Донгвьет и Намвьет провозгласили независимость. Сделал то же самое и Чиеу Да (точная дата неизвестна) в Наньхае и на захваченной более южной территории («вьетский Гуйлинь»). Уже тогда он контролировал приморские районы до современной вьетнамо-китайской границы; в горных районах его влияние также было достаточно значительным. Он объединил ту часть батвьетов, которая не входила в Манвьет и Донгвьет, а также в Аулак (возможность отнесения термина *батвьеты* к Аулаку маловероятна). Это было приблизительно сорок небольших объединений. Все эти районы были населены вьетами, о других народах источники не сообщают. В этих границах Намвьет Чиеу Да существовал около года, до 207 г. до н. э., когда в результате победы над Анзыонг-*выонгом* на юге были присоединены Аулак (провинция-*цзюнь* Сян) [КМ, ТВ-I: 10а] и «две территории Линьи» (т. е. север будущей Чампы). После этого южной границей Намвьета стали северная часть Центрального (Аннамского) хребта и ее отрог — горы Хоаньшон в северном Чунгбо. Возможно, именно эти две частично чамские территории и легли в основу будущего Нятнама (Жинаня), тем более что в погоне за

Анзыонг-*выонгом* войска Чиеу Да зашли далеко на юг [КМ, ТВ-1: 19а]. Северная граница, как и в начале III в. до н. э., шла по горам Улин.

Столицей снова стал Фиеннун, старый вьетский город. Свое положение, как и роль центра китайского влияния, он сохранял на всем протяжении истории Намвьета. Что же касается его китаизации, то ее начало можно относить, на основании археологического материала, только к эпохе Поздней Хань, когда в этом районе распространяются погребения китайцев (до этого их там почти нет) [Терехова Н.Н. 1959; Йенс О. 1951]¹².

По своему этническому составу Намвьет конца III в. до н. э. был вначале двойственным: местное земледельческое население и местная знать, занимавшая руководящее положение в аппарате; в качестве пришлого элемента — циньские солдаты и офицеры. В среде местной знати уже тогда были сторонники Цинь, о чем свидетельствует то, что в армии Ту Суя один из главных постов занимал некий Ши Лу, относительно которого ряд исследователей утверждают, что он был вьетом [Дюмутье Ж. 1893: 223]. В основную массу вьетского населения влился немногочисленный невьетский (ханьцы и народы бассейна р. Цзяншуй) элемент. Северяне были представлены бывшими воинами гигантской армии Цинь, ссыльными, неоднократно посылавшимися в «страну юэ» в 221–213 гг., чиновниками новой администрации.

Чиеу Да с самого начала опирался на обе эти группы; он «не оскорблял китайцев», но в то же время «использовал для своей выгоды воинственные настроения людей юэ» [XIII, т. 1, цз. 1b: 73]. Вместе с тем циньцы — противники независимости Намвьета — были казнены. Но таких, судя по конечному результату, было немного; прожив уже более 15 лет среди преобладающего вьетского населения, китайская прослойка, крайне незначительная численно, постепенно растворилась среди местных жителей. О ханьцах в источниках второй половины II в. до н. э. ничего не говорится. В Намвьете была воспроизведена циньская иерархия чиновничьих должностей с известными модификациями.

Сразу после провозглашения независимости Чиеу Да активно противопоставил себя Цинь, не собираясь подчиняться. Опираясь на свои и вьетские войска, он готов был вступить в вооруженное столкновение. Горные проходы были укреплены, и Чиеу Да призвал находившиеся там войска «обороняться от разбойных войск» (т. е. восставших против Цинь удельных правителей-*чжухоу*; по-видимому, стремясь сохранить свою власть, окраинные военачальники решительно шли на отделение от ненадежной метрополии). Большинство китайских и местных чиновников выполнили приказ Чиеу Да, остальные были казнены, а на их место назначены члены его семьи и сторонники [ТТ/*Тьинь-хоа*, НК-1: 9b].

Оборона была удачной, и в дальнейшем, до второй половины II в. до н. э., политика Намвьета на его границе с Хань была более активной, чем ханьская. Он постоянно подстрекал более северные вьетские государства к нападению на Хань, «причиняя ущерб южной границе» [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2969], причем ответственным Хань считали именно его. Результатом той же политики по отношению к Хань были столкновения Намвьета с непосредственно граничившим с ним государством Чанша, более других связанным с Хань¹³. Но подчинить Чанша или наиболее близкое к Хань вьетское государство Донгвьет Намвьет не мог, так как Хань пользовались влиянием в этих буферных государствах (впоследствии оба они к середине II в. до н. э. вошли в состав империи).

Чиеу Да, стремясь всемерно укрепить свое государство, вел завоевательные походы на юге и усиливал свое влияние в близком к нему и настроенном резко антиханьски государстве Манвьет (на территории совр. пров. Фуцзянь). Одновременно он сблизился с враждебным Чанша вьетским государством Тхыонгнго (кит. Цаньфу) и, возможно, с остатками зивьетов (государство Тиен) на западе.

Основным направлением экспансии Чиеу Да было южное, где еще во время циньских походов начались столкновения с наиболее развитой группой вьетов — лаквьетами и их государством Аулак. Ход военных действий подробно описан в ТТ. Не исключено, что эти детали, важные для вьетов, были ими позаимствованы из китайских источников, в которых при последующих переработках эти детали опущены, как не существенные для китайцев. Этим фактам можно верить, разумеется, с известной осторожностью.

В этой войне (Намвьета с Аулаком) успех вначале клонился на сторону лаквьетов. Но в 208 г. Чиеу Да напал на Аулак и нанес Анзыонг-*выонгу* ряд поражений. И хотя к концу войны наметилось известное равновесие сил, Аулак попал в зависимость от Намвьета, аулакская династия Тхук лишилась полноты власти. Истощенный войной Аулак (он воевал с 221 г.) уступал северо-восточное Бакбо, а в две основные области Аулака — Зяотьи и Кыутян — в 198 г. до н. э. были назначены намвьетские

¹² См. также журналы «Каогу тунсинь» и «Каогу сюэбао» за 1955–1957 гг.

¹³ Об этом свидетельствуют ШЦ и XIII, а также раскопки в Чанша, давшие обильный, в высшей степени китаизированный материал. Материальная культура жителей Чанша, каким бы ни было их происхождение, в это время почти идентична китайской.

наместники-зямы¹⁴. Определенную власть там сохранили породнившиеся с Чиеу Да потомки Анзыонг-выонга —

за старшим из них был сохранен титул *выонга*, который имел и Чиеу Да. Все это было отражено в мирном договоре [Шуй цзин чжу, цз. 37: 478].

Социальное устройство Намвьета–Аулака в конце III — начале II в. до н. э.

Включение Аулака в Намвьет не повлияло на внутренний строй лаквьетского государства, сохранившего определенную самостоятельность. На всем протяжении истории Намвьета его центром было нижнее течение Янко. Бывший Аулак находился на положении вассала [КМ, ТВ-I: 26b; ШЦ, т. 9, цз. 113: 2969]¹⁵, а не части Намвьета, о чем неоднократно говорится в источниках. Во главе Аулака, или Тайау, как он стал иногда называться (так как самостоятельное Тайау исчезло после похода 214 г. и часть его вошла в Аулак), стояли потомки Анзыонг-выонга, причем за старшим из них был сохранен даже титул *выонга*, который имел кроме него только Чиеу Да. Даже после того как Чиеу Да сам стал *выонгом* Аулака, государство продолжало считаться вассальным. За семьей и наследниками Анзыонг-выонга были сохранены их владения (Тайву), а один из них, правда бывший в то же время внуком Чиеу Да, являлся вторым *выонгом* Намвьета после смерти самого Чиеу Да.

Таково было положение в высших правящих кругах Намвьета и Аулака. В лаквьетских округах изменилось немного. Поставив в них намвьетских *зямов* и оставив в некоторых местах гарнизоны, Чиеу Да, по многочисленным свидетельствам вьетнамских летописей, «оставил в провинциях *лактыонгов* управлять народом как прежде», «поставил вьетов управлять вьетами» [КМ, ТВ-I: 19b–20a] и т. д. Таким образом, аппарат управления и социальная структура остались прежними. Китаизация государственной сферы, слабая в самом Намвьете, в Аулаке проявилась лишь в создании незначительного слоя китаизированных чиновников.

Часть налогов, собиравшихся на основе переписи населения, согласно находившимся у *леней* спискам податного населения, поступала в распоряжение центрального правительства. В 111 г. до н. э. эти списки были представлены *ленями* указанных провинций ханьским чиновникам. В остальном лаквьетская правящая верхушка сохранила свое положение, и у власти, по крайней мере на первый период, осталась семья *выонга*. Получение титула *хау* (кит. *хоу*) в это время в Намвьете–Аулаке уже не было связано исключительно с родовыми связями. Члены правящей верхушки могли получить титул *хау* такой-то области (например, Тхуатзыонг-*хау*) и соответствующие привилегии в связи со своим положением при дворе, а не в силу своих исторических связей с этой областью. *Хау* был одним из высших титулов (но не должностей). Он был, по-видимому, выше, чем *лакхау*.

Интересно, что, говоря о вступлении на престол Анзыонг-выонга в середине III в. до н. э., *Цзяочжоу вай юй цзи* сообщает о подчинении им *лакхау* [Шуй цзин чжу, цз. 37: 478]. Говоря о захвате власти Чиеу Да, тот же источник сообщает лишь о смене династии, так как государство было уже создано и качественных изменений в общественной организации не произошло. До ханьского завоевания (111 г. до н. э.) в Аулаке, согласно *Цзяочжоу вай юй цзи*, власть сохранялась в руках *лаквыонга* из династии Анзыонг-выонга — Чиеу Да. Потомки Анзыонг-выонга, сохраняя некоторые prerogatives верховной власти и титул *выонга* (до 179 г. до н. э.), продолжали оставаться крупнейшими землевладельцами в Тайву. Владения основной ветви рода *выонга* — семьи Тайву, расположенные в наиболее плодородной части Бакбо (у слияния Красной и Черной рек), имели около 2 тыс. *ли* земель и свыше 30 тыс. боеспособных мужчин; владения другой ветви — семьи Лак в Мелине — свыше 20 тыс. боеспособных мужчин.

Как и в предшествовавший период полной независимости, административная система была более дробной, чем ханьская; в одном уезде было много *лакхау*, хотя по присвоенному им после 111 г. до н. э. званию они были именно начальниками уезда («медная печать на зеленой ленте»).

После падения государства Аулак в стране лаквьетов наступила некоторая децентрализация применительно к власти *выонга*. Проявлялось это в укреплении авторитета знатных семей и в подчиненном по отношению к ним положении *лактыонгов*, ранее подчинявшихся только *выонгу*.

¹⁴ Вопрос о времени назначения этих двух чиновников очень сложен. В тексте *Цзяочжоу вай юй цзи* («Записи о землях за пределами Цзяочжоу») (этот источник частично сохранился в виде цитат в *Шуй цзин чжу*) говорится о правителе Юэ (подразумевается, видимо, правитель Намвьета Чиеу Да). Это позволяет относить сообщение к тому времени, когда Чиеу Да стал правителем всех юэ, т. е. после окончательного включения Аулака в Намвьет в 170 г. [Шуй цзин чжу, цз. 37: 477]. В таком случае эту первую попытку «освоения» Аулака можно отнести к середине II в. до н. э., а не к концу III в. до н. э., как считал Л.Оруссо, и можно говорить о более длительной независимости Аулака после вхождения в состав Намвьета [Оруссо Л. 1923]. Интересен факт отсутствия специального чиновника для Нятнама, оформившегося как провинция-*цзюнь*, следовательно, несколько позже рубежа III–II вв. до н. э. Посланы были не *лени* (губернаторы), а *зямы*, представители при местных *ленях*, о которых сообщается особо.

¹⁵ В Аулаке в 70-х годах II в. до н. э. был «свой» *выонг*.

Ослабление (но не ликвидация) центральной власти активизировало процессы децентрализации и усиления земельной аристократии. В то время этот процесс еще только начинался, но в начале нашей эры он достиг своего наивысшего развития в правление Чынг Чак, когда власть *выонга* была ослаблена предшествующими реформами Си Гуана и Цзян У. Подобная самостоятельность крупных землевладельцев вела к росту центробежных тенденций, которые с особой силой проявились в 111 г. до н. э.

Лактыонги и *лакхау* были основными правящими группами, с которыми пришлось столкнуться Чиеу Да в Аулаке. Они были крупнейшими землевладельцами, их земли расширялись за счет осушения в низменных местах новых участков¹⁶.

Продолжающееся расслоение общины также приводило ко все большему усилению *лаквыонгов* и *лакхау*: в это время они уже имеют не только личные земельные владения, но и собственные военные отряды и свои укрепленные центры [Нгуен Минь 1955: 49]. Собственные земли (*лакдиен*) обрабатывались, по-видимому, зависимыми крестьянами и составляли экономическую мощь правящей верхушки в противовес коллективным владельцам земли — общинникам и, отчасти, верховному собственнику земли — *лаквыонгу*. Описанный выше тип частного землевладения начал складываться еще в III в. до н. э., проистекая из привилегий верхушки в отношении основного средства производства — земли, и к началу II в. до н. э., по-видимому, оформился окончательно.

Но эта форма землевладения была отсталой, так как основывалась на родо-племенной организации, поскольку именно власть в роде давала *лакхау* право на часть родовой земли. Исторически более перспективной формой являлась верховная собственность государя на всю землю, сохранившаяся во Вьетнаме надолго. Часть прав, связанных с этой собственностью, потом уступалась временно за службу представителям правящих социальных групп. Возникла она во Вьетнаме, как и на всем Востоке, в связи с общинной собственностью на землю, часть которой отчуждается в пользу храма (или вся считается храмовой), а затем через деспота-бога это отчуждение, или признание, верховной собственности осмысливается. Иными словами, общинная собственность сельской общины понимается как собственность деспота на всю землю. Во Вьетнаме эта верховная собственность не прошла этапа ярко выраженной храмовой собственности вследствие отсутствия развитой религии и храмовых хозяйств. Здесь, как и в Китае, она сразу осмысливается как государственная, т. е. собственность монарха-деспота. Все эти процессы оставили свой след в организации вьетнамской общины недалекого прошлого. В этот период уже прослеживается четкое соотношение в социальной структуре: деспот-собственник и правящие слои, с одной стороны, общинники-землевладельцы — с другой. Государственный аппарат Аулака и Намвьета уже присваивал прибавочный продукт по своим и китайским правилам, одинаково базировавшимся на этом праве верховной собственности на землю со стороны правителя. Конкретные формы эксплуатации еще не выяснены, но многочисленные сообщения о применении в Намвьете–Аулаке ханьских норм, законов и правил, а главное, сходство экономического и политического облика позволяют считать эти формы близкими к китайским. Надо добавить, что формы верховной собственности на землю складывались уже под китайским влиянием, привнесенным Тхуками из тесно связанных с Китаем Ба и Шу (совр. пров. Сычуань) и батьвьетами из не менее тесно связанного с Китаем государства Юэ.

Основными производителями в Намвьете, как и в Аулаке, являлись общинники, частично зависимые в силу указанных причин, частично (и эта часть в древности и средневековье преобладала) свободные, платившие налоги (собственно ренту-налог) деспоту. Виды хозяйства такие же, как у лаквьетов: орошаемое земледелие (разведение риса, проса), рыболовство.

Что касается социально-экономического развития собственно Аулака во II в. до н. э., то оно проходило в том же, что и до 207 г. до н. э., направлении с некоторым усилением китайских элементов в культуре. О настоящем слиянии его с Намвьетом в конце III — начале II в. до н. э. говорить рано, тем более что в это время у Намвьета много сил отнимала подготовка к возможному конфликту с Хань на севере.

В собственно Намвьете введенное еще в 214 г. до н. э. китайское административное деление на *куаны* (кит. *цзюни*) и уезды было более четко выражено и, возможно, сыграло в смене остатков родо-племенной организации государственной важную роль, близкую к соответствующим мероприятиям Клисфена в Аттике. В Аулаке делению на *куаны* и уезды предшествовало древнее территориальное деление, совпадавшее в некоторой степени с прежним делением эпохи Ванланга¹⁷. По отношению к нему новая административная система прямо соотносится с известной реформой Клисфена, идя при этом по пути укрупнения.

¹⁶ Дополнительные земли давал быстрый рост Дельты [Гуру П. 1937: 175].

¹⁷ Ж. Дюмутье склонен рассматривать названия областей как названия соответствующих родов; примененный им метод разбивки названий на две группы по смыслу самих названий (горцы и земледельцы долин) дает интересные результаты [Дюмутье Ж. 1893]. Тем не менее в общей оценке прав, скорее, А. Масперо, рассматривавший их уже как названия территориальных округов [Масперо А. 1918в]. Мнение Дюмутье верно для куда более раннего времени, чем он предполагал.

Важно подчеркнуть, что благодаря большей демократичности античного полиса и, что не менее важно, демократичности поздней античной исторической традиции мы видим все эти реформы предшествующими твердым нормам государства эпохи древности, видим, как оно возникает в результате их. На Востоке же, где экономические отношения вызвали к жизни на том же этапе развития более деспотические формы правления, а историческая традиция полностью соответствовала этим формам, те же этапы формирования государства можно проследить уже в рамках общества, гораздо более близкого по форме к собственно древнекитайскому государству, чем греческое общество до реформ Клисфена и Солона. Но на деле различие форм общественной организации могло быть гораздо менее значительным. Тот факт, что одни и те же мероприятия в Европе, судя по источникам, происходят в условиях поздней военной демократии, а в Азии — в раннем деспотическом государстве, объясним не только различиями обстановки и социальной структуры, но и различием в мировоззрении древних историков, от которых мы получаем сведения.

В начале II в. до н. э. Намвьет состоял из семи провинций-*куанов*: Намхай (кит. Наньхай), Куэлам (кит. Юйлинь), Тхьонгнго (кит. Цаньфу), Хопфо (кит. Хэпу), Зяотьи (кит. Цзяочжи), Кыутян (кит. Цзючжэнь), Нятнам (кит. Жинань).

Намхай помещался на месте циньской провинции-*цзюня* Наньхай, занимавшей восточную часть государства Намвьет циньской эпохи. Согласно XIII, в *куане* Намхай проживало 94 тыс. 250 человек, он состоял из шести уездов. Вместе с ним центральную часть Намвьета составлял *куан* Тхьонгнго (Цаньфу), здесь проживало 146 тыс. 160 человек, он состоял из десяти уездов. К северу от них лежал Куэлам (Юйлинь, бывшее северное Тайау, вьетский Гуйлинь) — 71 тыс. 160 жителей, он состоял из двенадцати уездов. Западную часть доциньского Намвьета составляло Хопфо, занимавшее приморские районы Гуандуна и Гуанси, здесь проживало 7 тыс. 890 человек, он состоял из пяти уездов. В двух юго-западных лаквьетских *куанах* — Зяотьи и Кыутян (10 и 7 уездов) — 746 тыс. 230 и 166 тыс. 10 жителей соответственно. Самым южным был лаквьето-чамский Нятнам — 69 тыс. 500 жителей; он состоял из пяти уездов. Все эти округа входят в описанную в XIII область вьетов (без Донгвьета и Манвьета) [XIII, цз. 28b: 1628–1630]¹⁸. Как видим, Намвьет стал крупнейшим государством на Дальнем Востоке после империи Хань.

Куаны Зяотьи и Кыутян, а также прибавившийся к ним третий *куан* Нятнам находились на территории бывшего Аулака. Присоединение Аулака к империи Хань обошлось без введения ханьских войск, следовательно, появление новых округов не может быть объяснено китайским завоеванием и произошло до него. Имеется указание, что Чиеу Да в начале II в. до н. э. «подчинил две территории Линьи» (т. е. чамов). В течение II в. до н. э. к этим двум районам (видимо, усилиями лаквьетов, продолжавших свое движение в южном направлении) были присоединены еще некоторые территории. Они и стали известны Хань под названием Жинань. После ликвидации лаквьетской государственности в 44 г. н. э. Хань не сумела удержать эти районы и вскоре потеряла большую часть Нятнама (кит. Жинань). То же произошло с намвьетскими владениями на острове Хайнань.

История Намвьета в начале II в. до н. э.

Из всех внешнеполитических проблем Намвьета отношения с могущественным северным соседом были наиболее сложными. Они развивались в трех планах: экономическом, военном и политическом. Определялись они основным внешнеполитическим противоречием в этой части Дальнего Востока — стремлением ханьского государства подчинить Намвьет и окружающие вьетские государства и противоположным стремлением этих государств к сохранению своей независимости и обогащению за счет южных районов империи. Слабая еще империя временно приостановила вооруженную экспансию. Именно в этот период впервые в истории отношений китайского государства с южными соседями были сформулированы основные внешнеполитические доктрины, которыми руководствовались китайские политики в древности и в средние века.

Итак, в начале II в. до н. э. ханьская империя была не в состоянии подчинить какое-либо из вьетских государств, в недавних войнах доказавших свою военную мощь. В ее столице Чаньани «все были уверены в его (Чиеу Да) силе» [XIII, т. 1, цз. 1b: 73]. Нападение на другие вьетские государства повлекло бы за собой столкновение с Намвьетом. Это, а также стремление обезопасить южную границу

¹⁸ Число уездов дается на период после 3 г. до н. э., но поскольку известно, что административных реформ Ранняя Хань в Намвьете не проводила, то это число можно принять как достоверное. В еще большей мере это относится к цифрам по численности населения (округлены до десятков). Ранняя Хань переписи в Намвьете не проводила, ей были переданы намвьетскими *ленями* списки населения, составленные в Намвьете (т. е. до 111 г. до н. э.). Цифры из этих списков, видимо, и воспроизводятся в XIII. При всех условиях это цифры на I в. до н. э., не позднее, тем более что (не говоря уж о времени написания XIII) во II в. до н. э. отмечено падение численности облагаемого населения в этих районах. После присоединения к Хань в 111 г. до н. э. численность населения вряд ли серьезно изменилась, и указанные цифры можно приблизительно относить к эпохе Намвьета. Тем более что Бань Гу давал данные именно по Ранней Хань, о которой он и писал.

обусловило миролюбивую политику Хань. Не следует забывать и об определенных экономических интересах Хань на юге (жемчуг, слоновая кость и ценная древесина, а также выгодный рынок сбыта товаров), которые, не будучи обеспечены в ходе войны, побуждали к миру. В свою очередь, вьеты не могли захватить собственно имперские области в бассейне Шуйхэ и Чжуньшуй, хотя, как говорилось выше, пограничные столкновения часто вызывались нападениями вьетов. Таким образом, для начала II в. до н. э. можно смело говорить о военном равновесии в Улине и по течению р. Цзяншуй, что способствовало развитию торговли. Намвьет получал из империи многие товары и был заинтересован в связях с ней; часть государственного аппарата и армии состояла из китайцев, недавно покинувших родину. Это обусловило более тесные связи Намвьета с получавшей из него ряд товаров империей Хань, особенно в области торговли и культуры. Экономические интересы сторон совпадали, и стремление к нормализации отношений было обоюдным. Но в той политической ситуации, которая существовала на Дальнем Востоке в то время, отношения между ханьской империей и соседним государством могли свободно развиваться лишь при условии признания этим последним ханьского сюзеренитета, пусть номинального. Поэтому-то и произошло столкновение двух внешнеполитических доктрин — намвьетской, требовавшей равенства сторон, и ханьской, настаивавшей на признании главенства Хань. В этих условиях провозглашение себя равным ханьскому императору в Чаньани однозначно рассматривалось бы как объявление состояния войны.

Такова была специфика международных отношений на Дальнем Востоке, когда после падения Цинь Чиэу Да, уже будучи фактическим правителем Намвьета, сначала захватил провинции Гуйлинь и Сян, а затем объявил себя У-ваном Наньюэ (вьет. Во-выонгом Намвьета). Китайские источники отмечают, что, несмотря на это, вступив на престол, первый ханьский император Гао-цзу (206–194) не предпринял против него никаких карательных мер, а наоборот, в 196 г. до н. э. отправил одного из своих лучших дипломатов, Лу Цзя, с тем чтобы объявить Чиэу Да ваном Наньюэ и наладить обмен посольствами. Целью этой политической акции ханьцев, еще не готовых к ведению решительных боевых действий на юге, было во что бы то ни стало «умиротворить» все вьетские государства и тем самым обезопасить свои южные границы и выиграть время [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2967].

В результате переговоров Намвьет согласился признать старшинство Хань, Хань восстанавливала нормальные отношения с Намвьетом и признавала Чиэу Да *выонгом* Намвьета. Важно отметить, что в договоре 196 г. Чиэу Да выступает от имени всех батвьетов [КМ, ТВ-I: 21b]. Это говорит о том, что уже тогда он имел над ними определенную власть; во всем объеме это проявилось в войнах середины II в.

до н. э., когда он руководил войсками Аулака и остальных вьетских государств (кроме уже исчезнувшего Донгвьета).

После заключения договора немедленно возобновились дипломатические отношения и торговля между империей и Намвьетом. В Чаньань были направлены вьетские послы [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2967–2968]. Есть данные о том, что некоторые намвьетские полководцы участвовали на стороне империи в войнах империи с сюнну [КМ, ТВ-I: 12b]. Нормализация отношений усилила позиции Намвьета, что непосредственно угрожало государству Чанша — форпосту империи на юге, черпавшему выгоды из ее трений с вьетскими государствами. Правитель Чанша, Чжан Вань, повел в Чаньани политику натравливания Ханей на Намвьет, рассчитывая увеличить свою территорию в случае неудачного для вьетов исхода войны. Поэтому пришедшая в 187 г. к власти императрица Люй-хоу (187–179), называемая в текстах ШЦ и ХШ Гао-хоу, под влиянием своего союзника нарушила одно из основных условий договора 196 г. — запретила ввоз в Намвьет определенных видов товаров, в первую очередь скота (особенно самок) и сельскохозяйственных орудий из железа [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2969; ХШ, т. 11, цз. 95: 3848]¹⁹. Направленные в Чаньань за разъяснениями послы — высшие чиновники Намвьета — Фиен, Као и Бинь не вернулись [КМ, ТВ-I: 26a].

Не желая идти на открытое столкновение с империей и справедливо не доверяя Чжан Ваню, Чиэу Да, присвоив себе императорский титул У-ди Наньюэ (вьет. Во-дэ Намвьета), нападает на Чанша, наносит ему поражение и отторгает несколько пограничных населенных пунктов. Это повлекло за собой открытый разрыв с Хань и начало военных действий со стороны последних. Отправленные на помощь Чанша ханьские войска под командованием Чжоу Цзао понесли в походе огромные потери вследствие жары, высокой влажности и связанных с этим эпидемий. Им не удалось пройти через горные проходы Улина, отделявшие Намвьет от Чанша. В длившейся более года войне намвьетская армия, усиленная, видимо, аулакскими контингентами и вспомогательными войсками из Манвьета (последний получил большую компенсацию), с переменным успехом вела бои на горной границе.

В 179 г. преемник Люй-хоу, император Вэнь-ди (179–156), отозвал остатки армии и прекратил войну. После этого Намвьет, зависимое от него государство (Аулак) и союзный ему Манвьет по всей линии вышли непосредственно к ханьской границе (причем была вновь занята часть территории Чанша) и угрожали нападением на южные районы по р. Цзяншуй.

¹⁹ Это подтверждается данными археологии, так как свои бронзовые плуги в Намвьете были давно.

Середина II в. до н. э. — период наивысшего подъема внешнеполитического могущества Намвьета. Опираясь на военное могущество, Чиеу Да установил во всех деталях императорский ритуал, организовал двор и аппарат по образцу ханьского и во внешней политике вновь повел себя с Хань как равный.

Неудача похода 180 (или 181) г. показала Хань невозможность решать споры с Намвьетом силой, к тому же основные усилия Вэнь-ди были направлены на стабилизацию положения внутри страны. Поэтому вовне он проводил политику поддержания «добрых отношений» с соседями. В отношении Чиеу Да были отменены направленные лично против него меры Люй-хоу; были восстановлены могилы его предков, реабилитированы и повышены в должностях его родственники. Затем по инициативе Вэнь-ди были начаты переговоры о нормализации отношений. С этой целью на императорском совете послом в Намвьет был назначен имевший опыт в переговорах с Наньюэ Лу Цзя, повышенный по случаю этой ответственной миссии в должности до *тайчжун дафу*. Он получил инструкции добиться удовлетворения только двух условий: отказ Чиеу Да от императорского титула и возобновление обмена «посольскими донесениями». Не было речи ни о компенсации в пользу Хань или Чанша за их потери в агрессивной (со стороны Намвьета) войне, ни о каких бы то ни было извинениях с его стороны. По достижении соглашения предполагалось немедленно восстановить нормальные дипломатические и торговые отношения, что представляло основную ценность для Намвьета [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2970].

Поскольку претензии Хань были минимальны (даже о возвращении земель говорится только в сравнительно поздних источниках), договор был подписан. Основной вопрос — об императорском титуле — в ходе переговоров и в дальнейших сношениях получил компромиссное решение. В объяснении причин принятия императорского титула Чиеу Да выдвинул две основные: недружелюбное отношение Хань (перекрытие доступа необходимых товаров, репрессии по отношению к родственникам Чиеу Да) и необходимость выделиться среди подчиненных ему вьетских государей, присвоивших себе титулы *ванов*. Поскольку восстановление поруганных могил и прибытие ханьского посольства снимали первую причину, то в отношениях с империей он отказывался от этого титула; посол Чиеу Да при дворе называл его *ваном* как одного из удельных правителей. Вэнь-ди «очень обрадовался» даже этому урезанному соглашению; Лу Цзя по возвращении был облакан в Чаньани. Но у себя в Намвьете Чиеу Да продолжал пользоваться прежним титулом [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2970].

С этого времени намвьетские послы вновь регулярно появляются на императорских приемах, а намвьетские торговцы — на ханьских рынках. Из империи в большом количестве поступают помимо товаров, из-за которых началась война 180–179 гг., в виде «подарков» шелковые ткани и изделия из них — обычная номенклатура ханьского экспорта; из Намвьета в виде «дани» — также обычно экспортируемые им товары: перья зимородка (комплектами, как и в средние века [Аньнань чжиюань: гл. X]), рог носорога, панцири черепах, жемчуг и т. д.

В ходе войны и после нее положение Чиеу Да укрепляется, особенно после того, как были восстановлены торговые и дипломатические отношения с Хань. Опираясь на это, он ликвидирует власть династии Тхук в Аулаке и сам становится *выонгом*, осуществляя тем самым личную унию Намвьета и Аулака; окончательно подчиняет ранее уже ставшее вассалом Тайау на западе и временно — Манвьет на северо-востоке; объединяет всех вьетов, кроме донгвьетов.

Эта деятельность имела в основном военно-политический характер; изменения в экономической структуре шли гораздо медленнее. В аппарате деспотии продолжал играть определенную роль Совет старейшин, формировавшийся из представителей намвьетской, тайауской и лаквьетской аристократии. Он существовал параллельно с организованным по ханьскому образцу двором и аппаратом древневосточной деспотии, составленным из вьетской аристократии и китайцев-сподвижников Чиеу Да. При дворе имелись должности начальника левого и правого крыла и центра, секретариат с различными должностями, *тыонги* (военные чиновники), *тхышы* (наместники-контролеры) и проч. В управлении на местах во многом сохранялись порядки, восходящие к предшествовавшему периоду и основанные на общинной организации как низшем звене. В различных частях Намвьета это сказывалось в различной степени. В Аулаке, где местная государственность имела уже значительные традиции, Чиеу Да изменил административную систему только в высших звеньях. В собственно Намвьете, где было некоторое количество северян, ханьские нормы и обычаи привились быстрее и глубже. В дальнейшем китайские элементы в Намвьете окончательно возобладали (особенно в танское время), и, хотя в начале X в. н. э. и бывший Аулак, и бывший Намвьет вновь стали независимы, последний уже окончательно вошел в орбиту китайской истории и культуры и вскоре вновь оказался в составе сунского государства. Для бывшего же Аулака X век стал началом нового периода независимого существования как крупного феодального государства со своими традициями и культурой. Но во II в. до н. э. Намвьет во всех отношениях все еще являлся чисто вьетским государством, а Чиеу Да — правителем, основной опорой которого были вьеты.

Стотысячная армия Намвьета в основном состояла из вьетов, во всех областях государственного управления были вьеты [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2972]²⁰. Сам Чиеу Да породнился с династией Тхук. К Хань правители Намвьета, особенно Чиеу Да, всегда относились крайне настороженно.

Намвьет середины II в. до н. э. был экономически жизнеспособным государством, расположенным в хозяйственно и географически едином районе (бассейн рек Сицзяна и Красной) с этнически, по языку и культурно близким населением и централизованным государственным аппаратом, созданным с учетом местных традиций и из местных, в основном, кадров. Несмотря на известную «двухцентровость» (область Фиеннгуна и Аулак), политическая организация Намвьета давала возможность развития производительных сил в обеих частях его территории в рамках, в основном определявшихся его предшествующим развитием. Ханьские нормы государственной жизни не были введены там даже Хань после 111 г. до н. э., а попытки ассимиляции местного населения и изменения его обычаев начались только в первые годы новой эры.

Развитие шири основной отрасли хозяйства — разведения злаков (в первую очередь риса) быстрее проходило в северных частях Намвьета, в то время как в более развитых южных шло дальнейшее совершенствование техники земледелия, а также распространение его в предгорные и горные районы. Дальнейшее развитие получает плужное земледелие, но говорить о его полном преобладании над мотыжным на современном уровне изученности этого вопроса не представляется возможным.

В сельском хозяйстве все шире применяли тягловых животных, есть указания на то, что быков и коров покупали в Китае²¹. Расширяется сеть искусственного орошения, особенно в дельте Красной реки. Возрастала добыча жемчуга в прибрежных районах, что повышало экспортные возможности Намвьета, основного поставщика жемчуга на берегах Желтого и Южно-Китайского морей. Развивались ремесла, причем многие достижения предшествовавшего периода распространялись на обширной территории нового государства из старых центров близ Колоа и Фиеннгуна. Началось освоение, под ханьским влиянием, железных орудий — крупнейший шаг в развитии техники вьетских народов. Но, как и на севере, железные предметы еще редки и представляют собой почти исключительно оружие и лишь частью — сельскохозяйственные орудия [Голубев В. 1930]. Налаживается производство стекла. В целом эпоха Намвьета, в отличие от предшествующего периода истории вьетов, — это эпоха распространения вьетской, в основном из Аулака (например, сакральные барабаны), и ханьской, с севера, культуры шири в пределах Намвьета.

Расширяется и становится систематической торговля, особенно внешняя. Вывозились драгоценные камни, рог носорога, панцири черепах и другие предметы роскоши²². Ввоз шел в основном в Срединное государство, но существовала торговля и с Чанша, откуда лаквьеты получали железо. Основной импорт шел из империи — шелковые ткани, золотые и железные изделия, тягловый скот (быки) и лошади, шелковые одежды и т. п. [КМ, ТВ-I: 26а, 27а]. Как видно из этого списка, торговля носила еще довольно поверхностный характер, хотя уже тогда обмен касался таких важных изделий, как железные сельскохозяйственные орудия и тягловый скот.

Средством обмена служили слитки драгоценного металла — серебра определенного веса (для крупных операций), китайские монеты и, возможно, стандартные каменные кольца с прорезью, обнаруженные по всей территории Намвьета [КМ, ТВ-I: 22; Голубев В. 1930: табл. VI, XIII; Каогу сюэ бао. 1958, № 1: 12]; основная система исчислений — десятичная. Вдоль границ Намвьета тянулись таможенные посты, контролировавшие торговлю с Тхыонгнго, Чанша и империей Хань.

Относительно большое количество городов вьетов (в отличие от ханьских) находилось в низовьях и устьях крупных рек и на морском побережье (Фиеннгуна, Хопфо, Колоа, Тыфо). Подобное расположение во многом отвечало целям торговли и отражало преимущественно морской характер вьетских связей. С развитием торговли связано увеличение числа городов; помимо основных центров — Лоатхань и Фиеннгуна — появляются Тыфо, Уатлам и т. д.

Военная организация Намвьета воспроизводила китайскую, основной ударной силой была тяжеловооруженная пехота из вьетов-общинников и частично из потомков циньских солдат-колонистов армии Чиеу Да. Вместе с ними сражались вспомогательные отряды легкой пехоты, выставаемые зависимыми государствами. Ханьцы (причем с явной тенденцией к уменьшению) определяли численность войск в несколько сотен тысяч [ШЦ, т. 8, цз. 97: 2697–2698]²³, что подтверждается данными о населении и размерах Намвьета. Дислокация армии такова: часть ее стояла гарнизонами на границе, часть находилась при *вьонге* в столице. Были построены крепости в горах, в важных торговых и стратегических пунктах, и перегорожены стенами некоторые горные долины — в наиболее важных в военном отношении местах. Вьеты, живущие по берегам морей и рек,

²⁰ В ШЦ есть указание на то, что Чиеу Да использовал воинственный нрав вьетов.

²¹ Лошадей также запрягали в колесницы. Что касается скота, то его вьетские крестьяне до сих пор частично ввозят из горных районов; видимо, и Намвьет ввозил скот из горных районов бассейна Янцзы.

²² «Там около моря расположены края, где имеется изобилие носорогов, слонов, черепах, жемчуга, серебра, меди, фруктов, тканей. Купцы из Срединного государства занимаются там торговлей и приобретают большие богатства. Центром этой торговли является Фанью» [XIII, т. 6, цз. 28b: 1628–1630].

²³ См. также беседу Чиеу Да с Лу Цзя [ШЦ, т. 9, цз. 113: 1066].

прирожденные рыболовы и мореходы, в изобразительном искусстве которых идущая в бой военная галера — одна из основных тем, имели сильный военный флот, неоднократно угрожавший Цинь и Хань. Эта особенность вытекает из всего приморского характера вьетской (Донгшонской) цивилизации, полосой протянувшейся вдоль Южно-Китайского моря от устья р. Цзяншуй до устья Ма и проникшей в Индонезию. Важно, что впоследствии, вплоть до XVII в., Фуцзянь и побережье северо-восточного Гуандуна были центрами китайского мореходства и кораблестроения [Чжан Сюань 1960]. А ведь это — старинные вьетские районы.

Культурная жизнь Намвьета во многом характеризовалась синтезом вьетских и ханьских элементов. В высших кругах Намвьета во II в. до н. э. широкое распространение получили китайский язык и письменность. Была произведена (с фискальными целями) перепись населения. Образованные, в ханьском понимании, люди ценились при дворе. В восточном Намвьете среди широких слоев населения продолжали существовать и развиваться культы различных духов (рек, гор и т. п.), сложившиеся еще в древнем государстве Юэ и в значительной степени общие с лаквьетскими.

Важно отметить, что, по свидетельствам ханьцев, в Намвьете–Аулаке важнейшим стало поклонение духам предков в формах, чуждых тогдашнему населению империи Хань. Эта традиция в средние века составляла основу общинных верований вьетнамцев — верований глубоко специфичных, связанных с общинным храмом-*динем* [Дюмутье Ж. 1893: 231–232]. Место отправления культа в Намвьете–Аулаке — плоское возвышение *бантхо*, сохранилось оно в некоторых *динях* и до сих пор. Эти возвышения (иногда называемые жертвенными столами) существуют у ряда народов Юго-Восточной Азии, не подвергшихся влиянию других, более развитых религий. Интересно, что ханьцы не сообщают о наличии во вьетской религии алтарей. Особенность чисто земледельческой культуры вьетов сказалась и в религиозном ритуале. Вьеты — один из немногих народов, клавших плуги и другой сельскохозяйственный инвентарь в погребения. Особенностью намвьетской культуры являлось употребление односложных имен. Исключение составляли *выонги*, немногие высшие чиновники.

В искусстве, насколько можно судить по крайне незначительному для этого времени материалу, продолжали развиваться традиции Аулака, но уже усиливается китайское влияние, особенно в северной части Намвьета. На смену реалистическим изображениям аулакской эпохи приходят плоскостные стилизованные формы; образы, присущие вьетам, сосуществуют с ханьскими. Процесс этот еще не достиг той степени подавления местного искусства пришлым, которую мы наблюдаем у самой западной части вьетов в Юньнани [Каогу сюэ бао. 1956, № 1: табл.], но уже прошел известный путь, изображения на барабанах все более сближаются с северными образцами [Пармантье А. 1918]²⁴. Возможно, именно к этому времени восходят наиболее ранние из наскальных изображений²⁵, находимые ныне на территории народности чжуан (пров. Гуанси), тайской народности, в ряде черт близкой к вьетнамцам и представляющей, возможно, остатки тайау. Круг образов наскальной живописи близок к изображениям на бронзовых барабанах, но беднее; выполнены они в той же реалистической, но контурной манере²⁶. Их специфика — наличие изображений (впрочем, весьма условных) всадников, в то время как животные наделены всеми признаками представителей семейства кошачьих. Признание фигур всадниками вполне правомерно, так как на западе всадники имелись в большом количестве, проникнув с севера через Ба и Шу в Тиен, Елан (Гуйчжоу), Тайау уже в циньский период, о чем свидетельствуют раскопки в Шичжайшани (Юньнань). Сбруя и вооружение носят несомненные следы северного степного влияния [Каогу сюэбао. 1956, № 1: табл.].

Таков был уровень хозяйственного, политического и культурного развития Намвьета в середине II в. до н. э.

История Намвьета в середине и второй половине II в. до н. э.

Во второй половине II в. до н. э. в отношениях Намвьета–Аулака с империей происходят серьезные изменения. Во многом это было связано с внешнеполитической активностью ханьского императора У-ди (140–86), пришедшей на смену пассивной внешней политике Вэнь-ди и Цзин-ди (156–140) на Юге. После более чем полувекового перерыва экспансия возобновилась, но формы ее претерпели существенные изменения. Империя Цинь с ее жестокой внутренней политикой, огромными налогами, массовыми репрессиями пыталась подчинить Юг такими же мерами: массовыми походами с целью захвата сразу всех вьетских государств (вспомним проект образования трех провинций-*цзюней* Наньхай, Гуйлинь и Сян), — и в этом, как и во внутренней политике, потерпела неудачу. Походы Цинь

²⁴ См. также китайские археологические журналы второй половины 50-х годов («Каогу сюэбао», «Каогу тунсинь»).

²⁵ В пользу раннеханьского времени говорит частое изображение в этих росписях ножей и мечей с кольцом на рукояти. Эти ножи и мечи широко распространены только при Хань и в другое время не встречаются.

²⁶ Скальные росписи в Хуашани, статью о них см. [Китай. 1957, № 9: 23].

знакомили китайцев с Югом, указали им основные пути проникновения; были выявлены основные противники и наиболее важные объекты эксплуатации. Но основной своей задачи — завоевания вьетов — они не решили, так как империя была не в состоянии победить сразу все вьетские государства. При У-ди Хань окончательно определила двух главных своих противников — вьетов и сюнну. Борьба с ними составляет сущность внешней политики У-ди. Вьеты представляли не менее важную проблему для империи, чем многократно исследовавшиеся в этой связи сюнну²⁷.

Методы Хань были гораздо сложнее, а политика — осмотрительнее. Одновременно с натравливанием одних государств на другие У-ди искал и создавал опору внутри части этих государств, всячески укрепляя свое влияние. В середине II в. до н. э., ко времени возобновления экспансии, южные рубежи Хань пролегли по течению р. Янцзы, а северная граница Намвьета шла по Улину. Между ними располагалась полоса буферных государств: Улин, Чанша, остатки Восточного Чу, Манвьет и Донгвьет. Улин и Манвьет были союзниками Намвьета, Чанша и остатки Чу связали себя с империей, а Донгвьет занимал промежуточное положение. К моменту войны Намвьета с Хань он обезлюдел после переселения части донгвьетов в междуречье Янцзы и Хуайхэ. Часть Донгвьета управлялась зависимыми от империи мелкими донгвьетскими правителями, часть была присоединена к Манвьету.

Кроме того, необходимо учитывать на тот момент наличие относительно далеких, но недружелюбных Хань и только недавно ею покоренных Ба и Шу и ненадежного ханьского союзника на территории современной Гуйчжоу — прототайского государства Елан. Хань повела политику постепенного ослабления союзников Намвьета, рассчитывая на то, что Намвьет не решится на конфликт, не будучи вынужден крайней необходимостью. Вмешательство Хань на вьетском Юге облегчалось тем, что в период борьбы против Чу Манвьет и Донгвьет часто поддерживали Хань. У-ди оказал поддержку Донгвьету в его борьбе с Манвьетом и постепенно подчинил Донгвьет, несколько изменив тем самым соотношение сил за Янцзы в свою пользу. Внешне он поддерживал с Намвьетом дружеские отношения.

В 137 г. до н. э. глубоким стариком умирает Чиеу Да, похороненный затем близ Фиеннгуна. Ему наследовал его внук Ху, известный под титулом Ван-вьонга (137–124), возможно сын Ми Тяу (дочери Анзыонг-вьонга) [Дюмутье Ж. 1906: 427]. В условиях активизации империи Ван-вьонг вынужден был маневрировать, отступив в этом отношении от твердой политики Чиеу Да. И Хань, и Намвьет стремились использовать мелкие столкновения для усиления своих позиций в будущем конфликте. С этой целью Ван-вьонг предложил У-ди применить его prerogatives императора, до того никем не вспоминавшиеся, в целях разрешения конфликта с Манвьетом, который грозил завершиться в пользу последнего. Это произошло в 135 г. до н. э., почти сразу после кончины Чиеу Да. После жалобы Ван-вьонга на Аня (кит. Ин) — вьонга Манвьета — У-ди послал в Манвьет армию под командованием Ван Хуя и Хань Ань-го. С приближением армии к границам Манвьета верхушка государства, видя, что придется воевать в одиночку, отвела войска от Намвьета против воли Аня, желавшего войны с Хань. Инициатор нападения, Ань был низложен и убит своим младшим братом Зы Тхиеном (кит. Юй Шань), занявшим его место.

После переворота императорские войска приостановили наступление. Одна из целей Ван-вьонга, стремившегося к ослаблению опасного соседа — Манвьета, была достигнута, но в порядке компенсации У-ди добился отправки наследника намвьетского престола в Чанъань. Сам Ван-вьонг наотрез отказался от предложения ханьского посла Чжуан Чжу посетить Чанъань и лишь уклончиво обещал сделать это впоследствии. Важную роль сыграло резко отрицательное отношение к этой поездке в среде вьетских аристократов. При дворе в это время господствовали сторонники антиханьской политики, напуганные приближением ханьских армий к границам Намвьета. Они не доверяли проводимой вьонгом политике лавирования и добились отказа от поездки под предлогом болезни правителя, хотя истинной причиной было опасение его захвата в Чанъани. Отказ от поездки определил дальнейшую внешнеполитическую линию его правления — линию осторожного противодействия империи [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2971].

Его сын и преемник, воспитанный в Чанъани Минь-вьонг (личное имя Ань Тэ, 124–113 гг. до н. э.), был в более тесных отношениях с империей, чем его отец. В Чанъани он женился на китайке из знатной семьи Цзю из Ханьдана. Взойдя на престол, он получил для нее специальное разрешение от У-ди стать официальной женой вьонга, а для их сына Хынга — право наследования престола. Жена Минь-вьонга стала опорой складывавшейся в Намвьете проханьской группировки. Подобно своим отцу и деду, он опасался ехать к ханьскому двору, но был не против введения в Намвьете ханьских законов и даже приравнивания своего статуса к статусу удельных правителей (*чжухоу*) империи. Как и он сам, его сын был отправлен на службу в окружение императора [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2971].

²⁷ См., например, список работ в книге [Гумилев Л.Н. 1960]. В ШЦ сюнну все время упоминаются рядом с вьетами, как два основных врага империи [ШЦ, т. 1, цз. 6: 253]. В списке подвигов Цинь Ши-хуана впереди стоит победа над Юэ [ШЦ, т. 1, цз. 6: 280]. А ссылка в Юэ приравнивалась к принудительным работам на постройке Великой стены [ШЦ, т. 1, цз. 6: 253].

Во внутренней политике он продолжал курс на укрепление позиций землевладельческой знати и орудия их власти — государства. Укрепление позиций правящей верхушки проходило по образцу ханьского государства (с использованием ханьской титулатуры и т. п.). При Минь-*вюнга* продолжал совершенствоваться государственный аппарат, поскольку этого требовало дальнейшее развитие экономики и социальных отношений. Делались попытки шире, чем в первой половине II в. до н. э., применять в намвьетском обществе законодательные нормы ханьского общества. Введение этих норм соответствовало потребностям следующего этапа развития намвьетского государства. Не случайно внутренняя политика Минь-*вюнга* осуществлялась в обстановке жестоких репрессий. Специфически намвьетскими были такие наказания, как клеймение, отрезание носа и т. д., служащие не только единовременным актом наказания, но и определявшие дальнейшую судьбу наказанного, противопоставляя его обществу (аналогичные жестокие законы, например, в древней Греции (законы Драконта), вводятся в период окончательного оформления института государства).

В 113 г. Минь-*вюнг* умирает, и престол переходит к молодому Ай-*вюнгу* (личное имя Хынг, 113–111 гг. до н. э.). Он был вторым, а не старшим сыном, но родился от матери-китайки [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2971–2972]. При нем вся фактическая власть находилась в руках его матери, практически регентши, использовавшей это положение для активного сотрудничества с У-ди. Но преобладавшие в высших кругах Намвьета сторонники сохранения независимости начали решительно сопротивляться ее политике, что обострило положение внутри правящей верхушки и вызвало ожесточенную внутреннюю борьбу.

В то время, как армии империи завоевывали одну вьетскую область за другой у северных границ Намвьета и собирали войска на его границах от Чанша до провинции Гуйцзи, дворцовая камарилья во главе с матерью *вюнга* пошла на форсированное сближение с Хань. Они отправляют посла с письмом к императору, прося о «внутреннем подчинении», т. е. включении Намвьета в состав империи, выражая пожелание быть приравненными к внутренним удельным правителям (*чжухоу*) и раз в три года прибывать ко двору императора, а также подтверждая готовность ликвидировать все пограничные заставы.

Император У-ди удовлетворил все эти просьбы. В Намвьет тут же отправили расширенную миссию во главе с Аньго Шао-цзи из Балина — бывшим любовником матери *вюнга*. Его сопровождали высокие чины: *дафу* Чжун Цзюнь и Вэй Чэн. Перед ними была поставлена цель «пояснить» молодому *вюнгу* намерения Хань и «содействовать в управлении», разумеется по ханьскому образцу.

Направленная в Намвьет группа администраторов была призвана осуществить присоединение вьетского государства и введение имперского управления. При этом предполагалось, не сменяя состава чиновников, все мероприятия проводить с опорой на местный господствующий класс. Намечалось ликвидировать таможенную границу, превратить символическую дань в регулярные налоги в пользу империи, приравнять намвьетского *вюнга* к *чжухоу* внутри империи [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2972]. Назначение на важнейшие государственные должности переходило в руки императора, хотя лица должны были назначаться из числа местной аристократии. Это уже было сделано; в указе о согласии на включение в состав империи было назначение (вернее, утверждение в должности уже занимавших ее вельмож) основных должностных лиц Намвьета. Все остальные чиновники назначались *вюнгом* по его усмотрению, но в процессе своей деятельности, согласно существующему порядку, они попадали под контроль высших намвьетских чиновников. Титулатура и должностная система, хотя уже и были близки к ханьским после реформ Минь-*вюнга*, должны были стать теперь чисто ханьскими, намвьетские законы (сочетание вьетского права с ханьским и циньским) отменялись и заменялись ханьскими; отменялись и наиболее жестокие виды наказаний. Вслед за первой группой в Намвьет начали прибывать новые чиновники из империи для пополнения местных кадров и осуществления китаизации вьетов.

Одновременно готовилась торжественная поездка Ай-*вюнга* и его матери в Чанъань (впервые в истории Намвьета, в полном противоречии с традициями Чиеу Да) и собирались драгоценности для подарков. Комментируя этот факт, фиеннгунцы не без основания утверждали, что мать *вюнга* не собирается возвращаться в Намвьет. Подобные мероприятия при наличии сильной оппозиции в любой момент могли привести к вооруженному столкновению. У-ди, знавший, что «народ не поддерживает мать *вюнга*», а сама она «бится восстания и хочет опереться на помощь Хань», с самого начала отдал распоряжение сосредоточить войска в провинциях, расположенных в непосредственной близости от Намвьета. Центром сосредоточения был Гуйян, командиром-*взем* — Лу Бо-дэ. Между ним и ханьскими представителями в Фиеннгуне поддерживалась непрерывная связь [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2972].

Тем временем события принимали угрожающий оборот: возглавляемые *вюнгом* (кит. *сян*, здесь — «первый министр», «канцлер») Намвьета Лы Зя, сторонники сохранения независимости готовились к перевороту. Их вождь Лы Зя был крупнейшим политическим деятелем Намвьета, начавшим свою карьеру еще при Чиеу Да. Являясь министром всех последующих *вюнгов*, он непреклонно проводил в жизнь политику укрепления независимости страны. За долгие годы пребывания в числе высших намвьетских сановников Лы Зя приобрел исключительное влияние, более 70 его родственников стали

высшими чиновниками государства, все его сыновья были женаты на дочерях *выонга*, все его дочери были замужем за братьями или сыновьями *выонга*. Лы Зя породнился с Чиеу Куангом, *выонгом* вьетского государства Тхыонгго. В Намвьете Лы Зя пользовался популярностью, «большей, чем *выонг*», «вьеты верили ему». Повсюду, при дворе и в провинциях-*куангах*, у него было много сторонников и агентов. Первоначально ханьские послы, уделяя Лы Зя «особое внимание», стремились привлечь его на свою сторону; все его звания были подтверждены У-ди, приславшим соответствующие регалии (серебряную печать). Но он продолжал активно выступать против политики Ай-*выонга* и его матери, от встреч с послами отказывался под предлогом болезни.

Разрыв наступил после решения семьи *выонга* ехать в Чанъань, против чего он резко выступал. Начиная с этого момента Лы Зя готовит переворот и свержение Ай-*выонга* с целью заменить его старшим братом, чистокровным намвьетом Киен Дыком, сыном Минь-*выонга* от жены из намвьетов. Со своей стороны, не имея ни армии, ни многочисленных сторонников, придворные из окружения матери *выонга* составили совместно с ханьскими представителями заговор с целью отстранения Лы Зя и его сторонников от власти. Для проведения этой акции имелась уже известная правовая основа, так как Намвьет официально (но отнюдь не фактически) входил в состав империи; оппозиция Лы Зя могла теперь рассматриваться как государственная измена. Обе стороны готовились к вооруженной борьбе [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2972].

Первыми выступили сторонники Хань, начавшие с организации покушения на Лы Зя (для широкой борьбы у них не было базы). Местом был выбран дворец *выонга* во время приема ханьских представителей, т. е. такая ситуация, при которой дворцовая камарилья была сильнее всего. Присутствие представителей императора санкционировало бы казнь высшего чиновника государства. Лы Зя принял предложение и, просчитав все возможные варианты развития событий, хорошо подготовился: один из намвьетских военачальников, младший брат Лы Зя, привел верные ему войска и расположил их вокруг дворца, чтобы в случае необходимости вмешаться. На приеме мать *выонга* обратилась к Лы Зя с вопросом, почему, несмотря на пользу для Намвьета его подчинения Хань, он считает это нецелесообразным. Она по существу попыталась спровоцировать ханьских представителей, вызвать их гнев. Но они колебались и, «надеясь один на другого, не смели начать». Лы Зя, осознав опасность своего положения, немедленно поднялся и направился к выходу. Мать *выонга* решила лично заколоть Лы Зя, но Ай-*выонг* удержал ее и дал канцлеру возможность уйти. Выйдя из дворца, он распустил до поры войско младшего брата и, не желая встречаться ни с *выонгом*, ни с послами, вновь сказался больным [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2973].

Вооруженное столкновение стало неизбежным, большинство сановников в столице были настроены патриотически, но сложный вопрос о судьбе *выонга*, спасшего жизнь Лы Зя и бывшего законным монархом, вынуждал медлить с наступлением в течение нескольких месяцев. Тем временем мать *выонга* окончательно разоблачила себя, «народ страны не поддерживал ее» [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2973]. У-ди, узнав о напряженной ситуации в Фиеннгуэ, решил внезапно нанести удар имеющимися силами и изменить положение в пользу проханьской партии, расправившись с ее противниками, как с бунтовщиками. Он приказал Чжуан Цаню с двухтысячным отрядом пробиться в Фиеннгуэ и оказать вооруженную поддержку ханьским представителям. Чжуан Цань отказался, заявив, что с двумя тысячами Намвьет не завоевать, а для дипломатической поддержки и дружеской поездки такого количества воинов не требуется. Осуществить рискованный поход вызвался Хань Цянь-цю, считавший, что Намвьет — ничтожное государство, а все зло сосредоточено в одном лишь Лы Зя. При отправке он получил приказ казнить Лы Зя. Хань Цянь-цю с отрядом в 2 тыс. солдат отправился в пределы Намвьета. Его сопровождал младший брат матери *выонга* Цзю Юэ.

Пока войско продвигалось к пределам Намвьета, Лы Зя и его сподвижники, опиравшиеся к тому времени уже на население всей страны, начали действовать. Они опубликовали призыв к народу, в котором говорилось, что *выонг* еще молод, а мать *выонга*, *китаянка*, желает отдать государство Ханям; они готовятся увезти массу ценностей в Чанъань, а многочисленную свиту продать в рабство; сама она, разумеется, получит выгоды, но Намвьет погибнет, ведь ее не заботит судьба «алтарей предков дома Чиеу». Руководители движения Лы Зя и его младший брат казнили *выонга*, его мать и всех представителей империи, а затем начали энергично готовиться к неизбежной большой войне с Хань [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2974].

На престол вступил старший сын Минь-*выонга*, Киен Дык, провозглашенный и признанный во всем Намвьете. Переворот прошел удачно. Лы Зя повел переговоры о совместной обороне с Намвьетом; в Тхыонгго были посланы люди за помощью к *выонгу* Чиеу Куангу, получившие удовлетворительный ответ [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2974].

Отряд Хань Цянь-цю тем временем пересек границу Намвьета и разорил несколько населенных пунктов. Местные вьеты после неудачного сопротивления открыли дороги и предоставили ханьцам продовольствие. Проникнув достаточно глубоко на территорию Намвьета, Хань Цянь-цю вскоре, как и предсказывал Чжуан Цань, потерпел полное поражение. Это произошло в 40 *ли* от Фиеннгуэ. После этого в Чанъань были возвращены верительные документы ханьских представителей (железные послов), привезших согласие У-ди на присоединение Намвьета. Тем самым было объявлено о формальном

отказе от прежней просьбы ныне покойного Ай-*выонга* о включении Намвьета в состав империи. Открытого объявления войны не было, хотя отношения с Хань напоминали времена Чиеу Да.

Но многое изменилось с тех пор. Покончив в 119 г. до н. э. с сюнну, У-ди переключил все внимание на Юг, куда кроме причин, общих для Цинь и Хань, его влекла возможность обнаружить новые пути проникновения на юго-запад, в Индию. Там действительно пролегал путь на юго-запад, но не по суше, а морской — через Фиеннгун, освоенный позднее.

В Намвьете начали спешно укреплять уязвимые в оборонном отношении пункты, особенно горные проходы в Улине, у горы Сайшан (западные проходы в Гуанси) [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2974]. Ханьские войска должны были повести наступление именно там, через земли своего старого союзника Чанша, частично через Ба и Шу, а не восточными проходами или по бездорожью вдоль берега моря, где пришлось бы идти через недавно покоренный Донгвьет, а затем по территории Намвьета, недружелюбное отношение которого к Хань оставалось неизменным.

У-ди, получив известие о гибели авангарда (которым, по существу, и являлся отряд опрометчивого Хань Цянь-цю), решил задействовать давно скопившееся на Юге войско и вооруженные силы ханьских союзников. Вьетские правители мелких пограничных государств в Улине, оказавшие помощь Хань в начале кампании, получили высокие титулы, и на них, как на приманку для других вьетских руководителей, делалась большая ставка в начавшейся войне. Кроме того, они прекрасно знали театр военных действий. В войне должны были принять участие два представителя вьетской аристократии, которым предстояло действовать совместно с профессиональным костяком ханьской армии в качестве полководцев «боевых кораблей» и «вспомогательных войск». По всей империи был распространен призыв

У-ди всемерно помогать в осуществлении важного дела — войны с Намвьетом. Было объявлено о помиловании участникам первого похода и собрана стотысячная армия, которую на больших транспортных кораблях стали перебрасывать к границам Намвьета, чтобы «истребить преступников к югу от рек Цзян (т. е. Янцзы) и Хуай» [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2975]. Всего в войне со стороны Хань участвовало, видимо, около 200 тыс. солдат против приблизительно стотысячной намвьетской армии. Такая численность была обусловлена стремлением избежать длительной войны в сложной обстановке, когда трудно было предугадать исход дела.

Выдвижение армии началось осенью 112 г. до н. э. Основными путями были реки, основным средством передвижения — военные многопалубные корабли (*лоучуани*), на которых шел авангард из профессиональных воинов. Ввиду большого количества кораблей была введена специальная должность адмирала—«покорителя волн». На нее был назначен *вэй* Лу Бо-дэ, сыгравший важную роль в этой кампании. Под его командованием ханьская армия выдвинулась из Гуйяна и стала спускаться по р. Хуй. Одновременно флот, которым командовал Ян Пу, выдвинулся из провинции Юйчжан и достиг города Хэпу, отрезав таким образом западную часть Аулака—Намвьета от восточной его части. Сообщение между ними поддерживалось теперь только морем; возможность помощи западной части стала резко ограниченной, и против Хань боролись только силы, находившиеся в восточной части страны. Два флота вьетских полководцев—союзников Хань выдвинулись из уезда Линлин, один должен был спускаться по р. Лишуй, другой идти в сторону государства Тхьонгнго с целью помешать ему оказать помощь своему союзнику Намвьету. Вместе с этим в государство Елан был отправлен вьетский сановник на ханьской службе — Чии-хоу с заданием выдвинуться с армией этой страны вниз по р. Янко. Флотам предстояло соединиться у столицы Намвьета — Фиеннгуна [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2975].

В этот момент произошло событие, несколько изменившее соотношение сил на Юге. Воспользовавшись тем, что все силы Хань были сконцентрированы на границах с Намвьетом, государства Ба и Шу уничтожили ханьские гарнизоны и вернули себе независимость. Восстановление в районе западной границы двух дружественных вьетам государств могло коренным образом изменить военно-политическую ситуацию, но к этому времени прилегающая к Ба и Шу часть Намвьета была уже захвачена и восточный Намвьет, где решалась судьба государства, оказался отрезанным от остальной страны. Тем не менее действия государств Ба и Шу отвлекли часть ханьских войск в южных *цзюнях*, и лишь войска Елана сумели выйти на помощь Хань, продвигаясь на юго-восток вниз по течению Янко.

Косвенно освобождение Ба и Шу способствовало тому, что Хань к I в. до н. э. не смогла интенсивно освоить лаквьетские районы (западный Намвьет), расположенные к югу от них.

На дальних подступах к столице ханьская армия объединилась. Зимой 111 г. до н. э. после передышки начались активные военные действия. Шедшие впереди на *лоучуанях* отборные войска сбили намвьетский заслон у Тамтхиема (кит. Сюньшэн), а затем овладели важной крепостью на р. Янко — Тхатмон (кит. Шимэнь), что в 20 *ли* от Фиеннгуна; там были захвачены часть намвьетского флота и большие запасы продовольствия. Поражение при Шимэни временно деморализовало намвьетскую армию, и авангард смог пройти еще некоторое расстояние по реке, после чего вынужден был прекратить наступление. Хотя он состоял из нескольких десятков тысяч профессиональных воинов, но для решающей битвы или дальнейшего наступления этого было недостаточно: под Фиеннгуном ханьцев ждала большая часть намвьетской армии [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2975–2976].

Авангард стал дожидаться шедшей под командованием Лу Бо-дэ армии, состоявшей из новобранцев. Это спешно собранное войско (преступники и проч.) можно было провести только по уже завоеванной территории, и то оно прибыло с большим опозданием. В результате соединения в армии по одним источникам насчитывалось 100 тыс., по другим — 200 тыс. солдат. Возможно, вторая цифра указывает на все войска, воевавшие на территории Намвьета. Численность намвьетской армии под Фиеннгуном была существенно меньше ста тысяч, так как какая-то ее часть сражалась с другими ханьскими отрядами, а некоторые ее подразделения, видимо, дислоцировались в юго-западном Намвьете.

После соединения армий Лу Бо-дэ отдал приказ о наступлении: впереди по-прежнему шли *лоучуани* с кадровыми воинами. Наступление велось одной колонной на Фиеннгуно, где укрепились новый намвьетский император Киен Дык и фактический лидер вьетов Лы Зя. Авангард под командованием адмирала *лоучуаней* по прибытии расположился к юго-востоку от города, Лу Бо-дэ с остальной армией — к северо-западу, где был построен укрепленный лагерь; видимо, войско, состоявшее из преступников, не годилось для активных наступательных действий.

Основной удар наносили все те же части авангарда. Они разбили часть стоявших под стенами города намвьетских войск и к вечеру первого дня штурма подожгли часть города. Лу Бо-дэ пошел на хитрость. Завладев инициативой и воспользовавшись тем, что противник не знает настоящей численности его войска, он направил в город послов с предложением сдаться. При этом послы раздавали тамошним чиновникам печати, пытаясь пресечь этим всякое желание оказывать сопротивление. Все это время натиск авангарда не ослабевал. В результате к рассвету часть намвьетской армии была вытеснена на северо-западную окраину города и прижата к лагерю Лу Бо-дэ (новобранцев он так и не решился использовать в активных боевых действиях), где войска и сложили оружие. Двор, сам Киен Дык, Лы Зя и их ближайшее окружение сумели пробиться к морю и ночью ушли на кораблях в западном направлении, в южный Намвьет, намереваясь продолжать борьбу. Но флот Лу Бо-дэ, которому пленные военачальники указали маршрут отступления, настиг их в пути. Су Хун захватил корабль Киен Дыка, намвьетский чиновник-лан До Кэ схватил Лы Зя (за это оба получили титулы *хоу*) [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2976].

Операция была проведена настолько стремительно, что два флота вьетских союзников Хань и армия государства Елан не успели прибыть к театру военных действий. Фиеннгуно был взят, а война практически окончена.

Полностью оправдался стратегический расчет У-ди. После того как в ходе быстрого сосредоточенного удара были уничтожены основные силы и главные руководители антиханьских сил на Юге, остальные государства и южная часть Намвьета — Аулак не оказали серьезного сопротивления. Хотя в этот период в Аулаке по налоговым спискам числилось 300 тыс. человек (согласно представленным намвьетскими *тхайтху* спискам), разгром основных сил был слишком неожиданным. Поэтому и Чиену Куанг — *выонг* государства Тхьонгнго, родственник *выонга* Намвьета, узнав о взятии Фиеннгуна и сосредоточении ханьских войск у его границ, прекратил военные действия. Так же поступили и управляющий намвьетского уезда Цзэян, Лин Дин, и начальник намвьетской провинции Гуйлинь, Цзю Вэн. Последний сообщил о капитуляции Аулака. Все они получили титулы *хоу*. «С тех пор как Чиену Да стал *выонгом*, сменилось пять поколений — минуло 93 года, и государство погибло». Этими словами Сыма Цянь завершает свой рассказ о Намвьете [ШЦ, т. 9, цз. 113: 2977].

На территории Намвьета в том же, 111 г. до н. э. Ханями было введено имперское административное деление, созданы провинции и уезды. По данным ШЦ — 17 *цзюней* [ШЦ, т. 4, цз. 30: 1440]. Есть и другие сообщения. Согласно ХШ — 7 провинций [ХШ, т. 6, цз. 28b: 1628–1630].

Аулак воспользовался сложностью обстановки (особенно после событий в Ба и Шу), чтобы вернуть себе самостоятельность. Борьбу за независимость возглавил один из представителей земельной аристократии из династии Тхук, собравший войска в Тайву (он был «владельцем Тайву») — в историческом центре этой династии. Но в самом Аулаке против попыток восстановления власти земельной аристократии выступила служилая знать, интересам которой, по-видимому, больше соответствовало развитое бюрократическое государство Хань, более близкое по своей организации к Аулаку–Намвьету II в. до н. э., чем государство типа Аулака эпохи независимости III в. до н. э., к созданию которого стремились сторонники независимости из числа земельной аристократии. И так же как два столетия спустя, служилая знать предпочла свое господство, хотя и в рамках зависимости от Хань, господству земельной аристократии в рамках независимого лаквьетского государства. Группа придворных вельмож, возглавляемая командующим левым крылом Аулака (один из высших рангов служилой аристократии), разбила войска Тхука, после чего во всех трех провинциях-*куанах* служилая знать с *лентями* во главе подчинилась Хань, новым хозяевам, и все списки налогоплательщиков и прочие документы были переданы им.

В отличие от своих предшественников, Хань не стали немедленно вводить на всей захваченной территории свои порядки. «Ими (новыми областями) управляли, следуя их прежним обычаям, не требуя ни налогов, ни повинностей» [ШЦ, т. 4, цз. 30: 1440]. Наоборот, соседние с новоприсоединенными областями ханьские *цзюни* по Цзяншю несли расходы по содержанию

администрации в Намвьете и Аулаке, все необходимое для армии доставлялось из центральных районов, так как собрать нужное на месте было невозможно. Тем не менее на всей территории Намвьета–Аулака происходили многочисленные восстания, убийства чиновников и т.д. Неожиданное поражение в войне 112–111 гг. не дало противникам Хань исчерпать свои силы. Они собирались в отряды до 10 тыс. человек и сражались с ханьскими войсками. Все силы старых южных ханьских *цзюней* были прикованы к новым областям, их чиновников и солдат постоянно посылали на Юг для поддержания порядка. Тем не менее постепенно примирительная политика стала приносить плоды, принцип «вьеты управляют вьетами» и сохранение старой системы эксплуатации примирили с Хань большинство представителей господствующего класса (не говоря уже о тех, кто с самого начала предпочитал господство Хань господству местной монархии), а временный отказ от взимания ханьских налогов не мог не повлиять на настроения *лакзан*. Значительную роль сыграло и ослабление последнего очага независимости вьетов — государства Манвьет. Указанные принципы ханьского управления в I в. до н. э. привели к тому, что хотя внутреннее положение и стало относительно спокойным, но достичь этого удалось за счет невмешательства в это внутреннее положение. Развитие вьетских районов продолжало протекать после 111 г. до н. э. по своим внутренним законам, при сравнительно слабом участии ханьского элемента. Не случайно погребения ханьских чиновников и вообще китайцев этого времени на Юге отсутствуют, тогда как для I–II вв. н. э. подобные захоронения — обычное явление.

История других вьетских государств

Зивьетское государство Тиен

Ближайшим северо-западным соседом Аулака являлось объединение, известное под названием зивьеты, существовавшее на территории современной провинции Юньнань в V–III вв. до н. э. и известное под названием Тиен (кит. Дань, др.-кит. Тиен). В его развитии мы наблюдаем два важных отличия. Во-первых, оно протекало в неблагоприятных для земледелия районах (по сравнению с северным Вьетнамом), что привело к несколько замедленному социальному и культурному развитию, более позднему возникновению государства. Во-вторых, зивьеты находились под китайским влиянием, которое сопровождалось изменениями в их первоначальной культуре и не способствовало в то время сколько-нибудь значительному ускорению процессов развития. В составе зивьетов заметны аустроазиатские, тайские и иранские элементы, очевидно влияние степей.

Социальный строй и материальная культура Тиена в V–III вв. до н. э. существенно отличались от лаквьетской.

Важным занятием было скотоводство (разведение крупного рогатого скота), хотя существовало и плужное земледелие. Из ремесел была наиболее развита обработка металла, находившаяся под сильным китайским влиянием — многие вещи сделаны прямо по китайским образцам [Каогу сюэбао. 1956, № 1: табл. 5, № 4]. Гончарное производство продолжало оставаться домашним ремеслом, качество тоже.

О социальном строе Тиена известно немного. В этот период государство было независимым, но в нем сохранились значительные элементы племенной организации. В то же время господствующая верхушка обладала значительными богатствами: погребения правителей Тиена поражают обилием высокохудожественных местных изделий. По своему политическому положению правитель Тиена считался «варварским *ваном*», получая знаки власти от императора. Эти знаки были найдены при раскопках. Поселений городского типа не обнаружено; жили зивьеты в укрепленных поселках на холмах [Каогу сюэбао. 1956, № 1: рис. 2]. Судя по обилию оружия, войны между племенами были в то время обычным явлением. Привозные вещи сравнительно немногочисленны.

Религиозные верования примитивнее, чем у лаквьетов; в противоположность развитому у лаквьетов культу предков и землевладельческим обрядам у зивьетов существовал культ тигра.

История Донгвьета

Государство Донгвьет сложилось в низовьях Цзяншуйа в юго-восточной части древнего царства Юэ, после того как центральная и северная его части вошли в 333 г. до н. э. в состав царства Чу (северной частью царства Юэ в 333 г. были земли непосредственно в устье Янцзы). Донгвьет занимал земли к югу от устья Янцзы (что находятся в пров. Чжэцзян и северной части пров. Фуцзянь). На юге и юго-западе он граничил в III в. до н. э. с Манвьетом, на западе — с мелкими вьетскими государствами, подчиненными Чу, на севере — с ускими землями, вошедшими в состав Чу, а на востоке находилось море. По своим размерам Донгвьет был наименьшим из пяти основных вьетских государств, зато в наибольшей степени унаследовал традиции царства Юэ и находился в наиболее тесном контакте с Цинь,

а впоследствии с Хань. Эти два фактора наложили свой отпечаток на всю историю Донгвьета, наименее устойчивого как государство и быстрее остальных усвоившего китайскую культуру. Из всех вьетских государств, в которых весьма развито было рисовое земледелие, китайская зерновая культура — просо — распространилась только в Донгвьете, хотя в климатическом отношении они, особенно соседний Манвьет, не хуже. То же можно сказать и о пшенице. По площади обработанных земель территория Донгвьета относится ко второй категории из трех (по современному делению), но по рису она дает высшую степень плотности распространения, лишняя раз доказывая, что рис — исконная вьетская культура. Интересно, что по распространению северных видов скота Донгвьет тоже идет впереди остальных вьетских районов. Овец на его территории в настоящее время больше всего на юге, хотя они встречаются там везде, и следовательно, дело не только в климате²⁸.

Донгвьет был известен под названием Вьетдонгхай (Вьет у Дунхая) или просто Донгхай, поскольку он являлся восточной частью древнего государства Юэ (Вьет). Иногда его называли по имени столицы — г. Донгау (кит. Дуноу), — находившейся в устье р. Суцзян и являвшейся одним из крупнейших вьетских городов²⁹. В нем были каменные мостовые, летний дворец *вьонга* и проч.

Вьонги Донгвьета вели свой род от династии Юэ, от *вана* Сау Тиена (кит. Цзюй Цзянь) из рода Лак (кит. Цзоу). В конце III в. до н. э., к моменту похода Ту Суя, в Донгвьете правил *вьонг* Яо. В войне с Ту Суем он потерпел поражение, был лишен части своих прав (из Донгвьета и Манвьета предполагалось создать провинцию-*цзюнь* Минчжун). Яо, как и *вьонг* Манвьета, выступил в 207 г. до н. э. против Цинь, восстановил независимость и воевал против Цинь вместе с чуским вождем У Жумем. Их объединенные силы сражались в районе среднего течения Цзяншуйя. Но после победы над Цинь основные претенденты на власть в бассейне Шуйхэ и Чжуншуйя не признали за ним прав *вьонга*, тем самым не признав его как независимого правителя. Так же поступило и Чу. В ответ северные вьетские государства Донгвьет и Манвьет, принимавшие наиболее активное участие в войне с Цинь, примкнули к Хань, противникам Чу. Хань признала независимость Донгвьета, правда несколько позже, чем независимость Манвьета. Возможно, они рассчитывали на присоединение этого, более китаизированного государства к империи. Тем не менее в начале II в. до н. э. ханьский император Гао-цзу (206–194) признал Яо *вьонгом* за «большие заслуги». Титул — Донгхай-*вьонг* (кит. ван Дунхая); он также «обычно называется *вьонг* Донгау» [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2979].

В середине II в. до н. э. (154 г.) государство У, также получившее независимость в конце III в. до н. э., возобновляет войны с вьетами и нападает на Донгвьет. Донгвьет проиграл войну и временно подчинился У. Вскоре У вступило в тяжелую борьбу с Хань, в ходе которой отступивший на территорию Донгвьета уский *ван* Дань Си-на был схвачен и казнен в столице Донгвьета — Донгау. Донгвьет восстановил независимость, но влияние Хань, благодаря которой было разбито У, усилилось.

Затем, в 138 г. до н. э. Донгвьет вступил в войну с Манвьетом, стремясь объединить под своим руководством северные вьетские государства. Манвьетские войска осадили Донгау, где укрепился правитель Донгвьета *ван*, впоследствии *хоу*, Гуан У. После непродолжительной осады в городе стали ощущать недостаток продовольствия, а манвьетская армия тем временем разоряла страну. Кое-кто из вельмож требовал капитуляции, другие настаивали на обращении за помощью к империи.

Несмотря на противодействие ряда сторонников старой политики невмешательства во вьетские дела, У-ди решил оказать «срочную помощь» [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2980]. В усках *цзюньях* были собраны войска и под командованием Чжуан Чжу морем отправлены в Донгвьет. Манвьетская армия отошла, но положение в разоренной стране продолжало оставаться тяжелым. Ван-*вьонг* просил У-ди передать ему спорные с бывшим У районы в северной части дельты Цзяншуйя, чтобы переселить туда некоторое количество донгвьетов из постоянно разоряемых манвьетами частей Донгвьета (вероятно, западных и южных). У-ди согласился с предложением старого союзника, и спорные территории были переданы Донгвьету (собственно, это были в прошлом — в V–IV вв. до н. э. — северные земли Юэ). Ван-*вьонг* переселил 40 тыс. человек и переехал сам, основав небольшое вьетское государство в междуречье рек Цзяншуй и Чжуншуй (Луцзян). Остальные донгвьеты остались на прежних территориях, но уже в виде нескольких мелких княжеств, наиболее важным из которых было Ю, игравшее в отношении остальных руководящую роль. Располагалось оно в восточной части бывшего Донгвьета, правил им в середине II в. до н. э. Шыу (кит. Чоу), внук Во Тьы (кит. У Чжу).

Ю могло сохранять свою независимость в борьбе с устремлениями Манвьета, только выступая в тесном союзе с Хань. Оно являлось надежным союзником империи, что подтвердилось в ходе событий 135 г. до н. э., когда только Ю не выступило против Хань, воевавшей с Манвьетом, который напал на

²⁸ Хотя данные относятся к первой половине XX в., это почти не снижает их ценности, так как в пределах Китая все факторы (кроме климатического) действовали одинаково; если какие-то северные элементы сильнее — значит, сильнее и влияние.

²⁹ Название вьетского государства дается по морю, у которого оно находилось. Это лишняя раз подчеркивает связь вьетов с морем [Херрманн А. 1935: 23].

Намвьет. После этого У-ди решил, что наиболее подходящей кандидатурой для восстановления Донгвьета в противовес Манвьету является Ю, тем более что Шыу был родственником правителей Донгвьета. Шыу был провозглашен *выонгом* Ю и всех остальных донгвьетских княжеств, оставшихся после переселения (т. е. почти всего Донгвьета).

Но в Донгвьете сильны были сторонники объединения всех вьетских государств в противовес империи; ориентировались они на Манвьет. Опираясь на поддержку народа, они провозгласили манвьетского *выонга* Зы Тхиена (кит. Юй Шань) *выонгом* Донгвьета. Практически власть Шыу распространялась только на Ю и ближайшие области. У-ди вынужден был согласиться с этим и признать Зы Тхиена, так как народ не «перешел» к Шыу и он «не мог [его] направить», донгвьетским *выонгом*. Таким образом, в Донгвьете к 134 г. до н. э. правили два *выонга*: Зы Тхиен и Шыу [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2981].

Практически это было два государства: с одной стороны, ориентировавшееся на империю Хань Ю, с другой — связанное с Манвьетом личной унией и внешнеполитическими интересами государство в юго-западном Донгвьете, все более сливавшееся с Манвьетом. Таким образом, на смену раздробленности предшествовавших лет (138–134) пришла твердая, хотя и двойственная, централизованная государственная организация.

Когда в 112 г. до н. э. началась намвьето-ханьская война, государство Ю открыто выступило на стороне Хань; что же касается юго-западного Донгвьета, то его внешняя политика во всем определялась Манвьетом. Во время военных действий Зы Тхиен выступил на стороне Хань с восьмидесяти тысячным войском, но вел себя двусмысленно: поддерживал связь с Намвьетом и «опоздал» на битву за взятие Фиеннгуна. Как известно, это привело к манвьето-ханьской войне 111–110 гг., в ходе которой государство Ю, где правил уже Кы Ко (кит. Цзю Гу), вначале было нейтральным. В то же время часть подчиненных Кы Ко восточnodонгвьетских правителей с самого начала выступили на стороне Хань и предоставили ей свой флот для операций. Из них наиболее известен Нго Зыонг (кит. У Ян), выступивший от имени ханьской империи в переговорах с Манвьетом. Тесно связанный с Манвьетом, западный Донгвьет боролся с ним против Хань [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2982–2983].

В разгар войны восточnodонгвьетские правители Нго Зыонг, Нгао (кит. Ао) и другие повели бои против Манвьета на территории западного Донгвьета. С тыла их поддерживала ханьская армия. Все это происходило при поддержке государства Ю, на которое опирались Нго Зыонг и прочие и через которое ханьские войска планировали нападение на Манвьет с северо-востока. Вскоре Ю переходит от довольно неустойчивого нейтралитета к открытому подчинению Хань. Но сначала Кы Ко убедил сторонников разделиться с Зы Тхиеном. Убив его, *выонг* Кы Ко и другие сдались ханьскому главнокомандующему Хань Юэ; территория Ю была занята без боя, и процесс подчинения восточного Донгвьета закончился. Кы Ко получил титул *хоу* и 10 тыс. дворов. Титул *хоу* получили Нго Зыонг, Нгао и др. Вскоре военные действия прекратились [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2983]. Но сам Донгвьет уже не существовал как единое государство, и не в интересах империи было его восстанавливать. Помимо этого наступательный порыв Хань на Юге пошел на убыль, сил для победы над Манвьетом не было. А без ликвидации Манвьета прочной власти в землях его северо-восточного соседа добиться было невозможно. Будучи не в состоянии защищать занятую территорию, ханьские власти организовали новое переселение в междуречье Янцзы и Хуайхэ. Несомненно, что оно коснулось лишь части донгвьетов, наиболее близких к южной границе — к Манвьету. Переселение осуществлялось большими группами, военные и гражданские чиновники переселялись вместе со своим народом. Таким образом, на новом месте сразу восстанавливались отношения, существовавшие в переселяемых княжествах до ухода [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2984].

Это перемещение значительных групп земледельческого населения было для вьетов и усцев продолжением их многовековой борьбы за низовья Янцзы, борьбы за землю, сопровождавшейся периодическими захватами и заселением захваченных областей [У Юэ чуньцю, цз. 6, 7]. Немалую роль сыграло то, что на этой земле вначале освоилась сравнительно немногочисленная группа, ушедшая с Ван-*выонгом* ранее. В дальнейшем эта переселенная группа смешалась с усцами и, в отличие от остальных вьетов, не сохранилась даже в виде носителей местного диалекта. Возможно, это связано с тем, что уже внутри империи Хань (или в III в. н. э. в рамках государства У) усцам удалось еще раз, последний, взять верх над вьетами; уже после начала нашей эры часть их переселилась в земли бывшего Донгвьета к югу от устья Янцзы. Ассимиляции донгвьетов способствовало и то, что после 111 г. до н. э. они оказались отрезанными от остальных вьетских территорий ханьской империи независимым Манвьетом и на протяжении нескольких столетий были вне основной этнической массы вьетов. С усцами же они находились рядом, в пределах одного государства, и смешивались весьма интенсивно, в результате чего возник так называемый усский диалект. Даже если считать этот диалект чисто усским, границы его распространения обозначают территорию не одного У, а Донгвьета и У в составе империи после 111 г. до н. э.

На западе граница Донгвьета (с остатками царства Чу — так называемым государством Поянху) проходит по водоразделу последнего правого притока Янцзы и рек, впадающих в море. На юге она идет по южному краю бассейна р. Оуцзян, т. е. по границе Донгвьета и Манвьета (впоследствии

граница между областью-чжоу Ян и чжоу Цзян в середине V в. н. э., еще позже, в XI–XII вв., между чжоу Шеси и чжоу Фуцзянь). В этой связи следует отметить некоторую неточность предложенных А.Херрманном границ Манвьета и Донгвьета. А.Херрманн исходит из того, что вся территория Донгвьета перешла к Манвьету, тогда как Сыма Цянь прямо говорит об ином. Особенно это относится к восточному Донгвьету — княжеству Ю. Оно никогда не входило в состав Манвьета, о чем свидетельствует вся его история, изложенная выше.

Нельзя не остановиться еще на одном аспекте отношений Донгвьета и У — аспекте культурном. Со времени позднего неолита вплоть до II в. н. э. на территории Донгвьета и У существовал особый тип материальной культуры, отличный от культур р. Хуанхэ на севере, культур среднего течения р. Янцзы в Аньхуе на западе и культур бассейна р. Сицзян на юге. В некоторых аспектах она близка культуре Хушу. Эта культурная общность во многом связана с этническим и языковым смешением населения этих районов.

По своему культурному облику этот район во многом промежуточный между китайским Севером и вьетским Югом и в то же время обладает рядом специфических черт. В керамике выделяются кувшины с ручками и высоким горлом, блюда с вертикальным краем; погребальные урны с крышками; широко применяется прорезной орнамент. Для каменных орудий характерны так называемые зубовидные топоры, ромбовидные каменные стрелы, Г-образные резак. Большинство элементов материальной культуры этого района характерно для вьетской культурной области, но отдельные элементы — расписная керамика, триподы, прямоугольные топоры с отверстиями — связывают район с более северными приморскими районами.

В заключение надо подчеркнуть, что Донгвьет, самое северное вьетское государство, постоянно испытывал давление со стороны более развитых северных соседей. В то время как дальше к югу формируются новые вьетские государства, этот северный островок вьетского этноса все более теряет свою самостоятельность и в средние века исчезает окончательно. В этом его отличие от лучше сохранившихся центральных и от развившихся далее южных групп.

Но в интересующий нас период Донгвьет представлял собой еще одно из крупнейших вьетских государств.

История Манвьета

Манвьет сложился на территории центральной и южной Фуцзяни и включал в себя южную часть бывшего древнего царства Юэ. В этих пределах он существовал в конце IV в. до н. э.; его северная часть (современная центральная Фуцзянь) служила районом проживания вьетов по меньшей мере с VII в. до н. э., когда впервые упоминается царство Юэ. Столицей Манвьета был город Донгза (кит. Дунчжи) [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2979]³⁰. Вместе с Донгвьетом Манвьет составлял северную группу батьвьетов, которая в наибольшей степени была связана с бывшим древним государством Юэ. Прежнюю общность и общее происхождение этих двух государств подчеркивал Сыма Цянь [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2979]. Интересно, что существовало общее родовое имя правителей обоих государств — Лак, впоследствии ставшее этнонимом для более южных групп вьетов.

По уровню социально-экономического развития население Манвьета к III в. до н. э. было близко к лаквьетам, но несколько более развито за счет традиций древнего государства Юэ и большей близости к Северу. Отсутствие собственного летописания в последующий период, слабость археологического обследования Фуцзяни не позволяют детально проследить все черты хозяйственной и общественной жизни манвьетов. Тем не менее представляется возможным выделить некоторые особенности социально-экономической структуры Манвьета. Манвьет расположен в труднодоступной гористой Фуцзяни с немногочисленными плодородными долинами и немногими городами, с обширным, сильно изрезанным побережьем, которое на протяжении всей истории Дальнего Востока было основным регионом кораблестроения и морской торговли на китайском побережье³¹. Эти факторы делали Манвьет не очень привлекательным с точки зрения проникновения китайских земледельцев и усложняли его подчинение. Воинственные горцы и отважные мореходы, населявшие эту бедную страну, дольше других вьетов сохраняли политическую и культурную независимость. Что касается языка, то на бывшей территории Манвьета до сих пор сохранился особый диалект («фуцзяньский»). В экономическом отношении они были менее связаны с Китаем, чем другие земледельческие группы вьетов; на территории Манвьета не могли разводить многие из северных растений и животных. В культурном отношении еще в позднем неолите здесь и в соседнем Чжэцзяне сложилась так называемая приморская культура, связанная с морем и островами. Рассматриваемый район в этом плане также отличался от более северных областей и от бассейна Сицзяна. Традиции культурной обособленности можно проследить и в бронзовом веке (свои типы

³⁰ Названия столиц Манвьета и Донгвьета начинались на *Донг*, поэтому их часто путали.

³¹ Только Гуанчжоу постепенно сменил этот район, но исключительно в торговом смысле; это понятно, так как он был началом большого торгового пути внутрь империи по р. Сицзян и через ее притоки — по р. Янцзы. В то же время Фуцзянь как самоцель была малоинтересна для торговца из-за рубежа.

топоров, керамики, погребального обряда и т. д.). Отгороженный горами, Манвьет долгое время стоял в стороне от основного пути налаживания культурных связей Север–Юг, проходившего через проходы Улина в Намвьет и далее к югу. Воинственное население Манвьета упорно сопротивлялось попыткам захвата и представляло постоянную угрозу для соседних областей империи и вьетских государств.

В III в. до н. э. в Манвьете правила династия, восходившая к правящей династии Юэ; основал ее *ван* Сау Тиен. Его потомок Во Тьы правил в конце III в. до н. э. Ему не удалось отбить наступление Ту Суя, и Манвьет (или его большая часть) вошел в состав циньской империи как провинция-*цзюнь* Минчжун (от Миньюэ — китайского названия Манвьета). Во Тьы перестал править единолично, но сохранил определенное влияние. Когда на севере господство Цинь привело к войне, он изгнал циньские гарнизоны и провозгласил независимость Манвьета. Манвьетская армия активно участвовала в войне с Цинь, объединившись с Донгвьетом и «государством Поянху» — остатком царства Чу, расположенным близ оз. Поянху. Тогда же восстало и добилось независимости княжество У. В результате вдоль Цзяншуй вновь образовалась линия независимых государств. Во Тьы в эти годы сблизился с бывшим циньским *лином* чусцем У Жуюем — *ваном* Поянху.

Но после победы над Цинь северяне и чусцы не признали правителей вьетов *ванами* — независимыми правителями. Последовал разрыв между недавними союзниками. Когда княжество Чу вступило в длительную войну с Хань, Во Тьы со своей армией выступил на стороне Хань (как более далекого и менее опасного противника) и вторгся в Чу. Чу не выдержало войны на два фронта и было завоевано Хань. Во Тьы был признан *ваном* Манвьета (201 г. до н. э.). Гао-цзу, вообще проводивший на юге миролюбивую политику, отменил циньский указ о присоединении Манвьета и образовании *цзюня* Минчжун и тем самым устранил все формальные противоречия между двумя государствами. Впоследствии это признание было подтверждено в третий год правления императора Сяо-хуя (194–187) [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2979].

При первых попытках возобновления ханьской экспансии в 180–179 гг. до н. э. Манвьет в союзе с Намвьетом нанес поражение Чанша и Хань. После временного ослабления опасности в первой половине II в. до н. э. на Юге с новой силой вспыхнули старые внутренние противоречия: возобновилась многовековая борьба царства У с наследниками его давнего противника (царства Юэ) — государствами Донгвьет и Манвьет. В третий год правления ханьского императора Сяо-цзина (156–140), т. е. «спустя несколько поколений» после победы над Цинь, уский *ван* Би начал войну. Манвьетский *выонг* Во Тьы и не помышлял о сопротивлении, и только донгвьетский *выонг* выступил против и разбил У, за что получил от Хань награду [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2980].

В то время империя еще была не в состоянии вести крупномасштабные войны за Цзяншуй; попытка тогда же подчинить часть вьетов вызвала бы гораздо более широкий резонанс, чем их традиционные войны с У. Хани могли столкнуться с коалицией вьетских государств, что и произошло впоследствии, когда они приступили к завоеванию Юга. Они предпочли сделать Донгвьет независимым союзным государством и в некотором отношении преуспели в этом. При поддержке Хань Донгвьет восстановил свою власть над территорией к югу от устья р. Цзяншуй.

Явная слабость Донгвьета и его примиренческая позиция в отношении северной угрозы повлекли за собой разрыв с Манвьетом, а вскоре и открытый конфликт. Немалую роль сыграли традиционные враги Донгвьета — *ваны* У. Сын казненного уского *вана* Цзи Цзюя скрывался в Манвьете и подстрекал *выонга* Аня к войне с Донгвьетом.

Война началась в 138 г. до н. э. вторжением манвьетской армии в Донгвьет. Основные бои развернулись под стенами донгвьетской столицы Донгау. Длительная осада сопровождалась голодом, манвьетская армия разорила страну. Изолированный от других вьетских государств, Донгвьет вынужден был обратиться за помощью к империи — своему союзнику.

При дворе Хань сторонники старой (пассивной) и новой (активной) политики по-разному отнеслись к просьбе Донгвьета. Представителем старой точки зрения был *тайвэй* Тянь Фэнь, ссылавшийся на непоследовательность в политике вьетских государств и невозможность прочных соглашений с ними; говорил он и о неудачных попытках открытого завоевания юга, предпринятых Цинь. Главой партии его противников был *чжундафу* Чжуан Чжу, требовавший активного вмешательства в события в Донгвьете. У-ди согласился с последними и решил по просьбе Донгвьета на применение силы. Руководить походом было поручено главе сторонников экспансии Чжуан Чжу. Учитывая опыт южных войн Цинь Ши-хуана и Гао-хоу, при которых набранные в центре империи войска несли огромные потери от непривычного климата, армию было приказано собрать в близких к вьетам районах, населенных к тому же издавна недружественным населением, а именно на территории старого врага вьетов — государства У в провинции Гуйцзи. Правда, в недавно завоеванных областях армию удалось собрать только с большим трудом, преодолевая сопротивление местных властей. Эту армию морем отправили на юг. При известии о приближении ханьских войск манвьетский *выонг* отвел свою армию из опустошенных долин Донгвьета. Империя не решилась начать большую войну и удовлетворилась этим [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2980].

В 135 г. до н. э., вскоре после набега на Донгвьет, манвьетский *выонг* Ань (кит. Ин) организовал нападение на Намвьет, в политике которого в то время явно просматривалось желание столкнуть Хань и Манвьет. Война 135 г. был попыткой силой решить вопрос о гегемонии среди вьетских государств,

объединенных на юге под главенством Намвьета, а на севере — Манвьета. В данном случае надо помнить о сильной партии сторонников Манвьета в Донгвьете, где позиции Намвьета были ничтожны. Войны предшествовавшего периода, в которых складывались эти объединения, неминуемо должны были привести к столкновению сильнейших.

В ответ на наступление манвьетской армии намвьетский Ван-*вьонг*, осуществляя оборонительные мероприятия, обратился за помощью к У-ди. Мотивы подобного беспрецедентного для Намвьета поступка рассмотрены выше (желание столкнуть врагов). Хань немедленно отправили армию под командованием *дануна* Хань Ань-го и *дасина* Ван Хуя. В отличие от вмешательства в Донгвьете, эта армия шла не через Донгвьет, вновь ставший независимым, а там, где непосредственно соприкасались границы Хань и Манвьета в районе оз. Поянху. Узнав об этом, Ань спешно бросил войска к горным проходам, чтобы остановить Хань, но война на два фронта была явно не под силу Манвьету.

Этим воспользовалась оппозиция, которую возглавил младший брат Аня, Зы Тхиен. В столице состоялся заговор. Вельможи обвиняли Аня в том, что он начал войну, не посоветовавшись с членами династии. Особенно резко выступал претендент на престол Зы Тхиен. Он, как передает Сыма Цянь, заявил на совещании заговорщиков, что победа лишь отсрочит их гибель в этой войне, а потому надо любой ценой добиться соглашения с Сыном Неба; в случае отказа нужно упорно продолжать борьбу, а в случае поражения — бежать морем [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2981]. Зы Тхиен правильно оценивал обстановку: Хань пошли бы на большую войну только в крайнем случае, так что достижение соглашения было вполне реально. Большой интерес представляет последняя фраза речи Зы Тхиена. Вместе с рядом других фактов она проливает свет на место и время появления в более южных районах Южно-Китайского моря тех этнических и культурных элементов из вьетских районов, о которых много писалось в связи с распространением в Индонезии культуры Донгшон. Надо подчеркнуть, что этнически (а может быть, и лингвистически) смешанный район древних царств У и Юэ (Нго-Вьет) издавна поддерживал связи, преимущественно морские, с Тайванем, Японией, Индонезией и был одним из вероятных источников эмиграции в силу исторической судьбы рассматриваемой части вьетов³².

Получив поддержку манвьетских вельмож, Зы Тхиен низложил и казнил Аня и его сторонников; голова Аня была поднесена ханьскому главнокомандующему. Ханьские войска остановились к северо-западу от Манвьета. Вскоре У-ди утвердил перемирие, но, не доверяя Зы Тхиену и стремясь углубить разрыв между северными вьетскими правителями, назначил *вьонгом* Манвьета и Донгвьета правителя княжества Ю в восточном Донгвьете. Звали его Шыу, и поскольку он был внуком Во Тъы, то имел определенные права на престол. Хань он устраивал потому, что был единственным, кто не участвовал в антиханьских заговорах. Для проведения в жизнь плана мирной смены династии из Чаньани был послан *ланчжунцзян*. Но к его приезду уже все было кончено, виновники нападения на Намвьет казнены, народ признал переворот, и Зы Тхиен был провозглашен *вьонгом*. В этой обстановке назначенный Хань *вьонгом* Шыу «не мог направить свой народ; сделать так, чтобы (народ) перешел к нему». Это вполне понятно, учитывая общую политику Шыу. Узнав о неудачах своего ставленника, У-ди не стал вмешиваться, так как надвигалась война с Намвьетом, в которой желательно было бы иметь союзником сильный Манвьет, а Зы Тхиен обещал содействие. Хань признали Зы Тхиена *вьонгом* Манвьета и Донгвьета (т. е. его юго-западной части, где сильно было манвьетское влияние), а Шыу сделали *вьонгом* княжества Ю (северо-восточной части Донгвьета). Равенство титулов исключало претензии на главенство и формально уравнивало противников, что давало Хань обширное поле для вмешательства [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2981].

В следующие двадцать лет внимание империи было приковано к Намвьету. Манвьет получил передышку, позволившую ему укрепить свое положение. В конечном счете эта передышка в значительной степени обусловила сохранение в дальнейшем независимости. За это Зы Тхиен должен был помогать Ханям в их войне с Намвьетом в 112–111 гг. до н. э. Он согласился и с 8 тыс. солдат должен был напасть на Намвьет. Когда же потребовалось фактическое участие в войне, Зы Тхиен отказался, сославшись на штормовую погоду; сам же тем временем тайно направил посла в Намвьет.

Подобная политика показала истинные намерения Манвьета, и ханьские полководцы, в частности Ян Пу, которому должен был помогать Зы Тхиен, после победы над Намвьетом обратились к У-ди за разрешением начать войну с Манвьетом. Но император, лучше знакомый с общим положением на Юге, отказал им в их просьбе. Только что проведенная войсками тяжелая кампания, крайне ненадежное положение в Намвьете, восстановление независимости Ба и Шу и связанная со всем этим необходимость держать на Юге большое количество войск требовали хотя бы незначительной передышки. Даже для занятия Тайау и Аулака, где местная правящая верхушка сама подчинилась Хань, у империи не было войск.

Только в конце 111 г. до н. э., после передышки, ханьские войска из района оз. Поянху, откуда они вели наступление в 135 г. до н. э., и от Фиеннгуна начали подтягиваться к границе Манвьета. Используя преимущества географического положения (горы по границам), Зы Тхиен послал в обоих направлениях встречные войска, чтобы отбросить наступающих и перейти в контратаку. В

³² Связи в материальной культуре, индонезийские элементы в японском языке, наличие народов с индонезийскими языками на Тайване и т. д.

последовавшей военной кампании полностью подтвердилась правильность позиции У-ди, не желавшего нападения на Маньчжурию. На западе Зы Тхиен и его военачальник Цзоу Ли, получивший титул «полководца-пожирателя Хань», вели наступление вдоль старой торговой дороги из Донгза в Чаньань; они заняли населенные пункты Байша, Улинь, Мэйлин и убили трех ханьских военачальников-сяовэев. Ханьцы боялись предпринимать какие-либо ответные меры. А Зы Тхиен сделал для себя печать императора У-ди [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2982].

Кампания против Маньчжурии провалилась. Для переформирования войск и подготовки к новой войне из Чаньани были присланы новые войска *дануна* Чжан Чэна. Они приостановили маньчжурское наступление в районе оз. Поянху, собрали некоторое количество войск на исходных рубежах, но сложная ситуация не позволяла начать наступательные действия.

Прошло несколько месяцев. Зы Тхиен, пошедший на открытый разрыв с Хань, объявил себя императором. Был создан императорский двор. Император обратился к народу с призывом защищать страну.

Новые полководцы У-ди зимой 110 г. до н. э. повели наступление на Маньчжурию со старых имперских территорий на берегах р. Цзяншуй, уже не используя войска, стоявшие в центральном Маньчжурии. В этом отношении они учли опыт своих предшественников. На западной границе Маньчжурии, в Цзючжане, были сосредоточены войска под командованием *хэнхай* Хань Юэ, пришедшие туда с северо-востока по р. Цзяншуй и ее правому притоку. Адмирал *лоучуаней* Ян Пу должен был прибыть с юга в Улин, *чжунвэю* Ван Вэнь-шу предстояло принять командование бывшей армией Лу Бо-дэ в Мэйлине, к юго-западу от Маньчжурии. Подчиненные вьетские государства в районе среднего течения Цзяншуй должны были помешать маньчжурскому флоту на реках бассейна р. Цзяншуй и сосредоточиться близ города Жосе у оз. Поянху [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2983].

На всех этих направлениях им противостояли войска Маньчжурии и той части Донгвьета, которая находилась под властью Зы Тхиена. Особый отряд был послан Зы Тхиеном под командованием полководца, «покоряющего север», в район Улина, где были поочередно разбиты несколько отрядов из армии полководца *лоучуаней*, собиравшихся к Улину. Полководец *лоучуаней* Ян Пу послал против противника отряд под командованием юсца (т. е. южанина) Юань Чжун-гу. Ему удалось разбить войска неудавшегося «покорителя севера», погибшего в одном из боев³³.

Упорный характер начавшейся борьбы и неустойчивое положение в Маньчжурии не дали Ян Пу возможности начать наступление; это важно отметить, так как он был весьма решительным и энергичным полководцем. Ян Пу на свой страх и риск продолжил ту политику, за которую Чжан Чэн и другие уже заплатили жизнью: приостановил военные действия и начал переговоры. На этот раз император согласился, и беглый маньчжурский вельможа Нго Зыонг (кит. У Ян) был послан от имени императора к Зы Тхиену с мирными предложениями. Подробности переговоров неизвестны, но, так как обычно склонный к компромиссам Зы Тхиен отверг их, они, видимо, были очень невыгодны для Маньчжурии. Судя по последовавшим событиям, на переговорах выдвигалось требование возвращения присоединенной к Маньчжурии части Донгвьета.

Война возобновилась. Основные боевые действия ханьские войска вели не на северо-западе, хотя созданные Маньчжурией в 111 г. до н. э. «клещи» вокруг Чанша были преодолены после неудачи маньчжурского полководца — «покорителя севера», а на северо-востоке, где под удар попали ставшие на сторону Хань восточнодонгвьетские правители. Первым на помощь прибыл *хэнхай* Нго Зыонг и с небольшим отрядом в 700 человек напал на маньчжурские войска в Ханьяни; вместе с ним действовал донгвьетский вельможа Нгао (кит. Ао).

Напуганный развитием событий, юский *выонг* Кы Ко, преемник Шыу, решительно стал на сторону Хань. Этот шаг был подготовлен всей предшествовавшей политикой юских правителей. Владения были заняты ханьскими войсками без боя, маньчжурии очистили и почти все остальные части Донгвьета, где сдались ханьской армии под командованием *хэнхай* Хань Юэ. Военные действия приостановились. Император богато одарил Кы Ко, сделав его *Дучэн-хоу* и пожаловав ему, единственному из вьетских союзников Хань, 10 тыс. дворов. Были награждены и другие: вельможи Нгао и Нго Зыонг получили титулы *хоу* более высокого ранга, чем прежде, Да Куан также стал именоваться *хоу*. Из ханьских полководцев получили это звание *хэнхай* Хань Юэ и *хэнхай*, *сяовэй* Фу (последний не за заслуги, а благодаря родству с императором) [ШЦ, т. 9, цз. 114: 2983].

Упорная крупномасштабная война с Хань привела к утрате Маньчжурией западной части Донгвьета. Важную роль сыграла здесь измена донгвьетских князей. Зато на территории самого Маньчжурии подобных союзников у Хань не было. Маньчжурия была ослаблена войной, но и ханьские войска сражались на юге уже много лет, поэтому военные действия прекратились. Подчинение вьетского юга осталось незавершенным. В течение I в. до н. э. «воинственный и агрессивный» Маньчжурия неоднократно нападала на соседние ханьские провинции-*цзюни*, но слабеющая после У-ди империя была уже не в состоянии вести войны, подобные походам 112–111 гг.

³³ Во всех войнах на Юге *лоучуани* играли особо важную роль, так как лишь они позволяли быстро и безопасно перевозить войска и продовольствие по рекам беспокойного Юга. Особенно это относится к войскам Ян Пу, ветеранам войны с Маньчжурией.

Единственное, что способны были сделать ханьские чиновники, — это организовать массовые переселения донгвьетов на север из пограничных с Манвьетом районов. В пределах границ 110 г. до н. э. Манвьет существовал вплоть до начала III в. н. э., но описание этого периода его истории не входит в наши задачи.

* * *

Итак, в результате войн 214–111 гг. до н. э. древнекитайские империи Цинь и Хань захватили почти все независимые государства, существовавшие на территории современного южного Китая и на севере Индокитайского полуострова. Но это был именно военный захват, относительное спокойствие достигалось за счет невмешательства во внутреннюю жизнь Намвьета и соседних государств. После 111 г. до н. э. развитие всех вьетских районов шло по их внутренним законам при сравнительно слабом участии ханьского элемента. Поэтому в дальнейшем в их южной части было восстановлено самостоятельное вьетское государство. Постоянный приток ханьских элементов в остальную часть и их смешение с местным населением привели спустя много веков к формированию специфического этнического, антропологического и языкового комплекса — южных китайцев.

Библиография

- Аньнань чжиюань. — Ngan nan tche yuan (Основное об Аннаме). — Collection de textes et documents sur l'Indochine. H., 1932.
- ван Хеккерен Х. 1955. — *Heekkeren H.R. van*. Proto-historic Sarcophagi on Bali. — Bulletin of the Archéological Service of the Republic of Indonesia. 1955, № 2.
- Голубев В. 1930. — *Goloubew V.* L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. — BEFEO. 1930, t. 29, № 2, с. 1–46.
- Гумилев Л.Н. 1960. — *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960.
- Гуру П. 1937. — *Gurou P.* Thanh-hoa. H., 1937.
- Дао Зуи Ань 1955б. — *Đào Duy Anh.* Cổ sử Việt Nam (*Дао Зуи Ань.* Древняя история Вьетнама). H., 1955.
- Дюмутье Ж. 1893. — *Dumoutier G.* Etude historique et archéologique sur Co-loa, capitale ancienne de royaume Au-lac. — Nouvelles archives orientales scientifiques et littéraires. T. 3. P., 1892, с. 221–294.
- Дюмутье Ж. 1906. — *Dumoutier G.* Etude historique sur Trieu Vo de et sa dynastie. — T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. T. 7. Leiden, 1906, с. 413–430.
- Йенс О. 1931. — *Janse O.* Un groupe de bronzes anciens propres à l'Extrême-Asie méridionale. — BMFEA. 1931, № 3, с. 99–174.
- Йенс О. 1936. — *Janse O.* Rapport préliminaire d'une Mission archéologique en Indochine. — Revue des arts asiatiques. P., 1935, t. 9, № 3, с. 209–217.
- Йенс О. 1951. — *Janse O.* Archaeological Research in Indo-China. T. 1–2. Cambridge, 1947–1951.
- Кадьер Л. 1919. — *Cadière L.* La croyance et pratiques religieuses des annamites dans les environs de Hué. — BEFEO. 1919, t. 19, № 2, с. 1–115.
- Карлбек О. 1955. — *Karlbek O.* Selected Objects from Ancient Shou Chou. — BMFEA. 1955, № 27, с. 41–129, pl. 1–64.
- Китай. — Китай (журн.). М.
- КМ — Khâm-định Việt-sử thông-giám cương-mục (Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности). Т. Đầu, 1, 2, 3–4, 5. S., 1960–1974.
- Кэрич Уэлс Х. 1954. — *Quaritch Wales H.G.* The Religious Significance of Early Dongson Bronze Drums. — Proceedings of the XXIII International Congress of Orientalists. L., 1954, с. 270–271.
- Масперо А. 1918а. — *Maspero H.* Le royaume de Van Lang. — BEFEO. 1918, t. 18, № 3, с. 1–10.
- Масперо А. 1918в. — *Maspero H.* La frontière de l'Annam et du Cambodge du VIII au XIV siècle. — BEFEO. 1918, t. 18, № 3.
- Нгуен Минь 1955. — *Nguyễn Minh.* Ôn lại khởi nghĩa Hai bà Trưng (*Нгуен Минь.* Вновь о восстании двух сестер Чынг). — VSD. 1955, № 5, с. 48–51.
- Нгуен Хью Кханг 1946. — *Nguyen Huu Khang.* La commune annamite. P., 1946.
- Одрикур А. 1954. — *Haudricourt A.* La parenté de la langue vietnamienne et la classification des langues de l'Indochine. — Proceedings of the XXIII International Congress of Orientalists. L., 1954, с. 274.
- Оруcco Л. 1923. — *Aourousseau L.* La première conquête chinoise des pays annamites (III-e siècle avant notre ère). — BEFEO. 1923, t. XXIII, с. 137–264.
- Терехова Н.Н. 1959. — *Терехова Н.Н.* Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае. — Советская археология. 1959, № 3, с. 28–47.
- ТТ/Тынь-хоа. — Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Ксилограф SA.PD.2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).
- Уильямс-Хант П. 1950. — *Williams-Hunt P.* Irregular Earthworks in Eastern Siam: an Air Survey. — Antiquity. 1950, vol. XXIV, № 93, с. 30–36.
- У Юэ чуньцо. — *Чжао Е.* У Юэ чуньцо (*Чжао Е.* Вёсны и осени [царств] У и Юэ). Шанхай, 1937.
- Финн Л. 1932. — *Finn L.* Honkong and the Analogy among the Neighbouring Cultures. — Synoptic Notes of Conference Proceeding. First International Congress of Prehistoric and Protohistoric Science. L., 1932.
- Херрманн А. 1935. — *Herrmann A.* Historical and Commercial Atlas of China. Cambridge, 1935.
- ХНЦ — Хуайнань-цзы. Шанхай, 1935 (ЧЦЦЦ, т. 7).
- ХШ — *Бань Гу.* Хань шу (*Бань Гу.* История Хань). Т. 1–12. Пекин, 1983.
- Чжан Сюань 1960. — *Чжан Сюань.* Мореходство в древнем Китае. М., 1960.
- Шаванн Э. 1887. — *Chavanne E.* Mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. T. 2. P., 1887.

Шуй цзин чжу. — *Ли Дао-юань*. Шуй цзин чжу (Книга о водах с комментарием). Шанхай, 1936.
ШЦ. — *Сьма Цянь*. Шицзи (Исторические записки). Т. 1–10. Пекин, 1992.

Ранние вьетские государства¹

В рамках исследования истории древнейших вьетских государств в III в. до н. э. — II в. н. э. на территории прибрежных районов юго-восточного Китая и северо-восточного Индокитая основным для нас является процесс возникновения и оформления классового общества в III—I вв. до н. э. у самой южной группы юэ (вьетов) — лаквьетов, непосредственных предков вьетнамцев, крупнейшей этнической группы Юго-Восточной Азии того времени. Автор стремился показать, в какой степени этот процесс был обусловлен внутренними закономерностями вьетского общества и какую роль сыграло наличие рядом с формирующимися вьетскими государствами более развитого китайского этноса; выяснить процессы формирования лаквьетского этноса в связи с долаквьетскими этническими группами этого района. При решении основных вопросов возникли следующие проблемы. Во-первых, исследование уровня материальной и духовной культуры, торговых и политических связей лаквьетов. Во-вторых, выяснение форм их хозяйственной организации и степени развития ремесла и городской жизни. В-третьих, выявление основных социальных слоев лаквьетского общества и изучение отношений между ними. Особую сложность составляют вопросы политической жизни лаквьетов, поскольку история предков вьетнамцев протекала в рамках различных государственных образований. Прделанная работа позволяет построить периодизацию древней истории Вьетнама.

Для более четкого и полного исследования данного периода необходимо как комплексное исследование всех источников по данному периоду (письменных, археологических и этнографических), так и привлечение материала по предшествующим и последующим периодам истории лаквьетов и их ближайших соседей (намвьетов, манвьетов и др.), родственных лаквьетам.

Наиболее крупными частными проблемами, встающими в связи с изучением предшествующих и последующих этапов истории лаквьетов, являются следующие: время и способ проникновения лаквьетов в Бакбо (до образования Аулака), степень развития раннегосударственных отношений к моменту формирования лаквьетской общности, а также время, пути и формы окончательного включения лаквьетских территорий в империю Хань. При изучении истории соседних этнических групп для нас наиболее важно проследить процессы, общие для всех вьетских государств, а также место каждого из них в политической истории этого периода. Хронологические рамки работы (III в. до н. э. — II в. н. э.) определяются, с одной стороны, временем возникновения ранних вьетских государств, т. е. временем, когда они впервые упоминаются в китайских источниках, и, с другой, — временем окончательного включения в состав империи Хань, т. е. концом периода крупных антикитайских восстаний в последние десятилетия II в. н. э.

Географический район исследования ограничен пределами Бакбо (северный Вьетнам), северной части Чунгбо (центральный Вьетнам) и бассейна нижнего и среднего течения р. Сицзян с включением в ряде случаев территории Юньнани и Фуцзяни. Во второй половине I тыс. до н. э. это район проживания различных этнических общностей, принадлежащих к группе юэ (вьет. вьеты). Развитие государства у них имело ряд общих черт, они были тесно связаны между собой.

Основным материалом при написании настоящей работы явились вьетнамские и китайские письменные источники, археологический материал, данные этнографии и т. д. Всем этим видам источников равно присущи такие недостатки, как малочисленность, почти полное отсутствие критической обработки, недоступность оригиналов ряда письменных источников и хранилищ археологического материала. Кроме того, данные письменных источников отрывочны, часть из них подверглась более поздней переработке, не всегда вскрытой, публикации, как правило, имеют не лучшее качество. Необработанность материала была одной из причин того, что ряд проблем приходилось впервые детально разрабатывать с самого начала; это приводило к отступлениям. Особо надо отметить недостаточную разработанность терминологической стороны китайских источников, сильно

сказывающуюся на интерпретации тех или иных данных, относящихся к древнему Вьетнаму.

По ранним государствам вьетов нет специального монографического исследования ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Некоторые отдельные аспекты проблемы освещены в работах вьетнамских и французских авторов, но большинство из них не рассматривало процессов

---

¹ Впервые опубликовано (на правах рук.) в 1961 г. в качестве автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук Институтом народов Азии Академии наук СССР.

развития, происходивших на протяжении всего исследуемого периода. Поэтому сделанные предшествующими авторами выводы зачастую требуют критического переосмысления.

На протяжении последних ста лет в изучении древней истории Вьетнама можно проследить две линии развития. Первая, основывающаяся на изучении вьетнамских, отчасти китайских письменных источников и легенд, обязана своим развитием вьетнамским исследователям. Из вьетнамских ученых надо отметить Чыонг Винь Ки, Дао Зуи Аня, Минь Чаня, Чан Хуи Лиюу, Ле Тхань Кхоя, Нгуен Донг Тьи, Ван Тана, Чан Куок Вьонга. Вторая в основном связана с изучением китайских письменных источников и археологии и развивалась по преимуществу французскими исследователями. Среди французских работ на европейском языке выделяются исследования А.Масперо, Ж.Дюмутье, Л.Оруссо, Э.Гаспардона, а также русского востоковеда, работавшего во Вьетнаме, — В.В.Голубева. Из археологов для данной темы наиболее крупные исследования провел шведский археолог О.Йенс.

Вьетнамскими учеными написаны почти все общие работы, в том числе лучшие из них: «Краткая история Вьетнама» Минь Чаня и «Вьетнам: история и цивилизация» Ле Тхань Кхоя. По преимуществу вьетнамцами исследуются вьетнамские письменные источники. Ими проведена в 1960 г. дискуссия по проблемам рабовладения во Вьетнаме.

Французские исследователи, особенно Л.Оруссо и А.Масперо, оставили ряд ценных, по многим вопросам основополагающих работ. Но, как правило, они написаны на очень узкие темы. В результате возникла значительная неравномерность в изучении древней истории, устраняемая в последнее время.

Сложность исследования темы обусловила ряд особенностей метода. Первое — привлечение фактических данных за весьма широкий отрезок времени, так как только при детальном ознакомлении с предшествующим и последующим периодами можно правильно интерпретировать данные по интересующему нас времени. Второе — обширная описательная часть, так как подавляющее большинство материала неизвестно и малодоступно читателю, будучи или источником на восточном языке, или публикацией археологического материала.

Спецификой данной работы является использование археологических материалов, что связано с недостаточным количеством письменных источников. Использованный археологический материал был разбросан по многочисленным специальным публикациям, и целью автора было собрать его воедино, а затем осмыслить в связи с задачами данной работы. Поскольку археологический материал явился одним из существенных разделов нашей аргументации, мы сочли необходимым дать его подробное описание.

В воссоздании той исторической картины, на фоне которой шло формирование ранней государственности у предков вьетнамцев, важную роль играет выяснение, насколько это возможно при существующем материале, всех сторон их жизни. Особенно информативен в этом плане археологический материал, так как письменные источники сравнительно малочисленны, а их данные по ранним разделам отрывочны и противоречивы.

При относительно подробном описании политической истории в диссертации меньшее внимание уделено исторической географии, так как ее проблемы были разработаны вьетнамскими и французскими учеными сравнительно подробно.

Характеризуя в общих чертах историю появления вьетов в северо-восточном Индокитае и тот уровень развития, которого достигли вьетские государства в бассейне нижней Янцзы к IV в. до н. э., можно отметить, что в VI–V вв. до н. э. там уже существует государство Юэ (Вьет) — одно из трех государств «южных варваров»: Юэ, Чу и У. Одно время государство Юэ, активно участвовавшее в политической борьбе в бассейне Хуанхэ, было сильнейшим государством в древнем Китае (в V в. до н. э., при юэском *ване* Гоу Цзяне). В дальнейшем оно терпит поражение от Чу и входит в его состав. Длительная борьба с Чу и поражение послужили причиной ухода значительного числа вьетов, издавна связанных с бассейном нижней Янцзы, на юг. Юэ потерпело поражение в 333 г. до н. э. Перемещение населения в IV в. до н. э. было подготовлено шедшим с начала I тыс. до н. э., а возможно и ранее, проникновением вьетов в районы северного и северо-западного побережья Наньхая (Южно-Китайского моря). Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы.

К моменту появления в северном Вьетнаме и низовьях Сицзяна значительных масс населения и отдельных групп членов правящей верхушки из Юэ, а также из «варварского» государства Шу, земледелие и ремесла у населения этого района достигли высокого уровня развития. Основой производства было рисосеяние на орошаемых полях с применением плуга и мотыги. На базе техники позднего бронзового века (культура Донгшон) широко развилась металлургия, деревообделочное и гончарное производство, ткацкое и ювелирное дело. Северный Вьетнам (Бакбо и северная часть Чунгбо) представляли одно этническое целое, сложившееся на базе смешения пришлого и местного населения в VII–IV вв. до н. э. В начале III в. до н. э. у лаквьетов сложились два крупных объединения: Ванланг и Тайву. В них уже выделилась земледельческая верхушка: *лакхау* и *лактыонги*, противопоставившие себя общинникам-*лакзан*. Возникают укрепленные центры; власть сосредоточивается в руках монарха-*вьонга* и передается по наследству. Одна из династий (в Тайву) является ветвью правящей династии государства Шу, незадолго перед этим свергнутой Цинями.

Лаквьетская материальная и духовная культура четко оформилась к этому времени в северо-восточном Индокитае. В то же время прослеживается влияние китайской культуры (иероглифическая письменность и китайский язык в среде правящей верхушки).

В 257 г. до н. э. в результате длительной войны между Тайву и Ванлангом оба они были объединены в единое государство, получившее название Аулак. Первым *выонгом* Аулака был потомок одного из *выонгов* шуской династии Тайву Анзыонг-*выонг*. Аулак занимал долинные и предгорные районы Бакбо, а также территорию современных провинций Тханьхоа и Нгеан. Столицей стал построенный Анзыонг-*выонгом* хорошо укрепленный город Колоа.

К этому времени на указанной территории в долинах окончательно сложилась лаквьетская этническая общность — основа вьетского этноса эпохи средневековья. Эта общность была единой в пределах указанной территории, обладала единством хозяйственного облика и материальной культуры (в виде северовьетнамского варианта культуры Донгшон), рядом специфических черт духовной культуры, особым языком. На протяжении нескольких веков до нашей эры лаквьеты имели общую историческую судьбу, у них сложились некоторые детали особого антропологического облика, возникли определенные внутризональные связи. Весь этот комплекс признаков выделяет лаквьетов из соседних этнических групп. Наиболее близкая к лаквьетам по ряду признаков группа — намвьеты на нижнем и среднем течении Сицзяна. У них приблизительно одновременно возникает государство с центром в районе современного Гуанчжоу, где стояла столица Намвьета город Фиеннунг (кит. Фаньюй, совр. Гуанчжоу).

Хозяйство, материальная и духовная культура лаквьетов требуют особенно внимательного исследования, так как их изучение во многом дополняет данные письменных источников, а по ряду вопросов позволяет сделать чрезвычайно важные выводы о степени развития основных производств, о том, насколько они обусловили возникновение государства и социальное расслоение. Археологический и этнографический материал в сочетании с данными письменных источников дает возможность в деталях воссоздать тот экономический фон, на котором развивалась социальная и политическая история лаквьетов.

В эпоху Аулака происходит дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства, роют каналы, совершенствуется сельскохозяйственная техника. Большую роль продолжает играть рыболовство. Развиваются военная техника, торговля, усложняется быт, становится все более многообразной городская и сельская жизнь. Анализ хозяйства и материальной культуры свидетельствует о высоком развитии экономики, о глубокой самобытности лаквьетской культуры, ставшей основой вьетнамской культуры. В этот период усиливается расслоение внутри общины, происходит концентрация орудий производства в руках немногих. Формируется особая духовная культура; можно проследить многие черты религиозных верований, различные обычаи; распространяется письменность. Свой расцвет переживает своеобразное реалистическое искусство лаквьетов, которому пока нет аналогий в искусстве соседних народов, за исключением зивьетов.

Социально-экономическая структура Аулака во многом еще неясна, как из-за малочисленности источников, так и по причине нерешенности ряда проблем социально-экономического порядка применительно к Китаю, стране, чьи источники являются основными для изучения древней истории Вьетнама. Имеющиеся на сегодняшний день письменные и вещественные источники свидетельствуют о разделении лаквьетского общества на противостоящие друг другу социальные группы: общинники-*лакзаны* и лично зависимые, обозначаемые термином *ноле*, с одной стороны, и *лакхау*, *лактыонги*, *ботьини* — с другой. Формой государственной организации была монархия-деспотия с государственным аппаратом, организованным по циньскому образцу. Многочисленные данные свидетельствуют о развитии городской жизни, об отделении ряда ремесел от сельского хозяйства, развитии внешней торговли, дипломатических отношений, об армии, аппарате принуждения и проч. Экономическую базу *лакхау*, *лактыонгов* и самого *выонга* составляла собственность на основное средство производства — землю (орошаемые поля в дельте Красной реки). Общинники, не находившиеся в личной зависимости, также владели орошаемыми землями. Крупнейшим землевладельцем страны был *выонг* и его семья. В лаквьетском обществе практиковалась продажа в рабство. Материальная культура Аулака находилась на стадии бронзового века, техника которого нигде не давала количества прибавочного продукта, сопоставимого с периодом железного века, для чего требуется более высокий уровень производительности труда, чем могут дать мало распространённые и непрочные бронзовые орудия. Это и ряд других факторов позволяют с большой вероятностью отнести лаквьетское общество к категории древневосточных обществ с преобладанием ренты-налога как способа присвоения государством и правящим слоем результатов труда свободных общинников, с меньшей ролью рабовладения, не достигшего античного (или близкого к нему) уровня. Эту точку зрения разделяет ряд ученых ДРВ (Минь Чань, Ван Тан и др.). При этом необходимо остановиться на двух обстоятельствах. Первое — социальный облик Аулака во многом походил на облик Юэ и Шу в IV в. до н. э., а последние считались наиболее отсталыми среди древних государств эпохи Чжаньго в бассейнах Хуанхэ и Янцзы. Второе — в двуедином государстве Аулак-Намвьет во II в. до н. э. рабовладение как уклад продолжало существовать, что касается более развитых средневековых

(феодалных) форм социальных взаимоотношений, то они появляются, бесспорно, не ранее III в. н. э. Община же продолжала оставаться основным производителем материальных благ вьетского (вьетнамского) общества и далее, вплоть до XVII–XVIII вв.

Таким образом, еще нет возможности, как и при изучении ряда других стран Востока, с полной определенностью отнести лаквьетское общество к тому или иному общественному строю. Для этого материала пока недостаточно. Окончательное решение вопроса упирается в необходимость новых археологических исследований, в углубленный критический анализ древнекитайских источников в целом.

Во внутриполитической истории Аулака основным был процесс консолидации государства в борьбе с центробежными тенденциями *лакхау* — в недавнем прошлом глав крупных родов. В последние десятилетия III в. н. э. центробежные тенденции были подавлены, власть *вьонга* стала абсолютной.

Внешнеполитическая история Аулака связана с нарастающей угрозой со стороны империи Цинь. С 20-х годов III в. до н. э. циньские армии начинают продвижение на юг, тесня армии вьетских государств в бассейнах нижней Янцзы и Сицзяна. Аулак активно борется против Цинь на территории соседнего вьетского государства Тайау, где наносит циньской армии в 214 г. до н. э. сокрушительное поражение. В ходе следующего похода на вьетов циньские армии вторгаются на территорию Аулака, но вскоре вновь терпят поражение. Еще до окончания этой войны империя Цинь погибает, истощенная тяжелыми войнами с гуннами и вьетами и раздираемая внутренними противоречиями. В 207 г. до н. э. Аулак объединяется с соседним Намвьетом в двуединое государство Аулак–Намвьет с сохранением в каждом из них собственной династии под главенством намвьетской династии Чиеу.

Внутри Аулака–Намвьета во II в. до н. э. усиливается государственный аппарат в противовес земельной аристократии, вышедшей из родовой верхушки; совершенствуется бюрократическая система, тип организации армии приближается к ханьской. Развивается законодательство, детализируются кадастры. Значительно более интенсивным становится обмен с Севером, с империей Хань, причем в торговом обмене фигурируют не только предметы роскоши, но и предметы широкого потребления (ткани, скот, сельскохозяйственные орудия, изделия из железа). При активном воздействии ханьской культуры начинается переход к железному веку и связанный с этим рост производительности труда. Происходит дальнейшее распространение китайской письменности и языка, что связано помимо потребностей местного правящего слоя с наличием в Намвьете ассимилирующихся остатков циньских армий, воевавших в этой стране. На китайском языке составляются официальные документы, указы, обращения, на нем ведется дипломатическая переписка. II век до н. э. — время оживленных дипломатических и культурных связей с империей Хань; наследники престола, как правило, учатся в этой стране, ханьские послы регулярно присутствуют в столице Намвьета–Аулака — городе Фиеннгуне, и наоборот.

В первой трети II в. до н. э. вьетские государства постепенно добиваются от империи Хань признания и уважения своей независимости. В 180 г. до н. э., после победы над ханьским союзником — государством Чанша и победоносного отражения наступления ханьских войск, самостоятельность Аулака–Намвьета и соседних вьетских государств окончательно признается империей. Для Аулака–Намвьета наступает период более чем полувекового внешнеполитического спокойствия. Опираясь на свои успехи, Чиеу Да, основатель династии Чиеу в Намвьете, отстраняет от власти династию Тхук в Аулаке и объединяет оба государства на основе личной унии, закрепленной браком его сына с представительницей династии Тхук. Все это укрепляло внутреннее положение двуединого государства.

С середины 40-х годов II в. до н. э. начинается полоса военных столкновений в бассейне Янцзы и Сицзяна. Окрепшая ханьская империя, используя внутренние противоречия в среде вьетских государств, постепенно расширяет свое влияние на Юге. Вмешиваясь в сложные взаимоотношения Аулака–Намвьета, Донгвьета, Манвьета и других вьетских государств, Хань стремится ослабить наиболее сильное из них, т. е. Аулак–Намвьет. В 30-е годы II в. до н. э. в нем возникает прокитайская партия, настаивающая на добровольном вхождении в состав империи. Одновременно Хань активно вмешивается в борьбу внутри Аулака–Намвьета, инспирируя попытку вооруженного дворцового переворота в городе Фиеннгуне. После его провала начинается война Аулака–Намвьета с Хань, окончившаяся в 111 г. до н. э. взятием Фиеннгуна ханьской армией. В этот момент династия Тхук на территории Аулака разрывает унию с Намвьетом и начинает борьбу против присоединения к империи, за сохранение независимости.

В связи с событиями, происходившими в Аулаке–Намвьете во II в. до н. э., необходимо остановиться на истории ряда других сопредельных южских государств. Это государства Тиен, Манвьет и Донгвьет. Государство Тиен возникло у крайней западной, сравнительно отсталой группы вьетов — зивьетов. Не обладая развитой самостоятельной культурой, оно быстро ассимилировалось и скоро вошло в состав империи без крупных военных столкновений. Более развитым было государство Донгвьет в низовьях Янцзы. Прямой наследник царства Юэ, это государство было наиболее тесно связано с Севером, в нем сильнее, чем в других государствах, сказывалось политическое влияние Хань. В 30-х годах II в. до н. э. оно распалось на две части, одна из них отошла к империи, другая была включена в состав Манвьета. Манвьет, расположенный в гористом районе между устьями Янцзы и Сицзяна (совр. пров. Фуцзянь), был наиболее активным и стойким противником империи,

сохранившим свою независимость до III в. н. э. Но по своему экономическому и социальному развитию он отставал от Аулака–Намвьета и Донгвьета. В 110 г. до н. э. Намвьет успешно отбил нападение войск У-ди, после чего империя прекратила войны на Юге.

Попытка династии Тхук в конце II в. до н. э. восстановить независимое государство натолкнулось на противодействие высших чиновников, считавших для себя, по-видимому, более удобной властью далекой империи. В результате власть Хань была без военных действий установлена в Аулаке. Действительно, наличие верховной власти империи не лишило лаквьетскую служилую аристократию постов в управлении, ханьцы заняли лишь некоторые высшие посты. В течение I в. до н. э. лаквьетское государство продолжало развиваться по своим закономерностям. Применявшаяся Хань система «варвары управляют варварами» устраняла сколько-нибудь значительную угрозу вмешательства империи во внутренние дела Аулака. Это было обусловлено как постепенным ослаблением империи в I в. до н. э., так и слабостью ее позиций во вьетских районах Юга. Что касается проникновения к лаквьетам более развитой ханьской культуры, то оно протекало в это время менее интенсивно, чем раньше.

С начала нашей эры Аулак, теперь входивший в состав китайской империи как провинции-*куаны* Зяотьи, Кыутян и Нятнам (кит. *цзюни* Цзяочжи, Цзючжэнь и Жинань), вступает в полосу обширных реформ. В первые годы нашей эры, особенно после формального принятия Ван Маном императорского титула, в лаквьетских *куанах* имперская администрация приступает к осуществлению обширной программы реформ, направленных на политическую, экономическую и культурную ассимиляцию лаквьетов с целью окончательного закрепления в Аулаке и увеличения суммы налоговых поступлений из этой страны.

В экономической области наиболее важным было введение ханьской системы подворного обложения, что совершенно не соответствовало аграрной структуре лаквьетской деревни с ее сильной общинной организацией. Были также внедрены трудовая повинность по ханьскому образцу, регулярный набор в императорскую армию и проч. Возросла общая сумма собираемого налога, чему немало способствовала передача его сбора в руки императорских чиновников, так же как организации трудовой повинности и набора войск. Это, в свою очередь, ударило по интересам лаквьетской верхушки, лишившейся важных источников дохода. Одновременно началось переселение ханьцев в Аулак; пришлое крестьянское и ремесленное население оседало в городах и деревнях страны, ханьские чиновники получали надельные земли и создавали усадьбы. Получая земли за счет лаквьетов, переселенцы становились новым источником противоречий. Помимо прямого отстранения лаквьетской верхушки от государственного управления императорская администрация приступила к введению конфуцианского образования, постепенно переходя к комплектованию чиновников на основе экзаменов учеников основанных империей школ, где учились дети ханьцев и верхушки лаквьетов. Ассимиляция коснулась и религии, в стране строились конфуцианские и даосские храмы. Вводились ханьские брачные обряды, ханьская одежда и т. д. Эти мероприятия резко обострили обстановку в стране; на активное противодействие лаквьетов администрация Восточной Хань ответила в 30-х годах репрессиями в отношении своих наиболее активных противников из числа лаквьетской аристократии. Но к этому времени недовольные крестьяне уже были объединены *лакхау* и *лактыонгами* вокруг династии *выонга*, сохранившей значительные земельные владения до I в. н. э. В марте 40 г. н. э. началось восстание, ханьские гарнизоны были уничтожены, независимость Аулака восстановлена. Власть *выонга* была передана представительнице династии — одной из руководительниц восстания Чынг Чак. В 42 г. Хань начала военные действия на Юге, послав против Чынг Чака армию под командованием Ма Юаня; началась двухлетняя война. После ряда успехов лаквьетская армия вынуждена была перейти к обороне и вскоре распалась на две части, продолжавшие сопротивление на западе и юге страны. К середине 44 г. последние лаквьетские отряды были разбиты. Ма Юань начал проводить репрессии, страна была опустошена, часть населения покинула Аулак. С этого времени *лакхау* и *лактыонги* перестают играть сколько-нибудь значительную роль в жизни страны.

Несмотря на военную победу, ханьские администраторы сознавали, что прямолинейная политика всеобщей ассимиляции и жесткого контроля в различных областях в то время стала невозможной. Было ясно, что она нуждается в смягчении. Вскоре преследования прекратились, временно были отменены налоги и набор в армию; эти мероприятия дали некоторое успокоение истощенной войной стране. Но они имели целью лишь облегчить возобновление старой политики, той, что вызвала восстание 40 г. На рубеже I–II вв. н. э. она была возобновлена и вновь показала свою неприемлемость для лаквьетов. Вновь начались восстания, в первую очередь крестьян и нелаквьетских горных народностей. Восстания конца I — начала II в. идут под лозунгом протеста против налогов и против власти иноземцев. Особенно упорная борьба развертывается в *куане* Нятнам. Там часто восстают горные народности, родственные чамам, поддерживаемые возникшим во II в. н. э. к югу от Аулака государством Чампа (Линь). В борьбе с восстаниями первой трети II в. н. э. ханьская администрация все более выделяет беспокойные лаквьетские *куаны* из числа остальных *цзюней* империи, воссоздавая на новой базе единую организацию на территории бывшего Аулака. В то же время она во все большей степени опирается на китаизирующиеся прослойки лаквьетской служилой знати, допускаемой в эти

годы на низшие посты администрации лаквьетских *куанов*. Этим расширяется прослойка служилой аристократии смешанного ханьско-лаквьетского происхождения, пополняющаяся также за счет натурализовавшихся в Аулаке ханьцев из числа чиновников, солдат и переселенцев.

Но обе эти прослойки не могли служить достаточной базой для продолжения активной ассимиляторской политики, и, поскольку она продолжалась, со все большей силой продолжались и выступления против нее со стороны основных масс лаквьетов. Усиление и учащение восстаний во второй трети II в. н. э. сопровождаются перемещением их центра в чисто лаквьетские *куаны* (Зяотьи и Кыутян). Одновременно они все более приобретают характер массовых социальных движений низов, будучи направлены против ханьской администрации и местной правящей верхушки, постепенно переходящей на сторону империи. Ее представители в это время уже допускаются к средним постам в Зяотяу (кит. Цзяочжоу), как стали называть страну после 136 г.

Наивысшего подъема антикитайское движение достигает в 60-х — начале 80-х годов II в., когда вся система ханьского управления оказалась под угрозой. Не в силах продолжать прежнюю политику в условиях совместных выступлений вьетского и китайского населения в Зяотяу, переплетающихся с военными бунтами в местных гарнизонах, ханьские администраторы отказываются от значительной части реформ, проводившихся с начала I в. н. э. Одновременно они идут на дальнейшие значительные уступки вьетской верхушке, понимая, что лишь при ее поддержке они смогут удержаться. Практически вся власть переходит в конце II в. в руки вьетов и натурализовавшихся ханьцев, живущих в Зяотяу. Вьеты получают право занимать высшие посты в империи. Отказ от прежней ханьской политики и приход к власти местной знати создали в Зяотяу новую экономическую и политическую ситуацию, характеризовавшуюся компромиссом между вьетскими и ханьскими интересами. Отказ от абсолютной ассимиляции и учет местных экономических, социальных и культурных особенностей в сочетании с расширением социальной базы империи за счет вьетского правящего слоя временно несколько смягчили противоречия между империей и вьетами в целом. Этот компромисс был оформлен так называемыми реформами Ши Ньиепа (кит. Ши Се), наместника Зяотьи из числа местных жителей, в конце II — начале III в. н. э. К этому времени страх перед все усиливавшимися массовыми выступлениями сплотил местную верхушку и ханьскую администрацию и вынудил их пойти на взаимные уступки. Допущение вьетов на высшие посты и отказ от политики I в. н. э. привели к тому, что система налогообложения была реорганизована применительно к местным условиям и общинным институтам. С одной стороны, это несколько облегчило положение части общинников, с другой — упростило борьбу с оппозиционными движениями, дало возможность набирать местные войска. Уменьшилось и общее число ханьцев в правящей верхушке, так как многие функции ханьской администрации были переданы вьетам. Это привело к спаду антикитайских выступлений в III–V вв. н. э.

Шедшая в Зяотяу активная внутренняя борьба позволила чамам значительно продвинуться на север, заняв большую часть Нятнама. Южной границей Зяотяу со II в. н. э. становится горный район Хоаньшон.

В I–II вв. н. э. в экономике и культуре лаквьетов произошли существенные изменения. Широко распространились достижения ханьской цивилизации, конфуцианская образованность стала достоянием местной знати, повсеместно употреблялись китайский язык и письменность. Значительные изменения в направлении сближения с Хань произошли в технике, языке, быту. Одновременно усилились связи с Индией, откуда во II–III вв. н. э. в большом количестве прибывали буддийские проповедники. В стране стал интенсивно распространяться буддизм. Изучение истории I–II вв. н. э. чрезвычайно важно для понимания путей дальнейшего экономического, политического и культурного развития вьетского общества в средние века.

На основании исследования материалов по процессам, протекавшим в северо-восточном Индокитае и прилегающих районах в последние века до нашей эры, автор пришел к выводу, что в середине III в. до н. э. в Бакбо и северных районах Чунгбо возникло раннегосударственное образование предков вьетнамцев — лаквьетов (Аулак). Социальное неравенство и внеэкономическое принуждение возникли в эпоху поздней бронзы на базе имущественного расслоения в сельских общинах земледельцев-лаквьетов. В процессе становления ранних форм государственности некоторую роль сыграло влияние более развитых северных государств (Юэ, Шу, Чу и др.). Возникнув в середине III в. до н. э., лаквьетское государство в различных формах существовало до начала нашей эры, то будучи полностью независимым, то входя в состав китайской империи как зависимое государство. В I–II вв. н. э. в результате активного вмешательства Хань во внутреннюю жизнь лаквьетского государства там начинается борьба как между лаквьетами и ханьской администрацией, так и между отдельными группами лаквьетов. В I–II вв. в Зяотяу, как стал называться Аулак, происходят значительные внутренние изменения, в ходе которых на смену лаквьетской землевладельческой аристократии приходит служилая знать смешанного вьетско-ханьского происхождения. Само лаквьетское государство прочно входит в состав империи на несколько веков. В процессе развития глубоко самобытной лаквьетской культуры, впитавшей многое из культуры автохтонного населения и

обогащенной достижениями ханьской культуры, закладываются основы средневековой вьетнамской культуры.

Крестьянские восстания во Вьетнаме в I–II вв. н. э.¹

Несмотря на то что официально Вьетнам со 111 г. до н. э. был включен в состав ханьской империи в виде трех провинций (*куанов*, или, по-китайски, *цзюней*) — Зяотьи, Кыютян и Нятнам (соответственно Цзяочжи, Цзючжэнь и Жинань), на деле до начала нашей эры он оставался государством, внутренние порядки в котором, по свидетельству китайских летописей, пребывали неизменными. Но с первого десятилетия нашей эры начался активный процесс превращения Вьетнама в китайскую провинцию, вызвавший сопротивление всего вьетнамского народа, и в первую очередь крестьянства, для которого это означало новую, более изощренную систему эксплуатации и увеличение общей массы собираемой ренты-налога. Это сопротивление выразилось в ряде крупных крестьянских восстаний, составляющих основное содержание истории Вьетнама в I–II вв. н. э.

Причиной восстаний было не только усиление экономического и политического гнета, но и резкое противоречие между социально-экономической структурой, сложившейся во вьетнамском (лаквьетском) обществе к I в. н. э., и той структурой, которая сложилась в то время в Китае и на основе которой китайцы действовали во Вьетнаме. В основе этой структуры, как и в дальнейшем, лежала деревенская сельская община, члены которой были основными производителями материальных благ в государствах Аулак и Намвьет.

Основным занятием общинников было земледелие на орошаемых рисовых полях, одновременно с которым значительное развитие получило рыболовство. Помимо общинников существовало некоторое количество рабов и крестьян, находившихся в зависимости от представителей господствующего класса, но их роль в производстве была несравненно меньше роли свободных общинников [Дао Зуи Ань 1955б: 92].

В каждой области существовал род (как правило, он состоял из членов семьи главы бывшего здесь не так давно племени), имевший определенные земли, обрабатываемые зависимыми общинниками из числа членов этого племени. Помимо этого такой род пользовался рядом привилегий, исходящих из его положения в недавнем прошлом. В государстве Аулак члены этих родов были близки к *выонгу* (правителю) [КМ, ТВ-II: 14b] и занимали определенные посты в государственном аппарате, являясь в пределах своих бывших владений представителями государства. Но уже тогда начался противоположный процесс, резко усилившийся при Чиеу Да [Дюмутье Ж. 1906: 414] и его преемниках, а особенно в период господства Ранней Хань. Это был процесс создания (несомненно, под влиянием Китая, где эта система давно уже сложилась) слоя служилой знати, не обладавшей наследственными земельными владениями и обязанной своим положением государству. Экономически обе эти группы существовали на определенных отчислениях от собиравшейся в пользу верховного собственника земли — государства — ренты-налога, получаемой за выполнение определенных функций в государственном аппарате. Но для второй группы участие в управлении было основным источником доходов, и именно эта группа была наиболее заинтересована в укреплении государства.

Введение китайских норм экономической и политической жизни наносило непосредственный ущерб интересам всех этих групп, и в первую очередь это относится к общинникам, на которых точно разработанная и всеохватывающая китайская система налогов, к тому же основанная на семейном, а не на общинном принципе, несомненно давила сильнее, чем налоговая система государств Аулак и Намвьет, сохранявшаяся и при Западной Хань. Помимо этого, несомненно, выросла и общая сумма собираемых налогов.

Что касается верхушки лаквьетского общества, то «китаизация» всех ступеней управления, введение китайской системы аппарата, экзаменов при назначении на должность [КМ, ТВ-II: 19a], увеличение числа китайцев среди чиновников [Масперо А. 1918б: 16] и т. п. сильнее всего ударили по ее правам и привилегиям, в то время как переход контроля над налоговыми поступлениями и переход самих этих поступлений в руки китайцев подрывали экономическую базу существования этого класса. И чем ревностнее проводилось внедрение китайской системы, тем больше стимулировалось сопротивление *лакчюонгов*, *лакхау* (земельная родовая аристократия) и *ботьиней* (служилая знать).

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока. М., 1960, с. 157–171.

Особенно были недовольны князьки отдаленных горных уездов [КМ, ТВ-II: 19a], где были сильны родовые традиции.

Помимо этих причин, вызывавших недовольство отдельных классов, немало было и причин, вызывавших недовольство всего народа. Прежде всего уже около трех веков на этой территории существовало лаквьетское государство, то полностью независимое, то вассальное по отношению к Хань, но с полной внутренней самостоятельностью. Ликвидация этой государственности, иноземный гнет, резко усилившийся с начала I в. н. э., были одной из важнейших причин войн и восстаний, часто шедших под лозунгом восстановления независимости.

Другим фактором, усиливавшим недовольство, было переселение из центрального Китая китайцев, которым отдавали лучшие земли за счет местного населения. Все ханьские чиновники обладали небольшими поместьями, изображения которых сохранились в их погребениях. Это типичная маленькая усадьба, всегда хорошо укрепленная (как видно, положение завоевателей и после ста лет господства было не вполне надежно); что же касается жилищ крупных чиновников, то это настоящие крепости. Всем этим хозяйствам должны были соответствовать значительные земельные участки, обработка которых была невозможна без эксплуатации местного населения.

Помимо этой категории чиновников существовала гораздо более значительная масса китайского населения, находившаяся в менее привилегированном положении. Это были те ремесленники, торговцы, ссыльные и проч., из которых формировались армии для завоевания Вьетнама и которые начали оседать там еще при Чиеу Да [Дюмутье Ж. 1906: 426]. Живя в самой гуще лаквьетского населения, все более приближаясь к нему по жизненному уровню и обычаям, они в то же время были тем промежуточным элементом, через который вьетнамское общество обогащалось всеми достижениями более передовой китайской культуры. Но в то время (к началу I в. н. э.) они еще не слились с местным населением и представляли собой опору ханьского аппарата во Вьетнаме.

Было бы неправильно подчеркивать отрицательные стороны включения Вьетнама в состав китайского государства, закрывая глаза на положительные результаты тесного контакта с ним. Помимо развития под китайским влиянием старых ремесел и появления многих новых, что было связано с уже упоминавшейся особенностью комплектования завоевательных армий, китайцы оказали несомненное воздействие на совершенствование культуры земледелия и ее распространение во Вьетнаме. Бесспорно то огромное благотворное влияние, которое оказала китайская культура на литературу, письменность, государственность и многие (почти все) стороны культурной жизни Вьетнама. Но нельзя и переоценивать степень воздействия, как это делается во многих общих работах западных исследователей, утверждающих, что земледелие введено во Вьетнаме китайцами. Основывается это утверждение на искусственно вычленном куске фразы из 76-й цзюани XXIII, где говорится о введении китайцами методов обработки земли в отсталых горных районах северо-западного Бакбо и Кыутяне. Это утверждение переносится на весь Вьетнам, в то время как в начале этой же фразы совершенно ясно говорится, что раньше, т. е. до прихода китайцев, рис в указанные районы ввозился из центрального Бакбо, т. е. с основной территории лаквьетского государства Аулак [XXIII, т. 9, цз. 76: 2462]. В летописи говорится о торговле рисом в главном городе государства Аулак [Дао Зуи Ань 1955б: 97], а что касается материальной культуры вьетнамцев, то от того времени (III в. до н. э.) и позже до нас дошло большое количество различных орудий обработки земли, в том числе бронзовых лемехов, которых во Вьетнаме найдено немногим меньше, чем собственно в Китае.

Но полезные нововведения проникли во вьетнамское общество стихийно, в то время как методическое введение китайского аппарата, китайских норм жизни, китайских налогов и т. д. было определенной политикой и вызывало активное противодействие.

Не меньшее недовольство вызывали одновременно введение китайских правовых норм, попытки изменить местные обычаи — от вмешательства в брачные нормы до мелочного контроля за внешним видом.

Помимо вьетнамцев в пределах трех провинций находилось большое число племенных объединений народностей аустроазиатского и индонезийского происхождения, не желавших признавать какой-либо контроль со стороны. Попытки Хань установить этот контроль служили дополнительным источником противоречий.

Итак, первая половина I в. н. э. — время интенсивной китаизации лаквьетов. Этот процесс связан с именами проводивших политику ассимиляции талантливых администраторов Си Гуана и Цзян У, *тайшоу* (наместников) в провинциях Зяоты и Кыутян. Они были представителями новой группы китайских чиновников, пришедшей к власти в бурную эпоху Ван Мана, и их собственная активная деятельность во многом отражала обстановку в Китае. Их политические устремления в полной мере проявились в 23 г., когда они не поддержали антиванмановское движение в центре Китая и только после окончательного поражения Ван Мана вступили в переговоры с представителями Поздней Хань [КМ, ТВ-II: 8b].

Необходимо отметить, что в первые двадцать лет активной китаизации (9–29 гг.) нам неизвестны какие-либо выступления против этой политики. В этом сказалось как то, что подобная политика

проводилась впервые и не все представляли ее последствия, так и то, что проводили ее несомненно способные администраторы, сумевшие избежать столкновения с лаквьетскими противниками китаизации. Но это были временные факторы, которые не могли действовать длительный период, и с 30-х годов оппозиция мероприятиям Ханей резко усиливается. Несоответствие между интересами лаквьетов и ханьскими реформами неизбежно должно было привести к столкновению между вьетнамскими крестьянами и землевладельцами, с одной стороны, и китайской администрацией — с другой.

В борьбе с нараставшей оппозицией новый китайский губернатор Су Дин прибег к террору и казнил ряд наиболее крупных *лакчюнгов*, в том числе Тхи Шатя², одного из крупнейших землевладельцев дельты Красной реки, к тому же связанного родственными узами с семьей *выонга* [КМ, ТВ-II: 10a], сохранявшей в то время главенствующее положение среди высших родов Вьетнама³. Этот поступок, несомненно получивший широкий отклик в стране, послужил поводом к ускорению вооруженного выступления, начавшегося, впрочем, не непосредственно после казни, а в марте 40 г., так как его организаторы учитывали ту обстановку, которая сложилась в Китае в середине I в. [Масперо А. 1918б: 13; Йенс О. 1951, т. 1: XXI].

Ряд восстаний, войны в Корее и на других окраинах долгое время не позволяли Хань принять действенные меры для пресечения попытки лаквьетов вернуть свою самостоятельность.

Массовое крестьянское восстание возглавила та группа господствующего класса, которая была наиболее заинтересована в государственной самостоятельности и не раз боролась за ее восстановление, — группа представителей крупной земельной аристократии, связанная с центральными районами Бакбо и с семьей *выонга*, причем ей удалось сломить сопротивление сепаратистски настроенных кругов. Все источники подчеркивали общенародный характер восстания [Масперо А. 1918б: 13 (примеч.)].

Во главе восстания стала Чынг Чак, дочь главы семьи Лак, и ее сестра Чынг Ньи, но, как справедливо указывают современные вьетнамские исследователи, сестры были скорее знаменем движения и за ними стояли определенные группы *лакчюнгов*, недовольные ханьской политикой.

Восстание началось в центральном лаквьетском районе близ города Мелинь. Чынг Чак возглавила *лакзан* (крестьян) и дружины из своих владений, объединилась с войсками семьи своего мужа (местные территориальные власти, несмотря на 30 лет реформ, сохранили не только административную власть, но и собственные военные формирования, что помогло им быстро ликвидировать ханьские гарнизоны). Соединенные силы двинулись на Лиеншу, где находилась в то время резиденция наместника, по пути призывая *лакчюнгов* примкнуть к восстанию. *Лакчюнги* охотно поддерживали восставших, так как было ясно, что Хань ведут дело к полному отнятию у них власти. Но чем объяснить массовое присоединение к восстанию членов господствующего класса еще до первых его успехов, указанных в летописи? Имеются некоторые интересные детали, могущие предположительно объяснить этот факт. Как известно, город Мелинь был основным центром лаквьетов, столицей, где завоеватели (Чиэу Да и Хани) обычно располагали свои гарнизоны. Стоял там и ханьский гарнизон (другой был в городе Лиеншу). Из Мелиня лаквьеты двинулись на второй центр ханьской администрации — Лиеншу,

---

² В ранних китайских источниках существуют две близкие друг к другу в последовательности изложения событий, но отличающиеся в деталях версии хода восстания сестер Чынг. Одна из них принадлежит известному историку Фань Е (398–445), автору XXIII. Другая изложена в сочинении неизвестного автора *Цзяочжоу вай юй цзи* («Записи о землях за пределами Цзяочжоу»), создание которого датируется эпохой Цзинь (265–420) [Мэн Вэнь-тун 1983: 64]. Версия Фань Е с некоторыми изменениями перешла и во все вьетнамские средневековые исторические источники [ТТ/Тынь-хоа, НК-III; Вьет шы лыок, к. 1], затем во вьетнамскую историческую науку, излагается и в современной западной литературе (см., например, [Тэйлор К. 1983: 37–41]). Версия же *Цзяочжоу вай юй цзи*, сохранившаяся в виде цитат в сочинении Ли Дао-юаня *Шуй цзин чжу*, таким авторитетом не пользовалась, хотя, безусловно, была хорошо известна как вьетнамским и китайским историографам, так и современным ученым. Ли Дао-юань, видимо, без серьезных изменений передает более ранний по сравнению с Фань Е текст, который, вероятно, был исходным и для XXIII. Это предположение основывается на том, что Фань Е допустил ошибку, впервые обнаруженную китайским ученым XVIII в. Чжао И-цином при сравнении текста XXIII именно с *Шуй цзин чжу*. Фань Е добавил к односложному имени мужа Чынг Чак — Тхи (кит. Ши, 詩) еще один знак, оторвав его от следующего в тексте *Шуй цзин чжу* сразу за именем оборота «со ... ци» (索 • • • 妻, букв. «жениться на...») и превратив имя в Тхи Шатя (詩索). В *Шуй цзин чжу* говорится: «Впоследствии сын *лактыонга* из Тюзиена по имени Тхи взял (вьет. *шатя*, кит. *со*) женой дочь *лактыонга* из Мелиня по имени Чынг Чак» [Шуй цзин чжу, цз. 37: 477–478]. В XXIII же сказано: «Чынг Чак — дочь *лактыонга* из уезда Мелинь. Вышла замуж за человека из Тюзиена по имени Тхи Шатя» [XXIII, т. 10, цз. 86: 2836]. (Подробно об ошибке Фань Е см. [Чэнь Юй-лун 1982].)

Кроме того, этот Тхи (Тхи Шатя), муж Чынг Чак, играет разную роль в этих версиях. У Фань Е он упоминается всего один раз (в процитированной выше цитате) и не играет никакой вообще роли в восстании, что дало средневековым вьетнамским историографам возможность «казнить» его и тем дать повод Чынг Чак для восстания. В *Шуй цзин чжу* он играет роль безусловно пассивную, но упоминается три раза. Первый — как муж Чынг Чак (см. выше), второй — как сподвижник Чынг Чак («Чак как человек обладала отвагой, побудила [мужа] Тхи поднять мятежников и напасть на *чжоу* и *цзюни*...»), третий — вместе с Чынг Чак как объект возмездия («Впоследствии... Ма Юань привел войска покарать Чак и Тхи, [а они] сбежали, спасаясь, в Кимкхэ. Только через три года поймали...») [Шуй цзин чжу, цз. 37: 477–478]. Сестра Чынг Чак — Чынг Ньи в версии *Шуй цзин чжу* вообще не упоминается (примеч. А.В.Никитина).

³ В данном случае, как и вообще в данной работе, имеются в виду не примитивные родовые организации, а роды в том смысле, в котором это слово применяется к знатным родам европейского средневековья.

причем о судьбе половины всей ханьской армии (той, что стояла в Мелине) мы ничего не знаем. Судя по тому, что эта часть войск больше не фигурирует в летописях, можно предположить, что она была ликвидирована в самом начале восстания, и это и было первым его успехом, обусловившим быстрый переход остальной части господствующего класса на сторону восставших и поддержку его широкими народными массами.

Поход на Лиеншу увенчался полным успехом, город был взят, китайская администрация и войска отступили вниз по реке. Ими были оставлены и небольшие укрепления в уездах, и вскоре все оставшиеся в живых китайцы переправились на о. Хайнань [КМ, ТВ-II: 10а]. Восстание распространилось по всей стране [Нгуен Минь 1955: 49], войска Чынг Чак заняли 65 укрепленных пунктов, частично являвшихся центрами уездов, из которых состояли провинции. Зяотьи, Кыютян и Нятнам были объявлены независимым государством, во главе которого встала Чынг Чак. Столицей снова стал древний город Мелинь, центр владений семьи Лак, к которой принадлежали Чынг Чак и ее отец [Масперо А. 1918б: 13].

Восстановленное государство представляло собой значительную силу, о чем свидетельствует масштаб предпринятых в Китае мероприятий по борьбе с ним. В течение двух лет лаквьетское государство не подвергалось нападению [Минь Чань 1955е: 19], и только после окончания борьбы на севере Поздняя Хань начала готовиться к походу на юг. Ведение войны было поручено знаменитому полководцу Ма Юаню, которому подчинялись значительные силы (8 тыс. солдат регулярной армии и 12 тыс. солдат милиции, набранных в южном Китае, совр. Гуандуне [Масперо А. 1918б: 14]). После длительной подготовки он предпринял этот поход. На первом этапе войны китайские войска прошли непроходимый до того времени район современной вьетнамо-китайской границы и, не встретив никакого сопротивления, вышли в низинную часть Бакбо. Легкость продвижения была обусловлена неожиданностью появления китайцев со столь необычайной стороны. Во время своего долгого марша Ма Юань не подвергся нападению лаквьетов и спокойно вышел в Дельту, откуда вдоль ее северной части двинулся на Мелинь [КМ, ТВ-II: 11а].

В это время руководящая группа господствующего класса, концентрировавшаяся вокруг семьи *выонга*, против которой был направлен основной удар Ма Юаня, собрала все военные силы государства и встретила противника на границах основных владений семьи Лак — Тайву (между совр. Ханоем и пров. Шонтай). В генеральном сражении Ма Юань был разбит и отступил к северо-востоку (в пров. Киньбак) [Масперо А. 1918б: 16], где построил укрепленный лагерь и стал выжидать. Первый период войны был окончен. Вскоре, в мае 43 г., лаквьетская армия начала наступление на его позиции, имея основными тыловыми районами Мелинь и Кыютян. Силы лаквьетов оказались весьма значительны, но общий штурм был неудачен. Они потеряли несколько тысяч человек, сняли осаду и отошли на исходные позиции в районы Мелинь и Кыютян. Так закончился второй этап войны с китайцами. В результате его лаквьеты отошли на запад и юг, оставляя Дельту неприкрытой.

В течение третьего этапа (май 43 г. — январь 44 г.) основная борьба развернулась в Дельте, куда Ма Юань бросил основные силы армии и флот из 2 тыс. различных судов (больших и малых), лично возглавив эти силы. В самом начале войны он не рискнул войти в Дельту, а пошел вдоль ее северной части, направляя удар на политический центр лаквьетов — район Мелинь, имея определенный план войны — разбить руководящий центр и основные силы, а затем по частям захватить всю страну. Борьба велась в двух частях провинции Зяотьи, так как для более обширных операций у Ма Юаня не хватало войск. Сам он с основными силами своей армии вел войну в Дельте, к Мелиню была послана меньшая часть армии под командованием Лю Лана.

Война в Дельте велась следующим образом: ханьские войска занимали район за районом, повсеместно лишали власти представителей лаквьетской верхушки, создавая на их месте администрацию по китайскому образцу [XXIII, т. 3, цз. 24: 838–839]. Особо активные во время войны владения дробились; в частности, часть владения семьи *выонга*, знаменитое Тайву, было разделено на два уезда [КМ, ТВ-II: 14b]. Во всех уездах были назначены китайские начальники, с которыми оставались небольшие гарнизоны и для которых строили крепости, окруженные рвами. Все prerogatives *лакчюнггов* и *лакхау* перешли к китайским чиновникам, и сами названия *лакчюнгг*, *лакхау* вскоре перестали употребляться [XXIII, т. 3, цз. 24: 838–839]. Это была политика, совершенно противоположная политике 111 г. до н. э., когда китайцы без боя установили свое господство, которое фактически было номинальным и вся власть оставалась в руках *лакчюнггов* и *лакхау*. Полная ликвидация привилегий господствующего класса, свидетельствующая о его активном участии в восстановлении лаквьетского государства, вызвала его ожесточенное сопротивление, сделавшее борьбу длительной и упорной [Нгуен Минь 1955: 50]. Полгода, шаг за шагом, занимал Ма Юань города и деревни Дельты и только в декабре 43 г. смог послать в Лоян донесение о том, что он занял Зяотьи.

На территории Мелиня война длилась шесть месяцев. В начале 44 г. в битве при Кинки, к юго-западу от Мелиня, на берегу Черной реки, лаквьетская армия была разбита, около тысячи воинов и обе сестры, возглавлявшие армию, погибли в бою, остальные сдались [XXIII, т. 3, цз. 24: 839; КМ, ТВ-II:

12а]. Несколько раньше, как уже говорилось, Ма Юань занял всю Дельту, захватив, таким образом, всю территорию Зяотьи. Но две другие провинции — Кыутян и Нянтам — еще не были завоеваны.

Война в южных провинциях и составила четвертый этап лаквьето-китайской войны, длившийся с января до начала лета 44 г. Ма Юань двинулся морем на юг, высадился в дельте реки Дан, в самой южной части дельты Красной реки (в совр. Кимшоне), и «подчинил местных вождей повстанцев» [Шуй цзин чжу, цз. 37: 478–479]. Затем вся армия двинулась на столицу Кыутяна город Тыфо, где находились главные силы лаквьетов под руководством Ту Онга, ушедшего сюда с частью войск после поражения при Лангбо (пров. Киньбак). Положение лаквьетов в этих недавно присоединенных районах, в значительной мере заселенных охотничьими племенами и племенами (индонезийского происхождения), занимающимися рыболовством, было менее прочным. Но все же Ту Онг дал бой китайцам под Тыфо (недалеко от совр. г. Тханьхоа), в котором «главный вождь» восставших и его армия потерпели жестокое поражение, после которого им пришлось уйти в горы и вести партизанскую борьбу. После занятия столицы Ма Юань предпринял операции против мелких отрядов, разделив для этого свою армию на две части, одна из которых шла вдоль р. Лыонг, другая — вдоль р. Ма, подчиняя лаквьетские районы. Сопrotивление было ожесточенным. Ма Юань и его войска вынуждены были прочесывать труднодоступные горные и лесные области в погоне за Ту Онгом и его солдатами [Шуй цзин чжу, цз. 37: 478–479]. При усмирении было казнено несколько сот лаквьетских руководителей и более 5 тыс. солдат [XXIII, т. 3, цз. 24: 839]. Сотни семей наиболее активных врагов Хань были выселены в южный Китай; из Кыутяна было угнано свыше 1 тыс. голов быков и коз. После установления китайского административного аппарата в Кыутяне Ма Юань прошел провинцию Нянтам до границы с чамскими районами, где оставил пограничный пост. Точные координаты этого места, находящегося в центральном Чунгбо, неизвестны.

Так закончилась война за независимость 42–44 гг., бывшая неудачной для лаквьетов и приведшая к ликвидации (впервые в истории не номинальной, а фактической) внешней и внутренней самостоятельности их государства. С этого времени китайская культура начинает оказывать сильнейшее, а в ряде случаев определяющее влияние на культуру лаквьетов. Экономические процессы в лаквьетском обществе начинают быть все более тесно связаны с соответствующими процессами в Китае. В экономике, политике, культуре, религии все сильнее проявляются процессы взаимовлияния лаквьетских и китайских элементов, результатом которых и было возникновение на базе лаквьетской народности вьетнамской.

После подавления движения 40-х годов внутривполитическая обстановка в корне изменилась. В жестокой двухлетней борьбе погибли многие представители господствующего класса, значительная часть их была разорена реквизициями, тысячи наиболее активных противников Хань сосланы. С этого времени Вьетнам на 500 лет теряет независимость и входит в состав китайского государства, а борьба против иноземного господства и двойного гнета принимает форму многочисленных крестьянских восстаний, не доходя, однако, до масштабов войны между Вьетнамом и Китаем как различными государствами.

Сходят со сцены старые господствующие группы лаквьетов — *лакчюнги* и *лакхау*, связанные с земельными владениями, передаваемыми по наследству.

Но, подавив антикитайское движение, ханьские администраторы не устранили причин этого движения. Они по-прежнему пытались управлять, опираясь только на китайских чиновников, без опоры внутри страны и без учета местной специфики, что привело к сохранению оппозиционных настроений у большинства лаквьетской верхушки и к тому, что основная сила восстания — крестьяне-общинники, способ эксплуатации которых находился в резком противоречии с их социальными общинными традициями, а гнет становился двойным, продолжали противостоять иностранному господству, о чем свидетельствуют неоднократные крестьянские восстания II, III и следующих веков.

Первые 30 лет после окончания войны царил «необычный мир», обусловленный, с одной стороны, истощением страны, а с другой — значительными уступками со стороны Хань, правда носившими временный характер (прежде всего отмена налогов). В 76 г. «необычный мир» прекращается, но нам неизвестны события, заставившие китайских историков считать его нарушенным в этом году [КМ, ТВ-П: 15b]. Вполне возможно, что это было связано с тем, что с 74 г. вновь начали собирать налоги, что в силу указанных выше обстоятельств не могло не вызвать недовольство и послужило причиной новых столкновений. Учитывая это, ханьские администраторы вначале вводили налоги в наиболее удобоконтролируемых центральных районах, тогда как в основном очаге сопротивления на позднем этапе войны — Нянтаме налоги начали собирать только в 84 г. Но как только приступили к сбору налогов в полной мере, с применением ханьских методов их взимания, недовольство крестьян вновь перешло в открытые выступления, для которых полностью отстраненные в этот период от власти *лакхау* и *лакчюнги* поставляли многочисленные кадры опытных руководителей. Что же касается южных районов страны, то там положение обострялось тем, что они в значительной степени были заселены племенами чамского и кхмерского происхождения, противившимися всяким попыткам подчинения.

Именно на юге и вспыхнуло первое после войны 40–44 гг. крестьянское восстание, охватившее в 100 г. весь южный Нятнам, имея центром уезд Тьонглам (кит. Сянлин) [КМ/А.2674, ТВ-2: 15b]. Причиной восстания была тяжесть налогов, сбор которых обрекал земледельцев на голод. Войска, расположенные в провинции, не смогли подавить восстание, и положение было настолько критическим, что администрация была вынуждена временно не только прекратить взимание налогов, но и оказывать в течение 101 г. помощь «беднякам Нятнама и Тьонглама», чтобы они «избегли голода».

Эти меры не могли остановить рост антикитайского движения, и в 102 г. эти же районы становятся ареной ожесточенных столкновений китайской армии и восставших крестьян [КМ, ТВ-II: 15b].

Согласно ХХШ, более трех тысяч человек, объединенных в один отряд, «грабили и вымогали у населения». Массовость движения не позволяет считать его участников шайкой разбойников. Восставшие имели вождя и под его руководством предприняли активные действия, для пресечения которых военных сил, находящихся в провинции, оказалось недостаточно, и сюда были стянуты войска из соседних *куанов*.

К этому времени в полной мере сказался антиханьский характер движения: восставшие поджигали административные учреждения и китайские храмы.

Восстание охватывает все земледельческие районы южного Нятнама, имея центром Тьонглам, но в общем остается локальным, что наряду с чисто земледельческим характером охваченных восстанием районов лишней раз подтверждает крестьянский характер движения. Об этом же говорит и тот факт, что восставшие продолжали грабить имущество богачей.

Социальная направленность восстания и его основные черты позволяют установить, что же собой представляло это «население», которое грабили восставшие. Восстание было направлено против местных богачей, китайской администрации и насаждаемой религии (вспомним упоминавшееся выше вмешательство китайцев в религиозную жизнь лаквьетов). Восстание приобрело значительный размах, судя по мерам подавления, но прекратилось после гибели вождя (черта, также типичная для крестьянских восстаний).

Может возникнуть вопрос, не было ли восставшее население местным, протоиндонезийским. Против этого говорит ряд фактов. Во-первых, прямое указание летописи на лаквьетское происхождение восстания и, во-вторых, земледельческий характер движения.

Серия восстаний в южной части владений империи на границе с чамским государством⁴ заставила Хань начать укрепление своего аппарата. В течение 20-х — начале 30-х годов П в. н. э. предпринимались различные меры, закончившиеся присвоением Зяотьи статуса *тяу* (кит. *чжоу*)⁵ с укрепленным и усиленным китайским аппаратом. Еще раньше на крайнем юге была учреждена новая должность — «уполномоченного по войскам Тьонглама», носитель которой обладал широчайшими полномочиями в этом районе [КМ, ТВ-II: 15b]. Одновременно к участию в управлении допускается на низких постах часть китаизировавшейся лаквьетской служилой знати.

Судя по дальнейшему ходу событий, эти меры вызывались осложнением обстановки, ибо в 137 г. на Юге начались новые восстания. На этот раз основной силой восстания было население горных районов и вторгшиеся с юга группы племен индонезийского происхождения. Они нашли поддержку у населения Нятнама, значительную часть которого составляли лаквьеты, и восстание стало всеобщим. Считать это восстание только крестьянским у нас нет оснований, скорее, оно только сопровождало восстание горных племен и вторжение чамов.

Ход восстания таков: летом 137 г. н. э., как сообщает ХХШ, варвары цзулянь и «другие варвары из неконтролируемой зоны» в Нятнаме и Тьонгламе в количестве нескольких тысяч напали на центр уезда Тьонглам. Произошло сражение, во время которого «уполномоченный по войскам Тьонглама» был убит, цитадель и дома офицеров сожжены [ХХШ, т. 10, цз. 86: 2837–2839; КМ, ТВ-II: 19a]. Когда же инспектор Зяотьи Фан Пэн собрал 10 тыс. человек в двух провинциях-*куан* (Зяотьи и Кыутян), чтобы идти на помощь, эти войска и их офицеры, испугавшись трудностей далекого пути, напали на административные центры *куанов*, схватили самого Фан Пэна и заставили его отказаться от экспедиции [ХХШ, т. 10, цз. 86: 2837–2839; КМ, ТВ-II: 19a]. Тут мы можем отметить ряд интересных моментов: поводом к восстанию китайских войск послужил «страх перед тяжелым дальним походом». А поход этот лежал частью через лаквьетские *куаны* Кыутян и Зяотьи, частью по низменным районам Нятнама, издавна заселенным лаквьетами. Следовательно, именно отношение лаквьетского населения (недовольство в Зяотьи, Кыутяне, открытое восстание в Нятнаме) и составляло наряду с перспективой войны с горными племенами основную опасность для китайской армии.

⁴ Постоянство, с которым восстания начинались на крайнем юге, говорит о том, что, возможно, это были районы, пограничные с каким-то государством, заинтересованным в беспорядке у соседей. Это может служить косвенным доказательством существования Чампы уже в I–II вв. н. э. Восстания были прелюдией к чамо-китайским войнам III в. н. э. Чамы могли поднимать как своих родственников-индонезийцев, так и подстрекать недовольных лаквьетских крестьян.

⁵ Начиная с этого времени название Зяотьи употребляется для обозначения и *тяу* и всех провинций-*куанов* на территории северного Вьетнама.

Помимо указания на районы восстания (Нятнам) летопись содержит сведения о том, что, в то время как китайские войска бунтовали, движение варваров ширилось, что могло происходить лишь за счет населения лаквьетских *куанов* Кыютян и Зяотьи.

К лету 138 г. (т. е. через год) борьба приобрела столь широкий размах, что в Зяотьи был послан цензор двора Цзя Чан с отрядом войск. Прибыв в Нятнам, он объединил свои силы с местными (вероятно, подавив движение в армии) и напал на восставших, но безуспешно. Вскоре он сам был атакован и сидел в осаде более года, в то время как во всей провинции господствовали восставшие. Подкрепление людьми и припасами подходило к нему нерегулярно, что также свидетельствует о беспокойном положении в стране. Император собрал чрезвычайный совет для решения вопроса об исправлении создавшегося положения. На совете было высказано предложение об отправке в Цзяочжи 40 тыс. солдат [XXIII, т. 10, цз. 86: 2837–2838; КМ, ТВ-II: 19b] для подавления восстания. Этот факт представляет очень большой интерес, так как позволяет хотя бы приблизительно определить силы повстанцев. Так как до посылки 40 тыс. солдат число китайцев в Зяотьи было не менее 13–15 тыс. человек (собранные Фан Пэнном войска составляли 10 тыс. человек, какие-то войска еще оставались в Нятнаме, и какое-то количество солдат привел из Китая Цзя Чан), то мы не ошибемся, если примем общее число повстанцев за 60 тыс. человек. Даже если цифру 40 тыс. солдат считать преувеличенной и соответственно уменьшить и остальные цифры, которые правдоподобны в большей степени, то все равно за число восставших придется принять цифру не менее 30 тыс. Участие в этом массовом движении, проходившем в сельскохозяйственных долинах (так как именно там были основные китайские центры), лаквьетского крестьянства несомненно.

Положение китайских войск было критическим, на совете требовали немедленной посылки подкрепления [КМ, ТВ-II: 19b].

В то же время отмечалось, что набор войск в Зяотьи был невозможен, «так как невыносим для чиновников и народа» [КМ, ТВ-II: 20b]. В данном случае мы имеем интересное указание как на попытки набирать войска из лаквьетов, так и на то, что и в Кыютяне назревало недовольство местного населения. Что же касается Нятнама, то там, по словам одного из выступавших, «наши войска изолированы и отрезаны от снабжения. Они не могут удержать страну и не в состоянии сражаться» [КМ, ТВ-II: 21a]. Весь *куан* к этому времени был полностью очищен от китайской администрации, чиновники и китайское население бежали на север, в Зяотьи, где было еще спокойно. Последний факт ярко характеризует восстание как прежде всего антикитайское, тем более что, судя по приведенному выше свидетельству летописи, вьетнамские чиновники выступали вместе с народом.

На совете решено было действовать подкупом, так как оказалось невозможным собрать нужное число войск. К этому времени восстание распространилось и на *куаны* Зяотьи и Кыютян, но новым китайским администраторам удалось подкупами и широкой агитацией добиться подчинения Зяотьи, а потом и Кыютяна, причем в последнем было покорено несколько десятков тысяч восставших, и, следовательно, цифра 60 тыс., о которой говорилось выше, отнюдь не преувеличена. Таким образом, на позднем этапе восстание, вызванное вторжениями извне и движением горных племен, переросло в народное движение лаквьетских крестьян. В то же время измена вождей, о которой сообщает летопись, говорит о начавшемся отходе части господствующего класса от борьбы за независимость, отходе, который окончательно оформился значительно позднее, в конце II в. н. э.

Закончилось восстание и в Нятнаме, но о способах «умиротворения» летопись не сообщает. «Успокоение» Нятнама было временным, так как зимой 144 г. там вспыхивает новое восстание [КМ, ТВ-II: 22a], но на этот раз его движущие силы были несколько иными.

Это первое чисто крестьянское лаквьетское движение. Вначале оно охватило Нятнам, затем восстание в Нятнаме «породило» движение в Кыютяне, и силы восставших в обоих *куанах* объединились. Восставшие поднялись в Нятнаме в количестве более 1 тыс. человек, и борьба приняла, как и в прошлом, острые формы (разгром и сожжение городов в уездах). Китайцы выступили против повстанцев, имея своей опорой, как обычно, Зяотьи, и быстро заставили их подчиниться. Однако восстание представляло серьезную опасность, и за его ликвидацию инспектор Ся Фан получил большое повышение.

Тем не менее до прекращения крестьянских выступлений было еще далеко; через 15 лет после «умиротворения» начинается новое движение, характеризующееся рядом интересных особенностей [КМ, ТВ-II: 21a–23b].

Прежде всего центром восстания 159 г. является не смешанный в этническом и культурном отношении Нятнам, а чисто лаквьетская область — Кыютян. Здесь к таким общим причинам недовольства, как национальное угнетение и введение ханьской администрации, прибавлялся такой существенный фактор, как ханьская налоговая система. Теперь мы уже не слышим об участии в антикитайском движении представителей господствующего класса лаквьетов, зато впервые узнаем об участии китайского населения в этих восстаниях, причем даже известно имя китайца, одного из вождей восстания, — Чжоу Да.

Летопись говорит, «что Чжоу Да и люди уезда восстали и объединились с варварами», т. е. с некитайцами. Поводом к восстанию послужила жестокость и несправедливость тогдашнего начальника

уезда Кыфонг в Кыютяне. Восставшие китайцы объединились с местным населением, собрался отряд численностью около 5 тыс. человек. Они напали на уезд, убили губернатора. Затем они двинулись на административный центр *куана* Кыютян. Вблизи его произошел бой с китайскими войсками, в котором был убит правитель Кыютяна Мао Ши. Император приказал командующему войсками провинции Кыютян подавить движение, но это не удалось. «Великий вождь», как стал называть себя вождь восставших, Чжоу Да, продолжал удерживать в своих руках Нянтам (из Кыютяна его вытеснили), и его «банды» усиливались, а число их увеличивалось. В *куане* Зяотьи, основном пункте ханских владений, к нему примкнули вьеты. Был спешно возвращен из Китая сановник Ся Фан, имевший большой опыт компромиссов с восставшими в южных областях. Он повел переговоры с «остатками воевавших в Нянтаме», и более 20 тыс. человек сложили оружие. В этой связи интересно отметить одну черту, характеризующую эти восстания как крестьянские, — после поражения участники восстания не разбегаются, что естественно для горных или охотничьих племен, а подчиняются и остаются на месте, что еще раз свидетельствует о том, что это были земледельцы.

Восстания не прекращались и позже (169 г.). Весной 178 г. началось затяжное, длившееся три года (178–181) восстание, совпавшее с восстанием в южном Китае, где обстановка была приблизительно такая же. Поднялись все «варвары Зяотьи» [КМ, ТВ-II: 23а]. Во главе стоял местный житель, причем о нем, в отличие от «сестер», не сказано, что он был из знатного рода, он назван просто «человеком», затем оговорено, что он был инициатором восстания. Инспектор Чжоу Юй не мог противостоять восставшим.

Тогда Хань послали на помощь Чжоу Юю Чжоу Цзюня, который собрал в семи южных провинциях-цзюнях 5 тыс. человек. Но положение было настолько сложным, что, придя к границе Зяотьи, он остановил армию и послал шпионов выяснять обстановку (видимо, китайских гарнизонов в этом районе уже не осталось совершенно). Затем он обратился к восставшим с прокламацией, предлагая им сдаться. По-видимому, они отказались, так как вскоре начались военные действия. Чжоу Цзюнь со всей своей армией атаковал главные силы восставших и убил их вождя Лыонг Лонга. Несколько десятков тысяч повстанцев были «подчинены».

Это крупнейшее восстание, длившееся три года и с трудом подавленное, свидетельствует о «неблагополучии» на всей лаквьетской территории, о всеобщем глубоком недовольстве ханьской политикой.

К этому добавлялись волнения в ханьских войсках, стоящих в Зяотьи, тем более что есть основания предполагать, что в армии было определенное количество представителей местного населения (лаквьетов). Летом 184 г. войска, стоявшие гарнизоном в Зяотьи, захватили инспектора Чжоу Юя и убили его. Причиной были «преступления Юя», перечень которых войска послали императору. Интересно, что, описывая этот внешне чисто военный мятеж, летопись дает перечень тех злоупотреблений, которые вообще вызывали восстания. Оказывается, что причиной недовольства и восстаний мелких чиновников (тут впервые говорится об их участии в восстаниях) [КМ, ТВ-II: 23b] и населения были высокие и ненормированные налоги и повинности. Именно эта особенность управления и вызвала все ширившееся антиханьское движение. В летописи об этом говорит неизвестный местный житель, поясняющий новому инспектору причины восстаний: «Налоги и повинности предшествующих администраторов были тяжелы и притеснительны».

Мысль о виновности китайских губернаторов высказывается в КМ: «Ресурсы народа подходили к концу, и он разорялся; столица была слишком далека, чтобы пойти туда с жалобой. Народ, живший в отчаянии, объединился тогда, чтобы оказать им сопротивление, но это не было настоящее восстание» [КМ, ТВ-II: 24b]. Новый инспектор Мэн Цзянь, имевший, судя по всему, широкие полномочия, объявил всеобщую амнистию и «призвал к порядку. Он снова собрал беглецов и заботился о них» [КМ, ТВ-II: 25b], установил новые налоги и повинности. Здесь интересно отметить факт бегства с земель — обычный предвестник крестьянских движений. При нем за лаквьетами было закреплено право занимать средние должности.

Было введено значительное обновление аппарата; вожди, которые были жестоки, смещались.

Мэн Цзянь правил три года, потом был смещен Ли Тиеном (Ли Цзином), уроженцем Зяотьи, что свидетельствует о возникновении вьетнамо-китайской служилой знати. Ли Тиен был вьетом, предки которого прибыли из Гуандуна; он происходил из крестьянской семьи и выдвинулся благодаря административным способностям. Именно он впервые стал испрашивать и добиваться для лаквьетов равенства с китайцами в занятии высоких постов в государстве. В этом отношении Ли Тиен символизирует ту новую знать, которая возникла благодаря своему месту в ханьском государственном аппарате и слилась с ним, прекратив борьбу за независимость. Он представлял собой те группы господствующего класса, которые пошли на сотрудничество с Хань и стремились сделать это максимально эффективно.

В 187 г. Ли Тиен стал инспектором Зяотьи. Он выступил перед императором с просьбой о предоставлении вьетам права занимать высшие должности в аппарате [Ле Тхань Кхой 1955: 106]. Просьба была представлена им вместе с пятью-шестью родственниками (как мы видим, вьетов при императорском дворе было довольно много). Император разрешил это нововведение для окраин,

населенных не китайцами, но не в собственно Китае. С этого момента местная знать получила возможность чувствовать себя в своей стране более свободно. Вообще эта уступка говорит об ослаблении Поздней Хань в 80-х годах II в. Эта реформа укрепляла положение служилой знати, все больше оттесняя на задний план земельную аристократию, хотя впоследствии и эта служилая знать постепенно становится землевладельческой.

Служилая знать формировалась не только из местного населения, но и из числа китайцев, чьи предки уже давно жили в Зяотьи.

Все это позволило ханьским администраторам видоизменить систему управления применительно к местной обстановке и войти в контакт с определенной частью местного населения, что во многом облегчило управление.

Наиболее ярким проявлением этой политики были реформы Ши Ньиепа, наместника из ассимилировавшихся китайцев, предки которого в начале нашей эры переселились из Гуандуна во Вьетнам. Он вышел из старой семьи ханьских администраторов, его отец в 150–167 гг. был губернатором Нятнама, сам он учился в столице Китая Чанъани, где отличился, изучая документы эпохи Чуньцю. После этого он служил *сяньцзянем* в Лянъяне, затем был назначен *цзыши* Зяотьи, причем за все время правления, несмотря на фактическую независимость, «не объявлял себя *выонгом*» [КМ, ТВ-II: 25a], не проявлял тенденций к сепаратизму.

Но все эти мероприятия не могли полностью ликвидировать попытки вернуть независимость. В 207 г. в Зяотьи снова вспыхивает восстание крестьян, вызванное тяжелыми налогами. Непосредственным поводом к восстанию послужило то, что все места в высшем управлении заняли родственники («люди из его деревни») Тю Фу (кит. Чжоу Фу), местного уроженца, бывшего инспектором. Сам по себе этот факт мало затрагивал интересы крестьянства, но вызвал, вероятно, возмущение чиновников, поднявших восстание. Об участии в восстании представителей господствующего класса может свидетельствовать и его организованность — «восставшие образовали войска». Но основным костяком были крестьяне, о чем свидетельствует летопись: «Чиновники из рода Тю Фу обижали и угнетали народ, который был отягощен налогами. Народ, озлобленный, восстал» [КМ, ТВ-II: 29b].

Восстание приняло исключительные размеры, повстанцы напали на китайские войска в *куане* и вступили в столицу Зяотьи. Инспектор Тю Фу, пытавшийся бежать морем, был убит.

В этой сложной обстановке, среди всеобщей неустойчивости Ши Ньиеп смог навести порядок в *куанях*, и в течение 202–225 гг. во Вьетнаме было спокойно. В летописи сохранилось упоминание о том, что при Ши Ньиепе «народ не терял средств к существованию», был ослаблен налоговый гнет [КМ, ТВ-II: 30b]. Следствием этого ослабления было временное прекращение крестьянских восстаний, чему немало способствовала и общая компромиссная политика Ши Ньиепа, о которой пишет летопись [КМ, ТВ-II: 31a–31b]. «Успокоение» было настолько значительным, что из *куана* Зяотьи Ши Ньиеп ходил усмирять восстания в южном Китае.

Таким образом, представляется возможным проследить определенную эволюцию в истории Вьетнама в I–II вв. н. э.

Активная ассимиляция в начале I в. н. э. вызвала сопротивление всех слоев лаквьетского общества, возглавленных земельной аристократией. Кульминационным пунктом в этом отношении было восстание сестер Чынг. После него в течение полутора столетий крестьянских восстаний и различных реформ складывается новая система эксплуатации, отличная и от прежней, лаквьетской, и от той, которую пытались ввести китайцы при Си Гуане. Она основывалась на сочетании лаквьетских и китайских элементов и вызвала к жизни новую прослойку господствующего класса — китаизированную служилую знать, постепенно вышедшую на передний план на смену земельной аристократии и ханьским чиновникам.

В этих новых условиях крестьянские восстания приобретают чисто классовый характер, в отличие от восстания сестер Чынг. Они направлены против всей системы эксплуатации, а не только против ханьских гарнизонов. В восстаниях уже не участвуют горные и пограничные племена. Служилая знать, объединившаяся с китайцами, вместе с ними грабит лаквьетских крестьян и подавляет их восстания. Эта расстановка сил сохраняется до V в. н. э., причем не пошедшая на компромисс землевладельческая аристократия, хотя и сохранила значительную часть своих привилегий, не играет значительной роли в политической жизни страны; что касается общины, то основные ее институты продолжали оставаться без изменения.

Библиография

- Вьет шы лыок. — Юэ ши люэ (Краткая история Вьета). — Пекин, 1985 (ЦШЦЧ, № 3257).
Дао Зуи Ань 1955б. — *Đào Duy Anh. Cổ sử Việt Nam (Дао Зуи Ань. Древняя история Вьетнама)*. Н., 1955.
Дюмутье Ж. 1906. — *Dumoutier G. Etude historique sur Trieu Vo de et sa dynastie*. — T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Т. 7. Leiden, 1906, с. 413–430.
Йенс О. 1951. — *Janse O. Archaeological Research in Indo-China*. Т. 1–2. Cambridge, 1947–1951.
КМ — *Khâm-định Việt-sử thông-giám cương-mục* (Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской

истории, основа и частности). Т. Đầu, 1, 2, 3–4, 5. S., 1960–1974.

КМ/А.2674 — Khâm định Việt sử thông giám cương mục (Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности). Ксилограф А.2674*.

Ле Тхань Кхой 1955. — *Le Thanh Khoi*. Le Viet-Nam. Histoire et civilisation. P., 1955.

Масперо А. 1918б. — *Maspero H.* Expédition de Ma Yuan. — BEFEO. 1918, t. 18, № 3, с. 11–28.

Минь Чань 1955е. — *Minh Tranh*. Sơ thảo lược sử Việt Nam (Минь Чань. Краткая история Вьетнама). Н., 1955.

Мэн Вэнь-тун 1983. — *Mэн Вэнь-тун*. Юэши цункао (Очерки по истории Юэ). Пекин, 1983.

Нгуен Минь 1955. — *Nguyễn Minh*. Ôn lại khởi nghĩa Hai bà Trung (Нгуен Минь. Вновь о восстании двух сестер Чынг). — VSD. 1955, № 5, с. 48–51.

ТТ/Тьинь-хоа. — Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Ксилограф SA.PD.2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).

Тэйлор К. 1983. — *Taylor K.W.* The Birth of Vietnam. Berkeley–Los Angeles–London, 1983.

XXIII — Фань Е. Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Т. 1–12. Пекин, 1996.

Чэнь Юй-лун 1982. — *Чэнь Юй-лун*. Чжэн Цзэ чжанфу мин «Ши» бу чжэн (К вопросу о том, что мужа Чынг Чак звали «Тхи»). — Инь чжи яньцзю. 1982, № 1, с. 27, 34.

Шуй цзин чжу. — *Лу Дао-юань*. Шуй цзин чжу (Книга о водах с комментарием). Шанхай, 1936.

---

* Здесь и далее в случае, если место хранения ксилографа или рукописи не указывается, подразумевается, что они хранятся в Ханое, в библиотеке Института иероглифического письма (Viện Hán Nôm).

Вьетское государство в раннее средневековье¹

Вьетское общество в V–IX вв.

В раннее средневековье вьетское государство занимало территорию современного северного и частично центрального Вьетнама, гранича на севере с Китаем, на северо-западе — с тайским государством, на западе — с различными горными племенами, на юго-западе и юге — с кхмерской империей Камбуджадеша и государством Чампа на территории современного центрального Вьетнама. Основным аграрным районом была дельта Красной реки.

Вьеты были древним земледельческим народом; выращивали рис, бобовые культуры, овощи, разводили буйволов и быков, занимались шелководством и выделяли шелковые ткани. Широкое развитие получили рыболовство и добыча жемчуга как для внутреннего потребления, так и для вывоза. Различные благовония, лекарственные травы и перья редких птиц пользовались широким спросом в Китае. В горах северного Вьетнама добывались медь, железо, олово, цинк, свинец, золото. Значительные доходы приносила торговля слоновой костью, рогом носорога. Искусные ремесленники обрабатывали железо и занимались художественным литьем из бронзы. Высокоразвитыми были гончарное производство, ткачество, изготовление известных на всем Дальнем Востоке вьетских плетеных изделий. Изделия ремесла продавались не только внутри страны; внешняя торговля велась с Индией и Китаем; многие города были крупными культурными центрами.

В VIII–IX вв. шло дальнейшее развитие экономики страны. В долинах рек и у морского побережья выросли новые города. Высокого уровня достигло ремесленное производство, особенно металлообработка и керамическое производство. Производились необходимые металлические предметы. Вьетские архитекторы строили многоэтажные здания и крепости, города имели регулярную планировку, были застроены в центре кирпичными и кирпично(каменно)-деревянными зданиями.

Древнее вьетское общество состояло из членов малых сельских общин крестьян-рисоводов, крупных землевладельцев и служилого слоя. В период «северной зависимости» — время правления китайских империй в стране вьетов, — с I в. до н. э. по конец IX в. н. э., эта структура развивалась по своим законам, так как культурное влияние было слабым по причине удаленности собственно китайских провинций и малочисленности китайцев в стране. В VI–IX вв. н. э. в стране вьетов прослеживаются отношения раннефеодального восточного типа, выросшие, насколько можно судить по источникам, из эпохи древневосточных деспотий.

На протяжении указанных столетий контроль китайских наместников постепенно ослабевал, усиливалась вьетская земельная аристократия, со временем приобретая на местах и административную власть. В периоды восстановления независимости она добивалась политической власти в стране. После 905 г. эта социальная группа пришла к власти. К тому времени ей принадлежала значительная часть земель, после 905 г. ей же досталась большая часть земель высших китайских чиновников. Владения вьетской аристократии состояли из общин, населенных свободными крестьянами, платившими оброк. Число лично зависимых доходило до нескольких тысяч. Количество присваиваемого риса было таково, что некоторым землевладельцам требовалось более сотни рисовых амбаров. Основой социальной организации крупных землевладельцев были роды-*хо*, высшие из них считались аристократией; из поколения в поколение они собирали налоги с определенной группы общин. В большинстве случаев выдвижение вьета-землевладельца шло «естественным порядком» (о некоторых из крупных землевладельцев известно, что они вышли из богатых крестьян). Этнически в подавляющем большинстве это были потомки лаквьетов (предков вьетнамцев) и родственных им намвьетов, пришедших сюда из более северных юэских (вьетских) государств, заселяемых китайцами. Небольшая часть были потомками чиновников китайской администрации. Многие имели собственные дружины, систематически осуществляя внеэкономическое принуждение в своих областях.

Борьба за независимость вьетского государства

¹ Впервые опубликовано как раздел учебника: История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 56–61.

Период «северной зависимости» — время постоянной борьбы, прошедшей три этапа обострения, каждый из которых завершался вооруженным конфликтом вьетов с китайскими властями.

В середине VI в. вьетские земли вторично после восстания сестер Чынг (40–44 гг.) вышли из состава китайской империи. Непосредственной причиной открытого выступления послужила попытка китайской администрации укрепить свое господство в стране. В 541 г. крупное антикитайское восстание закончилось объявлением независимости страны. Предводитель восстания, крупный чиновник Ли Бон, был провозглашен императором, положив начало династии Ранние Ли (541–603). Война, в которой участвовали все слои вьетского населения, затянулась на длительный срок. Вьетам приходилось отражать наступление китайских войск, а также нападения чамов.

Добившись укрепления внешнеполитического положения, Ли Бон занялся внутренним устройством государства, названного империей Вансуан (империя «Десяти тысяч Вёсен»). Был сформирован государственный аппарат, который возглавили ближайшие сподвижники императора. Принимались меры по организации управления на местах. Ли Бон завел пышный двор, начал строительство дворцов. Большую роль играл буддизм.

Но в 545 г. военные действия возобновились. Ли Бон потерпел поражение и с небольшим отрядом ушел на северо-запад, рассчитывая найти там поддержку у горных племен. С китайскими армиями сражался вьетский военачальник Чиеу Куанг Фук, ставший после смерти Ли Бона фактическим правителем страны. В 551 г. китайские войска, потерпев поражение, ушли из Вансуана.

С прекращением войны началась междоусобная борьба между императором и командующим войсками, что привело к временному разделу страны на две части.

В 602 г. новая единая китайская империя возобновила военные действия против империи Вансуан и послала на юг значительную армию. В 603 г. вьетские войска были разбиты, Вансуан вынужден был признать власть империи Суй. Последний император династии Ранние Ли был увезен в качестве пленника. Была восстановлена китайская административная система. Вансуан стал называться в китайских источниках «Умиротворенный Юг» (Аньнань). В наиболее важных стратегических пунктах стояли китайские гарнизоны, но на местах по-прежнему правили вьеты, часты были и открытые выступления против иноземных властей.

В середине IX в. в дельту Красной реки с ее верховий переселялись тайские племена из государства Наньчао. Китайские власти противодействовали переселению таи, а в 865 г. китайская армия истребила переселенцев. Победа дала возможность империи Тан укрепить свои позиции. Китайский наместник провел некоторые мероприятия по упорядочению административного аппарата, были снижены налоги и унифицирована система налогообложения. Отныне китайские войска размещались не в центральных областях, а на окраинах страны; в то же время были приняты меры по укреплению столицы. Цитадель, где находились администрация и войска, окружили двойной стеной, вьетское население жило вне этих стен.

Для подъема экономики были предприняты работы по расчистке рек и каналов и строительству дорог. Но все это не могло смягчить китайско-вьетских противоречий. Борьба народа за независимость не прекращалась.

Экономическое положение и политическая борьба в стране вьетов в X — начале XI в.

Начало X в. ознаменовалось выходом на политическую арену независимого государства, получившего позднее название Дайковьет. Крестьянская война IX в. в Китае, походы Хуан Чао на юг, ослабление Танской империи — все это благоприятствовало восстановлению независимости вьетов, провозглашенной в 939 г. с выходом вьетских земель из состава южнокитайского государства Южной Хань.

Во главе нового государства оказалась группа крупных землевладельцев. Она осуществила реформу системы налогообложения, ликвидировавшую, по-видимому, остатки китайской налоговой системы в деревне, произвела смену бюрократического аппарата сверху донизу. Было введено новое административное деление, по которому самой крупной единицей в стране становилась провинция, состоявшая из уездов, которые, в свою очередь, делились на районы и общины.

Крупные землевладельцы составили верхушку правящего слоя; к середине X в. главы 12 крупнейших аристократических родов превратились в политически независимых правителей (*шыкуанов*) отдельных частей страны. Во владении каждого из них насчитывалось несколько десятков общин свободных и зависимых крестьян. Власть *шыкуанов* была наследственной, им подчинялись более мелкие местные землевладельцы в рамках территорий, ими контролируемых. Во главе своих дружин *шыкуаны* вели войны между собой, с монархом или против непокорных общинников. Против

внешних врагов они обычно выступали вместе с правителем страны, а в своих владениях обладали всей полнотой власти.

Политическая раздробленность и усобицы в столь откровенной форме, явившиеся следствием усиления земельной аристократии, грозили крестьянству разорением.

Междоусобные войны вызывали волнения в деревне. Если крупные землевладельцы не желали усиления центральной власти, то другая часть господствующего класса — чиновничество, заинтересованное в получении доходов от государственной службы, — поддерживала усилия по централизации власти. В этих условиях видный военачальник Динь Бо Линь, узнав об опасности нового китайского вторжения, возглавил борьбу за объединение страны. Он стал фактическим властителем и был провозглашен императором новой династии Динь.

В 70-х годах X в. центральная власть значительно укрепилась, что выразилось в создании регулярной армии, расширении аппарата гражданского чиновничества, возрождении роли двора. Большое внимание уделялось восстановлению древних вьетских традиций. Новые правители страны пытались опираться на средних землевладельцев, имевших в кормлении всего несколько общин. Когда монарх санкционировал их права на налоговые сборы с общинников, владения подобных феодалов получали название «округа жалования-кормления» (*тхыкан*). Основной опорой новой династии были «государевы слуги», чиновники дворца, они также получили в кормление деревни или группы деревень, составлявшие еще одну разновидность *тхыкана*. Внушительную силу в то время представляли также ополчения свободных крестьян одной или нескольких общин, порой длительное время сражавшихся даже с армией монарха.

Императоры повели решительную борьбу с *шыкуанами*, лишали их владений или дробили их. Новое деление территории страны имело целью уничтожить крупные владения богатых родов: границы новых административных единиц не совпадали с территорией владений *шыкуанов*.

Проводя реформы с целью усиления единства государства, новый правитель страны опирался и на свои собственные владения, отстроив там укрепленные пункты. Государственный аппарат и армия были значительно реформированы, на все важнейшие должности попали сторонники и члены клана Динь. Чтобы развязать себе руки внутри страны, император должен был обеспечить спокойствие границ с Китаем. С этой целью он в 971 г. направил посольство к сунскому двору, а в 972 г. согласился на номинальное признание китайского сюзеренитета и периодическую уплату символической дани. Эти обязательства, ни в чем его не связывая, временно позволили обезопасить Дайковьет от внешних осложнений в отношениях с империей Сун.

Затем император усилил борьбу с непокорными землевладельцами. Он создал вместо личных дружин регулярную армию, разделенную на 10 корпусов. Опираясь на военное превосходство, Динь Бо Линь сурово расправился с противниками. Однако противникам централизации удалось подготовить и осуществить дворцовый переворот. После гибели Динь Бо Линя в стране вновь начались усобицы, чем попыталась воспользоваться империя Сун. Угроза нападения извне, необходимость организации обороны требовали твердой власти, и часть знати провозгласила императором главнокомандующего Ле Хоана. В 981 г. новый император выступил против китайской армии, двумя группами вторгшейся в страну, и разбил ее. В период правления династии Ранние Ле (981–1009) происходило постепенное усиление централизованного государства.

Культура раннесредневекового вьетского общества

Складывание независимого вьетского государства в VI в. способствовало утверждению местных традиций в архитектуре и изобразительном искусстве. В конце VIII в. возник смешанный архитектурный стиль, известный как стиль Дайла, по названию цитадели в административном центре тогдашнего Вьетнама — Тонгбине (совр. Ханой), где этот стиль впервые стал господствующим. Для подобной архитектуры характерны стройные многоэтажные кирпичные башни, надмогильные храмы, квадратные в плане. Этажи башен были невысокими, каждый имел ниши, в которых стояли статуи Будды. Характерной особенностью этих зданий были вогнутые крыши.

Творцы наиболее известных памятников вьетской каменной скульптуры, относящихся к IX в., испытывали значительное индийское влияние.

Чрезвычайно разнообразна была керамика стиля Дайла. Кирпичи, черепица, поливная посуда, терракота покрывались рельефными украшениями. Они орнаментировались по местным мотивам, хотя в узорах отчасти сказывалось индийское и китайское влияние.

Ведущей формой религиозных верований оставался традиционный вьетский культ предков. Главным следствием «северной зависимости» было, как в Японии, Корее и ряде других государств

средневекового Дальнего Востока, использование китайского языка и китайской письменности в официальной переписке и литературе.

Большую роль в культурной и политической жизни страны сыграл и буддизм. Он завоевал прочные позиции еще в VI в.; одна из его школ, *тхиен* (*дхьяна* — самосозерцание), почти безраздельно господствовала в стране. Ее основная доктрина гласила, что «человек познает в своем собственном сердце истинное сердце Будды», т. е. человек от природы чист, свободен от заблуждений, достижение им нирваны — прежде всего результат собственных усилий. Среди различных школ буддизма *дхьяна* (*тхиен*) была одной из самых индивидуалистических, но в своей вьетнамской форме она стала надолго государственной религией, хотя и достаточно аристократической.

Лекции по истории Вьетнама (I–X вв. н. э.)¹

В последние века до нашей эры на части территории современного Вьетнама существовало независимое государство лаквьетов — предков вьетнамцев, известное под названием Аулак (258–207). Его пределы: современное Бакбо (северный Вьетнам), северная часть Чунгбо (центральный Вьетнам) и часть Гуанси, прилегающая к вьетнамо-китайской границе. По своему характеру это государство было раннерабовладельческим, но рабовладение не достигло в нем, как и в следующем вьетском государстве — Намвьете, положения господствующей формации, и основными производителями были свободные общинники. Что касается этого второго государственного образования, то оно охватывало более широкую площадь, населенную не только лаквьетами, но и родственными им народностями, проживавшими на территории современных провинций Гуандун и Гуанси. Правящей династией была династия Чиеу, основанная выходцем из Китая Чжао То (вьет. Чиеу Да), породнившегося с правящей династией Аулака — домом Тхук.

Это государственное объединение не было прочным, южнокитайское (намвьеты) и северовьетнамское (лаквьеты) население, хотя и входило в одну этническую группу батьвьетов (боюэ), представляло собой далеко разошедшиеся в своем развитии — экономическом, политическом и культурном — этнические группы. Когда в 111 г. китайские армии захватили северо-восточную часть Намвьета, лаквьетские области бывшего Аулака, сохранявшие и до этого значительную внутреннюю самостоятельность, не выступили на стороне Намвьета, а под руководством одного из представителей старой династии Тхук пытались восстановить централизованное независимое государство. Но некоторые внутрилаквьетские элементы, не заинтересованные в восстановлении крепкой централизованной власти, одержали верх в начавшейся междоусобной борьбе и подчинились Китаю.

После этого в 111 г. до н. э. Вьетнам (т. е. Аулак) входит в состав Китая как зависимая территория. У власти оставалась лаквьетская знать, а в отсталых районах — вожди племен, но уже под контролем китайской администрации. Неизменным оставался и способ эксплуатации, о чем свидетельствуют китайские летописи.

Но в начале нашей эры положение во Вьетнаме в корне меняется. Последние десятилетия правления Западной Хань поставили правящую верхушку китайского государства перед глубочайшим внутренним кризисом, и в то время как внутри Китая подготовка и установление диктатуры Ван Мана были попыткой решить этот кризис за счет внутренних изменений, другая часть правящего слоя, еще до прихода Ван Мана к власти, пыталась как-то ослабить кризис путем расширения внешней экспансии, усиления эксплуатации уже захваченных территорий, что уменьшало число недовольных в стране и давало казне дополнительный доход. Эта тенденция, обусловленная внутрикитайской обстановкой, была одним из основных факторов развития Вьетнама в I–V вв.; начала она активно проявляться с 6 г. н. э., когда для ее проведения была подобрана исключительно удачная кандидатура Ше Си. Другим фактором было стремление лаквьетов к самостоятельному развитию, а лаквьетской верхушки — к монополюльной эксплуатации крестьян. И если до I в. до н. э. вмешательство Китая во внутренние дела Вьетнама проявлялось еще слабо, то с начала I в. н. э. наблюдается явное его усиление. Освоившись за 117 лет на дотоле почти неизвестном Юге, проведя дороги и ознакомившись с морскими и речными путями, китайцы начали широкое проникновение во все области жизни лаквьетов — экономическую, политическую, социальную и культурную.

Но прежде чем проследить этот процесс, представим себе, чем являлся Вьетнам в начале нашей эры.

После временного объединения в рамках Намвьета с родственными им племенами Гуандуна и Гуанси лаквьеты снова образовали особое, хотя и зависимое от Китая государство в пределах, в точности воспроизводивших пределы государства Аулак. Внутри страны они занимали долины рек Ма, Красной, Черной и Светлой до районов к северу от современной вьетнамо-китайской границы и прибрежную полосу, а также равнины между дельтой Красной реки и долиной р. Ма. Население страны насчитывало к началу нашей эры приблизительно 400 тыс. человек, в горных районах жили тай, мыонги и другие племена. Жили они сельскими общинами с патриархальным строем. Вся земля

¹ Рук. 1958 г. Ранее не публ. В силу специфики характера рукописи (она лежит в основе лекций, которые автор читает в МГУ, и изначально не предназначалась для печати) в ней отсутствуют ссылки на источники.

находилась в пользовании членов общины и периодически делилась соответственно числу общинников, за исключением некоторой части полей, выделявшейся в обработку должностным лицам общины в качестве вознаграждения за их труды вдобавок к наделу, получаемому ими как членами общины. Община выступала перед государством как юридическое лицо, обладала правом внутренней юрисдикции по мелким делам, ведала распределением налогов и повинностей внутри общины.

Группа общин, принадлежавших к одному роду, объединялась под главенством одной семьи, некогда семьи вождей рода. Эта группа, еще не полностью оторвавшаяся от рода и общины, в то же время уже приобрела все черты правящего слоя. Его представители обладали землями, находившимися в полной собственности и образовавшимися путем осушения затопляемых рекой участков с помощью принудительного труда общинников.

Будучи в то же время чиновниками государственного аппарата, эти представители господствующего слоя имели широкую возможность эксплуатировать общинников. Им принадлежали не только земли и даровой труд части общинников, но и лично зависимые, скот, дорогое оружие, предметы культа и многое другое. Господствующий слой составлял разветвленную иерархию, сложившуюся еще во времена Анзыонг-*вьонга* в III в. до н. э. и подвергнувшись впоследствии китайскому влиянию в период нахождения в составе Намвьета.

В политическом отношении Вьетнам, названный китайцами «провинция Цзяо» (Цзяочжоу, вьет. Зяотяу), представлял собой единое целое во главе с представителями династии Тхук, потомки которой жили в столичном округе Мелинь, где находилась и столица, основанная Анзыонг-*вьонгом*. В период правления династии Чиеу члены династии Тхук были связаны с ней родственными отношениями, и даже титулатура в ряде случаев была одинаковой. После падения династии Чиеу члены семьи Тхук пытались основать независимое государство, и, хотя это им и не удалось, в последующий период они как бы сохраняли за собой право на верховное руководство в стране. На местах сидели представители класса крупных землевладельцев — *лактыонги* и *лакхау*, выполнявшие все функции государственной власти, ниже их — *ботьини*, чиновники, получавшие за свою службу в пользование участок земли, но также бывшие членами местных землевладельческих родов.

Основную массу населения составляли *лакзан*-общинники, в среде которых только начиналось расслоение. Они платили налоги, выполняли различные повинности, из их среды рекрутировалась армия.

Что же касается торгового и ремесленного населения городов, то оно еще было немногочисленно и не выступало в качестве самостоятельной социальной группы.

Внизу социальной лестницы находились лично зависимые, в основном являвшиеся собственностью крупных землевладельцев и государства, т. е. *вьонга*. Их число было очень незначительно, и сколь угодно важной роли в хозяйстве они не играли.

Лаквьеты обладали самобытной культурой, китайские источники часто говорят об их антропологическом и культурном отличии от жителей центрального Китая. У них были свой тип одежды, свое изобразительное искусство, музыка, достигшее высокого совершенства художественное литье и т. д.

Своей письменности у них не было, и со II в. до н. э. они, как и многие другие народы мира, пользовались китайскими иероглифами и китайским языком при переписке.

Религиозные верования представляли собой сочетание очень развитого культа предков с почитанием единого небесного божества. Но развитого религиозного ритуала не было, и религиозные функции далеко не всегда выполнялись специальными лицами — жрецами.

Реформы империи Хань во Вьетнаме

В процессе активного внедрения китайцев во Вьетнам они провели ряд важных мероприятий экономического характера. Была произведена перепись населения, и все отношения государства с непосредственными производителями, и прежде всего сбор налога, осуществлялись по китайскому принципу (со «двора»), в то время как до этого единицей обложения была община. Сбор налога был изъят из ведения *ботьиней*, *лакхау* и *лактыонгов*, что нанесло чувствительный удар по их экономическим позициям. Другим крупным мероприятием было поселение на землях наиболее плодородных районов китайских колонистов, которые основывали богатые хозяйства с эксплуатацией местного населения. Нужные для этих хозяйств земли, несомненно, отбирались у общины и местных землевладельцев, что не могло не вызвать их недовольство.

На новой основе была организована воинская повинность, причем это дело также было изъято из ведения местных представителей господствующего слоя.

Не менее интенсивным было вмешательство в религиозную жизнь лаквьетов. В эти годы в бывшем Аулаке собралось много конфуцианских ученых, бежавших из Китая от преследований Ван Мана, и вследствие этого первая четверть I в. н. э. считается временем введения конфуцианства во Вьетнаме. Одновременно началась борьба за вытеснение прежних обрядов и введение китайских, особенно в

сфере семьи и брака. Для проведения этой реформы были выделены специальные средства в распоряжение китайских чиновников на местах.

Для лаквьетской верхушки было введено образование по китайскому образцу с целью создать кадры местных чиновников, но в то время оно еще не получило широкого развития.

Восстание 40–44 гг.

Эти, как и многие другие мероприятия китайской администрации, не могли не вызвать широкое недовольство как общинников, так и знати. В борьбе с этим недовольством китайская администрация, возглавляемая преемником Ше Си, который к энергии своего предшественника добавил чрезвычайную жестокость, прибегла к террору, казням наиболее активных противников Китая из числа представителей лаквьетской верхушки. Так, был казнен глава семьи Чынг, родственник Тхуков, земли которого находились в районе Мелинь. Репрессии послужили последней каплей, и в 40 г. в стране вспыхнуло общенародное восстание, возглавленное женой казненного — Чынг Чак и ее сестрой Чынг Ньи. В лице их окружения к руководству борьбой за независимость пришли высшие круги лаквьетской земельной аристократии, близкие к семье *вьонга*.

Китайские войска в Мелине и Лонгбиене были разбиты, гарнизоны 65 мелких крепостей сдались, китайский губернатор морем бежал на о. Хайнань. Иноземная власть была свергнута в течение месяца, и это вполне понятно, так как в своей активной ассимиляторской политике китайская администрация не могла опереться ни на местных китайцев — их было слишком мало, ни на какие-либо элементы среди лаквьетов — о контакте с ними не заботились. В результате восстание получило руководство со стороны местной верхушки, и в кратчайший срок независимость была восстановлена.

Вьетнам снова стал независимым государством с Чынг Чак во главе; ее власть распространялась на бывший Аулак, вплоть до чамских областей Юга. Была восстановлена чиновничья иерархия, собрана значительная армия, столицей снова стал город в Мелине — в историческом центре лаквьетов.

В течение 40–42 гг. в Аулаке было спокойно. Но в 42 г. ханьский император направил на завоевание Вьетнама большую армию под командованием знаменитого Ма Юаня. Собранный им армия представляет особый интерес, ибо назначение и характер ее, как и многих других завоевательных армий эпохи Цинь и Хань, определялись не только военными, но и внутри- и внешнеполитическими задачами и делали ее существенно отличной от завоевательных армий других времен и стран. Она должна была не только завоевать, но и частично заселить и освоить завоеванную территорию, при этом за счет наименее нужных внутри Китая элементов населения. Армия состояла из осужденных, ссыльных, людей без определенных занятий, мелких ремесленников и торговцев, также некоторого числа наиболее рослых крестьян и ремесленников, собранных в южных районах Китая, где население жило в условиях, относительно близких к вьетнамским.

Эта армия, разумеется, имела невысокие боевые качества, зато отличалась большой численностью, что становится понятным, если учесть, что она предназначалась не только для войны, но и для заселения страны. Большинство воинов и не должно было больше возвращаться на родину, и они шли: ремесленники — со своими орудиями, торговцы — со своими товарами и т. д. Весь этот контингент составил 12 тыс. человек. При них имелось и достаточное количество профессиональных воинов — 8 тыс. человек.

С этой армией весной 42 г. Ма Юань выступил на юг. Походу предшествовала длительная подготовка и разведка водных и сухопутных путей, так как, учитывая силу лаквьетов, китайский полководец отверг традиционный морской путь (не особенно приемлемый для его огромной армии) и пошел сухопутным путем.

На этом пути он первый прошел с войсками непроходимый до того времени район вьетнамско-китайской границы и, не встретив сопротивления (так как лаквьеты не ждали его с этой стороны), вышел в Дельту, вдоль северной границы которой двинулся к столице. Но здесь, на подступах к центральному району, его встретили объединенные силы лаквьетов под командованием Чынг Чак, и в битве при Тайву они нанесли китайцам серьезное поражение. Ма Юань отступил на север и засел в укрепленном лагере в Лангбо. В мае 43 г. лагерь был атакован лаквьетской армией, но штурм был неудачен, нападавшие потеряли несколько тысяч человек и сняли осаду. Тем не менее и теперь китайские полководцы не пытались атаковать центральную часть страны; вместе с флотом они начали постепенное завоевание дельты Красной реки.

Только после захвата основной части Дельты китайцы смогли двинуться к западу в центральный район. Что же касается провинции (вьет. *куан*, кит. *цзюнь*) Кьютян (кит. Цзючжэнь), то в это время китайцы и не пытались вторгнуться в ее пределы, сосредоточив все силы в долине Красной реки. Там им удалось достичь значительных успехов. В результате шестимесячных боев китайские войска заняли основную часть центрального района и в сражении при Кинки в начале 44 г. разбили армию, действовавшую под командованием сестер; обе сестры погибли в бою. Одна из трех провинций, причем основная — Зяотьи (кит. Цзяочжи), была оккупирована китайцами. Немедленно были проведены мероприятия по созданию китайской администрации на местах взамен лаквьетского

государственного аппарата, состоявшего из крупных землевладельцев, в своей значительной части борющихся за независимость. Наиболее упорно сопротивлявшиеся районы дробились на мелкие территориальные единицы, во главе всех местных органов власти ставились китайцы; сами термины, обозначавшие лаквьетскую администрацию — *лактыонг*, *лакхау*, *ботьинь* и другие, — начиная с этого времени постепенно перестают употребляться. По всей долине Красной реки были расположены китайские гарнизоны, и все это позволило сделать ее базой для дальнейшей войны с лаквьетами.

В январе 44 г. Ма Юань со своей армией морем прибыл в южную часть Дельты и высадил десант, «подчинив местных вождей». После этого он двинулся на столицу Кыутяна — г. Тыфо, под стенами которого лаквьетские войска южной части страны под командованием Ту Онга дали решающий бой. Лаквьеты потерпели поражение и вынуждены были оставить город. Эта, заключительная часть войны была наиболее упорной. Шедшие двумя колоннами ханьские войска прочесывали сельские районы, проводили массовые репрессии. Было казнено около шести тысяч лаквьетских солдат, несколько сот командиров, сотни семей были выселены в южный Китай.

След за этим была подчинена и последняя, самая южная провинция — Нятам (кит. Жинань). В середине 44 г. китайские войска были хозяевами в стране. Установление жесткого контроля со стороны китайской администрации и прежде всего война с Ма Юанем вызвали массовую эмиграцию лаквьетов в страны Южных морей, в первую очередь в Индонезию, с которой у них и раньше были тесные связи. Если данные китайских авторов II–I вв. до н. э. и перепись 26 г. н. э. определяют численность населения бывшего Аулака в 100 тыс. семей, то перепись начала III в. н. э. и последующие свидетельствуют о резком падении численности населения (до 20 тыс. дворов/семей), которая лишь постепенно увеличивалась в последующие века «северной зависимости». Интересно, что в Индонезии в это время отмечено сильнейшее лаквьетское влияние, прослеживаемое по многочисленным археологическим памятникам.

Так закончилась война за независимость 42–44 гг., неудачная для лаквьетов и приведшая к ликвидации (впервые в их истории фактической, а не номинальной) внешней и внутренней самостоятельности их государства. С этого времени китайская культура начинает оказывать сильнейшее, в ряде случаев определяющее влияние на культуру лаквьетов, а экономические и социальные процессы во Вьетнаме начинают быть все более связанными с соответствующими процессами в Китае. В экономике, политике, культуре, религии Аулака все сильнее сказываются процессы взаимовлияния лаквьетских и китайских элементов, результатом которого было сложение на базе лаквьетской этнической группы вьетнамского этноса.

Антикитайские восстания II — начала III в. н. э.

Но все эти процессы по-настоящему охватили лаквьетское общество только с начала III в. н. э., когда сложились политические и экономические нормы этого взаимодействия, когда создалась промежуточная вьето-ханьская прослойка, когда китайские администраторы установили нужные контакты с одними местными элементами и научились держать в узде и изолировать другие. Для всего этого потребовалось время, и период середины I — начала III в. н. э. и был этим временем.

В борьбе 42–44 гг. лаквьеты выступали как единое целое против абсолютно чужеродного элемента — китайских захватчиков. Поскольку китайцы не хотели уходить из Вьетнама, перед ними и лак-

вьетским обществом встали две неотложные задачи, которые, сознательно или неосознанно, решались китайскими администраторами, колонистами, лаквьетской верхушкой и общинниками в эти двести лет. Возникла необходимость, в случае длительного сосуществования, особых отношений китайской администрации с двумя основными группами — землевладельцами и общинниками. Как контакт с землевладельцами, так и контакт с общинниками были совершенно стихийными процессами, не связанными с пожеланиями отдельных представителей всех трех групп.

Первое: китайская администрация, хозяйствуя во Вьетнаме, рано или поздно должна была войти в контакт с местным господствующим слоем или какой-то его частью. В процессе взаимодействия двух этих сил складывалась промежуточная прослойка в виде служилой знати, сотрудничавшей в китайском бюрократическом аппарате, состоявшей, с одной стороны, из натурализовавшихся китайцев, а с другой — из ассимилировавшихся вьетнамцев и людей от смешанных браков. Она и была носителем идеи компромисса.

Второе: в процессе эксплуатации местного населения должны были быть найдены какие-то ее устойчивые формы, при которых двойной гнет со стороны местных и пришлых эксплуататоров не вызывал бы окончательного разрушения производительных сил и, как следствие, непрерывных крестьянских восстаний. Последняя проблема, разумеется, могла быть решена только на определенный

период, но даже в этом случае достижение неустойчивого равновесия было сопряжено с длительным периодом восстаний и конфликтов, которые мы видим на протяжении I–III вв. н. э.

Таковы были две стоящие перед Вьетнамом в I в. н. э. задачи, в результате решения которых вместо конфликтного положения 40-х годов I в. (активно действующая и во все вмешивающаяся китайская власть, с одной стороны, и полностью сохранившая свои экономические и политические позиции лаквьетская верхушка и привыкшие к эксплуатации только со стороны «своих» и в «своих» формах общинники — с другой) создалось более или менее устойчивое положение III–IV вв. (вьето-ханьский господствующий слой служилой аристократии и эксплуатируемое им по единому местному образцу крестьянство, при ослаблении позиций вьетских землевладельцев, не входящих в государственный аппарат).

Аналогичные процессы происходили в экономике и культуре. Если до I в. н. э. в экономике лаквьетов и Китая было относительно немного общих черт, а в культуре их почти совсем не было, то в III в., а особенно в дальнейшем (так как для подобных процессов требуется больше времени, чем для социальной перегруппировки) происходит качественный скачок, в результате которого в VIII в. возникла вьетская культура, которая при сохранении лаквьетской основы восприняла много лучших элементов китайской культуры и, несомненно, обогатилась в результате оказанного ранее воздействия. Что касается экономики, то длительное сосуществование с Китаем немного ускорило процесс экономического развития лаквьетов.

Период после войны 40–44 гг. и до середины III в. занимает в этом процессе вполне определенное место. За эти два века китайцам удалось, во-первых, подавить на определенный срок сопротивление лаквьетов, во-вторых, найти опору среди верхушки местного населения и, в-третьих, подчинить своему влиянию остальные горные народности (опять-таки ненадолго).

Первые 30 лет (44–76 гг.) после войны во Вьетнаме (теперь называвшемся провинции Зяотьи, Кыутян и Нятнам) были относительно спокойными, кровопролитная война на время истощила силы лаквьетов. В этот период управление страной осуществляется через китайский аппарат, и большое количество китайцев приезжает во Вьетнам. Это время во вьетнамской и китайской исторической литературе получило название «необычного мира».

Можно проследить и другие причины этого временного затишья. Китайцы в первые годы после войны 40–44 гг. устранили одну из причин недовольства — налоговый пресс, в ряде районов налоги стали собирать только в 74 г. Что же касается наиболее «ненадежной» провинции — Нятнама, где во время войны дольше всего сражались лаквьетские войска, то там налоги собрали впервые только через 40 лет после окончания войны — в 84 г. Здесь помимо лаквьетских крестьян китайцам противостояли воинственные горные племена и соседнее чамское государство, что делало положение особенно сложным.

Несмотря на принятые меры, жители именно этой провинции первыми вновь выступили против власти китайских чиновников. Событием, непосредственно вызвавшим взрыв, был неурожай 100 г. (нужно помнить, что эта провинция уже 25 лет платила налоги). В том же году жители уезда Тыонглам (самый южный уезд провинции Нятнам), а затем и всего Нятнама восстали, но были усмирены «войсками провинции». Одно вооруженное вмешательство не могло сломить лаквьетов, и в 101 г. император приказывает оказать помощь «беднякам Нятнама и Тыонглама», чтобы они «избегли голода». Таким образом, крупные вооруженные столкновения начались уже через 50 с небольшим лет после войны, хотя косвенные данные говорят о еще более ранних движениях. Так, мир был явно чем-то нарушен уже в 76 г., ибо откуда, в противном случае, взялась дата (76 г.) как конец «необычного мира», но широкий подъем движения относится именно к первым годам II в. н. э.

Несмотря на принятые китайцами меры, в Нятнаме в следующем, 102 г. «свыше 3 тыс. человек грабили и вымогали у населения», как сообщает историк Поздней Хань. Здесь мы имеем дело с большим отрядом повстанцев, действовавших под единым руководством; было похоже на начало новой войны, и китайцы приняли ряд решительных мер. Для подавления восстания были собраны войска не только со всей провинции-куана Нятнам, как в 100 г., но и из соседних районов провинции Кыутян, а для усиления контроля над наиболее «непокорными» территориями была учреждена особая должность — «уполномоченный по войскам в Тыонгламе»; назначение куда-либо чиновника с этим титулом было равносильно объявлению в таком районе чрезвычайного положения. После гибели вождя борьба прекратилась, и восставшие «подчинились».

По своему характеру восстания 100–102 гг. были чисто крестьянскими движениями вьетского населения, вызванными тяжелым положением в сельском хозяйстве. Они были направлены против богачей, имущество которых грабилось, против китайской администрации (китайские учреждения подвергались разгрому) и против китайцев, проповедовавших конфуцианство, так как именно конфуцианские нормы китайцы вводили еще с 20-х годов I в. О составе движения говорят не только причины восстания и его ход, но и сам конец, когда после смерти руководителя восставшие «подчинились», а не разбежались по лесам, чем обычно кончались выступления горных народностей.

Напряженная обстановка вынуждала китайцев постоянно укреплять свой аппарат. В 20-х и 30-х годах предпринимаются различные шаги в этом направлении, завершившиеся объявлением в 136 г. Зяотяу единой китайской провинцией, что влекло за собой усиление там позиций китайцев. О том, что подобные меры усиления китайского влияния были весьма своевременны, свидетельствуют новые выступления в южной части страны в 137 г.

На этот раз движение возглавили горные народности, родственные кхмерам, и действовавшие вместе с ними отряды чамов. В это время Чампа впервые оформляется как государство, и это вызывает первую волну ее экспансии на Север. Лаквьетское население долинных сельскохозяйственных районов оказало поддержку горным племенам и отрядам чамов, и восстание стало всеобщим. Несколько тысяч восставших напали на центр китайской администрации — уездный город Тьонглам и взяли его; «уполномоченный по войскам в Тьонгламе» был убит, цитадель и дома китайских чиновников сожжены. После этого весь Нятнам был охвачен восстанием. Немногим лучше было положение в Зяотьи и Кыютяне. Окруженные враждебным населением китайские солдаты не хотели выходить из укрепленных лагерей в центре страны, и попытка организовать поход на Нятнам окончилась катастрофой: собранные инспектором Фан Пэном в Зяотьи и Кыютяне (в Нятнаме китайцев уже не было) 10 тыс. солдат и офицеров восстали, захватили административные центры обеих провинций, арестовали Фан Пэна и заставили его отказаться от экспедиции.

Тем временем, пока китайские войска бунтовали, движение ширилось, охватывая две оставшиеся провинции — Зяотьи и Кыютян. Под угрозой были все завоевания империи Хань на Юге. Через год, в 138 г., стало совершенно ясно, что имеющиеся во Вьетнаме войска ничего сделать не могут. Из центрального Китая был послан цензор двора по общим вопросам Цзя Чан с новыми войсками. Вместе с оставшимися китайскими гарнизонами он предпринял наступление, но потерпел неудачу, вскоре сам подвергся нападению и просидел в осаде более года, окруженный восставшими. Китайская власть вне городов практически не существовала, подкрепление и припасы прибывали с большим трудом и нерегулярно из-за сопротивления местного населения. Война на Юге стала предметом чрезвычайного совещания у императора. О размахе, который приняло к этому времени движение, может свидетельствовать то, что на этом совещании было предложено послать во Вьетнам полководца с сорокатысячным войском. Эта цифра свидетельствует о том, что в обстановке во Вьетнаме за тридцать лет произошли существенные изменения: если ранее речь шла о «нескольких тысячах», то теперь — о десятках, так как, несомненно, восставших было не меньше, чем усмирителей, а по всей вероятности — больше. Так как вместе с оставшимися во Вьетнаме 13–15 тыс. солдат китайские силы достигли бы приблизительно 50 тыс. человек, то это позволяет определить общую численность повстанцев приблизительно в 60 тыс. человек. Даже если считать 40 тыс. преувеличенной цифрой, то все равно в восстании приняло участие не менее 30 тыс. человек, это — массовое движение вьетского населения. О резко антикитайских настроениях вьетов свидетельствует и то, что, по мнению китайских чиновников, в провинциях Кыютян и Нятнам набор в китайскую армию был «невыносим для чиновников и народа».

Тем временем положение китайцев во Вьетнаме все более ухудшалось. Войска Цзя Чана в Нятнаме были «изолированы и отрезаны от снабжения. Они не могут удержать страну и не в состоянии сражаться». Китайское население покинуло Нятнам и бежало на север, в Зяотьи, что еще раз свидетельствует об антикитайской направленности восстания. Но и в самом Зяотьи, не говоря уже о Кыютяне, уже действовали многочисленные отряды повстанцев; восстание охватило коренные вьетские провинции. Крах политики военно-административного господства был полным, китайские администраторы стояли перед насущной необходимостью найти опору внутри страны, без чего дальнейшая эксплуатация Вьетнама представлялась невозможной. И это было сделано на первый раз в наиболее примитивном виде — путем подкупа. Богатыми подарками вождям и широкой амнистией рядовым участникам китайцы добились подчинения вначале Зяотьи, а потом и Кыютяна, причем в одном Кыютяне прекратили борьбу несколько десятков тысяч человек. Закончилось восстание в Нятнаме, но в 144 г., через 6 лет, Нятнам снова становится центром антикитайского восстания. На этот раз восстание охватило в основном крестьян-вьетов этой провинции, затем быстро перекинулось в Кыютян. Восставшие собирались отрядами до 1 тыс. человек; в Нятнаме они нападали на города и жгли их, но теперь китайцы действовали быстро и решительно, тем более что приведенные из Китая во второй раз войска еще не успели покинуть Вьетнам. Не дав восстанию охватить Зяотьи, они сделали ее центром своих операций, двинули войска в остальные провинции и быстро одержали победу. Восстание в 144 г. окончилось, как и в начале века, поражением вьетов. Но оно заставило китайцев изменить формы своего господства в сторону большего учета местных условий, временно отказаться от методов вооруженного принуждения по отношению к крестьянам, объявить широкую амнистию и поступиться частью своей власти в пользу местной верхушки, с которой они пошли на соглашение. Так, под непосредственным воздействием вьетского населения складывались такие формы государственного строя, которые в большей мере удовлетворяли потребностям его развития.

В то же время в характере самих восстаний наблюдается определенный сдвиг в сторону охвата все более развитых северных районов, в сторону участия в них масс крестьянства основных районов страны. Новое восстание, 159 г., разразилось в исконной вьетской провинции Кыютян. Можно

явственно проследить связь между все усиливавшимся налоговым гнетом и недовольством основного облагаемого населения — крестьянства. Уже нигде не говорится об участии в восстании горных племен (что было бы вполне естественно для Кыютяна), зато здесь впервые появляется новый фактор — бедняки из числа китайского населения. В этом нет ничего непонятного, если вспомнить состав переселенцев (ссылные, крестьяне-бедняки, мелкие торговцы и т. д.).

Поводом к восстанию послужила жестокость чиновника из уезда Кыфонг, против которого выступили вьетские крестьяне и местные китайцы под руководством Чжоу Да. Собравшись в отряд, насчитывавший около 5 тыс. человек, они захватили уездный центр и убили управляющего уездом. Затем они развернули наступление на провинциальный центр, у стен которого китайский гарнизон дал бой, но потерпел поражение; правитель Кыютяна Мао Ши был убит. Несмотря на личный приказ императора, командующий войсками в Кыютяне не смог победить восставших, и *нгуениуи* («маршал»), как называли вождя восставших, стал хозяином Кыютяна и Нятнама. Его «банды» усиливались, число их росло, и китайские администраторы вынуждены были снова пойти на компромисс. Из Китая в Зяоты был спешно вызван Ся Фан, имевший большой опыт компромиссов с вьетами. Он повел переговоры, и вскоре восставшие сложили оружие, причем в одном Нятнаме их было около 20 тыс. (возможно, цифра преувеличена, но она свидетельствует о почти поголовном участии крестьян в восстании). При заключении этого соглашения китайцы хотя и допустили вьетскую верхушку к средним постам в аппарате, но не пошли еще на полное изменение системы своего управления во Вьетнаме и тем сохранили причины недовольства.

В 169 г. вновь разразилось восстание, но подробности его неизвестны. Следующий подъем движения относится к концу 70-х — началу 80-х годов II в., когда события со всей серьезностью поставили перед местной администрацией вопрос о коренном пересмотре ее политики во Вьетнаме. В 178 г. началось движение в центре Вьетнама и центре китайской администрации — в Зяоты. Оно быстро переросло в затяжную, длившуюся три года войну, совпавшую по времени (а может быть, и слившуюся) с восстанием родственных вьетам племен в Наньхае, в южном Китае, и охватившую всю провинцию Зяоты и прилегающие районы. Во главе восстания стоял простой крестьянин Лыонг Лонг, под руководством которого захватывались и разрушались китайские опорные пункты в Зяоты. Инспектор Чжоу Юй не смог сопротивляться восставшим, и к ним перешла власть в Зяоты. Снова, как и 40 лет назад, для спасения своих владений во Вьетнаме ханьский император должен был послать туда новые войска, во главе которых был поставлен Чжоу Цзюнь. В семи южных провинциях империи он собрал пятитысячную армию и двинулся к границам Вьетнама. К тому времени связь с китайскими гарнизонами была полностью утеряна, и, прежде чем начать военные действия, он послал в страну шпионов для выяснения обстановки. По-видимому, она показалась Чжоу Цзюню достаточно опасной, так как он предложил восставшим начать переговоры. Последовал отказ, затем военные действия, в ходе которых китайцы одержали победу; Лыонг Лонг пал в битве. Повстанцы числом несколько десятков тысяч (снова несколько преувеличенная цифра) «подчинились».

Непрерывные войны и столкновения вызывали недовольство и протест среди китайских армий во Вьетнаме, в значительной степени набранных в самом Вьетнаме или среди родственных лаквьетам этнических групп бассейна р. Сицзян. Волнения в армии имели место еще в середине II в., а в 184 г. они вылились в военный бунт, охвативший всю провинцию Зяоты. Солдаты схватили и убили инспектора Чжоу Юя, перечень несправедливостей которого был послан императору в Китай. Указанный перечень показывает, что этот военный мятеж тесно переплелся в середине 80-х годов II в. с новым (а возможно, так и не подавленным старым) движением вьетского населения. В числе «преступлений Чжоу Юя» названы такие поступки, которые затрагивали только вьетских общинников и были недостатками системы, а не отдельного человека. В частности, причиной недовольства и восстаний крестьян и мелких чиновников были высокие, ничем не нормированные налоги и повинности. Вкладывая требования народа в уста неизвестного вьета, летопись повествует: «Налоги и повинности предшествующих администраторов были тяжелы и притеснительны; ресурсы народа подходили к концу, и он разорялся; столица была слишком далека, чтобы пойти туда с жалобой. Народ, живший в отчаянии, объединился тогда, чтобы оказать сопротивление...». К этому надо добавить, что рис теперь вывозился из восточного Бакбо не только в западный Бакбо, но и в соседние районы южного Китая. Немаловажную роль сыграли и непрерывные войны. Вообще недовольство вьетов связывало военные силы китайцев и делало невозможной не только дальнейшую экспансию, но и защиту границ; еще в 162 г. вождь племенного объединения кхулиен, и раньше (в 137 г.) выступавший против китайцев, захватил Тьонглам, убил китайского управляющего уезда и объявил себя правителем. Одновременно усилилось давление чамов, с государством которых слились кхулиен.

События 178–184 гг. настойчиво требовали коренных реформ в кратчайший срок, так как китайская власть во Вьетнаме лишалась последней опоры. Эти срочные меры были приняты новым инспектором Мэн Цзянем. Он вернул крестьян, бежавших с земли, и оказывал им помощь. В это время были отменены старые налоги и повинности и создана новая система их взимания. Наиболее жестокие китайские администраторы были сняты со своих постов. Состав чиновников был значительно обновлен, в определенной степени за счет вьетов. К этому времени сложилась смешанная вьето-ханьская

служила знать, и представителю этой знати Ли Тиену (Ли Цзину) была вручена верховная власть в Зяотьи после трехлетнего правления Мэн Цзяня. Ли Тиен был представителем одной из этнических групп Гуандуна, находившейся в близком родстве с лаквьетами. Он был родом из простой семьи, но долго служил в Зяотьи, где выдвинулся благодаря административным способностям. Придя к власти, Ли Тиен стал проводить политику того общественного слоя, к которому принадлежал. Существование этого слоя вьетской служилой знати имело в то время условием китайскую власть во Вьетнаме, и она была прочнейшей опорой этой власти, но одновременно представители служилой знати требовали для Вьетнама (т. е. для себя) определенной самостоятельности в решении внутренних вопросов, а также уравнивания в правах с китайцами во всех звеньях государственного аппарата. Проводя эту политику, Ли Тиен добился для выходцев из местного населения права занимать любую должность в китайском аппарате на окраинах китайской империи.

Эпоха реформ Ши Ньиепа. Вьетнам после реформ

Эти мероприятия укрепили положение служилой знати в ее борьбе с представителями земельной аристократии, и последние отходят на долгое время на второй план, уступая место таким людям, как инспектор Зяотьи Ли Тиен и др. Среди них можно назвать Чьонг Чонга, образованного вьета, продвинувшегося «благодаря способностям, а не родovitости», Ли Кама и др. В состав этой прослойки вошло значительное число китайцев, долго живших в стране.

Эта общественная группа была кровно заинтересована как в сохранении китайской власти во Вьетнаме, так и в том, чтобы эта власть максимально соответствовала местным условиям и вызывала возможно меньшее недовольство местного населения.

В последнее десятилетие II в. у власти стояли представители этой прослойки, возглавляемые вьетом Тю Фу (Чжоу Фу) и его родом, но, принадлежа к новой социальной группе, Тю Фу пытался проводить старую политику наследственной земельной аристократии. Возможно, повлияли сохранившиеся традиции власти *вьонга* (правителя в государстве Аулак), но налоги были увеличены и все важнейшие посты оказались заняты родственниками Тю Фу. Это ухудшило положение как крестьян, так и землевладельческой знати, ждавшей от пришедшей к власти местной вьетской группировки определенного учета своих интересов. И те и другие восстали в конце II в. Вьетская знать организовала крестьян в «настоящее войско», они заняли столицу Зяотьи и убили Тю Фу. Первый опыт правления вьето-ханьской служилой знати окончился бесславно. Необходимо было менять не только администраторов, но и методы управления. Предпринятая китайскими властями попытка вернуться к чисто китайским методам управления не удалась, присланный из Китая инспектор Чжан Цзинь был убит.

В этой обстановке власть перешла к новому представителю вьето-ханьской служилой знати Ши Ньиепу (Ши Се). Его отец в 150–167 гг. был наместником Нятнама и умело проводил компромиссную политику, его правление — сравнительно спокойное для Нятнама время. Сам Ши Ньиеп некоторое время учился в Китае, затем служил на различных постах в Зяотьи, где с его именем связан ряд реформ.

Прежде всего он частично устранил постоянную причину недовольства — резко снизил налоги с населения. Это сразу привело к спаду выступлений и высвободило Ши Ньиепу руки для дальнейших реформ. Время его правления, 202–225 гг., критическое для Китая, для Вьетнама было очень спокойным. Ши Ньиепу даже удалось сделать Зяотьи базой борьбы с антиханьскими восстаниями в южном Китае, куда он ходил с армией, набранной в Зяотьи. В административном отношении время Ши Ньиепа — период полного господства смешанной служилой аристократии в верхушке управления. При нем в Наньхае и Хопфо (т. е. в провинциях, населенных вьетами и родственными им этническими группами) у власти становятся представители этой прослойки, лично связанные с Ши Ньиепом. В смутные годы конца династии Хань эти четыре провинции не получали помощи от Китая и могли бы без труда отделиться, но это противоречило интересам новой служилой аристократии, и во время ее пребывания у власти Юг стал прочной опорой слабеющей династии Хань, в то время как при китайской администрации он только поглощал силы и средства империи.

Но в то же время, будучи лояльным по отношению к Китаю и считаясь наместником, в отношениях с местным населением Ши Ньиеп называл себя «*вьонгом Ши*».

При Ши Ньиепе много внимания уделяется развитию культуры страны. Возможно, что именно при нем была создана вьетнамская письменность *тьином*, основанная на китайской иероглифике. Двор Ши Ньиепа состоял из вьетов, его гвардия — тоже.

При Ши Ньиепе государственный аппарат в своей политике стал руководствоваться местным правом и обычаями, соответственно изменилось судопроизводство. В основу государственной политики в области налогообложения, общественных работ и рекрутского набора с этого времени окончательно ставится община.

Но двойственность опоры вьетской служилой знати, побуждавшая ее оказывать содействие местным элементам в культуре, экономике и политике, обусловила и ее заинтересованность в усилении связей с Китаем.

После бурного периода II — начала III в. на триста лет устанавливается относительное спокойствие, получают широкое развитие торговля, культура, внешние сношения. Налаживается морской контакт с Индией и Китаем, Зяотьи становится важным пунктом на этом пути, прослежены связи не только с Индией, но и с Европой.

Есть основания предполагать, что римское посольство Марка Аврелия Антонина, прибывшее на Дальний Восток в 166 г., высадилось именно в Зяотьи. Через Зяотьи попал к китайскому двору в 266 г. и другой римский торговец. По мнению некоторых исследователей, свое положение перевалочного пункта Вьетнам сохранял до VI в., когда он вновь вернул себе независимость, а его роль перешла к Гуанчжоу.

Важным событием стало широкое распространение во Вьетнаме буддизма, первое появление которого относится ко II в., но о подлинно широком его распространении можно говорить с III в. н. э. и позже. Вопрос о том, откуда пришел буддизм во Вьетнам, еще не решен. С одной стороны, несомненны тесные культурные связи с Китаем и прибытие из него буддийских проповедников (наиболее известен Ми Бо из соседних районов южного Китая, проповедовавший во Вьетнаме в 184–185 гг.). Но с другой — нельзя забывать о том, что в это время идет интенсивное проникновение буддизма из Индии по всей Юго-Восточной Азии, тогда как Китай еще только начинает «осваивать» буддизм сам.

Во Вьетнаме буддийских проповедников из Индии было гораздо больше, чем из Китая, что станет понятным, если вспомнить торговую роль Вьетнама в это время и тесную связь распространения буддизма с торговлей. В III в. н. э. во Вьетнаме появляется буддийский монах торговец Кат-сен-хуэй, прибывший из Индии и затем поехавший в Китай в 247 г. Это был крупный ученый, который перевел с санскрита на китайский язык многие религиозные произведения. В 255–256 гг. в Зяотьи жил приехавший из Индии Кальянараи, переводивший буддийские тексты. В конце III в., в 294 г., в Зяотьи проповедовал буддизм прибывший из Индии через Фунань (на территории совр. Камбоджи) индиец Марадживака, впоследствии поехавший в Китай. Это движение буддизма из Индии в Китай через северный Вьетнам продолжалось и в IV в., так как активно действовавший в начале нашей эры путь через Среднюю Азию в это время значительно усложнился.

После установления во Вьетнаме относительно стабильного политического положения производительные силы получили дальнейшее развитие (так как новые хозяева — служилая знать — правили страной с учетом местных условий, и это открывало новые возможности), что сказалось и на культуре, причем китайские элементы активно участвовали в этом процессе.

Прежде чем эта система окончательно устоялась и дала свои положительные результаты, Вьетнаму пришлось пережить еще одну, последнюю попытку возвращения к прежним формам управления. На этот раз она исходила из Китая, хотя была вызвана самостоятельной политикой Юга.

После смерти Ши Ньиепа (225 г.) его сын Ши Хуи выступил против государства У, самого южного из трех, сложившихся на развалинах империи Хань. Правители У, с которыми отец Ши Хуи поддерживал такие же отношения, как до этого с Ханями, восприняли это выступление как бунт и послали на Юг армию под командованием Люй Дая. Китайцы разбили и казнили Ши Хуи и дошли до южных границ Вьетнама, вызвав страх среди государств южного Индокитая. Во Вьетнаме китайцы пытались действовать без учета интересов местной знати, опираясь только на китайский аппарат. Эта старая политика вызвала противодействие столь же активное, как и раньше, причем теперь к недовольным примкнули и представители новой знати, приобретшие большую силу при Ши Ньиепе и его сыне. В 248 г. в Кытяне вспыхивает общее восстание, во главе которого, как сообщают ранние источники, стояла молодая женщина в возрасте 23 лет родом из Нонгконга, по имени Чиеу Ау. Ее армия была невелика (в китайских источниках говорится об 1 тыс. человек), но, имея в своем составе представителей вьетской знати, эта армия продержалась более шести месяцев. Китайцы теснили ее и постепенно загнали в Возиен, где Чиеу Ау покончила жизнь самоубийством, а ее войско рассеялось.

Напряженная обстановка во всем Вьетнаме и война с Чиеу Ау потребовали напряжения всех сил государства У, и оно не могло оказать сопротивления чамам, захватившим большую часть провинции Нятнам. Границей Вьетнама (т. е. провинций Зяотьи, Кытян и остатков Нятнама) и Чампы стал горный район Хоаньшон.

Восстание Чиеу Ау окончательно доказало невозможность проведения прежней политики, и правители У снова передают управление Вьетнамом в руки вето-китайской служилой знати. Окончательным признанием внутренней самостоятельности Вьетнама было проведение административно-территориальной реформы, в результате которой под руководством этой знати были объединены все территории бывшего Аулака. Вообще же война на юге истощила У, и о действенном контроле думать уже не приходилось. Полтора десятка лет спустя после упомянутой реформы У перестало существовать, поглощенное Цзинями, а Дао Хоанг (Тао Хуан), тогдашний наместник

вьетских областей, не сделав ни малейшей попытки его поддержать, охотно согласился подчиниться Цзинь.

Наместником Зяотьи с 399 г. стал выходец из вьетской знати До Виен (Ду Юань), после его смерти этот титул и власть переходят по наследству к его сыну До Туэ До (Ду Хуэй Ду). При нем начинается междоусобная борьба, в ходе которой беглец из южных областей государства Цзинь Лу Сюнь обосновался в дельте р. Саи и сопротивлялся центральной власти. Войскам До Туэ До удалось сжечь его флот, в последующем Лу Сюнь был ранен и покончил жизнь самоубийством.

Непосредственно после этого, в 413 г. До Туэ До вынужден был отражать нападение чамов на Кыутян, что сделал с успехом, захватив сотни пленных. Для закрепления успеха в 420 г. был предпринят поход на Юг, окончившийся полной победой и наложением контрибуции, состоявшей из слонов, золота, серебра, панциря черепахи.

Когда в Китае Сун сменили Цзинь (420 г.), До Туэ До, который, как и все представители этой прослойки, безразлично относился к тому, какая династия правит в Китае, признал и их и даже пользовался военной помощью китайцев в войне с Чампой в 446 г.

Вообще в это время вьетская верхушка ведет весьма независимую внешнюю политику, что проявилось не только в данном факте, но и в самостоятельных войнах с Чампой, Фунанью и др. Эти войны, в которых часто принимали участие и китайские войска, проходили с переменным успехом в течение III, IV и V вв., не приводя, впрочем, к значительным территориальным изменениям. В 347 г. чамы захватили последнюю, северную часть Нятнама, но были разбиты и отогнаны. В 353 и 359 гг. против них были предприняты крупные походы, в результате которых были разрушены крепости в северной Чампе. Но в 399 г. чамский правитель Фам Кодат (имя дано во вьетнамской транскрипции) захватывает Нятнам и Кыутян и вторгается в Зяотьи, откуда вьеты под командованием вьетского полководца До Виена его вновь выбивают.

Период III–IV вв. отмечен равномерным развитием производительных сил, ростом населения. Если войны I–II вв. и связанные с ними переселения уменьшили население примерно в три раза, то в эти века наблюдается постоянный прирост населения (20–25–30 тыс. дворов).

В культурной области развитие также происходит под воздействием двух факторов — местного и китайского.

Наряду с местной деревянной архитектурой распространяется китайская кирпичная, рядом с обрядом погребения в грунтовых ямах появляются китайские погребения в кирпичных склепах. Наряду с земляными оборонительными валами начинают возводиться глиняные сырцовые стены для защиты городов. На смену бронзовой технике лакьетов приходит техника железного века, господствующего в Китае, на смену разнообразной, но технически несовершенной донгшонской керамике III–I вв. до н. э. приходят новые, смешанные формы (форма сосуда китайская, орнамент местный, и наоборот), более высокого качества и более унифицированные. Обогатив вьетское общество многими элементами своей более высокой культуры, китайцы в то же время заимствовали у них различные культурные достижения, некоторые из них, например бронзовые барабаны, прочно вошли в китайскую культуру.

Вьетская и китайская культуры во Вьетнаме подверглись влиянию Индии и в меньшей степени Чампы. Во Вьетнаме встречены вещи индийского производства и подражания им; чамская скульптура и музыка оказали определенное влияние на местное искусство. Есть основания предполагать, что некоторые малые народности получили в это время письменность, основанную на южноиндийских алфавитах или их индокитайских дериватах.

В Зяотьи по-прежнему подолгу жили путешественники и проповедники из Индии и Китая, многие первые переводы буддийских книг были сделаны в Зяотьи. В источниках говорится, что «до того, как буддизм проник в Китай, в Зяотьи насчитывалось уже более двадцати пагод и более пятисот монахов произносили там наизусть четырнадцать свитков текстов».

Восстание 541 г. и династия Ранние Ли

Равновесие, сохранявшееся во Вьетнаме в течение II–V вв. н. э., не могло быть постоянным, хотя по сравнению с режимом военной оккупации система Ши Ньиепа была определенным достижением. К противоречиям, раздирающим любое древнее и средневековое общество, прибавлялись противоречия между двумя группами местного правящего слоя (прокитайской служилой знатью и антикитайской земельной аристократией) и противоречия между всем вьетским населением и китайской администрацией, гнет которой смягчился и видоизменился системой Ши Ньиепа, но не был ликвидирован.

Стабильный фактор, действовавший в любом средневековом обществе, — недовольство низших социальных прослоек плюс временные факторы, — иноземное управление и наличие группы недовольных представителей местной верхушки, способных возглавить восстание, рано или поздно должны были привести к столкновению, и в VI в. это произошло.

Причиной войны послужила попытка китайской аристократии в лице Сяо Цзы вернуть себе всю полноту власти в стране. Непопулярность этой политики усугублялась его личной жадностью. Все это привело к восстанию, начавшемуся в 541 г. и возглавленному представителем служилой знати, интересы которой были затронуты этой политикой. К этому времени после трех с половиной веков пребывания у власти вьетской знати изгнание китайцев было значительно облегчено.

Во главе восстания встал Ли Бон, основатель династии Ранние Ли, крупный чиновник из Зяотьи. Он долгое время готовился к восстанию. Его основным соратником был представитель той же прослойки, Тинь Тхиеу, человек богатый и высокообразованный, но не получивший при дворе Лян соответствующего его знаниям чина. Вернувшись в Зяотьи, он вошел в группу представителей служилой знати, которая собралась вокруг Ли Бона. Под его влиянием решено было собирать войска и готовиться к войне. Используя инспекционную поездку Ли Бона в волость-*тяу* Кыудык, заговорщики объехали этот район, вербуя сторонников и договариваясь с ними об одновременном восстании. Постепенно на сторону Ли Бона переходят все крупные чиновники: вначале «правитель» Тюзиена Чиеу Тук, а затем и администраторы остальных районов. Китайский наместник оказался в одиночестве: вступив в конфликт со своей основной социальной базой, он не смог оказать сопротивления и, откупившись от Ли Бона большими «подарками», бежал в Китай. С этого времени, с 541 г., вьетская служилая аристократия вступает в конфликт с Китаем, и страна становится независимой. В этом конфликте Китай стремился навязать иностранное господство, а вьетская верхушка требовала независимости. Если учесть, что в своей борьбе с китайской администрацией она пользовалась поддержкой всех слоев местного населения Вьетнама, то станет понятной та упорная борьба, под знаком которой прошла вся история Ранних Ли (541–603).

Зимой 542 г. император династии Лян послал на юг войска под командованием Сунь Цзюна и Лу Цзы-сюна с приказом напасть на Ли. Прибыв на юг, они пытались отложить начало похода на осень, так как весной свирепствовала малярия. Но губернатор Гуанчжоу Син Юн, побуждаемый беглым губернатором Зяотьи, Цзы, торопившимся вернуться на юг, отказал им. В результате Сунь Цзюн и Лу Цзы-сюн потеряли от болезней свыше 60% солдат и вынуждены были поспешно отступить. Цзы обвинил их перед императором в трусости, и им было приказано покончить жизнь самоубийством.

Вскоре после провала китайской экспедиции вьетам пришлось отражать нападение чамов, пытавшихся в период борьбы Вьетнама с Китаем добиться территориальных приобретений на севере. Посланная Ли Боном экспедиция под командованием генерала Фам Ту разбила чамов в бою при Кыудыке и изгнала из страны.

В следующем, 544 г., добившись укрепления своего внешнеполитического положения, Ли Бон занялся внутренним устройством государства. Оно было объявлено полностью независимым и названо империя Вансуан (империя «Десяти тысяч Весен»). Провозгласив себя императором, Ли Бон организовал государственный аппарат, во главе которого были поставлены его ближайшие сподвижники по перевороту: Чиеу Тук получил одну из высших должностей — *тхайфо*, Тинь Тхиеу стал канцлером по гражданским делам, а Фам Ту — по военным, Ли Фук Ман и другие — генералами, многие другие получили подобные должности. Были приняты меры по упорядочению управления на местах, причем вся администрация комплектовалась из местного населения. Ли Бон организовал пышный двор, построил дворец Ванхо, провозгласил эру правления *Тхиен-дык*.

Но спокойствие длилось недолго, и многого Ли Бон сделать не успел. В 545 г. новая китайская армия под командованием Ян Бяо и Чэнь Ба-сяня двинулась на юг. Прежде чем вторгнуться в Вансуан, они должны были к западу от реки, в Тяньчжоу, объединиться с губернатором Иньчжоу, Сяо Бо, более знакомым с обстановкой и призывавшим к осторожности и обдуманности в этом трудном походе. Победила точка зрения Чэнь Ба-сяня, настаивавшего на немедленном выступлении, так как образование Вансуана вызвало восстание в соседних китайских провинциях, которое в случае промедления, несомненно, разрослось бы и усложнило войну с Вансуаном.

Китайцы быстрым маршем двинулись к столице, недалеко от которой их встретил Ли Бон с 30-тысячной армией. В битве при Тюзиене он потерпел поражение и вынужден был отступить; данное им новое генеральное сражение при устье р. Толить также окончилось неудачно, и ему пришлось укрепиться в г. Зянинь, где его окружила китайская армия. После длительной осады город был взят штурмом, но император пробился сквозь ряды противника и с небольшим отрядом ушел на северо-запад, в Тансьонг, где он рассчитывал найти поддержку у тайских племен. Китайские войска также прекратили войну и стали лагерем у устья р. Зянинь. Так прошли весна и лето 546 г. Осенью император с 20-тысячной армией начал военные действия в центре страны. Основной базой для него было оз. Диенчиет, на котором у него был сильный флот и где он сам жил на укрепленном острове. Китайские войска, перед этим разбившие племена лао и охау, выступившие на стороне Вансуана, стали лагерем поблизости, но нападать не решились. Длительная война и болезни ослабили их, и командиры опасались за исход боя. Но здесь, как и раньше, важную роль сыграли доводы Чэнь Ба-сяня, указавшего, что положение китайских войск будет чем дальше, тем все более тяжелым и надо нападать сейчас, пока вьеты «помнят их (китайцев) прежние победы». Воспользовавшись ненастной ночью и тем, что река стала затоплять лагерь противника, китайские солдаты под барабанный бой пошли в

наступление. Император и его армия были захвачены врасплох, многие бежали, остальные вместе с Ли Боном ушли в Кхуатлиеу, где он начал обучать свои войска (это были новобранцы из горных районов, так как кадровые солдаты в значительной части погибли в войне с китайцами и чамами в первые годы правления Ранних Ли). Обучив некоторое количество, он послал их под командованием маршала Чиеу Куанг Фука продолжать войну, сам же остался в Кхуатлиеу, готовя другую часть войск.

В течение всего 547 года Чиеу Куанг Фук с переменным успехом сражался с Чэнь Ба-сянем, но в результате китайцы оказались сильнее, и ему пришлось укрыться в болотистом районе Зачать, откуда он неожиданно напал на китайские войска, стоявшие лагерем неподалеку, и наносил им значительный урон. Войска Чиеу Куанг Фука тщательно маскировались, и попытки китайцев захватить Зачать не увенчались успехом, тем более что вьетские войска насчитывали около 20 тыс. человек.

Тем временем в Кыютяне шли бои другой части армии Вансуана под руководством старшего сына императора, Ли Тхиен Бао, и его родственника Ли Фат Ты с частью китайской армии. Хотя вьетов было очень много (летопись говорит о 30 тыс. человек), они потерпели поражение и потеряли треть армии. Ли Тхиен Бао отступил в горы. Он занял там район у истоков р. Дао, подчинил местное население, построил крепость и объявил этот район государством Заланг, а себя — правителем под именем Дао Ланг. Таким образом, несмотря на победы, Чэнь Ба-сянь со всех сторон оказался окруженным районами, которые были заняты войсками Ли Бона.

Тем временем в Кхуатлиеу произошло важное событие — в шестой день третьей луны 548 г. Ли Бон умер от древесной лихорадки. Его власть перешла к фактическому правителю вьетов — Чиеу Куанг Фуку, которого тем не менее не считали вторым императором этой династии; он именовался «правителем Зачати», т. е. области, которую он контролировал. Дело в том, что, как говорилось выше, в это время у лао жил старший сын Ли Бона, Ли Тхиен Бао, который и считался наследником своего отца, хотя и был фактическим вассалом Чиеу Куанг Фука.

548–549 годы прошли в безрезультатных военных столкновениях. В 550 г. Чэнь Ба-сянь, получивший должность наместника Зяоты, перешел к новым методам борьбы, заключавшимся в том, что он перехватывал припасы, шедшие к Чиеу Куанг Фуку, чтобы голодом принудить его армию к сдаче. Но ему не суждено было довести эту операцию до конца: в Китае началось восстание, и его вызвали для подавления. Его преемник Ян Бяо дал генеральное сражение Чиеу Куанг Фуку, был наголову разбит и сам погиб в бою. Остатки китайской армии бежали в Китай, и война окончилась победой Вансуана. Чиеу Куанг Фук занял столицу Лонгбиен и расположился там.

В ходе войны с китайцами и после нее основные политические фигуры — сын Ли Бона, Ли Тхиен Бао, и Чиеу Куанг Фук — действовали дружно, хотя не считали себя подчиненными друг друга и оба были правителями (Ли Тхиен Бао — Заланга, Чиеу Куанг Фук — Зачати). Но после смерти Ли Тхиен Бао и прихода к власти в его владениях на западе его родственника Ли Фат Ты, выбранного в правители войском, началась междоусобная война Запада с Центром, чему в немалой степени способствовало исчезновение внешней военной угрозы. В 556 г. Ли Фат Ты вторгся во владения Чиеу Куанг Фука и начал войну, длившуюся три года. Война была неудачной для Ли Фат Ты, он дал пять больших сражений, начиная с битвы при Тхайбине в 556 г., и все их проиграл. После этого ему осталось только просить мира, что он и сделал в 559 г., скрепив мирный договор династийным браком своего сына с дочерью Чиеу Куанг Фука.

Страна была разделена на две части, приблизительно по меридиану Куангтханя. В западной части правил Чиеу Куанг Фук, основавший столицу в г. Озуен, в восточной — Ли Фат Ты. Мир был сравнительно длительным, но в конце концов, использовав десятилетнюю передышку, Ли Фат Ты оправился от поражений и вскоре снова напал на Чиеу Куанг Фука. Ему удалось разбить основные силы Чиеу Куанг Фука и прижать его к морю, и тот покончил жизнь самоубийством. После этого Ли Фат Ты послал войска занять столицу Вансуана Лонгбиен и столицу государства Чиеу Куанг Фука г. Озуен, что ему и удалось сделать.

Объединив Вьетнам, он принял императорский титул в качестве правителя всей страны и родственника носившего этот титул Ли Бона.

После этого в стране на 30 лет установилось спокойствие. К власти пришли представители рода Ли, занявшие основные посты в государстве.

Китайцы вначале не имели сил для вооруженного вмешательства и пытались восстановить свое влияние путем уступок. Административную систему, предложенную Вансуану, резко отличало значительное ограничение прерогатив центральной власти и усиление роли вьетской верхушки. Эти предложения были отвергнуты в расчете на слабость китайцев и их неспособность к длительной экспедиции.

Но в 602 г. китайцы, до этого занятые внутренними делами, приступили к восстановлению своего влияния на Юге военными средствами. Династия Суй послала Лю Фана с большой армией, дав ему должность высшего правителя Зяоты. После тщательной подготовки к трудному походу Лю Фан с 27 отрядами пошел в наступление. В 603 г. у горы Долонг он встретился с заслоном вьетской армии и уничтожил его. После этого вблизи военного лагеря императора начались переговоры, в результате

которых Ли Фат Ты согласился на восстановление китайской администрации в стране. Сам он был отвезен в Китай, где впоследствии умер.

Так закончила свое существование империя Вансуан, и на несколько веков в стране, правда в сильно ослабленном виде, восстановилась китайская власть.

Вьетнам в VII–IX вв.

В эти три века — VII–IX — все сильнее становится власть служилой знати, хотя она действует в тесной связи с наследственными землевладельцами и часто в зависимости от них.

Процесс слияния этих двух групп был вполне естественным, так как их социальные интересы совпадали, а противоречия были второстепенными. Он начался уже в империи Вансуан, продолжался в VII–IX вв., сопровождаясь все усиливающимся отходом от Китая. Это, в свою очередь, облегчило сближение служилой знати с наиболее непримиримыми врагами китайской империи из среды земельной аристократии.

Некоторая активизация китайской администрации, правда уже в рамках, установленных при Суй, происходит в середине VII в., при Ранней Тан. В 622 г. создается Верховное управление Аннама, бывшее той последней формой сочетания китайских имперских и вьетнамских местных интересов, которой было суждено существовать во Вьетнаме.

Что же собой представлял Вьетнам в VII в.?

После падения династии Ранние Ли во Вьетнаме восстановились китайские административные порядки, но о прежнем вмешательстве во все детали управления и внутренней жизни не могло быть и речи. В большинстве уездов администраторами были вьеты, и только два-три наиболее стратегически важных пункта контролировались китайцами.

В деревне в этот период сохранялась сельская община с ее общинным полем для прокормления чиновников, переделами пахотной земли, общей собственностью на несельскохозяйственные угодья, административной самостоятельностью и т. д. Расслоение, происходившее в ней уже свыше тысячи лет, не подорвало основ ее существования, хотя постоянно происходило выделение богатых и бедных из общины.

В VII в. консолидировались в один класс две ранее враждовавшие прослойки: служилая знать и наследственные землевладельцы. Они составляли правящий слой, представляя в нем ту или иную группу, соответственно этим прослойкам. Источником доходов для представителей этого слоя в целом были как отчисления от налогов в их пользу (т. е. плата за службу в государственном аппарате), так и доходы с их собственных, часто значительных земельных владений, обрабатывавшихся в основном трудом зависимых крестьян-арендаторов, но в какой-то мере и слугами, и лично зависимыми от данного землевладельца.

В сельском хозяйстве широко применяется железо, высокого уровня достигло искусственное орошение. На базе роста урожая возросла численность населения, достигнув в одном Зяотьи 100 тыс. человек. Этот период для Вьетнама — время экономического процветания, подготовившего политическую самостоятельность.

С экономическим процветанием и все большей политической самостоятельностью связан и расцвет культуры. Все это время, особенно при Суй, происходит интенсивный обмен с Индией и Китаем. Вьетнам посещают многочисленные проповедники и торговцы.

Господствующей религией в это время является буддизм, в частности одна из его школ, *дхьяна*, почти безраздельно господствовавшая во Вьетнаме после ее введения в 520–525 гг. Бодхидхармой. Ее основная доктрина — «человек познает в своем собственном сердце истинное сердце Будды», т. е. человек от природы чист, свободен от заблуждений мира. Необходимы постоянное спокойное состояние духа, внимание, радость, счастье, невозмутимость. В концепциях этой секты сказывается некоторая близость к даосскому мистицизму. Широкое распространение *дхьяны* нужно относить к концу VI в., когда во Вьетнам прибыл из южной Индии индеец Винитаручи, 14 лет проповедовавший в храме Фапван в Хадонге. После его смерти в 592 г. учителем секты, по его завещанию, стал Фап Хиен, при котором секта переживает наивысший подъем. В Тышоне (Киньбак) он собрал более трехсот учеников, там была школа секты. Он объехал всю западную и южную часть страны (провинции-*тяу* Фонг, Чонг, Хоан и Ай), везде проповедуя и строя храмы. Интересно отметить, что объектом проповеднической деятельности были более отсталые районы.

Начало VII в. — время массового распространения буддизма, поддерживаемого китайской администрацией, и в центральных районах. Это религиозное движение свидетельствует о том, что режим Ши Ньепса создал благоприятную среду для восприятия китайской культуры и религии. По приказу администрации династии Суй, а позднее Тан строились многочисленные храмы и ступы (Ханфонг и др.).

Вьетнам этого времени тесно связан с Индией, Индонезией, Цейлоном. Об этом, так же как и об уровне вьетской интеллектуальной элиты, ярко свидетельствует хотя бы список вьетских спутников И Цзина, ездивших вместе с ним в Индию: Ван Ки, ученик китайских и индийских буддистов, знал санскрит и малайский, в свое время преподнес китайскому императору перевод *Нирванасутры*, умер в Шривиджайе. Его товарищ, Мокшадева, неоднократно плавал в Южные моря и пересек «все страны», был у всех святых руин (Индии и Цейлона). Третий, Кхуи Сунг, путешествовал по Цейлону и западной и центральной Индии. Хуэ Зием долго жил на Цейлоне, Чи Хань долго жил в северной Индии и умер в одном из храмов в долине Ганга. И наконец, Дай Тханг Данг, прекрасный знаток санскрита, много ездил по центральной Индии и умер в Кушинагаре.

Проведенные в начале VII в. реформы позволили китайцам ослабить недовольство во Вьетнаме, и они попытались возобновить с его территории агрессию против южного и центрального Индокитая. В 70-х годах этого столетия они подчинили мяонгов северного и центрального Вьетнама. Но эта политика, хотя и опиралась на усиление внешнего могущества империи Тан, не могла уже иметь успеха во Вьетнаме, где китайское влияние падало все быстрее. Полвека спустя покоренные мяонги восстают, поддержанные Камбоджей и Чампой, для которых китайская активность на Юге не сулила ничего хорошего. Вскоре восстание получило поддержку всего Вьетнама, и в 722 г. вождь восставших Май Тхук Лоан, глава мяонгской знати, занял столицу Тонгбинь и провозгласил себя императором. Он известен как император Хак Дэ. Война была неизбежна, и Хак Дэ стал к ней готовиться; в частности, им была построена цитадель Хоантяу в Нгеане. Но оказать длительного сопротивления посланной из Китая экспедиции он не смог и отступил в горы, где некоторое время вел партизанскую войну. Непокойным было положение и в середине VIII в. В 767 г. чамы высадились в стране и, не встречая сопротивления со стороны вьетского населения, дошли до столицы и начали осаду. Императорский уполномоченный Чжан Бо-и с трудом отогнал их и стал укреплять страну. Считая недостаточными укрепления Тьонглиня, он приступил к строительству цитадели к северу от р. Толить. Там была сооружена крепость, окруженная земляной стеной высотой в несколько метров, названная Латхань. Эти и многие другие оборонительные мероприятия были связаны с усилением чамской угрозы с юга и недовольством внутри страны. В 791 г. весь Вьетнам вновь восстает, и к власти приходит недолговечная династия Фунг. Ее основатель, крупный землевладелец из Зьонглама (Шонтай) по имени Фунг Хынг, захватил столицу и правил Вьетнамом в течение нескольких месяцев, но вскоре умер. Его сподвижники выбрали императором его сына, Фунг Ана, при котором были значительно уменьшены налоги. Но вскоре прибыли войска из Китая, и Фунг Ан, видя их решительный перевес, подчинился.

Воспользовавшись этими осложнениями, чамский правитель захватил провинции-*тяу* Хоан и Ай (совр. Тханьхоа и Нгеан), но в 808 г. наместник Зяотьи китаец Чжан Чжоу нанес ему жестокое поражение и вынудил чамов перенести столицу к югу. От этого поражения они долго не могли оправиться, и на 150 лет на юге Вьетнама воцарился мир.

Но все эти проводившиеся китайцами мероприятия, как и ведшиеся ими войны, все более озлобляли местное население. К тому же слабеющие Таны не могли следить за соблюдением того компромисса, благодаря которому они еще правили во Вьетнаме. Китайские чиновники стремились выжать как можно больше из Вьетнама, не думая о будущем. Особенно выделялся некий Ли Чжо. Используя отсутствие в горных районах, населенных лао и манами, ряда продуктов, в том числе соли, он требовал за них с горцев огромные суммы. Попытка возмущения была им жестоко подавлена, один из горских вождей был убит. Горные районы восстали и позвали на помощь таи, объединившихся в то время в рамках расположенного к северо-западу от Вьетнама государства Наньчжао. Те не замедлили вмешаться. Первое их вторжение произошло в 846 г., но они были отогнаны. Укрепив свои позиции в южном Китае, они снова повторили нападение в 860 г. и вторглись в Дельту, но вскоре ушли, не дожидаясь сражения с войсками, присланными из Китая. Этот успешный набег воодушевил правителя Наньчжао, в 862 г. он вторгся вновь, и началась тяжелая война. В 863 г. Таны, чье положение и в самом Китае было неустойчивым, отозвали войска, и вся страна была захвачена Наньчжао. Но в расчеты китайцев не входила окончательная потеря крайних южных территорий, и они начали энергично готовиться к экспедиции. Центр Верховного управления Аннама был временно перенесен в Хаймэнь, там были собраны все оставшиеся войска, корабли и припасы. Осенью 864 г. на Юг был послан генерал Гао Пянь, в 865 г. он начал военные действия. Дождавшись момента, когда войска Наньчжао примут участие в полевых работах по уборке урожая, он напал на их основные силы, сосредоточенные в районе Намдиня, к югу от Хайзыонга. Успех был полный, огромное число таи было убито. Вскоре он одержал новую победу при Фонгтяу, но противник не уходил из страны. В том же году Гао Пянь штурмом взял Латхань и убил находившегося там правителя Наньчжао, что положило конец войне. Гао Пянь был назначен имперским уполномоченным Тиньхая, как стали называться северный и часть центрального Вьетнама, и провел ряд важных реформ, имевших целью укрепить китайскую власть в стране. Были уменьшены и упорядочены налоги, налажена работа административного аппарата, и сам он в значительной мере реформирован. Проведены были работы по расчистке рек и каналов, по

строительству дорог. В целом мероприятия Гао Пяня способствовали восстановлению экономики страны после войны с Наньчао. В то же время он сделал выводы из событий последних лет, когда частые восстания сливались с внешними вторжениями, а китайская администрация ничего не могла предпринять. Теперь войска размещались не в центре страны, где они всегда оказывались окруженными в результате восстаний и вторжений, а на окраинах и путях сообщения, предупреждая объединение внешних и внутренних врагов китайской империи. Что касается мероприятий против внутренних врагов, то здесь характерны его действия по укреплению крепости Дайла (Латхань). Он окружил цитадель двойной стеной, причем там находились только администрация и войска, а население жило вне стен. В эти последние десятилетия своего контроля над Югом китайские администраторы ясно сознавали, насколько почва у них под ногами была ненадежной.

Но все эти мероприятия не могли приостановить кризиса, который переживало китайское управление во Вьетнаме в конце IX в. Те черты государственности и культуры, которые нес Китай во Вьетнам с I в. н. э. и которые были необходимы определенным кругам вьетского общества, а в значительной степени и всему обществу в целом, уже были усвоены. Вьетнам стал таким же государством, как и Китай. С ликвидацией разницы в социальном и культурном уровне исчезла как потребность определенной части местных землевладельцев в китайской власти, так и возможность для Китая сохранять ее, так как она в значительной степени опиралась на неравенство уровней социального развития. Это нашло свое политическое выражение в том, что опора Китая — военно-служилая бюрократия — окончательно порывает с ним и выступает против него. С исчезновением этой опоры должно было исчезнуть и само китайское присутствие. Событием, ускорившим развязку, было движение Хуан Чао в Китае. Его походы, потрясшие Китай, облегчили отпадение населенных родственными вьетам этническими группами провинций южного Китая, где в 902 г. образовалось семь независимых государств. Подобное ослабление китайских позиций на Юге привело к тому, что в 906 г. во Вьетнаме началось всеобщее антикитайское восстание. Китайский наместник был изгнан, а на его место был выбран правителем богатый вьет — чиновник из Хайзыонга, по имени Кхук Тхья Зу, пользовавшийся широкой популярностью. С этого времени Вьетнам становится независимым государством, управляемым домом Кхук, но китайский император, спасая престиж, утверждает Кхук Тхья Зу в должности наместника, и поэтому династия Кхук не вошла в список официальных вьетнамских династий. После двухлетнего правления (906–908) Кхук Тхья Зу умер, завещав власть своему сыну Кхук Хао (907–917). Этот последний энергично взялся за государственное строительство. Была проведена реформа системы налогообложения и повинностей, ликвидировавшая последние остатки китайской организации в деревне, произведена смена аппарата сверху донизу. Кхук Хао ввел новое административное деление, по которому вся страна делилась на провинции-*бо*, области-*фу*, уезды-*тяу* и общины.

Эпоха раздробленности

Другой сын Кхук Тхья Зу — Кхук Тхья Ми (917–923) проводил ту же политику, что и отец. В отношениях с Китаем он признавал номинальный сюзеренитет императора центрального Китая, резко выступал против попыток представителя правившей в Гуанчжоу династии Южная Хань установить реальный контроль над Вьетнамом. Началась война, в которой победила Южная Хань, восстановившая во Вьетнаме прежнюю администрацию. Но ненадолго: в 931 г. один из бывших сподвижников Кхук Хао — Зыонг Динь Нге окончательно изгнал Южную Хань и в течение шести лет правил самостоятельно. В 937 г. он был убит Киеу Конг Тиеном, одним из своих офицеров. Зять Зыонг Динь Нге — Нго Куен, правитель Айтяу (Тханьхоа), выступил против Киеу Конг Тиена и убил его. После этого он отразил нападение вызванных узурпатором войск Южной Хань под командованием Хун Цао. В морском сражении у устья р. Батьданг он одержал решающую победу, и войска противника отступили. Нго Куен стал основателем пятой вьетнамской династии — Нго.

Подчеркивая национальный характер новой династии, Нго Куен не стал жить в китайской цитадели Дайла и сделал столицей легендарный город Анзыонг-*вьонга* Колоа. Были созданы двор и вьетнамская чиновная иерархия, причем большое внимание уделялось восстановлению вьетских традиций.

Но молодое вьетское государство с самого начала столкнулось с противодействием центробежных сил, которые, лишившись сдерживающего фактора — китайского контроля, стали серьезным препятствием на пути создания единого государства. Уже первый правитель династии Нго все шесть лет своего правления провел в непрерывных боях с непокорными землевладельцами. К моменту его смерти в 944 г. центральная власть в очень небольшой степени могла контролировать жизнь страны. После смерти основателя династии власть перешла к опекуну его сына, брату императрицы — Зыонг Там Кха. Этот последний использовал свое положение опекуна и захватил власть; сын правителя, Нго Сыонг Нгап, бежал в Намшань (в Хайзыонге). Тогда Зыонг Там Кха захватил его младшего брата Нго

Сьонг Вана и усыновил его, стремясь таким образом стать членом династии Нго, авторитет которой в стране был высок благодаря их руководству изгнанием армии Южной Хань.

В 950 г. Нго Сьонг Ван собрал значительное число сторонников и выступил против узурпатора вместе с вернувшимся из изгнания братом Нго Сьонг Нгапом. Они низложили Зьонг Там Кха и стали соправителями с официальными титулами Тхиеншань-*вьонг* (Нго Сьонг Ван) и Намтиен-*вьонг* (Нго Сьонг Нгап). Хотя основную тяжесть борьбы с узурпатором вынес Нго Сьонг Ван, его старший брат стремился править единолично. На этой почве у них возникли разногласия, но в 954 г. старший брат умер, и Нго Сьонг Ван становится единовластным правителем. Это был достойный продолжатель дела своего отца; все свое долгое правление (двадцать пять лет, из них пять вместе с братом и двадцать самостоятельно) он провел в войнах за объединение страны. В качестве базы для этой непрерывной объединительной борьбы служили его собственные владения. Он умер в 965 г., раненный стрелой во время подавления выступления в Тхайбине. Несмотря на его энергичные действия, усобицы, начавшиеся сразу после смерти его отца, не прекращались и при нем; по всей стране шли мелкие междоусобные войны. Эти беспорядки усилились и привели к настоящей анархии в правление его преемника, сына старшего брата — Нго Сьонг Си, власть которого не выходила за пределы его наследственных владений. Началась эпоха «двенадцати *шыкуанов*», длившаяся формально всего три года, но надолго оставшаяся в памяти народа. На смену единству, поддерживавшемуся в значительной степени китайскими войсками, единству, сохранить которое стремилась служивая знать (для которой единое государство было условием ее существования как части правящего слоя), на короткий срок пришла раздробленность в ее наиболее ярком проявлении — власти земельной аристократии, так долго не участвовавшей в управлении. С момента, когда она впервые приходит к власти, выявляются те две основные тенденции, борьба которых проходит через всю историю средневекового Вьетнама с момента восстановления независимости: центростремительная, носителями которой были император, служивая знать и часть крупной земельной аристократии, и центробежная, представленная основной массой феодалов-наследственных землевладельцев.

Господство «двенадцати *шыкуанов*» продолжалось недолго. Политика разорения страны мелкими войнами не могла пользоваться популярностью у крестьянства. Вторым фактором, настоятельно требовавшим ликвидации политической раздробленности, было усиление Китая, не оставлявшего мысли о возвращении во Вьетнам.

Династия Нго, ослабленная длительной борьбой за объединение, уже не могла решить те задачи, которые стояли перед ней. Это было сделано представителем крупной земельной аристократии Динь Бо Линем. Жизненный путь Динь Бо Линя — яркая иллюстрация тех процессов, которые определяли положение во Вьетнаме в VIII–IX вв., процессов слияния служилой знати и земельной аристократии. Земельные владения Динь Бо Линя находились в уезде Хоалы. Динь Конг Чу, его отец, был управляющим этим уездом при Зьонг Динь Нге и Нго Куене. Он не получил образования в Китае и вообще не имел хорошего образования. В молодости он служил офицером в войсках различных *шыкуанов*; постепенно выдвинулся благодаря уму и храбрости и стал командующим войсками у *шыкуана* Чан Лама, правившего в провинции-*бо* Хайкхау (Шоннам). После его смерти Динь Бо Линь укрепился в своем наследственном владении Хоалы и стал самостоятельным *шыкуаном*, ведя постоянную войну с Нго. После смерти Тхиеншань-*вьонга* он смог начать борьбу за подчинение всей страны, разбивая по одному остальных *шыкуанов*. В этих бесконечных сражениях он показал недюжинные способности полководца и получил прозвище «*вьонг* Ван Тханг» («*вьонг* Десяти тысяч Побед»).

В 968 г. Динь Бо Линь провозгласил себя императором новой династии Динь. Страна была названа Дайковьетом. Интересна административная реформа Динь Бо Линя, противопоставившая сложившемуся при «двенадцати *шыкуанах*» разделению страны новое деление, имевшее целью спутать исторически образовавшиеся связи богатых родов с определенными территориями путем раздробления их между различными административными округами. Эта реформа была одним из проявлений той жестокой борьбы, которую с самого начала вел император новой династии за единство своего государства. Опорой Динь в этой борьбе были прежде всего их собственные владения Хоалы, которые они стали укреплять. Город Хоалы, ставший столицей Дайковьета, был защищен стенами и рвом, сюда был переведен двор. Государственный и военный аппараты были значительно реформированы, на все важнейшие должности попали сторонники и вассалы Динь.

После провозглашения себя императором Динь Бо Линь должен был по-прежнему воевать с непокорными *шыкуанами*, и только третий год правления он называет «первым годом мира». Но и в «годы мира» обстановка продолжала оставаться чрезвычайно напряженной. Чтобы развязать себе руки внутри страны, император должен был как-то обеспечить спокойствие границ с Китаем. С этой целью он в 971 г. отправляет посольство ко двору общекитайской династии Сун, а в 972 г. соглашается на признание китайского старшинства и периодическую уплату символической дани. Эти обязательства, ни в чем его не связывая, позволили не бояться внешних осложнений.

После этого Динь Бо Линь смог усилить борьбу с непокорными сепаратистами. Вместо нестройных дружин он организовал регулярную армию, разделенную на 10 корпусов-*дао*. Опираясь на военное превосходство, он не скупился на самые жесткие меры наказания. Преступников варили в котлах с маслом, кидали на растерзание диким зверям королевского парка и т. д. Постепенно порядок стал восстанавливаться.

Но в самом дворце обстановка была очень сложной. Наследником Динь Бо Линь назначил Динь Ханг Ланга, сына своей любимой наложницы, в обход прав законного (и старшего) сына Динь Лиена, своего верного соратника. Возмущенный Динь Лиен убил Динь Ханг Ланга. Вскоре император и его старший сын сами были убиты в результате дворцового переворота, произведенного придворным офицером До Тхитем в 979 г. Столичное войско и чиновники не поддержали До Тхитя, он был схвачен и казнен, а на трон был посажен другой представитель дома Динь — Динь Тоан, шестилетний мальчик. Вся власть в стране перешла к главнокомандующему Ле Хоану, фавориту королевы-матери. В это время Суны решили воспользоваться смутой во Вьетнаме и начали накапливать войска на границе. Необходимость подготовки к войне требовала твердой власти, и часть знати выступила за провозглашение Ле Хоана императором. В 981 г. с согласия королевы-матери он стал императором и тут же выступил против китайской армии, двумя отрядами вторгшейся во Вьетнам. Начался период правления династии Ранние Ле, для которого характерно постепенное усиление централизованного государства.

Став политически независимым в начале X в., Вьетнам в это время уже был полностью независим экономически и культурно. Это совершенно не значит, что там сложились формы экономики и культуры, чуждые китайцам. Наоборот, за девять веков «северной зависимости» вьетская экономика и культура многое впитали из более развитой культуры и экономики Китая. Дело в том, что во Вьетнаме как местные элементы, так и заимствованные достигли такого уровня, когда они могли далее самостоятельно развиваться на близком к Китаю уровне, и разрыв с Китаем не означал бы теперь начала упадка или застоя. Дайковьет во всех отношениях был жизнеспособным, развитым государством и в качестве такового боролся за независимость и получил ее.

Дальнейшее развитие экономики в эпоху между «двенадцатью *шыкуанами*» и Ранними Ле шло по восходящей линии: продолжало увеличиваться число населения; были проведены значительные ирригационные работы (еще в VIII в.), построено много новых дорог, налажены пограничная служба и почтовая связь. Выросли новые города, продолжали развиваться торговля и внешние связи. Культура по-прежнему впитывала лучшие элементы из Индии и Китая, но в VIII–IX вв. все более наблюдается преобладание местных элементов.

Буддизм продолжал развиваться и в VIII–IX вв. В Китае были хорошо известны некоторые буддийские монахи из Вьетнама, как, например, Во Нгай, Зуи Зям, Фунг Динь; многие другие вьетские буддисты посещали Китай. В начале IX в. среди вьетов-буддистов большим влиянием стала пользоваться вторая секта *дхьяны (тхиена)*, основанная в 820 г. Во Нгой Тхонгом, проповедовавшим в Киньбаке в храме Киеншо у горы Тиензу. Основатель секты умер в 826 г., вторым наставником стал Кам Тхань.

Высокого расцвета достигло и конфуцианство. Наиболее известны братья Кхыонг Конг Фу и Кхыонг Конг Фук из Кытяна. В конце VIII в. они получили при дворе Танов звание лауреатов дворцового конкурса и должности цензоров.

Подобно тому как в религии и общественной жизни на передний план все более выдвигались местные учения, местные интересы, местные влияния, так и в архитектуре и изобразительном искусстве все сильнее чувствуются местные корни. В конце VIII в. возник смешанный стиль в архитектуре и искусстве, известный как Дайла, по названию города, где этот стиль впервые возобладавал. Основные его составные элементы — китайские и вьетские, в небольшой степени индийские.

Для архитектуры этого стиля характерны высокие, в пять-шесть небольших этажей надмогильные кирпичные башни, квадратные в плане. Каждый этаж имел ниши, в которых стояли статуи Будды. Характернейшая особенность Вьетнама — вогнутые крыши, восходящие к вогнутым крышам зданий эпохи Аулака.

Необходимо отметить, что известны только единичные образцы произведений скульптуры, архитектуры и живописи того времени, что объясняется слабой исследованностью, но все это — предметы высокоразвитого самобытного искусства, появление которого было невозможно без длительного самостоятельного развития.

Керамика стиля Дайла хорошо известна и чрезвычайно разнообразна. Это — кирпичи с рельефными украшениями, черепица, поливная посуда и терракота. Орнамент в основном местный, с некоторым китайским и индийским влиянием. От этого периода до нас не дошло письменных памятников; они были, но от них сохранились только отдельные выдержки в последующих работах, например *Шы ки историка* До Тхы.

Организация управления на окраинах китайской империи на примере вьетских земель крайнего Юга¹

Одним из распространенных предрассудков применительно к истории Дальнего Востока является рассмотрение официальных границ китайской империи разного времени как какого-то подобия границ национального государства XIX в. Практически на протяжении всей истории ханьское этническое ядро китайской империи было окружено как ассимилируемыми этническими группами, стоявшими на существенно более низкой ступени развития, так и меньшими по размеру, но близкими по уровню развития этническими ядрами, часть которых впоследствии обрела независимую государственность, часть же образовала достаточно четко выделяемые общности внутри империи. Разбирая этот вопрос, мы не имеем в виду территории, включенные в состав китайской империи на короткий период одиночками — удачливыми полководцами или честолюбивыми картографами; речь идет об областях, реально входивших в состав китайской империи, и среди них об областях, содержащих в своем составе те меньшие по сравнению с ханьскими этнические ядра того же уровня развития, о которых шла речь выше. Значительная часть таких ядер лежала в бассейне Янцзы, Сицзяна и Хонгха (р. Красная), ибо именно в эту сторону, на юг, расширялись пределы китайской империи, в то время как на севере для освоения нескольких сот километров требовались века. Эти этнические ядра относятся к обеим указанным частям — той, что сформировала (или восстановила) самостоятельную моноэтническую государственность после периода пребывания в составе империи, и той, которая этого сделать не смогла.

Рассматривая с этой точки зрения районы низовья Янцзы и бассейны Сицзяна и Хонгха, где до циньско-ханьских завоевательных походов существовали независимые государства юэ (вьетов), мы также видим эти две части. Исследование того, насколько в эпоху до середины X в. н.э. эти области являлись частью китайского

---

¹ Впервые опублик. [Деопик Д.В. 1970].

государства, кажется целесообразным начать с того из вьетских государств, которое не только восстановило свою независимость в начале X в. (это сделали и некоторые другие вьетские государства), но и сохранило ее до наших дней, а именно с северного Вьетнама. Со 111 г. до н. э., когда войска У-ди пришли в бассейны Сицзяна и Хонгха, и до 939 г. современный северный Вьетнам считался частью различных китайских империй и был самой окраинной частью китайского государства. Изучив на его примере степень и формы связи окраинных областей империи с ее ханьским ядром, можно конкретнее представить себе, что стоит за понятием «китайское государство на окраине», «провинция империи», «вассальное государство» и т. п. Еще раз подчеркнем, что прослеживаемые закономерности касаются областей, занимаемых высокоразвитыми, по нормам Дальнего Востока I тыс. н. э., народами, каким были вьеты к 111 г. до н. э.

Объектом изучения будут не все стороны жизни этой южной окраины империи (для этого недостаточно источников), а лишь одна, лучше других документированная и в то же время немаловажная с точки зрения проблемы государства, — административное устройство в его развитии на протяжении десяти веков. Период может показаться очень большим, но следует помнить, что материала даже и для этого отрезка мало, а объект исследования — место Вьетнама в системе китайской империи — стабилен. Нам представляется, что сопоставление данных по системе управления позволит дать общую характеристику отношений «развитая окраина — ханьский центр» и показать некоторые тенденции эволюции вьетского этноса и государственности. Материалом для сопоставлений послужили данные китайских летописей, включенные вьетнамскими хронистами в основные летописи Вьетнама: *Дайвьет шы лыок* (XIII в.) [Вьет шы лыок], *Дайвьет шы ки тоан тхы* (XV в.) [ТТ/Тьинь-хоа], *Кхам динь Вьет шы тхонг зям кьонг мук* (XIX в.) [КМ/А.2674]. В отдельных случаях китайские источники привлекались непосредственно ([ШЦ; ХШ; ХХШ] и др.).

В окончательном виде проблема ставится таким образом:

1. Был ли Вьетнам в I–X вв. н. э. частью китайского государства типа центральных его областей, или это был в значительной степени самостоятельный социально-экономический организм, сверху «прикрытый» китайской административной организацией?

2. Были ли отношения «вьеты (и их социально-экономическое единство — Цзяочжоу) — ханьцы» чем-то постоянным, или под покровом сложных атрибутов китайской государственной машины на Юге шли свои процессы, увенчавшиеся в итоге восстановлением независимости?

Решение, хотя бы на ограниченном материале, этой проблемы позволит обратиться к истории тех этнических ядер, которые не

восстановили или не обрели независимость вне китайской империи и в то же время были ассимилированы весьма поздно или до сих пор образуют значительные устойчивые группы внутри понятия «китайцы». (Еще раз подчеркиваю, что речь здесь не идет о современных национальных меньшинствах, типа чжуан и проч., чья национальная самобытность очевидна, но чье отставание от ханьцев в социально-экономическом отношении ставит их за пределы проблемы отношений между разными по размерам, но близкими по уровню социально-экономического развития этническими ядрами; имеются в виду такие крупные группы, как, например, фуцзяньцы, или южане вообще. Но это — вне сферы наших интересов.)

Итак, анализу в рамках данной работы подлежат различные стороны административной деятельности китайского государства на территории Цзяочжоу (как всегда, независимо от официального названия, именовали Вьетнам, когда хотели назвать страну, населенную потомками лаквьетов), т. е.:

1) структура административного аппарата, его состав и круг полномочий;

2) условия, в которых шла административная деятельность (восстания, судьбы служащих, периоды правления вьетов в рамках империи и вне ее пределов), и некоторые аспекты этой деятельности (посылка войск, строительство укреплений, административные реформы и проч.).

Все факты были сведены в несколько таблиц, анализу которых, в соответствии с теми или иными аспектами административной деятельности, и посвящена данная работа. Отсылки на три указанных источника не даются; если же факты взяты не из них — ссылка обязательна. События с начала нашей эры по 541 г. исследованы по [КМ/перевод], с 541 по 938 г. — по [ТТ/*Тьинь-хоа*], а весь период — по [Вьет шы лыок].

Хронологические рамки исследования: 5 г. н. э. — 880 г. н. э., когда войска империи Тан ушли из страны вьетов. Но для ряда вопросов нужны были данные по периоду 111 г. до н. э. — 5 г. н. э. и 880–938 гг. н. э.; первая группа данных приводится по КМ, вторая — по ТТ. Основной временной отрезок делится на три периода в соответствии с событиями в стране вьетов и в китайских империях: период I: 5–272 гг. н. э.; период II: 272–622 гг.; период III: 622–880 гг. (в дальнейшем периоды называются П. I, П. II, П. III). Каждый период имеет сравнительно бедное событиями начало, нарастание (каждый раз на все более высоком уровне) конфликта между вьетами и империей и кризис в конце. Все данные, кроме географического размещения различных событий и судеб имперских администраторов, сведены в табл. 1, на анализе которой и основаны предлагаемые выводы. Отметим вначале, что каждый период, все более отдаляя страну вьетов

от империи, содержал в себе все больше кризисных элементов и каждый кризис был острее предыдущего.

В связи с этим встает проблема источниковедческого характера: искажает ли общее уменьшение объема информации по мере углубления в древность истинную картину, и не выдаем ли мы эволюцию степени подробности источников за эволюцию того или иного исторического процесса. В принципе искажение должно иметь место, и по ряду проблем его удалось проследить. Но в целом искажения в данном случае, по-видимому, находятся в пределах, в которых их можно считать несущественными, так как:

1) общий объем информации по трем периодам по основным разновидностям источников практически одинаков;

2) отрезки времени, о которых нет информации вообще, чаще относятся к П.Ш;

3) по многим вопросам (например, о судьбах правителей областей — *тайшоу*) информации больше в раннем П.І.

Таким образом, этот специфический материал в малой степени подвержен «угасанию». Объяснений может быть несколько: одно из очевидных — повышенный интерес к Югу в период его освоения при Ханях постепенно угасал к IX в., что в сочетании с возрастанием к тому же, IX в. общего объема информации привело к взаимному погашению обеих тенденций и к сравнительно пропорциональному размещению материала.

Ряд фактов описывают постоянные, не эволюционирующие во времени явления:

1) подавляющее большинство самостоятельных проявлений (явных и скрытых) начинается с местных восстаний, хотя в тексте об этом не всегда сказано прямо;

2) местные восстания в большинстве случаев не связаны с крупными потрясениями в китайских империях, первых значительно больше;

3) административные преобразования почти всегда происходят в ходе или после восстаний или периодов самостоятельного правления, т. е. связаны с периодами нестабильности и дополнительными импульсами — введением больших контингентов имперских войск (например, административные реформы кризисного IV века подготовили переход к «косвенному» управлению в период Духуфу, когда империя отказалась от вмешательства в детали внутренней жизни страны);

4) экстраординарная аккумуляция власти в одних руках — всегда следствие внутренних причин, а не политики империи.

Теперь перейдем к суммарному анализу по периодам данных, содержащихся в табл. 1, сведя их в табл. 2, где данные, ввиду

различной длительности периодов, представлены в пересчете на число лет, приходящихся на одно событие.

Из табл. 2 видно, что чем позднее период, тем меньше в нем упоминаний о местной администрации — *тайшоу*, что связано со все более общим характером имперского контроля над Цзяочжоу, все менее доходившего до уровня губернаторов небольших провинций, хотя сама эта должность продолжала существовать. Возможно, что введенная в 622 г. Танами система Верховного управления Умиротворенного Юга (Аньнань Духуфу)² и не предполагала назначение из центра этих чиновников.

Таблица 2

Сопоставление некоторых данных табл. 1 по периодам*

Период	I	II	III
Упоминание <i>тайшоу</i> **	19	11	
Виды главных губернаторов	1	2	4
Число восстаний	12	12	8
Их средняя продолжительность***	3 года	7 лет	7 лет 6 мес.
Число самостоятельных правлений***	3	9	6
Их средняя продолжительность	10 лет	11 лет 4 мес.	9 лет 4 мес.
Строительство укреплений***	2	2	7/8
Приход армий с севера	8	13	10
То же, 1 раз во сколько лет	33	27	26
Административные преобразования***	11	8	4
То же, 1 раз во сколько лет	24	44	64
Средний срок пребывания на посту			
а) <i>цыши</i>	7	6 лет 4 мес.	
б) <i>дуду</i>		6 лет 9 мес.	3 года 4 мес.
в) <i>духу</i>			4 года
г) <i>цзинлюэши</i>			2 года 5 мес.
д) <i>цзэдуши</i>			3 года 8 мес.
в+г+д) вместе в среднем			3 года 8 мес.

* Сроки правления рассчитывались приближенно, по событиям (например, от назначения одного до назначения другого, если между ними нет самостоятельных

² В танский период термин Аньнань Духуфу (вьет. Аннам Дохофу) использовался для обозначения Цзяочжоу.

правлений вьетов или разрыв явно нереален). Вероятно, они обычно меньше реальных, но это касается всех правлений и не мешает сопоставлению количественных оценок.

** В Хронологическом списке указаны не все, в отличие от главных губернаторов.

*** Порой переходящие одно в другое.

Число восстаний падает на одну треть, зато длительность их в П.Ш возрастает более чем вдвое, указывая на нарастание противоречий. Растет и число самостоятельных правлений, вдвое к П.Ш, при постоянной средней длительности порядка 10 лет. В общем, раз в 27 с небольшим лет в Цзяочжоу зафиксировано среднее или крупное восстание (мелкие в хрониках, видимо, не упоминались), раз в полвека — период самостоятельного правления длительностью 10 лет (не считая правления в 541–603 гг. независимой вьетской династии Ранние Ли).

Помимо восстаний Цзяочжоу периодически сотрясали войны с соседями на юге и западе; южные войны с этнически чуждыми чамами не сопровождались восстаниями в Цзяочжоу, войны же с таи, родственные которым маньчжуры жили в пределах Цзяочжоу, порой смыкались с волнениями в Цзяочжоу, порой вызывали коллективные акции вьетов и ханьцев (единственный случай, когда они выступали вонне совместно).

Интересны данные о строительстве укреплений в Цзяочжоу, в П.Ш оно стало вчетверо более частым, чем в П.І и П.ІІ; при этом укреплялась почти исключительно столица Цзяочжоу — г. Дайла (Латхань). В среднем раз в 30 лет в этом городе велись крупные строительные работы военного характера. Столь же показательны цифры, характеризующие непрерывные дополнительные усилия империи по удержанию Цзяочжоу в своем составе, т. е. даты посылки туда дополнительных крупных воинских контингентов. От одного раза в 33 года до одного раза в 26 лет — такова эволюция. Один, впоследствии два раза в течение жизни одного поколения вьетов к ним приходила большая армия с севера и вела войну — положение, вряд ли способное показаться нормальным для обычной провинции.

Своеобразным показателем неустойчивости оказались в ходе исследования данные по различным административным преобразованиям, в том числе таким нейтральным, как изменение административного деления, смена титулов и т. п. По мере роста военных усилий чисто административная деятельность ослабевает в два с половиной раза, уменьшается длительность периодов реформ, отражая все то же падение интереса к опасному Югу. При этом в рамках каждого из трех периодов административные реформы всегда концентрируются в конце его, отмечая период кризиса. Детализирует это обстоятельство анализ периодов прямого военного и чрезвычайного гражданского управления, когда вся власть собиралась

в руках одного наместника и его главнокомандующего (*цзянцзюня*). Периоды «экстраконцентрации» власти в П.І наблюдаются раз в 53 года, в П.ІІ — раз в 70 лет (мнимое уменьшение числа таких периодов объясняется существованием гражданских правителей в годы независимости Цзяочжоу при империи Вансуан в 541–603 гг.). П.ІІІ целиком приходится на «общее управление», когда фактически и формально осуществлялась «экстраконцентрация» власти — система, явно не вмещающаяся в рамки провинциального управления.

Чрезвычайно характерны данные по средней длительности пребывания на посту высших администраторов Цзяочжоу в различные периоды. В П.І страной вьетов управлял *цыши*, средний срок правления для тех, у кого он известен, — 7 лет. В П.ІІ короче — 6 лет 4 месяца, далее — *дуду*, средний срок правления — 6 лет 9 месяцев. В П.ІІІ правили те же *дуду*, средний срок правления еще короче — 3 года 4 месяца, затем — *духу* — 4 года, *цзинлюэши* — 2 года 5 месяцев и *цзэдуши* — 3 года 8 месяцев. Поскольку последние три категории часто управляли параллельно, лучше высчитать для них средний срок и приравнять к данным по П.І и П.ІІ, когда обычно управлял один человек. Полученный срок — 3 года 8 месяцев — почти вдвое короче срока в П.І. Подобный процесс, приведший к явно недостаточному для эффективного управления губернатора или наместника сроку, свидетельствует об очевидном и принявшем затяжной характер неблагополучии в Цзяочжоу.

Таковы некоторые выводы из табл. 2, в итоге указывающие на постоянную неустойчивость положения, усиливающуюся в течение трех основных периодов.

Об этом же говорит анализ состава китайских администраторов в Цзяочжоу. Под общим понятием *чжоу* и *Духуфу* сплошь и рядом мы видим эпохи существования независимого государства со своими наследственными правителями. Порой они считались имперскими наместниками, порой, называясь таковыми, в отношениях с подданными-вьетами и правителями соседних государств они трактовали себя монархами, порой открыто провозглашали свою независимость. Длительность существования таких местных династий, условно названных «скрытыми», порой не уступает длительности официальных имперских династий того времени. Интересно, что ранние «скрытые» династии обычно довольствовались званием наследственных *цыши*, но начиная с VI в., когда более полувека правила независимая вьетская династия Ранние Ли, все чаще встречаются попытки превращения «скрытых» династий в явные, никому не подчиненные и лишь в китайских хрониках рассматриваемые как династии наследственных губернаторов. Что это за династии?

1) Си, наследственные *цыши* (два представителя), — ок. 200 — 226 г.;

- 2) Ко, то же самое (три представителя), — ок. 300 — 318 г.;
- 3) Дао, то же самое (три представителя), — 318 (323) — ок. 353 г.;
- 4) До, то же самое (три представителя), — 381 (399) — 427 гг.;
- 5) Ли, то же самое (два представителя), — 468–485 гг.;
- 6) независимая династия Ранние Ли (в китайских источниках описана как серия разрозненных восстаний) (четыре представителя) — 541–603 гг.;
- 7) Фунг, независимые правители (два представителя), — 791 — ок. 800 г.

Фактический конец китайского владычества — после ухода в 880 г. танских войск из страны вьетов.

Итак, 151 год «скрытых» династий плюс 62 года династии Ранние Ли занимают 213 лет внутри периода с 5 по 880 г. Необходимо учесть и восстание сестер Чынг (40–44), Чиеу Ау (248 г.), Ли Ты Тиена (635 г.), Май Тхук Лоана (722 г.), рода Фунг (прибл. середина 80-х — 90-е годы VIII в.), Вьонг Тханг Чиеу (828 г.) и религиозное движение Дао Тэ Лыонга (767 г.) — всего не менее 24 лет. В целом — 237 лет прямых упоминаний о местном самоуправлении, более четверти всего периода. При этом не учтены частые восстания горских народов к югу и западу от вьетских территорий в пределах Цзяочжоу.

Некоторый материал дал анализ имен чиновников, рассматриваемых источниками как «местные чиновники». В «скрытых» династиях мы встречаемся с именами, переданными исключительно редкими иероглифами (напомним, что ряд вьетнамских имен каким-то образом существовал долгие века, не имея вообще прямых иероглифических обозначений, например Риен); так, в период династии Ши встречено имя Ньиеп, то же с династией До (До Туэ До, Ду Хуэй Ду — в словаре имен нет такого сочетания). Фамилии повстанцев VI и IX вв., а также монархов таких династий, как Кхук, порой переданы иероглифами, крайне редко употребляемыми в китайском для обозначения фамилий. Кроме того, даже среди фамилий и имен, переданных привычными для таких случаев иероглифами, встречаются нетипичные, хотя и возможные для китайцев сочетания, а также такие системы имен родственников, которые типичны только для вьетнамцев (варьирование у мужчин-родственников среднего иероглифа при неизменных крайних, включение имени матери в тронное имя). Все это позволяет дать многим из повстанческих движений и «скрытых» династий конкретную этническую атрибуцию — вьетскую.

Административные преобразования территориального деления в рамках китайского государства, будучи сопоставлены на длительном отрезке времени и сравнены с некоторыми другими данными из системы государственного управления, позволяют проследить процесс

выкристаллизовывания из аморфного понятия «Юг» территории вьетского государства, которое к концу IX в. оформилось в пределах империи Тан совершенно отчетливо и выделилось из нее в «готовом виде». Древнее государство лаквьетов (предков вьетнамцев) вошло в состав империи Хань в виде двух областей: Цзяочжи (совр. северный Вьетнам, дельта р. Хонгха) и Цзючжэнь (к югу от Цзяочжи, пров. Тханьхоа), из которых оно состояло и ранее. Это были практически равные по размеру области; Цзяочжи была столичной и более развитой частью древнего вьетского государства Аулак. Вокруг этих двух областей и формировалась вьетская государственность в древности и средние века. Но если центр вьетского этноса определился сравнительно рано, то границы его формировались на протяжении почти всего периода, до VIII в. н. э. (применительно к северным границам, ставшим потом границами с империей). Первоначально земли современного северного Вьетнама воспринимались вместе с населенными вьетами землями бассейна р. Сицзян как нечто единое, с общим названием Цзяо, в отличие от конкретного Цзяочжи, обозначавшего дельту Хонгха. В 110 г. до н. э. возникла «провинция-бу (вьет. *бо*) Цзяочжи», охватывавшая северный Вьетнам и Гуанси и соответствовавшая древним государствам Аулак и Тайау. Территория более восточного вьетского государства — Намвьет со столицей в Фиеннгуне (совр. Гуанчжоу) в первые века нашей эры входила в общее понятие «Цзяо», затем она получила административную самостоятельность, образовав впоследствии основную часть провинции Гуандун. Итак, административная структура ханьских владений воспроизвела сложившиеся там границы. В дальнейшем эта структура оформляла с некоторым запозданием кристаллизующееся вьетское государство. Выглядело это следующим образом. 111 г. до н. э. — 222 г. н. э. — вьетский Юг, кроме отдельных периодов, не расчленен, называется Цзяо (Цзяочжоу), тянется от Фуцзяни до Лаоса. 222–622 гг. н. э. — Цзяочжоу существует уже в более узких пределах долинной части северного Вьетнама и южной части современной провинции Гуанси. 622–907 гг. — время, когда из бывшего Цзяочжоу на территории северного Вьетнама образовано специализированное Аньнань Духуфу, точно соответствующее области, заселенной средневековыми вьетами, выделившимися из общей массы юэ еще в III в. до н. э. как лаквьеты и сложившимися во вьетский этнос в I тыс. н. э. 907 год — время фактического восстановления независимости, создание средневекового вьетского государства приблизительно в тех же границах, в которых существовал Аулак, но с несколько иным этносом, что не позволяет рассматривать I–IX вв. как время постепенного выхода из империи чужеродного ядра, насильственно включенного в

111 г. до н. э. и сохранявшегося неизменным в течение тысячелетия. Дело было гораздо более сложным.

Подробное описание путей формирования этнической территории вьетов также представляет определенный интерес. Как уже говорилось, в 110 г. до н. э. существовала «провинция-бу Цзяочжи» — вьетская область на месте бывших Аулака и Тайау, состоявшая из Цзяочжи и Цзючжэня. Во главе этих областей стояли прежние вьетские чиновники, признававшие власть Хань. При них были чиновники-ханьцы со специально учрежденным чином *дувэй*. Административный центр новой области долго устанавливался, было сменено несколько мелких городов, вначале — в современном северном Вьетнаме, затем — по среднему течению Сицзяна, поближе к империи, с начала нашей эры — снова в северном Вьетнаме, а с 210 г. — в г. Фаньюе/Фиеннгуне (совр. Гуанчжоу). После отделения Цзяочжоу от более восточного Гуанчжоу центр Цзяочжоу снова был перенесен в северный Вьетнам и там находился до восстановления независимости. Практически весь период «северной зависимости» (I в. до н. э. — IX в. н. э.), а с III в. н. э. — непрерывно бывшие лаквьетские территории имели свои территориальные пределы и свою столицу, на раннем этапе — города, в названия которых входило слово *лун* (*лонг*, букв. «дракон» — покровитель вьетов с глубокой древности). Имелись и бытовое название территории, не зависевшее от официального названия, хотя порой и совпадавшее с ним, — «Цзяочжоу», и этнический термин — «люди Цзяочжоу», отличный от термина «мань», означавшего варваров-горцев северного Вьетнама, и от «людей Срединного государства», ханьцев.

Специфичность этой территории проявилась в ее месте в системе государственных повинностей. Набор войск в Цзяочжоу «невыносим для чиновников и народа» (138 г.) — такие и подобные высказывания наполняют летописи. Когда происходит восстание, оно, как в 40-х годах I в. н. э., охватывает и Цзяочжи, и Хэпу (область к востоку от современной вьетнамо-китайской границы, в те времена населенная вьетами). В 136 г. вьетские чиновники на ханьской службе потребовали выделения своей страны в особое *чжоу*; добились они этого в 184–189 гг. После попыток в конце II в. отменить это выделение оно было окончательно закреплено разделом с Гуанчжоу в 226 г. Уже в середине второй половины II в. источники сообщают, что Цзяочжоу — плохое место, перевод из Цзяочжоу, даже с понижением в должности, но ближе к центру империи, иногда считался наградой (144 г.).

Цзяочжоу — особое место, «вне девяти центральных *чжоу* Срединного государства» (186 г.). Выделение Цзяочжоу в 203 г., видимо, не случайно связано со «скрытой» династией Ши, чье самостоятельное

правление совпало с получением вьетскими землями Цзяочжоу собственного статуса, отличного от остальных *чжоу*. Дело в том, что уже в ходе затяжных войн II в. н. э. стало ясно, что прямое управление по образцу центральных провинций здесь невозможно [Деопик Д.В. 1961]. Источники пишут о населении и местных чиновниках как о людях, этнически отличных от ханьцев (хотя чиновники и имеют конфуцианское образование), о массовых конфликтах с ханьцами, об уничтожении «чиновников из Срединного государства», об эвакуациях ханьских чиновников и их семей из Цзяочжоу, о невозможности проведения там мобилизации. Править в Цзяочжоу можно было только руками представителей местного правящего слоя, и ряд административных реформ конца II в. н. э. оформил компромисс империи и местной вьетской верхушки. В первую очередь, это было создание самостоятельного административного организма для вьетских земель, во вторую — допущение вьетов на любые посты в аппарате империи. В 70–80-х годах II в. вьетов уже не называли варварами, оставляя этот термин для горцев. К этому же времени Цзяочжи окончательно закрепляет за собой роль наиболее важного из четырех южных *цзюней* Цзяочжоу, поставляющего рис в восточные и южные *цзюни* этого *чжоу*. Этнически и культурно жители Хэпу еще не были ассимилированы ханьцами и воспринимались вместе с вьетами, многие мелкие чиновники из *цзюней* Цзяочжоу служили в соседних *цзюнях* того же *чжоу*. Конец II — начало III в. для Цзяочжоу — время широкого распространения буддизма из Индии и через более восточные вьетские земли, вошедшие в состав империи, прежде всего через Гуанчжоу; дальнейшее распространение получают конфуцианство, экзаменационная система как способ комплектования чиновничьего аппарата, изучение китайской классики. Тесные связи существовали не только между южными *цзюнями*, но и вообще в Цзяочжоу, многие чиновники служили то в северных, то в южных *цзюнях чжоу*. Одновременно ослабевали связи с остальными *чжоу*, что сказалось в сохранении спокойствия и порядка в Цзяочжоу в бурные первые десятилетия III в.; источники этого времени содержат также прямые упоминания о правлении наследственных *цзыши* «скрытой» династии Ши как самостоятельных монархов (применительно к жителям Цзяочжоу). Ни последние ханьские императоры, ни первые усские не пытались изменить это положение (до 226 г.). В 263 г. мы снова видим южные *цзюни чжоу* совместно выступившими на стороне Вэй против У. В следующем, 264 г. три южных *цзюня* и Хэпу были отделены от северных *цзюней* Цзяочжоу в виде *чжоу* меньших размеров с тем же названием, но населенное только потомками лаквьетов — предками вьетнамцев. Тогда же впервые для лаквьетских земель был употреблен термин *Аньнань*

(«Умиротворенный Юг»). В борьбе на Юге в 263–271 гг. три южных *цзюня* вновь выступают совместно. К этому времени учащаются общие характеристики населения *чжоу* как «любящие восставать», «верных империи — пять тысяч семей всего» и т. п. Восстания этого времени часто завершаются компромиссами с вьетами, их вожди получают титулы *хоу* вьетских территорий. Так завершается период I.

В рамках периода II «люди Цзяочжоу» становятся неотъемлемым фактором политической жизни Юга. Формулировки типа: «люди *чжоу* любили его», «люди Цзяо ненавидели» — постоянны (301, 310, 318, 323, 325, 399, 541 гг. и т. д.). С V в. учащаются формулировки «чиновники и народ *чжоу*», такого-то самозванного губернатора «заставили править люди *чжоу*» и т. п. И в дальнейшем *чжоу* выступает как единое понятие: в восстаниях 380 и 541 гг., в борьбе с Севером в 411 г., в уничтожении «чиновников из Срединного государства» в 468 г. Продолжается распространение местных *хоу*. Нарастание кризиса и усиление тенденций к самостоятельности привели к ряду реформ, особенно после всеобщего антикитайского восстания 541 г., повлекшего за собой длительную войну вьетской династии Ранние Ли с тремя китайскими династиями. В 547–550 гг. Цзяочжоу выделено в совершенно особую единицу, в 557–580 гг. введено в Верховное управление Юга, охватывающее всю территорию к западу от Фуцзяни, с откровенно военными функциями; в 590 г. Цзяочжоу восстанавливается в обычном виде, но территория его дробится, отделяется *цзюнь* Хэпу; затем переносится столица Цзяочжоу (оставаясь в пределах северного Вьетнама). В том же, 590 г. вновь вводится военное управление Юга, отмененное в 618 г. самостоятельно правившим на Юге Цю Хэ, по своей воле назначавшим чиновников и даже себе, кажется, выдумавшим не известную нигде более должность *тайшоу* Цзяочжоу. Таким образом, в конце П.П уже более полувека существует оформленное различными временными решениями особое управление для вьетских земель.

Период III начинается с законодательного признания специфики вьетских земель в составе империи — вводится Аньнань Духуфу — Верховное управление Умиротворенного Юга. Выше говорилось о других чертах этого периода, свидетельствующих о дальнейшем отдалении страны вьетов от империи. Именно в этот период растет число чиновников, не желающих ехать править в Аньнань (в «обычном» тексте он по-прежнему именуется «Цзяочжоу»), восстания этого периода (722 г. и позже) зачастую уже охватывают почти всю страну вьетов. Делаются попытки (в начале VIII в.) отмены Духуфу, но в 768 г. оно снова было восстановлено. В рамках Духуфу усиливаются вьетские элементы, даже в военном строительстве (800 г.), формируется вьетский стиль в архитектуре. Но это вне

пределов данной работы. Растут противоречия с городским населением, в 824 г. переносится столица (в пределах городской черты современного Ханоя), так как в старой «духи ожесточились», гарнизон столицы минимально оценивается в мирное время в 3 тыс. солдат. К этому времени уже ясно, что в восточных вьетских землях (область современного г. Гуанчжоу) ассимиляторская политика предшествующих веков дала лучшие плоды, во время восстаний в Цзяочжоу имперские администраторы обычно спасаются в Гуанчжоу (841, 843 гг.). Ослабление центральной власти выражается в длительных периодах неуплаты налогов, в появлении групп населения, облагаемых половинным налогом (858, 867 и последующие годы). Лишь вторжение племен таи в середине IX в. заставило вьетов выступить вместе с имперской администрацией, из них даже были собраны войска. Но успокоение было кратковременным, в 866 г. опять вводится общее военное управление, Духуфу преобразуется в область-*цзюнь* Цзинхай, власть передается *цзэдуши*. Но и это уже не устраивало жителей Юга, и после того как восстание Хуан Чао отрезало от империи южные провинции, сосредоточенным в стране вьетов войскам оставалось только уйти, что они и сделали в 880 году, ставшем последним годом фактического контроля империи над страной вьетов.

Таковы данные по формированию внутри империи этнически целостного «субгосударственного» организма вьетов.

Среди администраторов Цзяочжоу имеется значительный процент людей, о которых в летописи сказано, что они были местными уроженцами, вьетами. Часть из них, как сказано выше, имела не ханьские имена, фамилии или порядок имен, об остальных прямо сказано, что они «люди *чжоу*». По периодам доля местных чиновников составляет: для П.І — это 11,4%, для П.ІІ — 32,9%, а для П.ІІІ, неожиданно, 4,7%. Но если учесть, что информацией по периоду Тан мы располагаем лишь для высших чинов администрации, которых именно в эпоху Тан (как будет показано далее) брали почти исключительно из «благонадежных» районов бассейна р. Хуанхэ, то падение этой доли скорее всего свидетельствует о продолжающемся процессе обострения противоречий и ослабления контактов с империей, так как низшее звено в П.ІІІ было по преимуществу вьетским. После династии Ранние Ли значительная часть вьетских аристократов была в оппозиции, и «наверх» ее почти не допускали. Она руководила рядом восстаний в танское время и в начале X в. взяла власть в свои руки во всей полноте.

Для характеристики положения Цзяочжоу в структуре империи интересно рассмотреть реакцию ее правителей, местных и ханьцев, на различные крупные события в империи, прежде всего на крупные

восстания и смены династий. Заранее следует сказать, что события в империи мало волновали правителей Цзяочжоу и, видимо, еще меньше его жителей. Когда был свергнут Ван Ман, *цзыши* Цзяочжоу закрыли границу, дождались победы Хань и подчинились им, сохранив свои посты. Когда в 184 г. восстания в империи достигли апогея, вьетская аристократия использовала создавшуюся обстановку для получения права занимать любые посты в центре империи и на окраинах, но и за это Цзяочжоу не помогло слабеющей империи. Войны начала III в. также прошли без участия Цзяочжоу, ставшего островком спокойствия, куда стекались беглецы с Севера. После победы У Цзяочжоу без сопротивления признало эту династию. Лишь в 260–263 гг. (один из двух случаев за тысячелетие) на территории Цзяочжоу сражались сторонники Шу и У (так, во всяком случае, интерпретируют китайские хроники войну этого трехлетия). В связи с этими событиями необходимо указать, что при выборе «государства-патрона» на Севере руководители Цзяочжоу почти всегда выбирали государство, не граничащее с Цзяочжоу, и всячески уклонялись от признания соседнего китайского государства, способного претендовать на реальную власть у вьетов. Во время конфликтов, как это было в 260–263 гг., «сторонники Вэй» становились «сторонниками Цзинь», сохраняя основу своей ориентации — оппозицию по отношению к У, единственному возможному реальному «хозяину» Цзяочжоу. Но во всем этом мало было реальных политических симпатий, сопровождавшихся решительными действиями. Когда Цзинь стало проигрывать, *цзыши* «от Цзинь» просто поехал к У и признал его власть. При смене «патрона» население Цзяочжоу часто само решало, подходит ли ему присланный наместник или нет (272–273), и чиновников не раз приходилось менять (301, 318 и последующие годы).

Когда в 280 г. пало У, назначенный им *цзыши* опять признал Цзинь, сохранив свой пост. В 411 г. Цзяочжоу отказалось поддержать довольно крупное и «перспективное» восстание к северу от своих границ, вновь продемонстрировав безразличие к делам империи. В 420 г. тогдашний *цзыши* Цзяочжоу без сопротивления подчинился новой династии — Сун, сохранив свой пост. Когда же в 70-х годах V в., в свою очередь, стал слабеть дом Сун, очередной *цзыши* Цзяочжоу признал власть новой династии, Ци, за что сам освободил себя от необходимости платить Ци что бы то ни было в течение семи лет.

Лишь в 556 г. второй (и последний) раз правитель Цзяочжоу вмешался в дела империи, но это было не вмешательство *цзыши*, а вмешательство полководца, который вел затяжную и неудачную войну с вьетским государством Вансуан и, не закончив ее, «переключился» на борьбу полководцев в империи. Другой полководец, оказавшийся в

таком же положении в Вансуане в 589–590 гг., вообще отказался подчиниться какой-либо северной династии. В 618 г. в Цзяочжоу прибыли послы от Суй и Тан и тут же отбыли с одинаковым успехом — правитель Цзяочжоу опять не пожелал участвовать в делах империи. Дождавшись падения Суй, он признал Тан. Такая же индифферентность Цзяочжоу проявилась и в конце правления Тан. Ее войска ушли в 880 г. на север, видимо уже без командиров.

Несколько раз затрагивался, но не был рассмотрен вопрос о точном месте вьетов в административной системе Цзяочжоу. Как известно, в 111 г. до н. э., после присоединения к империи, правители обоих вьетских *цзюней* остались на своих постах. В начале I в. н. э. на этих постах уже находились ханьцы, к середине II в. н. э. — и ханьцы из ассимилировавшихся семей переселенцев начала I в. н. э., получившие необходимое образование. С 138 г. вьеты получают титулы местных *хоу*, с 187 г. — право для сдавших экзамены занимать в империи любые посты. Уже в конце II в. мы читаем о реализации этих прав. В Цзяочжоу с рубежа II–III вв. мы видим на руководящих постах вьетов

Таблица 3

Географическое и хронологическое распределение данных
об администрации и пунктах сбора войск*

	П.І				П.ІІ				П.ІІІ			
	п	+д. и.	%	-д. и.	п	+д. и.	%	-д. и.	п	+д. и.	%	-д. и.
Места происхождения чиновников												
а) Север	5	34	18	7	8	88	67	39	7	87	64	35
б) Янцзы	20	85	73	54	3	53	25	7	3	56	28	8
в) Юг	3	25	11	3	1	34	8	1	1	36	9	1
Пункты сбора войск												
а) Север	1	32	8	1			0		6	58	35	17
б) Янцзы	9	89	69	43			0		6	58	35	17
в) Юг	3	50	23	7	2		100		5	52	29	10
Места первоначальной службы чиновников												
а) Север	2	60	25	5	1	66	20	1	1	66	20	1
б) Янцзы	1	47	13	1	0	45	0	0	2	81	40	8
в) Юг	5	89	63	29	4	99	80	34	4	81	40	8

* д. и. — доверительный интервал прослеженного показателя, равный $\pm$ двум сигмам; + д. и. — максимальное значение интервалов; - д. и. — минимальное значение интервалов.

(Ли Тиен, Ли Тянь), ассимилировавшихся ханьцев (Ши Ньип, Ши Хуи), часто связанных узами родства. Говорится о вьетах, известных своей образованностью на Юге и даже при дворе, о чиновниках *сяолань* и *маоцай* из вьетов, о докладах императору, представленных чиновниками-вьетами, заседающими среди «правителей вассальных государств». Учащаются случаи правления местных наследственных *цзыши* (см. выше, а также 541, 784 гг.). Среди чиновников, провозглашавших себя наместниками и передававших власть по наследству, процент местных уроженцев значительно выше, чем среди «законопослушных» администраторов. Часто эти местные *цзыши* выходили из местных же *тайшоу* или других чиновников среднего ранга в Цзяочжоу. При понижении они же только и оставались в Цзяочжоу (так случилось, например, в 860 г.).

Что же касается администраторов, присланных в Цзяочжоу из других областей империи, то при сопоставлении мест их происхождения и предыдущей службы, так же как и мест сбора войск для посылки в Цзяочжоу, можно сделать следующие наблюдения. В табл. 3 исследуется распределение пунктов сбора войск и проч. по трем районам: Север, т. е. бассейн р. Хуанхэ, районы к северу от него и левые притоки р. Хуанхэ; Янцзы — весь бассейн левых притоков р. Янцзы и низовья правых притоков (полосой в 100 км к югу от течения р. Янцзы), т. е. земельские районы бассейна р. Янцзы; Юг — бассейн р. Сицзян, верховья правых притоков р. Янцзы, Фуцзянь, часть Чжэцзяна, т. е. территория юэских государств III–II вв. до н. э.

Из таблицы видно, что каждое из рассмотренных явлений имеет со статистической вероятностью в одну или две сигмы (одна сигма — приблизительное выполнение прослеженной закономерности в 70% всех возможных случаев, две — в 95%) определенную тенденцию в рамках периодов I, II и III. В П. I основные кадры имперских администраторов происходили из района Янцзы (древние земли Чу, Юэ и У), в П. II и П. III большинство (около двух третей) происходило с Севера, Янцзы была на втором месте, а доля Юга упала по сравнению с П. I. Последнее несколько странно, так как в П. II, когда в Цзяочжоу правили южные династии (У и др.), можно было бы ожидать в Цзяочжоу уроженцев Юга и Янцзы. Так или иначе, в П. II и П. III налично четкая этническая оппозиция высшей ханьской администрации и вьетских чиновников и другого вьетского населения. Это уже само по себе симптом усиливающегося «расхождения» Цзяочжоу и империи. Характерна и эволюция сбора войск для подавления восстаний в Цзяочжоу. Если в П. I их в основном набирали в «молодом» районе империи — на Янцзы, затем — на Юге и меньше всего — на Севере, то в П. III — прежде всего на Севере и на Янцзы и меньше всего на Юге. Следовательно, в поздние периоды население и администрация Юга считались менее «надежными» для войн с вьетами. Что касается

распределения мест, откуда переводили чиновников в Цзяочжоу, то здесь видна та же тенденция, но в ослабленном виде, поскольку в Цзяочжоу часто посылали и чиновников с опытом работы в северо-восточных областях вьетского в прошлом Юга. Здесь Юг резко преобладает и в П.І, в П.ІІІ — поровну Юг и Янцзы. При этом надо помнить, что происхождение переведенных чиновников обычно неизвестно, и можно предположить, что они также в поздние периоды в основном происходили с Севера.

Таблица 4а

Распределение во времени «исходов карьер»*

	П.І				
	цыши		проч.	сумма	
	п	%		п	п
Абѳа 1					
Подгруппы					
а	4	31	6	10	31
б	2	15	1	3	9
в	—	—	—	—	—
г	—	—	—	—	—
Сумма				13	41
Группа 2					
Подгруппы					
а	2	15	4	6	19
б	—	—	1	1	3
в	1	8	—	1	3
г	—	—	—	—	—
д	—	—	—	—	—
е	—	—	—	—	—
ж	—	—	—	—	—
Сумма				8	25
Группа 3					
Подгруппы					
а	—	—	1	1	3
б	2	15	—	2	6
в	—	—	—	—	—
Сумма				3	9
Группа 4	2	15	6	8	25
Сумма без неясных	13	100	19	32	100
Сумма неясных	14		13	27	
Общая сумма	27		32	59	

* Проценты даны округленно.

И наконец, итоги анализа «карьер» имперских администраторов в I–IX вв. (табл. 4а, б). Имеющийся список высших имперских администраторов в Цзяочжоу в I–IX вв. составлен вьетнамскими

хронистами XIII–XIX вв. на основе китайских хроник. Списки отличаются полнотой, противоречий в них почти нет, большинство данных содержится,

Продолжение табл. 4а

	П.П					П.Ш**	
	цъши		проч.	сумма		сумма	
	п	%		п	п	%	п
Группа 1							
Подгруппы							
а	5	19	–	5	14	4	19
б	2	8	1	3	9	1	5
в	1	4	–	1	3	–	–
г	1	4	1	2	6	1	5
Сумма				11	32	6	29
Группа 2							
Подгруппы							
а	1	4	1	2	6	5	24
б	–	–	–	–	–	–	–
в	2	8	1	3	9	5	24
г	1	4	–	1	3	2	10
д	–	–	2	2	6	–	–
е	–	–	–	–	–	–	–
ж	–	–	–	–	–	1	5
Сумма				8	24	13	62
Группа 3							
Подгруппы							
а	7	27	–	7	21	–	–
б	2	8	–	2	6	1	5
в	1	4	–	1	3	–	–
Сумма				10	30	1	5
Группа 4	3	12	2	5	15	2	10
Сумма без неясных	26	100	8	34	100	21	100
Сумма неясных	14		14	28		13	
Общая сумма	40		22	62		34	

* Проценты даны округленно.

как показали исследования современных историков, в соответствующих китайских источниках. Имеются лакуны, «пустые» периоды, часто соответствующие, как показал А.Масперо, лакунам в китайских источниках [Масперо А. 1916]. Возможно, они относятся к периодам спокойствия, когда писать было «не о чем». В нашем распоряжении были данные о 155 чиновниках (не только высших). Из них у 68 исход карьеры неизвестен, у 87 — известен (из них 60 — верховные правители). Процент этих «без вести пропавших» падает от периода к периоду, что естественно, ибо информация по более

поздним периодам подробнее (см. выше). Естественно было бы ожидать параллельного роста упоминаний об отдельных администраторах, но интенсивность упоминаний на самом деле постепенно падает, отражая, по-видимому, общее падение интереса ко все более отдаляющейся политической окраине (так, если в П.І один *чыши* упоминается на 7 лет, соответствующий ему по функциям сановник в П.ІІІ, *духу* и близкие к ним — на 3 года 4 месяца и 3 года и 8 месяцев).

Рассмотрим данные по верховной власти. Зная средний срок правления верховного губернатора (*чыши*, *дуду* и др.) для каждого периода, можно приблизительно установить, сколько их было всего и какую долю составляют известные нам по именам (с ясным или неясным для нас исходом карьеры) губернаторы. В П.І (268 лет) средний срок управления составляет 7 лет. Правил ориентировочно 59 человек, из них по именам известны 32, или 54,2%. Это достаточная выборка. Подчеркнем, что во всем этом исследовании мы имеем дело с очень большими выборками (в данном случае — по 116 годам из 268 лет П.І, что сделало статистические оценки повышено надежными).

Аналогичные расчеты для П.ІІ (350 лет) дали 14 наместников в «пустых» отрезках; всего — 62 человека, из них известно 34, или 54,8% совокупности. В П.ІІІ (258 лет) расчеты несколько сложнее из-за случаев параллельного управления наместников со схожим объемом власти, но итог сопоставим. В «пустых» отрезках — 40 человек, всего — 74. Число известных нам — 21 человек, или 28,4%, тоже довольно много. Можно с полным основанием утверждать, что выводы, сделанные на основании случайной (приблизительно равномерно распределенной во времени, в данном случае) выборки, вполне применимы ко всей совокупности (в Хронологическом списке фигурируют 79 губернаторов всего северного Вьетнама, но он составлялся отдельно).

Разбор по периодам «карьер» 87 человек (чьи биографии известны) был проведен следующим образом. Все конкретные «исходные карьеры» были разделены на четыре группы с подгруппами:

1. Активно-негативный конец карьеры:
  - а) погиб от рук восставших;
  - б) умер при неясных обстоятельствах в Цзяочжоу;
  - в) убит в войне с внешним врагом на территории Цзяочжоу;
  - г) умер по пути в империю в пределах Юга.
2. Пассивно-негативный конец карьеры:
  - а) изгнан вьетами;
  - б) изгнан восставшими ханьскими войсками;
  - в) переведен с понижением;
  - г) сам восстал, разжалован;

- д) вообще не был допущен вьетами к исполнению обязанностей;
- е) отказался ехать в Цзяочжоу;
- ж) уехал из Цзяочжоу больным или раненым.

3. Пассивный исход:

- а) управлял как независимый от империи (фактический) правитель, передал власть по наследству;
- б) переведен или отозван в той же должности; либо нет указаний, повышен или понижен;
- в) ушел в отставку здоровым в той же должности.

4. Активно-позитивный исход — переведен с повышением.

Подчеркнем, что все администраторы-ханьцы уезжали из Цзяочжоу по окончании карьеры (естественно, кроме убитых); единственный период оседания чиновников-ханьцев — первая половина I в. н. э., да и то он восстановлен по биографиям их далеких потомков.

Анализ перечисленных данных по периодам и группам «исходов карьер» дал следующие результаты (см. табл. 4а). Прежде всего при ее рассмотрении поражает, насколько рискованным предприятием для ханьского чиновника была служба в Цзяочжоу. Из 155 администраторов, чьи имена нам известны, исходы карьеры 68, как сказано выше, исчезли бесследно для истории. Из остальных 87: 34,5% погибли на Юге, 33,3% спасли жизнь, но погубили карьеру, и лишь 17,2% отбыли с повышением. Причем процент этих «удачливых» непрерывно падал — с 25,8% в П.І до 9,5% (!) в П.ІІІ. Иными словами, если рассмотреть данные по П.ІІІ, то из десяти танских администраторов менее одного возвращалось с повышением, трое погибали, шестеро уезжали с понижением. На этих, прекрасно известных (и, видимо, с подробностями) условиях мало кто желал ехать в Цзяочжоу, и источники сохранили несколько свидетельств этого. В Цзяочжоу приглашали служить разжалованных: некоторые чиновники предпочитали казнь за отказ ехать править в Цзяочжоу сомнительному исходу путешествия туда. Риск был слишком велик, Цзяочжоу ни в коей мере не был провинцией в обычном смысле слова, тем более в последний период, при Танах. Это было, судя по данным, полупокоренное, зависимое государство, контроль над которым никогда не был особенно прочным. По мере ослабления со временем «имперского присутствия» падает как число смертельных исходов, так и число удачных карьер, характеризующих в основном бурный первый период, эпоху попыток ассимиляции. С течением времени на всех уровнях администрации начинают преобладать сравнительно мирные, но также неблагоприятные исходы. Это, видимо, связано со все меньшим вмешательством в дела вьетов. Вместо смертей и удач резко (с 25,0% до 61,9%) растет число пассивно-негативных исходов.

Учитывая обстановку в Цзяочжоу, китайские наместники, очевидно, не шли на риск ради проблематичного повышения, поскольку смерть в этом случае была статистически более вероятной (соотношение смертей и удачных карьер было приблизительно 5:3 в П.І, 2:1 в П.ІІ и 3:1 в П.ІІІ). Пассивное руководство, без повышений, но и без смертей, становится все более популярным, знаменуя собой (поскольку это пассивное руководство бывало обычно и неудачным) отход от вмешательства в дела Цзяочжоу. Все это подтверждается и большинством приведенных выше данных.

В целом анализ фактов об управлении вьетскими областями в составе китайской империи I–IX вв. н. э. (Цзяочжоу) позволил сделать следующие выводы.

Таблица 4б

Распределение во времени характерных «исходов карьер»

	П.І			П.ІІ			П.ІІІ		
	+д. и.	%	–д. и.	+д. и.	%	–д. и.	+д. и.	%	–д. и.
Группа 1									
Подгруппы									
а	47,2	32,3	18,0	27,7	14,3	5,8	36,9	18,2	6,5
б	22,5	9,7	2,4	20,8	8,6	2,4	19,9	4,6	0,2
Группа 2									
Подгруппы									
в	14,2	3,2	0,2	21,0	8,6	2,3	42,0	22,7	9,4
г	–	–	–	12,0	2,9	0,1	26,0	9,2	1,6
Группа 3									
Подгруппы									
б	18,4	6,5	1,1	17,1	5,7	1,0	19,9	4,6	0,2
Группа 4	40,6	25,8	13,1	27,7	14,3	5,8	26,0	9,2	1,6

1. Цзяочжоу практически никогда не был органичной частью империи, «стандартной» окраинной областью. Это было, фактически, вассальное государство, часто со своими династиями, со своей политикой, своими тенденциями развития.

2. Отношения Цзяочжоу и ядра ханьской империи постепенно эволюционируют в пределах исследуемой эпохи по трем выделенным периодам, переходя от сравнительно тесных контактов (П.І) к полному разрыву с империей при сохранении ее номинальной власти (завершение П.ІІІ, а также конец IX — начало X в.), увенчанному обретением независимости в X в.

Детальная историческая интерпретация этих фактов — тема отдельного исследования. Для П.І она отчасти представлена в другой работе автора [Деопик Д.В. 1961]. Здесь же хотелось бы отметить продуктивность применения количественных методик к исследованию

древней и средневековой истории, методов, позволивших получить выводы из весьма бедного и одностороннего по своему характеру материала, причем без привлечения дополнительных данных из других источников, за счет сочетания самых общих сведений о процессе и анализа самих текстов в их количественном сопоставлении.

Хронологический список губернаторов и правителей Вьетнама эпохи северной зависимости (111 г. до н. э. — 938 г. н. э.)
по данным [Вьет шы лыок: к. I (ВШЛ); ТТ/Тьинь-хоа: НК; КМ/А.2674: ТВ] и китайским источником*

№ п/п	Имя	Должность	Годы службы или ее продолжительность	«Династия», родственные связи	Источник
1	Ши Дай	<i>тайшоу</i>	110–87 до н. э.		ВШЛ: 3; ТТ-III: 1a; КМ-II: 6
2	Чжоу Чжан	<i>тайшоу</i>	86–74 до н. э.		ВШЛ: 3; ТТ-III: 1a
3 (?)	Вэй Лан**	?	73–49 до н. э.		ВШЛ: 3
4	Дэн Жан	Цзяочжоу му	9–23 н. э.		ТТ-III: 1a; КМ-II: 8
5	Си Гуан	Цзяочжи <i>тайшоу</i>	ок. 29		ТТ-III: 1a–1b; КМ-II: 8
6	Жэнь Янь	Цзяочжэнь <i>тайшоу</i>	ок. 29		ТТ-III: 1a–1b; КМ-II: 8–9
7	Су Дин	<i>тайшоу</i>	34–40		ВШЛ: 3; ТТ-III: 1b; КМ-II: 9–10
8	Ма Юань	?	42–45		ВШЛ: 3–4; ТТ-III, 2b–3b; КМ-II, 10–14
9	Ли Шань	Жинань <i>тайшоу</i>	44		ТТ-III: 4a; КМ-II: 14; ХХШ, цз.71: 166–176
10	Чжоу Чан	<i>цыши</i>	136		ВШЛ: 4; ТТ-III: 2b–3b; КМ-II: 10–14
11	Фань Янь	Цзяочжи <i>цыши</i>	137		ТТ-III: 4b; КМ-II: 19
12	Чжан Цяо	<i>цыши</i>	138		ВШЛ: 4; ТТ-III: 4b–6a; КМ-II: 19–21
13	Ся Фан	<i>цыши</i>	144–160		ВШЛ: 4; ТТ-III: 6a; КМ-II: 22–23
14 (?)	Лю Цао	?	178–184		ВШЛ: 4
15	Чжоу Юй	<i>мушоу</i>	178–184		ВШЛ: 4; ТТ-III: 6b; КМ-II: 24
16	Чжу Цзюнь	<i>цыши</i>	181		ВШЛ: 4; ТТ-III: 6b; КМ-II: 23
17	Цзя Цун	<i>цыши</i>	184		ВШЛ: 4; ТТ-III: 6b–7a; КМ-II: 24–25
18	Ли Цзинь	<i>цыши</i>	187–189		ВШЛ: 4; ТТ-III: 7a; КМ-II: 26–28
19	Чжу Фу	<i>цыши</i>	187 (201?)		ТТ-III: 8a–8b; КМ-II: 29; Сань го чжи, цз. 49: 8b
20	Чжан Цзинь	<i>цыши</i>	201		ТТ-III: 10b; КМ-II: 30–31; Сань го ÷æè, цз. 49: 9b
21	Ши Се	<i>тайшоу</i>	189?–226	династия Ши	ВШЛ: 5; ТТ-III: 7b–12b; КМ-II: 29–32; Сань го ÷æè, цз. 49: 8a–10b
22	Ши Хуи	<i>тайшоу</i>	226–227	династия Ши, сын Ши Се	ВШЛ: 5; ТТ-IV: 1a–2a; КМ-III: 3–4
23	Бу Чжи	<i>цыши</i>	210		ТТ-III: 11a; КМ-II: 29–31; Сань го ÷æè, цз. 40: 10a; цз. 52: 16b–18b
24	Дай Лян	<i>цыши</i>	227–231?		ВШЛ: 5; ТТ-IV: 1a; КМ-III: 3; Сань го ÷æè, цз. 49: 10a; цз. 52: 16b–18b
25	Люй Дай	<i>цыши</i>	227–231		ВШЛ: 5; ТТ-IV: 1a–3b; КМ-III: 3–8; Сань го ÷æè, цз. 49: 10b
26	Чэнь Ши	<i>тайшоу</i>	227–231?		ТТ-IV: 1a; КМ-III: 3; Сань го ÷æè, цз. 49: 10b
27	Лу Инь	<i>цыши</i>	248		ВШЛ: 5; ТТ-IV: 3b–4a; КМ-III: 3; Сань го ÷æè, цз. 61: 11b–13a
28	Сунь Сюй	<i>тайшоу</i>	263		ВШЛ: 5; ТТ-IV: 4a; КМ-III: 9–10; Сань го ÷æè, цз. 61: 11b–13a
29 (?)	Дэн Сюнь	?	263		ВШЛ: 5–6; ТТ-IV: 4a; КМ-III: 9–10; (согласно ТТ и КМ, Дэн Сюнь губернатором не был)
30	Люй Син (ВШЛ: У Син)	Аньнань <i>цзянцзюнь</i> , <i>дуду</i>	264		ВШЛ: 6; ТТ-IV: 4b; КМ-III: 10–11
31	Цуань Гу (или Фэнь Гу)	<i>тайшоу</i>	264		ТТ-IV: 4b; КМ-III: 10–11
32	Хо И	<i>цыши</i>	264–265		ВШЛ: 6; ТТ-IV: 4b; КМ-III: 10–11
33	Ма Жун	<i>тайшоу</i>	265		ВШЛ: 6; ТТ-IV: 4b; КМ-III: 10–11
34	Ян Цзи	<i>тайшоу</i>	265–271		ВШЛ: 6; ТТ-IV: 4b–6a; КМ-III, 10–13
№ п/п	Имя	Должность	Годы службы или ее продолжительность	«Династия», родственные связи	Источник
35	Лю Цзюнь	<i>цыши</i>	268		ВШЛ: 6; ТТ-IV: 5a; КМ-III: 10–11
36	Тао Хуан	<i>цыши</i> , <i>чжоуму</i> , <i>дуду</i>	271–301? (по данным летописей, правил 30 лет)	династия Тао	ВШЛ: 6; ТТ-IV: 5a–7b; КМ-III: 12–17
37	У Янь	<i>дуду</i> , <i>цыши</i>	301?–326? (по данным летописей, правил 25 лет)		ВШЛ: 6; ТТ-IV: 7a; КМ-III: 16

38	Гу Ми (или Гу Би)	<i>цьиши</i>	?	династия Гу	ВШЛ: 6; ТТ-IV: 7а; КМ-III: 17
39	Гу Цань	?	?	династия Гу, сын Гу Ми	ТТ-IV: 7а; КМ-III: 17
40	Гу Шоу	?	?	династия Гу, младший брат Гу Ми или Цаня	ТТ-IV: 7а–7б, КМ-III: 17
41	Тао Вэй	<i>цьиши</i>	(по данным летописей, правил 30 лет)	династия Тао, сын Тао Хуана	ВШЛ: 6; ТТ-IV: 7а–7б; КМ-III: 17
42	Тао Шу	<i>цьиши</i>	?	династия Тао, младший брат Тао Вэя	ВШЛ: 6; ТТ-IV: 7а–7б; КМ-III: 17
43	Тао Суй	<i>цьиши</i>	?	династия Тао, сын Тао Шу	ВШЛ: 6; ТТ-IV: 7а–7б; КМ-III: 17
44	Тао Кань	<i>дуду</i>	318–323	династия Тао	ВШЛ: 7; ТТ-IV: 7б–8а; КМ-III: 17–19
45	Ван Лян	<i>цьиши</i>	323		ВШЛ: 7; ТТ-IV: 8а; КМ-III: 19
46	Жуань Фан	<i>цьиши</i>	323		ВШЛ: 7; ТТ-IV: 8а; Цзинь шу, цз. 49
47	Жуань Фу	<i>цьиши</i>	353		ВШЛ: 7; ТТ-IV: 8а–8б; КМ-III: 20–21
48	Чжу Фу	<i>цьиши</i>	357–384		ВШЛ: 7
49	Ли Сунь	Цзючжэнь <i>тайшоу</i>	380–381		ВШЛ: 7; ТТ-IV: 8б; КМ-III: 21–22
50	Ду Юань	<i>цьиши</i>	381 (399)–411?	династия Ду	ВШЛ: 7; ТТ-IV: 8б–9а; КМ-III: 20–21
51	Ду Хуэй-ду	<i>цьиши</i>	411–420	династия Ду, сын Ду Юаня	ВШЛ: 7–8; ТТ-IV: 9а–10а; КМ-III: 23–25
52	Ду Хун-вэнь	<i>цьиши</i>	420–427	династия Ду, сын Ду Хуэй-ду	ВШЛ: 8; ТТ-IV: 9а–10а; КМ-III: 25
53	Ван Хуэй (или Ван Хуэй-чжи)	<i>цьиши</i>	427		ВШЛ: 8; ТТ-IV: 10а; КМ-III: 25; Сун шу, цз. 5; цз. 92
54	Тань Хэ-чжи	<i>цьиши</i>	446–447		ВШЛ: 8; ТТ-IV: 11а–12а; КМ-III: 27–28; Сун шу, цз. 97
55	Лю Му	<i>цьиши</i>	468		ВШЛ: 8; ТТ-IV: 12а; КМ-III: 29
56	Лю Бо	<i>цьиши</i>	468		ВШЛ: 8; ТТ-IV: 12а–12б; КМ-III: 29; Сун шу, цз. 5, цз. 92
57	Ли Чан-жэнь	<i>цьиши</i>	468–479	династия Ли	ВШЛ: 8; ТТ-IV: 12а–12б; КМ-III: 29
58	Шэнь Хуань	<i>цьиши</i>	479		ВШЛ: 8; ТТ-IV: 12б; КМ-III: 29–30
59	Ли Шу-сянь	<i>цьиши</i>	479–485	династия Ли, племянник Ли Чан-жэня	ВШЛ: 8–9; ТТ-IV: 12б–13а; КМ-III: 29–30
60	Лю Кай	<i>цьиши</i>	485		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 13а; КМ-III: 30
61	Фан Фа-чэн	<i>цьиши</i>	490		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 13а–13б; КМ-III: 31–32
62	Фу Дэнь-чжи	<i>цьиши</i>	490?		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 13а–13б; КМ-III: 31–32
63	Ли Кай	<i>цьиши</i>	?–505		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 14а; КМ-III: 32; Лян шу, цз. 2: 42
64	Ли Цзи	<i>цьиши</i>	505–516?		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 14а; КМ-III: 32; Лян шу, цз. 2: 42, 56
65	Сяо Цзы	<i>цьиши</i>	?–541		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 15а; Лян шу, цз. 3: 87; цз. 56: 855
№ п/п	Имя	Должность	Годы службы или ее продолжительность	«Династия», родственные связи	Источник
66	Ян Пяо	<i>цьиши</i>	545–546?		ВШЛ: 9; ТТ-IV: 16а; Лян шу, цз. 2: 42, 56
67	Чэнь Ба-сянь	<i>цьиши</i>	?–550		ВШЛ: 10; ТТ-IV: 16а–19а
68	Лю Фан	<i>даосинцзюнь цзюньгуань</i>	602–605		ВШЛ: 10; ТТ-IV: 22а; ТТ-V: 1б
69	Цю Хэ	<i>дацзюньгуань</i>	618–622		ВШЛ: 10; ТТ-V: 2б–3а
70	Ли Шоу	<i>дуду</i>	628		ТТ-V: 3б
71	Ли Дао-син	<i>дуду</i>	635		ТТ-V: 4а
72	Лю Янь-ю	<i>доху</i>	681?–687		ВШЛ: 10; ТТ-V: 4а–4б
73	Цюй Лань	<i>доху</i>	705–710		ВШЛ: 10
74	Чжан Шунь	<i>доху</i>	765–766	династия Чжан	ВШЛ: 11
75	Чжан Бо-и	<i>доху</i>	767–777	династия Чжан	ВШЛ: 11; ТТ-V: 4б–5а

				(сын Чжан Шуня)	
76	Гао Чжэн-пин	духу	790–791		ВШЛ: 11; ТТ-V: 6a
77	Чжао Чан	духу	791–802		ВШЛ: 11; ТТ-V: 6b
78	Пэй Тай	духу	802–803		ВШЛ: 11; ТТ-V: 6b–7b
79 (?)	Чжао Цзюнь	духу	?		ВШЛ: 11
80	Чжан Чжоу	духу	806–810		ТТ-V: 7a
81	Ли Сян-гу	духу	818–819		ВШЛ: 11; ТТ-V: 7a–7b
82	Ли Юань-си	духу	822–826		ВШЛ: 11; ТТ-V: 7b
83	Хань Юэ	духу	827–828		ВШЛ: 12; ТТ-V: 8a
84	У Хунь	духу	841–843		ВШЛ: 12; ТТ-V: 8a
85	Пэй Юань-ю	духу	846–848		ВШЛ: 12; ТТ-V: 8a
86	Ли Чжо	духу <i>цзинлюэши</i>	853–855		ВШЛ: 12; ТТ-V: 8b–9a
87	Сун Я	духу	857		ТТ-V: 8a–8b
88	Ван Ши	духу	858–859		ВШЛ: 12; ТТ-V: 8b–10a
89	Ли Ху	духу	859–860		ВШЛ: 12; ТТ-V: 10a
90	Ван Куань	духу	861		ВШЛ: 12; ТТ-V: 10a–10b
91	Цай Си	духу	862–863		ВШЛ: 12–13; ТТ-V: 10b–11b
92	Сун Жун	<i>цъши</i>	863		ВШЛ: 13; ТТ-V: 12a
93	Чжан Инь	Аньнань <i>цзюньфуши</i>	864		ВШЛ: 13; ТТ-V: 12b
94	Гао Пянь	<i>цзэдуши</i>	864–868	династия Гао	ВШЛ: 13–14; ТТ-V: 12b–17a
95	Гао Синь	<i>(цзэдуши)</i>	?	династия Гао (племянник Гао Пяня)	ВШЛ: 14; ТТ-V: 16b
96	Цзэн Гунь	<i>цзэдуши</i>	878–880		ВШЛ: 14; ТТ-V: 17a
97	Чжу Цюань-юй	<i>цзэдуши</i>	905		ВШЛ: 14; ТТ-V: 17a
98	Ду Гу-сюнь	<i>цзэдуши</i>	889–904		ВШЛ: 14
99	Кхук Хао	<i>цзэдуши</i>	907–917		ВШЛ: 14; ТТ-V: 17b
100	Кхук Тхья Ми	<i>цзэдуши</i>	917–923	династия Кхук (младший брат Кхук Хао)	ВШЛ: 14; ТТ-V: 17b–18a
101	Ли Цзинь	<i>(цзэдуши)</i>	923–931		ВШЛ: 14; ТТ-V: 18a–18b
102	Зыонг Динь Нге	<i>цзэдуши</i>	931–937		ВШЛ: 15; ТТ-V: 18a–19a
103	Киеу Конг Тиен	<i>(цзэдуши)</i>	937		ВШЛ: 15; ТТ-V: 19a

* Дополнен А.В.Никитиным. Отличается от исходного списка, по которому велись расчеты. Даты с тире — время правления соответствующих императоров, одиночные даты — даты назначения. Имеющиеся даты окончания службы учтены при расчетах, но здесь, как правило, не указываются (о наличии же такой даты свидетельствует ее несовпадение с датами правления синхронного императора).

**По всей вероятности, *Вьет шы лыок* ошибается в отношении Вэй Лана; по данным XXIII, Вэй Лан жил в период правления династии Восточная Хань, в 147–168 гг. н. э. Подробнее см. [Чан Куок Вьонг 1960: 19, примеч. 2].

Библиография

- Вьет шы лыок. — Юэ ши люэ (Краткая история Вьета). — Пекин, 1985 (ЦШЦЧ, № 3257).
- Деопик Д.В. 1961. — *Деопик Д.В.* Крестьянские восстания во Вьетнаме в I–II вв. н. э. — История и литература стран Востока. М., 1961, с. 157–171.
- Деопик Д.В. 1970. — *Деопик Д.В.* Организация управления на окраинах китайской империи на примере вьетских земель крайнего Юга. — Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 1. М., 1970, с. 51–78.
- КМ/А.2674 — *Khâm định Việt sử thông giám cương mục* (Одобренное высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности). Ксилограф А.2674*.
- КМ/перевод — *Việt sử thông giám cương mục* (Всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности). Т. 1–20. Н., 1957–1960.
- Масперо А. 1916. — *Maspero H.* La dynastie des Li antérieurs. — BEFEO. 1916, t. 16, № 1, с. 1–26.
- ТТ/*Тьинь-хоа*. — *Đại Việt sử ký toàn thư* (Полное собрание исторических записок Дайвьета). Ксилограф SA.PD.2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).
- XXIII — *Фань Е.* Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Т. 1–12. Пекин, 1996.
- XIII — *Бань Гу.* Хань шу (*Бань Гу.* История Хань). Т. 1–12. Пекин, 1983.

* Здесь и далее в случае, если место хранения ксилографа или рукописи не указывается, подразумевается, что они хранятся в Ханое, в библиотеке Института иероглифического письма (Viện Hán Nôm).

Чан Куок Вьонг 1960. — Việt sử lược (Краткая история Вьетна. Пер. с вьетнян Чан Куок Вьонга). Н., 1960.
ШЦ. — *Сьма Цянь*. Шицзи (Исторические записки). Т. 1–10. Пекин, 1992.

Вьетнам в период развитых феодальных отношений¹

Социально-экономическая структура Дайвьета в XI — начале XIII в.

В XI в. страна вьетов (с 1069 г. — Дайвьет, или Великий Вьет) стала централизованным государством первого этапа развитых феодальных отношений. Верховным собственником–распорядителем земли являлось государство, которое олицетворял император–*вуа*. *Вуа* помимо прав на всю землю обладал собственными владениями, доходы с которых шли непосредственно (минуя фискальный аппарат) на удовлетворение его нужд.

Наряду с общинными землями существовали и частные, находившиеся во владении как крупных землевладельцев, так и части крестьян; последние имели одновременно и общинный пай. Частные земли могли отчуждаться и передаваться по наследству. Они появлялись и ширились в это время прежде всего за счет освоения целинных земель, их обрабатывали или сами крестьяне, или зависимые от землевладельцев определенные категории населения.

С общинных земель налог шел или прямо в казну, или чиновнику, которому этот налог переуступался за службу и в основном на срок службы.

Верхушку феодального класса по-прежнему составляли крупные наследственные владельцы, в основном не родственники *вуа*, но среди них со временем все больше появлялось служилых и родственников *вуа*. Они имели от *вуа* земли двух видов: «действительное пожалование» — *тхыкфонг* и «округ в кормление», или «зависимый округ», — *тхыкан*; причем владений второго вида всегда было меньше. В документах о пожаловании указывалось число людей, а не земель. В XI в. часть свободных производителей была «подарена» (речь шла не о дарении, а о фиксации сложившихся отношений) аристократии, причем попали они и их предки в зависимость еще в X в. и ранее. Но основной формой землевладения оставалось общинное. В середине XI в. исчезло сочетание экономической и административной власти в руках одного крупного землевладельца; административной властью они уже не обладали. Землевладение средних чиновников состояло из общинных и частных земель. Средние служилые феодалы, как и крупные землевладельцы, были объединены в роды, их частные наследственные земли назывались «поля рода». Одной из форм передачи таких земель по наследству в то время было превращение их части в «поминальные» (или «культовые») земли с разрешения *вуа*. Средние и низшие чиновники обладали полным или частичным иммунитетом на свои частные земли.

Обширные земли в вечном владении имели в это время буддийские храмы и монастыри, получавшее поля в десятки *мау*², но не общины целиком. Поля получали также общинные и частные храмы культа предков. Дарителями земель выступали крупные и средние служилые и знатные роды, навечно передававшие храмам принадлежавшие им земли внутри земель общины.

XI — начало XII в. отмечены общей для развитых районов Юго-Восточной Азии тенденцией к оседанию лично зависимых («слуг», «рабов») на землю, к их постепенному превращению в жителей зависимых (от индивидуума или государства) общин.

Сами общины свободных были в 1137 г. подвергнуты регламентации и поставлены под контроль специальных чиновников государства. И указы, и деловые документы, дошедшие до нас от XIII в., свидетельствуют об усилении концентрации земли в руках светских землевладельцев и буддийской *сангхи* в условиях, когда часть крестьян теряла земли.

Основной формой концентрации земель в это время была скупка, причем государство защищало интересы скупщиков.

Мелкое частное владение обуславливалось фактом обработки земли, через год после прекращения возделывания владельческие права утрачивались. Анализ характера конфликтов, возникавших из-за этих земель, подтверждает, что это мелкопоместные и крестьянские владения. В то время вблизи обработанных общинных земель общины еще были свободные земли, на которые общины не претендовали,

¹ Впервые опубл. [Деопик Д.В. 1968б].

² 1 *мау* — 0,3 га.

что свидетельствует о том, что земельный голод еще не достиг критической отметки, в отличие от последующих веков, когда было обработано практически все.

Основным покупателем земель были, судя по сохранившимся документам, буддийские монастыри. Их владения часто не составляли единого массива и были разбросаны по разным деревням. По-прежнему имелись земли и у поминальных храмов, но в меньшем, чем у буддистов, количестве.

Основной формой крестьянского владения являлось общинное землевладение. Община совместно владела лесами, водоемами, лугами и пахотными угодьями; последние регулярно перераспределялись между полноправными общинниками в возрасте от 20 до 60 лет и другими свободными, которые были записаны в общинные списки, платили подушный и поземельный налоги, служили в армии и выполняли трудовую повинность на строительстве, транспорте и т. п. Владели землями и члены семей чиновников на службе и в отставке (сам чиновник и некоторые его родственники освобождались от налогов). Община имела внутреннее самоуправление: общинный совет или общее собрание решали экономические, а отчасти юридические и религиозные вопросы.

Общинники составляли основную массу населения, а собираемая с них рента-налог была главным источником существования всех категорий господствующего слоя. В XI — начале XIII в. расслоение в общине было незначительным. Правившая Дайвьетом в XI–XII вв. династия Поздние Ли стремилась сохранить общинную организацию как наиболее удобную форму социальной организации крестьян в обществе, где мелкие и средние землевладельцы не вели собственного хозяйства. Община была низшей хозяйственной и административной единицей средневекового Дайвьета до XVII в. Налоги, мобилизационные списки и т. п. доводились чиновниками до общины; внутри общины налоги и повинности распределялись общинной верхушкой. Силами общинников велось крупное ирригационное и городское строительство.

Формирование централизованного государства

Проводя политику централизации, Поздние Ли перенесли столицу во вновь построенный в историческом центре рисоводческих долин северного Вьетнама, на пересечении торговых и речных путей город Тханглонг (совр. Ханой). Первые *вуа* этой династии, подавляя сопротивление вьетской знати и небольших горных народов, прежде всего укрепили военную и административную машину. Государственный аппарат был поставлен под строгий контроль; чиновники присягали непосредственно *вуа*. В эти годы возникает личная гвардия императора.

Страна была разделена на 24 провинции вместо прежних уделов; во главе провинций стояли родственники или ближайшие соратники *вуа*; провинции делились на меньшие единицы, низшими из которых по-прежнему были общины. Одновременно с реорганизацией чиновничьего аппарата завершалось создание дисциплинированной армии из крестьян-общинников, заменившей местные дружины. Таким образом, в основе большинства мероприятий, сопровождавших оформление независимого вьетского государства, лежала общинная организация, поставленная под строгий контроль *вуа*, назначавшего в каждую деревню своего чиновника, который руководил общинным советом. Эта государственная система, базировавшаяся на общинной организации, типична для страны на протяжении всей ее истории.

Реформы XI в. закрепили победу центральной власти, чиновников-землевладельцев и буддийской *сангхи* в борьбе с наследственной земельной аристократией. И если X век был веком отрицания многих китайских норм социальной организации, то воссоздание централизованного государства вновь привело к усилению бюрократии имперского типа, оттесненной на задний план крупной местной аристократией в X в. Это повлекло за собой определенную эволюцию государственной организации. Оформившееся в XI в. вьетское государство, самостоятельное и самобытное в социальном, экономическом и культурном отношении, в то же время восприняло то, что было необходимо правящей верхушке, — элементы социального опыта китайского общества в военной и гражданской организации, официальный язык и письменность и т. п.

Войны Дайвьета в XI–XII вв.

Дайвьет вел в XI в. два вида крупных войн — на севере и на юге. Это были оборонительные войны на севере, против Китая, и постепенное наступление на юг, против Чампы. На западе Дайвьет был ограничен хребтом Чыонгшон, и лишь в верховьях р. Черной имелись удобные проходы в долину Меконга. Но в этих горных районах, населенных воинственными племенами, непривычный климат и трудность разведения поливного риса препятствовали вьетнамской колонизации.

В XI–XII вв. Дайвьет наступал на юг, а вьетские крестьяне постепенно заселяли современный центральный Вьетнам, расселяясь в среде более редкого, чем в Дайвьете, населения Чампы. Это постепенное расселение вьетнамских крестьян подготавливало и облегчало войны Дайвьета на юге. Чамский флот регулярно грабил южные районы Дайвьета, но потерпевшие поражение во внутренней борьбе представители чамской знати нередко уходили со своими дружинами в Дайвьет; то же делали и дайвьетские вельможи и претенденты на престол. В середине XI в. раздираемая внутренними усобицами Чампа потерпела поражение. В 1043–1044 гг. войска Дайвьета захватили Виджайю — столицу Чампы. Когда в 1068 г. Чампа оправилась и сама напала на Дайвьет, нападение было отбито, а дайвьетская армия под руководством Ли Тхьонг Киета перешла в наступление и вновь разграбила столицу Чампы.

В 1075 г., воспользовавшись длительным восстанием племен на границе сунской империи и Дайвьета, вьеты организовали большой поход против северных соседей. Двумя колоннами двинулась на север армия под командованием знаменитого своими победами полководца Ли Тхьонг Киета. Двойной удар — с суши по верховьям реки Сицзян и с моря по ее низовьям — заставил немногочисленное в XI в. ханьское население бассейна Сицзяна (совр. пров. Гуйчжоу, Гуанси и Гуандун) укрыться в двух крупных городах — Гуанчжоу и Иньчжоу. Вскоре Иньчжоу был взят в результате общего штурма. Оказавшись в опасном положении, Суны послали на юг огромную армию; после этого Ли Тхьонг Киет начал отход. Борьба с дайвьетской армией на ее собственной территории успехом не увенчалась, и сунские полководцы ушли из Дайвьета. Общим итогом войн на севере было присоединение к Дайвьету ряда спорных территорий. Некоторые территориальные приобретения были сделаны и на юге после войн с Чампой в 1080–1082 и 1103–1104 гг.

Дайвьет в XII в.

XII век в целом был временем стабилизации и укрепления централизованного вьетского государства Дайвьет. Оно с успехом отразило многочисленные нападения кхмерской империи Камбуджадеша.

Вуа династии Поздние Ли, постепенно прекратив дарения крупным светским землевладельцам и буддийским храмам и монастырям, не препятствовали им скупать частные земли крестьян, освоенные последними рядом с общинными землями; статус таких земель имел некоторое сходство со статусом общинных.

В середине XII в. государство и служилая часть класса феодалов в целом вели борьбу с крупными владельцами — на этот раз то была борьба за рабочие руки. Не разрешалось разрушать сложившееся крестьянское хозяйство, закабалить уже занесенных в списки налогоплательщиков. Но в то же время стала распространяться коммендация. Не исключено, что многочисленные продажи и заклады 20–40-х годов XII в. бывали вынужденными: продавалось последнее. Борьба с коммендацией была последовательной, и особым указом запрещалось «семьям, наделенным властью», т. е. крупным чиновникам и титулованной знати, самовольно принимать в свои владения простолудинов.

После 1162 г. *вуа* прекратил борьбу с крупными землевладельцами за тягловых, и в течение 20 лет знать и буддийская *сангха* продолжали спокойно накапливать земли и зависимых.

В конце XII в. началось ослабление центральной власти и усиление позиций крупных землевладельцев. Экономические трудности, связанные с расточительным дворцовым строительством (во многом подражавшим кхмерскому и чамскому), усиление налогового гнета вызвали социальный протест низов. В 1181 г. в стране разразился голод, погибла «почти половина населения». В 1188 г. голодные крестьяне восстали, их восстание длилось четыре года. Вскоре началось второе восстание, через несколько лет был «большой мор». К началу XIII в. «народ дошел до крайней нужды». Одновременно ухудшилось внешнеполитическое положение Дайвьета.

Ослабление власти *вуа* на местах повлекло за собой выступление на политическую арену крупных провинциальных землевладельцев, активно формировавшихся, как показано выше, в XII в., но еще не вошедших в состав титулованной знати или служилой верхушки. Они были достаточно сильны, обладая и землями, и зависимыми, но ослабление аппарата государственной власти вынуждало создавать специальные дружины для защиты своего имущества. Эти вооруженные отряды местной знати вошли в историю под описательным названием «люди (из области) Хонг», «люди Кхоай» и т. д. «Люди» и их вожди не стремились, как не раз делали восставшие крестьяне, захватить центральную власть; они поддерживали ту или иную группировку в столице и полноправно хозяйничали в своем поместье или уезде. Многие вожди «людей» позднее стали титулованными аристократами. Восстания ширились, насильно согнанные на строительство крестьяне восставали и разбегались, сражались в своих местных войнах «люди», на которых государство уже не могло воздействовать. С 1205 г. источники пестрят такими сообщениями, как «грабителей развелось, как пчел», «в стране была смута»,

«на дорогах стало опасно», «продолжался голод», «умершие лежали грудями». В 1207 г. в Дайвьете зафиксировано несколько крестьянских восстаний, некоторые вспыхнули близ столицы.

14 лет, с 1207 по 1220 г., весь Дайвьет был ареной внутренних войн различных группировок «людей», выступавших вначале в основном в поддержку *вуа* против его же полководцев, а затем в защиту своих округов и уездов от кого бы то ни было. Но постепенно войны стали стихать за счет подавления восстаний и заключения соглашений глав крупных родов с «людьми» и их вождями. Значительная часть вождей «людей» влилась в государственный аппарат и в состав правящей верхушки, получив титулы. Ополчения «людей из Хонг», «людей из Кхоай» и других со своими командирами частично превратились в военные корпуса.

Вуа санкционировал создание частных армий своих сторонников, что позволило легализоваться дружинам «людей» и официально оформить провинциальную власть нового типа.

Последовавший в 1225 г. государственный переворот, организованный вождями рода Чан, был подготовлен их соглашением с большинством вождей «людей» и захватом власти в провинциях.

Дайвьет при династии Чан в XIII–XIV вв.

Эпоха Чанов (1225–1400) — время дальнейшего развития централизованного государства. Крупные сановники продолжали получать за службу казенные земли, но на их землях теперь существовали зафиксированные государством общины, которые не могли быть разделены. Назывался этот новый тип владения вначале «зависимый округ» — *тхыкан*, позднее, в XIV в., — «пожалованный округ» — *тхайан*. Общины, сидевшие на землях зависимых округов, платили основную часть поземельного налога владельцу, а подушный и часть поземельного — государству. Тем самым их зависимость от владельца не была полной. Зависимые округа и пожалованные округа — это наследственное землевладение, прежде всего членов семьи *вуа*, многие из которых не служили. У них были титулы, почти у всех — родство с династией и как гарантия власти в имениях, расположенных вдали от правительственных гарнизонов, — многочисленная вооруженная челядь. Так как степень родственной близости к *вуа* менялась от поколения к поколению, одновременно у неслуживших снижался титул и уменьшались права.

Особое внимание уделялось в эти десятилетия ирригационному строительству в Дельте; были обвалованы опасные участки всех крупных долин рек северного Вьетнама. Это привело к увеличению посевных площадей, более устойчивыми стали урожаи. По-видимому, все основные мероприятия по укреплению сельского хозяйства были проведены в эти десятилетия. Кризис начала века в значительной степени был преодолен также за счет временного уменьшения двойного гнета чиновников и землевладельцев после утраты земель родственниками *вуа* Ли.

Но постепенно родственники Чанов стали относительно многочисленной прослойкой, образовав верхушку землевладельческой знати. Почти все они жили в сельских владениях, выезжая в столицу лишь на аудиенции или на срок занятия высших должностей. Из своих зависимых округов они отправлялись на войну во главе своих дружин и крестьянских ополчений.

Большую по численности группу по-прежнему составляли средние служилые землевладельцы, гражданское чиновничество. Принадлежность к ранговому чиновничеству была наследственной, дети чиновников шли служить чиновниками, но они были четко отделены от титулованной знати. Чиновники получали соответствующее рангу жалование; земли их были казенными, и наследовать их в XIII в. они не могли. Такие земли были меньше зависимого округа.

За особые заслуги *вуа* выделял землю в наследственное владение и не родственникам династии; но давались в таком случае поля, а не зависимые округа, людей при этом не давали, и становились такие земли частными. Купля-продажа частных земель разрешалась по-прежнему. Борьба с частным землевладением практически не велась.

В общинах имелись неполноправные группы: частично зависимые и полностью зависимые (домашнее рабство). Имевшие землю свободные платили поземельный и подушный налог, не имевшие земли, но записанные в реестры данной общины еще не платили в первой половине XIII в. ничего. В 30–50-х годах XIII в. с освоением все новых площадей шло упорядочение форм налогообложения крестьянства; необычайно часты были переписи крестьян, поскольку *вуа* не желали упускать новых налогоплательщиков. Центральная власть непосредственно вмешивалась в дела крестьян, разделяя их на категории внутри общин: списки составляла общинная верхушка, но проверялись они государственными чиновниками. К общинам было приписано все население страны, включая родственников *вуа*, но налогом облагались только взрослые списочные общинники-мужчины.

Определенную роль в улучшении экономического положения страны в это время играли налоговые поступления с южных провинций.

Город, ремесло, торговля в XI–XIV вв.

Крупнейшими городами были либо крупные торгово-ремесленные и административные центры, такие, как Тханглонг, либо чисто военно-административные, как Хоалы, либо, наконец, по преимуществу внешнеторговые, например Вандон. Чисто ремесленных центров не существовало, не было и политически автономных городов — во главе каждого стоял чиновник.

Вьетнамское ремесло было сосредоточено как в городских цехах (их в Тханглонге, например, в конце XIV в. насчитывалось более 60), так и в деревнях. В сельской местности ремесленники занимались и сельским хозяйством, хотя были цехи, члены которых сдавали землю в аренду соседям. Цехи и их выборное руководство ведали не только производством, но и продажей изделий. Ремесленники в городах, а также сельские ремесленники общин производили все, необходимое деревне, а порой и товары для экспорта.

В XIII–XV вв. в связи с расширением внутренней торговли металлическими изделиями, солью, скотом, рисом, плетеными изделиями, тканями быстро росли города, особенно приморские и приречные. Основные транспортные пути шли по рекам или по морю вдоль побережья. Внешнюю торговлю Дайвьет вел как предметами местного производства (изделия из лака, металла, фарфора), так и транзитную: через его порты проходил путь из Индии на восток. В чамских торговых городах, вошедших в состав Дайвьета в XV в., были многочисленные колонии купцов — арабских, индийских и др.

Как показатель высокого уровня развития товарно-денежных отношений в конце XIV — начале XV в. можно отметить установившееся на четверть столетия бумажное денежное обращение; во второй четверти XV в. правительство отменило бумажные деньги.

В XI–XV вв. организации купцов и ремесленников не играли существенной роли в политической жизни страны.

Борьба Дайвьета с нашествием монголов

Дайвьет столкнулся с монгольской армией в 1257 г. Вьетамцы к этому времени были наслышаны о политике монголов, об их военной мощи и захватнических целях. Невзирая на то что первоначально монголы требовали от правителей Дайвьета только пропустить их войска в тыл Южной Сун, Чаны отказали им, понимая, что захватчики рано или поздно нападут и на Дайвьет (в 1252 г. они захватили соседнее с Дайвьетом государство Дали). Сопrotивление монголам было массовым; повсеместно возникали партизанские отряды, мужественно сражалась армия *вуа*. Изнуренные непрерывными боями и тропическим климатом, монгольские войска оставили пепелища на местах нескольких захваченных ими городов и отступили из Дайвьета. Эта победа положила начало длительной и упорной борьбе вьетов с монгольскими захватчиками, которая увенчалась полным успехом.

В 1282 г. Дайвьет вновь отразил нападение монголов (правда, небольшого отряда), пытавшихся посадить на трон своего ставленника, и отказался пропустить монгольские войска, на этот раз для войны против Чампы. К этому времени долина р. Сицзян была уже захвачена монголами.

В 1284 г. для борьбы с Чампой и Дайвьетом на юг была послана новая полумиллионная армия. Дайвьет тщательно готовился к неизбежной войне. Огромная армия Юаней встретила не только 200-тысячную регулярную армию *вуа*, но и многочисленные партизанские отряды, организованные как самими крестьянами, так и местными чиновниками. Верховный главнокомандующий Чан Куок Туан (Чан Хынг Дао) стал национальным героем Вьетнама. Он опирался на патриотический подъем всего народа и поддержку народа считал одним из необходимых условий победы. Его новый военный устав, основанный на анализе военной тактики монголов, на опыте войны с ними в Чампе и на специфике природных условий Вьетнама, позволил максимально эффективно использовать военный потенциал Дайвьета и добиться победы. Война, принявшая общенародный характер, велась в значительной степени силами партизан, чьи действия координировались штабом Чан Хынг Дао. Регулярная армия сохранялась для решающих боев и удержания баз в горах и предгорьях. Чан Хынг Дао понимал, что главное — сохранить армию; столица была сдана без крупных боев, двор и казна заблаговременно укрыты в горах. Монголов встречала выжженная и обезлюдившая земля. Разбросанные по стране монгольские гарнизоны едва поддерживали связь между собой; снаряжение и припасы с огромным трудом доставлялись из Китая. Захватчики так и не дошли до южных провинций Дайвьета и не смогли соединиться с остатками армии, ранее высадившейся в Чампе. Но и дайвьетская армия понесла значительные потери (полностью погиб флот, его пришлось строить заново). В этих условиях часть титулованной знати перешла на сторону Юаней; эта кучка предателей была объявлена правителями Дайвьета.

Монголы вскоре прекратили попытки удержаться в Чампе и с остатками войск погрузились на корабли, чтобы плыть морем. Когда их корабли появились в дельте Красной реки, дайвьетская

регулярная армия перешла в наступление и полностью разгромила неприятеля в битве при Тайкете (1285 г.), а затем в предгорьях к северу от Красной реки. Были захвачены тысячи пленных. В июне 1285 г. страна была полностью очищена от вражеских войск.

Упорное сопротивление вьетнамского государства заставило Хубилая изменить свои планы: собранные для похода на Японию войска были брошены в третий поход на юг, 300-тысячная армия снова перешла границу. Вьетские полководцы встретили шедшую морем часть монгольской армии, которая сопровождала суда с продовольствием и припасами, и уничтожили ее в дельте Красной реки. Монгольские воины, ведя непрерывные бои с партизанами, лишены продовольствия и резервов и ослабленные болезнями, быстро теряли боеспособность. На специально построенных заграждениях погиб оставшийся юаньский флот, в 1288 г. было потоплено 400 судов. Сухопутное войско было почти полностью уничтожено в горных проходах на обратном пути.

Три неудачных больших похода заставили монгольскую династию Юань прекратить нападения, и в 1289 г. был заключен мир. Юани (как и до начала походов) считались номинально сюзеренами Дайвьета, но фактически Дайвьет, как и до войны, был независимым. Вскоре после заключения мира монгольских пленных отпустили на родину; наказали лишь вьетнамских вельмож, помогавших захватчикам. Победа над монголами на долгий срок определила тактику борьбы вьетнамцев с более сильным противником: партизанские действия, осуществляемые крестьянами под руководством выборных вождей или низшего чиновничества, с одновременным сохранением регулярной армии для решающих боев.

Рост крупного землевладения. Реформы Хо Куи Ли

В результате нескольких кратковременных, но тяжелых и крайне опустошительных войн и заметного ослабления государственного аппарата пострадали в первую очередь гражданское чиновничество и его условное землевладение, а выиграли крупные провинциальные наследственные землевладельцы — родственники *вуа*. Стала ясна важная роль собираемых знатью на местах на свои средства дружин; крупные землевладельцы получили наконец в 1266 г. правовой статус для передачи крупных владений по наследству без уменьшения — статус «вотчинников» («вотчина» — *диенчанг*). Продолжалась в ходе войн и раздача зависимых округов. Продолжалось и, возможно, расширилось дарение частных полей за конкретные заслуги от *вуа*; на такие поля выдавались специальные документы, которые могли быть отобраны *вуа*. Особенно много документов хранили буддийские храмы. Дарения им, в том числе и частных земель, со стороны светских владельцев не прекращались и во время войны. Дарили и зависимых людей, продолжалась торговля землей, при этом государство боролось за обязательное составление официальных купчих.

Когда после 1266 г. представителям знати разрешили создавать на целинных землях *диенчанги*, поднялась ценность рабочих рук. *Диенчанги* сменили зависимые округа, специфика их состояла в том, что поле (и община) создавалось на начальном этапе землевладельцем на свои средства (потом возвращаемые в виде доходов), а не отбиралось у крестьян и не предоставлялось властями. Причина распространения *диенчангов* — нехватка казенных земель для дарения знати и продолжающийся рост малоземелья. Один очевидец писал, что население густое, обрабатываемой земли не хватает. Это и считалось причиной строительства дамб на реках и создания *диенчангов*. Последнее позволило влиятельным родам (титулованной знати) «сохранить мир с населением», т. е. не прибегать к отнятию земель у свободных крестьян в больших масштабах. За счет *диенчангов* был реализован предпоследний земельный резерв в дельте Красной реки; в дальнейшем можно было идти лишь на восток вслед за медленно увеличивавшейся в этом направлении Дельтой или на юг, в земли чамов и кхмеров. Для растущего населения реальным все больше становилось переселение на юг, так как в горах на севере и западе не было условий для поливного рисоводства. Значительную роль в освоении юга играли крупные феодальные владельцы, которые перевозили сюда крестьян и создавали *диенчанги*. В это время складывается прослойка крестьян, живущих на чужбине («освобожденные семьи»), оторванных от своих общин полностью, т. е. не внесенных в общинные списки. Они зарабатывали в чужих краях, поставляя вотчинам рабочую силу.

В конце XIII — начале XIV в. продолжался рост землевладения буддийских храмов и отдельных монахов. Ухудшился правовой статус свободного крестьянства как владельца, у многих он приблизился к статусу арендатора. Владельцы *диенчангов* постоянно давили на соседей, отток в *диенчанги* обедневших крестьян ухудшал положение оставшихся, плативших некоторое время налоги за всех. Расцвет *диенчангов* совпал с ухудшением положения свободных общинников. Войны с монголами, особенно две последние, привели к массовому запустению земель, разрушению ирригационных сооружений, гибели людей. Но правительством *вуа* не принимало почти никаких мер, наоборот, начало новую серию безрезультатных войн на западе, что вело к укреплению позиций крупных землевладельцев и разорению крестьян налогами и мобилизациями.

Положение средних служилых слоев несколько ухудшилось. Хотя часть своих средств они вкладывали в приобретение частных земель, которые не пострадали, их доходы от государственной службы за счет сбора налогов со свободных крестьян не могли не сократиться из-за обнищания части налогоплательщиков. Упало и влияние части землевладельцев-чиновников, ослабла вследствие этого власть *вуа*.

Длительные войны опустошили страну, сельское хозяйство и ирригация находились в упадке, много крестьян погибло во время военных действий. В 1290 г. начался массовый голод, крестьяне бросали насиженные земли или продавали их (а часто и своих родственников) владельцам частных земель. Раздача казной хлебных запасов не помогала, так как ресурсы государства были истощены войной. Тем не менее *вуа* Чан Ань-тонг продолжал борьбу за расширение территории Дайвьета на юге. В 1307 г. по договору с Чампой он получил как подарок от зятя, чамского монарха, области О и Ри (район г. Хуэ). В уступленных областях немедленно начались выступления «подаренного» населения, и в 1311 г. разразилась война с Чампой, возобновлявшаяся в 1318 и 1326 гг. Рост политической самостоятельности крупной титулованной знати облегчался этими и новыми войнами, на этот раз с горными народами (1334–1337) и с лао. Выступив в поддержку восставших горных народностей, лао вторглись в Дайвьет, разорили его южные области и нанесли ряд поражений войскам Дайвьета. Одновременно возобновились нападения чамов, стремившихся вернуть утраченные провинции. Войска чамского монарха Тебонгнга неоднократно опустошали южные провинции Дайвьета и доходили до его столицы — Тханглонга, который чамы захватили и разграбили в 1369 г. Армия *вуа* к этому времени была деморализована, крупные землевладельцы не поддерживали *вуа*, казна была пуста. Но чамы не могли освоить и заселить захваченные районы, где уже имелось многочисленное вьетское население, этнически и экономически связанное с Дайвьетом, а без этого их победы были безрезультатными.

По всему Дайвьету крестьяне сопротивлялись давлению со стороны владельцев крупных земельных вотчин. 1300–1380 годы — это время затяжного аграрного кризиса, выражавшегося зачастую в открытых формах социального протеста — крестьянских восстаниях. Эти же десятилетия отмечены дальнейшим развитием *диенчангов*, а конец их — началом борьбы *вуа* с ними. Начало 40-х годов сопровождалось неурожаем и голодом, вызвавшим восстание Нго Бе, длившееся 17 лет. В 1354 г. началось восстание под руководством крестьянина Тэ, объявившего себя родственником Чанов. Крестьянские восстания были упорными, но редко выходили за пределы провинции.

Земли в XIV в. делились, в самом общем виде, на высокооблагаемые казенные и низкооблагаемые частные («поля людей»), существовали также *диенчанги*. Внутри первой из этих категорий полностью облагались «поля государевой казны», т. е. поля общинников, плативших прямо казне. Налоги со свободных крестьян составляли значительную часть урожая риса — основы пищевого рациона крестьянина; безземельные не платили ни поземельного, ни подушного налога. Сфера действия публично-правовых отношений постепенно сужалась, переписи проводились все реже.

Условные держания служилых землевладельцев казна облагала налогом, но он был в 7–12 раз ниже, чем с «полей государевой казны». Эти условные держания могли передаваться по наследству, особенно если такое владение было родной общиной получателя. Служилые категории, как и прежде, получали содержание (*бонг*), не бывшее наследственным; это были участки низкооблагаемых земель на территории какой-либо общины. Основную по численности массу служилых составляли мелкие чиновники (*лай* и *зит*), они имели свои земли и пользовались рядом полуофициальных и неофициальных привилегий.

Владельцы частных земель платили в 30 раз меньший налог, чем условные держатели. Частное землевладение нетитулованных лиц порой было крупным. Облагались почти все земли, кроме, по-видимому, земель, за счет доходов с которых отправлялся культ предков данной семьи. Особняком стояли наследственные владения родственников *вуа* — *диенчанги*. Сохранялось крупное землевладение буддийских храмов и монастырей, дарения в адрес которых продолжались до начала 80-х годов. Они имели тысячи *мау* земель и тысячи зависимых. Источники сообщают: «Там, где живут люди, — непременно храм Будды», «духи-предки и Будды были повсюду». Пропорция частных и казенных земель была приблизительно одинаковой в разных уездах и провинциях.

В 1378 г. главой администрации Дайвьета стал Хо Куи Ли, возглавлявший сторонников централизации. Опираясь на мелких и средних чиновников, он начал борьбу с землевладельцами и разложившейся придворной верхушкой. Первое крупное столкновение между Хо Куи Ли и его противниками произошло в связи с новой войной против Чампы. В 1377 г. чамы вновь захватили южный Дайвьет, а затем и столицу, грабя прилегающие к Тханглонгу области. В этих тяжелых условиях Хо Куи Ли не только собрал новую армию, но и одержал две победы над чамскими войсками. Победы укрепили его положение, и он сумел провести ряд мер по укреплению армии, повысив налоги и мобилизовав в армию буддийских монахов; последнее мероприятие нанесло серьезный удар по привилегиям буддийского духовенства. Одновременно Хо Куи Ли смещал с государственных постов представителей крупной землевладельческой знати и заменял их сторонниками реформ из неименитых служилых родов. Реформированная армия смогла разгромить войска короля Тебонгнга и вернуть спорные земли.

Борьба двух тенденций в правящей верхушке протекала на фоне все усиливавшихся крестьянских восстаний, что, видимо, ускорило проведение реформ. Подавив непокорную знать, Хо Куи Ли пресек заговоры при дворе, и началась массовая смена чиновников; реформированный государственный аппарат стал надежным орудием Хо Куи Ли в проведении широкой программы социальных реформ, направленных на восстановление (с некоторыми изменениями) государственной системы налогообложения, основанной на сборе ренты-налога с общин при помощи разветвленного бюрократического аппарата.

В конце 80-х годов нараставший кризис, связанный с небывалым ростом крупного частного землевладения, резко обострился, возросли число и масштабы крестьянских выступлений. Восставшие под руководством буддийского монаха Фам Ши Она сумели временно занять столицу. Прослойка служилых землевладельцев, объединившаяся под руководством Хо Куи Ли, активизировала борьбу за преобразование. После перехода власти в стране в руки реформаторов началась энергичная борьба с крупными землевладельцами, длившаяся семь лет (1396–1402).

Первый удар был нанесен по буддийской *сангхе*: основную массу монахов «вернули в мир», а вскоре годных забрали в армию. Вопрос об огромных владениях вьетнамской *сангхи* был таким образом предрешен, и в начале XV в. она перестала быть крупным землевладельцем, тем более что в годы реформ буддизм перестал быть государственной религией, потесненный неоконфуцианством. В том же году металлические деньги были заменены бумажными, что укрепило финансовое положение государства. За этим последовал отказ от тщательного контроля государства за делами общины. Была введена раздача полей для школ и учителей, начал складываться постоянный фонд земель, выделяемых внутри общины для нужд государства.

Самый главный удар был нанесен в 1397 г., когда все частные земли, в том числе *диенчанги* (кроме *диенчангов* старших принцев и принцесс), были превращены в казенные земли, а имевшиеся там общины — в свободные. Владельцам оставляли всего 10 *мау*; целью реформы была объявлена «помощь бедным и слабым». По-видимому, в связи с этим указом резко уменьшилось в размерах и землевладение буддийских монастырей.

Для практического проведения указа в жизнь власти провели в 1398 г. труднейшее мероприятие — обмер всех частных земель и изъятие излишков. При этом население казенных земель становилось свободным, для включения его в списки свободных налогоплательщиков было проведено последнее крупное мероприятие реформаторов — всеобщая перепись 1401 г. Неизвестно, сколько земель было реквизировано, но число свободных увеличилось вдвое. Если учесть, что сюда вошли некоторые новые группы и возвращавшиеся беглые, число зависимых до реформы можно определить в одну треть трудоспособного населения страны. Чтобы не позволить числу зависимых снова вырасти, в том же году их количество в оставшихся *диенчангах* было резко ограничено.

На земли средних и мелких землевладельцев и на частные земли крестьян реформаторы не посягали, реформы проводились для служилых и их руками. Крестьян затронула лишь часть программы Хо Куи Ли, касавшаяся ослабления малоземелья в Дельте за счет переселения части безземельных в южные районы (север центрального Вьетнама), куда им потом привозили жен и детей.

Реформы натолкнулись на резкую оппозицию крупных землевладельцев и придворных, но их выступления были жестоко подавлены Хо Куи Ли. Его противники, воспользовавшись тем, что в 1400 г. он провозгласил начало правления новой династии — Хо (1400–1407), обратились в Китай за помощью против «узурпатора». Хотя Мины раньше признали Хо, это обращение было удобным предлогом для реализации их захватнических планов на юге. Династия Хо готовилась к отпору; столица была перенесена на юг, строились мощные укрепления, усиленно обучались войска. Одновременно продолжались реформы: был отменен ряд чрезвычайных налогов времени последних Чанов, проведена новая перепись населения, несколько уменьшилось налоговое бремя, подверглось переработке уложение о наказаниях.

В 1402 г. Дайвьет начал новую войну против Чампы. В ходе этой войны Чампа заключила союз с Минами, чей флот уже начал продвижение в Южные моря. Вскоре Мины потребовали от Дайвьета территориальных уступок, и Хо Куи Ли вынужден был отдать небольшие территории на севере. В 1406 г. в страну вторглась огромная минская армия. Мины отправили свое войско двумя колоннами — с севера и с северо-запада (где их не ждали). Армия Хо в 1407 г. была разбита, он сам и его ближайшие соратники попали в плен. Но народ Дайвьета продолжал борьбу. Сторонники Хо, отдельные члены династии Чан, а чаще всего сами крестьяне организовывали отряды и вели непрерывную борьбу с врагом. С 1417 г. патриоты объединились вокруг вождя одного из отрядов, Ле Лоя, изгнавшего в 1427 г. китайские войска.

Укрепление централизованного государства при первых императорах династии Поздние Ле (период *Ле Шо*)

Ле Лой считается основателем новой династии — Поздние Ле (1428–1789). Перед ним и его ближайшими преемниками стояла задача восстановления экономики, и прежде всего общинного хозяйства, разоренного войной. Крупные землевладельцы, уже ослабленные реформами Хо, не смогли за годы войны восстановить свое могущество. Сам Ле Лой (император Ле Тхай-то) располагал сильной армией, его авторитет как полководца-победителя китайцев был очень высок, в его окружении было немало бывших чиновников — носителей реформаторских традиций (наиболее известный из них — Нгуен Чай).

Человек больших дарований, обладавший огромным авторитетом, Ле Лой, воспользовавшись тем, что страна полуопустошена, предпринял попытку аграрного переворота, по масштабам равного реформам Хо. Поскольку многие крупные знатные роды были скомпрометированы фактом своего сотрудничества с захватчиками, их владения были объявлены казенными. Ле Лой, основной силой армии которого было крестьянство, сразу после победы произвел всеобщий учет и передел казенных земель в соответствии с числом крестьян. Все пустующие казенные общинные земли были переданы тем, кто не имел земли, в том числе переселенным крестьянам из других общин. Запрещались продажа и захват казенных общинных земель. Примечательно, что захват казенных земель карался строже, чем частных. Свободно можно было занимать только необработанные земли, были отменены налоги на два года вперед. Это прямое вмешательство *вуа* в важнейшую внутреннюю сферу общинной жизни было возможно в условиях всеобщей разрухи, а также потому, что длительные войны повысили мобильность крестьянства и одновременно привели к повсеместному созданию фонда свободных земель.

Земли получили и титулованная знать, и чиновники, но прежде всего не из фонда общих земель общины; вскоре появились и крупные частные владения с многочисленными зависимыми крестьянами, но не они определяли аграрную ситуацию. Реформы увенчались успехом и заложили основы экономического развития и внешнеполитических успехов Дайвьета в XV в.

Уже в первые годы реформ практиковалось выделение земли в общинах для чиновников в соответствии с их рангом. Было также установлено, что основой для налоговых привилегий чиновников является не только титул или ранг, но и просто сам факт выполнения чиновнических обязанностей. Существовало право «по наследству сменять отца и деда» на чиновничьем посту и пользоваться трудом свободных. Власти активно побуждали крестьян к обработке новых земель, казенных и частных, при условии уплаты налогов. Но не все крестьяне в разоренной стране могли наладить собственное хозяйство; документы того времени часто упоминают арендаторов казенных и частных земель. Некоторые бедняки готовы были идти и в зависимые, но это строго запрещалось; одновременно государство боролось с распространением *диенчангов*, где сосредоточивались зависимые. Запрещалось продавать или дарить земли, полученные за службу в условное владение, или объявлять «своими» крестьян, сидевших на таких землях.

Последующие указы, уже Ле Нян-тонга (1442–1454), были посвящены защите частного землевладения малых семей от распыления внутри большой семьи и от распродажи таких земель в интересах ближайших родственников. При передаче земельного имущества строго требовали составления официального документа, что ограничивало действие обычного права. Тогда же было подтверждено право чиновников на получение земельного пая в общине; наряду с установленным ежегодным ранговым денежным жалованьем он составлял основу дохода чиновника.

В целом к концу 50-х годов система землевладения, характерная для второго этапа развитых феодальных отношений восточного типа, стабилизировалась; в ней преобладали казенные, средние и мелкие частные земли, были зафиксированы и виды налогов: поземельный и подушный. Но эта стабилизация коснулась основных земель тогдашнего Дайвьета — дельты Красной реки. С конца XV в. прирост населения здесь не обеспечивался разработкой новых земель, население поодиночке или малыми семьями частично переселялось на юг, но в целом Дельта стала областью растущего перенаселения. Становилось все меньше земли на душу населения, что вынуждало государство признавать переход растущей части крестьянских земель в категорию частных, облагаемых меньшей ставкой налога.

Реформы первых трех императоров Поздних Ле были дополнены и отчасти закреплены созданием кодекса эры *Хонг-дык*, отразившего создание централизованной империи и формальное господство гражданского чиновничества, а также те изменения, которые произошли в аграрных отношениях к середине XV в. Армия и государственный аппарат получили стройную организацию, четко дифференцированную и централизованную: была проведена новая административная реформа, унифицировавшая административное деление страны, сложилась система учебных заведений и конкурсных экзаменов, при помощи которых комплектовался штат гражданских и военных чинов. Не менее важны были денежная реформа и налоговые преобразования, которые укрепили экономическое положение центральной власти.

В конце XV в. при переписи впервые стали отдельно учитывать «местные» и «чужие» («гостевые») семьи, а внутри их появились категории «наемных» и «бедных». После уточнения табели о рангах власти упорядочили ранговое жалованье чиновникам. Тогда же была систематизирована титулатура и установлен принцип понижения социального статуса.

Был принят также закон о предоставлении полей чиновникам. Больше всего землевладельцы имели частных служебных полей, но эти земли не должны были переходить по наследству. У титулованных и ранговых чиновников имелись еще небольшие участки наследственной земли для обеспечения культа предков. Некоторое количество зависимых имелось у двух высших групп титулованных, остальные титулованные могли иметь «слуг» (свиту), которых никак не хватало для обработки выделенных площадей земли; их, видимо, обрабатывали арендаторы. Закон был призван ограничить размеры владений титулованных и ранговых чиновников, в нем указывался максимум землевладения, подчеркивалось также, чтобы каждое наследование рассматривалось специально. Частные земли ранга или титула считались принадлежащими государству, в отличие от частных земель, приобретенных обработкой, покупкой или полученных неслужащим владельцем по наследству. Эта система ограничений была призвана укрепить условное землевладение на всех уровнях, но действие ее было возможно лишь при сильной центральной власти.

Закон 1481 г. регулировал выдачу средним и мелким чиновникам паев в общинах. Владельцы таких земель платили налоги, но небольшие; обрабатывали владения арендаторы, в основном, по-видимому, из числа безземельных общинников и «гостевых» семей. При увольнении чиновника и отсутствии у него потомков-преемников эти земли отбирали. Такова была публично-правовая система введения чиновника внутри общины, но с определенными гарантиями от превращения пая в частную землю. Государство стремилось расширить фонд казенных земель, объявив своей монополией освоение новых наносных земель в приморских провинциях; эти земли объявлялись казенными, тогда как ранее их нередко осваивали частные лица, создавая *диенчанги*.

Трудности, связанные с растущим малоземельем, усугублялись, резко поднялись цены на рис, увеличилось число недоимщиков. В конце XV в. правители стали экономить на содержании аппарата; спешно строили рисовые склады и создавали запасы, одновременно активизировали переселенческую политику, что расширяло площадь казенных земель на юге; прекратили выдачу земель неслужилым группам (потомки знати и чиновничества), из деревень стали брать на военную службу только безземельных. Однако положение в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться.

В середине XV в. Дайвьет вел успешные внешние войны, в результате которых правитель княжества Бонман и племена лоло признали в 1448 г. сюзеренитет Дайвьета; тогда же были установлены регулярные контакты с лаосским государством Лансанг.

В 1471 г. был предпринят тщательно подготовленный поход против Чампы, завершившийся захватом части чамских территорий. Аналогичным был поход на Лансанг в 1479–1480 гг., в результате которого Лансанг на некоторое время попал в вассальную зависимость от Дайвьета, а его восточные области вошли в состав вьетнамского государства. Одновременно все племена, жившие в горах к западу от вьетнамских долин, стали данниками Дайвьета, а издавна контролируемые им горные районы на севере получили статус провинций; в них уже было значительное вьетское население. Но в целом население новых областей еще не слилось полностью с вьетнамцами (вьетами).

Вьетнамская культура

Культурная жизнь Вьетнама характеризовалась бурным развитием национального искусства и литературы. В эти века были созданы такие памятники архитектуры, как Храм одного столба (Моткот) в Тханглонге, храм в Буттхапе и т. д., построенные в традициях национальной архитектуры. Появились многочисленные литературные произведения, окончательно сформировалась национальная письменность, были составлены первые труды по истории. Местные верования, связанные с почитанием духов Неба и Земли, превратились в один из государственных культов, верховным отправителем которого был *вуа*.

Значительные позиции в культурной и политической жизни страны занимал буддизм местного толка — *тхиен*, господствовавший в X–XIII вв. Но в конце XIV—XV в., по мере роста бюрократического аппарата неоконфуцианцы приобрели значительные позиции во Вьетнаме. Неоконфуцианство становилось официальной философией чиновников и двора. К концу XIV в. буддизм *тхиен* окончательно перестал быть государственной религией. Ликвидация буддистских монастырских владений сопровождалась борьбой двух толков во вьетнамском буддизме: с XV в. *тхиен* стал сочетаться с новым, амидистским толком *махаяны*. Буддизм стал более массовой религией.

Ле Тхань-тонг — один из наиболее образованных *вуа* — покровительствовал искусствам и наукам и тратил большие средства на образование и учебные заведения: при нем была создана придворная Академия двадцати восьми звезд. Расцвет переживала национальная поэзия. Были написаны замечательные стихи на вьетнамском языке (авторы — Нгуен Чай и другие поэты) вьетнамским письмом, создавались многочисленные труды по различным отраслям знания. В архитектуре и скульптуре этого периода возникали новые течения («стиль Поздних Ле»).

Библиография

Деопик Д.В. 1968б. — *Деопик Д.В.* Вьетнам в период развитых феодальных отношений. — История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 195–206.

Новые данные о Юге Китая и Вьетнаме в авторских сочинениях эпохи династии Южная Сун, дополняющие сведения официальных источников¹

Вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что видение Китая в нашей науке и культуре во многом строится на основе знаний о Севере и Центре этой страны, Юг же в силу еще недостаточной изученности из внимания часто упускается. По этой причине многое из того, что мы узнаем о Юге, вольно или невольно приписывается Центру, а отсюда и Центр воспринимается в искаженном виде. Следовательно, детальное знакомство с Югом необходимо нам для того, чтобы лучше понять весь Китай.

Публикуемые переводы трудов южносунских авторов Чжоу Цюй-фэя — *Лин вай дай да* («За Хребтами. Вместо ответов», 1178 г.) и Фань Чэн-да — *Гуйхай юйхэн чжи* («Гуйхай в описаниях попечителя гор и вод», 1175 г.) предоставляют важный материал для исследования истории Китая и других государств, прежде всего Вьетнама, в один из ключевых периодов их истории — во второй половине XII в. Ввод в научный оборот двух этих памятников существенно расширяет круг источников по истории Юга Китая и Вьетнама. В истории Китая эта эпоха — время вынужденного интереса к Югу (куда переместились жизненно важные центры сократившейся империи), когда появился целый ряд сочинений, написанных компетентными авторами, располагавшими большой информацией и относившимися не без симпатии к жителям этих районов. Такого рода сочинения не могли

появиться раньше, поскольку тогда эти районы еще не были достаточно китаизированы, не было и глубокого интереса к таким отдаленным провинциям-*чжоу*, как Цинь и Лянь в Гуанси на границе с Дайвьетом, или районам, расположенным на крайнем юго-западе, на границе с государством Дали.

По нашему мнению, постепенный перевод и изучение всего массива китайских источников, касающихся Юга Китая и стран Юго-Восточной Азии, в частности Вьетнама, в перспективе должны стать одним из важнейших направлений изысканий по истории этого региона.

Рассматриваемые два источника хорошо знакомы мировой историографии, но до настоящего времени целостного анализа того, что из известных авторам реалий в них было отражено, а что опущено, что авторы знали, а чего не знали, еще не проводилось. А ведь именно такой анализ должен предварять любое использование текста для реконструкции действительности, поскольку именно контекст определяет полноту нашего доверия к тому или иному сообщению.

Труды Чжоу Цюй-фэя *Лин вай дай да* и Фань Чэн-да *Гуйхай юйхэн чжи* — это особый тип сочинений, в которых сочетаются сведения предшественников, данные официальных документов, результаты личных изысканий и, что особенно важно, личные впечатления. Этим они значительно отличаются от официальных текстов. Перед авторами данных трудов стояли новые задачи — подробное описание южных окраин, впервые ставших жизненно важными для империи. Они написаны высокообразованными администраторами, которые много ездили по Югу и во многом опирались на личные наблюдения, на личное знакомство с предметом. Чжоу Цюй-фэй начинал с должности *цзяошоу* в приграничной с Дайвьетом провинции Цинь, а Фань Чэн-да являлся *аньфу цзинлюэши* — генерал-губернатором Гуаннаньсилу. Наибольший интерес представляют сообщения, относящиеся к середине — третьей четверти XII в. — времени их непосредственного пребывания на Юге. Помимо этого ими изложены и те данные, которыми располагала высшая администрация Юга ко времени их службы.

Интересна судьба авторов. Чжоу Цюй-фэй в годы службы Фань Чэн-да в Гуанси с 1173 по 1175 г. являлся его подчиненным и одновременно другом и был связан с кругом интеллектуальной элиты своего времени, который формировали ученые-неоконфуцианцы Чжэцзяна. Его учитель, известный мыслитель Чжан Ши (псевдоним Нань-сюань, 1133–1180), был другом Чжу Си. Это определило самостоятельность и неординарность мышления автора, его особую прагматическую наблюдательность. Фань Чэн-да же еще до службы в Гуанси прославился и как мужественный дипломат, не побоявшийся выступить перед правителем северного царства Цзинь с речью в защиту своего государства, и как поэт. В связи с этим нельзя не отметить очевидные способности обоих авторов — каждый талантлив по-своему. Темы их описаний во многом близки, поэтому разная подача одних и тех же сюжетов

¹ Впервые опубликовано как предисловие отв. ред. в [Чжоу Цюй-фэй].

определяется только одним — спецификой личности каждого.

Исключительно важно то, что оба труда публикуются в одной книге. В этом заключено очевидное новаторство. Выделение параллельных фрагментов существенно облегчает их изучение и дает богатый материал не только для текстологических изысканий. Благодаря этому впервые появляется возможность исследовать «творческую лабораторию» средневековых китайских авторов — проанализировать механизмы создания текстов и передачи в них информации, понять способы отражения мировоззренческой преемственности и развития идей, увидеть, какими сведениями располагали чиновники с разной степенью служебной компетенции, за счет каких сведений расширялись их знания, и многое другое. И главное, увидеть, насколько разной может быть информация об одном и том же предмете в одну и ту же эпоху в зависимости от автора. Выявить специфику авторского восприятия обычно достаточно трудно. А здесь это возможно.

В памятниках затронут самый широкий спектр вопросов: система управления и административно-территориального деления в Гуанси, история ее формирования, а также облик географических объектов (горы, пещеры, реки), иноземных стран — от Китая до берегов Африки и Испании, местных народов во всем их многообразии. Отмечу большую значимость описаний социально-политических и экономических реалий Юга, в том числе тех районов, где были китайцы и где их не было, а также различных форм правления на местах и форм зависимости или подданства местных правителей от китайской администрации.

Из этих книг мы узнаем, что сами южносунские китайцы считали империей и каковы были ее пределы, что из себя представляла вся описанная в памятниках «пограничная зона», кто жил в ней и как был устроен мир за ее пределами.

С точки зрения изучения истории стран Юго-Восточной Азии наибольшей полнотой выделяются данные о Вьетнаме. Самое примечательное в них то, что они содержат взгляд со стороны, который ничем нельзя заменить, поскольку, как и в летописи любого другого народа, во вьетнамские не попало слишком много самоочевидного для вьетнамцев.

* * *

Политическая информация, собиравшаяся китайскими властями, содержит в себе много нового, особенно о внутривластной борьбе в Дайвьете во второй четверти XII в. Так, краткое описание истории Дайвьета содержит много уникальных и интересных данных.

Само изложение вьетнамской истории в *Лин вай дай да* начинается с династии Динь (968–981), к которой и отнесено автором начало вьетской государственности. Существенны различия для X в. в датах с вьетнамскими источниками. Отчасти это следствие недостаточной информированности, а отчасти, наоборот, более глубокой информированности. Для XII в. последнее особенно характерно. Например, упомянуты посольства в Китай вьетского монарха Динь Бо Линя, при этом указаны полученные от Сунов почетные титулы (во вьетнамских летописях указана только их часть), а также приведены некоторые даты событий, связанных с дипломатической деятельностью. Видимо, китайцам они были известны лучше, поскольку эта информация у них хранилась более аккуратно и тщательно, чем во Вьетнаме. Отмечена узурпация власти Ле Хоаном, а вот войны с ним описаны кратко, поскольку для Китая они были неудачными.

Совпадающие даты начинаются с начала правления династии Поздние Ли, с 1010 г.; далее даты совпадают все чаще и чаще. О становлении династии Поздние Ли рассказано кратко, соответствующие описания менее подробны, чем во вьетнамских летописях, в отличие от описаний путей сообщения этого времени. Более подробно изложены дипломатические отношения с Сунами. Интересно, что личные имена порой указываются совсем другие, а порой совпадают частично. Это тема специального исследования, поскольку смысла выдумывать личные имена у китайцев не было и что-то за этой информацией стоит.

В источнике говорится об изменении названия страны на Дайвьет именно при третьем монархе династии, Ли Тхань-тонге (прав. 1054–1072). По другим источникам известно, что в 1055 г. был восстановлен прежний уровень инвеституры, впервые предоставленной китайскими властями Динь Бо Линю еще в 975 г., — *цзюньван* Цзяочжи (вьет. *куанвьонг* Зяотьи). Это отчасти совпадает с данными вьетнамских летописей, но помещено в несколько иной исторический контекст.

Весьма интересны новые данные о регенте и полководце Ли Тхыонг Кieste — победителе Сунов в 70-х годах XI в. В основном это касается ранних этапов его биографии, которые должны быть объектом специального исследования. О войне XI в. говорится кратко, но поражение Сунов в ней признается. Принципиально важно умолчание о событиях 1110–1120 гг. и о первых правителях Вторых Поздних Ли (1128–1225), прежде всего о Ли Тхан-тонге (прав. 1128–1137). На эти годы у Чжоу Цюй-фэя приходятся таинственные истории об отъезде беременной супруги или наложницы императора в Чампу. Читателю и вьетнамских летописей, и китайских источников события 20-х годов XII в. остаются во многом неясными. Это чрезвычайно важно и позволяет окончательно утверждать, что переход от Первых Поздних Ли ко Вторым сопровождался серьезной борьбой при дворе, о которой

вьетские летописи стремились умолчать, а китайские авторы располагали лишь отрывочной информацией. Примечательно, что у Чжоу Цюй-фэя факт династийного кризиса признается в открытой форме.

И в этой части текста имена совпадают не полностью. Надо помнить, что информация о событиях 20-х годов — уже прижизненная для авторов, многое было известно старшим коллегам Чжоу Цюй-фэя и Фань Чэн-да — к началу 70-х годов старым кадровым чиновникам в Гуанси.

Большой интерес вызывает уже совпадающая по времени с пребыванием Чжоу Цюй-фэя в Гуанси история о том, как Ли Нян-тонг (прав. 1072–1127) предпринял попытку обмануть китайского императора; он некоторое время якобы выдавал себя за собственного отца и посылал письма от его имени. Это также говорит о наличии какого-то конфликта при вьетском дворе и о заинтересованности вьетов в том, чтобы китайцы оставались в неведении. В обработке этой информации Чжоу Цюй-фэй уже участвовал сам, но для него даты до фактической смерти Ли Нян-тонга тоже во многом неясны. Китайцы весьма интересовались положением дел на Юге и нуждались в информации, но не всегда ею располагали.

Напомним, что после 1127 г. территория Китая значительно сократилась, власть Южной Сун практически не распространялась на территории севернее р. Янцзы.

В силу тех же обстоятельств во время династии Южная Сун центры китайской администрации в Гуанси впервые вплотную приблизились к границам Дайвьета. Поражения Сунов в ходе войн на севере давало вьетским монархам шанс добиться выдачи указа об официальном признании вьетского правителя *ваном* самостоятельного иноземного государства. Что и произошло в 1174 г. — как раз в то время, когда генерал-губернатором Гуанси был Фань Чэн-да.

* * *

Давая общую оценку вьетскому государству, авторы подробно описывают попытки Дайвьета утвердить себя как равного китайской империи. Это касается статуса страны — «государство», названия — Дайвьет, а также посмертных (храмовых) имен монархов, своих эр правления, титулов и должностей. Авторы прямо обвиняли в этом Дайвьет, показывая тем самым, что в Китае прекрасно осознавали его желание считать себя империей и вести себя с Сунами на равных. Но тем не менее отношения с ним не разрывали.

Для периода династии Сун названы все основные единицы административно-территориального деления страны, что не встречается во вьетнамских источниках. О тогдашнем прохождении вьетнамско-китайской границы информации мало, но она весьма существенна. Подробно рассказывается о сухопутных и морских путях с указанием всех ключевых точек, также неизвестных по вьетнамским источникам, при этом расстояния, данные в днях пути, географические объекты — все это вполне реальные сведения.

Очень интересны и многочисленные конкретные данные о стране при династии Поздние Ли. Авторы, очевидно, ставили перед собой задачу дать целостное и систематизированное описание государственной структуры Дайвьета. Мы находим в их текстах более подробные, чем во вьетнамских источниках, сведения о самых различных сторонах жизни вьетского государства и общества, в частности о социальной структуре, устройстве двора, титулатуре членов династии, званиях старших чиновников и высших военных. Особенно важно замечание итогового характера о том, что для всех высших чиновников обязательна и военная функция. Это то, что не было в Китае, что всегда отличало вьетнамцев, но что очень интересно видеть в составе интегрального описания страны китайским автором. Четко указаны способы комплектования чиновничьего корпуса, пути продвижения по служебной лестнице, размеры материальной компенсации. Сведения об этом во вьетнамских летописях обычно отрывочны. Поэтому ученые, как правило, были вынуждены пользоваться более поздними данными, перенося соответствующие наблюдения на более ранние времена. Более детально, чем во вьетнамских летописях, описано устройство гвардии, армии; подробно сообщается о судебных процедурах. И все это не противоречит известиям вьетнамских источников более общего характера (или поздних), но существенно их дополняет и систематизирует.

Большой интерес представляет объемный раздел о посольствах. Хотя формально речь идет об одной из наименее значительной для истории общества сторон, но рассказано чрезвычайно много и вне темы посольств, а это позволяет сделать целый ряд выводов. Читатель видит вьетнамское посольство во всех аспектах его деятельности так, как его видели китайские авторы — генерал-губернатор, на которого пал весь груз ответственности по организации приема (Фань Чэн-да), и провинциальный чиновник, который наблюдал, как двигалось посольство на пути в Китай и обратно (Чжоу Цюй-фэй). Страница за страницей идут описания состава, церемоний, сцен повседневной жизни и возникающих на пути следования конфликтов. Здесь мы видим вьетнамского чиновника в контакте с китайским государством как на «фотографии», а не в выводах.

Интересно описание внешности простых вьетов, совершенно не китайской; их одежда и украшения — мужские и женские, праздничные и будничные — похожи на вьетские изображения

последующих эпох и непохожи на китайские. Запоминается маленькая, но яркая деталь — описание облика не чиновника, а просто образованного человека, его отличия от образованного китайца и его сходства с ним.

Для обоих памятников характерен постоянный рефрен — все не по статусу, не так, как должно быть с точки зрения китайцев. Дайвьет XII в. предстает как государство с ярко выраженной этносоциальной спецификой, что в более поздние времена было выражено слабее.

* * *

Информация о жизни вьетов, встречающаяся во многих разделах *Лин вай дай да*, весьма разнообразна.

Исключительно важно, что среди народов непосредственного приграничья упомянут народ, прямо названный потомками лаквьетов (в провинции Цинь); наряду с этим описаны также разные группы вьетов Гуандуна и Фуцзяни, которые в XII в. еще не воспринимались китайцами как китайцы. Кроме того, в описаниях представлены народы побережья, которые жили и на территории юга империи, и на побережье Дайвьета (например, дань).

Еще надлежит систематизировать целый ряд новых топонимов, ранее не встречавшихся в литературе того времени, включающих южные элементы *ау* и *лак* (древнее государство вьетов на территории северной части Вьетнама называлось Аулак). Чрезвычайно интересны очень древние топонимы и названия, связанные с вьетами, а также такие топонимы, как «море Цзяочжи» и т. д. Бесценны данные по географии собственно Дайвьета и новые сведения о вьетских мореходах, о маршрутах их плаваний, методах навигации, а также упоминания о судах и плотках из Дайвьета, описания конкретных почтовых станций, описания транспортных путей внутри Вьетнама, причем не только в сторону Китая, но и на юг, и на запад. Упоминается сакральное число 18 и многое другое.

Об экономических реалиях часто говорится, что в Цзяочжи они такие же, как в империи. В связи с описаниями всяких изделий мы получаем бесценные упоминания о вьетнамских технологиях ткачества и других ремесел. Крайне важны, хотя и очень малочисленны, упоминания о собственной вьетской иероглифике, отличной от ханьской. Автор рассматривает ее как нечто само собой разумеющееся, и она, видимо, применялась в то время намного шире, чем мы привыкли думать. Что дано с детальными подробностями и не идет ни в какое сравнение с вьетнамскими источниками, так это описание торговли. Тут есть предметы экспорта и импорта, правила, ход и места торговли, поведение вьетских купцов, их уловки и хитрости, есть сравнение богатых купцов и мелких торговцев и т. д. В описаниях растений и животных южного Китая говорится, что они распространены и в Дайвьете.

Особый сюжет — текст стелы губернатора вьетских земель IX в. Гао Пяня, высеченный на камне, который читал сам Чжоу Цюй-фэй.

В связи с анализом подробных сообщений о вьетах подчеркнем, что они порой слабо связаны с основной темой того или иного раздела памятника. Например, сведения о быте послов (живописный рассказ о неформальных встречах между вьетнамскими послами и местной администрацией) можно найти в разделе, где рассказывается о тканях.

В связи с проблемой достоверности нельзя не упомянуть о том, что между генерал-губернатором Гуанси и властями пограничной провинции Юн, с одной стороны, и властями Дайвьета — с другой, шла оживленная переписка, которая осуществлялась на китайском языке. Более оперативная переписка — с местными властями в Гуанси — осуществлялась на местном языке с помощью описанных в обоих памятниках черных лакированных дощечек-зажимов, которые назывались «документами в деревянных зажимах» и обеспечивали секретность. Эти документы хранились в Управлении генерал-губернатора Гуанси.

* * *

В текстах можно найти важные сведения о деятельности разных китайских империй и государств по освоению древних вьетских земель как на территории современного северного Вьетнама, так и находившихся к востоку от нынешней вьетнамо-китайской границы небольших прибрежных провинций Цинь (вьет. Кхам), Лянь (вьет. Лием), Хэпу (вьет. Хопфо), которые, особенно Цинь, долгое время входили в ту же административную единицу, что и вьетские земли.

Встречающиеся в этой связи даты порой не соответствуют содержащимся в династийных историях, что также открывает интересную область для исследований, тем более что административная деятельность в регионе описывается со времени династии У (III в.).

Из текстов узнаем, что в двух прилегающих к Дайвьету гуансийских малых провинциях Цинь и Лянь и в XII в. существенную часть населения составляли собственно вьеты и потомки древнейших вьетских народов, например лаквьетов, но также и морские дань и т. д. Описаны их внешний облик и обычаи. Этническая атрибуция, даваемая китайскими авторами, не вызывает сомнения. Интересны сведения о том, что между жителями Цинь и Лянь и вьетами дельты Красной реки и побережья

прежние контакты не прекращались и при Сунах — строго контролируемой границы не было.

Интереснейшим сюжетом из истории этих провинций, относящимся к вьетскому миру, является упоминание о «скрытой династии» Нин. Бесспорно, это пример особой ценности *Лин вай дай да* именно как исторического источника, в котором не только упоминается сам факт существования «скрытой династии», но и дается описание ее истории на протяжении трех поколений в конце периода Шести династий, при Суй и в начале правления Тан (VI–VII вв.). Влияние династии Нин сохранилось и во время службы там Чжоу Цюй-фэя — храм ее основателя Нин Мэн-ли посещал китайский управляющий провинцией, а персонажи по фамилии Нин несколько раз появляются на страницах памятника. Данный сюжет заслуживает того, чтобы о нем сказать подробнее.

Напомним, что история провинции Цинь в эти эпохи — это история еще не собственно Китая, а одной из наиболее отдаленных северных вьетских территорий второго периода «северной зависимости» (273–622). Из сочинения Чжоу Цюй-фэя мы узнаем, что в смутные времена, предшествовавшие воцарению династии Суй (581–618), когда в дельте Красной реки правили независимые вьетские монархи, землями провинции Цинь также владел представитель местной династии Нин Мэн-ли. Во время правления этой династии Нин Мэн-ли был назначен *цзыши* созданной там провинции Ань².

Из текста памятника явствует, что при династии Суй власть ханьцев в Гуанси была настолько слаба, что Нин отправляет своего ставленника Ху Си (но не становится сам!) управлять от его имени в центр ханьской администрации в Гуанси — не куда-нибудь, а в г. Гуйчжоу (совр. г. Гуйлинь). Бросается в глаза фраза: «Так как полагался на неприступную местность, возгордился, стал искать неприятностей», — которая весьма напоминает описание действий Чжао То, правителя Намвета во II в. до н. э., в сочинении Сыма Цяня *Шицзи* (цз. 113). Это дает основания предполагать, что сам Нин на какое-то время даже мог объявить о создании династии и государства. Но ханьцы сделали важный политический ход — не пошли на обострение отношений, а признали его авторитет и пригласили ко двору, присвоив высокий сановный титул императорского советника. После этого его ставленник Ху Си сообщил об изменении названия провинции Ань снова на Цинь. Сам Мэн-ли, возможно, хотел сопровождать направленных им послов ко двору китайского императора, но умер. Важно то, что сразу после похорон к китайскому двору прибывает его сын, Нин Чан-чжэнь, который вслед за отцом становится губернатором провинции Цинь.

Как видим, Суй простили Нин Мэн-ли его притязания. В обмен на сохранение власти в провинции они предложили ему признать верховенство империи, на что Нин согласился. После его смерти за его сыном были признаны все права. При танском императоре Гао-цзу (618–626) были подтверждены права Нин Чан-чжэня как *дуду* провинции Цинь. После его смерти должность перешла к его сыну Нин Цзюй-си. Таким образом, и Суй, и Тан признали поддерживавшую их местную династию и, присвоив ее представителям чиновничьи должности, санкционировали ее право на власть. Очевидно, что в отношении «скрытой династии» Нин танские власти продолжили политику династии Суй, но Нин Чан-чжэнь получил военный ранг, а его внук — уже гражданский. После смерти внука Нин Чан-чжэня от династии, включавшей три поколения, остался авторитетный (главный) род провинции. Об этом свидетельствует сохранение в Цинь памяти о Нине и его династии и во второй половине XII в. Более того, члены его семьи в этом столетии по-прежнему занимают положение в правящей элите: судя по сообщениям *Лин вай дай да*, они были среди сдавших конкурсные экзамены.

* * *

Вводимые в научный оборот переводы трудов Чжоу Цюй-фэя и Фань Чэн-да, систематизация и обобщение сохранившихся в них данных существенно дополняют информацию династийных историй и официальных историко-географических описаний (которую чаще всего используют исследователи). *Лин вай дай да* и *Гуйхай юйхэн чжи* — авторские сочинения, не связанные нормами официального историописания и потому содержащие много новых сведений. Отличаются они и от описаний заморских стран. С их публикацией в отечественную научную литературу вводится новый жанр, достаточно распространенный в китайской традиции, но не представленный в переводах на русский язык.

Библиография

Чжоу Цюй-фэй. — *Чжоу Цюй-фэй*. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М.Ю.Ульянова. М., 2001 (Памятники письменности Востока. СXXX).

² Обратим внимание на то, что при Танах на входивших в состав империи вьетских территориях, которые включали земли северной части современного Вьетнама, было создано *Духуфу* с названием Аньнань, затем Аньнань на долгое время становится китайским названием вьетского государства. Возможно, так были названы земли к югу (кит. *нань*) от провинции Ань.

**Феодалный дом Чанов и его лидеры
во внутриполитическом кризисе
в Дайвьете в начале XIII в.
(по данным ранней и поздней
вьетнамской летописной традиции)¹**

История централизованного вьетнамского феодального государства Дайвьет в XI–XIV вв. восстанавливается на основе ряда вьетнамских хроник, эпиграфических свидетельств, памятников литературы, описаний в источниках соседних стран. Уже многое сделано для исследования социально-экономической структуры общества, для восстановления хода развития вьетнамского государства; особенно больших успехов историки добились в последние десятилетия, отмеченные быстрым развитием исторической науки в ДРВ [История Вьетнама, I]. Освоив основные фактические данные источников, вьетнамистика, применительно к описываемому периоду, начинает переходить ко все более детальному анализу, в котором все большую роль играет почти не применявшееся ранее критическое изучение текстов, текстологический анализ. По сравнению со странами, где критика текстов ведется уже столетие, где многое уже сделано, в изучении истории средневекового Вьетнама текстологический анализ дает и может еще дать важные сведения для решения крупных проблем.

Данная статья посвящена результатам подобного анализа в наиболее разработанной пока области — в истории политической борьбы в феодальном обществе. Как нам представляется, даже в этой области осталось много важных проблем, которые могут быть решены путем критического анализа текстов.

Рассматриваемый период — важный отрезок истории феодального Вьетнама. Оформившееся в XI в. централизованное феодальное государство в конце XII — начале XIII в. входит в полосу социального кризиса, сопровождавшегося крестьянскими восстаниями [Чан Куок

---

¹ Впервые опубликовано: Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1975, № 2, с. 15–22. Статья написана совместно с А.Б.Поляковым.

Вьонг, Ха Ван Тан 1963: 251–266]. В 10–20-х годах XIII в. в борьбе за восстановление феодального «порядка» крупные и средние феодалы начали группироваться вокруг дома Чан, которому удалось захватить власть, подавить крестьянские восстания и прекратить феодальные распри. Восстановление действительной картины основных исторических событий составляет цель данной статьи, чтобы уяснить суть кризиса, который на протяжении четверти века переживал феодальный Вьетнам.

Критика текстов летописей в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии имеет историю всего в несколько десятилетий, и работы в этой области только еще начинаются. Отставание в этих исследованиях объясняется нехваткой соответствующих кадров, отсутствием традиции критического исследования текстов и спецификой самих документов. В условиях централизованной феодальной деспотии, какой было вьетнамское государство Дайвьет, тексты хроник создавались с позиции единой идеологии в политическом центре государства. За редактированием следили специальные чиновники, что обеспечивало высокую степень унификации; к тому же тексты часто печатались, а не переписывались. Поэтому такие распространенные методы восстановления исходного текста, как сопоставление вариантов, выявление в них постоянной части текста и т. п., имеют ограниченное применение. Но остается возможность сопоставления ранних и поздних источников; помимо общих для всех стран возможностей, которые дает анализ такого рода, необходимо учитывать то преклонение перед древними текстами, которое вынуждало редакторов ограничиваться подчистками, опусканиями части текста, произвольным комментированием, а историческую литературу в целом ориентировало на замалчивание «неудобных» источников. При написании поздних летописных сводов во входящих в них частях ранних летописей трактовка событий подгонялась под современную редактору официальную точку зрения. Зато в собственных текстах о более поздних эпохах авторам предоставлялась возможность давать свое изложение событий.

Сказанное не означает полной невозможности применения традиционного текстологического анализа к вьетнамским средневековым источникам; указанная специфика материала определяет меньшую роль филологического анализа по сравнению с анализом исторического содержания источника. В данной статье изложены результаты такого исследования, приведшие к обнаружению «пропавшего» императора Дайвьета (начало XIII в.), основателя новой династии.

Удалось вскрыть одну из крупнейших подтасовок во вьетнамской средневековой историографии, связанную с острейшей социальной и

политической борьбой в Дайвьете в начале XIII в. Экономический кризис, усиление борьбы крестьянства, конфликты внутри класса феодалов — все это сплелось в самый сложный клубок противоречий, приведший к свержению династии Поздние Ли, правившей более двухсот лет. Наиболее сильная группировка феодалов, возглавлявшаяся домом Чан, привела к власти в 1225 г. представителя этого дома.

Приход Чанов к власти ознаменовался массовым уничтожением членов старой династии Поздние Ли и ее приверженцев. Сам переход власти был с точки зрения вьетнамской традиции незаконным. Поэтому как хронисты самой династии Чан, так и хронисты последующих династий — сторонники идеи легитимности — старались скрыть обстоятельства захвата власти в 1225 г. и даже вычеркнули из истории кровавого основателя династии — Чан Тхья, приписав годы его правления сыну, а «подвиги» — побочному представителю династии, Чан Тху До.

Во вьетнамской официальной феодальной историографии, окончательно оформившейся в XV в., когда был написан классический труд Нго Ши Лиена, первым императором династии Чан считался ее представитель Чан Кань, храмовое имя которого было Чан Тхай-тонг (1225–1258). Это утверждается и во вьетнамских исторических источниках, написанных позднее, в XV–XIX вв., таких, как ТТ, КМ и др. Однако сравнение этих источников с другими, более ранними, позволяет заметить значительные расхождения, которым не придавалось должного значения, в том числе и в первых работах советских историков [Деопик Д.В. 1963; Деопик Д.В. 1968б].

В данной статье на основе анализа и сопоставления материалов ранних исторических источников выдвигается гипотеза о личности основателя и первого императора династии Чан и дается ее обоснование.

Остановимся кратко на той исторической обстановке, в которой происходили интересующие нас события. В конце XII в. началось ослабление центральной власти и усиление позиций крупных феодалов. Экономические трудности, связанные с войнами и расточительным дворцовым строительством, усиление налогового гнета вызвали крестьянские восстания в стране. Одновременно ухудшилось внешнеполитическое положение Дайвьета. В этих условиях происходила консолидация сил мелких и средних феодалов. С начала XIII в. разгорелась феодальная междоусобица. Императоры династии Ли — Ли Као-тонг (1175–1210), Ли Хуэ-тонг (1210–1224) и императрица Ли Тьиеу Хоанг (1224–1225) уже фактически не могли управлять страной (особенно двое последних, власть которых была чисто номинальной). Представители феодального дома Чан

посредством браков с членами императорской семьи заняли высшие должности при дворе и стали могущественной силой. Но были и другие сильные феодалы, оспаривавшие императорский престол. Поэтому помимо установления родственных связей с членами правящей династии феодалы рода Чан силой оружия добивались безраздельного господства.

В 1209 г., в правление Ли Као-тонга, глава семейства Чан — Чан Ли был убит, а его дочь, выданная замуж за принца, удалена от двора. Главой рода Чан становится сын Чан Ли — Чан Ты Кхань. В конце 1210 г. умер Ли Као-тонг и на престол вступил его сын Ли Хао Шам (Ли Хуэ-тонг). Дочь Чан Ли стала императрицей, семье Чан с большим трудом удалось восстановить свое влияние на императора, несмотря на ожесточенное сопротивление других знатных феодалов. Несколько лет Чаны вынуждены были воевать и против императорских войск, и против феодальных дружин, и только в конце 20-х годов XIII в. они одержали окончательную победу над всеми соперниками. Император фактически лишился реальной власти. В конце 1223 г. умер Чан Ты Кхань, во главе рода стал Чан Тхыа, получивший высший титул при дворе. Ли Хуэ-тонг не имел сыновей и при жизни, возможно под нажимом Чанов, передал престол своей младшей дочери, которая стала первой и единственной в истории Вьетнама женщиной-императором.

Все эти события приблизительно одинаково описываются и в ранних источниках (*Вьет ши лыок, Аннам тьи лыок, Аньнань цзи ши*), и во вьетнамских летописях и хрониках, относящихся к периоду после XIV в. (ТТ, КМ).

Далее наблюдаются значительные различия между ними. В поздних источниках много повествуется о члене феодального дома Чан — Чан Тху До, в то время как ранние источники либо не упоминают о нем вовсе, либо отводят ему гораздо более скромную роль. По данным поздних источников, Чан Тху До обеспечил семье Чан императорский престол, он был известен особой жестокостью. В течение нескольких десятилетий вся власть в стране была якобы сосредоточена в его руках, императоров он возводил на престол и смещал, никогда лично не претендуя на императорский титул. Согласно поздним летописям, именно он устроил брак восьмилетнего сына Чан Тхыа — Чан Каня — с императрицей Ли Тьеу Хоанг, а затем, в конце 1225 г., добился того, что она официально передала престол своему мужу. Эта точка зрения нашла отражение и в советской вьетнамистике [Деопик Д.В. 1963: 920].

Во всех поздних летописях отмечается, что Чан Кань и стал с этого года первым императором династии (храмовое имя — Чан Тхай-тонг). Если исходить из версии поздних вьетнамских летописей, то остаются

неясными некоторые важные моменты, и в первую очередь неясна роль Чан Тхья — отца молодого императора и главы дома Чан. Все летописи сообщают, что он не только получил высший титул при дворе Ли, но и обладал большой реальной властью. Сменив Чан Ты Кханя в 1223 г. и возглавив своих приверженцев, он организовывал карательные походы против недовольных феодалов и в большинстве случаев одерживал победы. С другой стороны, Чан Тху До, первое упоминание о котором в ТТ относится лишь к 1224 г., неизвестно каким образом в том же году захватил власть в стране, а упоминания о Чан Тхья (о котором эта же летопись сообщает, что он скончался лишь в 1234 г.) как о политическом деятеле, исчезли. Кроме того, первый император из дома Чан имеет храмовое имя Тхай-тонг, обычно даваемое второму императору в династии. Итак, сам текст поздних летописей уже содержит неясности.

Для выяснения вопроса можно обратиться к более раннему и подробному источнику — *Вьет шы лыок*, — в котором описываются события, предшествующие восшествию на престол династии Чан, вплоть до конца 1225 г. Время написания этой анонимной летописи нигде не зафиксировано, на основании поверхностного изучения источника был сделан вывод о том, что она написана во второй половине XIV в. (т. е. намного раньше, чем ТТ) и поэтому является наиболее древним из дошедших до нас исторических сочинений, написанных во Вьетнаме. Однако тщательный анализ, сопоставление *Вьет шы лыок* с другими историческими и литературными источниками дают основание датировать ее первой половиной XIII в. При том и другом подходе эта летопись является древнейшим дошедшим до нас историческим сочинением из числа написанных во Вьетнаме; имеется возможность сопоставить ранние и поздние источники и версии.

Вьет шы лыок важна не только тем, что является первоисточником, но и тем, что в ней наиболее подробно изложены события, предшествовавшие смене династии. Вследствие подробности изложения во *Вьет шы лыок* (в частности, большей подробности биографий) первые упоминания об интересующих нас исторических личностях относятся к более раннему по сравнению с другими источниками времени и начальным этапам их карьеры (не описанным в поздних источниках); это дает возможность более ясно представить их роль в происходивших событиях. Достаточно красноречиво сравнение первых упоминаний о Чан Ли (посмертно получившем титул «первопредок рода»), Чан Ты Кхане, Чан Тхья и Чан Тху До. Сравнение сделано на основании *Вьет шы лыок*, ТТ и КМ.

Чан Ли   Чан Ты Кхань   Чан Тхья   Чан Тху До

<i>Вьет шы лыок</i>	1209	1210	1211	1214
ТТ	1209	1210	1216	1224
КМ	1209	1211	1216	1224

Видно, что *Вьет шы лыок* описывает большие отрезки жизни исследуемых лиц, чем более поздние источники, и является поэтому более подробным памятником. Очень важно, что роль Чан Тху До как одного из высших чиновников в государстве и влиятельного члена рода Чан во *Вьет шы лыок* показана наиболее подробно и последовательно, летописец не замалчивает его деяний. Но вместе с тем подчеркивается главенствующее положение в государстве и роде Чан Тхыа. Текст раннего источника указывает иного, чем поздние, лидера дома Чан в решающие годы кризиса — Чан Тхыа; его данные кажутся более правдоподобными как в силу их древности, так и потому, что Чан Тхыа ведет себя (по *Вьет шы лыок*) как глава рода (о чем лишь формально указывается в поздних текстах).

Вьет шы лыок позволяет также уточнить неясно изложенный в поздних источниках вопрос о том, кто же был первым императором династии Чан, взявшим власть в 1225 г. Дело в том, что первый монарх любой вьетнамской династии начиная с XI в. именовался Тхай-то. А вот дом Чан почему-то начинается в летописной поздней традиции с имени, которое всегда давалось второму императору династии, — Тхай-тонг. Его получил сын Чан Тхыа — Чан Кань.

Во вьетнамской историографии этот факт обойден молчанием, ему не придается никакого значения. Чан Куок Выонг, редактор перевода *Вьет шы лыок* на современный вьетнамский язык, никак не объясняет это обстоятельство, а лишь отмечает в скобках, что согласно ТТ и КМ в династии Чан не было Тхай-то, а был только Тхай-тонг (т. е. Чан Кань). И далее он пишет: «Чан Кань был первым императором династии Чан. Тхыа, отец Чан Каня, *был удостоен* (курсив наш. — Д.Д., А.П.) имени Тхай-то» [Чан Куок Выонг 1960: 214]. В генеалогической таблице рода Чан, составленной Чан Чонг Кимом, также указывается, что Чан Тхыа был удостоен имени Тхай-то, однако императором не был. Чан Чонг Ким, как и остальные исследователи, не колеблясь называл Чан Каня первым императором династии Чан [Чан Чонг Ким 1971, т. 1: 207].

На основании изучения и анализа *Вьет шы лыок* можно предположить, что первым императором Чан был не Чан Кань (Чан Тхай-тонг), как принято считать, а Чан Тхыа (Чан Тхай-то). В подтверждение приведем следующие аргументы.

1. Во *Вьет шы лыок* Чан Тхыа не упоминается под этим именем (императора не называют личным именем), а назван Тхай-то — именем, которое дается первому императору в династии и означает «основатель династии». В поздних источниках в этом же контексте

имя Тхай-то применительно к Чан Тхья отсутствует, его называют только *тхьонгхоанг* (этот титул давался при жизни отцу царствующего императора). Этого нет во *Вьет шы лыок*.

2. К тексту *Вьет шы лыок* прилагаются девизы правления императоров династии Чан до 1377 г. Первым же императором указан Тхай-то, т. е. Чан Тхья [Чан Куок Выонг 1960: 214].

3. На последних листах *Вьет шы лыок*, где описываются бурные события борьбы за престол и приход к власти новой династии, уничтожено несколько иероглифов из разных предложений. Переводчик и комментатор летописи Чан Куок Выонг объясняет это словом, которое в переводе означает «истерлись». Однако, как нам кажется, эти иероглифы «истерлись» отнюдь не случайно. Их устранение имело принципиальное значение. Отсутствие именно их в тексте не позволяет дать точный ответ, кто был первым императором династии Чан. Важно, что их отсутствие не указывает на Чан Каня, а просто оставляет вопрос открытым — следовательно, приписать все Чан Каню было трудно даже в XIV в., эти повреждения могли быть сделаны не позднее начала XV в. В подтверждение этому приведем несколько фраз из летописи, в которой говорится о наследнике престола («стершиеся» иероглифы обозначены многоточием): «Предложение *тхьонгвыонга* (Ли Хуэ-тонга, императора династии Ли) об отречении от престола уже решено, выбрал ... чтобы сделать преемником. Если не хотите повиноваться, то возможно ли повиноваться ... ? А теперь *тхьонгвыонг* делает другого мужчину преемником. Это ... » [Чан Куок Выонг 1960: 214]. Ниже говорится о восшествии на престол лица, иероглифы имени которого устранены: «В этом же году (1225) первого числа двенадцатого месяца было принято отречение и ... вступил на престол во дворце Небесного спокойствия (Тхиенан)» [Чан Куок Выонг 1960: 214]. «Стершийся» иероглиф обозначал имя преемника престола, но, даже несмотря на это, можно догадаться, кто им был, исходя из предыдущей фразы: «Зимой, в двенадцатом месяце приказано *нойтхи фантху* Фунг Та Тю и *нойханькхиен тати лангчунгу* Чан Чи Хоаню возглавить внутренних и внешних гражданских и военных чиновников, взять императорский корабль, отремонтировать экипаж и отправиться в область-*фу* Кыонгтинь встречать нашего Тхай-то» (т. е. Чан Тхья, ибо только его так называл источник). Естественно предположить, что и на престол вступил Тхай-то. Однако Чан Куок Выонг, следуя традиционной концепции, предположил, что это был Чан Кань [Чан Куок Выонг 1960: 214], хотя из текста этого не видно.

4. Еще один отрывок из летописи, на котором также следует остановиться подробнее: «После вступления на престол, почитая Тхуанчинь-выонгхау, сделал ее императрицей-матерью. Понизил Тьеу-выонг, сделал Тьеутхань-выонг ... изменил название эры правления на *Киен-чунг*». Тьеутхань-выонг — это смещенная с престола императрица Ли Тьеу Хоанг, дочь Ли Хуэ-тонга и жена Чан Каня. В данном случае «истерся» иероглиф, обозначающий титул Ли Тьеу Хоанг, который также мог дать окончательный ответ, кто стал императором. Если на престол вступил Чан Кань, то его жена, соответственно, стала императрицей, но не с тем титулом, который она носила, занимая престол. В результате уничтожения иероглифа, обозначающего ее титул, невозможно сказать, была ли она женой императора или получила один из высших аристократических титулов как член императорской семьи. Весьма важно было бы также установить, кто имеется в виду под именем Тхуанчинь-выонгхау: если это мать Чан Каня, значит, он и стал императором, однако в ТТ мы читаем, что его мать носила совершенно другое имя и титул — Куокхань-хоангтайхау (приводится и другой вариант — Баотхань-куокмау). Мы видим, что и тот и другой титулы имеют одни и те же элементы (Куокхань, тхань-куок), которых нет в Тхуанчинь-выонгхау. Это еще раз подтверждает, что императрицей-матерью провозгласили не мать Чан Каня, и тем самым Чан Кань не был первым императором династии Чан.

Возникает вопрос, для чего понадобилось скрывать, что Чан Тхья стал императором. Вступление Чан Тхья на престол являлось прямой узурпацией власти, вступление же на престол его сына Чан Каня выглядело бы более «законным», так как он был мужем императрицы Ли Тьеу Хоанг, которая официально могла «уступить» ему престол (хотя прецедентов не было). Последующими летописцами (XV в. и позже) был выдвинут Чан Кань, так как каждая династия стремилась подчеркнуть законность своего прихода к власти. *Вьет шы лыок* была написана во время правления династии Чан и всячески оправдывает действия рода Чан, направленные на захват престола, но ее автор не мог откровенно фальсифицировать недавние события. Так, во *Вьет шы лыок* излагались факты, противоречившие позднее созданной версии престолонаследия; позднее историографы вымарали все иероглифы, прямо или косвенно свидетельствовавшие о том, что Чан Тхья (он же Чан Тхай-то) стал первым императором династии Чан.

5. До сих пор в своих доказательствах мы опирались только на один источник — *Вьет шы лыок*. Прямое подтверждение нашей гипотезы содержится и в литературном произведении *Аньнань цзи ши*, написанном китайским послом в Дайвьете Чэнь Фу в конце XIII в. Чэнь Фу, возвратившись в Китай из Дайвьета, где он вел переговоры с

правнуком Чан Тхья о заключении мира, описал в стихах и прозе императорский двор и всех императоров династии Чан, правивших до его времени. Вот что написано в *Аньнань цзи ши* об интересующих нас событиях: «Семья Чан происходит родом из семьи Ман. Чан Кинь (очевидно, имеется в виду Чан Ли) незаконно присвоил титул Ван-выонг, [его] зятем был Ли Чи. [Ли] Лонг Кан (Ли Као-тонг) был старым и дряхлым и лишился памяти, не заботился о делах страны, поэтому Кинь вместе с младшим братом Баном (во вьетнамских источниках нет упоминаний об этом лице) незаконно присвоил титул Кханг-выонг, захватил власть в стране. [Ли] Хиеу Шам (Ли Хуэ-тонг) был молодым и неопытным, поэтому сын Киня — Тхья (т. е. Чан Тхья) захватил престол правителя, присвоил себе титул *тхайтхьонгхоанга*. После его смерти [его] сын Чан Куанг Бинь (т. е. Чан Кань, это имя он принял в 1258 г., после того как уступил престол своему сыну [Аннам тьи лыок: 128]) наследовал престол...» [Аньнань цзи ши: 112].

Из этого отрывка становится ясно, что на престол вступил сам Чан Тхья, а после его смерти императором стал его сын Чан Кань. Титул *тхайтхьонгхоанг* дается обычно императору, передавшему до смерти престол сыну. Очевидно, Чэнь Фу называет Чан Тхья этим титулом, который тот принял после передачи престола Чан Каню. Чэнь Фу ничего не знает о Чан Тху До.

6. Весьма кратко и противоречиво описывает смену династий вьетнамский историк Ле Чак в ранней хронике *Аннам тьи лыок*, относимой некоторыми исследователями к 1333 г. В начале тринадцатой цзюани этого сочинения сведения о каждом императоре династии Чан выделены в отдельные краткие главы под заголовками — «первое правление», «второе правление» и т. д. Интересно отметить, что Чан Тхья также посвящена отдельная глава. Несмотря на это, в произведении Ле Чака не указано определенно, был ли Чан Тхья императором или нет. Сказано только, что его сын Чан Кань «стал мужем дочери Ли и получил страну» [Аннам тьи лыок: 127].

Обращает на себя внимание тот факт, что в главе о Чан Кане (храмовое имя Тхай-тонг) и Ли Тьеу Хоанг наблюдаются значительные нарушения в хронологии. Так, например, в тринадцатой цзюани, в главе о Чан Кане написано: «В четырнадцатом году эры *Чжи-юань* (1277 г.) [Чан Кань] скончался. Пребывал на престоле 16 лет, возраст — 60 лет ...» [Аннам тьи лыок: 128]. Ошибка в датах здесь невозможна, Ле Чак в 1277 г. уже занимал средний пост при дворе Чанов. Далее, в главе о его сыне, Чан Тхань-тонге, написано, что Чан Кань уступил ему престол в год *мау-нго* (1258 г.) [Аннам тьи лыок: 128] (эта дата указывается и в поздних хрониках). Получается, что Чан Кань вступил на престол в 1242 г. (поздние же хроники относят это

событие к 1225 г.). Ле Чак противоречит себе, отмечая в конце двенадцатой цзюани, в главе о Ли Тъеу Хоанг, жене Чан Каня, что она «стала правителем всего на один год *кань-зау* (1230), [Ли] Тъеу Тхань передала власть в стране мужу, Чан Нят Каню» [Аннам тьи лыок: 127].

Следовательно, между 1242 и 1230 гг. получается разница в 12 лет. Кто же занимал престол все это время? Хроника Ле Чака не дает ответа на этот вопрос. Остается предположить, что десять лет приходится на «первое правление», т. е. на Чан Тхья.

7. Гипотеза о том, что Чан Тхья был первым императором династии Чан, подтверждается также надписью на колоколе, найденном в Батъхаке. Надпись сделана во время правления династии Чан в 1321 г. (индекс надписи в Библиотеке общественных наук в г. Ханое — В-13955–13958). В ней есть слова: «К правлению второго императора династии Чан — императора Тхай-тонга (Чан Каня) ...». В той же надписи перечисляются и другие императоры династии Чан, но первым считается Тхай-то — Чан Тхья [Стела В-13955: 28].

Приведенные выше аргументы дают основание сделать вывод о том, что основателем и первым императором двухсотлетней династии Чан был Чан Тхья, храмовое имя Чан Тхай-то (правил с 1225 по 1234 или 1240 г.). Это заполняет лауну в истории средневекового Вьетнама и помогает понять события, связанные с социальным и политическим кризисом начала XIII в.²

---

² Текст данной статьи отчасти позволяет продемонстрировать нелегкий процесс развития отечественной вьетнамистики во всем ее многообразии. В настоящее время, когда прошло уже более четверти века с момента публикации этой работы, содержащийся в ней вывод о том, что основоположник династии Чан — Чан Тхья — был официально провозглашен императором и имело место намеренное умолчание об этом со стороны авторов *Вьет шы лыок*, может быть подвергнут сомнению. Попробуем изложить эти сомнения, придерживаясь той же последовательности, в которой излагали свои аргументы авторы статьи.

1. Император имел три основных имени: личное (или табуированное), которое никто не смел написать или произнести; тронное (девиз правления), которым императора называли после коронации при жизни (оно могло меняться; так, у Чан Каня их было три — *Киен-чунг*, *Тхиен-ынг тьинь-бинь* и *Нгуен-фонг*), и, наконец, храмовое имя, которое император получал **только после смерти**. Тхай-то — храмовое имя, Чан Тхья получил его в благодарность от сына после смерти, и это вовсе не значит, что он был императором при жизни. В соответствии с поздней вьетнамской исторической традицией под храмовым именем император проходил во всех официальных текстах (в том числе в стелах и государственных хрониках), повествовавших о любых периодах его жизни, если эти тексты были составлены уже после смерти этого лица. Так, основатель следующей за Чанами династии (Поздние Ле), Ле Лой, упоминается в ТТ и КМ как император Ле Тхай-то задолго до того, как он действительно стал императором. Что же касается Чан Тхья, то как Чан Тхай-то он упоминается, а как император — никогда.

Титул *тхыонгхоанг* («Верховный император») или *тхайтхыонгхоанг* («Высочайший верховный император»), как справедливо указывают сами авторы статьи, получал при жизни отец царствующего императора, при этом вовсе не обязательно было, чтобы он до этого уступил престол своему сыну.

Нам неизвестно ни одной эры правления Чан Тхай-то, которые, в случае его реального нахождения на престоле, должны были в обязательном порядке широко применяться в любой документации, включая эпиграфику и проч. «Убрать» эти эры правления неизмеримо сложнее, чем сфальсифицировать официальную летопись. Во всяком случае, в отношении императоров династии Мак их оппонентам (Чиням и Нгуенам), несмотря на прилагаемые в течение более чем трехсот лет усилия, этого сделать так и не удалось.

2. Как доказал один из авторов этой статьи, приложенный к *Вьет шы лыок* список императоров династии Чан был написан значительно позднее, чем основной текст хроники, но до падения этой династии [Поляков А.Б. 1980: 52]. В этом случае он должен был базироваться на официальном списке почитаемых лиц из родового храма императоров, а его как раз и возглавлял давно умерший и получивший соответствующие почести Чан Тхай-то. Так что большее удивление вызывает отсутствие в этом списке Чан Тхай-тонга (Чан Каня), чем присутствие Чан Тхья.

詔今以無嗣欲擇賢而付之此乃上王遠法堯舜之真讓又
何疑哉況天位不可久曠而上王遠避之意已決別選他姓
為嗣雖欲不臣事之其可得乎且上王以二郎為嗣乃天意
也天與不取反受其咎顧太尉熟思之冬十二月命內侍判
首馮佐周內行遣左司郎中陳智宏將內外文武臣僚領龍

國史略卷三

三

舟備法駕赴星野府迎我太祖以是年十二月初一日受禪
即位於天安殿尊順貞王后為太后降昭王為昭聖王后改
元建中太上王與其母譚太后出居扶列寺號惠光禪師以
建中二年八月丙戌薨於善教寺廟號惠宗在位十五年有
奇改元者一曰建嘉凡十五年壽三十三殞於安華府寶光

Рис. 2

Рис. 1

На обоих рисунках помечены иероглифы, «стершиеся» в экземпляре Чан Куок Вьонга. Источник: Юэ ши люэ (Краткая история Вьета). — Цин чао фань шу юй ди цун шу (Собрание географий зависимых территорий династии Цин). Т. 4. Тайбэй, 1968.

---

3. Экземпляр иероглифического текста, которым пользовался при переводе *Вьетши лыок* на современный вьетнамский язык Чан Куок Вьонг, действительно был слегка подпорчен. В настоящее время мы располагаем копией оригинала источника, в кото-

ром есть все «затертые» иероглифы (см. рис. 1 и 2), причем все они находятся на краю текста последних страниц, и их естественная порча вполне вероятна. Как же может звучать перевод упомянутых в тексте статьи «подозрительных» фраз в полном виде (перевод пропущенных иероглифов подчеркнут)?

Первая фраза (рис. 1): «*Тхьонгвьонг* (император Ли Хуэ-тонг), отрекшийся от престола, принял окончательное решение выбрать **из другого рода** и назначить наследником. Даже если захочешь не повиноваться этому, то как это можно сделать? К тому же *тхьонгвьонг* решил назначить второго сына наследником, и это — **промысел небесный!**»

Первый пропуск очень важен по смыслу — речь идет о передаче власти в другой род, но к нашим рассуждением он отношения не имеет (представителями этого рода могли быть и Чан Тхья, и Чан Кань). Второй пропуск менее значим. Гораздо важнее иероглифы 二郎, которые Чан Куок Вьонг лишь протранскрибировал (nhị lang). Основное значение этого сочетания — «второй сын», а Чан Кань как раз и был вторым сыном Чан Тхья.

Вторая фраза (рис. 2): «В этом году первого числа двенадцатой луны приняли отречение **от престола в пользу достойнейшего** во дворце Тхиенан».

Как видим, и в этом случае восстановление «затертых» иероглифов наших надежд не оправдало: речь идет об отречении в пользу чужого рода (иероглиф 禪 со значением «уступить престол» обычно используется, когда речь не идет о передаче его наследнику из собственного рода [Большой китайско-русский словарь, т. 2: 910]), а кто это — Чан Тхья или Чан Кань, — неясно.

Наконец, третья фраза (уже из пункта 4 статьи, также рис. 2): «Почтили Тхуанчинь-вьонгхау [титолом] *тхайхау* („Верховная императрица“). Понизили Тьеу-вьонг [в титуле] до Тьеутхань-вьонгхау, **изменили** эру правления на *Киен-чунг*».

Тут восстановление пропущенных иероглифов помогает многому. Все встает на свои места: мать Чан Каня становится, как ей и положено, «Верховной императрицей» (ее муж Чан Тхья, как мы помним, стал «верховным императором» — *тхьонгхоанг*), а его жена (ведь никто не оспаривает, что Ли Тьеу Хоанг была женой Чан Каня) получает титул жены правителя (*вьонга*), поскольку из жен императора титул императрицы (*хау*) обычно полагался только матери наследника, а его еще не было.

Сравнение титулов, которые носил предположительно один и тот же человек до того, как его семья стала семьей императора (Тхуанчинь-вьонгхау — титул матери сановника с титулом *вьонг*), и значительно позднее этого (Куоктхань-хоангтайхау — титул матери правящего императора), и выводы на основании этого сравнения, с нашей точки зрения, являются не совсем корректными.

Также представляется сомнительным вывод о том, что Поздние Ле были заинтересованы в том, чтобы подчеркнуть легитимность династии Чан. Основатель династии Поздние Ле — Ле Лой поступил с династией Чан значительно более цинично, чем Чаны с династией Поздние Ли, умертвив последнего ее представителя и напрямую узурпировав престол без всяких прикрытий в виде династических браков.

5 и 6. Китайский посол Чэнь Фу, направленный во Вьетнам в XIII в., в отличие от официальных вьетнамских летописцев, в своем творчестве не был скован какими-то ритуально-идеологическими рамками. В его задачу входило написать об истинном положении дел в стране для доклада китайскому императору. Он так и сделал:

реальная власть в стране сначала была в руках Чан Тхья (а это никто и не собирается оспаривать); он носил титул *тхайтхьонгхоанг* (который мог принадлежать только отцу императора, находящегося у власти, хотя бы формально); после его смерти реальная власть в стране перешла к его сыну Чан Куанг Биню (т. е. Чан Каню). Никаких противоречий. Почти то же самое можно сказать об информации Ле Чака в *Аннам тьи* *люок* — работе, написанной в Китае и для китайцев. Не исключено, что под шестнадцатью годами правления Чан Каня Ле Чак действительно подразумевал его реальное пребывание у власти после смерти отца, но это вовсе не означает, что Чан Тхья при жизни был объявлен императором. И вообще, в плане хронологии *Аннам тьи люок* содержит очень много противоречий и нестыковок, гораздо больше, чем собственно вьетнамские источники (о многих из этих противоречий говорят и авторы статьи), поэтому опираться на эту хронику как на доказательную базу следует с особой осторожностью. Точно известно лишь одно: в 1240 г. наследником престола был официально объявлен сын Чан Каня — Чан Хоанг [ГТ/*Тьинь-хоа*, ВК-V: 12а], значит, в любом случае его отец в этом году был императором.

7. Также не очень убедительной представляется ссылка на стелу 1321 г.: почти через сто лет после прихода к власти династии Чан официальным списком императоров этой династии был список из их родового храма предков. Первым в этом списке *безу-*словно числился Чан Тхай-то (Чан Тхья), объявленный императором посмертно, и употребление выражения «второй император династии» в отношении Чан Каня не выглядит в этом документе необычным.

В заключение отметим, что приведенная выше работа, несмотря на небесспорность некоторых из ее выводов с учетом расширения источниковедческой базы исследований, по сути остается актуальной до сих пор: подоплека событий первой четверти XIII в. во Вьетнаме в ней раскрыта правильно, а вопрос, был ли Чан Тхья официально объявлен императором при жизни или был удостоен этого только после смерти, до сих пор остается открытым, хотя сам по себе этот факт вряд ли мог оказать решающее влияние на ход исторических событий (примеч. А.В.Никитина и А.Л.Федорина).

Рис. 2

Рис. 1

На обоих рисунках помечены иероглифы, «стершиеся» в экземпляре Чан Куок Вьонга.

Библиография

- Аннам тьи лыок. — *Lê Tắc. An-nam chí-lược (Ле Так. Краткое описание Аннама)*. Huế, 1961.
- Аньнань цзи ши. — *Чэнь Фу. Аньнань цзи ши (Чэнь Фу. Записки посла в Аньнани)*. — *Văn học*. 1972, № 1.
- Большой китайско-русский словарь. — *Большой китайско-русский словарь*. Т. 1–4. М., 1983–1984.
- Деопик Д.В. 1963. — *Деопик Д.В. Вьетнам. Исторический очерк (до 1885 г.)*. — *Советская историческая энциклопедия*. Т. 3. М., 1963, с. 918–932.
- Деопик Д.В. 1968б. — *Деопик Д.В. Вьетнам в период развитых феодальных отношений*. — *История стран Азии и Африки в средние века*. М., 1968, с. 195–206.
- Поляков А.Б. 1980. — *Краткая история Вьета (Вьет шы лыок)*. Пер. с вьетняня, вступит. ст. и коммент. А.Б.Полякова. М., 1980 (Памятники письменности Востока. LIX).
- Стела В-13955. — *Hà Văn Tấn, Phạm Thị Tâm. Bài minh trên chuông Thông-thánh-quán và một số vấn đề lịch sử đời Trần (Ха Ван Тан, Фам Тхи Там. Надпись на колоколе Тхонгтханькуан и некоторые исторические проблемы эпохи Чан)*. — *NCLS*. 1966, № 88, с. 25–32.
- ТТ/Тьинь-хоа. — *Đại Việt sử ký toàn thư (Полное собрание исторических записок Дайвьета)*. Ксилограф SA.PD.2310 (хранится в библиотеке Азиатского общества в Париже).
- Чан Куок Вьонг 1960. — *Việt sử lược (Краткая история Вьета)*. Пер. с вьетняня Чан Куок Вьонга. Н., 1960.
- Чан Куок Вьонг, Ха Ван Тан 1963. — *Lịch sử chế độ phong kiến Việt Nam (История феодального строя во Вьетнаме)*. Т. 1. Н., 1963.
- Чан Чонг Ким 1971. — *Trần Trọng Kim. Việt-nam sử lược (Чан Чонг Ким. Краткая история Вьетнама)*. Т. 1–2. S., 1971.

Вьетнам в позднее средневековье. Крестьянские восстания XVI в. Феодалные междоусобицы¹

В XVI–XVII вв. хозяйственно-культурный тип вьетнамцев, сложившийся на основе поливного рисоводства, практически не изменился. Определенных успехов достигло ремесленное производство. Особенную известность получили изделия из кремового фаянса. Укрепились и внешние торговые связи, в том числе с Японией и северояванскими княжествами. Не позднее начала XVI в. появилось привозное огнестрельное оружие.

XVI–XVII века во Вьетнаме — это время возникновения мелких частных хозяйств. В результате реформ Хо Куи Ли, а также Ле Лоя и их преемников постепенно создается политически влиятельный слой чиновников, стремившихся превратить свои «должностные» земли в наследственную собственность, закабалить крестьян-держателей. В деревне ускорилась дифференциация крестьянства и начался распад землевладения сельских общин. Незначительная часть богатых общинников превращалась в мелких помещиков, а бедные землевладельцы становились экономически зависимыми крестьянами.

Распространение чиновничьего землевладения за счет общинных земель и развитие мелкого частного не чиновничьего землевладения внутри общин наряду с гнетом государственного аппарата и ростом населения в Дельте вновь привели к ухудшению положения крестьянства, несколько улучшившегося с 20-х годов XV в. Феодалное общество и государство в своем сложившемся в XV в. виде (централизованное феодално-бюрократическое государство) не обладали социальными формами, которые позволили бы, применяясь к условиям Юга, способствовать переселению туда значительных масс крестьянства. Такие новые формы стихийно сложились к середине XVI в. вместо существовавших с XI в. ставших архаичными форм социальной организации, базировавшихся на власти гражданского рангового чиновничества и титулованной придворной аристократии.

Нарастал конфликт между феодалами и крестьянством, все сильнее ощущавшим двойную эксплуатацию со стороны набиравших силу служилых и не служилых землевладельцев (притом что защита со стороны слабеющих общинных институтов становилась все менее эффективной). Социальный кризис со временем приобрел форму ожесточенной политической борьбы. Сыграл свою роль и субъективный фактор: полное непонимание критической ситуации 1505–1516 гг. правителями страны, чьи траты и дезорганизация государственного аппарата подорвали с трудом поддерживавшуюся императором Ле Хиен-тонгом (правил в 1497–1504 гг.) стабильность. Казалось бы безукоризненно действовавший чиновничий механизм конца XV в. становился все менее эффективным, при дворе множились заговоры, а чиновники в провинциях «грабили дочиста», «народ жаждал мести», власть начала искать опору среди армейских командиров. Бегство крестьян началось уже в 1509 г., в 1510 г. в стране разразилась война за престол, в ходе которой реальная власть перешла к главнокомандующему армией *вуа*. Обострились противоречия между гражданскими чиновниками в столице и военными чиновниками на местах, что окончательно подорвало эффективность власти. Повсеместные стихийные выступления усилились с 1510 г. и продолжались, хотя правительственные войска «убивали без счета и меры». После засухи и «великого голода» в 1512 г. крестьянскими волнениями была охвачена вся Дельта, но *вуа* по-прежнему строили вместо дамб дворцы; наводнения стали особенно разрушительными. По мере того как двор погрязал в болоте борьбы за власть, наведение порядка на местах все более становилось делом отдельных полководцев и дружин из помещиков и богатых крестьян. В 1516 г. началось одно из крупнейших восстаний в истории Вьетнама под руководством «крестьянского царя» Чан Као, вылившееся в мощную крестьянскую войну. Крестьянские отряды, возглавленные Чан Као, неоднократно наносили поражение правительственным войскам и ополчениям феодалов. Повстанцам удалось установить контроль над северной частью дельты Красной реки. В 1516 г. они заняли г. Тханглонг. Чан Као был провозглашен императором и торжественно коронован. Этим актом восставшие стремились утвердить власть «своего», «хорошего» монарха, который бы считался с нуждами народа.

---

¹ Впервые опубликовано [Деопик Д.В. 1968в].

Как это не раз бывало, угроза победы крестьянского восстания заставила враждующие группировки объединиться, *вуа* лично повел армию и помещичьи дружины в бой. Но власть в армии уже принадлежала не ему, а военным лидерам из числа членов родов Нгуен, Чинь и Мак; появились и самостоятельные полководцы из младших командиров привилегированных войск. Вокруг них группировались «сыновья ставки» — армейская верхушка, преданная вождю и его роду, а не *вуа*. Их опорой были уезды, где распоряжался данный род, нередко такие отряды переходили на сторону другой клики, сохраняя свою внутреннюю организацию. Голодные 1517 и 1519 годы превратили всю Дельту в арену борьбы этих отрядов с восставшими и между собой. В этих условиях полководец Мак Данг Зунг добился от *вуа* формальной передачи власти. К 1524 г. восстания были подавлены, а в 1527 г. Мак Данг Зунг сверг династию Поздние Ле (период *Ле Шо*) и основал собственную династию — Мак.

Но сложившиеся в стране местные военные клики не собирались ему подчиняться. Все заботы Мак Данг Зунга были посвящены укреплению армии, которая была в своей важнейшей части профессиональной, а профессиональные воины — мелкими землевладельцами. Полководцы войск, хозяйничавших в определенной области, стали получать титулы *конгов* этих областей, дававшие им определенные права и иммунитеты. Новоиспеченные *конги* не имели образования, не являлись родственниками *вуа*, нигде до начала своей военной карьеры не служили, зато, самостоятельно решая все вопросы на подконтрольных территориях, они вели себя почти как независимые правители.

В 1533 г. лидер одной из группировок, Нгуен Ким, провозгласил *вуа* одного из членов дома Ле (династия Поздние Ле, эпоха *Ле Мам*, 1533–1788 гг.) и начал борьбу с Маками; его опорной базой был уезд в Тханьхоа, а силой — собранная там дружина. Началась длительная эпоха междоусобных войн, в ходе которых формировалась новая военная организация правящей верхушки. Войны несли теперь разорение крестьянству не только Дельты, но и Тханьхоа и Нгеана. Однако одновременно включились в действие факторы, тормозившие в эти десятилетия новую вспышку крестьянских восстаний. Во-первых, крестьянам противостояла теперь не разваливающаяся администрация Ле, а боеспособные местные феодальные дружины, организованные в большие армии под командованием таких опытных полководцев, как Нгуен Ким, Мак Данг Зунг и др. Во-вторых, сокращение гражданской администрации, несомненно, уменьшило объем «регулярной» эксплуатации. И, в-третьих, в это время начался заметный отток населения в южные районы (Тхуанхоа и Куангнам); феодальные дружины правившего там рода Нгуен, видимо, в большей степени были способны защитить крестьян приграничной полосы, чем армия императора Ле. Сами Нгуены всячески старались привлечь как можно больше переселенцев в свои малолюдные тогда владения. В Тхуанхоа и Куангнаме возникали новые общины, в которых первые пришельцы составляли «основные» семьи, а поздние — «пришлые». Но земли хватало и им, аграрные отношения не были столь напряженными, а система налогообложения не была детализированной. В это же время и Чини в своих небогатых землями областях (Тханьхоа и Нгеан) также пытались регламентировать налоговые ставки, переписывали казенные и частные земли. Самым тяжелым было экономическое положение во владениях Маков в северном Вьетнаме. Там острее ощущалась и продолжавшаяся до 1601 г. война, сопровождавшаяся грабежами, рекрутскими наборами и разорением общин отрядами Чиней и Маков.

Постепенно местные правители объединились вокруг трех основных родов: Маков — в Дельте, Чиней — в Тханьхоа и Нгеане, Нгуенов — в Тхуанхоа и Куангнаме. Но внутри соответствующих армий феодальные дружины сохраняли самостоятельность, а в «своих» уездах их вожди продолжали править как прежде, раздавая земли своим воинам, и сами меняли сюзерена. Лишь в последней трети XVI в. они были подчинены администрацией Чиней и Нгуенов, в частности в результате военных походов.

Экономическое положение владений Нгуенов было благополучным, там не случались «грабежи», как называли хроники крестьянские волнения. Хуже было положение у Чиней, но они порой получали рис от Нгуенов, которые тоже выступали против Маков под лозунгом восстановления Ле. В ходе войны Маки, единственным преимуществом которых была многочисленность жителей Дельты, постепенно воссоздали массовую армию из мобилизованных свободных крестьян, но это дополнительно ослабляло экономику Дельты. Положение там к началу 90-х годов было катастрофическим, бегство крестьян из общины приобрело массовый характер, крах Маков был неизбежен. В 1593 г. они оставили район столицы и с наиболее боеспособными войсками отступили первоначально в Хайзыонг, а к 1600 г. в район северной приграничной провинции Каобанг, где закрепились на несколько десятилетий.

В 1592 г. Чини взяли Тханглонг и в упорных боях начали оттеснять Маков на север; в ходе этих войн все основные районы Дельты и прилегающих к ней провинций были разорены. Маки укрепились в северной провинции Каобанг, откуда они время от времени пытались спуститься в центральные долины. Чини водворили одного из Ле в Тханглонг и добились в Китае передачи инвеституры в руки реставрированной династии; взамен они обязались не трогать в Каобанге Маков. Китай продолжал поддерживать Маков, которые ранее отдали китайцам небольшие территории к северу от Каобанга. Между тем Чини добились указов (1599 г.) императора из рода Ле, формально подтверждавших

передачу им всей военной и гражданской власти в Дайвьете и предоставление военному лидеру рода Чиней беспрецедентно высокого титула *вьонга*.

До конца XVI в., пока не было окончательно сломлено сопротивление Маков, между Нгуенами и Чинями не возникало крупных столкновений. В 1600 г., после вытеснения Маков из Дельты и отвода военных подразделений Нгуенов на Юг, окончательно оформилось независимое владение с *тью* Нгуенами во главе (Дангчонг). Его правители, как и Чини, признавали номинальную верховную власть династии Ле и носили титул *куокконгов*.

Владения Чиней и Нгуенов (Дангнгоай и Дангчонг во второй половине XVI — середине XVII в.)

На Севере, в княжестве Чиней (Дангнгоай) распад старой структуры общинного землевладения в деревне сопровождался постепенным ростом поместного землевладения. Разраставшийся дорогостоящий бюрократический аппарат поглощал большие средства. Крестьяне облагались тяжелыми податями, что вело к разорению их хозяйств. Огромных расходов требовали двор Чиней и двор Ле. Столица Тханглонг отличалась своими размерами и великолепием: строились дворцы, храмы, разбивали сады и парки. Сложность этикета и утонченность манер при дворе превосходили все известное до того в Дайвьете.

Середина 90-х годов на севере была отмечена голодом и восстаниями, «воры и грабители появлялись тысячами»; несмотря на присутствие 120-тысячной армии Чиней, они «грабили имущество».

В разгар военных действий нелегко было что-то предпринять для сколько-нибудь заметного облегчения положения крестьян, но определенные мероприятия Чини пытались осуществить. Крестьян освободили на три года от налогов и повинностей, власти попытались собрать бежавших крестьян, определенное облегчение принесли и некоторое уменьшение масштабов войн и сужение театра боевых действий, а также участие в них прибывших с Юга войск Нгуенов. Продолжавшийся отток части безземельных на Юг, прекращение действий в Тханьхоа, сокращение расходов, прежде всего на ставший декоративным гражданский аппарат *ву* Ле — все это привело к ослаблению социальной напряженности, хотя в 1613 г. произошло восстание в Анкуанге, вынудившее Чиней пойти на некоторые уступки крестьянам.

Временная стабилизация позволила Чиням подготовиться к попытке кардинального решения земельной проблемы за счет богатых южных областей. Когда Нгуены отказались передавать часть собранных налогов на Север, Чини начали войну, пытаясь захватить Юг.

В 1627 г. нападением Чиней началась почти полувековая война между Чинями и Нгуенами. Походы следовали один за другим. Чтобы укрепить оборону, Нгуены приказали воздвигнуть в центральном Вьетнаме знаменитую Донгхойскую стену.

В ту пору уже началось колониальное проникновение в страны Индокитайского полуострова, и голландцы поспешили принять участие в войне на стороне Чиней. Португальцы поддержали Нгуенов.

46 лет Чини атаковали границу Дангчонга, как называются в истории владения Нгуенов. Нгуены же в этих войнах, даже после крупных побед, не углублялись на север, предпочитая расширять границы своих владений на Юге.

Во внутренней политике правительство Чиней–Ле по-прежнему выступало в защиту экономической целостности владений мелких феодалов; в отношении крестьян они вынуждены были провести заметное сокращение подушного налога, отчасти компенсировав общинникам уменьшение душевых наделов из-за растущего малоземелья. Но бюджет Чиней от этого сократился, в целом они становились беднее, чем Нгуены, хотя крестьян у них было больше.

Однако крупных восстаний не было, часть крестьян, попавших в плен, насильно оставлялись в Дангчонге. В Тханьхоа и Нгеане возникали новые владения крупной титулованной знати, которые правительство насильно превращало порой в казенные земли. Здесь еще давали земли, но только воинам. Что касается Дельты, то там власти пытались увеличить налоговые поступления с помощью местной администрации, но это не дало заметных результатов.

В начале XVIII в. в княжестве Нгуенов, где было больше удобных для полеводства свободных земель, развивалось поместное землевладение. Для его образования не требовалось массового обезземеливания общинников, да и внутриобщинные связи на недавно завоеванных землях Юга были слабее; соответственно, слабее было и сопротивление общин. Что касается необходимых рабочих рук, то таковые помимо прежних земель Нгуенов поставлял Север, откуда непрерывно переселялись обезземеленные крестьяне.

Распространение в XV в. военно-политического контроля Дайвьета на большую часть центрального Вьетнама постепенно привело к появлению здесь значительного числа поселений вьетских крестьян, подчиненных местным феодальным землевладельцам; власть была представлена несколькими гарнизонами. Меньшая по сравнению с Дельтой плотность чамского населения давала заметные возможности для создания новых поселений.

В конце 50-х годов XVI в. сюда пришла крупная переселенческая волна из Тханьхоа; руководили переселением Нгуены, получившие от Чиней-Ле в управление провинцию Тхуанхоа. Сразу возникло много новых общин из разнородных переселенческих элементов; земли их были казенными. В 1570 г. власть главы рода Нгуенов, Нгуен Хоанга, распространилась и на крайнюю южную область — Куангнам — в результате вооруженной борьбы против местных феодалов, до этого собиравших налоги в свою пользу. Одновременно Нгуен Хоанг ставил под контроль администрации новые колонии переселенцев. С первых лет его «устроительной» деятельности экономическое положение стало устойчивым, цены на рис — низкими; восстаний здесь не было. Социальная организация крестьянства и система налогового обложения, стихийно складывавшиеся в эти и предшествующие годы в Дангчонге, сильно отличались от северных, что отражало и новый этап развития производственных отношений, и наличие большого количества свободных земель. Первое выразилось в юридическом признании существования различных неполноправных (хотя и не всегда безземельных) групп в общинах и существования поместного землевладения (постепенно). Более гибкой и не столь детализированной была и система взимания налогов, что отражало упадок интереса государства к всевозможным аспектам аграрных отношений и рост роли частноправовых отношений. Второе выразилось в большей величине крестьянских владений и в меньших по размеру налогах. Наличие свободных земель сказывалось во всем, распашка целины давала в первые годы огромные урожаи, «народ процветал».

Крестьяне, лишившиеся земли, двигались дальше на юг, в Куангнам, оставаясь подданными Нгуенов (что для крестьян севера было затруднено). В Куангнаме «земли хорошие, людей много, все производится в изобилии... воины составляют более половины населения».

В государственном аппарате Дангчонга административные функции тесно переплетались с военными и экономическими. Здесь слабы были традиции гражданской администрации Ле, и режим военной власти *тюа*, который опирался прежде всего на военно-помещичьи элементы, существовал здесь в чистом виде. В армии наряду с мобилизованными крестьянами сохранились и феодальные дружины. Становление провинциальной администрации окончательно превратило Дангчонг в независимое владение. 10-е годы XVII в. в традиционной нгуеновской историографии считались временем «основания государства». Но его правители Нгуены не пытались объявить себя *вуа* и постоянно заявляли о своей преданности «законной династии Поздние Ле», которых «держат в плену» узурпаторы Чини.

В 1618 г. было проведено упорядочение поземельных отношений в Дангчонге, обмерены крестьянские общинные поля — казенные земли; второй категорией казенных земель являлись земли чиновников. В это время казенные земли уже становились объектом посягательств «богачей», т. е. нетитулованных мелких и средних помещиков; деревенские богачи «захватили много казенной земли для личной пользы», крестьяне «оспаривали землю друг у друга». Эти конфликты были следствием скорее неупорядоченности аграрных норм, чем острого малоземелья. Нгуены выступали в защиту казенных земель, произвели обмер полей и установили соответствующие налоги с каждого поля. Количество земельных конфликтов уменьшилось.

Система эксплуатации крестьян в Дангчонге оформилась в 30-е годы XVII в.; она, так же, как и административное устройство, теснее была связана с военным делом, чем на Севере. Важной особенностью регулярных подушных переписей было последовательно проводившееся деление семей на «основные» и «пришлые». Существенно было и то, что в армию брали в первую очередь не из богатых семей, как на Севере, а из середняцких, как и то, что выделялись обширные категории безземельных: «нанимающихся» (в том числе весьма зажиточных) и «бедных».

Экономическое положение Дангчонга несколько ухудшилось с 30-х годов XVII в. вследствие постоянных войн с Чинями и постепенного уменьшения фонда земель в бедном рисовыми долинами Тхуанхоа. 1637 год отмечен там голодом и раздачами риса, прекращением гражданского строительства; в 1641 год в 20 раз поднялись цены на рис, люди уже умирали от голода. Даже в урожайные годы не всегда хватало собранных налогов, средства изыскивали и во временно занятом Нгеане, принадлежавшем Чиням. Это свидетельствовало о постепенно возрастающем сходстве в экономическом положении крестьян северной части Дангчонга и крестьян Севера.

Формированию поместного землевладения способствовала слабая государственная централизация, кроме того, чиновничий аппарат, существовавший на ренту-налог с общинников, был на Юге неизмеримо слабее, чем на Севере.

Помещики (обычно они же были и ростовщиками) постепенно превращали одного общинника за другим в каменных держателей. В случае стихийных бедствий в зависимость попадали целые деревни.

Положение крестьян все ухудшалось, ибо они подвергались двойной эксплуатации — и как податные, и как зависимые от конкретного землевладельца. Государство было заинтересовано в сохранении постоянного количества податных, поскольку в противном случае уменьшались доходы казны.

В Дангчонге, на бывшей территории Чампы, сохранились большие торгово-ремесленные города с развитыми внешнеторговыми связями; быстрее, чем в Дангнгоае, развивались ремесла и горнодобывающие промыслы. Нгуены отливали собственную монету, поддерживали оживленную торговлю со всеми странами Юго-Восточной Азии, Китаем, Японией, Индией, Голландией, Португалией. В начале XVII в. португальцы помогли вьетнамцам наладить производство пушек. Военные силы Дангчонга были немногочисленны, однако на вооружении у них имелось большое количество огнестрельного оружия. Государство располагало сильным военным флотом. В стране были созданы артиллерийское, кавалерийское и пехотное училища. В войсках использовали слонов.

Государству Нгуенов удалось расширить свою территорию за счет захвата земель Чампы и дельты Меконга, подвластной тогда Камбодже. Чамы упорно сопротивлялись, но их войска были малочисленны, кроме того, Чампа была ослаблена внутренними противоречиями и религиозной рознью между мусульманами и индуистами. Чамские крестьяне попадали в зависимость от вьетнамских феодалов, чамские феодалы становились вьетнамскими чиновниками. На незанятых ранее землях государство создавало военные поселения.

Библиография

Деопик Д.В. 1968в. — *Деопик Д.В.* Вьетнам в позднее средневековье. — История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 396–399.

Сравнительная роль «города» и «деревни» в подготовке кадров лауреатов дворцовых конфуцианских конкурсов (на материале Вьетнама XVI–XVIII вв.)¹

Распространение в Восточной и Юго-Восточной Азии историко-литературных произведений биографического жанра позволяет произвести количественный анализ этой группы источников и создать обобщенные «коллективные биографии» господствующих социальных групп в отдельных странах региона.

Спецификой формирования одной из групп правящего слоя (высшего гражданского чиновничества) в государствах Восточной Азии является образовательный ценз (необходимость сдачи экзаменов для получения ряда привилегий, совокупность которых может быть условно понята как сословные). Доступ на экзамены был формально открыт практически для всех юридически полноправных мужчин. Так как подготовка к экзаменам требовала большого количества времени, то фактически участниками конкурсов становились выходцы из среды правящего слоя или зажиточных крестьян (систематичность последнего свидетельствует об определенной гибкости феодальной системы в Восточной Азии, временами ослаблявшей оппозиционные потенции представителей низших прослоек). Экзаменационная система в традиционном Вьетнаме была фактором, укреплявшим централизованное государство. В данной статье нет полного освещения этой сложной проблемы. Она не решена и для более обеспеченного источниками (документированной) истории китайского общества [Никифоров В.Н. 1972; Меликсетов А.В. 1970].

Существует возможность исследования частного аспекта упомянутой темы: посредством статистической методики обработки сведения о географическом месте рождения победителей (лауреатов) завершающего тура экзаменов в столице государства. Всех их объединяет один признак: успех на этих экзаменах. Различны их последующие судьбы, но не пути к социальному статусу, которым располагали чиновники-администраторы, чиновники-учителя и неслужилые образованные люди. Характер использованных здесь источников не позволяет сделать окончательный вывод об их социальном и особенно имущественном положении. Однако место рождения в известной мере характеризует их социальный облик и объясняет направление их социальной активности, ибо в средневековом Вьетнаме клановые и земляческие связи играли большую роль.

Основной источник — раздел «Описание земель» энциклопедии Фан Хуи Тю, написанной в 20-х годах XIX в. [Фан Хуи Тю 1972]. В нем дано число лауреатов по каждому уезду, родившихся там с начала экзаменационных конкурсов и до середины XVIII в. (1740 г.). Второй по важности источник — написанная в конце XIX в. хроника КМ. Третьим, вспомогательным источником был составленный современными вьетнамскими учеными справочник «Краткие биографии вьетнамских авторов» [Биографии авторов].

В книге Фан Хуи Тю, как правило, указывается область-*фу*, где родился лауреат, но не поясняется, окруживший центр или одна из деревень были местом, где он родился. Данные Фан Хуи Тю сопоставлялись с другими вышеупомянутыми источниками.

В двух последних случаях мы имеем дело с более подробными биографиями, где обычно отмечается место рождения лауреатов в различных общинах. Конечно, место рождения — далеко не обязательно место формирования данного лица, ибо он мог учиться в другом районе, однако прохождение курса образования в источниках не локализуется.

Один из вопросов, который позволяет решить изучаемый материал, таков: «город» или «деревня» были основным местом формирования образованных людей? Иными словами, обусловлено ли большее число образованных людей (оцениваемое по числу сдавших дворцовые экзамены) в той или иной провинции северного Вьетнама в XVII–XVIII вв. большим количеством окружных центров в ней или, наоборот, сельских общин по сравнению с другой провинцией? Европейские аналогии позволяют предположить, что число образованных людей тем больше, чем выше в данной провинции доля городов среди всех населенных пунктов и, естественно, чем выше доля городского населения. Наша задача — проследить, проявляется ли эта закономерность во Вьетнаме. Тот или иной вывод не

---

¹ Эта работа является обобщением двух статей со схожим содержанием [Деопик Д.В. 1971; Деопик Д.В. 1974].

предопределяет окончательного общего решения проблемы, но позволяет выделить специфику процесса.

Отметим, что под «городом» здесь понимаются столица, административные центры провинций (крупные города), а также центры областей-*фу* (средние города). Небольшие города — центры уездов не включаются в это понятие. Все остальные обозначения населенных пунктов во Вьетнаме относились либо к сельским поселениям, либо к ремесленным и торговым поселкам. Они образуют понятие «негород», или «деревня».

«Деревня» во Вьетнаме XVII–XVIII вв. — соседская община с сильной организацией, в которой землевладельцы владеют, как правило, лишь частью земель. Есть в «деревне» и независимые от них крестьяне. Все землевладельцы «деревни» объединены в общинной административной единице, обладающей определенными правами и представляющей интересы жителей (кроме чиновников) вовне. Особенности вьетнамских общин (в частности, семейная или общинная взаимопомощь) создавали больше возможностей для формирования в них образованного человека (в том числе и внутри прослойки богатых крестьян), чем в деревнях Европы.

«Город», наоборот, был в этом смысле менее «удобен». Он, во-первых, в среднем меньше, чем в Европе, а во-вторых — «монофункционален», за исключением крупных городов, ибо ремесленные агломерации (*тхуоки*), состоявшие из ремесленных деревень (*фыонгов*), часто располагались отдельно от рыночных центров, а те — отдельно от военно-административных центров². О рождении будущего лауреата в торговом или ремесленном поселении можно говорить как о редчайшем исключении (менее 1%).

Для Вьетнама типична следующая ситуация. Служащие в «городах» чиновники сохраняли связи с «деревней» и предпочитали оставлять там своих родителей и детей. Во вьетнамских хрониках рассказывается о том, как крупные чиновники, отошедшие от дел (почти всегда — в «деревню»), собирали вокруг себя образованных людей (биография Нгуен Бинь Кхиема и др.). Важным источником является и средневековая вьетнамская литература, где гораздо менее распространен типичный для Европы образ странствующего студента или странствующего из одного крупного монастыря в другой (аналог небольшого «университетского города») ученого монаха или пилигрима (в русской истории). Во Вьетнаме образованные люди (кроме части служебных поездок) перемещаются из «деревни» в «город» или наоборот. Это — отправка уже получившего образование в «город» на «выпускные» провинциальные или столичные экзамены, торжественное возвращение после них в «деревню», уединение «ученого» в «деревне» после отставки или изгнания со службы. Здесь служащий образованный человек связан с «городом», образованный человек во всех остальных, «не-служилых» состояниях — с «деревней».

Существует возможность статистически надежной проверки гипотезы о гораздо большей роли «деревни» в формировании и жизни образованных людей позднесредневекового Вьетнама, чем позднесредневековой Европы. В процессе работы желательно установить размещение на территории северного Вьетнама (основной и наиболее древней части Вьетнама) мест преимущественного распространения образованных людей. Группировка полученных данных позволит также выяснить, является ли повышенная социальная активность лауреатов данной провинции следствием просто большего числа лауреатов в ней по сравнению с другими провинциями, или их активность не связана с этим числом. В последнем случае мы должны в дальнейшем попытаться выяснить исторические, социально-экономические причины повышенной социальной активности лауреатов данной провинции в данное время.

Процедура исследования.

1. Поскольку в расчетах учтены все города — центры областей-*фу*, а по истории возникновения, функциям и социальному составу они очень близки, то эти центры в среднем по каждой провинции рассматриваются как одинаковые единицы. Такие единицы, как *фу* и уезд, особенно последний, в значительной степени обладают стандартностью, поскольку развитие ремесла и торговли шло во многом мимо них.

2. В еще большей степени допущение о приблизительно равном размере единиц применимо к деревням, численность которых в каждой провинции — сотни. В пользу мнения о стабильности их величины говорит и то, что подавляющее большинство общин в этом старом районе Вьетнама (Север и северная часть Центра) давно сложилось в соответствии с социально-экономическими требованиями, стандартными, применительно к части района, населенной вьетами, с их сравнительно единой культурой и экономикой. Территории, населенные национальными меньшинствами, почти не дали лауреатов, поэтому в исследовании не учтены.

3. Поскольку число общин и центров *фу* в различных провинциях неодинаково, единицей для сравнения будет среднее для провинции число лауреатов на одну общину или на один такой центр.

---

² Данная ситуация типична для средневековья многих стран: таковы *чжоу* (город) и *чжэнь* (посад, поселок ремесленников) в Китае, *burn* и *port* в Англии, *место* и *град* в Чехии и т. д. [Стужина Э.П. 1970: 28]. Разница заключается в том, что городом в современном смысле слова большинству *тхуоков* стать не удалось. Причины этого заслуживают отдельного исследования.

Необходимо отметить, что средневековые провинции — не результат административного произвола, а устойчивые, веками складывавшиеся общности с редко менявшимися границами, со своей спецификой, в том числе и в доле образованных людей в общей численности населения. Поэтому провинции являются основными единицами для сопоставления. Они имеют различные размеры и различное число общин. Как показало сопоставление с современными картами, количество общин приблизительно характеризует и плотность населения.

В табл. 1 сгруппированы данные о соотношении числа лауреатов, количества областей-*фу* и общин в каждой провинции. Расчет средних величин ведется двумя путями: а) общее число всех выдержавших экзамен в одной провинции соотносится с численностью общин в ней (графа О1); б) общее число всех выдержавших экзамен в одной провинции соотносится с числом общин лишь в тех областях-*фу*, откуда был хотя бы один лауреат (графа О2). Количество областных городов в провинции обозначается ЦО1, количество областных городов тех областей, где родился хотя бы один лауреат — ЦО2. Провинция Шоннам разделена на два исторически различных комплекса: Верхний (северный) Шоннам и Нижний (южный) Шоннам. Это сделано на основе традиционного деления в источниках провинции Шоннам на север и юг. В отдельные периоды эти части имели разные названия.

Таблица 1*

№ п/п	Провинция	Число лауреатов	ЦО1	ЦО2	О1	О2
1	Нгеан	126	9	4	634	600
2	Тханьхоа	169	6	3	840	647
3	Нижний Шоннам	168	6	6	1456	1456
4	Верхний Шоннам	315	3	3	947	947
5	Хайзыонг	452	4	4	1404	1404
6	Киньбак	549		4	1178	1100
7	Шонтай	262	5	5	1122	802
8	Тхайнгуен	10		1	266	266

* О1 — общины вообще; О2 — общины из уездов с лауреатами; ЦО1 — областные центры вообще; ЦО2 — областные центры с лауреатами в области.

В табл. 2 провинции сгруппированы по числу лауреатов (по мере его возрастания).

Табл. 3 составлена на основе данных табл. 2. Численность лауреатов слева сгруппирована по числу сотен; остальные данные представлены в виде соответствующих средних, если в группу вошло несколько провинций, или в том же виде, что в табл. 2.

По данным табл. 2 сформирована и табл. 4. Численность лауреатов в среднем сгруппирована по трем географическим зонам.

Таблица 2

№ п/п	Провинция	Число лауреатов	О2	ЦО2	Зона
8	Тхайнгуен	10	266	1	Север
1	Нгеан	126	600	4	
3	Нижний Шоннам	168	1456	6	Юг
2	Тханьхоа	169	647	3	
7	Шонтай	262	802	5	
4	Верхний Шоннам	315	947	3	Центр
5	Хайзыонг	452	1404	4	
6	Киньбак	549	1100	4	

Таблица 3

Группа	№ п/п	Провинция	Число лауреатов	О2	ЦО2	Зона
1–100	8	Тхайнгуен	10	266	1	Север
101–200	1, 2, 3	Нгеан, Нижний Шоннам, Тханьхоа	154	977	4,3	Юг
201–300	7	Шонтай	262	802	5	
301–400	4	Верхний Шоннам	315	947	3	Центр
401–500	5	Хайзыонг	452	1404	4	
501–600	6	Киньбак	549	1100	4	

1 4 4 4 2 4 4 4 3
средние

Таблица 4

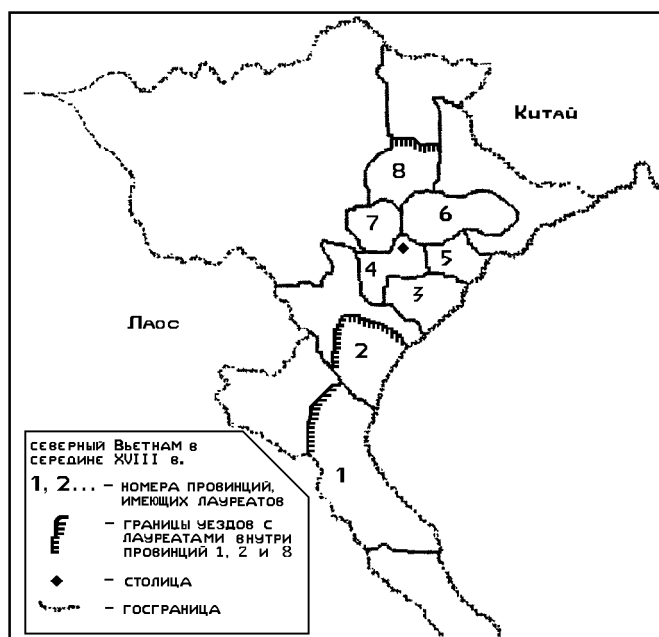
Зона	№ п/п	Провинция	Число лауреатов	O2	ЦO2
Север	8	Тхайнгуен	10	266	1
Юг	1, 2, 3	Нгеан, Тханьхоа, Нижний Шоннам	154	901	4,3
Центр	4, 5, 6, 7	Верхний Шоннам, Хайзыонг, Киньбак, Шонтай	395	1063	4

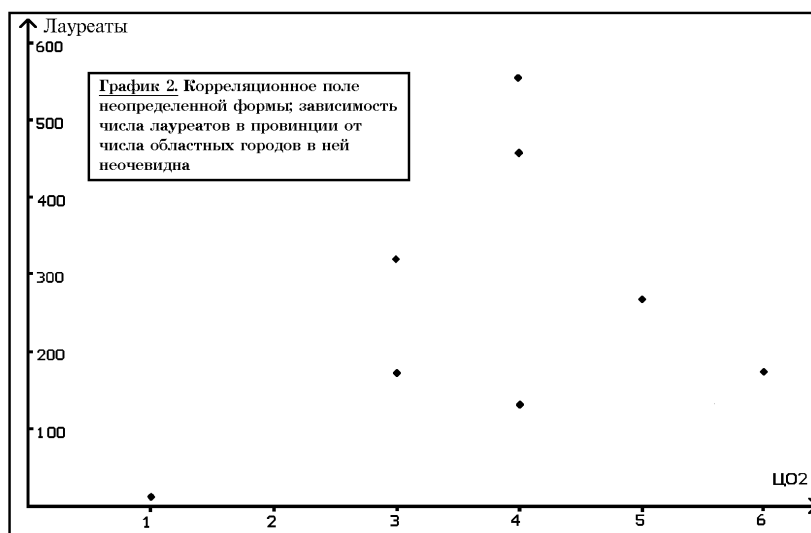
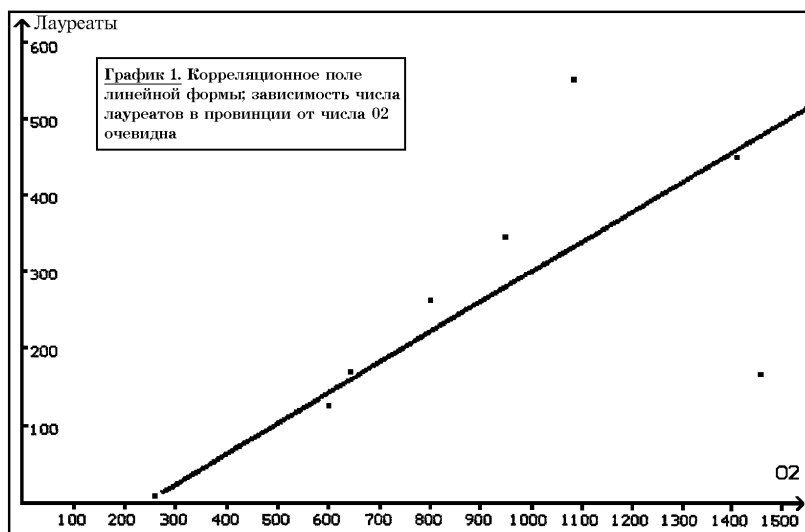
1 4 4 4 2 4 4 4 3

средние

Теперь обратимся к табл. 1, карте и графику 1. Все они посвящены первой части нашего сопоставления — «деревне». Аналогично будут воспроизведены данные по «городу». Посмотрим, каково было распределение лауреатов по провинциям по данным Фан Хуи Тю и как оно было связано с числом общин, с плотностью сельского населения в каждой провинции. В табл. 1 дано (по провинциям) число лауреатов, количество общин (O1 и O2) и областных центров (ЦO1 и ЦO2). Провинции нанесены на карту. Связи между числом лауреатов и числом общин и городов–областных центров воспроизведены (по провинциям) на графиках 1 и 2.

Из таблиц и графика 1 видно, что количество лауреатов от одной провинции к другой растет приблизительно пропорционально возрастанию в них числа общин (O2 — общин в областях, давших лауреатов). В то же время связь такого же рода с числом областных центров (ЦO2 — из областей, давших лауреатов), как видно из графика 2, гораздо слабее и не имеет прямого характера. Таким образом, гипотеза о «деревенском» происхождении значительной части лауреатов наиболее вероятна. Но принимается эта гипотеза не потому, что полностью отсутствует связь между числом в провинции лауреатов и числом в ней городов–областных центров с лауреатами, а за счет несущественности этой связи, за счет того, что рост числа лауреатов в первую очередь связан с ростом числа общин, а не областных центров в той или иной провинции. Построенные на базе табл. 1, корреляционные таблицы дали для па-

ры лауреаты–О2 коэффициент корреляции, равный 0,587, а для пары лауреаты–ЦО2 — равный 0,230 (в приближенных оценках). Коэффициент 0,587 больше многих, считающихся достаточными для утверждения о наличии связи в таких областях, как экономика, социология, демография; коэффициент, равный 0,230, малозначителен.

Анализ показал устойчивость районирования изученной территории по критерию плотности распределения лауреатов. Хотя полученные три группы (Север, Центр, Юг) не вполне совпадают с современным крупным административным делением, они статистически бесспорно проходят по разным материалам и вполне объясняются вьетнамской историей. Наибольшее абсолютное число лауреатов и соответственно их количество на административную единицу дали старые районы долин с наибольшей плотностью населения и почти полным отсутствием некинского населения. На втором месте — «новые» районы Юга (хотя и заселенные еще в начале I тыс. н. э.), на последнем — примыкающая с севера к старым районам территория со смешанным рельефом, давно вошедшая в состав вьетнамского государства, но сравнительно поздно и неплотно заселенная вьетнамцами.

Данные КМ позволили сопоставить общее число лауреатов с их социально активной частью и в целом, и по провинциям, поскольку в хронике, как правило, попадали социально наиболее активные. Из выявленной в предыдущей части группы провинций «Юг» в хронике упомянут каждый четвертый лауреат, а из группы провинций «Центр» лишь каждый десятый. О повышенной активности жителей «Юга» свидетельствует то, что из нетитулованных (не имеющих наследственных титулов знатности) лиц, попавших в хронике (даже без учета лидеров антиправительственных выступлений), на южные провинции приходится две трети. Следовательно, социальная активность «лауреатов Юга» закономерна. В то же время повышенная доля «Юга» не может быть объяснена преимущественным интересом хроники к этому району, так как частота упоминания в хронике названий провинций «Юга» и «Центра» (взятых как территориальные единицы) одинакова.

Наибольшая доля социально активных лауреатов на одну общину в среднем — в одной из провинций «Юга», Нгеан, давшей и впоследствии немало талантливых людей. В целом этот показатель выше в группе «Юг».

Данные «Биографий авторов» подтверждают выводы из данных Фан Хуи Тю и КМ: на провинции «Юга» приходится 38,4% литераторов, в то время как «лауреатов» там гораздо меньше — 22,7%, да и вообще меньше населения. «Биографии авторов» показали также, что в XVI–XVIII вв. авторы, вначале разбросанные по всем густонаселенным провинциям страны, все больше концентрируются в двух центрах: в пристольичной провинции Верхний Шоннам и в южной провинции Нгеан (соответственно 45,0% и 20,0% в 40-х годах XVIII в.). На оба центра приходится почти две трети всех авторов страны. А в 80-х годах того же столетия в пристольичной провинции было 45,5% авторов, а в Нгеане — 36,4%. Очевидна концентрация в двух центрах, один из которых — южный.

Проведенный анализ позволил, на наш взгляд, установить связь образованной верхушки во Вьетнаме XVI–XVIII вв., связь социальную прежде всего, с деревенской средой по преимуществу. Разумеется, определенная часть образованного слоя была связана и с «городом» и с социально-экономическими новациями во вьетнамском обществе, но эта часть была меньшей по численности и (если судить по данным XIX в.) по влиянию на общество. Ориентация на общину имела следствием архаические черты и в социальном облике традиционного образованного слоя. Это в определенной степени обусловило его неспособность возглавить национально-освободительное движение в первой половине XX в.

Данное исследование не исчерпало информационные возможности использованной группы источников. Остались неизученными клановые связи между лауреатами столичных экзаменов. Это позволило бы определить степень социальной мобильности данной социальной группы и уточнить место ее членов в системе общественного производства и распределения прибавочного продукта.

За большую помощь в обработке количественных данных автор выражает свою искреннюю благодарность В.М.Мазырину. Автор глубоко благодарен М.Н.Ткачеву, принимавшему активное участие в анализе данных «Биографий авторов».

Библиография

Биографии авторов. — *Lược truyện các tác gia Việt Nam* (Краткие биографии вьетнамских авторов). Т. 1–2. Н., 1971–1972.

Деопик Д.В. 1971. — *Деопик Д.В.* Сравнительная роль города и деревни в формировании кадров лауреатов традиционных конкурсов (на материале Вьетнама XVI–XVIII вв.). — *Общество и государство в Китае. Доклады и тезисы.* Вып. 1. М., 1971, с. 116–130.

Деопик Д.В. 1974. — *Деопик Д.В.* Пути формирования высшего сословия во Вьетнаме (XVI–XVIII вв.). — *Народы Азии и Африки.* 1974, № 4, с. 133–138.

Меликсетов А.В. 1970. — *Меликсетов А.В.* Социальная сущность китайского милитаризма. — *Научная конференция «Общество и государство в Китае».* Доклады и тезисы. Вып. 2. М., 1970.

Никифоров В.Н. 1972. — *Никифоров В.Н.* Специфика господствующего класса в старом Китае (сословие шэньши). — *Роль традиций в истории и культуре Китая.* М., 1972, с. 237–248.

Стужина Э.П. 1970. — *Стужина Э.П.* Китайское ремесло в XVI–XVIII вв. М., 1970.

Фан Хуи Тю 1972. — *Phan Huy Chú. Lịch-triều hiên-chương loại-chí* (Фан Хуи Тю. Классифицированное описание установлений минувших династий). Т. 1. S., 1972.

Взаимосвязь резьбы по дереву и лубка в народном искусстве Вьетнама¹

Искусство Вьетнама прошло в своем развитии ряд этапов. Можно выделить следующие периоды в истории вьетнамской художественной культуры: 1) древнее искусство (до I в. до н. э.); 2) двухслойное искусство времен «северной зависимости» (до X в. н. э.) и первых веков существования независимого вьетского государства в X–XV вв.; 3) эпоха синтеза верхнего и нижнего слоев вьетнамской культуры и формирования городской культуры в XVI–XIX вв.; 4) искусство новейшего времени.

Для понимания интересующей нас проблемы особенно важен третий период. К его началу во Вьетнаме, как и в любом ином традиционном восточном обществе, существовала четко выраженная культура верхних социальных групп, которую мы можем назвать официальным (верхним) слоем, и культура народная (нижний слой), носителем которой было общинное крестьянство.

К официальному искусству относилось все связанное с жизнью двора и дипломированных чиновников, т. е. представителей среднего и высшего служилого слоя, сдавших специальные конфуцианские экзамены. В области архитектуры и изобразительного искусства это общенациональные храмы, в основном столичные, а также небольшие поминальные храмы, посвященные культу предков династии или духам-хранителям страны; культовая скульптура этих храмов; живопись на шелке. Официальное признание и даже преподавание «трех религий» (буддизма, конфуцианства, даосизма)², т. е. отсутствие одной, признанной и поддерживаемой нормы духовной жизни в верхнем слое, повлекли за собой не только сходство в архитектуре храмов и изображений божеств различных религий, но и определенную свободу художественных поисков, в том числе и в городской культуре. Этот же фактор обеспечил и относительную независимость деревенской культуры, т. е. нижнего слоя.

Ко второму слою относилось все искусство, обслуживавшее как деревенскую общину, так и низшие служилые и землевладельческие слои. Наиболее развитыми образцами искусства были: в архитектуре — общинный дом (*динь*), сельские поминальные храмы и деревенские буддийские пагоды, а в сфере изобразительного искусства — лубки школы Донгхо, деревянные панно и рельефные композиции в *динях*, частично культовая скульптура, хранящаяся в деревенских храмах, мелкая керамическая пластика, игрушка из глины, бумаги и теста.

Основная черта, присущая вьетнамскому искусству во все века его существования, — простота, неприятие вычурности. Но это простота выбора изобразительных средств, а отнюдь не упрощенность видения, или отражения, мира. Вьетнамскому искусству свойственны глубина и значительность образов, достигается, однако, это простыми средствами, без помпезности и внешних проявлений тщеславия. При этом произведения вьетнамских мастеров издавна отличались пристальным вниманием к деталям, были проникнуты духом жизнелюбия и радости (что, заметим, характерно отнюдь не для всех художественных культур прошлого).

Между высшим и низшим слоями вьетнамской культуры постоянно существовал определенный тип контактов, взаимовлияния, заимствований. В то же время полного слияния произойти не могло, в частности из-за того, что прочно сохранялась система социальной организации низов, возникшая еще в первобытный период, т. е. община. Вьетнамская сельская община являлась массовым и относительно состоятельным потребителем народной культуры и порой была в состоянии финансировать создание дорогостоящих произведений искусства. В результате низовая культура Вьетнама стойко сохраняла свою независимость. Помимо этого не столько по массовости распространения, но и по сложности своих произведений она была неизмеримо выше, чем культура средневекового крестьянства и средних городских слоев иных европейских стран.

Важно отметить, что культура эта осознавалась как общая для всей страны, несмотря на то что она не обладала такими центрами, как культура официальная (столицы и религиозные центры). Одна из причин этого явления, видимо, кроется в том, что вся низовая культура базировалась на традиционной форме религиозных представлений вьетов — культе предков.

¹ Впервые опубликовано: Искусство. 1981, № 9, с. 40–46. Статья написана совместно с М.Б.Кохан.

² Применительно к традиционному Вьетнаму место даосизма занимает сложный комплекс традиционных вьетнамских и китайских верований и представлений, еще практически не изученный.

В старом вьетнамском обществе предки осознавались как постоянные добрые защитники и советники во всех важных делах. Они считались основными представителями и ходатаями семьи перед высшими силами, с ними у крестьянина была связана по крайней мере половина праздников, в том числе и некоторые из аграрного цикла. Культ предков императора (*суй*) отправлялся государством, но и общины имели свои храмы предков со штатом служителей. А уж в семье почитание предков являлось основным и непререкаемым культом. Богатство духовной жизни, обусловившее отсутствие религиозного фанатизма, а также сама социальная и экономическая структура деревенской общины способствовали развитию народной культуры. Она охватывала не только крестьянские массы, но регулярно вливалась в культуру официальную. В каждый из указанных выше периодов развития вьетнамского искусства (кроме второго) народное искусство влияло на верхушечную культуру в не меньшей степени, чем получало из нее, что явилось одной из важнейших особенностей старинного искусства Вьетнама в целом.

Мы подробно остановились на общей характеристике культуры традиционного Вьетнама, так как до недавнего времени интерес исследователей привлекало в основном официальное искусство, в то время как искусство общины не попадало в поле их зрения. В последние годы появился ряд публикаций вьетнамских исследователей, на которых основывались авторы данной статьи [Материальная культура; Нгуен Фи Хоань 1970; Народный лубок; Народная резьба по дереву].

Основной задачей данной статьи является сопоставление двух наиболее развитых форм народного искусства — деревянных рельефов общинных домов и народных гравюр Донгхо — и выявление общего между ними, а также наличия их художественной и функциональной преемственности.

Для обеих форм творчества, во-первых, характерны одни и те же сферы потребления и производства. Потребителями в обоих случаях выступали общинное крестьянство и низшие землевладельческие слои, жизнь которых была еще тесно связана с сельскохозяйственным производственным процессом и религиозной обрядностью общины. Создателями как деревянных рельефов, так и лубков Донгхо выступали те же общинники. Во-вторых, оба рассматриваемых вида произведений искусства восходят корнями и подчинены обрядовой стороне традиционного быта, ибо использовались как средство общения с духами предков. Однако в рамках культовой символики этих произведений ярко и самобытно проявились национальные эстетические воззрения и высокий художественный вкус сельских мастеров. Хотя большинство сюжетов, используемых в лубках и рельефах общинных домов, носили религиозный характер, на их создание вдохновляли реальные мотивы и ситуации повседневной жизни.

Как формы выражения духовной и материальной культуры двух социально близких групп населения, рельефы и лубки строились в одной эстетической системе, нередко с использованием одного круга образов. В конце XIX — начале XX в. социально-экономические изменения во вьетнамском обществе привели к затуханию искусства общинной храмовой резьбы и к одновременному расцвету деревенского лубка, что также говорит о выполнении этими шедеврами некой одинаковой функции.

Общинные дома — *дини* имелись в каждой сельской общине и были посвящены предку-покровителю данной местности, а тем самым и данного коллектива общинников. Основное внимание при оформлении интерьера *диня* уделялось украшению алтарной части и верхних элементов каркаса постройки (так называемого чердачного пространства без перекрытий, т. е. открытого изнутри). В алтарной части находилась круглая культовая скульптура, обычно выполненная из дерева и расписанная лаком, а над алтарем все балки, перекрытия и конструктивные связующие элементы украшались резными рельефами. Сочетание в общинном доме культовой скульптуры и произведений с жанрово-религиозными сюжетами отразило двоякое назначение *диня*, являющегося одновременно храмом и центром общественной жизни общины (местом проведения собраний, сбора налогов, бракосочетаний, судов, многочисленных религиозных и аграрных праздников). Наиболее торжественный из них — годовщина со дня смерти духа-покровителя общины — сопровождался театрализованными представлениями с участием общинников, военными турнирами, песенно-танцевальными выступлениями, состязаниями. Сакрализованные формы духовной жизни, воплощенные в рельефах общинных домов, таким образом участвовали в празднике как символично-декоративный элемент ритуала, одновременно являясь и отражением запечатленного торжества, посвященного духу-покровителю.

Расположенные в верхнем, плохо освещенном пространстве, композиции, выполненные, как правило, в высоком рельефе, строились в одной плоскости; мелкие детали опускались, благодаря чему достигалась максимально доступная зримость. Одна из важных особенностей резьбы внутри *диней* — реализм изображения в жанровых сценках, проникнутых духом жизнелюбия, оптимизма и радости, навеянной атмосферой праздника.

Создавались *дини* иногда самими общинниками, но чаще специальными бригадами строителей, переходившими из деревни в деревню, выходцами из среды сельских жителей. Можно предположить, что их профессия становилась наследственной. Видимо, таких бригад было довольно много. Это

подтверждается тем фактом, что иногда строительство *диня* поручалось одновременно двум коллективам строителей, что повышало качество работы и стимулировало процесс творчества. Участие в создании *диней* самих крестьян-общинников наряду с несколькими бригадами обусловило большое жанровое и стилистическое разнообразие этого вида народной архитектуры и декора, а специализация строителей и резчиков, складывавшаяся в течение нескольких поколений, обеспечила высокий художественный уровень и профессионализм, позволяющие выделить резьбу по дереву в самостоятельный вид искусства, расцвет которого приходится на XVI–XVIII вв.

Постепенное ослабление общины в XIX в. привело к замедлению темпов развития этого вида искусства, но одновременно сопровождалось расцветом народной гравюры. По мере распада общины и превращения семьи в основную социальную единицу вьетнамского общества центром отправления культа предков становится семейное жилище, а средством сакрально-художественного воплощения теперь выступает лубок, производившийся первоначально в нескольких деревнях северного Вьетнама, а к середине XX в. — в основном в старейшем центре лубочного производства деревне Донгхо (пров. Киньбак к северу от Ханоя). Довольно высокий уровень развития рынков и рыночных отношений в целом способствовал распространению деревенского лубка среди широких народных масс. Те же социальные изменения в общине привели к тому, что крестьянин-общинник все больше превращался в малоземельного крестьянина-единоличника, вынужденного обращаться к рынку как к источнику денег, необходимых ему для уплаты налогов и аренды.

Крестьяне деревни Донгхо занимались производством лубков преимущественно в канун новогоднего праздника по лунному календарю и в первый месяц нового года, остальное время посвящая сельскохозяйственным работам. Как правило, в изготовлении лубков участвовали все члены семьи, между которыми могло существовать и частичное разделение труда. Все производственные навыки и секреты производства некоторых красок, а также деревянные клише передавались из поколения в поколение. Лубки Донгхо, украшавшие домашние алтари предков, печатались в технике цветной ксилографии. Их отличают лаконизм, максимальная выразительность в передаче знаковой сущности предмета, гибкий и сочный контур, интенсивные ровные цвета, использование которых основано не на идее элементарной раскраски контура, а на тонком понимании как возможностей печати, так и налагаемых этой техникой ограничений. Несмотря на условность и лаконизм в выборе изобразительных средств, деревенскому лубку присущи высокие декоративные достоинства, формировавшиеся на протяжении длительного времени в процессе коллективного творчества. Оно включало в себя и труд рядовых производителей, сберегающих предыдущий опыт, и творчество самобытных талантов.

В итоге в этом искусстве выразилось то, что было жизненно важным для крестьянина как представителя социальной группы. Так же как рельефы в *динях*, лубок выступал средством общения с предком, от расположения которого, согласно представлениям крестьян, полностью зависели их существование и благополучие. Культ предков, воплощенный в жанре лубка, становился средоточием реальной динамики сельской жизни. Это одна из причин удивительного оптимизма, присущего рельефам и лубку, одна из причин преобладания в них светских сюжетов, в которых отразились не только трудовые процессы, но и стихия деревенских праздников, т. е. сюжетов подлинно национальных, взятых из жизни и (несмотря на некоторую условность) воплощенных с большой степенью реализма, не только сюжетного, но и стилистического. Система изображений и сюжетов в лубках в результате единообразия семейного культа предков и по причине централизации производства предстает несравненно более унифицированной и формализованной, нежели в резных элементах декора общинных домов. Наряду с этим расширилась тематика лубка за счет появления сюжетов из истории Вьетнама, образов национальных героев, воспринятых общинниками в рамках культа предков.

В лубке воплотилась та же эстетическая система, что и в резьбе, и все то же восприятие мира как гармонического единства природы и человека. Восприятие, выразившееся в полнокровном реализме изображения деревьев, животных, людей, в ясном понимании красоты человеческого тела. Полуобнаженные люди на гравюрах Донгхо и рельефах в *динях* изображены в момент активного действия: это жанровые сценки борьбы, сбора кокосовых орехов, игр, любовных встреч и свиданий. В обоих видах произведений народного искусства мы не встретим многоплановости или сочетания на одной плоскости нескольких сцен, происходящих в различное время или в различных местах. Центральный образ дается крупным планом, он очень графичен, легко читаем на одноцветном фоне. Набор действующих лиц или предметов минимален, отсутствуют какие бы то ни было второстепенные детали, мешающие цельности восприятия. Объемность рельефов восполняется в лубке использованием крупных локальных цветовых пятен, близких к природной цветовой гамме и родственных раскраске круглой деревянной скульптуры из алтарной части *диня*. Эти особенности именно лубка Донгхо, сближающего его с деревянными рельефами, резко выделяют данные произведения из общей довольно

сложной и неоднородной массы вьетнамского лубка³. При этом, несмотря на то что в конце XIX — начале XX в. деревенский лубок был явлением массовым, обслуживающим весь северный Вьетнам, к настоящему времени сохранилась и воспроизводится лишь часть прежних сюжетов.

Нам бы хотелось еще раз подчеркнуть, что общность этих двух видов произведений народного искусства была глубокой и имела единую социально-историческую основу — крестьянскую общину. Однако поскольку периоды наивысшего расцвета деревянной резьбы в общинных домах и деревенского лубка символизировали и отразили различные этапы исторического развития общины, то между двумя этими видами творчества не могло быть буквального сходства и прямых заимствований. Однако их глубинные связи отразились в общности эстетической системы мировосприятия и указанной выше общности изобразительных средств. Для большей убедительности нами подобран небольшой ряд сюжетов, позволяющих на иллюстративном материале проследить максимум сходных черт (композиционных, стилистических, тематических).

Образ человека, присущий большинству сюжетов резного декора в *динях* и на деревенском лубке, трактуется сельскими мастерами с теплым чувством юмора и большой симпатией. Это неунывающий герой с крепким округлым телом, который храбро вступает в единоборство с хищниками, бодро возвращается с удачной охоты, развлекается с молодыми крестьянками, демонстрирует свою силу и ловкость в состязаниях борцов и т. д. Стилистическое единство этого образа в рельефе *диня* и на лубке очевидно при сравнении рельефа из *диня* общины Хоангса провинции Шонтай (1694 г.) и лубка с изображением сцены борьбы. Тела борцов воспроизведены в упрощенной манере, почти полностью отсутствует моделировка мышц, нарушено реальное соотношение слабо расчлененных объемов. Однако эти фольклорные образы рождают ощущение морального и физического здоровья, крепкой жизненной силы, радостного, неунывающего мировосприятия.

Тот же образ запечатлен на рельефе из *диня* общины Аньхоа провинции Шоннам (XVII в.). Сюжетно и композиционно он напоминает известный лубок «Сбор кокосов», в котором воплотилась эстетика древнейшего пласта народной культуры с его смысловой символикой и одновременно так называемой низкой образностью. Действительно, в дни сельскохозяйственных праздников мотив сбора урожая выступал залогом материального благополучия, наглядным пожеланием плодородия земли и в то же время плодovitости мужского семени. Однако сопровождающая данный сюжет надпись на лубке гласит: «Чистый, как нефрит, белый, как слоновая кость». Эти слова характеризуют содержимое кокоса, но могут применяться и как образное сравнение с женским телом, что порождает ассоциации, запечатленные в стихах средневековой вьетнамской поэтессы Хо Суан Хыонг [Хо Суан Хыонг 1968: 41]:

Тело мое словно хлебного дерева плод,
На согнутой ветке висящий.
Кожица шероховата, зато аромат
Она источает пьянящий...
Только руками касаться плода не смей,
Чтобы сок не пролился бродящий⁴.

Хотелось бы добавить, что мы не стремились дать всеобъемлющую характеристику таким видам декоративно-изобразительного творчества, как вьетнамская деревенская резьба или лубок XVI — начала XX в. Наша задача сводится лишь к постановке проблемы наличия общности изобразительных черт и преемственности этих произведений народного творчества — проблемы, которая не рассматривалась еще вьетнамскими и зарубежными исследователями.

В заключение необходимо сказать, что правительство СРВ всемерно способствует сохранению памятников средневековой культуры, направляет и стимулирует деятельность традиционных центров народных промыслов, в том числе и занимающихся изготовлением лубочных гравюр.

Активно разворачивается в СРВ движение за сохранение и изучение памятников деревянной архитектуры XIV–XIX вв., уцелевших после разрушительной войны. Особенно много работы выпало на долю музейных сотрудников, которые самоотверженно и увлеченно трудятся над реставрацией, научным описанием и публикацией шедевров народной, в частности сельской храмовой, архитектуры. (Благодаря их усилиям сегодня можно составить детальное представление о сложных рельефных композициях ныне не существующего знаменитого *диня* XVII в. общины Хоангса, провинция Шонтай.)

На лучших образцах народного искусства воспитываются молодые художники и скульпторы — студенты Высшего художественного училища Ханоя, одного из старейших учебных заведений страны, много сделавшего для возрождения традиционных ремесел. Не так давно училище обратилось к известным мастерам Донгхо с предложением о сотрудничестве в коллекционировании старинных лубков, изготовлении новых клише по старым образцам, с тем чтобы сохранить драгоценное наследие

³ Кроме лубка Донгхо можно выделить следующие виды народной гравюры: буддийские картины, печатавшиеся в монастырях, а также лубки, изготовлявшиеся в Ханое на улице Хангчонг (букв. «улица Барабанов») и перенесшие на вьетнамскую почву характерные черты китайского лубка с добавлением отдельных национальных элементов.

⁴ Пер. Г. Ярославцева.

и не только сделать древние промыслы достоянием вьетнамского народа, но и обеспечить их законное место в ряду мировых художественных ценностей.

Вьетнамский лубок, возникший некогда как атрибут культовой обрядности, перерос рамки своих религиозных функций, став средоточием воплощения живой души народа, его естественной потребности в эстетическом осмыслении мира. Сюжеты и темы лубка в каждую эпоху обновлялись, насыщаясь новым содержанием, но всякий раз отражая жизненные интересы и чаяния трудолюбивого энергичного народа. В первые годы после Августовской революции 1945 г. в лубочные изображения властно вошла тема новых социальных взаимоотношений, преобразований в деревне. В трудные годы войн, выпавших на долю вьетнамского народа, лубок, традиции и изобразительные средства которого органично впитала в себя плакатная графика, стал действенным орудием сплочения народных масс, укрепления их боевого духа.

И в мирное время, творчески сочетая лучшие достижения европейской живописи с характерными особенностями национального искусства, многие современные вьетнамские художники (Фам Ван Дон, Чан Динь Тхо, Фам Хау и др.) используют в своем творчестве присущие гравюре композиционные приемы, ее лаконичные выразительные образы, радостный эмоциональный строй и мастерское владение чистой цветовой палитрой.

Бережное отношение к художественному наследию и постоянное обращение профессиональных художников к живительным традициям народного искусства, а также кропотливая работа по изучению культуры вьетнамской общины, отмеченная появлением новых научных публикаций, ярко свидетельствуют о полнокровности и поступательной динамике современной художественной жизни Вьетнама.

Библиография

Народная резьба по дереву. — Việt-nam. Điều khắc dân gian. Thế kỷ XVI–XVII–XVIII (Вьетнам. Народная резьба по дереву. XVI–XVII–XVIII вв.). Н., 1975.

Народный лубок. — Tranh tượng dân gian Việt-nam (Народные картины и скульптуры Вьетнама). Н., 1962.

Нгуен Фи Хоань 1970. — *Nguyễn Phi Hoanh. Lược sử mỹ thuật Việt-nam (Нгуен Фи Хоань. Краткая история вьетнамского искусства)*. Н., 1970.

Хо Суан Хьонг 1968. — *Хо Суан Хьонг. Стихи*. Пер. Г.Ярославцева. М., 1968.

Вьетнам в эпоху становления позднефеодальных отношений¹

В конце XVII в. Дайвьет занимал территорию, близкую к современной территории Вьетнама. На заре нового времени вьетнамское общество было наиболее динамично развивающимся в Юго-Восточной Азии. Ряд причин, прежде всего высокая плотность населения в историческом центре Вьетнама — дельте Красной реки, делали его типологически схожим с яванским и китайским, при заметных отличиях социальной структуры. Конец XVIII в. был здесь и концом эпохи развитых феодальных отношений восточного типа. Интенсивно распадалось общинное землевладение, что прежде всего влекло за собой укрепление и распространение в деревне частных наследственных, в том числе и неслужилых, землевладельцев. Их привилегированный статус оказался в XVII–XVIII вв. связан в значительной степени с военной службой и выполнением функций низшего, не включенного в официальные списки постоянных государственных служащих чиновничества. Одновременно у значительной части крестьян сокращался размер владения, они попадали в экономическую зависимость от этой группы, поставляя ей рабочую силу. Слой среднего крестьянства размывался, общинная организация, все больше становясь соседской, постепенно превращалась в орудие господства помещика в деревне.

Внутри правящего слоя эти процессы сопровождались резким ослаблением позиций высшего и среднего гражданского чиновничества, формируемого через экзаменационные конкурсы, и власти императора-*вуа*, которые заменялись на высшем уровне властью *тьюа* — наследственных руководителей военных и гражданских дел. На среднем уровне власть принадлежала: в центре — ведомствам двора *тьюа*, где также главенствовали военные, в провинциях — наместникам из местных военно-землевладельческих родов, на которые ориентировались местные землевладельцы. Рост городов, ремесел и торговли позволил стране обеспечивать себя всем необходимым (включая и огнестрельное оружие).

В двух основных частях Дайвьета, северной и южной, указанные процессы шли во многом по-разному. Особенностью дельты Красной реки, основной части Дангнгоая, т. е. владений *тьюа* из рода Чинь, было все усиливающееся аграрное перенаселение, имевшее место в Юго-Восточной Азии только в северном Дайвьете. Оно, с одной стороны, ускоряло уменьшение крестьянских участков и способствовало усилению помещиков, с другой — мешало созданию крупных помещичьих владений, так как земель вообще было мало. В целом XVII век был для Севера временем определенной стабилизации в деревне при дальнейшем развитии внешней и внутренней торговли и горнорудной промышленности.

Исторически выходом из этого положения на протяжении предшествующих веков было переселение вьетских крестьян на рисовые равнины более южных областей. Но после образования там фактически независимых владений *тьюа* из рода Нгуен (Дангчонга) процесс переселения на Юг усложнился. Попытки правителей Севера в 1625–1672 гг. захватить обширные и менее заселенные земли Юга успехом не увенчались, и XVIII век прошел под знаком роста неразрешимых в условиях одного Севера, без объединения с Югом, противоречий в деревне.

Иным было положение в относительно многоземельном южном Дангчонге. С одной стороны, среди переселенцев слабее были общинные связи, и на пути частного поместного землевладения было меньше препятствий, с другой — возможности экстенсивного развития, особенно на землях в дельте Меконга, в определенной степени тормозили этот процесс. В северной части Дангчонга (совр. центральный Вьетнам), заселенном раньше, община была относительно крепка, а на Юге, в дельте Меконга, преобладало уже частное землевладение.

Дангнгоай в конце XVII — третьей четверти XVIII в.

¹ Впервые опубликовано как раздел учебника: История стран Азии и Африки в новое время. М., 1971, с. 119–128. Текст дан по изд. 1989 г., с. 113–127.

Провал неоднократных попыток Чиней захватить владения Нгуенов заставил правящие круги Дангнгоая обратить серьезное внимание на положение в деревне в районе Дельты. Наиболее дальновидные *тьюа* из дома Чинь стремились опираться в своей социальной политике на внедельтовые районы Дангнгоая, ставшие основными поставщиками профессиональных воинов, прежде всего на более южные провинции Тханьхоа и Нгеан. Это позволило отказаться от выделения дополнительных воинских участков в Дельте, где их трудно было бы изыскать. Другой мерой было прекращение регулярных военных кампаний как на Севере (против Маков), так и на Юге (против Нгуенов). Но главное — попытки ограничить число неслужилых титулованных землевладельцев, упорядочить налогообложение, с одной стороны, и укрепить государственный аппарат, ограничив злоупотребления, — с другой. Эта политика борьбы с разорением свободных крестьян принесла определенные плоды в конце XVII в., но к началу следующего столетия стало очевидно, что этого недостаточно.

При энергичном *тьюа* Чинь Кыонге (1707–1729) был проведен целый комплекс мероприятий, направленных на некоторое облегчение налогообложения в Дельте, на сокращение наделения служилых категорий земель, на расширение неземледельческих сфер деятельности (особенно торговли) с их последующим обложением. Эти меры не предполагали восстановления архаичной аграрной структуры общины. Наоборот, в 1723 г. было окончательно признано частное поместное землевладение, не связанное с государственной службой. Экономические и административные преобразования Чинь Кыонга все-таки не могли решить коренной проблемы — перенаселения.

Основные события внутривластной жизни Дангнгоая были связаны в XVIII столетии с укреплением нового типа социальной и государственной организации, во главе которой стоял правитель-*тьюа*. Отобрав у императоров реальную власть, *тьюа* из рода Чинь оформили еще в XVI — начале XVII в. новую модель взаимоотношений в служилой среде, при которой лишенный прежних функций и ослабленный гражданский аппарат был подчинен власти военных родов, управляющих вооруженными силами. Этот тип государственной организации был оптимальным для вьетнамского общества на протяжении XVII–XVIII вв. В комплектовании и функционировании государственного аппарата меньшую роль играли конфуцианские нормы и конфуцианское образование. В условиях Дангнгоая XVIII в. политика *тьюа* все более ориентируется на реальность, а не на устаревшие социальные нормы. Определенным образом это способствовало и укреплению позиций буддийской *сангхи*.

Новый по своей сути, основанный на власти высших военных и соответствующих новых учреждениях, государственный аппарат все более укреплялся, становился все более централизованным и дисциплинированным по сравнению с насыщенной внутренними войнами второй половиной XVI в., когда управление во владениях Чиней было военным и очень «простым». Он был эффективнее, действовал оперативнее, чем громоздкая бюрократическая машина Ле в XV — начале XVI в. Это в определенной степени подготовило власти Дангнгоая к преодолению кризисной ситуации середины века. После неудачного для Чиней завершения войн с правителями Юга, Нгуенами, в 1672 г. Дангнгоай почти не вел внешних войн. Внутри страны до 1739 г. заметных вооруженных конфликтов также не было, кроме двух кратковременных мятежей и небольших восстаний в горах. Отношения с Цинами были достаточно спокойными, чего нельзя сказать о внутривластном положении в стране, где шла ожесточенная борьба группировок, отражавшая разные подходы к экономическому положению в Дельте, да и во всем Дангнгоае. Особое место занимал вопрос об экономии государственных средств, поскольку налоги с крестьян уменьшались. Разумеется, не все придворные группировки и не все *тьюа* Чинь радели об этом, но стоило сделать шаг в неверном направлении, как расходы росли, налоги увеличить было невозможно, и шаткая стабильность в деревне нарушалась. Так случилось в 30-е годы, когда на смену Чинь Кыонгу пришел психически неуравновешенный, жестокий и расточительный Чинь Зянг. Беспомощность руководства, бессмысленные траты и репрессии, пренебрежение хозяйственными нуждами в иное время могли пройти (и проходили) безнаказанно. Но в Дангнгоае к середине XVIII в. в условиях напряженной внутренней ситуации падение эффективности руководства и изъятие дополнительных средств из деревни привели к кризису, вспыхнули крупные антиправительственные восстания, *тьюа* был смещен его родным братом. Власть оказалась в руках политика-реалиста Чинь Зоаня, но приостановить развитие политического и военного кризиса было уже невозможно, тем более что в стране, разоряемой вооруженной борьбой, начался массовый голод. Восстания становились все грознее.

Крупнейшее восстание в Дельте возглавил Нгуен Хыу Кау, объявивший себя в 1743 г. «великим полководцем, защитником народа». Он забирал рис не только с государственных складов, но и у богачей, раздавая его беднякам. Нгуен Хыу Кау создал достаточно дисциплинированное войско, захватил административный центр одной из основных провинций Дангнгоая, нанес поражение крупным отрядам Чиней. В момент максимального размаха движения его войска подходили к столице. Восемь лет шла война в Дельте, и лишь в 1751 г. войска восставших, вытесненные оттуда, были разбиты в южной провинции Дангнгоая — Нгеане. Одновременно в другой

части Дангнгоая, в предгорных районах к северу от столицы, более чем на десятилетие (1740–1751) закрепились другая антиправительственная коалиция во главе с Нгуен Зань Фьонгом. В эти же годы, особенно в начале 40-х годов, в стране произошел целый ряд менее значительных выступлений. Кроме того, долгое время в горах оборонялись отряды противника Чиней Хоанг Конг Тята (Хынгхоа) и принца Ле Зуи Мата (на границе Тханьхоа и Лаоса), выступавшего под лозунгом возвращения реальной власти династии Поздние Ле.

Всем этим восстаниям власти смогли противопоставить лишь войско, но оно оказалось достаточно боеспособным. К тому же после первых успехов правительственных войск некоторые руководители вооруженных отрядов пошли на соглашение с Чинь Зоанем. Экстренные военно-политические мероприятия Чиней к началу 50-х годов привели к «замирению» основных долинных провинций Дангнгоая. Но подавленное недовольство на местах ждало своего часа. И когда в середине 80-х годов в Дангнгоай с Юга пришла армия Тайшонов, власть Чиней была сметена меньше чем за полгода, уничтоженная скорее изнутри.

Дангчонг в конце XVII — третьей четверти XVIII в.

На Юге положение было иным. Там постепенное расширение владений Нгуенов привело в XVIII в. к включению в состав их владений обширных плодородных, но сравнительно негусто заселенных равнин дельты Меконга. Иной была в Дангчонге и организация правящего слоя, сильнее были военные элементы, формировавшиеся из различных слоев общества, в значительной степени — из верхушки богатого крестьянства. Гражданское чиновничество — носитель бюрократических традиций централизованной империи — было здесь слабее, чем на Севере. Следует отметить большую роль населения приморских городов с развитыми ремеслами и многовековыми традициями каботажной и заморской торговли, а главное — в южной части Дангчонга, Зядини, господствовало частное поместное землевладение, поставлявшее все большее количество риса на рынок. Вообще, рыночные отношения здесь, где слабее была община, были в то время развиты уже сильнее, торговцы пользовались определенной поддержкой властей.

Наконец, в Дангчонге, особенно в его южной части, имелась особая, достаточно массовая категория крестьянства, населяющая приграничные районы и несущая уменьшенные налоги, так как на нее возлагалась защита границ. Она могла быть и порой была источником конфликтов, поскольку по мере расширения границ на юг на этих крестьян начинало распространяться обычное обложение, что вызывало их недовольство (например, в провинциях Куиньон и Фуиен в третьей четверти XVIII в.), но могла быть и опорой власти *тюа* в тех местах, где обложение еще было льготным (провинция Зядинь на крайнем Юге).

Что касается крестьянства в целом, то в нем следует различать две группы, а именно: общинное крестьянство центрального Вьетнама, «старых владений» Нгуенов (хотя община здесь была слабее, чем на Севере) и частновладельческое в большинстве своем крестьянство южного Вьетнама (прежде всего провинция Зядинь) с мощной там тенденцией к росту числа помещиков. Экономическое положение первой группы было значительно хуже, меньше земли приходилось на одного едока, так как свободные земли в центральном Вьетнаме во второй половине XVIII в. близились к исчерпанию.

Внутриполитическое положение Дангчонга на протяжении второй половины XVII и большей части XVIII в. было стабильным. В то же время Нгуены проявляли большую военную и внешнеполитическую активность на Юге, постепенно расширяя свои владения. Были подчинены чамское княжество Пандуранга, земли в дельте Меконга. Нгуены временами пытались наладить и собственные дипломатические отношения с империей Цин, хотя признавали верховную власть в Дайвьете династии Поздние Ле, а тем самым и ее право на осуществление официальных отношений Дайвьета с Цинами. На практике же всякие обращения к Дангчонгу от имени Ле Нгуенами отвергались, как идущие от «узурпаторов Чиней».

Начало XVIII в. на Юге, как и на Севере, было отмечено некоторым усилением аграрной напряженности и соответствующими мерами по укреплению государственного аппарата. Но в целом к середине XVIII в. социальные конфликты в Дангчонге были заметно слабее, чем в Дангнгоае.

Это позволило *тюа* Нгуен Фук Кхоату проводить активную военную политику и исподволь ослаблять даже формальную зависимость от Ле, все более приравнивая свой статус к императорскому. Его политика «возвеличивания» Дангчонга, пышность двора, императорские претензии требовали дополнительных затрат, и *тюа* усилили налогообложение, хотя упорные, но неудачные войны с Камбоджей уже создали определенные экономические трудности. Все это привело в начале 50-х годов к голодовкам и крестьянским выступлениям в «старых владениях», а в среде правящей верхушки вызвало появление группы реформаторов. Последние, в отличие от Дангнгоая, не столько обращались к реформам налогообложения, сколько требовали сокращения

государственных расходов вообще (прежде всего военных) и ратовали за укрепление политической власти помещиков на местах.

Новая вспышка военной активности, потребовавшая новых расходов, имела следствием распространение налогового бремени в полном объеме на южные области в пределах Дангчонга, переставшие быть пограничными после приобретения дельты Меконга (пров. Куиньон и др.), но еще пользовавшиеся налоговыми льготами. Вызванное этим недовольство крестьян оказало свое влияние на ход восстания, с которого началось движение тайшонов, охватившее весь Дайвьет.

Значительную роль сыграла хищническая и неумелая финансовая политика, подорвавшая доверие к деньгам, из-за чего богачи Зядини сократили производство и продажу риса. Поскольку большая его часть предназначалась к отправке в «старые владения», где находились столица и часть войск, северные районы Дангчонга охватил голод.

В определенной степени начало восстания было обусловлено и новой войной с Камбоджей, и возросшей внутренней нестабильностью — следствием ожесточенной борьбы в верхах. В ходе этой борьбы фактическим правителем страны стал регент (евнуч Чыонг Фук Лоан), группа сторонников одного из принцев выступила против него. В этих условиях начало восстания «прошло незамеченным», а когда власти хватились, оно уже достигло значительного размаха.

Движение тайшонов

Восстание началось в 1771 г. в упоминавшейся провинции Куиньон, в Западных горах (Тайшон — «Западная гора», отсюда название восстания). Восставшие изгоняли чиновников Нгуенов, отнимали имущество у служилых и части богачей, делили его между крестьянами. Среди руководителей движения помимо крестьян было немало мелких государственных служащих, купцов, ремесленников. Восстание возглавили три брата: Нгуен Ван Няк — чиновник и откупщик, Нгуен Ван Хуэ — торговец и Нгуен Ван Лы — буддийский монах.

Основными экономическими лозунгами были: уменьшение налогов, перераспределение имущества, уменьшение внутридеревенского гнета. Восставшие требовали передачи власти от Нгуенов к Ле и замены своими людьми нгуеновской администрации. Занятые своими склоками, Нгуены не смогли задуть восстание в самом начале, а когда через три года, почувствовав размах восстания, они бросили против него регулярную армию, Чини решили использовать отвлечение сил Нгуенов на борьбу с тайшонами в своих целях. «Старые владения» были заняты Чинями, не имевшие еще достаточно сил тайшоны формально подчинились династии Ле, получив от нее титулы. Эту передышку тайшоны использовали для успешной борьбы с Нгуенами на юге, в несколько раз расширив подчиненную территорию. В 1778 г. Нгуен Ван Няк объявил себя императором, возникло государство тайшонов.

В это время уже шел процесс феодализации верхов движения, а утверждаемый тайшонскими вождями порядок (например, попытки восстановления в деревне устаревших общинных норм) во многом не соответствовал тенденциям развития деревни. Росли налоги на содержание армии, двора, формирующегося чиновничества, расширялся чиновничий аппарат. Значительная часть руководства тайшонов (в среде которого все больше становилось чиновников прежних династий) постепенно превращалась в типичную бюрократию. Практически с рубежа 70-80-х годов можно говорить о перерождении верхушки движения, о складывании централизованного государства с сильной бюрократической прослойкой и без той политико-административной опоры на помещика, которая отличала Юг на протяжении большей части XVIII–XIX вв. и была исторически обусловленной. Однако крестьяне продолжали играть заметную роль в новом государстве, особенно крестьянство провинции Куиньон, родины движения; их положение было значительно лучше, чем на Севере, у Чиней, но хуже, чем в богатой Зядини. Это обстоятельство сделало Зядинь, где особенно сильны были позиции помещиков, опорой Нгуенов в борьбе с тайшонами, хотя последние не раз занимали и Зядинь.

В 1786 г. армия тайшонов под командованием Нгуен Ван Хуэ выступила на Север, никто не поддержал Чиней, и они были разбиты очень быстро. Власть формально была передана Ле, но фактически находилась в руках Нгуен Ван Хуэ; созданный здесь тайшонами государственный аппарат включил много чиновников Ле и Чиней, чья враждебность движению ослабевала по мере его феодализации. С этого времени фактически страна была объединена тайшонами, поскольку силы Нгуенов на Юге в тот момент были незначительны.

Но вскоре между вождями тайшонов начались личные раздоры, что повлекло за собой разделение страны. Нгуен Ван Хуэ, талантливый полководец, в 1789 г. нанес поражение вторгшимся в страну якобы для поддержки Ле войскам империи Цин и стал правителем Севера.

В центре правил Нгуен Ван Няк. Тяжелая война с агрессором, военные конфликты в центре требовали новых расходов, которые легли на крестьян, поэтому в ряде районов стало проявляться их недовольство. Всем этим воспользовались Нгуены, сохранившие некоторые позиции на Юге. Их лидер,

один из членов династии Нгуенов, Нгуен Фук Ань (храмовое имя — император Нгуен Тхэ-то, вошел в европейские источники и часть современной литературы по названию эры своего правления как «император *Зя-лонг*») пользовался активной поддержкой мелкопоместных феодалов Юга, враждебных тайшоном. Опираясь также на поддержку зядиньского купечества и используя военную помощь французских купцов и миссионеров, активно проникающих в это время в южный и центральный Дайвьет, он смог с 1788 г. перейти к активным действиям. В 1787 г. был подписан Версальский договор, согласно которому король Франции за территориальные и экономические уступки со стороны Нгуен Фук Аня обещал ему военную помощь. Хотя революция во Франции помешала этим планам осуществиться, некоторое количество оружия и наемников было ввезено в страну главой французских миссионеров, епископом Адранским, Пиньо де Бозном.

Реорганизованная и вооруженная современным оружием 150-тысячная армия феодалов Юга начала наступление на ослабленных внутренними распрями тайшонов, уже не пользовавшихся столь широкой поддержкой крестьян, как раньше (за исключением провинций Куиньон и Фуиен). После новых успехов Нгуен Фук Аня изменилось отношение к восстанию части купечества крупных городов, и, наконец, внутренняя политика тайшонов, ориентированная на укрепление общины, все более восстанавливала против них поместных феодалов, которые все решительнее поддерживали Нгуен Фук Аня. В 1792–1802 гг. его войска постепенно занимают сначала юг центрального Вьетнама, потом «старые владения», затем провинцию Куиньон, родину движения. Север, куда тайшоны пришли уже после образования своего феодального государства, был завоеван Нгуен Фук Анем в течение нескольких месяцев. В 1802 г. Нгуен Фук Ань стал полновластным правителем Вьетнама, объединенного теперь уже не восставшими крестьянами, а феодалами.

Империя Нгуенов

Восстание тайшонов, практически объединивших страну, дало возможность для решения одной из основных проблем вьетнамского общества — проблемы перенаселения Севера, создав условия для движения крестьян на юг, а риса — на север. Но плоды объединения достались победившим феодалам — помещикам Юга, представлявшим оптимальный для позднефеодального Вьетнама тип феодального хозяйства — мелкое наследственное владение внутри ослабленной общины.

Отныне рис Зядини, производство которого выросло в несколько раз в конце XVIII — начале XIX в., стал кормить армию, расположенную теперь прежде всего в центральном Вьетнаме, и находящуюся там же столицу — г. Хуэ, двор и центральный государственный аппарат. Крестьяне Севера оказались избавлены от необходимости содержать отмененные дворы и ведомства Чиней и Ле в старой северной столице, Тханглонге (Ханое), резко сократилось и число войск на Севере. Это несколько ослабило остроту продовольственного положения в деревнях Дельты, тем более что необходимый дополнительный рис Нгуены стремились получать в богатой и «благонадежной» Зядини, а не на голодном и недавно ставшем нгуеновским Севере (соответственно отпало и препятствие в виде государственной границы для переселения на Юг). Характерно, что в ходе восстания уцелело, выжило лишь то, что отвечало потребностям уже позднефеодального вьетнамского общества, где ведущей фигурой в деревне, особенно на Юге, окончательно становится помещик. Под ударами восставших рухнуло многое из архаичных устоев старого Дайвьета (с 1804 г. страна стала называться Вьетнам); роль и численность восточнофеодального чиновничества заметно упали, тем более что феодальный характер его все более трансформировался по мере перевода все новых категорий на жалованье. Практически все представители этого слоя стали платными чиновниками позднефеодального абсолютистского государства Нгуенов. Установление «законной» власти помещиков в общине, хотя и не привело к личной зависимости от них большинства общинников, знаменовало собой упадок общинного землевладения (но не общинных отношений вообще). Преобладание на Севере и Юге частного, хотя и разного по форме, крестьянского землевладения создало то, что применительно к Вьетнаму называется поздним феодализмом.

Оформление соответствующих новых отношений происходило в условиях крупных социальных потрясений. Очень важно, что велось оно силами той части класса феодалов, которая по своей природе для этого более всего подходила, — военной прослойки. Реакция на новое была для нее облегчена как ее социальным происхождением, в среднем более низким, так и ее обычными функциями в обществе. По социальному происхождению это были прежде всего мелкие и средние феодалы, в основном с крайнего Юга, где новые для всего вьетнамского общества тенденции в те времена реализовались раньше; они инстинктивно способствовали победе таких тенденций на Севере и в Центре. Их обычные функции, военные, требовали относительно простой структуры взаимоотношений, быстрой и практической реакции на события; в неустойчивой ситуации начала века это было очень важно. И наконец, это было поколение, прошедшее длительную войну, в ходе которой наверху оказались наиболее энергичные и способные представители этого слоя.

Не обладая развернутой заранее разработанной программой реформ, Нгуен Тхэ-то и его окружение в ходе повседневной практической деятельности по укреплению государственной машины новой династии (новой для Севера, но имевшей 250-летние традиции в Дангчонге) в условиях позднефеодального общества провели в жизнь одно за другим ряд мероприятий, в итоге во многом оформивших изменившийся облик страны. Хотя строить на месте, «выровненном» тайшонами, было сравнительно легко, реалистические тенденции помещиков Юга не были единственными во вьетнамском обществе. Традиции восточнофеодального управления с опорой на конфуцианские догматы и гражданскую администрацию еще были живы и на Севере, да и у некоторых придворных и даже полководцев Нгуенов.

Чем прочнее было экономическое и политическое положение в стране, тем сильнее становились архаическое «дипломированное» гражданское чиновничество, носитель традиций управления, и его идеология. В 20-е годы при поддержке нового императора, Нгуен Тхань-то (эра правления *Минь-манг*, 1820–1840), это чиновничество, отгнав военных, провело ряд консервативных мероприятий, стремясь превратить Вьетнам в образцовую конфуцианскую страну. Но этап развитого феодализма во Вьетнаме, для которого было характерно преобладание ренты-налога с юридически свободных общинников, которую всевластное государство перераспределяло прежде всего среди феодального чиновничества с его условным землевладением, завершился. Ушло в прошлое и соответствующее ему преобладание публично-правовых отношений, когда государство энергично вмешивалось в социальные и экономические отношения в деревне. В позднефеодальном Вьетнаме реальная власть внизу теперь оказалась прежде всего у мелких частных землевладельцев-помещиков, отношения которых с крестьянами носили все более частный характер. Они уже имели социальный статус, отличающий их от свободных крестьян, имели рычаги политической власти на местах, во многом связанные с военными родами и клановыми группами. Тем не менее в 20–30-е годы дело дошло до попыток восстановить архаичные отношения в деревне; чтобы увеличить доходы своих чиновников, двор посягнул на частные земельные владения помещиков. Хотя после первых результатов такой политики, крайне негативных (суды, конфликты, падение доходов), беспочвенность реакционной утопии Нгуен Тхань-то стала очевидной даже верхам, инерция двора и авторитет *вуа* были таковы, что отказа от консервативной политики при нем не произошло. Верхи феодального Вьетнама подошли к середине XIX в. раздираемые жестокой борьбой сторонников архаичных (понимание общины как единой) и новых (признание наличия в ней помещика) форм организации феодального общества. Эти конфликты обострились на фоне заметно ухудшившегося (в результате бессмысленных престижных трат и бессмысленных войн) экономического положения, особенно на Севере.

Время «реалистов»

Первые два десятилетия XIX в. заняло становление позднефеодальной монархии Нгуенов, шедшее в рамках «реалистической» политики, чему способствовал, видимо, и еще сохранившийся страх перед крестьянским восстанием. Но уже и тогда «консерваторы», опиравшиеся на чиновничество Севера и близкие ему дворцовые круги, главой которых был крупный военный и политический деятель Нгуен Ван Тхань, пытались ей противостоять. Лидером «реалистов» был сам Нгуен Тхэ-то; то, что его политика в большей степени соответствовала новой, поздней стадии феодализма, чем политика его преемников, подтверждается существенно меньшим в его время числом крестьянских выступлений. Во многом этому способствовало то, что Зядинь к началу XIX в. стала житницей страны, откуда рис вывозился в огромном количестве, а крестьянству Севера Нгуен Тхэ-то сделал ряд налоговых послаблений.

В государственном устройстве в то время строго проводился принцип использования военачальников и военных методов (армию Нгуен Тхэ-то отличала суровая дисциплина) на высших уровнях, а низшего командного состава и местных помещиков — в средних и низших звеньях гражданской администрации. Значительную часть персонала составляли зядиньцы, лично преданные Нгуен Тхэ-то и Нгуенам вообще. Гражданское же чиновничество к 1818 г. было переведено на денежное жалованье, что подорвало его позиции как части класса феодалов (поскольку жалованье заменило условное землевладение) и сделало более зависимым от центральной власти. Это стало возможным в условиях значительного расширения рыночного обращения и ряда поощрительных мер по дальнейшему увеличению производства товарного риса в Зядини, откуда его везли в Центр, на Север, за границу. Хозяйство стало менее натуральным, рис за деньги можно было купить везде и в нужном количестве.

Что касается социально-экономической политики Нгуенов в северном Вьетнаме, где крепки были корни феодально-бюрократической системы, то она постепенно возрождалась, выдвигая своих лидеров и программы. Примечательно, что процесс этот шел скорее снизу, чем сверху, а точнее — из «среднего звена». В окружении Нгуен Тхэ-то преобладали полководцы времен войны: Нгуен Ван Чьонг, Нгуен

Ван Нян, Ле Ван Зуэт, Ле Тят, Нгуен Ван Тхань. В годы сражений они почти не ссорились, но после победы разбились на две группы. Император на практике последовательно поддерживал «реалистов». Но сказывалось и то, что чем далее шло восстановление государственного аппарата, тем в большей степени на Севере помещиков (в нижнем звене) и военных (в нижнем и среднем звеньях) сменяли чиновники старого типа, хотя и очень молодые по возрасту. Параллельно, под влиянием этого слоя, лидеры «консерваторов» все более отдалялись от императора.

В целом Нгуены в то время не очень интересовались Севером, укрепляя экономику Юга, социальную структуру и государственный аппарат Центра, где была их столица. Но это помогло «консерваторам» укрепиться на Севере и начать борьбу с южанами в государственном аппарате и в конечном счете с самим Нгуен Тхэ-то. Впрочем, «консервативная» практика администрации Севера, сопровождавшаяся быстрым распространением коррупции, развалом экономики и голодом, была довольно быстро пресечена решительным *вуа*. В 1810 г. править Севером был отправлен один из его ближайших помощников, Ле Тят, из видных «реалистов». Кризис, коренившийся в неприемлемости «консервативной» практики даже для Севера, нашел свое разрешение: начавшиеся восстания были подавлены при участии помещиков, поводов для новых стало меньше. Вскоре лидеры «консервативной» оппозиции были казнены, поскольку начали открытые выступления против *вуа*. При дворе укрепились «реалисты» до главе с Ле Ван Зуетом.

Для первых двух десятилетий XIX в. была характерна опора центральной власти на помещиков и военных с использованием ослабленной гражданской администрации и с учетом интересов городских, прежде всего торговых кругов. Интересам этих слоев и служили административные, экономические, социальные реформы Нгуен Тхэ-то; определенные уступки были сделаны и малоземельному крестьянству Севера. Относительно успешно велась борьба со злоупотреблениями, более дифференцированными стали налоги.

Основным эксплуатируемым населением оставались крестьяне и ремесленники, платившие поземельный и игравший все большую роль подушный налоги, несшие трудовую повинность и обязанные служить в армии. От налогов полностью или частично освобождались владельцы частных земель и чиновники, частичные льготы имели солдаты. Особое внимание в новой империи (Нгуен Тхэ-то в 1802 г. ввел свою эру правления, а в 1806 г. принял императорский титул) уделялось экономическим и политическим правам мелких и средних помещиков. Их налоговые привилегии и земли были соответствующим образом закреплены за ними, а расширение местного самоуправления, подчиненного помещикам, усилило их позиции в управлении так же, как и комплектование из их числа низших звеньев административного аппарата.

Во главе государства стоял император, все дела были сосредоточены в шести министерствах. Министерство чинов занималось назначением и перемещением чиновников, раздачей наград, составлением и редактированием указов. Министерство финансов — поступлением налогов и контролем за уровнем цен. Министерство ритуалов руководило конкурсами, церемониями, награждениями подданных. Военное министерство набирало командный состав, проводило мобилизации, руководило снабжением войск, контролировало внутренний порядок в стране (но не руководило военными действиями). Министерство наказаний следило за выполнением законов, контролировало исполнение судебных решений. Министерство общественных работ организовывало строительство крепостей и общественных зданий, военных кораблей, каналов, набор рабочей силы и закупку строительных материалов. Вся система ведомств контролировалась Палатой цензоров, имевшей свой центральный и местный аппараты. Но полностью гражданской эта система не была, потому что значительную часть кадров персонала поставляли военные. Военные наместники групп провинций (Север, Центр, Юг) сосредоточили в своих руках большую власть.

Страна была разделена на 24 провинции и 4 столичные области, во главе северной, центральной и южной групп провинций стояли наместники. Провинцией правил губернатор, при нем — вице-губернатор, казначей и провинциальный судья, далее шли начальники уездов. В волостях и деревнях имелись чиновники, обычно из помещиков и их ставленников.

В конце XVII — начале XIX в. происходил быстрый рост городов, развивались горная промышленность, мануфактуры. Налоги с купцов и предпринимателей занимали второе (после налогов с крестьян) место в государственном бюджете, и их доля непрерывно росла. Купечество при Нгуен Тхэ-то получило новые привилегии, укреплялось самоуправление. Интенсивно росло денежное обращение, формировались элементы внутреннего рынка. Перевод всех чиновников, а вскоре и части членов императорской семьи на денежное жалованье, сбор налогов во все большей степени в денежной форме, проведение государственных работ руками наемных рабочих и из купленных материалов, денежная реформа, унифицировавшая монетное дело, широкие закупки риса в Зядини — все это влияло на рост товарного производства и обмена, чему способствовало расширение найма рабочей силы.

Начало XIX в. — время усиленного строительства дорог, мостов, каналов, портов, крепостей, государственных и частных мастерских и верфей. При участии немногочисленных европейских специалистов, чье влияние всячески ограничивалось, строились крепости, корабли европейского типа,

военные заводы. Огнестрельное оружие, широко применявшееся в армии, в значительной части было собственного производства.

В империи Нгуен Тхэ-то не проводилось политики поощрения какой-либо одной религии, конфуцианцам не отдавалось явного предпочтения перед буддистами, хотя первые были доминирующей силой при дворе, христиане не преследовались.

Внешняя политика в 1802–1820 гг. была подчинена задачам внутренней «устроительной» деятельности, крупных войн не велось. После трудных переговоров Нгуен Тхэ-то добился у Цинов признания своей династии и нового названия страны — Вьетнам (1804 г.). Что касается европейских держав, то договор 1787 г., как не выполненный Францией, считался несостоявшимся, и его условия не подлежали выполнению. С европейскими государствами и купцами поддерживались лишь те отношения, которые были выгодны Нгуенам и были равноправными.

Но в монархическом государстве многое в борьбе политических сил зависело от воли монарха, и когда Нгуен Тхэ-то сменил его сын Нгуен Тхань-то, симпатизировавший «консерваторам», внутренняя политика существенно изменилась. Изменилась, хотя и не в такой степени, и экономическая политика феодального государства.

«Консерваторы» у власти

Реформы и вся политика первых двух десятилетий XIX в. оформляли то новое, к чему вело развитие вьетнамского общества в XVI–XVIII вв. Но это развитие было достаточно противоречивым, в обществе в целом и в двух недавно объединенных частях Вьетнама имелись различные тенденции. Не было единства относительно того, как должно выглядеть «идеальное» государство, и в начале XIX в., когда Вьетнам был независимым, единым, сильным и развитым государством, этот вопрос стал вопросом практической политики.

Дело в том, что создававшееся Нгуен Тхэ-то и его социальной опорой государство не имело своей законченной теоретической модели (хотя и восходило к практике XVI–XVIII вв.); «реалисты» не смогли, а возможно, и не стремились выдвинуть свою целостную теорию государства (в немалой степени, возможно, и потому, что государство у них получалось не вполне конфуцианское). Единственной официальной моделью оставалась китайская, хотя и не в виде цинского Китая, а в виде Дайвьета второй половины XV в., т. е. последнего периода целостного вьетского государства перед его разделом, во время относительного процветания, внешнеполитических успехов и укрепления конфуцианства. Мнение о Дайвьете «эры *Хонг-дык*» (1470–1497) как о «золотом» веке, сформулированное в труде выдающегося конфуцианского мыслителя Вьетнама начала XIX в. Фан Хуи Тю, стало господствующим, и прежде всего его придерживался сам Нгуен Тхань-то.

Естественно, «консервативная» политика не была следствием только личных пристрастий императора. Мысль о том, что настоящее процветающее государство должно основываться на господстве централизованной администрации вверху и на крепкой общине внизу, всегда существовала в феодальном вьетнамском обществе, но ее носители, особенно в Дангчонге, были слабее военных родов, определявших политику XVI–XVIII вв. Теперь же наступил, как казалось многим, момент для реализации этой модели, за что «консерваторы» боролись еще при Нгуен Тхэ-то.

В 1820 г. Нгуен Тхань-то энергично приступил к реализации этой концепции. Он начал, как ему казалось, новую эру в жизни страны, символом чего стало переименование страны в Дайнам («Великий Юг», что, кстати, означало официальное противопоставление «Северу», т. е. Китаю) в 1820 г. Хотя Нгуен Тхань-то был деятельным правителем, реализация его реакционной утопической программы шла с большим трудом, так как, во-первых, социально-экономические устои Вьетнама оказались несколько иными, чем ему казалось, во-вторых, политики-«реалисты» были очень сильны и в военном, и в гражданском аппарате, особенно среди высших сановников Севера и на Юге. При этом практическая деятельность двора, завершаясь неудачами, все более подтверждала их правоту.

Надо учитывать и то, что лишь в 1826 г. Нгуен Тхань-то удалось распространить свою реальную власть на Север страны. На Юге, в Зядини, это произошло еще позже, за пять лет до его смерти — в 1836 г. Практически реакционные начинания императора долгое время ограничивались одним Центром. Самым крупным и принципиальным из них был так называемый «биньдиньский эксперимент», когда в провинции Биньдинь была предпринята попытка резко ограничить частное (помещичье) землевладение в пользу казенного (общинного). Эксперимент полностью провалился, его единственным результатом было недовольство в провинции политикой центра и сокращение доходов. До самого конца существования независимого феодального Вьетнама более таких попыток не предпринималось.

Согласно программе преобразований, тупой чиновничьей регламентации подверглись сельское хозяйство, ремесла, горная промышленность, торговля и, что оказалось особенно опасным, военное дело. Основным в государстве становились министерства чинов и ритуалов. Больше всего императора интересовал облик его чиновников, а не дела государства, которые, как он считал, при достаточно высокой морали чиновников сами собой должны были идти хорошо.

В борьбе за конфуцианский моральный облик гражданский государственный аппарат, поставленный выше военных, был в значительной степени очищен от эффективно работавших чиновников «старой формации», тем более что действительность все дальше уходила от конфуцианских идеалов, а большинство практиков эпохи Нгуен Тхэ-то принадлежали к «реалистам». Сравнительно быстрое очищение от них двора в ходе массовых увольнений первых лет правления нового императора привело к скорому отрыву столицы от провинций и, как следствие, снизило эффективность руководства.

Войско быстро теряло боеспособность — отказ от «феодалной модернизации» и европеизации, падение роли огнестрельного оружия были явно вредны. К военным, основной опоре Нгуен Тхэ-то, его преемник вообще относился неприязненно. Торговля, в том числе внешняя торговля рисом, городские промыслы под бдительным контролем чиновников Нгуен Тхань-то явно шли к упадку, финансы были подорваны рядом реакционных мер и огромными непроизводительными расходами. Борьба с частным землевладением и конфронтация с Зядинью, откуда поступал рис для столицы, армии и экспорта, уменьшили количество товарного риса, соответственно возросла роль налогов с крестьян остальной части страны.

Начался голод, и вспыхнули затяжные крестьянские восстания. Не имея сил и желания для решения хозяйственных проблем Севера, двор развернул войну с «реалистами» на Юге (1833–1835), предпринял (1834 г.) неудачное вторжение в Камбоджу, дорого обошедшееся Дайнаму; одновременно продолжалось развернутое в столице престижное дворцовое строительство — все это существенно подорвало экономику страны. К концу 30-х годов о процветании говорить уже не приходилось, протесты «реалистов» звучали уже и при дворе. Есть основания полагать, что и сам император перед смертью понял многие из своих ошибок. Но столичное чиновничество и близкая к нему часть гражданской администрации на местах, обладая основными рычагами власти, не собирались сдавать позиции «реалистам», военные оставались на втором плане, провинциальное чиновничество было разъединено. Внутри класса феодалов, ранее сплотившегося в борьбе с тайшонами, шла все более упорная борьба.

Вьетнам в 40–50-е годы XIX в.

Регентский совет при императоре Нгуен Хиеу-то (эра *Тхуеу-чи*, 1841–1847) и император Нгуен Зык-тонг (эра *Ты-дык*, 1848–1883) не имели своей четкой позиции в борьбе двух тенденций. К середине XIX в. внутренняя обстановка в стране характеризуется состоянием экономической нестабильности, недоверием двора к Югу, безразличия к Северу, хотя там ширились крестьянские восстания, упорной борьбой «реалистов» и «консерваторов» в верхах. Причем явно ослабела власть императора в столице, а провинции порой просто переставали сообщать в центр о положении дел. «Гиперцентрализация» эры *Минь-манг* развалила государственный аппарат, противопоставив чиновничество помещикам; последствия этого изживались медленно, тем более что обстановка на Севере осложнялась подъемом крестьянского движения. Объективно все больше в практических делах в центре и на местах наблюдался процесс возврата к «реалистической» политике. Так, уже в 40-е годы прослеживаются отказ от опоры на общину и от борьбы с помещиком, некоторое возрождение торговли и ремесел, частичное восстановление финансов. В 1849 г. «реалисты» получили равное с «консерваторами» влияние на дела государства.

Император Нгуен Зык-тонг склонялся более к «реалистам», и первая половина 50-х годов на Севере, где они руководили, прошла под знаком возобновления курса Нгуен Тхэ-то. В этой малоземельной и голодной части страны они продолжали курс на укрепление помещика в деревне (отмена переделов и проч.), уменьшение числа гражданских «ранговых» чиновников. Но «консерваторы» сопротивлялись, в частности, продолжался развал армии; «не любя» Зядинь, родину «реалистов», придворные тормозили усилия по военному укреплению юга страны в условиях активизации европейцев в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. В целом курс на восстановление «реалистической» политики был слишком неуверенным, все делалось медленно, а история оставила Нгуенам уже мало времени. Ослабление экономических связей Юга с Центром и Севером заставляло изыскивать часть риса «на месте», что привело к обострению классово-сословной борьбы, особенно на Севере. В то же время ослабленный и разделенный на группировки чиновничий аппарат не мог вовремя реагировать на вспышки недовольства. В результате параллельно с усложняющейся внешнеполитической обстановкой заметно нарушилась внутренняя стабильность. «Консервативная» политика Нгуен Тхань-то привела к росту числа крестьянских восстаний, многие из них уже в 20-е годы приняли массовый характер (восстание Фам Ба Ваня).

Политический кризис начался в середине 50-х годов, когда уход из жизни лидеров «реалистов» подорвал баланс власти в верхах, а продолжавшиеся колебания двора и неэффективность экономической политики продолжали питать недовольство крестьян Севера. В 1854 г. там началось

новое крупное восстание крестьян под руководством Као Ба Куата, восставшие пытались захватить Ханой. В условиях, когда обстановка на Севере все более становилась проблемой не только экономической, но и военной, двор по-прежнему не доверял Югу, да и провинциям вообще. Богатая и сильная страна к концу 50-х годов вошла в полосу экономических и социальных трудностей.

Хатиен (Хэцзянь) — Сингапур XVIII в. (к истории первого китайского города-государства в Юго-Восточной Азии)¹

1. Появление в 60-х годах XVII в. в Юго-Восточной Азии больших групп беженцев из захваченного маньчжурами Китая, преимущественно выходцев из провинций Фуцзянь и Гуандун, явилось новым элементом в системе межгосударственных отношений, сложившихся к этому времени в данном регионе. Вооруженные и довольно хорошо организованные китайцы, причем не только ремесленники и торговцы, представляли собой силу, с которой приходилось считаться и Дайвьету, и Камбодже. Обладая достаточной мощью для уничтожения пришельцев, оба государства были заняты своими собственными военными проблемами, поэтому китайским эмигрантам было разрешено поселиться на малонаселенных землях в районе дельты Меконга, принадлежащих Камбодже (область Пеам — на правом берегу Дельты) или пограничных с владениями Нгуенов в южном Дайвьете (Прейкор, вьет. Сайгон — на левом).

Левобережные владения в течение второй половины XVII — начале XVIII в. постепенно вошли в состав Дайвьета, а на правом берегу китайским поселенцам, изгнавшим отсюда пиратов, удалось создать область Хатиен (Пеам). Вначале это была камбоджийская провинция, а затем правивший здесь китайский род Ма (вьет. Мак) образовал небольшое самостоятельное государство, которое находилось в вассальной зависимости то по отношению к Камбодже, то к Дангчонгу (владениям Нгуенов), то к обоим этим государствам одновременно.

Политическая история Хатиена, его экономическое и культурное развитие дают ряд интересных сходств с короткой пока историей Сингапура, и в этом плане они представляют определенный интерес для исследователей прошлого и настоящего этого молодого государства Юго-Восточной Азии.

2. Возникнув как кхмеро-китайское государство, Хатиен некоторое время расширялся за счет кхмерских земель, потом Камбоджа его разделила, вернув себе часть кхмерской земли. В оставшейся небольшой части Хатиена преобладало китайское и растущее вьетнамское население.

3. Находясь в состоянии перманентного конфликта с Камбоджей, Хатиен все более ориентировался на культурно близкий, хотя непосредственно не соприкасавшийся с ним Дайвьет.

4. Внешняя политика Хатиена отличалась гибкостью и характеризовалась его стремлением создать систему союзов в рамках Сиама, Камбоджи, Дайвьета и Хатиена (к Цинской империи Хатиен никогда не апеллировал). Будучи небольшим государством, Хатиен имел хорошо обученную и довольно многочисленную армию, а также флот, однако для самостоятельных войн этого было недостаточно.

5. В экономическом отношении Хатиен явил пример бурного развития; вскоре после изгнания пиратов он стал перевалочным пунктом для торговых судов всех стран, торговавших в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, вплоть до Японии. Не имея собственных экспортных продуктов, Хатиен вскоре превратился в морские ворота Камбоджи и Дангчонга, где правила тогда династия Нгуенов.

6. В своей торговле Хатиен во многом ориентировался на европейских торговцев; китайцы советовали Нгуенам развивать торговлю с Западом, и Нгуены пошли на это. Купцы Хатиена получали субсидии от Нгуенов для ведения далекой заморской торговли, рекомендовали Нгуенам товары для закупки, организовывали экспорт вьетнамских тканей и т. п.

7. В Хатиене очень быстро развивались ремесла, в первую очередь связанные с мореходством и торговлей (судостроение и сопутствующие производства, литье монеты и проч.). Но крупных собственных производств там не было. Большое внимание правители Хатиена уделяли организации приморских торговых пунктов, наведению и поддержанию порядка в них. Эта деятельность лишь позднее попала под контроль вьетнамских властей.

8. В культурном отношении Хатиен был гораздо менее самостоятелен. Несмотря на приглашение конфуцианцев из Фуцзяни, некогда прочные связи с родиной постепенно ослабевали, а влияние синкретической культуры образованных слоев Дангчонга усиливалось. Богатая культура Хатиена всегда носила смешанный характер, постепенно сливаясь с вьетнамской.

9. Оформившись как практически самостоятельное государство, Хатиен был таковым лишь до тех пор, пока обстановка в Юго-Восточной Азии была относительно стабильной. Попытавшись в середине XVIII в. проводить самостоятельную внешнюю политику, Хатиен вступил в прямой конфликт с

---

¹ Впервые опубликовано [Деопик Д.В. 1976].

Сиамом. В 1771 г. сиамские войска под командованием Пья Таксина захватили и полностью разорили Хатиен.

10. После 1771 г. Хатиен быстро пришел в упадок. Несмотря на то что Нгуены вернули туда род Ма и восстановили прежде существовавшие там порядки, возродиться государство не смогло (современная провинция Вьетнама Хатиен — сравнительно мало развитый аграрный район с резким преобладанием вьетнамского населения).

11. Основную роль в падении Хатиена сыграл, на наш взгляд, не столько военный разгром, сколько процветание под властью вьетнамского государства левобережных поселений гуандунцев (совр. Тьолон). Именно туда перешли торговля и, видимо, часть населения Хатиена. Исторически более перспективным оказалось существование китайской общины под властью сильного вьетнамского государства, чем попытка создания собственной государственности.

Библиография

Деопик Д.В. 1976. — *Деопик Д.В.* Ха-тиен (Хэцзянь) — Сингапур XVIII века (К истории первого китайского города-государства в Юго-Восточной Азии). — Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. I. М., 1976, с. 207–209.

Социально-политическое устройство вьетнамского общества в первой половине XIX в.¹

Восстание тайшонов вскрыло основные противоречия, характерные для второго этапа развитого феодализма во Вьетнаме, и открыло путь к вызреванию предпосылок для поздних феодальных отношений при династии Нгуенов.

Быстрыми темпами шли социально-экономические процессы, связанные с ослаблением общинной организации, ростом поместного землевладения, упадком условного чиновничьего землевладения, с развитием рынка, ремесел и городов. Для понимания социальной роли зажиточной внутриобщинной прослойки и ее места во вьетнамской деревне необходимо учитывать, что эта социальная прослойка формировалась в основном из богатых крестьян той же деревни; государственными чиновниками могли стать как они сами, так и их дети, причем чаще всего только номинально. Отсюда и тесная связь местного чиновника с деревней. Но рамки старых социальных отношений, когда экономическая и политическая власть находилась в руках служилых слоев, а деревенское и городское население рассматривалось как имущественно и социально нерасчлененная совокупность свободных (народ), сковывали вьетнамское общество до конца XVIII в. Двойная эксплуатация, со стороны чиновников-землевладельцев и со стороны поместных землевладельцев, явилась отражением в экономической сфере этого противоречия между содержанием и формой, что и вызвало движение тайшонов, разрешившее частично указанное противоречие.

Частные поместные землевладельцы становятся основной социальной прослойкой правящего слоя, в то время как чиновничество постепенно занимает то место, которое принадлежало ему в большинстве позднефеодальных государств, особенно абсолютистских (во Вьетнаме XIX в. имелся ряд черт абсолютизма), — обладающего высоким престижем сословия платных служащих, из которых лишь часть была одновременно и землевладельцами [Дайнам тхыкрук: т. 9, 85, 89]. При этом те из них, кто являлись помещиками, частью становились таковыми при рождении, частью стали ими в результате накопления богатств в процессе служения в государственном аппарате.

Продолжавшиеся с XVII–XVIII вв. распад общины и размывание ее средних слоев привели, с одной стороны, к выделению массовой прослойки неслужилых мелких землевладельцев, а с другой — к разделению крестьян на средний слой полноправных общинников и низший слой, состоявший из неполноправных общинников (пришлых бедняков с ограниченными правами, частью — без земли) [Дайнам тхыкрук: т. 23, 111–112]. Прочие группы, в том числе близкие к лично зависимым категориям, стали немногочисленны.

Общинный механизм уравнительного землепользования постепенно прекращал свое действие [Дайнам тхыкрук: т. 23, 107–108]. Деревня практически превратилась в совокупность мелких помещиков и крестьян-аллодистов (наследственных владельцев мелких участков); к середине XIX в. использование остаточных общинных институтов даже для фискальных целей становилось затруднительно. В разных частях страны соотношение этих социальных групп в деревне было различно, но особенно сильно расслоение ощущалось на севере.

Соответственно изменилась и система эксплуатации. Роль ренты-налога быстро падала, объем ее уменьшался пропорционально уменьшению доли общих полей (*конгдиен*) в пользу частных (*тыдиен*) [Дайнам тхыкрук: т. 21, 260], все большее число крестьян оказывалось в прямой зависимости от помещика. Соответственно уменьшались, особенно на севере, суммы собираемых государственных налогов и возможность содержать за их счет дипломированных чиновников и солдат. Необходимо помнить, что объем собираемых налогов был много меньше того, что должно было быть собрано по налоговым ведомостям, так как частичная отмена и сокращение налогов стали в XIX в. частым явлением. Число дипломированных чиновников в XIX в. сокращалось, их функции в значительной мере перешли к *лайзитям* — местным недипломированным чиновникам: старосте деревни, помощнику начальника района-*тонга* и др., из которых практически все являлись землевладельцами [Дайнам тхыкрук: т. 9, 85, 99]. Таким образом, административная власть на местах все больше переходила сначала на практике, а затем и юридически к помещикам. Изменилась и форма участия дипломированных чиновников в получении доходов от эксплуатации. Подавляющее большинство в

---

¹ Впервые опубликовано как часть 1-й гл. разд. III коллективной моногр.: Новая история Вьетнама. М., 1980, с. 187–199.

течение первой половины XIX в. было переведено на денежное (порой частично рисовое) жалованье [Дайнам тхыклук: т. 21, 263–265], в основном выплачиваемое за счет доходов, получаемых с юга. Даже вопрос о небольших участках под дома для чиновников и членов их семей был предметом обсуждения в тех редких случаях, если чиновник или его семья не имели частных земель в своей родной общине [Дайнам тхыклук: т. 22, 160–161].

Что же подготовило этот процесс превращения служилых землевладельцев в сословие платных чиновников? В первую очередь изменение условий в деревне, где значительная часть земли теперь принадлежала помещикам, а не крестьянам. Величина обложения налогами этой категории была фактически, а частью и формально ниже, чем для свободных крестьян, а это означало появление на рынке больших масс товарного риса. Потребителями его стали в первую очередь дипломированные чиновники, переведенная на жалованье армия и жители быстро растущих городов. Для служилой землевладельческой знати, число которой на местах сокращалось, хватало сумм уменьшающегося (относительно) налогообложения, причем жалованье все чаще получали деньгами и на них уже покупали рис и другие продукты, ранее шедшие чиновникам с их служилых земель. Структура эксплуатации изменилась, роль рынка резко возросла.

Развитие денежных отношений, резкое увеличение торговли товарами первой необходимости, прежде всего рисом, составляют одну из характерных особенностей XIX в. Росло число торговых пунктов, увеличивался объем торговли, изменялся ее механизм, возросла дальность и регулярность торговых перевозок и т. д. Торговцы стали заметной частью вьетнамского общества, а откуп налогов, таможенных сборов и рудников — распространенным явлением. Эта социальная группа получила определенные права, у нее были свои защитники даже при дворе. Да иначе и быть не могло в условиях, когда без регулярного массового торгового обмена многие важные области страны просто не могли существовать (подвоз риса с юга, продуктов горнорудной промышленности с севера и т. д.). Торговцы часто вели борьбу в защиту своих экономических интересов и прав и нередко ее выигрывали. Определенные позиции в торговле и промышленности занимали ведавшие рядом отраслей «экономические» чиновники, получавшие часть доходов.

Изменилось и положение частных промышленников. Слово «ремесленник», по традиции применявшееся ко всем лицам, связанным с несельскохозяйственным производством, объединяло не только цеховых и наемных рабочих, но и хозяев рудников, ткацких мануфактур и владельцев больших верфей, оружейных мастерских, даже монетных дворов. И, что наиболее примечательно, городское торгово-ремесленное население уже рассматривалось чиновниками и императорской властью как группа, отличная от других слоев общества.

Основную массу населения деревни составляли малоземельные и безземельные крестьяне, работавшие целиком или частично на земле помещика; многие из них были юридически неполноправными: они платили налог (подушный налог) государству и ренту землевладельцу.

Значительную группу составляли юридически полноправные крестьяне, ведущие собственное хозяйство на наследственных участках земли (как общинных, так и частных) и объединенные в некоторой степени общинными институтами [Дайнам тхыклук: т. 3, 111–112]. Они давали основную массу ренты-налога. Имелись общины, целиком платившие на «законном» основании ренту-налог крупному титулованному чиновнику или помещику (во втором случае такие деревни укрывали от государственного обложения).

В горных районах существовали более ранние формы феодальных отношений: горцы были обязаны платить налоги натурой и своим вождям, и государству.

Основная масса вьетнамских землевладельцев — это мелкие помещики, обладавшие наследственными частными землями, как правило небольшими и часто разбросанными в разных местах (кроме созданных помещиками деревень на юге). Часть из них обрабатывалась семьей, часть — зависимыми от владельца крестьянами. «Богач» (*тхохао*) не считался владельцем этих крестьян, но экономическая зависимость работников позволяла применять любые формы эксплуатации. Хозяин платил со своих земель небольшой (хотя порой и формально равный крестьянскому) налог государству (если не относился к сословию чиновников). Экономическая и административная власть помещиков в деревне была велика, поскольку общинная администрация и аппарат многочисленных недипломированных помощников управляющего уездом состояли из них. Эта власть все более усиливалась: источники полны упоминаний о засилье помещиков в деревне, об их уклонении от уплаты налогов и регистрации своих земель.

На протяжении XIX в. чиновничество несколько раз пыталось частично восстановить свои позиции в экономической жизни деревни путем ограничений поместного и частного землевладения, но все эти попытки оказались тщетны как потому, что помещиками являлись сами чиновники, так и потому, что не могло быть и речи о последовательной борьбе центральной власти со своей основной социальной базой (все императоры отвергли решительные меры против помещиков). Именно они все более превращались в военную опору государства, самостоятельно подавляя порой даже средние по масштабам крестьянские выступления [Дайнам тхыклук: т. 3, 392]. Прямые отношения помещиков и крестьян, не опосредованные государством, все более становились основой деревенской жизни.

Положение же прослойки бюрократии в XIX в. стало иным, чем прежде. Ее количество уменьшилось, и она утратила в пользу помещиков значительную часть функций (даже часть рангов иерархии, правда низших), в том числе важнейшую — непосредственный контроль над крестьянским землевладением в деревне (по мере уменьшения числа общих земель). Из ее ведения постепенно выходили все деревенские дела и часть полицейских функций, и существовала она в основном уже за счет централизованно распределяемого денежно-рисового жалованья. Изменялась и структура этой прослойки: в ней усилились военные элементы и недипломированные гражданские чиновники. Определенную роль сыграло и то, что военные кадры составлялись в начале века из представителей центра и юга, где гражданская администрация была малочисленнее и слабее. В создаваемой Нгуенами администрации утратило четкость характерное для XVII–XVIII вв. разделение ее на гражданскую и военную; слияние военной и гражданской администрации проходило в начале XIX в. при преобладании военных и их методов управления.

Ослабевала идеологическая база чиновничества — конфуцианство: хотя отдельные императоры пытались ее восстановить, прежнего положения достигнуть не удалось и в середине века снова усилилось влияние буддизма. Необходимо учитывать, что администрация формировалась в своей основе в эру правления *Зя-лонг* (1802–1820) из жителей бывшего Дангчонга, притом военных, т. е. той прослойки, которая традиционно противостояла гражданской бюрократии бывшего Дангнгоая [Дайнам тхыкрук: т. 3, 43]. До 1820 г. эта группа господствовала и до 30-х годов сохраняла очень важные позиции на севере и юге. Да и впоследствии ее влияние в духовной жизни невозможно игнорировать.

Такие прослойки, как буддийские монахи и конфуцианские ученые, сохранились, но их имущество было незначительным применительно к каждому отдельному представителю и не очень большим суммарно (имеются в виду земельные владения). Вьетнамское государство XIX в. отличается определенной светскостью, так как попытки утвердить преобладающее влияние конфуцианства, во-первых, были непоследовательны, а во-вторых, начались много позднее оформления государства Нгуенов. Импульс религиозного индифферентизма, данный Нгуен Тхэ-то, так и не был преодолен даже в столице к началу французского колониального проникновения.

Вопрос о социальной структуре вьетнамского города исследован еще далеко не полностью, но налицо бурное развитие рынка, резкий рост торговли предметами широкого потребления, интенсивное развитие денежного хозяйства. Объединение страны и уничтожение тайшонами обветшалых рамок феодально-бюрократического государства создали возможность для немедленной реализации давно назревавшего принципа взаимной дополнительности в экономике (рисовый юг — горнодобывающий север). Распад общины и интенсивное перемещение избыточной рабочей силы, появление производства товарного риса, широчайшее распространение наемного труда и денег — все это способствовало быстрому развитию и оформлению предбуржуазных и предпролетарских слоев города. В XIX в. происходило массовое выселение ремесленников в города, прежде всего в столицу. При этом процесс зачастую шел добровольно и поощрялся государством. В результате традиционные цеховые связи постепенно рушились, в новых условиях большое число ремесленников (кроме части приписанных к крупным государственным мастерским, верфям) становились людьми наемного труда. Ремесленники в сельскохозяйственных деревнях (кузнец, ткач, гончар и т. п.) были традиционно относительно слабы, ремесленные же кварталы-*фыонги*, особенно образующие самостоятельные ремесленные поселения, постепенно утрачивали элементы общинно-цеховой спайки. Росла металлургия и металлообработка, особенно железа, практически все необходимые стране орудия производства и оружие вырабатывались в ее пределах. Все это дает основание считать, что увеличивалось число лиц, занимавшихся наемным трудом. Наемные рабочие городов и шахтеры боролись за свои права (бегство, медленные темпы работы), порой добиваясь увеличения заработной платы. Они участвовали в восстаниях в Ханое, в обороне восставшего Зядиня (Сайгона) от императорских войск, в шахтерских восстаниях.

В городе четко оформились крупные торговцы-предприниматели, которые не только ворочали огромными суммами в рамках своих торговых предприятий, но и брали на откуп налоги, таможенные сборы, рудники, владели флотилиями и торговыми караванами и т. п. Это говорит как об увеличении возможностей первоначального накопления, так и о том, что оно началось и уже прошло значительный путь: большие запасы денег у торговцев и промышленников уже появились, и они пускали их в торговый и промышленный оборот (хотя продолжало оставаться распространенным и вложение их в земельную собственность). Мало того, торговая верхушка организованно выступила против попыток дискриминации крупных торговцев, а порой проваливала соответствующие начинания властей, используя своих сторонников в правительстве и на местах.

В целом процесс развития промышленности шел медленнее, чем развитие торговли; позиции государственных предприятий были еще сильны, а предубеждение против частного предпринимателя глубже, чем предубеждение против частной торговли. Впрочем, последнюю также постоянно стремились обложить возможно более высокими налогами и максимально регламентировать.

Таков был социальный строй вьетнамского общества в первой половине XIX в.

При характеристике социальной структуры XIX в. можно указать на две тенденции; их борьба определяла, в частности, экономическую и социальную политику двора Нгуенов, его реакцию на развитие общественных процессов в стране.

Первая из них сводилась к стремлению правящей верхушки всеми возможными способами укрепить свое положение в стране, в недавнем прошлом полностью охваченной внутренними и внешними войнами. Опыт тяжелой борьбы с тайшонами показал окружению Нгуен Тхэ-то, в основном состоявшему из военных, что необходимы как временные уступки крестьянам и городским низам, так и прочная опора на помещиков. Появилась необходимость в гибком маневрировании, учете в первую очередь реальностей экономической и социальной обстановки. Те или иные устаревшие концепции усовершенствования государства уже не работали. Немалую роль сыграл и страх перед крестьянами среди лидеров 1800–1810 гг., лично помнивших движение тайшонов. Первая тенденция реализовалась не через продуманную программу реформ, а через «стихийный реализм» осторожности, следовать которому было тем легче потому, что основные кадры того времени из-за принадлежности к военному сословию (в значительной степени к его низам) и происхождения из Дангчонга (владения Нгуенов) были менее связаны с прежним нединамичным гражданским аппаратом и его традициями, чем основная масса гражданских чиновников, особенно на севере. Сложившаяся в годы войны с тайшонами и господствовавшая в 1800–1810 гг., когда были заложены основы социального и государственного устройства империи Нгуенов, эта тенденция действовала и на протяжении большей части 20–30-х годов, поскольку политические деятели этого направления фактически были у власти на большей части страны (Ле Тят — на севере до 1826 г., а Ле Ван Зуэт и его сторонники — на юге до 1833–1835 гг.). Практически вплоть до середины XIX в. носители этой тенденции были влиятельны и многочисленны, особенно в средних звеньях центрального государственного аппарата, в провинциях и в армии. Эта тенденция гибкого управления в гораздо меньшей степени сковывала развитие экономики, чем противостоящая ей консервативная тенденция.

Эта вторая тенденция действовала во вьетнамском обществе с самого начала XIX в. Субъективно ее носители, требовавшие максимального восстановления архаических норм общественной жизни, желавшие, чтобы все было как прежде, рассматривали военную победу группировки Нгуенов как социальную победу, доказавшую адекватность старых норм вьетнамской действительности конца XVIII в. Они отказывались видеть те новые силы и процессы, реальность которых признавали носители первой тенденции. Помимо этого субъективного стремления вернуть «доброе старое время» были и объективные факторы, способствовавшие усилению этой консервативной тенденции. Заключались они в том, что по мере укрепления центральной власти, достигнутого в основном военными методами и с помощью военных кадров, росла необходимость в достаточно разветвленном государственном аппарате. А пути его формирования и деятельности были весьма и весьма традиционными, в то время как опыт 1790–1810 гг. базировался на временных и чрезвычайных мерах и потому не мог стать основой быстрой всеобщей реформы государственного аппарата. Формирование нового типа регулярной гражданской администрации не могло не явиться длительным процессом; лишь часть (хотя и очень важная) возникших в этой связи проблем была решена в период преобладания в верхах первой тенденции путем перевода чиновников на жалованье [Дайнам тхыкрук: т. 4, 341–342]. В результате объективно необходимое быстрое воссоздание гражданских норм повлекло за собой укрепление позиций исторически изжившей себя служилой прослойки — столичного гражданского чиновничества с его тенденцией к восстановлению бюрократической организации всех господствующих социальных групп и восстановлению ренты-налога в пользу государства. Усиление консервативной тенденции шло параллельно не только с воссозданием прослойки ее носителя — высших и средних гражданских чиновников, но и со сменой поколений, с уходом тех, кто помнил тайшонское время, параллельно с затуханием выступлений вьетнамских крестьян в непосредственно послетайшонский период. Укреплялось мнение, что тяжелые времена прошли и «можно все вернуть». Эта тенденция стала преобладать при дворе с начала 20-х, а в стране в целом — с середины 30-х годов XIX в.; она лежала в основе политики правящей верхушки до середины XIX в.

Было бы неверно считать тот или иной период временем полного преобладания какой-либо тенденции или временем их борьбы. Борьба шла все время, и ни одна из тенденций никогда не преобладала полностью. В 1800–1820 гг. в верхах имела активная оппозиция консерваторов, частично подавленная лишь к 1816 г. [Дайнам тхыкрук: т. 4, 319–321]; в 1820–1830 гг. при дворе линия «консерваторов» стала преобладать, но она никогда не была полностью проведена в жизнь, поскольку распад общины, рост роли городов и власть помещиков в деревне стали реальностью, от двора не зависящей; все попытки реставрации наталкивались как на борьбу крестьян, так и на сопротивление помещиков и торговцев. До 1827 г. проведение мероприятий «консерваторами» ограничивалось центром — самой бедной частью страны, и лишь с 1832 г. вторая тенденция окончательно победила в верхах. Но и после этого попытки реализации основного элемента программы «консерваторов» — получения доходов по преимуществу через ренту-налог — наталкивались не только на протест низов и глухое, упорное массовое сопротивление помещиков и торговцев, но и на протесты и прямое

неподчинение многих крупных чиновников на местах; они не могли в отличие от двора абстрагироваться от реальной жизни. «Консерваторам» удалось подавить частное предпринимательство в горнодобывающей промышленности (что повлекло за собой ее упадок), ограничить сферу откупов и сферу денежного обращения (что мешало развитию торговли), восстановить частичное регулирование рисового рынка (что вызвало трудности с продовольствием), подорвать влияние военных (за счет заметного ослабления армии). Такой ценой был восстановлен традиционный порядок функционирования государственного аппарата, но это коснулось скорее столицы, чем страны в целом, где влияние его постепенно ослабевало.

В рассматриваемый период во Вьетнаме шла борьба между двумя доминирующими в обществе прослойками. В руках одной из них — помещиков — была экономическая и политическая власть в деревне, которую уже невозможно было отнять, что нередко признавали «консерваторы», в руках другой — чиновничества (отчасти изменившего в связи с переходом на жалование свою социальную сущность) — находилась верховная политическая и административная власть.

В 30–40-х годах от консервативной политики правящей верхушки страдали в первую очередь крестьяне и горожане, особенно городские низы; политическая ситуация, отражавшая сложность социально-экономической ситуации, была весьма напряженной. Естественно, было бы неверно считать постепенное усиление «консерваторов» следствием чисто политических событий (победы одной из группировок при дворе). Оно отражало неподготовленность страны в целом к созданию системы государственной власти, адекватной ее новой социальной базе — помещикам. Для этого необходимо было длительное время, и преобладание реалистической тенденции в 1800–1820 гг. было, скорее, забеганием вперед; обостренное внимание ко всему перспективному (в первую очередь к усилению помещиков) с точки зрения правящей группировки было обусловлено опасением нового социального взрыва. И видимо, не случайно именно в первые два десятилетия XIX в. помещики регулярно и активно поддерживали государственную власть в критические для нее моменты крестьянских выступлений [Дайнам тхыклук: т. 3, 382; т. 4, 6–7] и постепенно сократили эту поддержку в 30–40-е годы, когда предпринимались попытки найти опору по преимуществу в чиновничестве.

Возможность повторения ситуации безвластия, анархии и внутренних войн стала реальностью. Изучая историю Вьетнама первой половины XIX в., можно увидеть, что проведение реалистической политики в 1800–1820 гг. сопровождалось выступлениями вьетнамских крестьян гораздо меньшего масштаба, чем проведение консервативной политики в 20–30-х годах. Возможно, в том числе по этой причине сохранялись на своих постах представители реалистической тенденции во времена, когда верховная власть последовательно придерживалась консервативной линии. В то же время в эру *Зя-лонг* (1802–1820) восстания вьетнамских крестьян происходили именно в той части страны, где власть временно оказалась в руках «консерваторов» (Нгуен Ван Тхань), и пошли на убыль после отстранения этих последних от власти.

В 30–40-х годах антиправительственные выступления ширились одновременно с активизацией консервативной политики. Крестьянские восстания играли роль своеобразного регулятора в политике правящей верхушки, потому что они демонстрировали преимущества одной социально-экономической политики государства по сравнению с другой. Иными словами, крестьянство в целом чутко реагировало на попытки восстановления отживших социально-экономических форм служилого условного землевладения на местах; усиление роли государства и его чиновников в деревенской жизни наталкивалось на сопротивление не только помещиков, но и крестьян, о чем прямо пишут источники. Совершенно неверно было бы говорить о какой бы то ни было поддержке крестьянами линии сторонников реальной политики, но в конкретной обстановке первой половины XIX в., когда власть помещиков над деревней была бесспорной, увеличение при преобладании в верхах «консерваторов» налогообложения еще и со стороны государства вызывало более частые вспышки социального протеста. Подобное увеличение было экономически невыносимо и социально немотивированно, поскольку государственные интересы в деревне гарантировались помещиками. Социальные отношения в деревне представляли собой в XIX в. сложный клубок противоречий, и на практике попытки чиновничества действовать в деревне вопреки помещикам, чьими руками в первые двадцать лет XIX в. была подавлена половина оппозиционных выступлений, сразу привели к резкому росту социального протеста на местах.

Таким образом, при одинаково негативном отношении крестьян к помещикам и чиновникам помещики могли править в деревне без помощи чиновников, а чиновники уже не могли. Новые формы отношений, сложившихся между помещиками и крестьянами, в большей степени способствовали сохранению феодального строя в целом. Необходимо помнить, что собственно складывание этих новых форм явилось следствием социально-экономических процессов, шедших внутри общины.

Было бы неверно полагать, что усиление консервативных тенденций в 20–40-х годах XIX в. было результатом реакционности или некомпетентности отдельных крупных государственных лидеров. Естественно, были деятели, последовательно отстаивавшие реакционные взгляды (Нгуен Ван Тхань, Нгуен Конг Чы и др.), но не они определяли политику правящей верхушки. У консервативных

тенденций этих десятилетий были, как уже говорилось, объективные основания, и эти негативные тенденции были значительным, но не главным следствием более важной тенденции, позитивной. Такой тенденцией было становление в послетайшонский период новых, позднефеодальных экономических и социально-политических форм, основанных на прямой эксплуатации крестьян мелкими и средними неслужилыми землевладельцами. Это явление приобрело широкие масштабы в XVIII в., а в ходе движения тайшонов была сметена значительная часть противостоящих помещикам архаичных служилых прослоек. Последовавшие затем первые десятилетия XIX в. были периодом практических мероприятий, в ходе которых оформилось в общем новое соотношение роли помещиков и чиновников в социальной структуре.

Однако дальнейшее закрепление в государственных нормах новых отношений было невозможно без быстрого восстановления механизма власти (в условиях Вьетнама это могла быть только централизованная иерархия гражданских чиновников). Таким образом, восстановление разветвленного (хотя и сравнительно малочисленного) гражданского чиновничьего аппарата было объективно необходимо для средних и высших звеньев механизма управления, и это восстановление началось уже при Нгуен Тхэ-то и быстро шло при его преемниках. Естественно, что механизм с таким многовековым запасом инерции, каким обладало дипломированное чиновничество, не мог перестроиться за полвека (в отличие от военных кадров 1800–1820 гг., не обладавших опытом и традициями гражданского управления), ведь основным преимуществом гражданского чиновничьего аппарата во Вьетнаме являлось то, что он представлял собой целостную систему, где все винтики были давно подогнаны, и он мог сам быстро восстанавливаться (до известных исторических пределов), что и происходило в 1820–1830 гг. При восстановлении этой системы степень обновления, обусловленная социально-экономическими последствиями управления тайшонов, была различна для разных частей системы. Низшие и средние звенья, тесно связанные с реальной жизнью, сами быстрее менялись и были более восприимчивыми к новым явлениям общественной жизни; верхние — менее восприимчивыми. Но объективные преимущества гражданской организации во Вьетнаме как раз и сводились к ее целостности, и вследствие этого правящий слой получал в готовом виде весь механизм государственного управления со всеми его звеньями. Потому он и сумел возродиться, правда с частично изменившимися низшим и средним звеньями и с почти не изменившимся верхним звеном. Для значительных изменений в верхах исторически прошло еще мало времени.

Так возник феномен, при котором дальнейшее укрепление власти государства в условиях значительного изменения социальной базы шло параллельно с усилением консервативных элементов и соответствующей политики в верхних звеньях государственного аппарата в столице и при дворе. Насколько можно судить по истории независимого Вьетнама до 1884 г. и по некоторым чертам Вьетнама колониального, это усиление консервативных элементов не могло носить длительного характера, поскольку основные новые социальные слои — крестьяне-единоличники и помещики-*тхохао* — становились все более многочисленными. Но определенный отход от «реализма» первых послетайшонских десятилетий в сторону «консерватизма» в 20–40-х годах совершенно очевиден. Он создал много новых противоречий как между крестьянами и помещиками, так и в среде землевладельцев и администраторов (помещики-*тхохао*–чиновники-*куаны*) и среди чиновников («практики» средних и низших звеньев — столичные чиновники), что усложнило обстановку в стране, значительно ослабило ее экономически, но в целом не угрожало существованию феодального строя как такового, будучи объективно обусловленным, как уже говорилось выше. Это был первый этап периода перехода к позднему феодализму восточного типа.

Библиография

Дайнам тхык-лук. — *Đại Nam thực lục* (Правдивое повествование о Дайнаме). Т.1–38. Н., 1962–1978.

Экономические функции государства в позднефеодальном Вьетнаме и группы населения, связанные с выполнением этих функций¹

I. В колониальном Вьетнаме с конца XIX в. быстрыми темпами формировались новые социальные группы — национальной буржуазии и наемных рабочих. Источники их формирования во многом еще не ясны, но очевидно, что предпосылки этого появились еще в доколониальный период, т. е. до середины XIX в.

II. Источники XVII–XIX вв. показывают, что здесь, внутри традиционно считающихся «предбуржуазными» и «предпролетарскими» слоев населения городов, ремесленных деревенских агломераций и ремесленных деревень, имелись нетипичные для большинства стран Азии и Европы группы населения, игравшие важную роль в формировании рыночного экономического уклада.

III. Эти группы населения сложились в результате реализации экономических функций государства, которое повсеместно играло активную роль в экономической деятельности традиционных обществ Азии, а особенно в рисоводческих обществах. В позднефеодальном Вьетнаме, где роль государства в неземледельческих сферах экономической жизни страны к тому же усилилась в XVIII в. (как в Японии), с выполнением этих функций были связаны большие группы как «экономических» чиновников, так и наемных рабочих.

IV. Две названные группы не составляли большей части «предбуржуазных» и «предпролетарских» элементов, но численность их была достаточно велика, чтобы объяснить быстрое развитие рыночной экономики во Вьетнаме в XX в. Кроме того, данный феномен присущ не только Вьетнаму, и его описание на основании надежных источников представляет общий интерес. Выделяются эти группы достаточно надежно, хотя границы их не всегда четки: государственное предпринимательство и торговля часто переплетались с частными и все больше превращались в последние. Но в каждом конкретном случае различия (или степень смешения) очевидны.

V. Многие элементы феодального государственного хозяйствования существовали веками, будучи неотъемлемой частью традиционного вьетнамского общества. Но в XVII–XVIII вв., в период быстрого распада системы общинного землепользования и роста мелкого неслужилого частного землевладения, «хозяйственная» деятельность государства породила ситуации и вызвала к жизни социальные группы, которые, на наш взгляд, сыграли значительную роль в формировании рыночных отношений. Дело в том, что реализация таких функций, как «казенное» строительство ирригационных сооружений, крепостей, сооружение зданий, постройка кораблей, руководство государственными рудниками, государственным транспортом (водным и сухопутным) и предприятиями, ведение казенной торговли и т. п., происходила в условиях, когда:

во-первых, все более расширялась сфера денежного обращения и применения наемного труда (вместо принудительных общественных работ);

во-вторых, начинался общий кризис феодальной системы восточного типа, и государство лихорадочно изыскивало новые источники доходов. В систему государственного хозяйства включались новые отрасли неземледельческой деятельности (поскольку кризис и выражался в невозможности ведения сельского доходного хозяйства исключительно старыми способами), при этом традиционный механизм вмешательства в экономическую жизнь реализовался не на старой основе налогов и трудовой повинности, а на основе откупов, фрахта и т. п. в отношении «предбуржуазных» элементов и на основе найма в отношении «предпролетарских». Организатором этих работ выступала особая группа «экономических» чиновников, деятельность которых также носила, на наш взгляд, «предбуржуазный» характер.

VI. Была рассмотрена значительная часть сведений об указанных группах населения, имеющих в основных источниках по истории Вьетнама с 1670 по 1780 г.; для истории Вьетнама это важный и четко ограниченный период. При рассмотрении отдельных аспектов проблемы учитывалась специфика каждой из двух частей Дайвьета (Вьетнама): Дангнгоая (владения Чиней на севере) и Дангчонга (владения Нгуенов на юге). Процессы в общем сходны, но в Дангнгоае экономическая деятельность государства была более развита в сфере горнодобывающей промышленности, а в Дангчонге — в сфере

---

¹ Публ. впервые, рук. 1985 г.

торговли и наемного труда в целом. В рассматриваемое столетие указанные явления находились на стадии становления, поэтому изложение этой проблемы учитывает и появление и реализацию новых тенденций в той или иной области.

VII. Важнейшими оказались следующие аспекты экономической деятельности государства, с каждым из которых была связана определенная группа населения:

- а) заводское и цеховое ремесленное производство;
- б) постройка кораблей и зданий;
- в) строительство ирригационных сооружений и земляных крепостей;
- г) горнодобывающая промышленность;
- д) казенный транспорт;
- е) казенная торговля и организация надзора за частной торговлей.

Многие из этих функций государства традиционны и исследуются как «предбуржуазные», поскольку в конкретных условиях Вьетнама второй половины XVII — XVIII в. они открывали дорогу новым социально-экономическим формам организации общества.

В данном случае основной интерес представляют для нас группы людей, находившихся (постоянно или временно) на государственной службе, выполнявших в конкретный момент либо функции организаторов экономической деятельности, которые в Европе выполнялись «предбуржуазными» (а на самом позднем этапе феодализма — буржуазными) элементами, либо функции, выполнявшиеся там «предпролетарскими» элементами.

VIII. Рассмотрение деятельности «экономических» чиновников, связанных с ними торговцев, предпринимателей и лиц наемного труда позволило сделать следующие выводы:

1. Характер постоянной деятельности «экономических» чиновников в сфере производства (государственные предприятия, горнодобывающая промышленность и т. д.) понуждал их регулярно осуществлять широкий круг операций по закупке сырья, строительству предприятий, найму рабочих, организации производства. При этом условия труда (экономическая самостоятельность), условия оплаты (доля в доходе) делали их, в сочетании с распространяющейся системой откупов, полусамостоятельными предпринимателями.

2. Аналогичная ситуация имела место в торговле и органах контроля над ней, в государственном транспорте и т. д.

3. Государственная экономика, транспорт и торговля развивались в условиях конкуренции с частным сектором, что делало «экономического» чиновника участником рыночной борьбы.

4. В качестве продавца рабочей силы во взаимоотношения с «экономическим» чиновником вступала значительная часть лиц наемного труда.

5. Представляется очевидным, что по своему характеру отношения между «экономическим» чиновником и постоянным государственным рабочим все более становились отношениями рыночного типа.

Центральная власть во Вьетнаме во второй половине XX в. в свете исторических традиций¹

Сначала рассмотрим формы центральной власти в этой стране в разные исторические периоды.

1. Власть монарха по преимуществу — XI — начало XIII в.
2. Власть монарха и его рода — конец XIII — XIV в.
3. Попытка создания первой неоконфуцианской императорской модели — XV в.
4. «Диархия» XVI–XVIII вв., для которой характерны:
  - а) сакральная по преимуществу власть монарха-*вуа*;
  - б) реальная власть военного лидера-*тюа*;
  - в) слабость гражданской верхушки;
  - г) подчиненное, по отношению к военным, положение средней и мелкой гражданской бюрократии;
  - д) наличие разных социокультурных моделей центральной власти на Севере и на Юге.
5. Вторая попытка создания неоконфуцианской императорской модели — XIX в.

В рамках этого типа центральной власти открытость, всегда отличавшая Вьетнам на фоне более северных государств, получила новый импульс как вовне (договоры с Францией), так и внутри (равноправие христианства, буддизма и конфуцианства в начале столетия). В начале XIX в. победившие военные круги Юга создали единое государство, в котором постепенно возобладали гражданские чиновники с их организованностью, дисциплинирующей моралью, нормами, с их «поклонением норме». Для этого времени характерны реальная власть императора и окружающих его гражданских вельмож, но с опорой уже на центральный и южный, а не на северный Вьетнам, в том числе на традиции старой южной династии Нгуен. Одновременно заметен упадок влияния северовьетнамской традиции государственности. Но исторического времени для проверки эффективности новой модели оказалось недостаточно.

Общие черты традиционной модели к концу XIX в.

1. Сохранялось противостояние гражданских и военных управленцев; ведь еще в конце XVIII в. в разделенной стране соответствующие слои были шире представлены во власти в той или иной ее части. Это было и в XX в.

2. Сохранялось и противопоставление Севера и Юга, причем социокультурные характеристики Юга и Севера во многом схожи и с XVIII, и с XX в.: большая легитимность властей на Севере, там глубже культура, сильнее религиозные традиции и гражданские власти; Юг — более динамичен, более восприимчив к новому, он богаче, открытее. (Различие государственных традиций Севера и Юга сохранялось как в рамках пары Демократическая Республика Вьетнам — Республика Вьетнам до объединения, так и в рамках пары Север–Юг после объединения.)

Идейной основой функционирования прежде всего гражданского аппарата во Вьетнаме в течение веков была традиционная мораль; на ней базировались структуры и функции чиновничества, особенно на Севере. В то же время военному чиновничеству были присущи, особенно на Юге, где наверху веками правили только военные, прагматизм, простота институтов и заметное безразличие к конфуцианской морали и учению.

3. Во вьетнамском обществе существовали две традиционные формы обратной связи:

— локальные выступления свободных крестьян и чиновников против злоупотреблений местных властей с последующим соглашением с центром (бывали и более массовые и воинственные выступления с претензией на верховную власть, но они редки, как и везде);

— доклады с возражениями и критикой, представляемые двору цензорами, военными, гражданскими губернаторами, наместниками; это обычно спор региона и центра, разрешаемый императором.

---

¹ Публ. впервые, рук. 2000 г.

Конец XIX — середина XX в.

1. Следующий этап существования монархии — монархическая власть генерал-губернаторов (главное отличие от *вуа* и *тюа* — относительно быстрая сменяемость, но без участия местных жителей). Вся вестернизация середины XIX — середины XX в. шла при сохранении традиционно авторитарного института центральной власти, ставшего еще более независимым от местных верхов, чем ранее.

2. Продолжалась и традиция раздельного существования Севера и Юга, даже добавился третий центр — «монархический заповедник» Нгуен в центральном Вьетнаме. На Юге еще слабее стало влияние неоконфуцианских традиций вьетнамской центральной власти, к этому добавился режим колонии, влияние получения французского гражданства и «феномен Сайгона».

3. В остальной части страны постепенно восстанавливалась роль Ханоя (в связи с падением престижа проигравшей династии Нгуен и ее столицы Хуэ). Во многом это связано с деятельностью двух групп патриотов: традиционных монархистов, с одной стороны, и вестернизированных левых групп — с другой.

4. Механизм вестернизации отношений «центральная власть — все остальные» за 60–80 лет колониальной власти очень интересен, но это достаточно специальная тема. Необходимо только сказать, что сама ситуация колониального периода: «французский генерал-губернатор — император династии Нгуен» — отчасти повторяла традиционную ситуацию: военный правитель дома Чинь — император династии Поздние Ле в XVI–XVIII вв. В целом же сохранялась монархия, и отнюдь не конституционная. Никаких традиций демократии колониальный режим оставить не мог, кроме, впрочем, мощного демонстрационного эффекта, но во Франции побывали немногие.

5. «Баодаевский эксперимент» по модернизации монархии в начале 30-х годов также не приблизил страну к конституционной монархии, хотя тенденции такие были. Левые же в это время ориентировались на советский и гоминьдановский опыт; естественно, что общение эмигрантов в СССР 30-х годов и в гоминьдановском Китае времен Чан Кай Ши знакомило их еще с одним опытом единоличной власти.

6. При переходе от колониальных структур к независимости отметим стремление обеспечить преемственность власти в 1945 г. при передаче государственной власти от Нгуенов правительству ДРВ. Длительным и постепенным был переход от чисто патриотических, достаточно традиционных для Вьетнама лозунгов 1940–1944 гг. ко все более социалистическим.

Некоторые новые фундаментальные процессы и их следствия

1. В своей политике центральная власть Хо Ши Мина и Центрального Комитета партии в северном, а затем в объединенном Вьетнаме была независима с середины 40-х годов, а с созданием государства — с середины 50-х годов. Все процессы восстановления государственных институтов шли в стране с сильной национальной центральной властью.

2. Важнейшая черта последних десятилетий — это то, что вьетнамцы теперь в значительной части горожане (как постоянные жители и как временные; в Хошимине, например, их поровну). Но это — жители вьетнамского города, сложившегося уже давно, даже на Юге.

3. Определенную роль в возрождении традиций центральной власти сыграло «возвращение» Ханоя на роль исторического центра страны, которую он утратил еще в независимом Вьетнаме. Это сказалось в усилении гражданского начала, роли морали и традиционной культуры, исторически более слабой в достаточно молодом и небольшом по размерам Хуэ и тем более в торговом и ранее «малокультурном» Сайгоне.

Процесс восстановления традиционных форм центральной власти

1. Во Вьетнаме нация наиболее последовательно пробовала альтернативный, западный тип власти и выбрала в итоге власть, достаточно традиционную по структуре и методам, хотя и были поставлены во многом новые цели (в традиционных рамках «народного блага») и возникли новые институты. Любое общество ставит перед собой все новые и новые цели, но статья посвящена прежде всего путям достижения целей, путям, оказавшимся в значительной степени традиционными в такой сфере, как организация и функционирование центральной власти.

Во Вьетнаме, наиболее открытой из стран китайской культурной традиции и наиболее социально-

экономически развитой в Юго-Восточной Азии, уже в середине XX в. вестернизация зашла дальше, чем в других странах. Тем более что в условиях войны контакты с СССР на Севере и с США на Юге были чрезвычайно тесными и массовыми. Но, как видим, преобразования центральной власти и ее методов управления на западный манер не произошло.

2. Общие черты носителя центральной власти (лидера). До конца XIX в. реальные правители Вьетнама, будучи монархами или не будучи ими, образовывали династии. Сейчас этого нет, в отличие от Индии, Северной Кореи, отчасти Камбоджи и Лаоса. Нет обширного двора, невелика и неформальна роль родственников; есть земляческие группы, но редки локальные лидеры (сильные в Камбодже, в Мьянме, некоторое время в Лаосе). Зато есть, например, группы окруженных родственниками лидеров в некоторых важных провинциях Севера Вьетнама.

На сосредоточение власти в одних руках не могли не повлиять условия двух войн, которые велись под единоличным руководством Хо Ши Мина. Можно считать, что авторитет его, по крайней мере с 1954 г., содержал в себе сакральные элементы в форме, присущей Вьетнаму. Еще более они заметны сейчас, когда традиции все более выходят на передний план и официально объявлены частью национальной культуры. Ныне на домашних алтарях предков рядом с фото предков хозяина — фото Хо Ши Мина и традиционные жертвенные подношения: фрукты, благовонные палочки.

С другой стороны, когда генеральный секретарь ЦК КПВ До Мьой в 1993 г. ставит курительные палочки в храме новой, каодаистской религии, это тоже традиционно; власть признает все религии, и все они должны давать сакральную санкцию власти. Еще одним ярким примером культурно-политической традиции является и писание стихов политическими лидерами, порой иероглифами, на старом языке — *ханване*, и их популяризация. Во Вьетнаме традиционной является политическая роль литературы, отсюда желание власти руководить литераторами, причем неприятие этого руководства писателями очевидно слабее, чем в Европе. Это вытекает из старого представления об образованном, особенно «пишущем» человеке как о выразителе государственных интересов; также традиционно и то, что он должен отстаивать некоторые государственные идеалы и критиковать тех, кто им не следует.

3. Лидер и партия. Верхняя группа управленцев выглядит по-другому (она в последние два века во многих странах в определенной степени внешне вестернизирована). Что касается партий, то в этом отношении Вьетнам — Восток. Здесь давно нет двух сильных партий, а есть одна, правящая, как и в Японии, долгое время. Сейчас во главе СРВ стоит группа партийно-государственных лидеров, внутри которой нет открытых острых дискуссий; из ее среды и выходят лидеры государства. Они после Хо Ши Мина правят не до конца жизни. Тем самым конец их карьеры как главы государства можно считать нетрадиционным.

4. Партия и управленческий аппарат. Такой социальный институт, как партия, бесспорно, относится к новым явлениям. В ЮВА она есть, практически, только во Вьетнаме (а также во всех странах Дальнего Востока). Казавшиеся столь сильными «партии» 50-х годов в Индонезии, в меньшей степени в Камбодже и Бирме давно исчезли, порой не сменившись ничем похожим. Важно помнить, что КПВ возникла как относительно массовая партия лишь в 40-е годы и была прежде всего организацией военных; относительно долгое время ее власть была формой гражданской власти военных, традиционной для Вьетнама с середины XVI до конца XVIII в.

В 60-х годах в основном сложился гражданский тип власти. Когда в середине 70-х годов победил Север, то это победило гражданское чиновничество; оно и распространило соответствующий тип управления по всей стране. То, что это удалось (как и в первой половине XIX в.), говорит о соответствии этого типа власти потребностям общества. Новая «норма» стала синтетической, социалистической с учетом части конфуцианских и специфических вьетнамских традиций (как и в КНР, и КНДР). Формы и масштабы синтеза и пропорций во власти старого и нового определялись тем, насколько социальный опыт традиционного вьетнамского общества сочетался с реакцией на индустриальные, а затем и все более постиндустриальные реальности современного вьетнамского общества.

5. Партия и национальные традиции. Восстановление, а скорее, возвращение на передний план морали в партийных документах, в идеологии и политической культуре Вьетнама — одно из ярчайших проявлений традиционности в сфере верховного управления. В условиях относительной светскости государственной практики в этой стране в прошлом и сейчас внимание к морали заставляет вспомнить, что моральные нормы в неоконфуцианском обществе — это нормы, данные свыше; кара за их нарушение тоже шла свыше. И не случайно в достаточно атеистической официальной прессе СССР соответствующие части докладов на партийных съездах в СРВ порой не публиковались.

Множественность религий способствовала относительно легкому восприятию марксизма (вместе с соответствующей моралью занявшего часть ниши неоконфуцианства), хотя его атеизм и отсутствие морали всегда стремились затушевать (примечательно в этой связи, что в поголовно верующих странах Юго-Восточной Азии атеизм не заметен и у членов партии тоже).

Другой пример сочетания — это то, что часть социалистических идей органически слилась с традицией «заботы о народе», ответственности чиновников перед Небом. Существенно в этой связи, что персонально современное чиновничество — не представители какого-либо «класса», а по традиции — социально активная часть среднего слоя, массового во Вьетнаме, т. е. народа.

Восприятие идей плановой экономики тоже было облегчено практикой постоянного контроля монархов и их чиновников за рисоводством и земледелием вообще и многочисленными кадрами «экономических» чиновников в частности.

Патриотизм вьетнамцев с XV в. был и остается религиозным чувством, воплощенным в обрядах почитания духов-хранителей страны. Достаточно традиционна для Вьетнама и концепция опоры прежде всего на собственные силы.

Схожие процессы ограниченной девестернизации шли на Юге и в середине 50-х — середине 70-х годов. Это выразилось в попытке утверждения там новых, частично вестернизированных синтетических идеологий-религий: персонализм Нго Динь Зьема вверху и «новые религии» внизу, — а также в насаждении идеологии военно-христианских режимов Нгуен Као Ки и др.

б. Традиционное деление на два региона. В схематическом виде можно так представить два типа власти на Севере и на Юге в середине 50-х — середине 70-х годов:

Север:

а) традиционное:

- укрепление единоличной власти традиционного типа;
- все большее усиление гражданской (партийной) администрации;

б) новое: «социалистическая вестернизация»; внутри — наличие партии во многом европейского типа; вовне — массовая учеба многих тысяч студентов в СССР.

Юг:

а) традиционное:

— меньшая легитимность, чем у Севера (примечательно не использование традиций Хуэ), и менее крепкая единоличная власть;

— военный до конца характер центральной власти (напомним, что армия во второй половине XX в. везде в Юго-Восточной Азии — одна из наиболее вестернизированных групп);

— ставшая уже традиционной большая открытость Западу.

б) новое: идеология и практика персонализма, новые для страны и заметно вестернизированные религии.

7. Основные процессы в государстве и партии в середине 70-х — середине 90-х годов:

а) с конца войны — постепенное ослабление вестернизирующего влияния СССР (особенно с середины 80-х годов) и, еще раньше, США;

б) дальнейшее укрепление гражданского начала;

в) усиливающаяся ориентация на Китай и почти тогда же, в несколько иных сферах, — на Японию; таким образом, дело не в социальной ориентированности (на Востоке — только на Китай), а в общей девестернизации;

г) восстановление традиционных институтов в деревне как основа экономического подъема; укрепление авторитета центральной власти именно вследствие восстановления традиционных отношений ее с деревней;

д) преобладание традиционного прагматизма, «патронажного» руководства, отсутствие партий западного типа, традиционные методы решения возникающих проблем;

В итоге очевидна большая, чем раньше, эффективность центральной власти, о чем говорит отсутствие открытых конфликтов в обществе в условиях бесспорно более либеральной, чем прежде, власти.

Социализм все больше в последние годы предстает в азиатской модификации (более близкой к китайской) со многими своими особенностями. Яснее всего это видно при сравнении с эпохой почти буквального воспроизведения идеологических стереотипов СССР и КНР в первой половине — середине 50-х годов и с постепенным уменьшением числа совпадающих идей в 60–70-х годах.

Некоторые традиционные модели социального поведения во вьетнамском обществе¹

Современные развивающиеся государства, их общества, в том числе вьетнамское, — это своего рода сплав нового, возникшего прежде всего в социально-экономической сфере внутри страны, а также воспринятого извне, со своими традициями. Этой третьей части (видимо, являющейся третьей и по значимости) и посвящено настоящее сообщение.

В практике вьетнамоведения приходится сталкиваться с регулярной подстановкой стереотипов мышления исследователя, его социального опыта на место социального опыта исследуемого общества. На этой основе возникают различные ошибки и неверные выводы. Как показывают конкретные исследования, традиционные стереотипы мышления во Вьетнаме достаточно специфичны и до сих пор во многом сохраняются. Социально-экономическая структура — новая, отношения — новые, цели — новые, и на вопрос «что делать?» ответ дается, исходя из условий сегодняшнего дня, а не из традиций. Но на вопрос «как делать?» ответ порой дается с учетом традиций. В одних сферах традиции практически отсутствуют или не действуют (есть целые специальные организации, которые лишены подобной инерции), в других сферах они достаточно заметны, в третьих — без их учета, видимо, будет трудно оценивать ситуацию и ориентироваться еще долгое время. Традиции сейчас не составляют целостной системы, но они достаточно четко проявляются.

Традицией в данном случае называется то, что вошло в национальную культуру, то, что уже живет в ней некоторое время и в какой-то степени потеряло связь с тем первоначальным явлением, которое привело к возникновению тех или иных элементов традиции. Это важно учитывать, так как традиция может продолжать существовать и тогда, когда породившее ее явление уже давно исчезло.

Были попытки отождествить понятие традиции с феодализмом, но это неточно, поскольку целый ряд традиционных элементов вошел в культуру и уже не связан со своей социальной основой, многое вообще является особенностями национального характера и типа поведения и уже в момент своего возникновения не было социально окрашено. Целый ряд явлений возник уже в колониальный период, тем не менее они весьма важны для понимания различных сторон жизни вьетнамского общества. В более широком смысле слова традицией можно назвать сумму социального и культурного опыта данного народа за длительный период. При этом опыт содержит и систему понятий и стереотипов поведения, часть из которых не специфична для данного общества, а присуща группе родственных обществ. Современные социальные процессы можно разделить определенным образом с точки зрения того, насколько сильны в них традиционные элементы.

Существенно, что традиционные понятия используются порой (и довольно часто) для формулировки новых идей, и различие в этом плане, видимо, всегда целесообразно проводить, если это возможно. Зачастую мы имеем дело с понятиями, смысл которых отошел от первоначального и которые используются для обозначения новых ситуаций, а могут восприниматься как нечто, обозначающее ситуацию старую. Бывает, естественно, и наоборот. Обращаясь к традиции, надо различать традиции поведения образованной части общества и основных слоев населения, но и в том и в другом случаях исследователь имеет дело с массовым явлением, с тем, что характеризует манеру мышления данного народа в целом, а не тех или иных лиц, т. е. с тем, что вошло в культуру и присуще любому жителю данной страны, поскольку он является носителем существующей этнической культуры.

Наиболее интересными представляются три аспекта рассматриваемой темы: традиционные элементы социального поведения, традиционные понятия, касающиеся государства и общества, и традиционные пути решения некоторых частных проблем внутренней и внешней политики.

В качестве одного из примеров остановимся на проблеме: Вьетнам в войнах и в мирное время. И вьетнамская культурная традиция, и наше понимание истории Вьетнама в значительной степени связывают это общество с частыми победоносными оборонительными войнами с более сильным противником. В этом отношении борьба сначала с французами (1946–1954), потом с американцами (1964–1975), а позднее и с китайцами (1979) укладывалась в сложившуюся в войнах с феодальным Китаем «традицию» вьетнамцев побеждать более сильного противника на своей земле, в

¹ Впервые опубликовано в сб.: Социальные проблемы строительства социализма во Вьетнаме на современном этапе (социально-политические аспекты развития СРВ). Материалы научно-практической конференции. Вып. II. М., 1982, с. 30–41.

традиционную общенародную уверенность в том, что если весь народ восстанет против вмешательства извне, то победа рано или поздно придет. Безусловно, эта традиция всенародного сопротивления, как и уверенность в победе сыграли очень важную роль в победе Вьетнама, тогда как некоторые другие народы, оказавшись в рамках новейшего времени в сопоставимых, хотя и менее трудных условиях, вынуждены были идти на дорогостоящие компромиссы или даже терпели военное поражение (то и другое сопровождалось ослаблением единства, имевшегося в начале национально-освободительной борьбы).

Другой пример — проблема создания во Вьетнаме процветающей экономики. Если в культурно-исторической традиции страны заложен большой опыт организации народа на борьбу с более сильным противником, то опыта планируемого достижения экономического процветания почти нет, как и опыта планируемого развития промышленности. Сама идея планируемого создания рентабельной, быстро развивающейся отрасли промышленности, тем более экономики в целом, не заложена в традиции, она совершенно нова для нее; осознание такой задачи, тем более в низших слоях государственного аппарата, в общем скорее является делом будущего, эту задачу надо объяснять и мобилизовать на ее выполнение массы, что (тем более при нехватке средств для широкого материального стимулирования) будет непростым делом. Тот стереотип, который предлагает массам руководство КПВ, — «скромный достаток» — у вьетнамцев появился гораздо раньше как следствие войн предшествующих десятилетий.

В то же время в отличие от европейских государств традиционное вьетнамское государство всегда принимало активное участие в экономической жизни страны, причем в конкретных и прямых формах вплоть до середины XIX в., т. е. до французского вмешательства. Сфера экономической деятельности государства была чрезвычайно широкой, охватывала и сельское хозяйство, и промышленность, и транспорт, и торговлю. Значительная часть практической работы в этих областях производилась государственными организациями и «экономическими» чиновниками — категорией населения, вообще практически отсутствовавшей в европейских средневековых обществах. Участие в экономической жизни было гораздо более активным, чем в Китае, в силу большей близости верховной власти к делам на местах, возможности быстро реализовать ту или иную программу.

Это привело к выработке и длительному применению во вьетнамском обществе двух различных традиционных способов руководства экономикой, которые оба были сформулированы в чистом виде; власти обычно придерживались одного из них. Их следы можно увидеть и сейчас, хотя в экономике традиции зачастую подорваны сильнее, чем в государственном управлении. Первый способ — осуществление жесткого дотошного контроля во всем, второй — ограничение регламентации сверху и предоставление экономике возможности развиваться самостоятельно. Насколько можно судить, делаемый сейчас выбор, с новыми целями, во многом окрашен этими двумя традиционными идеями, в то время как идея материального стимулирования инициативы со стороны государства нова и прививается с трудом. В южной части страны второй способ, который исторически применялся здесь государством чаще, открывает более широкие возможности для развития элементов рыночной экономики. Проведение здесь после освобождения политики жесткого государственного контроля и факт сомнений вьетнамского руководства в настоящее время в правильности управления экономикой Юга первым способом очевидны, но возможные последствия применения второго способа могут быть неоднозначными и нуждаются в исследовании.

Еще одна традиция внутренней политики — исключительно важная роль, которую вьетнамское общество издавна придавало качеству кадров, контролю за их моральным обликом. Здесь также многое несхоже с Китаем в силу того, что такого рода контроль из-за меньших размеров государства и специфичности задач, которые перед ним стояли, чаще был реальным. Стремление подготовить надежные кадры, причем в основном путем их отбора сверху, сталкивается сегодня с новой идеей выдвижения руководителей различными организациями снизу, причем инерция в деятельности государственного аппарата здесь еще достаточно сильна.

Традиционно слабой стороной вьетнамского государственного механизма была недостаточная «обратная связь» государства с обществом. В этой сфере вновь возникшие социальные институты, такие, как партия, затем профсоюзы, молодежные и другие общественные организации, очень многое изменили. Прежде всего это касается партии, совершенно нового, нетрадиционного института во Вьетнаме. В отличие от ситуации в ряде других развивающихся стран, в том числе и Юго-Восточной Азии, партия не формировалась на основе сочетания традиционных и нетрадиционных взаимосвязей в обществе. Сложившись в период общей переоценки ценностей, она оказалась в наименьшей степени отягчена традиционными инерционными элементами политического мышления. КПВ возникла во времена резких социальных изменений как ответ на общенациональную потребность социального и национального характера в организации, способной к эффективной борьбе. Важная особенность формирования КПВ состоит в том, что она очень рано стала правящей партией, взяла на себя решение массы текущих военно-хозяйственных задач, которые всегда занимали в ее деятельности ведущее место. У нее исторически не оказалось длительного периода внутренней идейной борьбы, периода

тщательной выработки стратегической линии, что определенным образом сказывается на ее деятельности (некоторые не совсем правомерно используют в этой связи термин «прагматизм»).

Уже упоминавшийся механизм «обратной связи» власти с обществом и духовной связи общества в целом с внешним миром традиционно осуществлялся во Вьетнаме достаточно многочисленной авторитетной группой «ученых» (*шифу*), которые были заметной частью господствующего класса. Хотя они пользовались минимумом привилегий и льгот правящего слоя и непосредственно не входили в государственный аппарат, тем не менее без них не мыслилось функционирования общества и государства. Именно представители этой социальной прослойки вместе с чиновниками осуществляли преобразования в старом Вьетнаме. Со временем фигура «ученого» не исчезла, хотя в значительной степени изменила свой облик уже в колониальный период, в определенном смысле существует и сейчас.

В начале XX в. именно «ученые» осуществили ту социальную и культурную переориентацию вьетнамского общества, которая привела к образованию особого типа национально-освободительного движения в этой стране. Утрата независимости, явившаяся для вьетнамцев с их патриотизмом национальной катастрофой, привела к массовому отказу от тех традиций в сфере государственного управления, которые обусловили слабость Вьетнама в его противостоянии Западу. И социальная группа, которая по самому своему месту во вьетнамском обществе в первую очередь воспринимала все новое и отказывалась от старого, в начале XX в. в массе своей отходит от традиции следования китайским культурным стереотипам, переходит на позиции восприятия мирового опыта, с обостренным вниманием следит за внутренними процессами в стране, ставя в конечном счете цель восстановления национальной независимости.

Часть представителей этой традиционной группы «ученых» постепенно приобретала функции специалистов. В той или иной форме почти все образованное неслужилое сословие в следующем поколении стало получать европейское образование. После получения независимости его представители получили и более широкий доступ в государственный аппарат. Выходцы из социальных низов, являвшиеся во многом носителями традиционных взглядов, крестьянской идеологии, также вошли в значительном количестве после достижения независимости в состав государственного аппарата и ориентировались в нем на совершенно новую социальную программу. Практически обе эти группы ориентированы на будущее, а не на прошлое, что является спецификой СРВ.

Группа «специалистов» чрезвычайно значима сегодня в практической сфере. Вьетнамцы, прошедшие подготовку в СССР, составляют основную часть этой группы. Известно, что их место по возвращении не всегда достаточно престижно, их прямое участие в решении важных проблем сравнительно невелико, хотя в той мере, в которой это определяется традициями, такое участие вообще не предполагается. Но, если вспомнить формы влияния образованного слоя на дела в государстве в традиционном Вьетнаме, наше представление о том, что отсутствие прямого участия означает отсутствие влияния специалистов на выработку решений, неверно. От этого слоя поступает «текущая критика» деятельности государственных органов, что является его традиционной социальной функцией, а не свидетельством оппозиционных настроений. Современный слой образованных людей в подавляющем большинстве идет вместе со всем народом, стоит на службе общества в целом.

Учитывая сказанное выше, нельзя недооценивать значение того нового, что усваивают представители данной социальной группы, обучаясь в нашей стране, а затем несут на родину. Работа с ними в соответствующем направлении непосредственно в СССР представляется крайне необходимой и перспективной. Открытие сейчас новых каналов контактов и их большая легкость используются пока далеко не лучшим образом, особенно в период учебы в СССР — ведь здесь вьетнамцы активнее воспринимают наш опыт и более свободны в выборе его источников. Неправильно как невнимательное, несколько небрежное отношение к ним, так и то, что в основном они общаются друг с другом.

Различные социальные группы во Вьетнаме традиционно имеют неодинаковую ценность; это необходимо учитывать, тем более что некоторые новые группы внешне отождествляются со старыми. Повышенной ценностью в традиционном Вьетнаме обладала принадлежность к двум группам: администрации и образованных людей. Если в сфере управления изменилось очень многое, если группа образованных людей изменилась в принципе, то для изменения представлений о ценности ряда групп городского населения потребуются, видимо, еще некоторое время. Так, при изучении рабочего класса нельзя забывать, например, о лишь постепенно изживаемой традиционной непрестижности положения лиц наемного труда, о том, что статус такого лица, даже высокооплачиваемого, был низок в старом Вьетнаме. «Культ мастера», лучшего специалиста в своем деле, который существовал в Европе применительно к ремесленникам, людям искусства и др., здесь не получил достаточно широкого распространения. Потомственная гордость мастеров своего дела только еще становится общепризнанной ценностью. Отношения такого рода меняются нелегко и не сразу. Более желательным и сейчас выглядит для многих вьетнамцев, занятых в сфере материального производства, переход в категорию кадровых работников, служащих государственного аппарата. Поэтому процесс формирования кадровых рабочих в СРВ, учитывая низкие оклады и

невысокую степень организации труда, сталкивается с дополнительными трудностями и требует специального исследования.

Важным является и вопрос о том, какие социальные слои являются преимущественными носителями тех или иных традиций. Ответить на него однозначно нельзя, так как одни слои несут в себе одни традиции, другие слои — другие. Имеющиеся данные позволяют предположить, что носителями бюрократических традиций являются низшие звенья государственного аппарата, в которых часто «вязнут» прогрессивные начинания, идущие сверху. Здесь важна одна традиция, согласно которой политическая преданность центральной власти и ее идеям не означает отсутствия широкой самостоятельности в решении местных хозяйственных проблем. Трудность «пробивания» сверху вполне определенных нужных решений в значительной степени связана с тем, что низшее звено традиционно считает себя вправе такие проблемы решать самостоятельно и невыполнение соответствующих указаний сверху не рассматривает как неподчинение более высоким инстанциям.

Другая среда, пропитанная традициями, как хорошо известно, это деревня. Она генерирует старый тип отношений сама по себе. Приходится сталкиваться с ситуациями, когда на пост в местной администрации назначается вполне подготовленный служащий из центра, но к нему регулярно, из года в год относятся как к прежнему чиновнику, и он порой привыкает к соответствующему стилю работы, к этой среде. Иными словами, крестьянство несет в себе целый ряд стереотипов социального поведения, которые нелегко изжить и которые активно реализуются. Еще один пример: во Вьетнаме достаточно сильны общинные традиции поведения; нередко они сказываются в стремлении коллектива не дать кому-то выделиться из общей среды («мы все должны быть равны» — это стереотип общинного мышления, весьма далекий от демократизма). Экономические навыки общинного взаимодействия в целом исчезли, и традиционное проявляется не здесь, а в духовной сфере, в виде стремления к уравниловке и т. п., хотя война по общинным традициям ударила особенно сильно, забрав из деревни на длительный срок значительную часть носителей традиции — взрослых мужчин. В значительной степени традиционные понятия о Севере и Юге страны различны, традициями во многом объясняются формы отношений между ними. Большую роль в том, что Юг не смог в новейшее время политически противопоставить себя Северу, сыграло то, что исторически, в рамках последнего столетия, именно Север был центром патриотических движений; это обусловило и более широкую поддержку компартии Индокитая и ее преемниц именно на Севере. Для Вьетнама исторически нехарактерно было признание за «сытым», но периферийным Югом (в отличие от Севера и в меньшей степени Центра) права на выдвижение общенациональных идей и инициатив, на руководство страной, национальным движением. Все попытки политических лидеров Юга как-то себя противопоставить Северу, обосновать свою самостоятельность как политической силы обычно проваливались, в частности по этой причине. Иными словами, роль генератора общенациональных идей за Югом не признавалась.

Когда сегодня говорят о различиях двух частей страны, нужно помнить, что политическое и духовное руководство Севера Юг традиционно признает (и эту базовую идею используют в практической деятельности). В то же время для южан такая позиция не означает принятия северных правил применительно к практической жизни на Юге. Например, экономическая структура Юга оформилась как во многом отличная еще до колониального завоевания. Еще в первой половине XIX в. сорвались попытки навязать Югу северную модель аграрной экономики. Однако это не значит, что наличие собственных взглядов на пути экономического развития может толкнуть сколько-нибудь значительную часть жителей Юга на выступления в пользу раздела страны. Такого рода сил и настроений на Юге, по всем данным, нет, решающим является общевьетнамский патриотизм.

Во Вьетнаме издавна сложились достаточно специфические установки во внешнеполитической области, в частности самое острое среди стран Юго-Восточной Азии недоверие политическим целям иностранцев. Оно базируется не на неприятии иной культуры (культурные заимствования глубоки и разносторонни), а на настороженности по отношению к подданному другого государства. Стремление отчленить опыт и достижения другого народа от его носителей, уменьшить объем контактов с ними является традиционным стереотипом поведения, во многом обусловленным опытом общения с Китаем.

Отношение к иностранцам и их участию в жизни страны различно у различных групп населения. Специалисты, учившиеся в СССР, и вообще образованные люди, по-видимому, наиболее контактная группа с наименее сильными традициями; общение с ними минимально осложнено традиционными стереотипами. Создается впечатление, что относительно широкий допуск советских консультантов, специалистов и студентов «внутри» вьетнамского общества — явление временное, следствие инициативы сверху; тем более важно расширять контакты с этой группой.

Другая важная традиция двух типов поведения: либо сопротивление, либо патронаж. Первое — в отношении северного соседа — Китая, второе — в отношении других соседей; опыта равных отношений страна фактически не имеет. Указанная ситуация — следствие контакта в течение длительного времени в основном с горными народностями, которые, естественно, входили в зону влияния традиционного вьетнамского государства. Идея «равного народа» и равных государственных друзей вырабатывается лишь в настоящее время. Исторически Вьетнам — страна-одиночка, чьи

лидеры привыкли рассчитывать только на ресурсы своей страны, и членство в группе равных стран для них — явление новое.

Влияние религии в современной вьетнамской жизни часто склонны недооценивать, исходя из малой роли религиозных организаций в жизни страны, особенно на Севере.

Вьетнам как часть Юго-Восточной Азии¹

Колыбель вьетнамского народа — северный Вьетнам (Бакбо) — во все времена был самостоятельным крупным культурным, экономическим и политическим ядром, в непосредственной близости от которого не было соседа, равного по силе и самобытности. Веками он был и центром самостоятельной цивилизации — в период становления и развития своей ранней государственности. Ранняя этническая история вьетов также есть история взаимодействия культурных и языковых групп: аустроазиатской и тайской; их взаимодействие в сочетании с более поздним китайским культурным влиянием и дало, по-видимому, современных вьетнамцев. И позднее он всегда был местом контакта цивилизаций. В этом его специфика, обусловившая повышенный динамизм; в этом — залог его относительно быстрого развития в прошлом, настоящем и будущем. Это — классический «перекресток», но не только и не столько перекресток торговых путей, а много шире, практически во всех отношениях. Так было с того времени, когда человек стал заниматься земледелием, через эпоху контактов древней аустроазиатской цивилизации с древней китайской цивилизацией — к эпохе контактов с индийской и китайской цивилизациями, от эпохи контактов с европейской цивилизацией в ее колониальном варианте и с поздней традиционной китайской цивилизацией — до эпохи контактов «социалистического мира» и постиндустриального общества.

Северный Вьетнам находится на важной границе дальневосточной зоны растущего демографического давления и «благополучных», относительно малонаселенных, долин Юго-Восточной Азии. При этом он периодически оказывался то по одну, то по другую сторону границы, разделяющей эти миры; к югу от линии разграничения — в древности и во второй половине XIX в. — первой половине XX в., к северу — в средние века и во второй половине XX в. Все это известно науке, но первоначальное восприятие Вьетнама европейцами произошло в такой момент и в таких формах, что он был воспринят не как зона контакта, а как типичная часть дальневосточного мира. Причин этого было две: время и форма контакта. Время контакта — середина XIX в.; надо помнить, что начиная со второй четверти XIX в. Вьетнам вступил во второй период «добровольной программной китаизации». (Первый был в XV в.; еще ранее, в I–IX вв. н. э., были длительные периоды насильственной китаизации во времена «северной зависимости», а в XI в. имел место период массивного, но не структурного, а поэлементного восприятия китайского опыта в связи с оформлением централизованного вьетского государства.) Таким его и увидели европейцы. Форма контакта была дипломатическая и военная, не сопровождавшаяся изучением страны; она показала европейцам наиболее внешние и верхушечные компоненты вьетнамского общества. Соответствующими были и оценки. В то же время, чем дальше шло знакомство со страной и ее народом, тем более развивалась современная наука в самом Вьетнаме и в других странах Юго-Восточной Азии и в Китае, тем яснее становилось, что перед нами — контактная зона, а не окраина китайского цивилизационного круга (как, например, Корея).

Вместе с тем степень и характер этой контактности не были постоянными. Прежде чем перейти к рассмотрению основных характеристик Вьетнама как части Юго-Восточной Азии, необходимо остановиться на векторе его развития как контактной зоны. К чему больше тяготело само вьетнамское общество, и что ему навязывала история, точнее — его географическое положение и тенденции развития соседей? Все, что мы знаем об истории вьетского государства со времен Донгшонской цивилизации и раннего государства Аулак, говорит об одном — об обращенности на юг, в страны Юго-Восточной Азии и в приморские районы. Но та же история сделала его объектом активности Китая, насильственных контактов с Севером. Правда, современная эпоха постепенно отменяет те формы, в которых прежде осуществлялись эти насильственные контакты, хотя война 1979 г. показала, что такая «современность» наступила пока не полностью и, руководствуясь своими традиционными импульсами, Вьетнам сейчас все более входит мирными средствами именно в Юго-Восточную Азию, самую динамичную часть современного мира. Сегодняшний же Китай, с его могучей социальной инерцией и имперскими установками, все менее привлекателен как образец для добровольного подражания, а навязать силой Вьетнаму свои нормы он, скорее всего, уже не сможет. Поэтому исследование Вьетнама как части Юго-Восточной Азии бесспорно имеет определенную перспективу.

Основной темой статьи являются систематизация и классификация уже известных фактов под одним углом зрения — каковы базовые сходства всех основных народов Юго-Восточной Азии (прежде

¹ Впервые опубликовано в сб.: Традиционный Вьетнам. Вып. I. М., 1993, с. 11–23.

всего аустроазиатских), в чем исходное сходство с китайским обществом, в каких сферах пока еще трудно решить проблему сходства и различия. Проблема сходства, при обращении к которой прежде всего надо проанализировать тезис о Вьетнаме как китайской культурной провинции, будет рассматриваться и в статике, и в динамике; будет также рассмотрен вопрос об относительной степени сходства с Юго-Восточной Азией разных групп вьетнамского этноса.

I. Черты сходства и своеобразие

1. Собственно вьетнамские черты

Неповторимость вьетнамского этноса с его собственной древней государственностью, практически с отсутствием родственных народов (кроме мыонгов) настолько очевидна, что автор лишь выделит здесь некоторые черты этой самобытности, важные для дальнейших рассуждений. У вьетов специфический набор основных элементов духовной и материальной культуры, противопоставляющий их всем соседям, свой язык, почти не имеющий родственных, свой путь исторического развития. Конкретно надо упомянуть культ духов предков—покровителей общины, ряд черт мифологии, ранний культ водоплавающей птицы и дракона (дракон — общий тотем для всех вьетов и от них, скорее всего, перешел в китайскую культуру).

Необходимо указать и на раннее чувство этнической особенности, чувство национального, наличие понятия «родина-страна», а не «родина-государство», как у китайцев, а также своеобразный тип войны и армии.

2. Черты, общие у всех народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

Многое сближает Дальний Восток (прежде всего Китай) с Юго-Восточной Азией в целом, и прежде необходимо выяснить, что именно во Вьетнаме «юго-восточно-азиатское» (аустрическое или, уже, аустроазиатское²), а что — «китайское» и что есть во Вьетнаме из общего для обоих исторических регионов? Причем не просто для регионов, а для двух типичных культурных комплексов в каждом из них: континентальном и приморском; сделать это необходимо и на определенный период, и в историческом развитии. Общим для обоих исторических регионов являются:

- культ предков как основа религиозной жизни;
- религиозный плюрализм, порой приводящий к синкретизму;
- отсутствие сословий и варн.

3. Черты, общие для Вьетнама и больших народов современной Юго-Восточной Азии (как отдельных, так и всех вместе)

Что представляет собой сходство с Аустразией? Причем как в ряде современных черт общества, так и на некоторых предшествующих этапах. Например, при рассуждении для определенного раннего времени должна рассматриваться древняя «прото-Юго-Восточная Азия», в которую входили долины Янцзы и Сицзяна, где еще не было китайцев. Другим этапом будут, к примеру, XIX—XX века, когда принадлежность к созданному европейцами колониальному миру породила в Юго-Восточной Азии много черт, чуждых китайскому обществу.

В целом это рисоводство как основа бытия, с важной ролью мелиорации; оно породило сходство основных технологий в сельском хозяйстве, орудий, списка сопутствующих рису культур, домашних животных (например, буйвол). Как следствие — сходство пищи, жилья, даже «транквилизаторов» (например, бетель). Важна до сих пор и роль собирательства и рыболовства у крестьян-рисоводов. Сходны, до последнего столетия, бытовая одежда в городе и деревне — мужская, женская, даже военная. Здесь китаизация очень поздно охватила широкие слои общества. Сходны крестьянские дома (до недавнего времени), набор утвари, планировка крестьянского двора, планировка поселения.

В духовной культуре надо обратить внимание на сходство части лексики и грамматики с аустроазиатскими языками, других уровней языка — с тайскими. Определенные слои музыкальной культуры близки к чамской музыке, в мифологии есть ряд сюжетов, общих с тайскими народами. Очень сходна массовая сакральная архитектура с ее каркасно-столбовой конструкцией. Сходна и ситуация в сфере письменности, являющейся модификацией заимствованной (*тыном*), причем в

² Аустрические народы делятся на аустроазиатские — континентальные и аустронезийские — островной мир, Малайзия и отдельные группы в Восточном Индокитае.

XVII–XX вв. с переходом на латиницу.

Важнейшим сближающим фактором является наличие сильной общины, где преобладают свободные землевладельцы, а сама община невелика по размерам (в среднем около 100–150 свободных землевладельцев). При этом относительно слабы внутриобщинные клановые структуры (как у яванцев, чамов, кхмеров до XII в.). Очень велика степень сакрализации верховной власти, характерен ее примат над властью духовной в рамках единой идеологической структуры; самое яркое проявление этого — культ дева-раджи (бога-царя) и родственные вьетские культы имперских времен (X–XV вв.); степень этой сакрализации неизмеримо выше, чем в Китае и в сфере буддийской практики других стран мира.

Специфичен для Юго-Восточной Азии тип локального военного лидера с влиянием в своем округе, но без сословных или чиновных привилегий в мирное время, а также неколлегиальность в правительственных структурах.

Очень сходны с ЮВА все этапы исторического развития Вьетнама, основанные на субстратной этнической, языковой и экономической близости, обусловившей, наряду с регулярными и тесными связями в государственный период, относительно синхронное возникновение государств; сходны как сами аграрные империи, так и два основных этапа в их развитии — преобладания публичноправовых, а затем частноправовых норм, — эти этапы в Дайвьете ощущаются очень четко. Одновременно произошло и распространение массовых религий, и становление регионального колониального управления, и восстановление независимости, сопровождающееся экономическим подъемом и добровольной «вестернизацией».

Два последних этапа связаны с общемировыми процессами, но общность тем не менее налицо, и ситуация отлична от китайской.

4. Проблема сродства с Китаем

Что собой представляли сродства с китайским обществом? При рассмотрении этой проблемы совершенно необходимо все время помнить, что сродство с собственно китайцами — это сродство с культурой населения долины Хуанхэ, с просоводами. А сродство с современным южным Китаем, т. е. с местными рисоводами, ассимилированными ханьцами на Янцзы к рубежу нашей эры и на Сицзяне к XII в., — это субстратное сродство аустроазиатских рисоводов «прото-Юго-Восточной Азии». Только то, что появилось и развилось на Хуанхэ и впоследствии распространилось в бассейне среднего и нижнего течения Янцзы и Сицзяна, может быть сравниваемо с Вьетнамом как «китайское». С учетом этого бесспорного для всех, но часто забываемого обстоятельства список «вьето-китайских» сродств резко уменьшается. То, что есть только у вьетов и у населения современного южного Китая, — это старое «юэское» (вьетское) сродство. Нужно помнить, что приморский юг Китая — это земля достаточно развитых юэских государств второй половины I тыс. до н. э., завоеванных лишь в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. и ассимилированных на тысячу лет позднее. Осталось много общего, «юэского», — рисоводческая культурная традиция, *чань(тхиен)*-буддизм, сродство языка, обычаи; Гуандун (бывший Намвьет) похож именно на северный Вьетнам, а не на тайское, например, государство. И в основе этого сродства лежат рисовое хозяйство и соответствующий комплекс социокультурных стереотипов (попавший в орбиту китайского влияния на тысячу лет позднее, чем таковой же комплекс у рисоводов долины Янцзы).

5. Черты, общие для Вьетнама и северо-востока «прото-Юго-Восточной Азии» — китайско-вьетской зоны современного юга КНР

Многочисленные сродства здесь, отличающие обе области от бассейна Хуанхэ (а по другим критериям — от среднего Янцзы и вообще континентальной зоны КНР), связаны с юэским субстратом; ханьцы здесь появились массово достаточно поздно. Все черты, которые были общими ранее, — это юэские (вьетские) черты. Наиболее развитыми были государства: лаквьетов в современном северном Вьетнаме, намвьетов в современном Гуандуне, манвьетов в современной Фуцзяни.

В основе сродства — то же рисоводство, но сродства здесь уже гораздо больше, как и в собирательстве; то же можно сказать и о деревенском быте, и о деревенских технологиях. Обе области роднит культ дракона, отмеченный здесь и ранее, во времена царства Юэ (Вьет) в низовьях Янцзы, позднее распространившийся в бассейне Хуанхэ. В последующие времена эти области роднил *чань(тхиен)*-буддизм, слабо представленный до XII в. в собственно китайских областях. Данные о «тхиен-контактах» внутри этой пары (Вьетнам–Гуандун) многочисленны, за ее пределами это исключение. В свою очередь, это сказалось на сродстве буддийской архитектуры, художественного декора и проч.

Неслучайна практическая взаимопонимаемость вьетов и гуандунцев. Напомним, что границы так называемых южно-китайских диалектов совпадают с границами юэских (вьетских) государств древности, эти границы и в X в. н. э., когда здесь существовали независимые государства, мало

изменились.

Большую роль в сходстве сыграло и вхождение в одно независимое государство Аулак–Намвьет во II в. до н. э., а потом — в периодически полунезависимую провинцию.

6. Черты сходства у вьетов и собственно китайцев

Обращаясь конкретно к китайским элементам во вьетской культуре (официальный язык и проч.), надо выработать четкий подход к описанию этапов и путей китайского влияния. Этапов было, видимо, три: этап добровольного восприятия китайского социального и культурного опыта независимыми ранними вьетскими государствами современного северного Вьетнама и прибрежной полосы вплоть до устья Ян-цзы (середина I тыс. до н. э.); этап насильственного насаждения китайской социальной модели и культуры в ее «исконной» северокитайской форме в период «северной зависимости» (начало н. э. — IX в. н. э. в той же зоне); этап добровольного восприятия отдельных элементов северной культуры в независимом вьетском государстве, особенно в XI в., с короткими периодами бесперспективных попыток насаждения в верхах китайских норм как целостной культуры (XV и XIX вв.).

Часть северных черт была приобретена на первом этапе, еще в период независимых государств, до «северной зависимости». Это — письменность, отчасти — официальный язык, элементы государственной организации и титулатуры, технология обработки железа, часть боевого оружия, некоторые знаки престижа, парадная одежда. Все это было воспринято без давления, по вьетской инициативе, все это — стандартный набор воспринимаемого соседом, позднее вступившим на путь государственности.

В период «северной зависимости» вьеты ознакомились с конфуцианской философией, наряду с индийскими буддийскими сочинениями — с китайскими буддийскими текстами, китайской художественной и научной литературой, стихосложением, а также с изобразительным искусством, фарфором и т. д. Все это было воспринято в период «северной зависимости», не ранее. С его завершением китайское влияние на века ослабевает. Затем, в ходе становления централизованного государства в XI в., воспринимается много элементов культуры при сохранении своей структуры духовной жизни. Китайское у вьетов до середины XIV в. было «танским», в меньшей степени — «сунским» и «юаньским», и лишь добровольная «программная китаизация» второй половины XV в. принесла волну уже минской культуры как целостной структуры, современной тогдашнему вьетскому обществу.

Восприятие времен независимости шло по инициативе вьетов и было очень избирательным, касалось оно государственных документов, «культуры управления» в верхних эшелонах власти, организации столичных ведомств, государственных кодексов и проч. На этом этапе преобладали длительные периоды медленного распространения элементов китайской культуры через образованные слои — вниз, в народ, перемежавшиеся короткими периодами активного «программного» восприятия верхушечной культуры (вторая половина XV и вторая и третья четверти XIX в.). Основным был процесс распространения китайской культуры не китайцами, а китаизированной служилой прослойкой, которая влияла на остальное население. При этом чем ниже социальный слой, тем слабее сказывалось китайское влияние. Это видно и в верованиях, и в одежде, и в использовании национальной письменности и чисто вьетских слов, и во многом другом. Соответственно и в восприятии китайского социального опыта (очень выборочном) и китайской культуры (неизмеримо более широком) можно проследить несколько этапов, отмеченных выше. Но не следует думать, что, чем выше социальный слой и чем позже эпоха, тем сильнее китайское влияние. Наоборот. Самое важное было воспринято во времена «северной зависимости» и ранее: литературный язык письменности, принципы организации центральной (не локальной) власти и т. д. В дальнейшем, кроме двух отмеченных всплесков «китаизации», виден процесс распространения специфических военных институтов, своих направлений буддизма, своих типов городской литературы. Главное в последних веках — подъем массовой культуры, слабо китаизированной, в «верхние слои».

В колониальный период, когда связи с Китаем ослабли, а сам облик китайской цивилизации с неизбежностью поблек, вьетские элементы резко усилились, в чем немалую роль сыграла легко привившаяся латинская письменность; без внутренней потребности такое принципиальное новшество европейцам никогда не удалось бы внедрить. Дальнейшее расширение сферы преобладания вьетских культурных норм было связано с укреплением роли массовой культуры, особенно в период независимости в XX в., а также с вытеснением китайской высокой культуры — культурой общемировой, в ее французской, а затем русской и американской разновидностях. Верхи общества, веками стремившиеся привить массам китайскую культуру, стали очень быстро воспринимать культуру европейскую и привычно распространять ее среди низов. Но при этом сами верхушечные слои становились не менее, а все более национальными, так как навстречу вверх шла массовая слабо китаизированная культура. Зажатые между этими тисками китайские компоненты явно слабеют, хотя часть их навсегда стала частью национальной культуры — частью необходимой и полезной. Как бы

далеко ни «ушел» Вьетнам в Юго-Восточную Азию, в его культуре останется очень много китайского, и ничего особенного в этом нет, так было и у других народов (русские и греки, например).

Внутри Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Вьетнам входит в группу стран, объединяемую общим типом восприятия китайской культуры: Вьетнам, Корея, Япония. Имея мало контактов с Кореей и Японией, Вьетнам имеет ряд общих с ними черт, обусловленный тем, что из общего фонда китайской культуры во все три страны не попало то, что не может существовать без китайского этноса. Оставшееся же, как выяснилось, образует самостоятельный комплекс, роднящий эти три страны, особенно Вьетнам и Корею. Это синтетическая по типу культура с ханьскими элементами, не ставшая имперской, а обслуживающая один некий этнос.

7. Нерешенные проблемы сходства

Особняком стоят социокультурные явления, относительно которых нельзя с достоверностью судить, сближают они Вьетнам с Китаем или с Юго-Восточной Азией. Очень важно очертить круг этих явлений, чтобы, во-первых, произвольно не отнести их не в ту группу и, во-вторых, обратить на них особое внимание исследователей. Примером может служить культ предков; он лег в основу конфуцианства, которое, распространившись во Вьетнаме, оформило ряд черт вьетского варианта этого культа, не повлияв на саму основу. При поверхностном подходе эти черты могут выглядеть как следствие конфуцианского влияния, а на практике это слабо китаизированные, достаточно древние культы, исходно общие, как уже отмечалось, для обоих сравниваемых исторических регионов.

II. Диахронические сопоставления

Очевидно сходство основных этапов развития вьетского общества с этапами развития больших сообществ Юго-Восточной Азии и отсутствие такого совпадения — с этапами развития общества китайского (не говоря уже о разных факторах этапности: например, преобладание внутренних факторов в Юго-Восточной Азии и огромная роль внешнего степняцкого фактора в Китае).

В общей форме сходство всех стран Юго-Восточной Азии («Аустрии») выразилось в синхронном прохождении основных этапов социально-экономического развития: этапа раннегосударственных образований при схожих их формах (до VIII–IX вв. н.э.) и двух этапов развитого азиатского феодализма (XI–XVIII вв.) (X век был для вьетов переходным). На первом из этапов (XI–XV вв.) при признании прав государства и монарха на распоряжение доходами с земли и, в той или иной форме, самой землей в отношениях между частными владельцами господствовали публично-правовые нормы. При этом в первый период первого этапа (XI — первая половина XIII в.) преобладал интерес к контролю за частным землевладением и землепользованием, а также за статусом и числом несвободных крестьян, а во второй период (вторая четверть XIII — XV в.), также синхронно пройденный вьетами и всеми крупными «старыми» земледельческими народами Юго-Восточной Азии, сфера публично-правовых отношений сузилась: как в отношениях между деревней и большей частью светских частных землевладельцев, а также монастырей и храмов, так и между ними самими стало преобладать обычное право. (В ханьском же обществе социально-экономические и, в частности, аграрные процессы проходили совсем иные периоды и этапы.) Сходство это прослеживается вплоть до современности (хотя социалистическое государство во Вьетнаме является этапным совпадением с китайским обществом, оно вполне мотивировано сильными связями именно в сфере государственности). Определенное сходство этапов развития внутри Юго-Восточной Азии имеется у вьетского общества прежде всего с теми, у которых также была сильна общинная организация (с яванцами прежде всего). Сходство же в динамике с китайским обществом обусловлено, прямо или косвенно, важным фактором, роднящим направление этой динамики у китайского и вьетского общества, — древнее малоземелье в основном центре и столь же древнее демографическое давление в этом центре, диктовавшее в допромышленный период определенный социотнический тип поведения общества в целом («движение на юг»). Но этапы здесь совершенно не совпадают.

Этапы развития северовьетнамских долин в контексте культурных связей их населения

Прежде всего надо еще раз подчеркнуть, что речь идет о самостоятельном культурном, экономическом и политическом очаге.

В III–II тыс. до н.э. здесь был мощный очаг, подвергшийся влиянию с Запада, из центрального Индокитая, и оказавший влияние на Север, т.е. на Дальний Восток. С середины II по середину I тыс. до н.э. здесь был более самостоятельный очаг, пока слабо влиявший на свою ближайшую периферию. С VI по III в. до н.э. можно говорить о независимых государствах с обширным культурным влиянием на

юге (до Явы) и на западе (до Юньнани), одновременно активно воспринимавших по своей инициативе северный опыт. Во II в. до н. э. здесь существуют государства со смешанной вьетско-ханьской верхушечной культурой и крайне незначительными элементами ханьского этноса.

В I–II вв. н. э. положение меняется, начинаются, правда не очень решительные и почти безуспешные, попытки ассимиляции и выборочного заселения дельты Красной реки. В большей части эта программа провалилась, но возник и стал укрепляться смешанный вьетско-ханьский образованный слой управленцев. В условиях его господства в стране прошли восемь веков навязывания ханьских норм городской культуры, духовной жизни, государственности, языка, письменности, многих элементов материальной культуры. Даже буддизм, пришедший из Индии, воспринимался через *вэньянь*.

В конце IX — начале XI в. в условиях восстановленной независимости отмечен подъем глубинных верований при политической раздробленности и упадке ханьского влияния. В XI — начале XIII в. наступили «буддийские времена» династии Поздние Ли, с некоторым чамским влиянием в ряде областей культуры и восприятием новых моментов государственной культуры Китая. При следующей династии, Чан (вторая четверть XIII — третья четверть XIV в.), расцвел, а затем вступил в полосу кризиса буддизм *тхиен*, связанный с юэским гуандунским *чань*-буддизмом. С момента фактического прихода к власти Хо Куи Ли (последняя четверть XIV в.) и при династии Хо в начале XV в. начинается полоса «добровольной китаизации», сменяющаяся в 1407–1427 гг. насильственной китаизацией на оккупированной Минами территории Дайвьета. Во второй половине XV в. добровольная «программная китаизация» достигает максимума, а с начала XVI в. следует ее быстрый крах.

Середина XVI — XVIII в. — «военно-буддийские» времена, с некоторым оживлением «внутренней китаизации» в конце XVII в. в Дангнгоае (северная часть Дайвьета — владения Чиней).

XIX век начался прагматическими в духовной сфере временами императора Нгуен Тхэ-то (эра *Зялонг*, 1802–1819 гг.) и распространением христианства. Затем наступила вторая полоса «программной китаизации» — с третьей четверти XIX в. ее дополняют попытки «внутренней вестернизации» на Севере и насильственная колониальная вестернизация — на Юге.

80-е годы XIX — середина XX в. — дальнейшая насильственная вестернизация в условиях режима колонии и протектората. Затем 20 лет независимого развития в условиях добровольной европеизации по социалистическому образцу (с влиянием китайских путей модернизации в КНР) — на Севере и по американскому образцу — на Юге. И, наконец, развитие единого Вьетнама по модели новых индустриальных стран с учетом опыта китаеязычных стран и политических процессов в России и КНР.

В заключение надо повторить, что среди воспринятого от ханьцев вьетами в ходе контактов с ними надо всегда различать: 1) воспринятое вьетскими верхами и обществом в силу внутренней необходимости в период ранней государственности; 2) навязанное в период «северной зависимости»; 3) воспринятое в силу внутренней необходимости в период после «северной зависимости», прежде всего в XV в., во второй четверти XIX в. и в третьей четверти XX в. А кроме того, у вьетов и ханьцев есть базовое сходство, не связанное с родством или влиянием, — постоянный «марш на юг», окрашивавший общество и создавший там и там южную этническую группу со схожими отличиями от северной.

III. Разная степень контактности двух основных частей вьетского государства

Юг Вьетнама исторически оказался ближе к Юго-Восточной Азии как потому, что был заселен в период, когда в самом вьетском обществе усиливались его специфические, некитаизированные черты, так и по ряду внешних причин. К числу последних относятся: влияние чамского и кхмерского субстратов, далее — унаследованные от Чампы и Камбоджи более тесные внешние связи, наконец, неизмеримо более сильное европейское влияние как в силу его большей длительности, так и в силу меньшей сопротивляемости китайских элементов вьетской культуры у вьетов Юга. Большая духовная восприимчивость к новому выразилась в большем распространении христианства, массовости синкретических «новых религий» и проч.

Таковы самые общие мысли по этой весьма обширной теме. Но, кажется, пришла пора хотя бы четко сформулировать основные проблемы этого круга, что автор и попытался сделать, хотя и трудно в «процентах» оценить важность тех или иных компонентов.

Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии¹

Данная статья — попытка поставить проблему, обозначенную в заголовке, и наметить пути ее решения. Предложенный автором ракурс освещения проблемы, возможно, непривычен для читателя, но он, как нам представляется, и не тривиален. Аргументация гипотез и акцентирование определенных деталей, которые обращают на себя внимание и, собственно, делают возможной саму постановку проблемы, на данном этапе не претендуют на исчерпывающую полноту и призваны лишь отразить намерение автора привлечь внимание специалистов и стимулировать обмен мнениями по заявленной теме. Интересным кажется не столько наличие сходств и определение их перечня, сколько выявленный благодаря этим сходствам комплекс взаимосвязанных вопросов, при трактовке которых становятся возможными те или иные выводы о характере сходства, точках соприкосновения и феноменах уникальности каждой из названных культур.

Занимаясь длительное время историей, в том числе историей культуры Вьетнама и, в меньшей степени, Китая, регулярно знакомясь с публикациями по истории Кореи и Японии, автор давно заметил ряд сходств в традиционных культурах Вьетнама, Кореи и Японии при практически полном отсутствии регулярных контактов вьетнамцев с корейцами и японцами в древности, средние века и новое время; определенные сходства наблюдаются, на наш взгляд, и в современном облике этих культур.

Совершенно очевидно, что страны эти очень разные, своеобразна в том числе и деревенская организация в каждой из них. Сходства же между ними прежде всего касаются культурной области и характеристик верхних социальных слоев, иными словами — культуры верхов, культуры государства. В то же время многие из общих для названных стран черт не прослежены в Китае², т. е. наличие сходств в культурах полностью объяснить влиянием Китая невозможно.

Применительно к китайской культуре с очевидностью имел место отбор по какой-то единой модели, на протяжении длительного времени производимый в китайской культуре и обусловленный, на наш взгляд, двумя факторами. Первое: некоторая древняя базовая общность, повлекшая за собой заимствование из богатого арсенала китайской культурной традиции чего-то схожего. Второе: наличие в китайской культуре ряда черт, которые объективно могли быть реализованы за пределами китайской государственности (мы вводим для них условное наименование *экспортбельных*); но они не составляли **всей** социальной и культурной традиции Китая.

Общие черты в культурах этих трех стран мы видим далеко не во всем, но они есть и проявляются прежде всего в духовной культуре, потому что базой, обусловившей восприятие определенных элементов иноэтнической культурной традиции, оказался культ предков. Сходства, разумеется, не полные уже потому, что Вьетнам — это Юго-Восточная Азия, а Корея и Япония — Северо-Восточная. Однако напомним, что все они в раннем каменном веке входили в приморскую Хоабиньскую область. Позднее Вьетнам проходил основные этапы социального развития вместе с более развитыми в древности обществами Юго-Восточной Азии, но в древнейший период, в эпоху Донгшонской цивилизации в I тыс. до н. э., да и ранее, — влиял на Корею и особенно на Японию.

Когда рассматриваешь результаты заимствования из социального и культурного опыта китайцев, возникает ощущение, что все три народа в принципе брали опыт того же порядка, что и древние и средневековые народы умеренного пояса Европы — у Древней Греции, Рима, Византии; а специфически китайское, т. е. неэкспортбельное, не брали. На наш взгляд, это происходило потому, что заимствовать специфически китайское (т. е. для других стран — римское), не отказавшись при этом от собственной культуры, вообще нельзя³.

В частности, в Китае поклонение духам предков давно породило детально разработанное этико-политическое учение — классическое конфуцианство, исключившее возможность разработки космогонии и возникновения на ее основе чисто китайской религиозной системы. Воспринятый

¹ Впервые опубликовано в сб.: Традиционный Вьетнам. Вып. II. М., 1996, с. 40–49. Автор пользуется возможностью поблагодарить д. и. н. С.В.Волкова и к. и. н. Е.К.Симонову-Гудзенко за полезные замечания по Кореи и Японии, высказанные при подготовке данной статьи к печати в 1996 г.

² Или прослежены там в формах, отличных от существовавших и существующих в трех странах.

³ Полностью культуру Китая восприняли лишь веками ассимилировавшиеся и к тому же включенные в состав империи представители юэ из современных провинций Фуцзянь, Гуандун и Гуанси.

несколько позже буддизм после многовековой борьбы также был вытеснен в Китае на второй план. А в трех странах, о которых идет речь, культ предков (в Японии составляющий часть *синто*) функционировал в традиционных для этих стран и более ранних формах еще до проникновения в них конфуцианства, дополняясь с III–IV вв. н. э. буддизмом на равных основаниях. Кстати, сам принцип «религиозно-философской дополнительности», когда 2–3 модели восприятия мира сосуществуют, доминируя каждая в своей нише, присущ и трем странам, и Китаю; в ослабленном виде он отмечается и в других странах Юго-Восточной Азии, где культ духов предков до сих пор также является основной формой массовых религиозных верований у многих народов. В результате малоэкспортбельным оказалось классическое ханьское (или чистое) конфуцианство с его сложной теорией, книжной культурой, чиновничьим менталитетом (отмеченным, впрочем, и в Корее) и отчужденностью от основной массы крестьянского населения.

Вернемся к теме общих черт, не представленных в Китае. В социокультурной сфере в трех странах все обстояло проще и естественнее, с европейско-христианской точки зрения, делая их культурно более похожими (без учета принципа дополнительности) на средневековую Европу. Перед нами гармонично устроенные общества без довлеющего влияния «цивилизации Большой Реки», с прочными этногеографическими связями по всей земледельческой территории, с осознанием «родины-земли», а не «родины-культуры» или «родины-империи», в то время как ханьцы на реке Хуанхэ — это техногенное общество, сакрализовавшее свои социальную структуру и быстрый технологический прогресс в форме рационалистического конфуцианства. Что касается китайского мистицизма (даосизма), то он в своей высокой философской форме тоже оказался неэкспортбелен как целое. В раннесредневековой Японии он лишь отчасти повлиял на кодификацию *синто*.

В итоге применительно к Вьетнаму, Корее и Японии экспортбельными оказались следующие элементы культурного и социального опыта Китая: а) письменность; б) упрощенные государственные институты, все время корректировавшиеся местной нормой, и часть соответствующей идеологии; в) часть литературы, на раннем этапе в основном буддийской. Аналогичные заимствования у техногенного Рима отмечаются и у народов средневековой Западной Европы.

Как следствие в культурах трех стран возникла бинарность своего и китайского, причем из китайской культуры была взята только ее часть; как целое донорская ханьская модель оставалась чуждой этим обществам, т. е. неэкспортбельной.

Сходства, отмечаемые в культурах трех стран, но не прямо заимствованные из Китая, обусловлены и первыми, самыми значительными по последствиям контактами. Реализовывались эти контакты в разное — в абсолютном исчислении — время (от III в. до н. э. до III в. н. э.), но стадийно на одном и том же этапе, а именно в период становления государственности. А посему список необходимого на этом этапе во многом оказался идентичен: это все были элементы государственности, правда упрощенной за счет отсечения сложных форм. Древнекитайское же общество в эти века проходило иной этап — этап создания и существования первых китайских империй, в которых быстро победило классическое конфуцианство второй волны, так называемое ханьское конфуцианство, еще не дополненное буддизмом.

Важно и то, что, возникнув и развиваясь, три государства со временем оказались сходны между собой (и все — отличны от Китая) в том, что по размерам, числу крестьян, образованных людей, войск, городов и т. п. они были сопоставимы с территориями отдельных провинций китайской империи, а по этническому сознанию, наличию династий, столичных институтов являлись самостоятельными государствами. Ощущение пространственного единства, даже в эпоху политической раздробленности в Корее и Вьетнаме, плюс ощущение соизмеримости личности и государства в чисто психологическом плане («человек мог зрительно представить себе страну») — вот что отличает три страны от Китая. Все они — относительно небольшие государства с преобладанием одного постоянного этноса, где население занималось интенсивным земледелием; государства на их территории не ставили обычных имперских задач и соответственно не сталкивались со следовавшими из них трудностями (имперские тенденции вьетского государства Дайвьет, впоследствии — Дайнам, были достаточно слабы и исторически недолговременны). Важную роль сыграло и историческое постоянство границ (Корея и Япония) или большей их части (Вьетнам).

Существенным для рассмотрения нашей проблемы является и единственность Китая как источника необходимого социального и культурного опыта. И хотя бросающейся в глаза близости у этих трех народов нет, однако в том, что заимствовано из Китая, обнаруживаются очевидные сходства. Следовательно, причины этого феномена следует искать не только в трех странах, но и в самом Китае, поскольку определенные элементы китайской традиции были экспортбельными, а другие — нет.

Важно, что с момента восприятия китайского опыта появляются новые черты сходства, которые привлекают к себе внимание. Они и «парные» (Япония–Вьетнам; Корея–Япония; Вьетнам–Корея), и «тройные», т. е. общие для всех трех стран. Где они заметны? Прежде всего в государственном устройстве и культуре верхов. Напомним, что констатация факта определенной социальной «двуслойности» (верхи и деревня) культуры этих народов давно уже стала общим местом.

После вступительных замечаний перейдем непосредственно к анализу сходств между тремя странами, а также к рассмотрению экспортных и неэкспортных элементов в китайской культуре. Ниже будет предложен как список общих черт, так и перечень заимствованного тремя странами: 1) в период становления государства; 2) в развитое средневековье, приблизительно в XII–XIII вв.; 3) в ходе контактов XIV — середины XIX в.; 4) в «эпоху альтернативы» — распространения европейского опыта.

Заметим, что из-за китайской культурной специфики китайское крестьянство, в отличие, например, от италийского времен Римской империи, лишь в малой степени можно считать распространителем китайской культуры. Поэтому догосударственные по уровню развития этнические сообщества уже в пределах китайских империй оказывались слабо китаизированными. Китайская культура — не культура Рима, где во многих провинциях ассимилировались все. На внутренней периферии китайской империи (а порой и за ее пределами) китаизировались только верхи, если они в этом нуждались (т. е. если общество уже вышло на этап государственности). А уж верхи затем китаизировали низы, что происходило постепенно и очень долго.

Итак, каковы же эти сходства, как исходные (I), так и связанные с восприятием одной и той же части китайской культуры (II)? Последнее усилило первоначальную близость и создало, собственно, существующую общность трех стран в большей степени, чем базовые сходства.

Вначале укажем список базовых сходств для трех стран, который заведомо носит предварительный характер.

I. Базовые сходства культур трех стран

I.1. Поклонение духам предков в простой, неконфуцианской модификации как основа сакрализации власти верховного правителя.

I.2. Интенсивные контакты рисоводческого населения северного Вьетнама в эпоху поздней бронзы (во времена Донгшонской цивилизации) и ранее, еще в каменном веке, с южными рисоводческими областями древней Кореи и Японии.

I.3. Синхронность этапов становления государства и, в меньшей степени, прохождения некоторых этапов его развития.

I.4. Средний размер, относительная компактность, эффективное управление из одного центра (временами двух-трех, но расположенных недалеко один от другого, исключение здесь — Корея).

I.5. Моноэтничность и отсутствие родственных этнолингвистических групп за пределами страны (для большей части последних двух тысячелетий).

I.6. Проживание основного населения в приморских больших долинах, ограниченных горами, при отсутствии в стране степей и, соответственно, кочевничества.

I.7. Относительно долгое существование малой общины.

I.8. Вертикальная бинарность (как и Китае) верховной власти в средние века и в новое время (режим *тенно-сёгун*, *вуа-тюа*, параллельные «династии» временщиков), при этом в Японии — почти изначально, во Вьетнаме — с XVI в., в Корее — в период Корё.

I.9. Широкое распространение *дхьяны* (*тхиен* во Вьетнаме, *сон* в Корее, *дзэн* в Японии). Буддизм *дхьяны*, в том числе и в не ассимилированных до XI в. южских (вьетских) провинциях юга империи Тан, где он именовался *чань*, очень схож в трех странах и сильно отличается от буддизма в центральной части империи Тан.

Есть и «парные» сходства, например «Вьетнам–Япония» (I.A):

I.A.1. Высокий статус военных в средние века (в Японии — с XII в.; во Вьетнаме — с XVI в.).

I.A.2. Пространственная бинарность общества в Японии и Вьетнаме (как и в Китае), когда центральная власть и легитимность сосредоточены на севере, а на юге (в Японии — на юго-западе) — большее богатство, социальная инициатива и открытость новым идеям; при этом политическая победа обычно остается за севером. Отметим, что это лишь тенденция, по-разному выражавшаяся в тот или иной период.

I.A.3. Определяющее влияние культа духов предков во Вьетнаме и, в меньшей степени, в Японии. В Корее конфуцианская обрядность многое из архаичных верований, по-видимому, вытеснила; это же касается и корейского *сона*.

Аналогично можно было бы рассмотреть «парные» сходства «Вьетнам–Корея», «Япония–Корея». Многие «парные» сходства «Вьетнам–Корея», «Вьетнам–Япония» определяются объективными условиями. Вьетнам и Корея находятся в непосредственном соседстве с Китаем, а Япония — вне его досягаемости. С другой стороны, Вьетнам и Япония находились либо во враждебных отношениях с Китаем (Вьетнам), либо в нейтральных (Япония), а Корея — в совершенно особых, более тесных, что отличало ее от первых двух стран. По мнению С.В.Волкова, корейское государство, которое сохраняло преемственность на протяжении двух тысяч лет (Силла–Корё–Ли), т. е. собственно Корея, никогда не

воевало с Китаем. Единственное исключение составляет период 670–676 гг. Отношения Кореи с Китаем всегда одинаковы, и притом такие, каких не было у Японии и Вьетнама: 1) мирные; 2) предельно дружественные, освящавшиеся полным преклонением перед Китаем; 3) характеризующиеся добровольной зависимостью, но в мягкой форме. Если Вьетнам для Китая был то силой покоренным, то независимым краем, Корея являлась всегда покорной (без завоеваний) территорией. Неудивительно, что из трех стран Корея была максимально китаизированной, вплоть до стремления быть более «китайской», чем сам Китай.

Из специфических черт укажем в первую очередь следующие:

- во Вьетнаме — исключительная мощь общинных институтов;
- в Японии — высочайший уровень собственной по происхождению литературы;
- в Корее — редкая слабость военного начала, особенно в последние столетия.

Последний список, как, впрочем, и предыдущие, можно существенно расширить, но характер статьи этого не предполагает.

Рассмотрим далее сходства трех стран, связанные с восприятием одной и той же части китайской культуры (II).

II. Единые, воспринятые тремя странами экспортные элементы китайской культуры

II.1. Основы административной структуры и организации государственного аппарата.

II.2. Сочетание сакральных элементов культа духов предков в семье и общине и китайских обрядов в сфере почитания верховного правителя и его предков.

II.3. Достаточно широкое распространение неоконфуцианства вскоре после реформ Чжу Си. Последующие инновации не нашли заметного отклика в этих странах, да и не были особенно существенными. Собственное развитие неоконфуцианские идеи получили не сразу и не во всех трех странах. Это происходит лишь в «эпоху альтернативы», когда началось восприятие опыта стран христианской традиции, а роль Китая падает.

II.4. Длительное использование китайского языка с последующим переходом на национальную письменность, пути становления которой часто схожи (Вьетнам и Корея).

III. Неэкспортные элементы китайской культуры, отсутствие которых объединяет культуру трех стран

Если рассмотреть проблему экспортности в общем виде, то следует отметить отсутствие восприятия всего массива громоздкой, этнически чуждой трем странам китайской культуры. Конкретно оказались «непригодными для вывоза» следующие ее элементы.

III.1. Классическое конфуцианство и все, что с ним связано. Отсутствовал период преобладания классического ханьского конфуцианства, также не отмечены сколько-нибудь значительные национальные философские течения в его русле. За пределы империи сумело выйти только неоконфуцианство, возникшее, по-видимому, в связи с включением в сферу реального управления больших масс «своих» степняков и юэских крестьян юга империи, а также в связи с возникновением смешанных китайско-степняцких государств на севере.

III.2. Философский даосизм. Во всех трех странах он также не получил широкого распространения.

III.3. Значительная часть верхушечных структур государственной власти в их китайском облике, т. е. развитые детализированные императорские институты, а веками — реальная власть императоров вообще (хотя стремление к созданию таких институтов было, и временами они начинали создаваться, чтобы вскоре вновь исчезнуть).

III.4. Имперская модель поведения и мышления, одним из следствий отсутствия которой являлось относительное или полное на протяжении веков безвластие императоров; за ними сохранялись лишь функции посредничества в контактах с высшими силами.

III.5. Культ «благородного мужа» (*цзюньцзы*) в китайских масштабах, хотя попытки в этом направлении предпринимались.

III.6. Высшие жанры литературы о государстве: династийные хроники китайского типа, подробно рубрицированные географические описания и т. п. (кроме Кореи). Зато порой воспринимались и получали широкое распространение периферийные в китайской книжной традиции литературные жанры, как, например, рассказы о духах, об удивительном и необычайном.

III.7. Идея идентичности понятий «государство» и «культура», абсолютно необходимая лишь для

двухтысячелетней империи с менявшимися границами, этносами, с разной степенью включенности в жизнь собственно китайцев (ханьцев) многомиллионных народов (порой чуждых им по большинству параметров), с этнической неосвоенностью огромных территорий, номинально принадлежащих империи.

Ш.8. Собственно ханьский буддизм — амидаизм. Он поздно и слабо распространялся за пределы Китая.

Ш.9. Практическая «второстепенность» в Китае военного начала, приоритет гражданских структур; в особенности это не привилось во Вьетнаме и Японии.

Ш.10. Социальная стратификация китайского общества, и прежде всего в деревенской среде. В условиях, когда китаизацию проводили верхи соответствующей страны, вертикальные структуры китайского типа распространиться не могли, даже в виде идей (как распространилась идея права в Западной Европе).

Подводя предварительные итоги, выделим три основные позиции при описании сходств в культурах трех стран:

- 1) базовое исходное сходство трех стран;
- 2) единство той части донорской модели Китая, которая смогла стать объектом восприятия за его пределами;
- 3) сходство «государственной культуры», обусловленное взаимодействием общего заимствованного и общего «незаимствованного» на протяжении длительного времени в условиях небольших государств, не являвшихся полиэтническими империями.

Сходства в современной ситуации в трех странах

Именно эти три страны, а не континентальный Китай, «пришлись ко двору» в постиндустриальном мире. Среди восточных народов, собственно, только они, да еще китайцы-южане, находящиеся за пределами традиционного континентального Китая (хуацяо), в послевоенное время смогли наиболее гармонично инкорпорироваться в мировое экономическое сообщество. Самому Китаю мешают не национальные особенности каждого отдельного китайца, а китайская традиция, воплощенная в традиционных центрах китайского государства как носителях социокультурной модели умершей аграрной техногенной «цивилизации Большой Реки». Сейчас современно то «китайское», что живет за пределами континентального Китая. А как раз три страны, о которых шла речь, веками были китаизированы и находились за пределами Китая. Многие из китайского были ими заимствованы, а целостная модель, очень громоздкая и негибкая, не пригодилась, она не взята. В этом причина сегодняшнего (необязательно завтрашнего) процветания трех стран, поскольку «очищенная» от национальной специфики и «упрощенная» китайская культура, обладая малой инерцией, оказалась более приспособленной именно к постиндустриальному обществу. Разумеется, когда изменится мировая ситуация, может измениться и воздействие этого фактора. Но пока это именно так.

Три страны и сейчас различны между собой, исходные сходства во многом изменили форму, но «китайская часть» их культуры, ставшая уже «своей», едина у всех трех и удобна для организации производства в постиндустриальном обществе (китайская неоконфуцианская этика). Поэтому сейчас культурное сходство Вьетнама, Кореи и Японии особенно заметно. А состоит оно, как и прежде, в сочетании базового единства и одинакового использования экспортных элементов китайской культуры в целях оформления своего типа общества. Заимствованное из Китая — это прежде всего административно-политическая система, экзамены, классическая литература, относительно светский характер общества, а также все то, что связано со статусом государственного служащего.

По мере контактов китайский опыт для трех стран уже был менее нужен, но, в отличие от Рима и Византии, Китай, меняясь, сохранился как империя. По этой причине первоначальное сходство все время подкреплялось новыми контактами, пока Китай оставался единственным центром более развитой «государственной культуры» — культуры государственных институтов. С появлением европейцев и возникновением альтернативы начался быстрый отход трех стран от Китая. Сейчас и их отличия от Китая, и их взаимное сходство заметнее, чем раньше, так как для них «китайское» в прошлом — это то же самое, что Рим для стран Западной Европы в начале средних веков. В нашем столетии если и имело место использование китайского опыта, то только при выборе форм модернизации во Вьетнаме. В настоящее время сохранились лишь модифицированные базовые сходства и то общее «китайское», что давно стало важной частью местных культур. Это и обусловило, видимо, быстрое техническое развитие во всех трех странах при сохранении, в частности, авторитарных структур в разных формах.

Итак, общее в культурах Вьетнама, Кореи и Японии — это исходное культурное сходство на основе

культы духов предков плюс одни и те же элементы, заимствованные из Китая и адаптированные в условиях «неимперских» обществ. Трех странам не была присуща архаическая техногенность единственного на Дальнем Востоке «народа Большой Реки». Технологический рывок в аграрном обществе ханьцев в древности объединил огромные массы однородного, компактно проживающего населения на Хуанхэ, затем — на Янцзы, но оно оказалось обладающим огромным запасом инерции в социальной и духовной сфере, что служит тормозом дальнейшего развития. Созданные же в предшествующие века в трех странах социокультурные и управленческие институты оказались одинаково приспособленными к активному участию в экономической жизни постиндустриального общества⁴.

---

⁴ Заметим, что в индустриальном обществе конкурентоспособные структуры не возникли даже в Японии, где и военная промышленность в первой половине XX в. вряд ли заслуживала названия «передовой».

Вьетнам — главный шанс Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии¹

Многим предлагаемые тезисы могут показаться парадоксальными, но такова судьба большинства крупномасштабных идей. Ограничивается ли сходство предлагаемых положений с крупномасштабными идеями лишь их парадоксальностью — судить читателю и времени.

Речь пойдет о процессах интернационализации, о сложении «обоюдопонятного» мира. Этот процесс не надо путать со сложением **одинакового** мира на основе европейского общества, тем более что автор видит в Азии второй половины XX в. преобладание процессов девестернизации.

Сложение обоюдопонятного мира идет давно, уже 400 лет европейцы-христиане объясняли себя остальному миру, в основном в качестве миссионеров и начальников. И при этом в большинстве случаев не стремились понять «Восток», процесс был односторонним. Теперь, уже полвека, очевидно, что страны Востока все более самостоятельны и сильны, их надо понимать.

И вот в этой ситуации важно знать потенциал интернационализации каждого народа Востока, поскольку процесс понимания отныне двусторонний.

После этого необходимого замечания перейдем к теме.

При всех успехах японского, южнокорейского и локального китайского (Сингапур, Тайвань, Гонконг) экономического развития социальные структуры там остались достаточно традиционными во всех важнейших аспектах. До поры до времени это не создает никаких проблем. Но интернационализация, т. е. выход в мир в качестве одного из равноправных хозяев его, а тем более потенциальных лидеров, — предполагает понятность для мира и понимание мира на планетарном, в настоящее время — европейском по культуре и социальной структуре, уровне. Такая задача уже ставится в Японии и реже — в Китае (правда, с несколько иных позиций). Основным препятствием для этого были и есть не столько специфичность общественной жизни носителей дальневосточной цивилизации, сколько неполная переводимость ее на международный язык и неполное понимание мировых норм ее носителями. То, что именно это главное, ощущалось в Японии уже во времена реформ Мэйдзи, еще более ощущается сейчас. Это же относится и к китайцам, от КНР до Сингапура (Социалистическая партия которого не так давно оказалась вне Социинтерна именно из-за чисто формального подобия этой достаточно традиционной структуры современным партиям). И то, что японцы и китайцы вступили в современный мир с неразрушенной социальной традицией, — это уже факт; господство рыночной экономики не повлекло за собой становления гражданского общества (особняком стоят Южная Корея, в какой-то мере — южный Вьетнам, однако это особая проблема развитых, но нелегитимированных зон в государствах дальневосточного типа). Необходимость борьбы с этой цивилизационной традицией для вхождения в мир японцы осознавали уже в первые десятилетия после Мэйдзи, но особых успехов не было, что очень важно. В более слабой форме то же было в Китае.

А вот у одного-единственного народа дальневосточной культурной традиции это вышло само собой, т. е. не только по своей воле (хотя и по своей тоже), — это вьетнамцы. Они единственные, кто не только может интернационализироваться, но уже в очень большой степени интернационализировался, к тому же этот процесс шел здесь всегда, а особенно интенсивно в XIX–XX вв., причем очень широко и всесторонне.

Рассмотрим в этой связи два основных аспекта.

I. Интернационализация традиционной вьетнамской культуры, обусловленная как сочетанием с древнейших времен аустроазиатских и китайских традиций в культуре народа и широкими влияниями разных центров, так и ассимиляцией равных по уровню развития народов (чамы, часть кхмеров) и народов, находящихся на более ранних уровнях развития (горцы). Способствовало этому и то, что Вьетнам — единственная страна Дальнего Востока, веками находящаяся на стыке мощных культурных традиций.

II. Интернационализация через европейскую культуру. Одним из ярких следствий всего сказанного выше было то, что доля христиан в начале XIX в. здесь была самой высокой среди независимых стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Интенсивными были и другие контакты с Европой в XVII–XIX вв. этого совершенно немореходного народа, даже по сравнению с Китаем. После французского

¹ Публ. впервые. Доклад, прочитанный в ноябре 1991 г. в г. Ханое перед сотрудниками Центра по реставрации архитектурных и исторических памятников Министерства культуры СРВ.

завоевания прошли три этапа интернационализации, два из которых еще продолжаются. Они связаны с Западной Европой (Франция), СССР и США. Все эти контакты были очень интенсивными, общение с Францией и Америкой в условиях их широчайшего присутствия шло внутри страны, контакты с СССР были очень широкими, длительными и взаимными. Будучи результатом как готовности вьетнамского общества, так и внешних событий, общение последних полутора столетий имело следствием гораздо более широкую интернационализацию, чем прежде. Потенциал интернационализации велик и уже во многом реализован. (Как частный случай хотелось бы отметить, что эмиграция у вьетнамцев — самая большая в процентном выражении, причем в самых разных странах и с установкой на понимание страны, а не на создание закрытых общин, как у китайцев в Европе, хотя так бывало и у вьетнамцев, при этом вьетнамская эмиграция — с высокой долей интеллигенции.) Один из важнейших видов такой реализации — массовый переход вьетнамцев (практически единственных из числа народов конфуцианского культурного ареала) к латинице уже с начала XX в., со всеми бесчисленными фундаментальными последствиями этого шага.

«Интернационализация» — слово длинное, и означает оно процесс. Для последующего изложения необходимо ввести дополнительно понятие «потенциал интернационализации», обусловленный предшествующим развитием и, в свою очередь, обуславливающий ход, темпы и формы последующей интернационализации. Назовем этот потенциал «интерно».

Вернемся теперь к первому аспекту на более детальном уровне. Укажем, что у вьетнамцев «интерно» было всегда наивысшим на Дальнем Востоке; хотя физический объем контактов был, естественно, ниже, чем у китайцев, но доля его в общем объеме социальной активности была выше. Рассмотрим основные факторы, обусловившие большую величину «интерно».

1. Вьетский этнос сложился на стыке двух больших этнолингвистических областей: древнекитайской и аустроазиатской (в настоящее время ярче всего представленной кхмерами). Здесь в середине III — начале I тыс. до н. э. взаимодействовали эти две близкие тогда по уровню культурного и экономического развития этнические группы. В этом отличие предков вьетов от предков японцев и корейцев, да отчасти и китайцев, которые все были ядрами соответствующих культур. Что же касается контактов с аустроазиатами, то зона контакта охватывала лишь южные группы древних китайцев, так же, как у аустроазиатов в этой зоне находилась малая их северная часть. Но предки вьетнамцев все жили в этой зоне контакта (северный Вьетнам — южный Китай), и в этом их исконное своеобразие. Таким образом, «интерно» исходно было самым высоким в регионе.

2. Вьеты в I тыс. до н. э. на нижнем течении Янцзы, в Сицзяне, а также в северном Вьетнаме никогда не образовывали компактной огромной инерционной массы, как предки китайцев; занимаемая ими обширная территория на северном берегу Южно-Китайского моря естественно членится географически — там было пять государств пяти достаточно отличавшихся друг от друга народов юэ (вьетов). Это также облегчало контакты и поддерживало высокое «интерно».

3. Для предков вьетов никогда не существовало ощущения вакуума вокруг, типичного для китайской культуры, поскольку с самого начала государственности и до XVII в. они граничили с равным по культурному и иному потенциалу, но совершенно другим по языку, культуре, религии чамским обществом, затем — кхмерским, затем — лаосским.

4. С начала нашей эры шли постоянные контакты с двумя более мощными центрами — китайским и индийским, — причем в сопоставимой степени: важно, что китайцы в I тыс. н. э. дали письменность, а индийцы — мировую религию; это редчайшее положение (обычно — то и другое вместе) также способствовало открытости и избирательности вовне, поскольку не было ориентации только на один центр в момент восприятия фундаментальных элементов культуры. Отчасти это было и следствием уже накопленного более высокого, чем у соседей, «интерно». Ситуация опять отличает вьетнамцев от корейцев и японцев, к которым с начала нашей эры все шло от китайцев или через них, и от самих китайцев, которые многое в это время воспринимали из Индии — но только из Индии, т. е. из одного центра, а не из двух, как у вьетов. Одновременное и достаточно позднее восприятие буддизма и китайской духовной традиции не позволило ни тому, ни другому оттеснить культ предков — исконную религию вьетов, сложилась система религиозного плюрализма, минимально мешавшая восприятию новых идей.

5. В средние века наблюдался постоянный рост «интерно» вследствие:

а) постоянного восприятия извне (из Китая и Индии, из Индии вначале непосредственно, потом — через постоянные контакты с чамским, меньше с кхмерским государствами);

б) также все время шедшего освоения сначала чамских, затем кхмерских земель, попыток подчинения лаосских племен. Причем тут осваивались крупные, в сравнении с исходной территорией и населением, области близких по уровню развития, но этнокультурно чуждых народов. Параллельно шло освоение и территорий горных народностей, стоявших на более ранней ступени социального развития. Освоение чамских и кхмерских земель дало две трети современной площади страны; на этих территориях среди переселенцев исходные традиции были ослаблены (в том числе и за счет облегчения развития новых, собственно вьетских тенденций), и, как следствие, «интерно» возросло.

6. В XVII — середине XIX в. шло самое активное на Дальнем Востоке восприятие европейского опыта (производство оружия, изготовление денег, приглашение советников и наемников, политика — временами — религиозной терпимости, вплоть до признания христианства равным «коренным» религиям в начале XIX в.). Число христиан по отношению ко всему населению было самым большим в регионе (кроме колонизированных Филиппин). При всем этом вьеты не были морским торговым народом, как многие соседние народы региона, хотя и имели крупный международный порт Хойан.

Очень важно, что носителем «интерно» являлся народ в целом, особенно в позднее освоенных областях Юга, имевших в XVI–XVIII вв. собственную государственность, а не только его образованный слой и горожане (в отличие, например, от арабо-мусульманских стран с их повышенной ролью города). Необходимо добавить и «плюрализирующую» роль наличия двух (а не одного) государств с четким отделением реальной власти их правителей от общевьетской сакральной власти императора-*вуа*. Такой модели больше ни у кого на Дальнем Востоке не было. Немалую роль в укреплении «интерно» играет и «тропический», легкий тип общения, более близкий, например, к таковому у малайцев, чем у других народов Дальнего Востока, даже у южных китайцев, т. е. потомков ассимилированных вьетов, чьи государства вошли в китайскую империю, в отличие от Вьетнама. Это позволяло и позволяет легче адаптироваться к поведению других народов.

7. «Интерно» в середине XIX в.

Важные процессы начались с постепенным установлением власти европейцев — французов. Для нашей концепции очень важно, что из всех стран Дальнего Востока только Вьетнам прошел через стадию колонии европейской державы: Юг — на протяжении 1860–1954 гг., более 90 лет (жизнь трех поколений), Север — с середины 80-х годов XIX в. по конец 40-х годов XX в., более 60 лет (жизнь двух поколений). Только здесь европейцев видели вблизи и не с одной стороны, а «в полном объеме», как хозяев. Только здесь учились по их учебникам, повседневно сотрудничали с ними; многие искали свое будущее в мире их культуры. Добавим к этому «обиду» многих на свою культуру, не обеспечившую сохранение независимости; надо помнить, что развитое вьетнамское общество прекрасно понимало, что победило не оружие европейцев, а весь комплекс промышленного европейского государства в противопоставлении с аграрным неевропейским. Подобного импульса не имело ни одно дальневосточное общество; колониальный период многому помешал, но и дал кое-что такое, чего не было и пока нет у других народов Дальнего Востока. Японии же в этом отношении «не повезло», так как она никому всерьез не подчинялась до 1945 г. Независимость дороже всего, но, наверное, японцы дорого бы дали за тот опыт, пусть горький, которым располагают вьетнамцы. Напомним, как много архаичного ушло из японского общества за короткий период американской оккупации. Колонизаторы и победители мало что пытались вырастить в побежденных обществах, но архаичное первым не выдержало конфликта с европейцами. Напомним, что речь идет не о роли европейского присутствия в Азии вообще, а о том своеобразном типе контакта, который возникал при общении европейцев с развитыми и, как стало видно только сейчас, наиболее готовыми к промышленному развитию народами древней дальневосточной (не надо сводить только к китайской культуре) традиции.

Французы, как и американцы в Японии после 1945 г., многое разрушили из архаичного, а главное — продемонстрировали множественность возможных типов верховной власти (а не ее единственность, как прежде), сломав главный стержень политической культуры — власть императорского дальневосточного типа. Другим важным обстоятельством является то, что вьеты долгое время видели рядом иной тип этнического поведения, к которому не могли не приспособиваться, поскольку власть принадлежала носителям этого типа. Кроме того, Франция практиковала «прямое управление», ориентированное на ассимиляцию (хотя и не весь период своего правления). К этому надо добавить, что в силу специфики французского общества во Вьетнаме было много французов на средних постах, которые в Британской Индии, например, занимали индийцы. Массовым, вплоть до средних слоев, было знание французского языка, относительно широкой была сеть французских школ, вплоть до высших. Немалую роль сыграл и импонирующий стиль французской культуры. Все это вело к росту «интерно». В стране после военного поражения в конце XIX в. не было авторитетных «чисто консервативных» сил. Не было и заметных прокитайских или прояпонских групп, несмотря на возможности этих стран и в начале века, и в первой половине — середине 40-х годов (имеется в виду присутствие японской, затем китайской армий в стране).

В результате с середины 40-х годов проевропейское «интерно» растет, но ориентировано оно теперь в политическом центре страны на Севере иначе — на СССР, в меньшей степени, — на модернизирующуюся КНР. Последнее очень важно: несмотря на большую понятность Китая, основным ориентиром стал возглавляемый Россией СССР. И началось то, чего Япония, тем более Китай не знали (Корея с ее разделом и длительным американским присутствием на Юге быстро приближалась к Вьетнаму, особенно в южной части, но слабое «интерно» XV–XIX вв. обусловило иные результаты, хотя в том же направлении: около половины корейцев Юга — христиане). Огромное число вьетнамцев училось в советских вузах, тысячи русских и представителей других народов СССР

работали во Вьетнаме практически во всех сферах. И если вначале действовали старые стереотипы контактов, то потом народы узнали друг друга (речь идет о вьетнамцах и русских). Роль «советского присутствия» во Вьетнаме, роль марксистской идеологии в ее «советском варианте» и, главное, роль СССР как «окна в Европу» для северного Вьетнама в 50-х — середине 80-х годов очевидна. Что касается Юга, то здесь шла быстрая смена французски ориентированного «интерно», традиционно более сильного у южан, на американски ориентированное. Американское присутствие было менее длительным, поездки в США до эмиграционного потока — менее интенсивными. Но, во-первых, «интерно» Юга всегда было сильнее и продолжало расти, во-вторых, участие американцев в войне 1965–1973 гг. было очень активным; оно воспринималось разными группами населения по-разному, но для нашей темы важна прежде всего интенсивность и массовость контактов, а она очевидна. «Американский образ жизни» оставил свои следы во многих. По прошествии времени о втором факте можно говорить вполне определенно.

Так или иначе, ни на Севере, ни на Юге не только не было ксенофобии или пренебрежительно враждебного отношения к европейским народам (как в определенные периоды в Бирме, Индонезии, а также в Японии и Китае), но «интерно» продолжало расти и крепнуть, тем более что контакты не сопровождались, особенно на Севере, ущемлением национального чувства так сильно, как в колониальные времена. В независимом Вьетнаме процесс интернационализации не прервался, как во многих странах Азии и Африки на тот или иной период, он продолжался и ширился, захватывая все более широкие слои населения.

В этих условиях Вьетнам в 1975 г. объединился, прекратилась война, делавшая «интерно» больше культурно-политическим, чем экономическим. В тот момент Север был разорен и частично разрушен, Юг не представлял экономического интереса для Запада, и соответствующие связи были слабы. Но за последние 17 лет экономическое «интерно» все время росло, в явной форме — с начала 80-х годов и сильно — в последние 4–5 лет. Именно в эти годы стало ясно, что Вьетнам идет путем «новых индустриальных стран», в перспективе — Японии, т. е. стран дальневосточной культурной традиции. Это — важнейшее обстоятельство. Вьетнам еще недалеко ушел по этому пути, но то, что он идет по нему, — уже ясно. А ведь важны вектор и темп, а не накопленная на данный момент экономическая масса. Тем более что, как известно, слабая тяжелая промышленность — не помеха экономическому росту в постиндустриальном обществе. То, что при относительно слабом экономическом потенциале вьетнамцы присутствуют в экономике стран Восточной Европы и кое-где на Дальнем Востоке, говорит о многом. Это уже не просто торговцы, а импортеры и экспортеры, со своей сырьевой базой и опытом освоения рынков. Но не это тема нашего рассуждения.

Главное то, что на уже хорошо известный путь развития дальневосточных стран вступил тот народ дальневосточной культурной традиции, который исторически имеет максимальное «интерно», которому проще всех войти в круг планетарной культуры, которая в силу логики истории оказалась европейской. Какой-то из стран дальневосточной культуры суждено первой стать понятной для европейцев и американцев и понимающей их; и скорее всего, это Вьетнам, поскольку у Китая слишком велика инерция собственной цивилизации, у Японии — традиции внутренней закрытости, у Кореи, наиболее близкой к Вьетнаму, слаб исторический потенциал «интерно». Всем внутри и вне этих стран ясно, что основное, что тормозит процесс интернационализации, лежит в сфере социальных традиций, а не в экономике. И тут именно большая величина вьетнамского «интерно» в сочетании с тем, что именно страны дальневосточной цивилизации первыми вошли в «европейский мир», может сыграть решающую роль.

И то, что в настоящее время это по преимуществу аграрная страна, не помеха в постиндустриальном обществе. Главное — это человеческий потенциал. Сводить дело только к промышленному потенциалу сегодняшнего дня неверно; важно, что доминирующий аграрный сектор — здоровый, современная промышленность в таких условиях растет быстро, тем более имеется свой огромный, быстро растущий внутренний рынок. Напомним, для вхождения в современный промышленный мир японскому крестьянину потребовалось немногим более одного поколения. При этом очень важно, что из себя представляет вьетнамская деревня. Высокоразвитая, с богатой культурой, социально плюральная вьетнамская деревня — не тормоз, а база современного промышленного развития. Тем более что «интерно» распространяется на нее почти в том же объеме, что и на город.

Практически высокий уровень современного вьетнамского «интерно» выражается в отсутствии национального высокомерия при ярко выраженном чувстве национальной гордости, в более высокой, чем у японцев, приспособляемости (японцы за рубежом — очень специфическая, во многом изолированная группа). У китайцев приспособляемость тоже очень велика, но за пределами своих государств они создают более замкнутые общества, слабо растворяющиеся в среде; этим обусловлено формирование зарубежных китайских групп еще в средние века как торговых по преимуществу. Эти тенденции есть и у вьетнамцев, но их диаспоры гораздо шире, и время и место их формирования — современное промышленное общество. Вьетнамская диаспора моложе, традиции «тайных обществ» в ней слабы. Функционирование как членов диаспоры, так и вообще вьетнамцев в современных европейских и американских обществах, все более освобождающихся от расовой предубежденности,

препятствует «съезживанию» групп вьетнамцев в конкретной стране до размеров земляческих групп, China-town и проч. Соответствующие тенденции есть, но они не преобладают. Надо вспомнить, что начинались массовые контакты с французов, народа общительного и демократичного, продолжались — с представителями русского и американского обществ, традиционно открытых для иных народов.

Даже если предложенные отрывочные соображения по большей части неверны (автор, разумеется, так не считает), оставшегося достаточно для высокой оценки потенциала Вьетнама как лидера в процессе интернационализации обществ — наследников дальневосточной цивилизации. В этих условиях Россия очень многое потеряет, если ослабнут ее контакты с Вьетнамом, тем более что современные проблемы становления рыночной экономики у русских и у вьетнамцев достаточно общие (кое-какие из них во Вьетнаме уже решены), а связи крепкие; и «открыться» для вьетнамцев русским легче, чем многим другим народам (в том числе и американцам, которые просто не очень этого хотят). Пусть вероятность вьетнамского лидерства в ближайшие десятилетия невелика, но если оно реализуется без участия России — это будут огромные потери, и потери не того, что могло бы быть, а потери того, что сейчас уже есть. Надо попытаться использовать этот шанс, пока Россия нужна Вьетнаму; Вьетнам же нам нужен (и очень!) уже сейчас, сыграв в одно время заметную роль в решении простой, но насущной проблемы россиян: «Что надеть?». Но за этим встает и вопрос чуть более абстрактный: «Что делать?». Его можно сформулировать и по-другому: «Чего не делать?». Можно и ответить: «Не делать ошибок!».

Именно такой дорогостоящей ошибкой был бы разрыв «особых» политических отношений с Вьетнамом вместо перевода их в «особые» экономические отношения. А что до сегодняшнего состояния вьетнамской промышленности, то стоит вспомнить, чем была Япония на заре нашего столетия (за исключением того, что связано с военной промышленностью). А темпы экономического развития в современных условиях ускоряются. Во Вьетнаме это видно каждому.

Сыма Цянь Исторические записки

Цзюань 113. Жизнеописание [Чжао] То, военачальника-вэй из Наньюэ¹

Ван Наньюэ² <ЧИ³: Столица [Наньюэ находилась] в Гуанчжоу, в уезде Наньхай> военачальник-вэй⁴ [Чжао] То являлся выходцем из Чжэньдина⁵. <СИ: Вэй — чиновничья должность, То — имя, фамилия — Чжао. Иероглиф *то* по [системе] *фаньце*⁶ читается как *тэ*. В *Ши сань чжоу цзи* («Записки о тринадцати областях-чжоу») говорится: «[Начальник] большой провинции называется *шоу*, маленькой провинции — *вэй*». У Вэй Чжао сказано: «Чжэньдин — название древней провинции, впоследствии преобразованной в уезд. Находится в [провинции] Чаншань»>.

Фамилия — Чжао⁷. После того как Цинь объединила Поднебесную, завоевала и покорила ян[чжоуское] Юэ <у Чжан Яня сказано: «Юг Янчжоу — это Юэ». СИ: Согласно *Чжаньго цэ* («Планы сражающихся царств»), У Ци для [царства] Чу захватил ян[чжоуское] Юэ. ЧИ: При [императоре] династии Ся Юе среди основных девяти областей-чжоу была область Янчжоу, поэтому и говорят ян[чжоуское] Юэ⁸>, были учреждены провинции Гуйлинь, Наньхай и Сян <СИ: По *Дили чжи*⁹ при императоре У-ди (140–86 гг. до н. э.) провинция Гуйлинь была переименована в Юйлинь. Согласно *Цинь бэньцзи* («Основные записи [о деяниях дома] Цинь»), на тридцать третьем году своего правления (214 г. до н. э.) Цинь Ши-хуан занял земли Луляна¹⁰ и учредил там провинции Наньхай, Юйлинь, Сян¹¹. В *Дили чжи* говорится: «При императоре У-ди [провинцию] Сян переименовали в Жинань»>. [Туда] переселяли народ, чтобы перемешались и жили с юэ. [Так было] тринадцать лет¹² <у Сюй Гуана сказано: «Тогда, к первому году правления императора [Цинь] Эр-ши (209–207 гг. до н. э.), Цинь объединила Поднебесную. Всего потребовалось тринадцать лет, из которых восемь лет объединяли Поднебесную, а за шесть лет (214–209 гг. до н. э.), к первому году правления императора [Цинь] Эр-ши, усмирили юэские земли»>.

¹ Публ. впервые. Перевод с *вэньяня* осуществлен совместно с К.В.Лепешинским и (позднее) М.Ю.Ульяновым. В примечаниях, написанных Д.В.Деопиком и М.Ю.Ульяновым, А.В.Никитин и К.Ю.Леонов приводят основные разночтения текстов описания Наньюэ в ШЦ и ХШ. Опускались случаи замены отдельных слов на синонимичные, если они не носили принципиального характера; внимание обращалось на пропуски и дополнения.

² В ШЦ государство Юэ эпохи Восточная Чжоу, юэские (вьетские) земли к «югу от пяти хребтов» и название государства Намвьет записываются одним и тем же знаком (越). В ХШ название государства Юэ записывается, как правило, так же, как и в ШЦ, а «юэ/вьет» в названии государства Намвьет записано иным знаком (粵). Это одна из особенностей языка ХШ.

³ В угловых скобках дается перевод комментариев: *Чжэньди* («Истинный смысл», далее — ЧИ; см. [ХЧКЧ, т. 5]) составил Чжан Шоу-цзэ во время династии Тан; *Соинь* («Объяснение скрытой сути», далее — СИ; см. [ХЧКЧ, т. 9]) составил Сыма Чжэнь во время династии Тан; *Цзицзе* («Собрание толкований», далее — ЦЦ; см. [ХЧКЧ, т. 9]) составил Пэй Инь во время династии Сун.

⁴ [Цинь] Ши-хуан в 221 г. до н. э. разделил Поднебесную на 36 провинций. «В провинциях учредил должности: *шоу*, *вэй*, *цзянь*» [ШЦ, т. 1, цз. 6: 109]. Р.В.Вяткин перевел эти названия как «начальник», «воевода», «инспектор» [Истап, т. 2: 64].

⁵ Чжэньдин — расположен на территории совр. пров. Хэбэй, недалеко от г. Шицзячжуан. Во время правления династии Хань — это уезд в провинции Чжэньдинго.

⁶ *Фаньце* (反切) — способ передачи чтения иероглифов путем стяжения начального и конечного звучаний двух иероглифов (инициала первого и финали второго). Возник в Китае в эпоху династии Тан (618–907) под влиянием индийской фонетологии. При переводе источника здесь и далее дается современное звучание иероглифов, а не варианты комментариев.

⁷ Букв. «фамилия рода Чжао» (姓趙氏). В ХШ этого текста нет.

⁸ Эти области, включая Янчжоу, перечислены в главе «Юйгун» *Шуцзина* и с некоторыми разночтениями упомянуты также во 2-й гл. ШЦ.

⁹ *Дили чжи* («Географический трактат») — название цз. 28а и 28б ХШ.

¹⁰ Лулян — во время династии Цинь так называли земли «к югу от пяти хребтов (Улин)» (совр. пров. Гуанси и Гуандун).

¹¹ Данное сообщение в ШЦ (в том виде, в котором текст этого памятника дошел до нашего времени) содержится в цз. 6, «Цинь Ши-хуан бэньцзи» («Основные записи [о деяниях] Цинь Ши-хуана»), и полностью звучит так: «На тридцать третьем году [правления циньского вана] (214 г. до н. э.) отправили всех бежавших от повинностей и наказаний, а также примаков и торговцев овладеть землями Луляна. Там создали [провинции] Гуйлинь, Сян, Наньхай. Туда переселяли для охраны границ» [ШЦ, т. 1, цз. 6: 113].

¹² Имеется в виду весь срок правления императора Цинь Ши-хуана (246–209 гг. до н. э.).

[Чжао] То во времена [династии] Цинь занимал пост управляющего-лина [уезда] Лунчуань [провинции] Наньхай¹³ <СИ: В *Дили чжи* говорится: «[Уезд] Лунчуань входил в состав [провинции] Наньхай». ЧИ: Янь Ши-гу говорит: «Лунчуань — уезд в [провинции] Наньхай. Ныне — это провинция Сюнь». В *Гуанчжоу цзи* («Записки о Гуанчжоу») господина Пэя говорится: «В прошлом на востоке уезда Боло имелась волость-сян¹⁴ Лунчуань. Из пещеры в ее землях в восточном направлении вытекал ручей, отсюда и название [уезда]»>. Во время [правления Цинь] Эр-ши (209–207 гг. до н. э.) военачальник-вэй [провинции] Наньхай Жэнь Сяо, умирая от болезни <у Сюй Гуана сказано: «В какое время — не говорится. Являлся военачальником провинции (*дುವэй*)»>; СИ: Знак *сяо* по [системе] фаньце читается как *ао*>, призвал управляющего [уездом] Лунчуань Чжао То и сказал: «Стало известно, что Чэнь Шэн и другие подняли смуту. *Цинь утратила праведный путь. Поднебесная страдает от этого. Сян Юй, Лю Цзи, Чэнь Шэн, У Гуан и иже с ними — каждый из них в провинциях и округах поднимает войска, собирает людей. „Тигры“ дерутся за Поднебесную. Срединные государства охвачены беспорядком, неизвестно, как обрести покой*¹⁵. Герои восстали против Цинь, возводят на престол друг друга. Наньхай — отдаленное захолустье, я¹⁶ опасаясь, что разбойничьи войска, захватывая земли, придут¹⁷ и сюда. Я хотел двинуть войска, перекрыть новую дорогу¹⁸ <СИ: По словам Су Линя, это дорога, по которой [территория] Цинь сообщалась с Юэ>. Сам подготавливался, ожидая бунтов удельных правителей (*чжухоу*), и надо же случиться, что болезнь усилилась. Панью заслонен горными кручами и теснинами. [В провинции] Наньхай с востока на запад на нескольких тысячах *ли* достаточно много людей из Срединного государства, которые поддержат друг друга. [Мы] станем хозяевами единой области [Янчжоу], сможем основать¹⁹ государство. [Поскольку] в провинциях недостаточно старших чиновников, с которыми можно обсуждать, то призвал Вас сообщить это».

Затем передал [Чжао] То письменный приказ <у Вэй Чжао говорится: «Во [фразе] „передал ему письменный приказ“ [иероглиф] *бэй* (передавать) тот же, что и в [сочетании] *гуанбэй* (облагодетельствовать)»> выполнять обязанности военачальника-вэй [провинции] Наньхай <СИ: В *Фучу* говорится: «[Жэнь] Сяо подделал императорский указ, назначая военачальника-вэй [провинции] Наньхай»>.

[Жэнь] Сяо умер. [Чжао] То направил письменное уведомление на заставы Хэнпу, Яншань, Хуанси, гласящее <у Сюй Гуана сказано: «Расположены в [провинции] Гуйян, граничат с [уездом] Сыхуй». СИ: Согласно *Нанькан цзи* («Записки о Нанькане»), Нанье, [далее на юг] хребет Даюй, в тридцати *ли* от которого расположена Хэнпу, где в эпоху Цинь была застава. Ниже [в тексте ШЦ] упоминается [застава] Сайшан. Господин Яо, опираясь на *Дили чжи*, писал: «В [провинции] Гуйян есть [уезд] Яншань. В наше время в этом уезде, в ста с лишним *ли* вверх по течению [реки Хуаншуй], есть хребет Цитянь, это и есть [место расположения] заставы Яншань. У господина Цзоу и господина Лю [в названии Хуанси вместо] *хуан* (隳) написан [иероглиф] *не* (涅) по [системе] *фаньце*. В XIII в [сочетании] Хуанси употреблен [иероглиф] *хуан* (皇). Помимо этого в *Вэй Цин чжуань* говорится: «Выехать из Гуйяна, спуститься вниз по реке Хуаншуй», но Яо Ча писал: «В ШЦ употреблен [иероглиф] *хуй* (匯)». В наше время известны различные написания [первого иероглифа] — *хуан* (隳), *не* (涅) и *хуй* (匯). Как следует из рассмотренного, и в прошлом всегда было по-разному. В *Шуй цзин чжу* говорится: «На юге уезда Ханьхуй есть застава Хуйпу». Не знаю, о чем речь. Итак, хотя у Цзоу Даня написан [знак] *не* (涅), но так как в XIII — *хуан* (隳), то использовал [то написание], которое ближе к более древнему²⁰: «Разбойничьи войска скоро прибдут. Срочно перекройте дороги, соберите войска, обороняйтесь самостоятельно». Затем мало-помалу на основании законов казнил назначенных [Цинь] старших²¹ чиновников. Своих сторонников незаконно назначил правителями [провинций]. <СИ: Согласно сказанному, когда [Чжао] То пришел к власти, все его сторонники получили чиновничьи должности в провинциях и уездах, стали их незаконными правителями>. Когда [династия] Цинь потерпела крах, [Чжао] То захватил [провинции] Гуйлинь, Сян, объявил себя У-ваном Наньюэ <у Вэй Чжао сказано: «Иероглиф *у* (воинственный) является прозвищем, [титул] не связан с древностью»>.

[Император] Гао-ди (206–194 гг. до н. э.), умиротворяя Поднебесную, сострадал страждущим в Срединных государствах, поэтому помиловал [Чжао] То и не казнил. В одиннадцатый год [правления]

¹³ В XIII этого текста нет.

¹⁴ Волость (*сян*, 鄉) — административно-территориальная единица, введенная во времена династии Цинь. Несколько волостей образовывали уезд.

¹⁵ В XIII часть текста, отмеченная звездочками, отсутствует.

¹⁶ Иероглифа со значением «я» в XIII нет.

¹⁷ Иероглифов со значением «земля» и «прийти» в XIII нет.

¹⁸ Судя по всему, через хребты на юг вела единственная дорога и построена она была недавно.

¹⁹ В XIII вместо иероглифа 立 (*ли*, «основать») стоит иероглиф 爲 (*вэй*, «создавать»).

²⁰ Застава Хэнпу (橫浦) располагалась на стыке совр. пров. Гуандун и Цзянси. Нанье (南野) — совр. г. Нанькан в пров. Цзянси, на р. Чжаншуй. Застава Яншань (陽山) располагалась в северо-западной части пров. Гуандун, между городами Лянсянь и Яншань, на р. Хуаншуй. Застава Хуанси (隳溪) — в северной части пров. Гуандун, на р. Бэйшуй, ниже г. Индэ, чуть выше места впадения в Бэйшуй р. Хуаншуй.

²¹ В XIII иероглифа со значением «старший» нет.

Хань (196 г. до н. э.) направил Лу Цзя²², с тем чтобы объявить [Чжао] То *ваном* Наньюэ, вручить верительную бирку, [установить] посольские связи, примирить и объединить байюэ, чтобы не несли вреда и бедствий южным пределам [империи]. Граница [Наньюэ] прилегала к Чанша.

Во времена [правления императрицы] Гао-хоу (187–179 гг. до н. э.) было ведомство, которое попросило запретить торговать железными изделиями на заставах, [граничащих с] Наньюэ. [Чжао] То сказал: «Гао-ди возвел меня на престол, направлял послов и товары. Ныне Гао-хоу, послушавшись наветов придворных, стала отделять [варваров]-маньи [от ханьцев], перекрыла и перерезала [пути поступления] изделий и товаров. Это, несомненно, происки *вана* Чанша, который желает, опираясь на Срединное государство, напасть и уничтожить Наньюэ²³, стать [и здесь] *ваном*. Для себя добивается успеха.

И тогда [Чжао] То [присвоил] себе титул У-ди Наньюэ. Поднял войска и напал на пограничные населенные пункты Чанша. Нанес поражение нескольким уездам* и отторг их²⁴. [Императрица] Гао-хоу послала полководца Лунлюй-хоу [Чжоу] Цзао напасть на него <СИ: Вэй Чжао говорил: «Род с фамилией Цзао со времени Чжоу [жил] в уезде Лунлюй, подчиненном [провинции] Хэнэй. Звучит *линлюй*»>. [Из-за] зноя и сырости [среди] солдат [началась] большая эпидемия. Войска не смогли перевалить через горный хребет <СИ: Это — хребет Яншань>.

Через год с лишним Гао-хоу почил, и [ханьцы] тут же отвели войска. Вслед за этим [Чжао] То с войсками стал угрожать границе [империи]. Деньгами и товарами подкупил Миньюэ [на востоке], на западе — Оуло и подчинил их себе <В XIII, в комментарии Инь И сказано: «Ло — это Юэ»>. СИ: У господина Яо со ссылкой на *Гуанчжоу цзи* говорится: «В Цзяочжи были поля ло. [Люди] зависели от разлива рек, [вода] в которых поднимается и опускается. Люди кормились с этих полей, [поэтому] назывались ло. Хоу всех уездов называли себя *лоузянами* (*лактыонгами*), [имели] медную печать на зеленой ленте. И в наше время [скрепляют] ими указы. Позднее сын правителя [царства] Шу, возглавив войска, напал на *лохоу* (*лакхау*). Провозгласил себя Аньян-ваном (Анзыонг-выонгом), управлял уездом Фэнси. Позднее *ван* Наньюэ военачальник-вэй [Чжао] То напал и разбил Аньян-вана. Приказал двум чиновникам управлять провинциями Цзяочжи и Цзючжэнь, которые и являлись Оуло». С востока на запад [земли Наньюэ протянулись] более чем на десять тысяч *ли*. [Чжао То] стал ездить на императорской колеснице с желтым верхом и бунчуком с левой стороны. Провозгласил порядок правления такой же, как в Срединном государстве.

С первого года [своего правления] Сяо Вэнь-ди (179–156 гг. до н. э.) начал приводить в повиновение Поднебесную и оказывать [ей] покровительство. [Разослал] послов объявить удельным правителям (*чжухоу*) и варварам четырех сторон света о намерениях вступившего на наследный престол и сообщить о его Великой добродетели (*дэ*). Тогда обустроили погребения родственников [Чжао] То в Чжэньдине, учредили для [их] охраны поселение и ежегодно в положенные сроки приносили жертвы. [Император] призвал его двоюродных братьев, [дал им] высокие чины, щедрые подарки, выказывал им расположение.

Повелел первому министру (*чэнсяну*) Чэнь Пину и другим назвать того, кого можно послать в Наньюэ. [Чэнь] Пин сказал: «Лу Цзя из Хаочжи при прежнем императоре имел опыт посла в Наньюэ». *Тогда вызвали [Лу] Цзя и, произведя его в *тайчжун дафу*, отправили послом, чтобы осудить [Чжао] То за самовольное восшествие на престол в качестве императора и за отсутствие каких-либо посольских донесений²⁵.

²² Лу Цзя (216–172 гг. до н. э.) — выходец из царства Чу, видный мыслитель, прославился своим ораторским мастерством и дипломатическими способностями. Автор нескольких сочинений, в том числе философского и социально-политического труда *Синь юй* («Новые речи»). У Сыма Цяня есть его жизнеописание (см. [ШЦ, цз. 97]).

²³ В XIII вместо названия самостоятельного государства Наньюэ указано название ханьской провинции Наньхай.

²⁴ В XIII часть текста, отмеченная звездочками, отсутствует.

²⁵ В XIII вместо части текста, отмеченного звездочками, помещен текст письма императора, направленного Чжао То:

«С почтением приветствуем *вана* Намвьета, [в заботе] о котором [Мы] весьма радеем душой и утруждаем ум!

Мы, сын Гао-ди от наложницы, [в свое время] удалившись во внешние [земли] для несения пограничной службы в Дай, куда ведут долгие версты пути, и огражденные простотой и неразумием, еще ни разу не обращались к [вам] с посланием.

Когда Гао-ди покинул своих подданных, а император Сяо-хуй ушел из жизни, Гао-хоу сама приступила к управлению делами, но, к несчастью, заболела. [И тогда] род Люй устроил мятеж и присвоил власть. Когда они не смогли своими силами устроить [дела], то стали выбирать отпрысков других родов и провозглашать их [законными] наследниками императора Сяо-хуя. Но благодаря духам [нашего] *цзунмяо* и усилиям заслуженных подданных истребили их всех до конца. По той причине, что *ваны*, *хоу* и *ли* не [дали Нам] отказать, Мы не могли не утвердиться, и вот ныне Мы вззошли на престол.

Прежде [Мы] узнали, что *ван* направил послание *цзянцзюню* Лунлюй-хоу, в котором пожелал [разунать] о родных братьях и попросил отозвать [армии] двух [Наших] полководцев в Чанша. На основании послания *вана* Мы отозвали полководца Боян-хоу. Что же до [ваших] родных братьев в Чжэньдине, то Мы уже послали людей поприветствовать и утешить их и привести в порядок могилы ваших предков.

А еще раньше Мы узнали, что *ван* начал войну на границе, из-за которой не прекращались разбой и беды. Чанша страдала от этого, а Наньцзюнь — еще больше. Но и для [вашего], *ван*, царства разве была хоть какая-то выгода?! Ведь как много было убито мужей и воинов, искалечено добрых полководцев и чиновников, овдовело **чужих** жен, осиротело **чужих** детей, оставлено одинокими **чужих** родителей?! Приобретя одно, потеряли десять. Мы бы не допустили [таких] действий.

Мы пожелали [заново] утвердить [южные границы] земель [по образу вхождения друг в друга] зубов у собаки для

[Когда] Лу Цзя прибыл в Наньюэ, *ван* [Чжао То] очень испугался. В письменном виде принес извинения, которые звучали так: «Я, старший над варварами, старец²⁶, [Ваш] подданный [Чжао] То, в прежние дни, когда Гао-хоу отделила Наньюэ, осмелился подозревать, что *ван* Чанша оклеветал [меня, Вашего] подданного. Кроме этого, издали дошла новость, что Гао-хоу уничтожила весь клан [Чжао] То, раскопала могилы предков и сожгла [их кости], потому-то я отделился и напал на пограничные районы Чанша. Кроме этого, на юге [почвы] скудные и [климат] сырой, среди варваров на востоке, в Миньюэ, несколько тысяч человек, собравшись, провозгласили *вана*; на западе, в Оуло, этой стране Голых, и то провозгласили *вана* <СИ: ло [голые] по [системе] *фаньце* звучит как *хуо* и означает „быть голым“>. Я, [Ваш] подданный, необдуманно осмелился назваться императором просто для собственного удовольствия. О, разве посмел бы [я] сообщить об этом самому Небесному владыке!»²⁷

И тогда, склонив голову, [Чжао То] извинился, выразил желание навечно стать иноземным подданным и подносить дань²⁸. Тогда издал указ по стране, гласящий: «Я слышал, что два героя не

взаимного контроля и спросили об этом у секретаря-ли. Он [Нам] ответил: „Земли *вана* [Намвьета] суть то, с помощью чего император Гао провел границу Чанша“. И [Мы] не посмели самовольно произвести изменения здесь. [А еще он сказал]: „Если захватить земли *вана*, то этого недостаточно, чтобы достичь величия; если завладеете имуществом *вана*, то этого недостаточно, чтобы стать богатым. Пусть уж к югу от Фулина *ван* [Намвьета] сам управляет ими (землями)“.

И все же, *ван*, [вы] называете себя императором. А когда два императора утвердятся [на престолах] одновременно и ни один посол на колеснице не сможет ездить по этим дорогам, сие и [будет] соперничеством. Что же касается соперничества, то при нем нет уступок, гуманный-*жэнь* так не поступает.

Надеюсь, что и [Мы], и *ван*, каждый из нас, забудем прежние обиды и отныне и навеки станем обмениваться посольствами, как раньше.

По этой причине [Мы] посылаем Лу Цзя объявить *вану* [Наши] подлинные намерения. [Ах], если бы *ван* принял их и более не причинял бед и не разбойничал. Пользуемся случаем, дабы послать *вану* пятьдесят штук ватных одежд высшего [качества], тридцать ватных одежд — среднего и двадцать ватных одежд — низшего.

Надеюсь, что вы, *ван*, послушав [достойную] музыку, избавитесь от беспокойства и поприветствуете и утешите соседние царства» (пер. К.Ю.Леонова и А.В.Никитина) [XIII, цз. 95].

²⁶ Значение выражения «старец» (老夫) можно понять из *Ли цзи*, где сказано: «Когда *дафу* исполняется 70 лет, он оставляет службу. Если не уходит в отставку, то ему непременно вручают чайный столик и посох. В передвижениях берет с собой супругу, отправляясь в дальний путь, едет в безопасной повозке. Себя называет старцем. Если в своем царстве, то называет себя по имени» [Ли цзи: 12]. Это показывает, что Чжао То, вначале считавший себя равным императору, позднее обращался к ханьскому императору как к своему государю, называя себя старцем, подданным и упоминая свое имя.

²⁷ В тексте XIII, более позднем, чем ШЦ, помещен развернутый текст ответного письма Чжао То, в то же время не содержащий многого, что есть в версии Сыма Цяня. Складывается впечатление, что если Сыма Цянь, более близкий к времени событий, кратко пересказывал доступный ему оригинал, то Бань Гу текст «верноподданнически» отредактировал. Приведем перевод позднего изложения текста в XIII:

«[Я], *лаофу*, подданный [Чиеу] Да, главный предводитель [варваров]-мань, многократно кланяюсь и, заслуживая казни, [осмеливаюсь] преподнести Вашему Величеству императору [это] послание.

Я — старый чиновник из Вьета, коему Гао-ди даровал печать со шнуром и пожаловал [титул] *вана* Намвьета. Когда на престол вступил император Сяо-хуй, ради справедливости он [не только] не позволил прервать [отношения], но и весьма щедро одарил меня. Когда дела стала вести [императрица] Гао-хоу, она, разделяя хуасы и [варваров]-и, издала такое распоряжение: „Запретить поставлять в Намвьет железные орудия [для обработки] полей. Что же касается поставки коней, быков и баранов, то поставлять самцов, самок — не давать“.

Я живу в захолустье, а [мои] кони, быки и бараны состарились. И я подумал, что не совершать жертвоприношений будет преступлением, достойным смерти. [И тогда я] послал [ко двору] *нэйши* Паня, *чжунвэя* Гао, *юйши* Пина — всего трех [человек]. Они повезли послание с признанием [моих] преступлений, но никто из них не вернулся.

А еще дошел [до меня] слух, что могилы моих родителей уже осквернены и уничтожены, что братья и родичи наказаны и погублены. Поэтому [мои] чиновники, посоветовавшись друг с другом, сказали: „Поскольку в данном случае, с одной стороны, [нам] не получить поощрения от Хань, то, с другой стороны, [у нас] нет иной возможности как самим возвеличить себя, подобно [царству] У“. И тогда я сменил [свой] титул на императорский и провозгласил себя императором этого царства, не смея [при этом] нанести ущерб Поднебесной.

Узнав об этом, императрица Гао сильно прогневалась. Она исключила Намвьет из списков и сделала так, что послы перестали приезжать. Я же, поразмыслив, стал подозревать, что [все дело] в кознях и клевете *вана* Чанша. И тогда я послал армию покарать его пределы.

Я живу во Вьете уже сорок девять лет и теперь няньчу здесь внуков. Однако [до сих пор] встаю с рассветом, ложусь [поздно] ночью. Во сне не нахожу покоя на циновке, за едой не чувствую вкуса [пищи]. Глаза мои не смотрят на красоту прелестниц, уши не внимают звукам колокола и барабана. [А все потому], что нет возможности послужить Хань.

И вот теперь [Вы], Ваше Величество, озабочивали [меня] жалостью и сочувствием: вернули старый титул и [дозволили] обмениваться посольствами, как прежде, чем оживили мои мертвые кости. Я меняю [свой] титул, не осмеливаясь более именоваться императором.

С почтением преподношу [Вам] через посла пару дисков из белой яшмы, перья из хвостов тысячи зимородков, десять штук носорожьих рогов, пятьсот раковин *цзыбэй*... сорок пар живых зимородков, две пары павлинов.

Многократно кланяюсь и, заслуживая казни, довожу до сведения Вашего Величества императора» (пер. К.Ю.Леонова и А.В.Никитина) [XIII, цз. 95].

²⁸ Возможно, здесь тонкий ход Чжао То или компромисс китайцев, поскольку, как представляется, термин «иноземный подданный» уже тогда подразумевал статус правителя государства, а не варварской области, где едва ли могло быть государство. Об этом же говорит и желание подносить дань, а не посылать подарки. Иными словами, Чжао То добился признания своего государства, хоть и на правах младшего. В XIII в письме императора Вэнь-ди Чжао То называн *ваном*, а Намвьет — соседней страной. Сопоставление ШЦ и XIII позволяет сделать вывод о том, что текст письма у Сыма Цяня

занимают равного положения, два мудреца не появляются в одно время. Августейший император является мудрым Сыном Неба. Отныне и в дальнейшем отказываюсь от императорской системы управления, коляски с желтым верхом и бунчуком с левой стороны».

[Когда] Лу Цзя вернулся и доложил, Сяо Вэнь-ди очень обрадовался. И вплоть до времени [правления императора] Цзин-ди (156–140 гг. до н. э.) [Чжао То] назывался подданным, направлял людей на осенние и весенние приемы во дворце. Однако в Наньюэ, в стране, где он жил, осмеливался называться прежним титулом. Его посол к Сыну Неба именовал его *ваном*, а в приказах правящего двора он был наравне с удельными правителями (*чжухоу*).

В четвертый год правления под девизом *Цзянь-юань* (137 г. до н. э.) [Чжао То] умер²⁹. [Чжао] Ху, внук [Чжао] То, стал *ваном* Наньюэ <у Сюй Гуана говорится: «*Хуан пу ли* сообщает, что юэский *ван* Чжао То в четвертый год эры *Цзянь-юань* (137 г. до н. э.) умер. К этому времени от начала Хань прошло 70 лет. [Чжао] То, следовательно, исполнилось сто лет»>. В это время³⁰ *ван* Миньюэ, Ин, начав военные действия, напал на пограничные населенные пункты Наньюэ³¹. [Чжао] Ху послал к императору человека с письмом, в котором говорилось: «Оба Юэ вместе являются иноземными подданными, не имеют права по своему произволу начинать военные действия и нападать друг на друга. Ныне Миньюэ, начав военные действия, вторглось [к Вашему] подданному. [Ваш] подданный не смеет [сам] начинать военные действия. Только Сын Неба отдает такие указы». Сын Неба одобрил верность Наньюэ. Соблюдая обязанности государя, поднял войска. Направил двух полководцев идти покарать Миньюэ <СИ: [Имеются в виду] Ван Хуй и Хань Ань-го>. Войска еще не перевалили через горный хребет, когда младший брат *вана* Миньюэ, Юй Шань, убил Ина и сдался. И тогда войска вывели.

Сын Неба послал Чжуан Чжу поехать и объяснить намерения [династии] *вану* Наньюэ. [Чжао] Ху, склонив голову, сказал: «Сын Неба, начав военные действия ради [своего] подданного³², покарал Миньюэ. [Даже] жизнью не отплатить за [его] добро!» Направил наследника престола [Чжао] Ин Ци в личную охрану [императора]. Обращаясь к [Чжуан] Чжу, [Чжао Ху] сказал: «Страна только что подверглась нападению, поезжайте первым, а я, [Чжао] Ху, днем и ночью буду готовиться к тому, чтобы посетить Сына Неба».

После отъезда [Чжуан] Чжу высшие сановники, советуя [Чжао] Ху, говорили: «Хань, начав войну, уничтожили Ина. Их действия должны беспокоить Наньюэ. Ведь прежний *ван*, бывало, говорил, что, служа Сыну Неба, надо стремиться придерживаться сроков, не нарушать требований ритуала. Нельзя, поддавшись на уговоры, отправляться на аудиенцию <СИ: В XIII вместо иероглифа, обозначающего «уговоры», употреблен другой. У Вэй Чжао сказано: «Соблазняться заманчивыми и хорошими словами»>. Если поедете, тогда можете не вернуться. Это обстоятельство [приведет к] гибели государства». Тогда [Чжао] Ху сказался больным, чтобы не ехать.

Через десять с лишним лет [Чжао] Ху действительно сильно заболел. Наследник престола [Чжао] Ин Ци испросил [разрешения] вернуться. [Чжао] Ху скончался. Его посмертное имя — *Вэнь-ван*. [Чжао] Ин Ци, заменив его на престоле, сохранил государственную печать, [дарованную] прежде правящим императором У-ди <СИ: В *Ли хэ* говорится: «Сохранил, узурпировав титул, печать»>.

[Чжао] Ин Ци, находясь в личной охране [императора] в Чаньани, взял [в жены] женщину из рода Цю из Ханьдани. [Она] родила сына [Чжао] Сина <у Сюй Гуана сказано: «Также пишется *дянь*». СИ: *Цю* по [системе] *фаньце* звучит как *фи*.³³ Фамилия Цю происходит из Ханьдани»>. Когда он вступил на престол, то в письме [императору] просил утвердить женщину из рода Цю в качестве *хоу* (жены *вана*), а [Чжао] Сина — в качестве наследника.

Хань несколько раз посылали послов предостеречь [Чжао] Ин Ци. [Чжао] Ин Ци находил удовольствие в произволе и убийствах. Совершенно распоясавшись, опасался приезжать [ко двору]. Требовали [ввести] использование ханьских законов, приравнять [Чжао Ин Ци] к удельным правителям (*чжухоу*) внутренних [территорий]. Упорно ссылался на болезнь, так никогда и не поехал [на аудиенцию], но сына своего, [Чжао] Цы Гуна, отправил в личную охрану [императора].

[Чжао] Ин Ци скончался. Его посмертное имя — *Мин-ван*. Наследник престола [Чжао] Син сменил [его], вступив на престол. Его мать стала императрицей-матерью (*тайхоу*).

Тайхоу, до того как стала придворной наложницей [Чжао] Ин Ци³⁴, была в связи с человеком из Балина Аньго Шао-цзи <СИ: Аньго — это фамилия. Шао-цзи — имя>. После кончины [Чжао] Ин Ци, в

претерпел бальшую переработку, был сокращен и олитературен (в основном за счет добавления грамматически значимых и поясняющих смысл знаков); но он сохранил факты, опущенные Бань Гу.

²⁹ В XIII дополнительно указано имя ханьского императора, У-ди, при котором происходили события данной части текста, и опущен иероглиф со значением «умер».

³⁰ В XIII вместо иероглифов со значением «в это время» помещены иероглифы со значением «на третий год после вступления на престол».

³¹ По XIII: «...начав военные действия на юге, напал на пограничные населенные пункты [Наньюэ]».

³² В XIII иероглифов со значением «ради подданного» нет.

³³ В современном китайском языке отсутствует.

³⁴ В XIII вместо иероглифа со значением «придворная наложница» стоит иероглиф со значением «жена».

четвертый год эры *Юань-дин* (113 г. до н. э.) Хань послали Аньго Шао-цзи поехать и пояснить [намерения Хань] *вану*: если *ван*, *тайхоу* придут ко двору, то их приравняют к *удельным князьям (*чжухоу*) внутренних [территорий]*³⁵. Приказали оратору и советнику (*дафу*) Чжун Цзюню и другим привести убедительные доводы, отважному Вэй Чэну и другим — содействовать этому решению. А начальнику охраны ворот императорского дворца (*вэйвэй*) Лу Бо-дэ — возглавить войска, стать лагерем в Гуйяне и ожидать послов³⁶.

Ван был молод. *Тайхоу* была человеком из Срединного государства, в прошлом имела связь с Аньго Шао-цзи, которого и послали возобновить с ней личные отношения. Люди страны вполне понимали это. Никто не поддерживал *тайхоу*. *Тайхоу*, опасаясь возникновения бунтов и восстаний, стремилась опереться на авторитет Хань. [Она] неоднократно убеждала *вана* и высших чиновников просить [принять в] подчинение на правах внутренней [территории]. Немедленно с послом [отправила] письмо [императору] с просьбой приравнять к удельным князьям (*чжухоу*) внутренних [территорий], [позволить] раз в три года посещать аудиенции, отменить пограничные заставы. Сын Неба согласился это сделать. [Император] даровал первому министру [Наньюэ] Люй Цзя серебряную печать, а губернатору столичной области (*нэйши*), начальнику столичного гарнизона (*чжунвэй*) и наставнику малолетнего *вана* (*тайбо*) — печати³⁷. Остальные [также] получили [подтверждения своим] назначениям. Отменил старые виды казни: клеймение и отрезание носа. Ввел ханьские законы, приравнял к удельным князьям (*чжухоу*) внутренних [территорий]. Все послы оставались для приведения в повиновение и оказания покровительства [стране]. *Ван* и *тайхоу* [уже] распорядились собираться в путь, готовить ценные подношения, которые необходимы для визита ко двору.

Их [первый] министр Люй Цзя был годами стар. Являлся министром при трех *ванах*. [Представителей его] клана, служивших на административных постах в качестве старших чиновников, [было] семьдесят с лишним человек. Все его сыновья женились на дочерях *вана*, все дочери выходили замуж за сыновей, братьев и членов его семьи. Также имел [родственные] отношения с Цинь-ваном из Цаньфу³⁸ <в XIII, в комментарии Инь И сказано: «Цаньфу — в Юэ. *Ван* себя называл Цинь-ваном. Иметь отношения означает иметь родственные брачные связи». СИ: Цинь-ван из Цаньфу — это упомянутый ниже Чжао Гуан. Иметь отношения — иметь супружеские отношения. Чжао и Цинь — одна семья, поэтому назывался Цинь-ваном>. Он пользовался большим уважением в стране, где жил. Юэ доверяли ему. Многие являлись его ушами и глазами. [Он] владел народными сердцами больше, чем *ван*. Когда *ван* послал письмо императору, [Люй Цзя] неоднократно советовал остаться, *ван* не слушал. Возникло намерение бунтовать. Неоднократно сказывался больным, [чтобы] не встречаться с ханьскими послами. Все послы уделяли особое внимание [Люй] Цзя. Его положение было таковым, что не могли казнить.

Ван и *тайхоу*, опасаясь, что [Люй] Цзя и другие выступят первыми, устроили пир³⁹. Опираясь на влияние ханьских послов <у Вэй Чжао сказано: «Те, кто полагался на послов, были защищены доспехами». СИ: В *Чжи линь* говорится: «Опирается — значит использовать. Хотели, используя влияние послов, казнить Люй Цзя». У Вэй Чжао «опираться» объяснено словом «полагаться»; «те, на кого опираются» — словом «посредничество». То есть говорится о том, что, полагаясь на влияние ханьских послов, думали добиться результата! Таков смысл. Когда говорят, что «полагаться» означает «быть защищенным доспехами», — это неверно. Юй Си считал, что «опираться» означает «использовать». Отношения с теми, на кого можно опереться, — это отношения гостя и хозяина>, замыслили уничтожить [Люй] Цзя и других. *Все послы сидели лицом на восток, *тайхоу* — на юг, *ван* — на север, а министр [Люй] Цзя и все высокопоставленные сановники — на запад*⁴⁰. [Последних] посадили сбоку, как прислугу для подношения вина.

Младший брат [Люй] Цзя был военачальником. Его воины находились перед дворцом. В ходе пира *тайхоу*, обращаясь к [Люй] Цзя, сказала: «Подчинение Наньюэ в качестве внутренней [территории] является выгодным для [нашего] государства. А благородный министр как будто считает это нецелесообразным. Почему?» [Она] старалась вызвать гнев послов. Послы колебались, опасаясь силы министра. Никто не смел начать. [Люй] Цзя, увидев невыгодность своего положения, сразу встал и направился к выходу. *Тайхоу* разгневалась, хотела заколоть [Люй] Цзя копьем <у Вэй Чжао сказано: «Заколоть — это убить». СИ: Согласно *Цзылинь*, «заколоть» по [системе] *фаньце* — *цун*. А также в *У-ван ти чжуань*: «Заколов, убить усюго *вана*» — то же [значение]>. *Ван* остановил *тайхоу*, и [Люй]

³⁵ В XIII текст, отмеченный звездочками, отсутствует.

³⁶ Наряду с дипломатическими акциями порой посылались войска, которые стояли на границе, готовые действовать в случае провала дипломатической миссии.

³⁷ *Нэйши*, *чжунвэй*, *тайбо* — точная идентификация этих должностей требует уточнений. Ясно, что речь идет о высших чиновниках Наньюэ.

³⁸ Цаньфу — впоследствии главный город одноименной ханьской провинции, располагался на месте слияния рек Лишуй и Сицзян.

³⁹ В XIII нет иероглифов со значением «устроили пир», текст другой: «выступили, желая содействовать» [подчинению империи].

⁴⁰ В XIII вместо текста, отмеченного звездочками: «Устроили пир, пригласив всех послов, высших сановников». Из текста Сыма Цяня видно, кто сидел на почетном месте, а кто нет.

Цзя вышел. Отделил часть войска своего младшего брата, которую поставил у [своего] двора <СИ: Сказанное означает рассредоточение войска. В XIII записано «содействовать». «Содействовать» — это «поддерживать»>, и сказался больным, не желая встречаться с *ваном* и послами. А тем временем втайне [вместе] с крупными сановниками стал готовить восстание. *Ван* никогда не помышлял об уничтожении [Люй] Цзя. [Люй] Цзя знал это. По этой причине несколько месяцев не выступал. *Тайхоу была порочна, и люди страны не поддерживали ее*⁴¹. Желала в одиночку уничтожить [Люй] Цзя и других, но ее сил было недостаточно.

*Сын Неба узнал, что [Люй] Цзя не покорился *вану*, а *ван* и *тайхоу* слабы, самостоятельно не могут править [страной]*⁴², послы же трусливы и нерешительны. Но, кроме того, [он] посчитал, что раз *ван* и *тайхоу* уже подчинились Хань и один только Люй Цзя поднял восстание, то не стоит начинать военные действия. Пожелал послать Чжуан Цаня с двумя тысячами человек поехать в качестве посла. [Чжуан] Цань сказал: «Если это дружественная поездка, то достаточно и нескольких человек! Если это военная экспедиция — двух тысяч человек недостаточно для ее осуществления». Отказался, [сказал], что не сможет. Сын Неба снял [Чжуан] Цаня [с должности]. Храбрец из Цзя <у Сюй Гуана сказано: «[Цзя] — это уезд, подчинен [провинции] Лэйчуань, [этот знак] по [системе] *фаньце* читается *цзя*». ЧИ: В наше время это местность в [уезде] Цзячэн [провинции] Жучжоу>, бывший министром Цибиэй-вана⁴³, Хань Цянь-цю самоуверенно заявил: «Какое крошечное это Юэ! К тому же *ван* и *тайхоу* поддерживают [нас], только один министр Люй Цзя чинит препятствия. Я хочу получить двести молодых и непременно доложу о том, что [Люй] Цзя обезглавлен». Тогда Сын Неба направил [Хань] Цянь-цю <у Сюй Гуана сказано: «Произвели в полководцы (*сяовэй*)»> и младшего брата *тайхоу*, военачальника Цю Лэ, с двумя тысячами человек вступить в пределы Юэ.

Тогда Люй Цзя и другие выступили против, издали указ по стране, гласящий: «*Ван* молод, *тайхоу* — человек Срединного государства. К тому же она вместе с послами [Хань] сеет смуту. Стремясь к подчинению [наподобие] внутренних [областей], полностью присвоила драгоценности прежних *ванов*, чтобы поднести их Сыну Неба и тем самым выслужиться. [В поездке] ее будут сопровождать много людей, но, достигнув Чаньани, [она] продаст [их] в рабство, как пленных варваров, чтобы получить от этого сиюминутную выгоду для себя. Не заботится о династии Чжао и не помышляет о ее увековечении».

Затем вместе со своим младшим братом—военачальником и его воинами напал и убил *вана*, *тайхоу* и ханьских послов. Отправил людей сообщить Цинь-вану в Цань, а также во все провинции и уезды. Возвел на престол в качестве *вана* старшего сына Мин-вана от жены из юэ Шуян-хоу [Чжао] Цзянь Дэ <у Сюй Гуана сказано: «В четвертый год эры *Юань-дин* (113 г. до н. э.) старшему брату *вана* Наньюэ был дарован титул Гаочан-хоу». СИ: Согласно *Гун чэн бяо*, Шуян входил в состав [княжества] Пэй⁴⁴>.

Хань Цянь-цю с войсками пришел и разорил несколько небольших населенных пунктов. После этого юэ открыли ему проход, снабдили продовольствием. Не дошел до Паньюя 40 *ли*, как юэское войско ударило по [Хань] Цянь-цю и разгромило его. Послали [к Хань] человека с письмом, запечатав в нем верительную бирку ханьских послов. Учредили [заставу] в Сайшан <СИ: Согласно *Нанькан цзи*, хребет Даюй называется Сайшан>. Вводя в заблуждение [Хань], принесли извинения. Одновременно послали войска охранять стратегически важные территории.

Сын Неба сказал: «Хотя Хань Цянь-цю не добился успеха, все же он возглавлял передовой отряд». Пожаловал его сыну Янь-няню титул Чэнньань-хоу <СИ: Согласно *Гун чэн бяо*, Чэнньань входил в состав [уезда] Цзя>. Так как *тайхоу* была старшей сестрой Цю Лэ, он первым захотел подчинить [Наньюэ] Хань. Пожаловали его сыну Гуан-дэ [титул] Лункан-хоу⁴⁵ <СИ: Лункан входил в состав царства Цзяо>.

Объявляя помилование, [император] сказал: «Когда Сын Неба слаб, наследственные владетели похваляются военной силой, издеваются над правительственными чиновниками и не истребляют разбойников. Ныне Люй Цзя, [Чжао] Цзянь Дэ и другие восстали, самовольно заняли престол и чувствуют себя спокойно. Приказываю: флотоводцам башенных кораблей (*лоучуань цзянцзюнь*) со ста тысячами войска <в *Ин шао* сказано: «В то время в Юэ для нанесения удара нельзя было попасть не водным путем, поэтому изготовляли большие корабли. Корабли с установленными на них башнями назывались *лоучуанями*, или башенными кораблями»> выступить против преступников, которые распространились к югу от [рек] Цзян и Хуай⁴⁶ <у Сюй Гуана сказано: «[Вместо иероглифа] *хуай* (淮) пишут также [иероглиф] *хуй* (匯)»>, и покарать их».

В пятый год эры *Юань-дин* (112 г. до н. э.), осенью начальник дворцовой стражи (*вэйвэй*) Лу Бо-дэ был назначен флотоводцем, покоряющим волны (*фубо цзянцзюнь*), выступил из [города] Гуйян и

⁴¹ В XIII текст, отмеченный звездочками, отсутствует.

⁴² В XIII короче: «Сын Неба узнал о его преступлении...».

⁴³ Цибиэй — во время правления династии Западная Хань так называлась область на территории бывшего царства Ци, в которой правил *ван*.

⁴⁴ На территории совр. пров. Цзянсу.

⁴⁵ В XIII — титул Лун-хоу.

⁴⁶ Цзян — р. Янцзы, Хуай — р. Хуайхэ.

спустился по реке Хуй⁴⁷ <у Сюй Гуана сказано: «[Название реки Хуй (匯)] также записывается [иероглифом] хуан (淮). Согласно *Дили чжи*, в Гуйяне есть река Хуйшуй, проходящая через Сыхуй, записывается [иероглифом] хуай (淮). СИ: У господина Лю говорится: «[Вместо иероглифа] хуй (匯) пишут [также] [иероглиф] хуан (淮)». В XIII говорится: «Спускаться по реке Хуаншуй». Чиновник-чжужуэе, военачальник-дುವэй Ян Пу, который был назначен флотоводцем башенных кораблей, выступил из [провинции] Юйчжан, спустился к [заставе] Хэнпу. Ранее перешедшие на правую сторону два юэских хоу <у Чжан Яня сказано: «Еще раньше юэ, которые сдались в плен, стали хоу»», которые были назначены [один] — флотоводцем клевцовых кораблей (*гэчуань цзянцзюнь*), [другой] — флотоводцем кораблей, спускающихся по мелководью (*сяли цзянцзюнь*) <у Сюй Гуана сказано: «[Вместо иероглифа] ли (厲) в некоторых работах пишется [иероглиф] лай (濼)». У Чжан Яня говорится: «Юэ по рекам передвигались на судах. Из-за бед, приносимых акулами, к днищу кораблей (*чуань*) прикрепляли боевые клевцы (*гэ*), от этого и произошло название судов — *гэчуань*». В *Ин шао* говорится: «Корабли-лай движутся там, где мелко». В *Цзань* сказано: «В *Уцзы сюйшу* есть [упоминание] кораблей-гэчуань: оснащены щитами и клевцами, из-за этого называются *гэчуань*», выступили из [провинции] Линлин и то ли [еще] спускались по реке Лишуй <у Сюй Гуана говорится: «Линлин связан с Гуансинь». ЧИ: В *Дили чжи* говорится: «В уезде Линлин есть река Лишуй, на восток течет в Гуансинь, протекает по территории провинции Юйлин, протяженность — 980 ли»», то ли [уже] приблизились к Цаньфу. Направили Чии-хоу <у Сюй Гуана сказано: «Это — юэсец по имени И»> повести войска [страны] Елан <ЧИ: Страна Елан находится к югу от Цюйчжоу, Сечжоу> вместе с преступниками из Ба и Шу, спуститься по реке Янко <ЧИ: Эта река, вытекая из Наньцзяо на востоке, пересекает Сыхуй, достигая Паньюя, впадает в море> и объединиться [со всеми] у Паньюя.

В шестой год эры *Юань-дин* (111 г. до н. э.), зимой флотоводец башенных судов с отборными войсками сначала занял Сюньшэн, разбил Шимэнь <СИ: У господина Яо говорится: «Сюньшэн расположен в 300 ли к западу от Шисина, недалеко от [уезда] Лянькоу». Согласно *Гуанчжоу цзи*, Шимэнь расположен в 200 ли к северу от уезда Паньюй. В старину Люй Цзя, оказывая сопротивление Хань, перегородил камнями русло реки, это место и называется Шимэнь («Каменные ворота»). Предание гласит, что в Шимэне есть река, называемая Таньцюань («Родник алчности»). Испив из нее воды, человек изменяется. Так, в прошлом, У И, прибыв в Шимэнь, напился той воды. Выпив, стал петь песни», захватил юэские суда, зерно. Продвигаясь вперед, с помощью нескольких десятков тысяч солдат сломил юэский передовой отряд. Стал ожидать [флотоводца]-*фубо*. *Фубо*, ведя за собой преступников, [из-за] дальнего пути [прибыл] позже срока встречи и, когда соединился с [флотоводцем] башенных судов, имел [лишь] тысячу с лишним человек. Затем все вместе двинулись вперед. [Флотоводец] башенных судов был впереди. Подошли к Паньюю.

[Чжао] Цзянь Дэ, [Люй] Цзя обороняли город. [Флотоводец] башенных судов, сам выбрав удобное место, расположился с юго-восточной стороны. *Фубо* расположился с северо-западной стороны. На закате [флотоводец] башенных судов пошел в наступление, нанес поражение юэ и поджег город. Юэ знали только о звании [флотоводца] — *фубо*, но и на заходе солнца им так и не было известно, сколько у него солдат. *Фубо*, устроив военный лагерь, отправил людей посулить тем, кто сдастся, печати⁴⁸ и свободу. Приказывал им передавать эти посулы [другим юэ]. [Флотоводец] башенных судов, напрягая все силы, напал на противника в подоженном [городе], теснил с тыла и гнал на лагерь *фубо*. В предрассветных сумерках все в городе сдались *фубо*⁴⁹.

Люй Цзя, [Чжао] Цзянь Дэ еще ночью вместе с несколькими сотнями приближенных бежали морем, *ушли на кораблях на запад*⁵⁰. *Фубо* из опроса захваченных и сдавшихся знатных людей узнал, где Люй Цзя. Отправил людей вдогонку за ним.

Военачальнику (*сяовэй*) *сыма* Су Хуну, схватившему [Чжао] Цзянь Дэ, пожаловали [титул] Хайчан-хоу <у Сюй Гуана сказано: «[Хайчан] расположен в Дунлае»». Юэскому чиновнику (*лан*)у <у Сюй Гуана назван наньюэским чиновником> Ду Цзи <у Сюй Гуана сказано: «В [разделе ШЦ] „Таблицы“ назван Сунь Ду»», схватившему [Люй] Цзя, пожаловали [титул] Линьцай-хоу <СИ: Согласно «Таблицам», [Линьцай] подчинен Хэнэю».

Ван Цаньфу, Чжао Гуан, происходивший из одного рода с *ваном* [Нань]юэ, узнав о приближении ханьских войск, вместе с юэским управляющим (*лин*) [уезда] Цзэян [по имени] Дин <у Вэй Чжао сказано: «Цзе по [системе] *фаньце* читается *ци*». СИ: Согласно *Дили чжи*, уезд Цзэян подчинен округу Наньхай. У господина Лю сказано, что... Дин — это имя управляющего уездом⁵¹. Согласно *Хань гунчэнь бяо*, Дин — управляющий уездом Цзэян> сами решили покориться Хань. Юэский губернатор-

⁴⁷ Во время правления династии Хань на юге совр. пров. Хунань было два города с названием Гуйян. Поскольку ниже упомянута р. Хуйшуй, которая во времена династии Цинь называлась Хуаншуй, речь скорее всего идет о Гуйяне, расположенном на этой реке, севернее наньюэской заставы Яншань (совр. г. Ляньсянь).

⁴⁸ В XIII: «печати и шнуры для их ношения».

⁴⁹ Опущен перевод комментария с развернутым пояснением значения словосочетания «предрассветные сумерки».

⁵⁰ В XIII текст, отмеченный звездочками, отсутствует.

⁵¹ Опущена лингвистическая часть комментария.

цзянь [провинции] Гуйлинь Цзю Вэн <в XIII в комментарии *Инь и* сказано: «В провинции Гуйлинь был начальник по фамилии Цзю, по имени Вэн»>, сообщил, что Оуло подчинилось Хань <СИ: Согласно XIII, Оуло с населением в триста с лишним тысяч ртов сдалось Хань>. Все получили [титуты] *хоу*⁵² <СИ: Согласно XIII, [Чжао] Гуан сдался, узнав о приходе ханьских войск, и получил титул *Тяо-хоу*; управляющий уездом Цзеян стал *Аньдао-хоу*, юэский полководец Би стал *Ляо-хоу*, губернатор провинции Гуйлинь Цзю Вэн стал *Сянчэн-хоу*. У Вэй Чжао говорится: «Сянчэн подчинен Дуяну; Тяо, Аньдао, Ляо — три уезда, все подчинены [провинции] Наньян»>.

Войска флотоводцев клевцовых кораблей и кораблей, спускающихся по мелководью, а также Чи-*хоу*, который вел войска [страны] Елан, еще не достигли своих мест, а Наньюэ уже было усмирено!

После этого было создано девять провинций <у Сюй Гуана сказано: «Даньэр, Чжуйай, Наньхай, Цаньфу, Цзючжэнь, Юйлинь, Жинань, Хэпу, Цзючжи». СИ: У Сюй Гуана говорится, что в XIII все они перечислены>. Флотоводцу-*фубо* оказали милости [многим] и пожаловали. [Флотоводец] башенных судов, чьи войска покорили твердыню, стал Цзянлян-*хоу*.

После того как *вэй* [Чжао] То стал *ваном*, [сменилось] пять поколений — [минуло] девяносто три года, и государство там (в Наньюэ) погибло.

[Я], придворный историограф (*тайшигун*), скажу так:

«*Вэй* [Чжао] То стал *ваном* благодаря Жэнь Сяо. Хань только стала утверждаться, [и поэтому он был поставлен] в ряд удельных правителей (*чжухоу*). Лунлюй-[*хоу*] был остановлен влажным [климатом] и эпидемией, и [Чжао] То получил [возможность] возгордиться. Междоусобица в Оуло породила шатания в Наньюэ. Ханьское войско подошло к границе. [Чжао] Ин Ци служил при императорском дворе, а его потомки погубили государство. Из-за женщины [из рода] Цзю Люй Цзя оказался не предан [своему господину], и из-за этого [Чжао] То не имел продолжателей. [Флотоводец] башенных судов, поддаваясь чувствам, из-за лености и заносчивости растерялся. *Фубо*, будучи в тяжелом положении, мудро все просчитал и еще более обогатился. Так из несчастья возникает счастье.

Переменчивость побед и поражений подобна переплетению нитей в веревке».

---

⁵² В XIII содержится более подробное сообщение о пожалованиях: «*Ван* Цаньфу, Чжао Гуан, происходивший из одного рода с юэским *ваном*, узнав о приближении ханьских войск, сдался, стал *Суйтяо-хоу*. Юэский управляющий [уездом] Цзеян, Ши Дин, который сдался Хань, стал *Аньдао-хоу*. Юэский полководец Би Цю, сдавшийся с армией, стал *Ляо-хоу*. Юэский губернатор провинции Гуйлинь, Цзю Вэн, который сообщил, что Оуло с населением в четыреста с лишним тысяч ртов сдалось, стал *Сянчэн-хоу*».

Список использованной литературы

Истзап. — *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общ. ред. Р.В.Вяткина. Вступ. ст. М.В.Крюкова; т. 2. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общ. ред. Р.В.Вяткина; т. 3. Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1972, 1975, 1984. (Памятники письменности Востока. XXXII, 1–3).

Ли цзи. — Ли цзи цзи шо («Записки о благопристойности» с собранием толкований). Пекин, 1984 (СШУЦ, т. 2).

ХШ — *Бань Гу*. Хань шу (*Бань Гу*. История Хань). Т. 1–12. Пекин, 1983.

ШЦ. — *Сыма Цянь*. Шицзи (Исторические записки). Т. 1–10. Пекин, 1992.

Сыма Цянь
Исторические записки

Цзюань 114
Описание Дунъюэ¹

У *вана* У Чжу из Миньюэ <у Вэй Чжао сказано: «Минь по [системе] *фаньце* читается как *ин*. Другое название — Дунъюэ (Восточное Юэ)». СИ: В *Шовэнь* говорится: «Минь и дунъюэ — это виды змей. Поэтому в иероглифе *минь* (閔) есть элемент, [обозначающий] „тварь“ (虫). Читается как *минь* (曼)»² и *вана* Дунхай Яо из [Дунь]юэ — у обоих предки были потомками юэского *вана* Гоу Цзяня. [Носили] фамилию рода Цзоу <у Сюй Гуана сказано: «[Вместо иероглифа] *цзоу* (騶) пишут также [иероглиф] *ло* (駱)». СИ: У Сюй Гуана после указанной выше [фразы] говорится: «[Вместо иероглифа] *оу* (歐) пишут также [иероглиф] *ло* (駱). [Правители] Минь[юэ] не носили фамилию Цзоу». [Когда династия] Цинь объединила Поднебесную, упразднила [местную] родовую знать, тамошние земли стали считать провинцией Миньчжун <у Сюй Гуана сказано: «В наше время это Цзяньань». СИ: Сяо Янь полагал, будто это [провинция] Цзяньань в современном Цюаньчжоу. ЧИ: В наше время Миньчжоу переименован в Фу[цзянь]>.

Когда удельные правители (*чжухоу*) восстали против Цинь (206 г. до н. э.), У Чжу и Яо во главе юэ примкнули к губернатору [езда] Поян, У Жую, так называемому «правителю По³», и участвовали вместе с *чжухоу* в уничтожении Цинь. В то время Сян Цзи⁴ взялся отдавать указы, не являясь *ваном* <в XIII в [комментарии] Инь И сказано: «Возглавлял и повелевал *чжухоу*, не будучи *ваном*, [как] У Чжу, Яо и другие»>, поэтому [юэские ваны] не примкнули к Чу⁵. Когда [династия] Хань нанесла удар Сян Цзи, то У Чжу и Яо во главе юэ поддержали Хань.

В пятый год [правления династии] Хань (202 г. до н. э.) У Чжу снова объявили *ваном* Миньюэ, *ваном* земель прежней [провинции] Миньчжун со столицей в Дунъюэ⁶.

В третий год [правления императора] Сяо-хуя (192 г. до н. э.) [Хань], отмечая заслуги Юэ во времена императора Гао[-цзу] (206–194 гг.

до н. э.), объявили: «У государя Минь[чжуна], Яо, много заслуг, его народ примкнул [к Хань], поэтому объявляем Яо *ваном* Дунхая <в *Ин шао* сказано: «К юго-востоку от провинции Уцзюнь, на морском побережье»> со столицей в Дунъюэ» <у Сюй Гуана сказано: «В наше время это [провинция] Цюнин». СИ: У господина Яо сказано, что Оу — это название реки. Согласно *Юн-цзя цзи* («Записки эры *Юн-цзя*», 307–313), эта река берет начало в горах Ниншань, течет тридцать с лишним *ли* по территории Цзюньчэн, через пять *ли* впадает в реку Янцзы. В старину здесь был [город] Дунъюэ, столица *вана*, который перегородил реку камнями, проложил дорогу. И в наше время все еще расположен там»>. Обычно его называли *ваном* Дунъюэ.

Сменилось несколько поколений. В третий год правления [императора] Сяо-цзина [154 г. до н. э.] уский *ван* Би, восстав, захотел выступить вместе с Миньюэ. Миньюэ не согласились, только Дунъюэ последовали за У, но У потерпело поражение. Тогда [ван] Дунъюэ, получив от Хань подарки, убил уского *вана* в [городе] Даньту⁷. Потому все смогли избежать казни и возвратились в [свою] страну. Сын уского *вана*, Цзы⁸ Цзюй, бежал в Миньюэ. Ненавидя Дунъюэ за убийство отца, постоянно прилагал усилия к тому, чтобы Миньюэ нанесло удар по Дунъюэ.

В третий год эры *Цзянь-юань* [138 г. до н. э.] Миньюэ, выдвинув войска, окружило Дунъюэ. В Дунъюэ иссякло продовольствие, [люди] дошли до крайней нужды и, готовые сдаться, направили человека уведомить Сына Неба. Сын Неба спросил начальника военного приказа (*тайвэй*) Тянь Фэня. [Тянь] Фэнь ответил: «Юэ передрались друг с другом; по сути, так было всегда. *К тому же они неоднократно восставали*⁹. Не стоит вновь затруднять Срединное [государство] отправкой туда

¹ Публ. впервые. Перевод с *вэньяня* осуществлен совместно с К.В.Лепешинским и М.Ю.Ульяновым.

² В угловых скобках приводится текст комментария. Лингвистический комментарий, как правило, опущен. В примечаниях указываются важнейшие расхождения с текстом XIII, а также некоторые комментарии Янь Ши-гу (далее — ШГ; см. [XШБЧ, т. 4]) к соответствующему тексту в XIII.

³ Согласно ШЦ, У Жуй начал править в Чу (обл. Хэншань) в 206 г. до н. э. В 202 г. стал *ваном* Чанша. Он и основал это государство. Умер в том же году [Истзап., т. 2: 139; т. 3: 358]. Об У Жуне рассказано и в [XШ, цз. 34].

⁴ Сян Цзи — имеется в виду чуский правитель Сян Юй. В ШЦ ему посвящена гл. VII «Сян Юй бэньцзи» [Истзап., т. 2: 98, 117, 118].

⁵ Не примкнули потому, что не признавали легитимность правителя.

⁶ В XIII иероглиф *дун* отсутствует. В ШГ сказано: «Е — название местности, ставшей уездом Хогун».

⁷ Даньту — город недалеко от устья Янцзы.

⁸ В XIII иероглиф *цзы* отсутствует.

⁹ В XIII текст, отмеченный звездочками, отсутствует.

помощи. *Со времен Цинь их отделили и не [считали] подданными*¹⁰ ».

*Тогда *чжундафу* Чжуан Чжу, упрекая [Гянь] Фэня, сказал: «Самая большая беда — обладая силой, не быть способным оказать помощь, обладая добродетелью-дэ, не оказывать покровительства; а если возможно, то зачем отказывать в этом? И если Цинь, обладая [городом] Сяньян¹¹, потеряли [даже] его, то что же тогда [говорить о] Юэ? Ныне же небольшое государство в крайней нужде уведомило Сына Неба о [своем] тяжелом положении. [Если] Сын Неба не окажет помощи, то кто сможет успокоить обратившегося? А также, как тогда рассматривать в качестве сыновей все страны?»

Император сказал: «Начальник военного приказа не стоит того, чтобы с ним советоваться. Я, только что вступив на престол, не хотел бы, чтобы военачальники выдвигали войска в провинции и государства». После этого направил Чжуан Чжу с предписанием двинуть войско [провинции] Гуйцзи. Губернатор [провинции] Гуйцзи захотел остаться в стороне и не вести войска. Тогда [Чжуан] Чжу, казнив одного старшего советника по военным делам (*сыма*), пояснил смысл указания. После этого двинули войска и по морю отплыли на помощь Дуньюо*¹². Еще не прибыли, а Миньюэ отозвало и вывело войска. [Жители] Дуньюо обратились с просьбой переселить всю страну в Срединное государство. Пришла вся масса [народа] и разместилась между Янцзы и Хуайхэ <у Сюй Гуана сказано: «*Ван* Дуньюо Гуанфу-хоу во главе народа числом в сорок с лишним тысяч человек пришел, и остались [они] с семьями в провинции Луцзян¹³». СИ: Сюй Гуан основывается на «Таблицах»>.

В шестой год эры *Цзянь-юань* (135 г. до н. э.) Миньюэ нанесло удар по Наньюэ. Наньюэ, соблюдая договоренность с Сыном Неба, не смело самовольно направлять войска *для нанесения [ответного] удара*¹⁴, а доложило императору. [Император] отправил чиновника-*дасина* Ван Хуя выступить из [провинции] Юйчжан, чиновника-*дануна*¹⁵ Хань Ань-го выступить из [провинции] Гуйцзи. Оба были назначены полководцами. Войска еще не перешли через горный хребет, когда *ван* Миньюэ, Ин, выдвинув войска, занял стратегически важные территории. Его младший брат Юй Шань, советуясь с министрами-*сянами*¹⁶ и членами своего рода, сказал: «*Ван* самовольно выдвинул войска *и нанес удар по Наньюэ*¹⁷, не спросив [нашего] согласия. Поэтому войска Сына Неба пришли покарать [Миньюэ]. Сегодня ханьские войска многочисленны и сильны. Если сейчас нам и посчастливится одержать победу над ними, то впоследствии их придет еще больше. Не остановятся, пока в конце концов не уничтожат страну. Сегодня уьем *вана* и этим признаем вину перед Сыном Неба. Если Сын Неба услышит¹⁸ [нас] и выведет войска, то государство сохранится в целостности; не услышит — тогда будем упорно сражаться. И если не победим, спасемся, уйдя в море»¹⁹. Все согласились.

Заколов, убили *вана* <СИ: У господина Лю сказано, что иероглиф [со значением] «заколоть» следует понимать как «ударить [ножом]»>, направили посла поднести его голову *дасину* [Ван Хуя]. *Дасин* сказал: «[Мы] пришли для того, чтобы покарать *вана*. Голова *вана* принесена, вина признана. Уничтожить не сражаясь — нет ничего более выгодного» <у Сюй Гуана сказано: «В XIII говорится: „Переместить и уничтожить“ сейчас означает „забрать и уничтожить“»>. Счел целесообразным отвести войска и сообщить [об этом] полководцу *дануну* [Хань Ань-го], а также направил гонца поднести голову *вана* и как можно быстрее доложить Сыну Неба. В приказе [императора] о выводе войск обоих полководцев говорилось: «Ин и другие были зачинщиками зла, только внук У Чжу, государь Ю [по имени] Чоу, не был заодно с заговорщиками». После этого направили чиновника-*ланчжунцзяна* объявить Чоу *ваном* Юэ, принести предкам²⁰ [*ванов*] Миньюэ жертвоприношения.

Юй Шань, убив Ина, распространил свое влияние по стране. Большинство народа страны подчинилось [ему]. Втихомолку объявил себя *ваном*. *Ван* Ю, [Чоу], был не способен твердо удерживать власть в своих руках. Сын Неба, узнав об этом, посчитал, что Юй Шань не стоит того,

¹⁰ То же. Данное высказывание высокопоставленного ханьского военного чиновника является исключительно важным, поскольку говорит о том, что при Цинь, в III в. до н. э. и вплоть до второй половины II в. до н. э., юэские государства не входили в состав империи. Напомним, что речь идет о территориях современных провинций Оббэйи, Чжэцзян и южной части провинции Цзянсу.

¹¹ Сяньян — с 350 г. до н. э. столица царства Цинь, позднее — столица циньской империи. Был взят и разрушен в 207 г. войском чуского правителя Сян Юя.

¹² В XIII вместо текста, отмеченного звездочками: «Попросил Сына Неба отправить [его]. [Чжуан] Чжу двинул войска провинции Гуйцзи, которые по морю отплыли им на помощь. Эти слова содержатся в биографии [Чжуан] Чжу. Ханьские войска...».

¹³ Провинция Луцзян во времена династии Хань располагалась севернее р. Янцзы, на территории совр. пров. Аньхой.

¹⁴ В XIII текст, отмеченный звездочками, опущен.

¹⁵ В XIII в обоих случаях чиновник-*дасынун*.

¹⁶ В XIII иероглиф *сян* отсутствует.

¹⁷ В XIII отмеченный текст отсутствует.

¹⁸ В XIII иероглиф со значением «услышать» отсутствует.

¹⁹ Примечательное для этих веков сообщение. Ставшие позднее чистыми земледельцами, вьеты тогда были во многом морским народом. Донгшонская цивилизация вьетов смогла распространиться на всю островную часть Юго-Восточной Азии.

²⁰ В XIII иероглиф со значением «предки» отсутствует.

чтобы вновь поднимать войска [против него], сказал: «Юй Шань *несколько раз с Ином замышлял бунты, но затем*²¹ сам возглавил казнь Ина. Войска можно не утруждать». И объявил Юй Шаня *ваном* Дунъюэ, определив ему место наравне с *ваном* Ю.

В пятый год эры *Юань-дин* [112 г. до н. э.] Наньюэ восстало. *Ван* Дунъюэ, Юй Шань, направил императору письменное послание: «Прошу [разрешить] с восемью тысячами солдат сопровождать [флотоводца] башенных кораблей и нанести удар по Люй Цзя и другим. Войско [Дунъюэ] приблизилось к [уезду] Цзяян, но, ссылаясь на морской ветер и волны, не продвигалось. Выжидали и вели себя двусмысленно, тайком посылали [посланников] в Наньюэ, а когда Хань разгромили [город] Паньюй, не прибыли [туда]. В то время [флотоводец] башенных кораблей Ян Пу направил к императору посла с письмом, высказав предложение попутно нанести удар и по Дунъюэ. Император, сказав, что воины утомлены, не разрешил. Вывода войска, приказал всем старшим командирам расквартироваться в Мэйлине [в провинции] Юйчжан в ожидании распоряжений <у Сюй Гуана сказано: «[Мэйлин расположен] на территории [провинции] Гуйцзи». СИ: [В комментарии] Сюй [Гуана] сказано неверно. В наше время в тридцати *ли* от [главного города провинции] Юйчжан есть Мэйлин, расположенный в горах Гунцуй, который в древности являлся почтовой станцией. В тексте говорится о Мэйлине, что в Юйчжане, а не в Гуйцзи. ЧИ: В *Гуади чжи* говорится: «Мэйлин расположен в уезде Духуа, в ста двадцати *ли* к северо-востоку от [его главного города]. [Уезд] Дучжоу во времена Хань также был подчинен провинции Юйчжан; о котором из двух идет речь, неясно»>».

В шестой год эры *Юань-дин*²² (111 г. до н. э.), осенью Юй Шань узнал о том, что [флотоводец] башенных кораблей просил разрешения покарать [его] и что ханьские войска двинулись к границе [Дунъюэ]. Поднял мятеж, двинул войска, занял дорогу, по которой шли ханьские войска. Объявил полководца Цзоу Ли и его людей «полководцами, пожирающими Хань». Заняли Байша, Улинь <у Сюй Гуана сказано: «Расположены на территории провинции Юйчжан». СИ: В наше время — в двухстах *ли* к северу от [главного города провинции] Юйчжан, на границе с Пуян. Географическое название «Байша»: известна небольшая река, впадающая в озеро, которая называется Байша. В восьмидесяти *ли* к юго-востоку от [Бай]ша расположена дорожная станция Уян. В тридцати *ли* к юго-востоку от нее расположен Улинь. Это те самые Байша и Улинь. В наше время [находятся] на пути в столицу Миньюэ>, Мэйлин, убили троих ханьских полководцев (*сяовэй*).

В то время Хань направили чиновника-*дануна* Чжан Чэн-у, в прошлом являвшегося Шаньчжоу-*хоу* <у Сюй Гуана сказано: «Чэн был сыном Янгун-*вана*»>²³, взять командование войсками на себя. Стал лагерем, [затем], не смея нанести удар, отошел на [более] удобные позиции²⁴. [Потом] всех отдали под суд за то, что боялись покарать [врага]. А Юй Шань самочинно вырезал печать и провозгласил себя У-ди — «Императором Воинственным», обманывал свой народ безрассудными речами.

Сын Неба отправил флотоводца, «пересекающего море» (*хэнхай*), Хань Юэ двинуться из [уезда] Цзюйчжан <СИ: Согласно господину Чжэню, Цзюй[чжан] — это уезд в округе Гуйцзи. ЧИ: Цзюйчжан — в прошлом город в Юэчжоу в уезде Цзань, в ста *ли* на запад от ханьских уездов> и плыть по морю с восточного направления; [флотоводца] башенных кораблей Ян Пу — двинуться из Улиня; *чжунвэя* Ван Вэнь-шу — двинуться из Мэйлина; Юэ-*хоу*, назначенному [флотоводцем] клевцовых кораблей, и полководцу-*сяланю* двинуться из Жосе и Байша <СИ: У господина Яо сказано, что Жосе — это географическое название. В наше время — Кань. ЧИ: В Юэчжоу есть гора Жосе. *Жо* и *жу* — одно и то же. В Юйчжоу есть гора Байша. Жосе и Байша расположены на востоке, поэтому раньше входили в Миньчжоу>.

В первый год эры *Юань-фэн* (110 г. до н. э.), зимой все вместе вторглись в Дунъюэ. [Войска] Дунъюэ заранее выдвинулись и заняли стратегически важные места. [Юй Шань] направил полководца, «покоряющего Север», оборонять Улинь. Тот разбил несколько высших командиров армии [флотоводца] башенных кораблей, убил высших чиновников. [Флотоводец] башенных кораблей приказал Юань Чжун-гу из Цяньтана²⁵ <ЧИ: Цяньтан — уезд в Ханьчжоу²⁶. Юань — фамилия, Чжун-гу — имя> уничтожить полководца, «покоряющего Север», который стал Юйэр-*хоу* <в XIII, в комментарии Инь И, сказано: «В наше время это дорожная станция Унань». ЧИ: Вместо иероглифа *юй* (禦) в наше время используется иероглиф *юй* (語). Волость Юйэр расположена в Сучжоу, в семидесяти *ли* к югу от уезда Цзясин, на казенной дороге>». Свои же войска не выводил.

Бывший Юэянь-*хоу* У Ян был в это время в Хань (т. е. в империи), Хань направили [его] назад вразумить Юй Шаня. Юй Шань не послушал.

²¹ В XIII текст, отмеченный звездочками, отсутствует.

²² В XIII название эры правления отсутствует.

²³ В ШГ сказано: «...Это сын *вана* Чэнгуна, ранее пожалованный титулом Шаньчжоу-*хоу*».

²⁴ В ШГ сказано: «Отойти — значит отступить».

²⁵ В ШЦ, в цз. 20 («Таблицы»), сказано, что Юань Чжун-гу был простым солдатом в армии флотоводца башенных кораблей [ШЦ, цз. 20: 345].

²⁶ Согласно ШГ, Цяньтан — уезд в провинции Гуйцзи.

До того как прибыл флотоводец, «пересекающий море», Юэнь-хоу У Ян поднял мятеж силами семисот человек своих приближенных, напал на юэскую армию в Ханьяне и соединился с Цзяньчэн-хоу Ао <у Сюй Гуана сказано, что это подданный Дунъюэ>. Под его руководством присоединился к вану Ю. Цзюй Гу, вырабатывая план действий, сказал: «Юй Шань был зачинщиком зла, силой сдерживал меня. Сейчас подошли ханьские войска, многочисленные и мощные. План состоит в том, чтобы убить Юй Шаня, всем полководцам — добровольно сдаться. Если повезет, получим избавление»²⁷. Тогда все сообща убили Юй Шаня, а его людей сдали флотоводцу, «пересекающему море». За это вану Ю, Цзюй Гу, пожаловали [титул] Дунчэн-хоу <СИ: Вэй Чжао сказал, что [уезд Дунчэн] расположен в [провинции] Цзюцзян> и десять тысяч дворов, Цзяньчэн-хоу Ао пожаловали [титул] Кайлян-хоу <СИ: Сюй Гуан сказал, что Ао был подданным Дунъюэ. Вэй Чжао сказал, что Кайлин подчинился [провинции] Линхуай>, Юэнь-хоу У Яну пожаловали [титул] Бэйши-хоу, флотоводцу, «пересекающему море», [Хань] Юэ пожаловали [титул] Аньдао-хоу, военачальнику-сяовэю [армии флотоводца], «пересекающего море», Фу пожаловали [титул] Ляоин-хоу. Фу — сын Янгун-вана, раньше был Хайчан-хоу, нарушив закон, потерял [титул] хоу. Долго служил в армии и не имел заслуг, но, будучи знатного рода, стал хоу. *Из полководцев, не имевших заслуг, пожалований никто не получил*²⁸. Полководцу из Дунъюэ, До Цзюню <в XIII, в комментарии Инь И сказано, что До Цзюнь — это имя. СИ: У Вэй Чжао сказано, что До — это фамилия, Цзюнь — имя>, который, когда пришли ханьские войска, отказался от своей армии и сдался в плен, пожаловали [титул] Уси-хоу²⁹.

Сын Неба сказал: «Дунъюэ невелико, много естественных препятствий. Минъюэ непокорно, неоднократно восставало. Приказываю всем военным и гражданским полководцам возглавить переселение народа [в район] между Янцзы и Хуайхэ». Дунъюэские земли стали пустыми.

Я, придворный историограф (*тайшигун*), скажу: «Хотя Юэ — варвары, разве их предки не имели великих заслуг перед народом и добродетели-дэ? Почему так давно они существуют? На протяжении нескольких поколений постоянно становились государями и правителями. Гоу Цзянь однажды был провозглашен гегемоном. Однако Юй Шань, дошедший до великого противостояния, погубил страну, довел до выселения народ. Потомку его предков вану Ю, Цзюй Гу, вновь были пожалованы десять тысяч дворов и [титул] хоу. Поэтому знаем, что Юэ из поколения в поколение становились гунами и хоу. И это является следствием героического духа их предка Юя».

---

²⁷ В XIII речь Цзюй Гу отсутствует.

²⁸ В XIII отмеченный текст отсутствует.

²⁹ В XIII далее следуют слова: «Полководцу левого крыла армии Оуло, Хуан Туну, обезглавившему Синюй-вана, пожаловали [титул] Сяли-хоу».

Список использованной литературы

- Истзап. — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общ. ред. Р.В.Вяткина. Вступ. ст. М.В.Крюкова; т. 2. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общ. ред. Р.В.Вяткина; т. 3. Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1972, 1975, 1984. (Памятники письменности Востока. XXXII, 1–3).
- ХШ — Бань Гу. Хань шу (Бань Гу. История Хань). Т. 1–12. Пекин, 1983.
- ШЦ. — Сыма Цянь. Шицзи (Исторические записки). Т. 1–10. Пекин, 1992.

Чжао Е¹
У Юэ чуньцю
(«Вёсны и осени [царств] У и Юэ»)
Комментарий Сюй Тянь-ху². Редакция У Гуаня^{3*}

Цзюань 4,
часть (вайчжуань) 6
Неофициальная биография
юэского вана У Юя

Предшественник юэских правителей У Юй (無余) <У Юй являлся потомком [Ся] Юя в шестом поколении. Он был сыном неглавной жены Шао Кана. Первоначально У Юй получил владение в Юэ. В *Юэ цзю цзин* пишется У Юй (無餘)> был наделен владением потомком Ся Юя.

Гунь, отец Юя, являлся потомком императора Чжуань Сюя <в *Ди ван шицзи* сообщается: «Гунь — это сын императора Чжуань Сюя, второе имя — Си». В *Ляньшань* говорится: «Гунь получил владения в Чун, поэтому в *Гоюй* он назван чунским бо Гунем». В *Шицзи* говорится: «Отец Гуня — император Чжуань Сюй». В *Шибэнь*¹ также упоминается, что Гунь — это сын Чжуань Сюя. В [трактате] *Люйли чжи* из *Ханьшу* говорится: «В пятом поколении [потомков] Чжуань Сюя родился Гунь». *Тунцзянь вай цзи* следует этим толкованиям. В *Гуши* сказано: «Придворный историограф [Сыма Цянь] считал, что Гунь — сын Чжуань Сюя». Их (Чжуань Сюя и Гуня) поколения слишком близки. Бань Гу считал, что «[поколение Гуня] — пятое, это близко к [истине]». В данной книге указывается, что Гунь — потомок Чжуань Сюя. Под потомком можно понимать и сына, и внука, и вообще [любого потомка]>.

Гунь взял в жены девушку из рода Юшэнь² по имени Нюй Си³. В зрелом возрасте она все еще не рожала. На горе Дишань⁴ [Нюй] Си нашла зерно [растения] коикс⁵ и проглотила его. Затем почувствовала, что как будто была с мужчиной, и забеременела. Ей разрежали бок, и родился Гао Ми <в *Шибэнь* говорится: «Гунь взял в жены [девушку] из рода Юсинь и стал называть ее Нюй Чжи⁶. [Она] родила Гао Ми». Сун Чжун писал: «Гао Ми — это место, где Юй получил удел». В [*Ди ван*] *шицзи* говорится: «Жена Юя, Сю Сы, увидела метеор, прошедший через звезду Мао, [затем] во сне ощутила, что как будто была в связи [с мужчиной]. Кроме этого, проглотила „священную жемчужину“ — зерно [растения] коикс и родила Юя. Имя [Юя] — Вэнь Мин, второе имя — Мин». В *Шицзи* сказано, что Вэнь Мин — это имя Юя. Кун Ань-го писал, что Юй — это имя. Чжан Янь считал, что это второе имя. Здесь сведены все

---

* Публ. впервые. Перевод выполнен совместно с К.В.Лепешинским по изданию [У Юэ чуньцю]. Сверен с оригиналом и уточнен М.Ю.Ульяновым. Им же дополнены примечания с учетом издания [Чжан Цзюэ 1993].

¹ Чжао Е (ок. 58 — 125), второе имя — Чанцзюнь, согласно ХХШ, цзюань «Жулинь лечжуань» («Жизнеописания конфуцианцев»), был родом из уезда Шаньинь провинции Куайцзи (совр. пров. Чжэцзян). В молодости являлся мелким чиновником уездного уровня. Однажды получил приказ встретить чиновника, занимавшего более высокую должность — *дую*, и сопровождать его, хотя и верхом, но сзади. Это ему пришлось не по душе, и он отказался от встречи и от дальнейшей службы вообще. После этого он отправился в Сычуань к ученому по имени Ду Фу (о нем см. [ХХШ, цз. 79А: 3663, 6а]). После 20 лет учебы он вернулся в родные края, где и завершил свой жизненный путь, см. [ХХШ, цз. 79А: 3664, 8а–б].

² Сюй Тянь-ху (второе имя — Шоучжи) — комментатор сунского времени. Так же, как и Чжао Е, был родом из уезда Шаньинь. Известно, что в 1262 г. он получил степень *цзиньши*, занимал должность *цзяошоу* (попечитель провинциальных учебных заведений) в провинции Да. В 1276 г. ушел в отставку, уехал домой, уединился и стал читать книги. Славился своей эрудицией.

³ У Гуань — уроженец Чжанлу (пров. Фуцзянь), жил в эпоху Мин, имел степень *цзиньши*. Написал *Тан ши цзи* («Записки по истории Тан»).

⁴ *Шибэнь* — утраченное сочинение автора ханьского времени Лю Сяна. Содержит описания полезных вещей, орудий труда и имена тех, кто их изобрел. Также сообщает о происхождении фамилий.

⁵ Юшэнь — согласно *Тай-пин ханьюй цзи*, это название древнего царства, расположенного на территории уезда Хэян совр. пров. Шэньси [Чжан Цзюэ 1993: 239].

⁶ Нюй Си — букв. «женское веселье».

⁷ Гора Дишань расположена на территории совр. пров. Хэнань у г. Саньмэнься. В настоящее время на ее месте расположено водохранилище Саньмэнься [Чжан Цзюэ 1993: 240].

⁸ Коикс — «слеза Иова» (Coix lacryma-Jobi L.).

⁹ Нюй Чжи — букв. «женская воля».

существующие [версии]>.

Семья жила у западных цянгов, в местности, называемой Шиню. Шиню расположено в Шу, в Сычуани <[Шиню] расположено в уезде Шицюань, в провинции Мао. На его территории есть храм Юя. Люди того округа сообщили предание, согласно которому Юй родился шестого числа шестого месяца. Согласно *Юаньхэ цзюнь сянь чжи* («Описание уездов провинции-цзюня Юаньхэ»), «Юй — с горы Жушань, что в Гуанжоу, а родился в деревне Шиню». В *Шуй цзин чжу* сказано: «В уезде есть село Шиню, где родился Юй». Гуанжоу — ныне административный район Шицюань⁷».

Во времена императора Яо внезапно разлились реки и [началось] сильное наводнение. Поднебесная потонула и была залита водой. Девять областей⁸ были отрезаны [друг от друга], четыре большие реки⁹ были запружены. Император, сострадая разладу и скорбям народа Срединного государства с самого начала постигшего всех несчастья, повелел *сыюэ*¹⁰ призвать мудрого и добродетельного на службу по усмирению вод. От Срединного государства до наиболее отдаленных местностей не могли представить ни одного человека. У императора не было никого, кому можно было бы поручить это. *Сыюэ* тогда призвали Гуня и представили его Яо. Император сказал: «Гунь нарушит приказ, ему не по силам. Он зауряден — не справится» <В *Шаньшу*, глава «Яодянь», записано: «Пренебрежет приказом, принесет вред — он зауряден». В *Шицзи*, глава «Яо бэньцзи», записано: «Нарушит приказ, ему не по силам — он зауряден». В [комментарии к *Шицзи*] *Чжэньи* говорится: «Иероглиф „нарушать“, который читается как *пэй*, означает „провалить“, „сорвать“. Гунь по природе был свирепым, провалил [дело], нарушил приказ и [не выполнил поручения], ему оказалось не по силам, потерпел поражение, его [услугами] оказалось невозможно воспользоваться»>.

Сыюэ сказали: «Среди таких же, как он, сановников нет никого, похожего на Гуня». Яо использовал его для усмирения вод. Получив приказ, потратил девять лет на труды, но успехов не добился. Император гневно молвил: «Я знал, что [он] не сможет». Но тем не менее прибег к его помощи. Оставив Шуня выполнять обязанности Сына Неба, [Яо] отправился с объездом проверить, совладал ли Гунь с водами. Не было ничего, что бы указывало на это, и тогда казнил Гуня на горе Юйшань (Перо-гора) <в *Ди чжи* [сообщается]: «[Юйшань расположена] на юге уезда Чжуци, что в округе Дунхай». Сейчас это уезд Цюйшань в провинции Хай¹¹>. [Тело] Гуня бросил в реку, где он превратился в [зверя] *хуаннэн* <[вместо иероглифа (熊) (*нэн*)] используется также [иероглиф] (熊) (*сюн*)> и стал духом Юйюань (Перо-омут) <в *Цзочжуань*, под седьмым годом правления Чжао-гуна, [сообщается]: «Цзиньский хоу увидел [во сне] кошмар. Желтый медведь вошел в дверь спальных покоев». Цзы Чан сказал: «В прошлом Яо казнил Гуня на Перо-горе. Его превратился в желтого медведя и из-за этого попал в Перо-омут». Ду Юй растолковывал, что иероглиф (熊) «медведь» читается как *сюн*, это имя животного. Записанное иероглифом 熊, который читается как *най*, — это трехлапая черепаха. В [словарях] *Шовэнь* и *Цзылинь* записано: «Медведь. Лапы медведя напоминают олени». Но если [иероглиф] *най* можно писать вместо [иероглифа] *сюн*, и [он] также имеет значение «черепаха», тогда написание *най* является правильным. Жители Дунхая, принося жертвы в храме Юя, не использовали [изображения] медведя. [Но] известно, что [они] черепаху употребляли в пищу. Неужели Гунь мог превратиться сразу в двух существ?!>

Шунь вместе с *сыюэ* призвал сына Гуня, Гао Ми. *Сыюэ*, обращаясь к Юю, сказали: «Шуню не удастся усмирить воды, призывает тебя взять на себя [задание отца] и довести его до конца».

Юй сказал: «Согласен! Я, младший сын, осмелюсь полностью завершить дело [отца], дабы воплотить замысел Неба. Только поручите выполнить это». Юй, скорбя о том, что усилия отца не принесли успеха, прошел вниз по Янцзы, развернулся и прошел вверх по

⁷ Современный китайский комментатор У Юэ *чуньцю* Чжан Цзюэ полагает, что в этом комментарии есть неточности. Он считает, что вместо горы Жушань (в пров. Хэнань) имеется в виду гора Вэньшань (в пров. Сычуань). Он обосновывает это тем, что в эпоху династии Западная Цзинь была провинция-цзюнь Вэньшань, которая при Танах была преобразована в провинцию Мао. Уезд Шицюань создан при династии Тан, расположен на территории совр. пров. Сычуань. Утверждение о том, что Гуанжоу — это Шицюань, является ошибочным, поскольку название Гуанжоу при династии Суй было изменено на Вэньчуань [Чжан Цзюэ 1993: 240].

⁸ Девять областей — согласно древнейшему географическому тексту *Юйгун* («Дань Юю»), на них была поделена Поднебесная. Это словосочетание используется также в значении «вся Поднебесная».

⁹ Четыре большие реки — Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ, Цзихэ.

¹⁰ *Сыюэ* (букв. «четыре высокие горы») — в научной литературе, как и в китайской традиции, пока нет единого мнения о значении этого термина. Одни комментаторы считают, что имеются в виду четыре мифических персонажа — Си Чжун, Си Шу, Хэ Чжун и Хэ Шу, которые являлись либо наследственными властителями (*чжухоу*) (Кун Ань-го), либо чиновниками (Хуан Фу-ми) на четырех священных горах — Тайшань (восточная), Хуашань (западная), Хэншань (южная), Хэншань (северная). Другие (Чжу Си, Кун Пин-чжун, Ян Шэнь-ду) полагают, что речь идет об одном человеке [Чжан Цзюэ 1993: 241]. Р.В.Вяткин переводит это сочетание во множественном числе, считая, что под этим словом понимаются вожди племен или старейшины [Истзап., т. 1: 235].

¹¹ Чжан Цзюэ уточняет, что, судя по идентификации Чжао Е, гора Юйшань располагалась на территории совр. пров. Цзянсу.

Хуанхэ, полностью [усмирил] Цзи и вернул в русло Хуай. В пути тело его было измучено, мысль отягощена. Семь лет, слыша музыку, не вслушивался, проходя мимо дверей [дома], не заходил. Когда шапка цеплялась [за сучья], не оглядывался, теряя обувь, не замедлял шаг. Результатов все еще не добился и пребывал в глубоком раздумье.

Тогда [Юй] познакомился с трактатом *Хуанди чжун цзинли*¹². Написанное мудрецами гласило: «На [горе], служащей Небесной опорой¹³, что к юго-востоку от гор Цзюи, которая называется Ваньвэй¹⁴ <в пятнадцати *ли* к юго-востоку от [центрального города] уезда Куайцзи (провинции Чжэцзян), другое название — гора Юйсы>, Красный император¹⁵ пребывает во дворце. На вершине скалы [лежит] на постаменте из расписной яшмы накрытая огромным камнем книга, составленная из золотых планок с иероглифами из зеленого нефрита, прошитых серебром, на всех начертан текст».

Юй тогда же направился на восток и взошел на гору Хэншань¹⁶, кровью белой лошади совершил жертвоприношение. Того, что хотел, не добился. Юй взошел на гору, посмотрел, запрокинув голову, на небо и взвыл. Внезапно заснул и увидел мужчину в красной разукрашенной одежде. Тот сказал: «Являясь посланцем Сюань Цаншуй¹⁷, узнал, что император [Шунь] направил вас, Вэнь Мина, с повелением сюда, поэтому пришел и ждал вас. Тогда еще не были установлены год и месяц, а срок [усмирения вод] будет сообщен [позже]. Не устраивал игрищ с чтением нараспев, под музыку исполнял песню *Фуфу чжи шань* («Песнь о горе Фуфу»)¹⁸ <в *Юйди чжи* [сообщается]: «В горах Куайцзи есть скала, напоминающая перевернутый котел, называется горой Фуфу („Перевернутый котел“). Также называется Фушань („Гора котел“)>. В *Шицзи*, глава «Хуанди бэньцзи», говорится: «Гора Фушань — место, где составлялись верительные бирки». В [комментарии к *Шицзи*], *Соинь*, [сообщается]: «Гора Фушань — место, где собирались все удельные правители с бирками, скипетрами и устраивались аудиенции». [Гора Фушань] находится в трех *ли* к северу от [центрального города] уезда Хуайжун провинции Гуй. Это не та Фушань, [о которой говорилось выше]>.

[Этот посланец], обратившись к востоку, сказал Юю: «Если хочешь заполучить книгу духа моей горы, то постись под утесом Желтого императора¹⁹. В день *чэн-цзы* третьего месяца взойди на гору и отвали камень. Книга из золотых планок будет находиться там!» Юй вернулся и постился. В день *чэн-цзы* третьего месяца взошел на гору Ваньвэй, достал книгу с золотыми планками. Изучил нефритовые иероглифы на золотых дощечках и постиг принципы проведения рек <Юй не прибывал в Юэ дважды. Он был в Юэ [один раз], когда достиг горы Куайцзи, а не когда усмирал воды. В *Юйгуне* многие описания гор и рек Юга не совпадают с нынешними, потому что во время обуздания потоков Юй не бывал на Юге. В *Мэн-цзы* сказано: «Юй восемь лет отсутствовал [дома]», а в *Юйгуне* говорится, что 13 лет. Некоторые считают, что в годы усмирения потоков Юем входят девять лет [трудов] Гуня (отсюда цифра 13). Ма Жун писал: «Юй усмирал потоки три года, и в восьми областях был установлен порядок». Это значит, что через 12 лет в восьми областях был установлен порядок. 13 лет — это вместе с установлением порядка в [девятой области], Янчжоу. Установление порядка в Янчжоу происходило в год кончины Шуня. Итак, Юй успешно завершил свои труды не более чем за три-четыре года! В данной книге сказано о том, что у Юя «тело было измучено, мысль отягощена», за семь лет результатов все еще не добился. Поэтому он направился на восток и взошел на [гору] Ваньвэй, достал книгу с золотыми планками и постиг принципы усмирения рек. Если Юй только после семи лет заполучил книгу с золотыми планками и начал понимать принципы, то не слишком ли это долго?! Подобные сообщения передаются, но являются сомнительными>.

Двинувшись в обратный путь, [Юй] возвратился на гору [Хэншань]. Ехал на четырех [средствах] передвижения, чтобы проехать вдоль рек <по суше ехал на повозке, по воде — на лодке, по болотам — на лыжах, по горам — в паланкине>. [Путь] начался от горы Хошань <южная гора — Хэншань, другое название — Хошань. Тай и Дай, Хэнь и Хэ — все это два названия одной и той же горы>. Объехал пять гор <в *Шицзине*²⁰ говорится: «О, Южная гора! Только Юй мог управлять здесь»>.

Объезжая с инспекторскими целями [земли] по четырем большим рекам, совещался с [Бо] И и

¹² *Хуанди чжун цзинли* — календарь, составленный при Желтом императоре.

¹³ Небесная опора — в древности считали, что существовало несколько гор, которые служили опорами небу.

¹⁴ Горы Цзюи расположены на территории совр. пров. Хунань. Гора Ваньвэй — один из пиков горы Куайцзи на территории совр. пров. Чжэцзян, и расположена она к северо-востоку от гор Цзюи, а не к юго-востоку [Чжан Цзюэ 1993: 245].

¹⁵ Красный император — дух-покровитель Юга.

¹⁶ Гора Хэншань — в данном случае еще одно название горы Куайцзи [Чжан Цзюэ 1993: 245].

¹⁷ Сюань Цаншуй — имя духа горы.

¹⁸ Сложное для понимания место.

¹⁹ Утес Желтого императора не локализован. Некоторые ученые считают его одним из пиков горы Куайцзи [Чжан Цзюэ 1993: 246].

²⁰ Раздел «Сяо я», песнь «Синь Наньшань».

Куем²¹. Достигая знаменитых гор или больших водоемов, вызывал духа того места и спрашивал, где начинаются [цепи] гор, откуда текут реки, где есть золото, яшма, звери и твари каких пород там обитают, какие обычаи у народов восьми сторон света, какие страны и удивительные края, какие расстояния между различными землями. Велел [Бо] И все это записывать, поэтому [книга] называется *Шань хай цзин*²².

В 30 лет Юй все еще не был женат. Когда дошел до [горы] Тушань <в *Куайцзи чжи* («Описание гор Куайцзи») сказано: «[Гора] Тушань расположена в сорока пяти *ли* к северо-западу от [центрального города] уезда Шаньинь». Су Э [в сочинении] *Яньи* писал: «Существует четыре [горы] Тушань: первая — в [горах] Куайцзи, вторая — в Юйчжоу (совр. пров. Сычуань), что на юге Ба, в прошлом — Цзянчжоу, третья — в Хаочжоу, четвертая — в уезде Данту (пров. Аньхой). В *Цзочжуань* под четвертым годом Чжао-гуна говорится: «Му[-ван] собрал на Тушани съезд [удельных правителей]». Седьмой год Ао-гуна: «Юй собрал удельных правителей на Тушани». Ду Юй [в комментарии к *Цзочжуань*] писал: «Находится на северо-востоке [от центрального города уезда(?)] Шоучунь. Говорят, что в нынешней провинции Хао». Лю Цзун-юань писал в предисловии к *Тушань мин* («Ода горе Тушань»): «Чжоуский Му[-ван], отправляясь в путь, решил оставить законы, [для этого] повторно собрал [подданных] на горе [Тушань]». Таким образом, Юй и Му-ван собирали удельных правителей на горе Тушань. Однако не обязательно, что это та Тушань, что в Шоучунь. Что касается женитьбы Юя, то неясно, в каком месте она происходила. Согласно *Шуй цзин чжу*, «на северном берегу реки, в уезде Цзянчжоу находится гора Тушань, к югу имеется поминальный храм Ся Юя, кумирня Государя (духа) [горы] Ту, надпись поминального храма хранится там». И Чан Люй, и Юй Чжун-юн считали, что Юй женился там. В *Юэ цзюэ [шуй]* и других сочинениях считается, что женитьба Юя произошла в Куайцзи на Тушани. В *Ин шао* сказано: «Расположена на севере Юнсин. Юнсин — это современный уезд Сяошань (пров. Чжэцзян)». Это не совпадает с описаниями округа [Куайцзи]. Куайцзи в действительности — это место, где Юй собирал удельных правителей и награждал их по заслугам. Не является тем удельным княжеством, где он женился. Далее написано о чудесном [появлении] белой лисы — это особенно сомнительно».

[Юй], опасаясь, что к старости будут утрачены установленные нормы, объявил: «Чтобы я женился, непременно должно быть предзнаменование!» Тогда пред Юем возникла белая лиса с девятью хвостами. Юй сказал: «Белый цвет — цвет моей одежды, а ее девять хвостов — это признак правителя [девяти областей]».

В песне о горе Тушань поется:

«Крадучись-крадется белая лисица, девять хвостов ее
пушисты-пушисты;
Наша семья и счастлива, и радостна, пришедший гость —
это правитель;
[Он] обзаводится семьей, обзаводится домом, мы привлечены
его славой;
И на Небе, и среди людей распространилась эта [весь]».

Все стало ясно! После этого Юй женился на девушке из Тушань, назвал [жену] Нюй Цзяо. Женитьба [проходила] в дни *синь*, *жэнь*, *гуй*, *цзя* <в *Люйши чуньцю* говорится: «Юй, взяв в жены девушку из рода Тушань, [стремился] из-за личного дела не нанести вреда общему. Со дня *синь* по день *цзя* — четыре дня, после которых вновь отправился усмирять потоки».

[Затем] Юй двинулся в путь. К десятому месяцу Нюй Цзяо родила сына [по имени] Ци. Ци родился, не видя отца, днем и ночью плакал и рыдал.

Юй, странствуя, направил Тай Чжана шагами отмерить [расстояние] между востоком и западом, а Шу Хая — измерить [расстояние] между югом и севером <согласно *Хуайнань цзы*, «Юй направил Тай Чжана шагами отмерить [расстояние] от восточного предела до западной окраины, а Шу Хая — шагами отмерить [расстояние] от южного предела до северной окраины». Сюй Шэнь писал: «Тай Чжан и Шу Хай — хорошие ходоки, подданные Юя»>. Выяснили, какова ширина [земли] между восемью пределами, посчитали, каково расстояние между Небом и землей.

Когда Юй, переправлявшись через Янцзы на юг, изучал принципы течения рек, желтый дракон поднял на спине [его] лодку. Люди в лодке перепугались. Юй расхохотался <[в тексте] передано звучание смеха, в *Ицзине* в описании триграммы *чжэнь* («гром») смех передан звуками «ха-ха», по звучанию похожи> и со смехом сказал: «Я же получил повеление Неба. У людей трудом истощены силы. Рождение — это природа, смерть — это судьба. Чего же вы [боитесь] ?» Цвет [его лица] несколько не изменился. Обращаясь к людям в лодке, сказал: «Это [признак того, что] все, что делает Небо, служит мне». Дракон, взмахнув хвостом, оставил лодку и исчез.

[Юй] на юге, дойдя до Цаньфу <согласно *Тангун*, Шунь похоронен на поле в Цаньфу, согласно *Шицзи*,

²¹ Бо И и Куи — помощники мифических императоров Яо, Шуня и Юя.

²² Шань хай цзин («Канон гор и морей») — один из древнейших памятников китайской письменной традиции, содержащий древнейшие сведения о сакральной географии древнего Китая.

Шунь умер на поле в Цаньфу, похоронен на [горе] Цзюи; в наше время гора Цзюи находится в шестидесяти *ли* к югу от [центрального города] уезда Нинъюань провинции Дао, другое название — гора Цаньфу», увидел связанного человека. Юй обнял его со спины и заплакал. [Бо] И сказал: «Этот человек преступил закон. Поделом ему. Зачем же плакать?» Юй изрек: «Если в Поднебесной установлен порядок, то народ не терпит бед. Если порядка нет, то преступления совершают и те, кто честен. Я слышал, что если даже один мужчина не обрабатывает землю, то из-за этого голодают. Если даже одна женщина не занимается шелководством, то из-за этого мерзнут. Я ради императора упорядочиваю потоки, привожу землю в порядок, чтобы народ пребывал в спокойствии. Он нарушил закон. Это признак того, что у меня недостает добродетели и я не могу изменить людей, от этого и рыдаю!»

После той встречи он объехал все земли. На востоке изучил [места], куда не ступала нога человека, на западе дошел до [гор] Цзиши²³ <согласно *Ди чжи*, [горы Цзиши находятся] в юго-западной части уезда Хэгуань в провинции Цзиньчэн, на территории современного уезда Лунчжи в провинции Чжэн>. На юге перевалил через [горы] Чيانь <согласно *Шуй цзин* [*чжу*], в южной части уезда Синьань есть гора Байши, которая также называется Гуанъян. Река называется Чيانь²⁴>. На севере пересек [горы] Ханьгу²⁵ <Лю Сян в сочинении *Белу* [писал]: «В Янь имеется ущелье Шугу («Ущелье проса»). Прекрасное место, но холодное. Не растут злаки. Там живет Цзоуцзы, играет на флейте, и от этого дует теплый ветер». В оде *Цзосы* говорится: «Ущелье Холода богато просом, поскольку [Цзоуцзы] играет на флейте, чтобы прогреть его»>. Поднимался на [гору] Куньлунь <согласно *Куньлунь шю* («Повествование о Куньлунь»), гора Куньлунь имеет три яруса. Нижний называется Фаньтун, другое название — Баньсун. Средний называется Сюаньпу, другое название — Ланфэн. Верхний называется Цэнчэн, другое название — Тяньтин. Согласно *Дили чжи*, [гора Куньлунь] расположена к западу от Линьцян, там берет начало Хуанхэ²⁶>. Обследовал [горы] Люху²⁷. [Изучил] принципы прохождения меридианов земли. Дал названия металлам и минералам, описал Люша («Текущие пески»), что на западной окраине <согласно *Дили чжи*, Люша расположены к северо-западу от Цзюйяни (авт. р-н Внутренняя Монголия). Ду Юй писал: «Люша находятся в восьмидесяти *ли* к западу от [административного центра] провинции Ша. Песок движется, подчиняясь ветрам, поэтому называется Люша („Текущие пески“)>. Проложил путь к северу от [реки] Хань до реки Жошуй («Слабая вода») <согласно *Дили чжи*, Жошуй находится в уезде Шаньдань (пров. Ганьсу) в округе Чжанье. Лю Цзун-юань писал: «Вода мягкая, не удержит листок на поверхности. Если бросить листок в воду, то тонет и опускается до самого дна, поэтому называется Жошуй („Слабая вода“)>. Воды Цинцюань и Чиюань раздельно входят в пещеру, через которую протекает река, текут на восток до Цзешу. <Согласно *Дили чжи*, [Цзешу] находится в юго-западной части уезда Лижун в округе Бэйпин. В южной части современной провинции Пин (совр. пров. Хэбэй)>. Расчистил затоны и омуты девяти рек²⁸, открыл путь для пяти рек²⁹ на северо-востоке. Пробил [горы] Лунмэнь³⁰ <согласно *Ди чжи*, [горы Лунмэнь] расположены в уездах Фэнье и Сяян. В наше время это уезд Лунмэнь в центральной провинции Хэчжун>. «Отворил врата» для [реки] И <[врата] расположены в пятидесяти *ли* к юго-западу от [города] Лоян; Юй прочистил русло реки; две горы стоят друг против друга, по виду напоминая ворота; река И протекает между ними и течет на север, поэтому [в тексте] сказано «врата реки И»>. Привел в порядок земли. Осмотрев их, поделил на области. В различных местностях появилось то, что можно отправлять в качестве дани. Народ стал спускаться с гор, возвращаться в Срединное государство.

Яо сказал: «Хорошо, закрепляйтесь здесь, в [области] И»³¹. Тогда стал величать Юя бо Юй, назначил на должность *сыкун*, даровал фамилию Сы. [Юй] возглавил объединение областей, объездил двенадцать частей [страны]³².

Когда Яо почил, Юй носил траур в течение трех лет, как если бы умерли родители. Рыдал день и

²³ Горы Цзиши расположены на территории совр. пров. Ганьсу.

²⁴ Чيانь («Красный берег») — приток р. Лошуй в пров. Хэнань. Поскольку локализуется отнюдь не на юге, возникает сомнение, что речь идет именно о реке. Логичнее предположить, что имеются в виду горы Чيانь, расположенные на территории совр. пров. Цзянсу [Чжан Цзюэ 1993: 251].

²⁵ Горы Ханьгу («Ущелье холода») расположены к северу от г. Пекина. Второе название — Янгу.

²⁶ Горы Куньлунь — горный массив, расположенный на территории пров. Сицзян.

²⁷ Люху — здесь говорится о горах Сюаньху, расположенных на территории пров. Шэньси [Чжан Цзюэ 1993: 252].

²⁸ Под девятью реками подразумеваются девять участков реки Хуанхэ [Чжан Цзюэ 1993: 253].

²⁹ Пять рек — северные притоки р. Янцзы, впадающие в нее к востоку от г. Ухань [Чжан Цзюэ 1993: 253].

³⁰ Горы Лунмэнь («Драконовы врата») — расположены на территории совр. пров. Шэньси и Шаньси.

³¹ Область И — Ичжоу, одна из девяти областей, расположенная в центре Срединного государства.

³² Согласно историческому преданию, отраженному в *Шуцзине*, Юй разделил страну на девять областей, Шунь же из области Ичжоу выделил области Ючжоу и Бинчжоу, а из области Цинчжоу — область Инчжоу [Чжан Цзюэ 1993: 253–254].

ночь. Не мог произнести ни слова.

Юя оставил престол в пользу Шуня. Шунь повысил великого Юя, назначив его на должность *сыту*. Внутри [страны] Юй помогал Шуню править, вовне — объездил девять *бо*. Шунь почил. Оставляя престол, повелел Юю занять его. Юй три года носил траурные одежды, тело иссохло, а лицо почернело. Уступил престол Шан Цзюню³³. Ушел в отставку и жил к югу от горы Яншань <согласно комментарию Лю Си к *Шицзи*, это современный город Янчэн в Инчуани (пров. Хэнань)>, к северу от Инья. Люди не желали подчиняться Шан Цзюню. Пришли к месту, где поселился Юй. Их внешний вид напоминал перепуганных птиц, взметнувшихся к небу, утраившихся рыб, нырнувших в омут. Днем пели, ночью читали нараспев. Взбираясь на возвышенности, голосили: «Юй покинул нас. Кто будет править нами?!» Юй закончил носить трехлетний траур; пожалев народ, был вынужден занять место императора. Через три года правления проверил результаты. Через пять лет его власть укрепились. Обойдя Поднебесную, вернулся в Великое Юэ, взшел на гору Маошань («Тростниковая») <согласно комментарию к *Шицзи*, Юй, дойдя до Великого Юэ, взшел на гору Маошань («Росток»); согласно *Ши дао чжи* («Описание десяти областей»), гора Куайцзи первоначально называлась Маошань («Тростниковая»), другое название Маошань («Росток») >, дал аудиенцию подданным всех четырех сторон, провел смотр удельных правителей Средних областей. Хоу Фанфэн, явившийся последним, был казнен. Этим было показано, что весь народ, вся Поднебесная полностью подвластны Юю. На большом съезде обсудили способы управления государством. Внутри [страны] одобрил заслуги [духа горы] Фушань в упорядочении областей. Вовне — распространял мудрость и добродетель, дабы следовать воле Неба. Тогда же переименовали гору Маошань в Куайцзи. Потом передал государственное управление. Народ отдыхал. Государство называлось Сяхоу. Имевшие заслуги получали уделы, обладавшие моральными качествами-*дэ* наделялись титулами. Не было ни одного даже самого мелкого преступления, которое не было бы наказано. Поднебесная относилась к нему как дети, думающие о матери, как сыновья, возвращающиеся к отцу.

Оставался в Юэ. Опасаясь, что чиновники не будут следовать [долгу], [Юй] сказал: «Я слышал, кто ест плоды, тот не должен ломать ветви, кто пьет воду, тот не должен засорять источник. Я обрел книгу на горе Фуфу, покончил с бедствиями в Поднебесной, в результате народ возвратился в свои родные места. Добродетель, разве можно забывать о ней?!»

[Юй] принимал советы, прислушивался к увещаниям. Умиротворенные люди возводили дома, уходя в горы, рубили деревья для городов. Разрисовывая, изготовляли штампы. Из широких бревен делали ворота. [Юй] урегулировал меры веса, уравнивал меры сыпучих тел. Вырыл колодцы. Дал народу законы и нормы.

Фениксы селились на деревьях, рядом вили гнезда другие диковинные птицы, *цилини* расхаживали во дворах, птицы обустривались на водоемах.

[Юй] дожил до преклонных лет. Став стариком, печально изрек: «Моя жизнь близится к закату! Ее срок истекает! Пора остановиться!» Приказал сановникам: «Я [первый] для сотен поколений потомков, похороните меня на горе Куайцзи в тростниковом гробу, в тунговом саркофаге <в *Мо-цзы* говорится: «Юй похоронен на [горе] Куайцзи в трех лисьих шубах, в тунговом саркофаге [толщиной] в три *цуня*» >. Выкопали могилу в семь *чи*, не дошли до грунтовых вод. Насыпали курган высотой в три *чи*, [утрамбовали] землю уступами в три яруса. Похоронив, сказали: «[Да будет] неизменна площадь [захоронения], тому, кто поселится здесь, тому, кто будет веселиться здесь, — горе».

После кончины Юя все эти предзнаменования (фениксы, *цилини*) исчезли. Небо признало добродетель Юя, отметило его заслуги. Оно приказало птицам возвратиться и, превратившись в людей, обрабатывать землю. [Птицы] разной величины построились по размеру, двигаясь взад-вперед.

Прцветание и упадок закономерно приходят и уходят. Юй, умирая, передал престол И. И носил траур три года. Думал о Юе, ничем не занимался и не разговаривал. По окончании траура И скрывался от сына Юя, Ци, на южном склоне горы Цзишань <в комментарии к *Шицзи* Лю Си писал: «[Цзишань] находится к северу от Сунгао (пров. Хэнань)» >. Все удельные правители покинули И, и, явившись на аудиенцию к Ци, [они] сказали: «Наш государь — сын императора Юя». Ци вслед за этим занял место Сына Неба, управлял государством в Ся. Придерживался прекрасных [предначертаний] *Юйгуна*. Злаки, которые высаживали в землях всех девяти областей, поступали ежегодно, без перерыва. Ци посылал ежегодно весной и осенью принести жертвы Юю в Юэ. Построил храм предков на вершине горы Наньшань (в пров. Чжэцзян).

После [Ся] Юя сменилось шесть поколений, и императором стал Шао Кан. Шао [Кан] опасался, как бы не пресеклись жертвоприношения Юю. Поэтому он пожаловал одному из простолудинов удел в Юэ. Его звали У Юй. Первоначально, когда [У] Юй получил пожалование, люди жили в горах, хотя и

³³ Шан Цзюнь — сын Шуня, получивший удел в Шан.

получали доходы от «птичьих» полей <согласно *Дили чжи*, на горе есть колодец Юя и храм Юя. Согласно

преданию, внизу имелось множество птиц, которые пропалывали поля. Согласно *Шуй цзин чжу*, эти птицы делали прополку, весной выдергивали корни травы, осенью выклевывали семена сорняков>. Налогов и податей собирали столько, чтобы хватало на расходы по храму и для жертвоприношений. Вновь заселяли долины и возвышенности и обрабатывали землю или охотились на птиц и оленей, чтобы прокормиться.

У Юй жил очень скромно, не строил для себя хором с украшениями. Жил, как живет человек из народа. Весной и осенью приносил жертвы в храме Юя на [горе] Куайцзи <в *Хуанлань* говорится: «Погребение Юя располагается на горе Куайцзи»>. После У Юя сменилось более десяти поколений. Последний государь, ничтожный и слабый, не смог удержаться [на престоле]. Перешел в народ, стал простолудином.

Жертвы Юю прервались более чем на десять лет. Был ребенок, заговоривший сразу после рождения. Он сказал: «Птицы курлычут и гогочут» — и указал на небо. Обращаясь к могиле Юя, сказал: «Я потомок государя У Юя. Я восстанавливаю приношение жертв прежним правителям. Я возобновляю приношение жертв на могиле Юя. Я прошу у Неба счастья для народа ради [восстановления] истинной связи

с духами». Народ возрадовался. Все стали помогать приносить жертвы Юю и все четыре времени года отправляли дань. По этой причине [ему] пожаловали удел и признали потомком юэских государей. Восстановил жертвоприношения правителям Ся.

Согласно собранным предзнаменованиям о «птичьих» полях, стали считать, что народ испрашивал [у правителей] повеления.

После этого у государя был праведный подданный по имени У Жэнь. [У] Жэнь произвел на свет У И. [У] И неустанно занимался защитой государства, не нарушал повелений Неба. У И умер, [правителем] стал Фу Тан. Фу Тан произвел на свет Юань Чана <вместо [иероглифа] *юань* должен быть иероглиф *юнь*>.

[Юань]	Чан	стал	правителем.
--------	-----	------	-------------

Во времена усских *ванов* Шоу Мэна, Чжу Фаня, Хэ Люя [царство] Юэ было гегемоном. Началось с [правления] Юань Чана <в *Юэши цзя* («Наследственный дом Юэ», глава *Шицзи*) [указано] более двадцати поколений до Юань Чана. В *Юэ ши* («История Юэ») господина Гао говорится: «[Дом] Ся от Шао Кана до Цзе насчитывал двенадцать поколений. От первого года Шао Кана, *жэнь-у*, до первого года чжоуского Цзин-вана, *жэнь-у*, — всего одна тысяча пятьсот шестьдесят один год. У напало на Юэ, согласно *Чуньцю*, на тридцать втором году [правления] Чжао-гуна, на десятом году [правления] Цзин-вана.

К	это-
---	------

му времени минуло две тысячи пятьсот семьдесят лет! В Юэ передача государственной власти до Юань Чана разве могла насчитывать только двадцать с лишним поколений?!»>.

Список использованной литературы

- У Юэ чуньцю. — *Чжао Е.* У Юэ чуньцю (*Чжао Е.* Вёсны и осени [царств] У и Юэ). Шанхай, 1937.
- XXIII — *Фань Е.* Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Т. 1–12. Пекин, 1996.
- Чжан Цзюэ 1993. — У Юэ чуньцю цюань (Полный текст «Вёсен и осеней [царств] У и Юэ»). Пер. на байхуа Чжан Цзюэ. Гуйчжоу, 1993.

**Цзюань 4,
часть (вайчжуань) 7
Гоу Цзянь становится вассалом (фрагмент)**

Гоу Цзянь в пятый месяц пятого года [своего правления] (492 г. до н. э.) вместе с *дафу* Чжунем и Фань Ли <согласно комментарию Гао Ю к *Люйши чуньцю*, Фань Ли — выходец из Саньху, что в [царстве] Чу, второе имя — Шао Бо; *дафу* Чжун по фамилии Вэнь, имя — Хуй, [он] выходец из Цзоу (пров. Шаньдун). Цзоу — изначально [владение] Чжужуй. Здесь говорится: «человек из Цзоу, что в Чу», поскольку Цзоу было объединено с Чу; придворный историограф (Сыма Цянь) в главе «Су-ван Мяо Лунь» говорит: «Фань Ли — выходец из Наньяна». Согласно *Лесянь чжуань*, [он] человек из Сюй. В *Соинь* говорится: «*Дафу* — официальная должность. Чжун — имя». По другой версии, *Дафу* — это фамилия, так же, как Сыма, Сыкун. В наше время *дафу* — название должности. Если считать, что *Дафу* — это фамилия, то неужели *дафу* Пан, так же, как и *дафу* Гао, это тоже фамилия?!> направились объявить себя вассалами в [царство] У. Сановники, проследовав за ними до [реки] Чжэцзян, на берегу устроили проводы <иероглиф (祖) (цзу, «проводы») означает «устраивать прощальную трапезу перед отбытием»>. Войско разместилось в Гулине <[Гулин] — это город, в котором Фань Ли обучал войска. Согласно *Шуй цзин чжу*, [река] Чжэцзян протекает к северу от города Гулин, построенного в древности Фан И на берегу реки Чжэцзян. [Фан Ли] считал, что на берегу реки можно хорошо обороняться, и назвал его Гулин. В наше время это Силин. [Первый иероглиф] в наше время — *си* или *шуй*>.

Дафу Вэнь Чжун вышел вперед, чтобы приветствовать [Гоу Цзяня]. Вот его речь:

«Всемогущее Небо ниспосылает и счастье и помощь.

Сначала падение, потом подъем.

Беда — корень добродетели, печаль — обитель счастья.

Тот, кто угрожает другим, гибнет; тот, кто подчиняется, — процветает.

Ван, хотя и идет поневоле, впоследствии не будет несчастлив.

Разлука государя с нами, подданными, трогает даже

Небесного Императора.

Все подданные в печали, нет никого, кто бы не был охвачен горем.

Позвольте мне, вашему подданному,

Преподнести вам яства и поднять три тоста».

Юэский *ван* поднял голову, посмотрел на небо и, тяжело вздохнув, поднял кубок. У него выступили слезы. Он молчал, не произнося ни слова.

Чжун вновь вышел вперед с приветствием:

«Великий *ван*! Ваши добродетель и долголетие

Не знают границ, не имеют пределов.

Небо и Земля получают благосклонное покровительство божеств и духов.

Нашему *вану* щедро даровано благополучие,

Покровительство [божеств] всегда с вами.

Добродетель уничтожает все несчастья.

Выгода приносит счастье.

Уезжаете к ускому двору, вернетесь в юэское государство.

Кубок поднят, прошу разрешить провозгласить здравицу».

Юэский *ван* сказал: «Я, унаследовав добродетели прежних *ванов*, оберегал государство на границе. Счастливо пользуясь советами всех *дафу* (сановников), охранял могильные холмы прежних *ванов*. Ныне же опозорен, осмеян всей Поднебесной. В этом только ли моя вина? Или ответственность ложится на всех *дафу*? Я не знаю, в чем мое преступление, желаю, чтобы вы высказали свое мнение».

Дафу Фу Тун <в *Шицзи* — Фэн Тун> сказал: «Все ли так просто, как вы говорите? В прошлом [Чэн] Тан⁴ был заключен в Сятай, „Сясской башне“ <в *Шицзин*, в разделе „Ся цзи“ („Записи о Ся“), [от лица] Цзе⁵ говорится: „Я раскаиваюсь, что в свое время не убил [Чэн] Тана в „Сясской башне“. Согласно *Соинь*, „Сяская башня“ — название тюрьмы. В Ся называлась Цзюньтай. В *Хуанфу ши* говорится: „Находится в Янди (пров. Хэнань или Шэньси)“, и Инь не покидал его. Вэнь-ван был заточен в Хоуши <согласно *Дили чжи*, в [уезде] Танинь [провинции] Хэнэй был город Цзянли, где был заключен Си Бо (Вэнь-ван). Когда здесь говорится о Хоуши, подразумевается, что это строение, в котором он был заточен>. Тай-гун не оставлял своего государя. Процветание и упадок зависят от Неба,

⁴ Чэн Тан — первый император Инь.

⁵ Цзе — последний правитель династии Ся.

существование и гибель зависят от людей. [Чэн] Тан [до победы над Ся] изменил манеру поведения и заискивал перед Цзе. Вэнь-ван подчинился и понравился Чжоу. Ся и Инь опирались на насилие и жестокое обращение с этими двумя мудрыми мужами. Оба государя ограничивали, сдерживали себя во имя обретения Небесного пути, поэтому Тан-ван не опечалился своим безвыходным положением, а чжоуский Вэнь-ван не считал свое трудное положение наказанием».

Юэский ван сказал: «В прошлом Яо назначил Шуня и Юя, и Поднебесная пребывала в порядке. Хотя имелись бедствия, причиненные потопом, но для людей не было вреда. Стихийные бедствия не приносили бед народу, а тем более правителю».

Дафу Ку Чэн сказал: «Все не так, как вы, ван, говорите. Небо определяет судьбу, добродетель может быть и велика и незначительна. Желтый император не разрешил Яо передавать [по наследству престол] Сына Неба. [В эпоху] трех ванов подданные убивали своих государей, в эпоху пяти гегемонов сыновья убивали своих отцов. Добродетель бывает широкой и узкой, души бывают возвышенными и низменными. Нынешний мир подобен рынку, на котором люди, выставляя товары, обманывают других, строя козни — поджидают врагов. Если не повезло и попали в беду, то стремятся только к тому, чтобы выбраться из нее. Вы, великий ван, не видите этого, в вашем сердце таится то радость, то гнев».

Юэский ван сказал: «Те, кто доверяет людям, не позорят себя, те, кто полагается только на себя, приносят опасность своему государству. Вы, сановники, строя планы на будущее, еще не доведя их до конца должным образом, уже превзошли врагов, разбили недругов. Сидя на своих местах, сулите счастье [размером с] гору Тайшань. Я же сейчас нахожусь в тяжелом положении, а вы говорите, что [Чэн] Тан и Вэнь[-ван], пережив все бедствия, стали гегемонами. Зачем вы говорите вопреки принятым правилам ритуала и поведения? Ведь благородные мужи стремятся не упускать ни мгновения, чтобы время не пропадало, оно дороже жемчуга и нефрита. А я, желая избежать горя, войны, наоборот, попал в руки противника. Стал рабом, [моя] жена стала прислугой. Я пойду туда и не вернусь обратно. Как чужак умру во враждебном государстве. Если моя душа обладает <в этом месте должен быть иероглиф со значением «знать»> [знанием того, что происходит], то ей должно быть стыдно перед прежними правителями. Безвестное тело выбросят. Почему ваши слова, вельможи, не соотносятся с моими мыслями?».

После этого дафу Чжун и Фан Ли сказали: «Слышали, что древние люди говорили: „Если жить не уединенно, то стремления не будут широкими. Если тело не страдает, то мысли не станут глубокими“. Мудрейшие ваны, мудрые правители — все попадали в беду, терпели несчастья, бывали опозорены, но они продолжали жить. И имя их [по-прежнему] вызывало уважение. Тело их было опозорено, но они пользовались славой. Находились в униженном состоянии, но не считали это злом. Находились в опасности, но не считали это стеснением. Хотя пять императоров обладали великими добродетелями и не попадали в такое досадное положение, но все же им доводилось беспокоиться [в пору] наводнений. [Вэнь-ван] трижды побывал в позорном положении, не мог ускользнуть от бед у трех пиков, проливал слезы, но терпел обиды, ходил с плачем, став рабом, но начертал гексаграммы И[цзина] <Сыма Цянь пишет: „Си Бо, когда он находился под арестом, начертал гексаграммы“. Небо помогло ему. Время прошло, надеяться было не на что. Когда пройдет несчастье, наступит счастье>. Чжухоу, все вместе спасавшие вана, видели красногривых [лошадей] и чернобурых лисиц <в Лютао, написанном Тай-гуном, говорится: „Шанский ван арестовал чжоуского бо по имени Чан

в

Цзянли“.

Тай-гун дал Сань И-шэну десять золотых, чтобы достать самые драгоценные вещи в Поднебесной для освобождения правителя. После этого купил красивых лошадей у племени цюаньжун, шерсть тонкая, а грива — красная, глаза подобны золоту, назывались они цзисы. Кроме этого, в Хуайнань цзы говорится: „Сань И-шэн за тысячу золотых достал коней [породы] цзоуной для колесницы, сто кусков черной яшмы, сто связок больших раковин, черных барсов и желтых медведей, зеленых диких собак, белых тигров и еще тысячу штук узорчатых шкур, преподнес [иньскому вану] Чжоу и освободил Си Бо из заключения в Цзянли“. В тексте сказано „чернобурые лисицы“, а должно быть „черные барсы“>. Чиновники, помогавшие ему, связали волосы, разрушили тюрьмы, разбили кандалы. Он возвратился в свою страну, совершенствуя добродетели. В результате он покарал своих врагов и завоевал Поднебесную с такой легкостью, с какой поворачивают ладонь. Поднебесная почитала его заслуги, [слава о] них передается в бесчисленных поколениях. Вы, великий ван, несправедливо обижены. Мы, подданные, сделали все, что могли. Меч, который рубит кость, не имеет остроты, нужной для резания. Копье, которое может пробить металл, не годится для расчесывания волос. Служилые мужи, создающие политику, не могут дать подходящий совет. Теперь мы, ваши слуги, изучили состояние небес и положение на земле. Оба начала зародились одновременно, бытие и небытие несовместимы — если они (усцы) процветают, то мы в позорном положении. Если мы станем гегемонами, то они погибнут. Два государства борются за свою судьбу, неизвестен результат, к которому они придут. Правитель в опасности — это предопределено Небом, и незачем горевать! Ведь счастье — преддверие несчастий, удача — корень бедствия. Хотя вы, ван, сейчас переживаете пору лишений, кто знает, не предзнаменование ли это грядущих радостей?!»

Дафу Цзи Ни <в Юэ *цзюэ* [иу] «Ни» записано другим иероглифом. В *Ши[цзи]*, в разделе «Хочжи чжуань», говорится: «Юэский *ван* Гоу Цзянь попал в тяжелое положение в Куайци, он взял на службу Фань Ли, Цзи Жаня». В комментарии Сюй Гуана говорится: «Цзи Жань — учитель Фань Ли, имя [Цзи Жаня] — Янь. Поговорка гласит: „Янь и Сан считают в уме“. Пай Инь, ссылаясь на Фань Цзы, говорил: „Цзи Жань — человек из Пушана, что в Куйцю, фамилия — Синь, второе имя — Вэнь-цзы. Его предок, Гун-цзы, бежал в царство Цзинь. Странствуя по Югу, прибыл в Юэ. Фань Ли учился у него“». Цань Му писал: «[Фань] Ли является автором книги, которая называется *Цзижань*». Это неверно. В *Ханьшу* приводятся таблицы [с именами] современных и древних людей. Цзи Жань упоминается в четвертой [части]. *Ни* и *янь* близки по звучанию, поэтому и возникла путаница» сказал: «Теперь ваше государство в Куайци. Вы пребываете в бедственном положении оттого, что отправляетесь в У. [Ваши] слова полны горя и страдания, все ваши слуги плачут. Хотя в сердце ненависть, нет никого, кто не был бы тронут, но зачем же вы, государь, произносите оскорбительные слова, переходите на крик и допускаете взаимное уничтожение? Я, ваш подданный, искренне не принимаю этого».

Юэский *ван* сказал: «Я скоро отправлюсь в У и возлагаю ответственность за страну на *чжухоу* и *дафу*. Желаю, чтобы каждый высказал свои соображения, я подчинюсь им».

Дафу Гао Жу сказал: «Я, ваш подданный, слышал, что *дафу* Чжун предан и благоразумен, люди уважают его знания, ученые охотно помогают ему. Теперь, если поручить государство одному человеку, он его, несомненно, сохранит. Зачем по собственной воле возлагать ответственность на большое [число] сановников?» <иероглиф *фо* означает «большой», в *Ши[цзине]*, согласно комментарию [Ван] Би, его значение также «большой». Смысл таков: достаточно поручить одному человеку; зачем, следуя желанию сердца, возлагать ответственность на большое число сановников?».

Дафу И Юн сказал <в *Цзочжуань* назван Хоу Юн, в *Гоюй* назван Шэ Юн>: «*Дафу* Вэнь Чжун — главная опора государства, когти и зубы правителя. Это лучший скакун, и нет другого, равного ему. Луна и солнце не могут светить вместе. Если вы, государь, поручите государство Чжуну, то все дела будут сделаны как положено, не будет дел, которые он не осилит».

Юэский *ван* сказал: «Наше государство — это государство прежних *ванов*. Мои силы слабы, я беспомощен. Я не могу блюсти алтари духов, приносить жертвы в храме предков. Я слышал, что, когда отец умирает, сын замещает его, когда правитель в изгнании, подданные остаются ему верны. Ныне оставляю дела на всех *дафу*, буду гостем-чиновником в У. Поручаю вам страну и народ, вручаю власть нескольким мужам. Это мое и ваше горе. Правитель и подданные имеют единый путь, отец и сын имеют единое *ци*, такова природа Неба, это естественно. И разве можно считать, что оставшиеся [подданные] верны, а те, кто убежал (т.е. *ван*), неверны. Так почему же вы, *дафу*, обсуждая дело, одни выступаете за, другие — против, заставляя меня колебаться. Ибо поручать страну, назначать мудрых, измерять заслуги, отмечать успевающих — это задача правителя. Осуществлять воспитание, разумно управлять и не ошибаться — это обязанность чиновника. Я желаю, чтобы каждый из *дафу* высказывался сообразно своим способностям. Мне же предстоит только склонить голову [перед государем У] и пребывать в печали».

Цзи Ни сказал: «Все, что вы, государь, произнесли, конечно же, правильно. В прошлом [Чэн] Тан, уезжая в Ся, передал [управление] государством Вэнь Сы. Си Бо, когда поехал в Инь, поручил государство И Лао. Сейчас, задумываясь о задержке [Чэн Таня] в Ся, исполнены решимости вернуться. Подобно [тому] как жена, отправляясь на рынок, наказывает старшему сыну заниматься уборкой, так и государь, отправляясь в неволю, велит подданным оборонять государство. Когда сын спрашивает о делах, подданные обдумывают их сообразно своим способностям. Теперь вы, государь, желаете, чтобы ученые мужи высказали, к чему они стремятся, каковы их чувства. Выдвигая из них способных, обсуждаете их пригодность».

Юэский *ван* сказал: «Суждение *дафу* правильно. Я скоро уйду! Желаю <далее должен быть написан иероглиф со значением «узнать»> [узнать], каковы намерения каждого из вас».

Дафу Чжун сказал: «Внутри держать границы закрытыми, вовне быть готовым к военной страде. [Делать так, чтобы] во время смут не было уехавших ученых мужей, народ сохранял преданность и покорность. Такими будут действия вашего подданного».

Фань Ли сказал: «При опасности помогать в управлении. В существующих условиях поражения страны не стыдиться, а уменьшать беды от постигшего несчастья. Блюсти покой и оборонять поруганные земли. С государем, который уехал, но непременно возвратится, одолевать врагов. Такими будут действия вашего подданного».

Дафу Ку Чэн сказал: «Распространять приказы и объяснять добродетели государя. Устранять все беды, побеждать всех гегемонов. Усмирять беспорядки и подавлять смуты. Способствовать тому, чтобы народ был удовлетворен. Такими будут действия вашего подданного».

Дафу И Юн сказал: «Направлять распоряжения, отправлять с поручениями. Поддерживать мир среди уездных правителей. Распространять повеления, выдавать указания. Одаривать уезжающих,

вознаграждать приезжающих. Облегчать страдания, устранять лишения. Способствовать тому, чтобы не было недоверия, чтобы не забывали о повелениях, не совершали ошибок. Такими будут действия вашего подданного».

Дафу Хао Цзинь сказал: «Единое сознание, общая воля. Вышестоящие поступают сообразно своему положению, а нижестоящие не уклоняются от исполнения приказов. Действовать, руководствуясь повелениями государя. Восстанавливать добродетель исходя из долга, укреплять доверие, хранить старое. Не сомневаться, что, когда правитель совершает ошибку, подданные [должны] увещевать его. Быть прямым и искренним, не падать духом, устранять ошибки и принимать участие в поддержании порядка. Не опираться на родственников и соседей. Не исходить из личного во внешней [политике], всецело посвятить себя государю. Такими будут действия вашего подданного».

Дафу Чжуцзи Ин сказал: «Расставлю [военные] подразделения лицом к врагу, под летящими стрелами подниму войска, которые будут попирали трупы [врага], проливать ручьями его кровь; упорно пойдут вперед, не отступят. Две армии совместными [усилиями] справятся, разобьют врагов; обрушатся на их толпы своей мощью, вторгнутся на территории [других] уделов. Такими будут действия вашего подданного».

Дафу Гао Жу сказал: «Совершенствовать добродетель, распространять благодеяния, успокаивать и утешать народ, брать на себя его горе и работать до изнеможения, действовать всегда самостоятельно; оплакивать умерших, оказывать поддержку страждущим; спасать жизни и людские судьбы; хранить старое, сберегать новое. [Делать так, чтобы] в пище [верхов и низов] не было двух разных вкусов, чтобы государство было богато, а народ — зажиточен. Ради правителя воспитывать достойных. Такими будут действия вашего подданного».

Дафу Ци Ни сказал: «Наблюдать небо, исследовать землю, записывать изменения времен года; наблюдать изменения [созвездия] Шэнь (Орион), появление стихийных бедствий; различать добрые и злые предзнаменования, цвет луны и солнца; как располагаются и движутся звезды пяти сторон [небосвода]. Когда выявляются [признаки] счастья, знать, что это благоприятное предзнаменование; когда выявляются [признаки] несчастья, знать, что это неблагоприятное предзнаменование. Такими будут действия вашего подданного».

Юэский ван сказал: «Хотя я и уезжаю в северное государство и становлюсь пленником У, однако у меня есть вы, почитающие добродетель, обладающие мастерством. Каждый несет свою долю [ответственности], защищая престол. Могу ли беспокоиться?»

После этого они расстались на берегу реки Чжэцзян. Подданные плакали, не было никого, кто бы не горевал. *Юэский ван* поднял голову к небу и со вздохом сказал: «Смерть — это то, чего боится человек. Если бы я думал о смерти, разве в глубине души мог не тревожиться?» После этого взошел на судно и сразу же уехал, до конца [переправы] не оглядывался.

Супруга юэского *вана* оперлась [о борт] судна и, рыдая, глядела на ворон и сорок, которые клевали креветок на отмели Янцзы и то улетали, то прилетали вновь. Затем с плачем запела:

«Подниму головушку — птицы летят. Ой-ли! Вороны да коршуны.
Пронзают синь небесную. Ой-ли! Величавы как!
Слетаются на отмели. Ой-ли! Изобильем не нарадуются.
Нахватав в клювы креветочек, воспаряют. Ой-ли! Среди облаков,
Унося их, растворяются. Ой-ли! Улетая, возвращаются.

Я ж и вовсе не виновная. Ой-ли! Уступили земли.
Ну, и в чем же преступление? Ой-ли! Покарало Небо.
Но и это лишь начало. Ой-ли! Отправляемся на запад мы.
И кто знает, возвратимся ли. Ой-ли! Да в каком году?
В сердце только горе горькое. Ой-ли! Как разрезано.
Печаль <в *Шицзине*: „Печаль в сердце, горе горькое“>.
Слезы каплют каплями. Ой-ли! В два ручья».

А затем тоскливо запричитала:

«Те птицы летят. Ой-ли! Вороны да коршуны.
О! Все кругом кружатся. Ой-ли! Покориться иль опомниться.
Сердце только этим полнится. Ой-ли! Бедные креветочки!
Где живете, чем питаетесь? Ой-ли! Над Янцзы и над озерами
Покружившись, вновь вернетесь вы. Ой-ли! И из странствия
воздушного

Удалившись, вновь воротитесь. Ой-ли! О, увы!
Принялся за дело государь. Ой-ли! Удалился из дому,
Завершилась наша жизнь. Ой-ли! В государевы владения
Наконец придет удача ли? Ой-ли! В чем же счастье?
Ты покинул нашу родину. Ой-ли! Отбыл в У,

У жены одежды бедные. Ой-ли! Служанкой стала я.
Муж остался без венца. Ой-ли! Стал прислужником.

Годы в дали-далеке. Ой-ли! Трудно вынести.
До чего обидно, боль-тоска. Ой-ли! В сердце скорбь.
В душе тысяча узелков. Ой-ли! Навсегда они запомнятся.
О, горе-горюшко. Ой-ли! Позабыла о еде совсем.
Я мечту одну лелею. Ой-ли! Стать бы птицею,
Воспарить-парить бы в воздухе. Ой-ли! Я расправила бы
крылышки.
Улетела бы на родину. Ой-ли! Сердце гневно содрогается.
Возмущеньем переполнено. Ой-ли! Кто бы мог узнать».

Юэский *ван*, слушая заунывное пение жены, всем сердцем сильно тосковал. Он сказал: «Нечего горевать, у меня приготовлено шесть перьев!»

После этого прибыл в У, предстал перед Фу Ча. Бил челом дважды и, называя себя подданным, произнес: «Дунхайский ничтожный подданный Гоу Цзянь, стыжусь пред Небесным Императором и винюсь пред Повелителем земли. Не рассчитывал своих сил. Оскорбил воинов *вана*. Подвергся справедливому возмездию на границе. Великий *ван* простил мое тяжкое преступление, только возложил на меня обязанности подданного. Приказал [мне] взять совок и метлу. Искренне принимаю щедрые милости, благодаря которым могу, сохраняя [жизнь], ждать перемен в [своей] судьбе. Подданный Гоу Цзянь кладет земной поклон и бьет челом».

Уский *ван* сказал: «Мы в отношении тебя тоже переусердствовали. Ты не будешь вспоминать о правителе со злопамятством».

Юэский *ван* сказал: «Если смерть — то смерть. Но все же, великий *ван*, помилуй меня...»